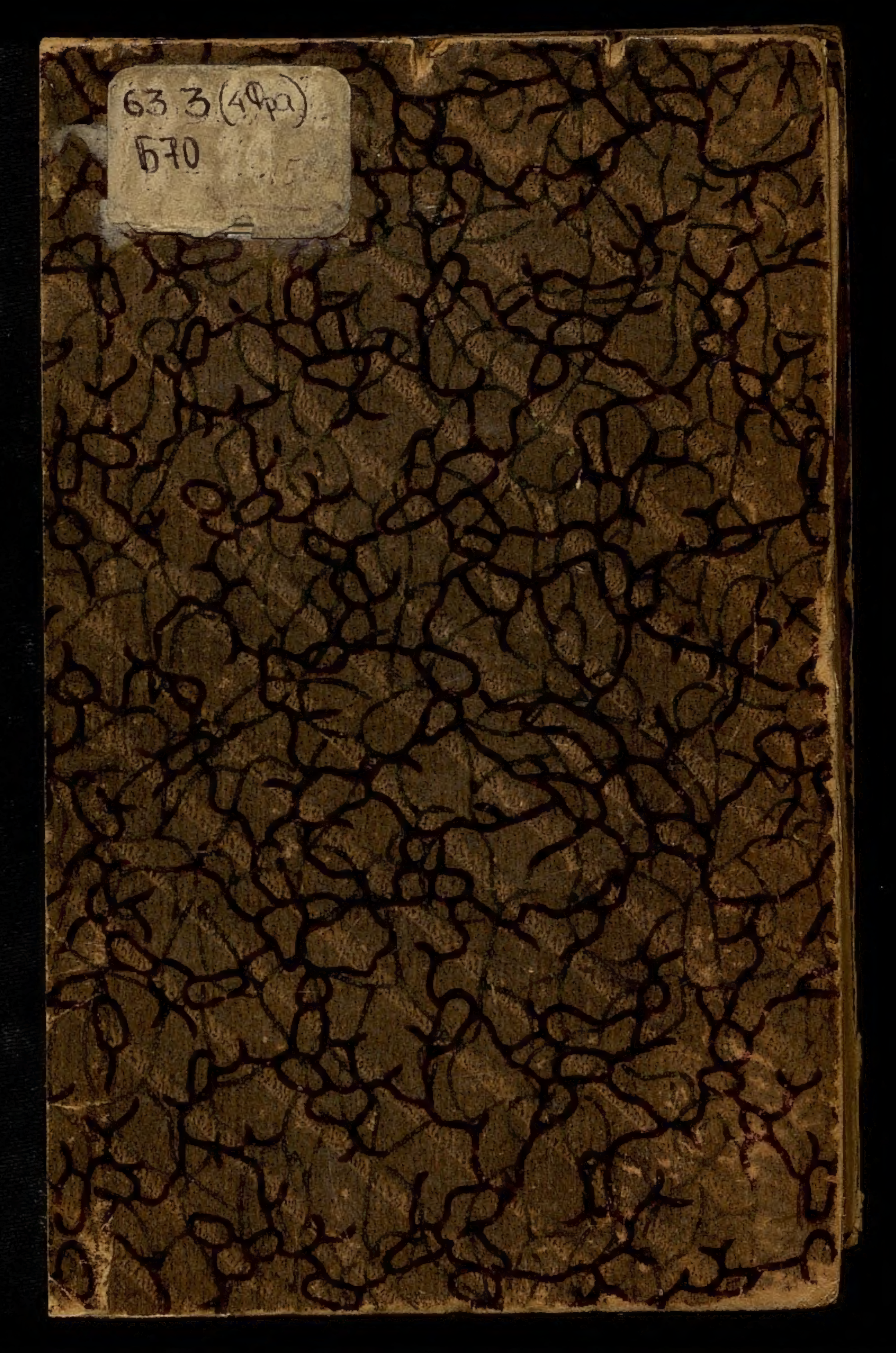
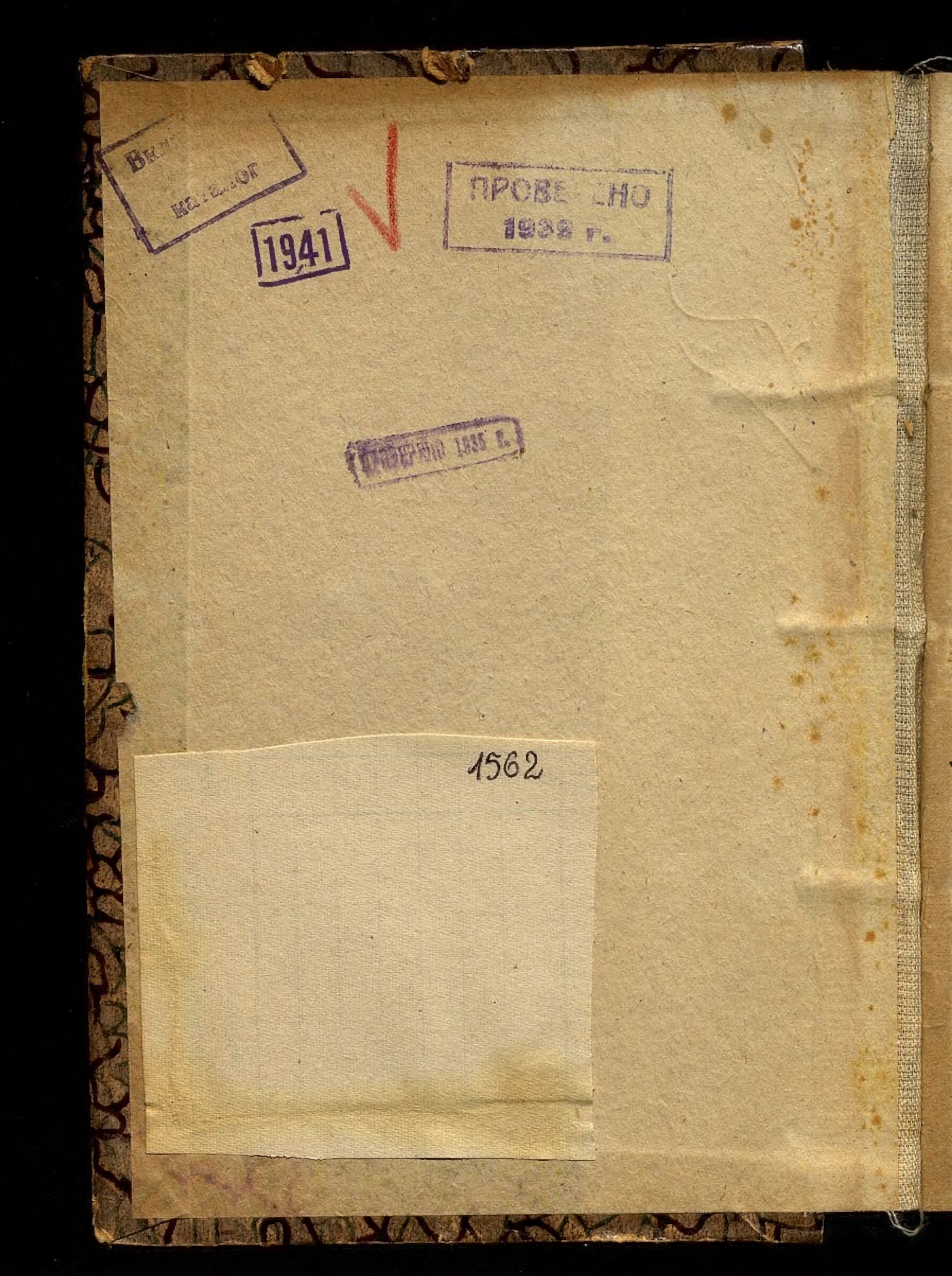

1941
1939 г.
1562

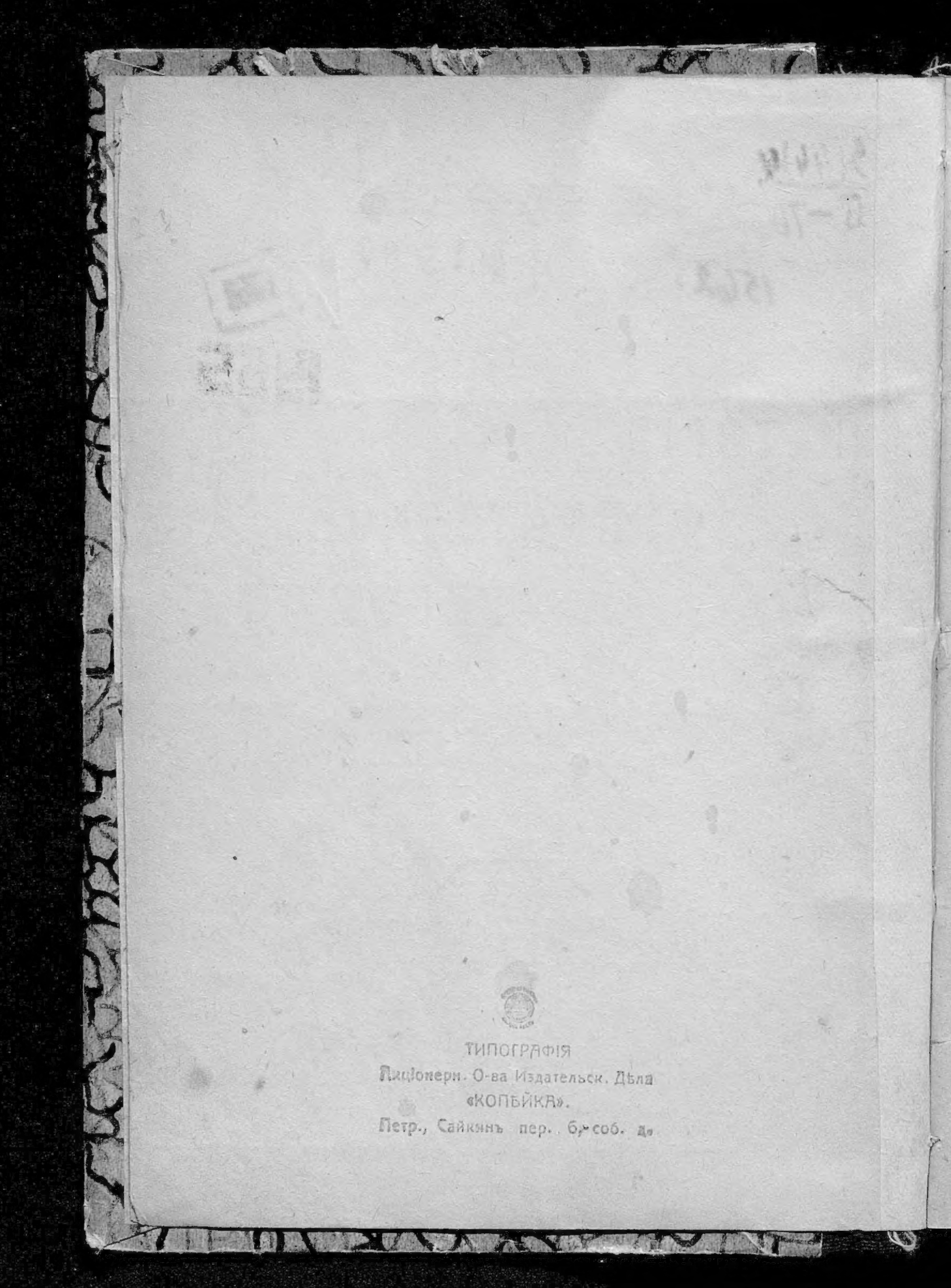
В. БЛОСЪ.

ИСТОРІЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

Переводъ съ нѣмецкаго.

Изданіе Петроградскаго Совѣта Рабочихъ и Красноармейскихъ Депутатовъ.
Петроградъ, 1919.

ТИПОГРАФІЯ
Акціонерн. О-ва Издательск. Дѣла
«КОПѢЙКА».
Петр., Сайкинъ пер., 6, соб. д.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Цѣль нашей книги—дать картину того великаго переворота, который произошелъ во Франціи въ концѣ восемнадцатаго вѣка и столѣтіе котораго предстоитъ отпраздновать въ будущемъ году (писано въ 1888 г.). Размѣръ нашей книги опредѣлился другимъ обстоятельствомъ: желаніемъ, чтобы она проникла въ широкіе слои народа.

Въ нашемъ изложеніи мы придерживались матеріалистическаго воззрѣнія на исторію, которое объясняетъ историческія событія экономическими отношеніями. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, различныя фазы Французской революціи представляются намъ въ видѣ ряда битвъ между различными общественными классами, при чемъ значеніе отдѣльныхъ личностей для насъ объясняется ихъ ролью въ этихъ бояхъ. Революціонное движеніе за это время разгоралось и потухало, а въ соотвѣтствіи съ этимъ и власть послѣдовательно переходила отъ одного класса французскаго общества къ другому. Въ началѣ мы видимъ борьбу привилегированныхъ классовъ съ алчнымъ сребролюбіемъ двора; это послужило началомъ великаго переворота, который, разъ начавшись, не могъ уже остановиться и не продѣлать всѣхъ своихъ фазъ; дѣло въ томъ, что за каждымъ возстававшимъ классомъ выступалъ вдогонку новый, еще болѣе широкій. Борьба привилегированныхъ со дворомъ привела въ движеніе всю буржуазію, все третье сословіе, и привилегированные тогда немедленно заключили союзъ съ дворомъ. На аренѣ появилась новая сила—крупная и либеральная буржуазія, она уничтожила сословныя и наслѣдственныя преимущества и издала конституцію 1791 года, которая должна была, по ея мнѣнію, послужить основаніемъ новаго буржуазнаго общества. Но и средніе, и низшіе слои буржуазіи вмѣстѣ съ пролетаріатомъ увидѣли въ этой конституціи нарушеніе своихъ интересовъ и стали стремиться къ демократическому строю. Какъ только началась эта борьба, конституціоналисты 1791 года и представители крупной буржуазіи сейчасъ же перебѣжали на сторону двора, который они, можно сказать, недавно принудили дать конституцію. Демократическая буржуазія была могущественнѣйшимъ и многочисленнѣйшимъ классомъ, такъ какъ за ней стоялъ пролетаріатъ; она осталась побѣдительницей въ этомъ бою и низвергла монархію. Но буржуазный демократизмъ жирондистовъ не удовлетворилъ широкихъ

массъ народа, шедшихъ за радикально-демократической Горой, и это имѣло своимъ послѣдствіемъ паденіе жирондистовъ, представителей «честной» буржуазіи. Партія Горы со своей конституціей 1793 года тоже не создала прочнаго чисто-демократическаго строя, и господство ея кончилось полнымъ крушеніемъ попытки создать добровольное государство по Руссо.

Этимъ закончился поступательный ходъ революціи; политическая власть снова перешла въ руки поднявшей голову буржуазіи, и она задумала использовать свою побѣду надъ отжившими классами. Но этотъ, уже успѣвшій испортиться, классъ не сумѣлъ создать гарантій здороваго развитія для страны, пережившей такія ужасныя революціонныя бури, и для народа, жаждавшаго покоя; это расчистило путь для военной диктатуры Наполеона Бонапарта, который однимъ могучимъ скачкомъ очутился во главѣ государства и объединилъ въ своей личности всю общественную власть. Въ его правленіе Франція превратилась въ военный лагерь, и народные интересы должны были уступить военной силѣ. Замолкъ голосъ народа въ этотъ военный періодъ. Созданные революціей имущіе классы были на сторонѣ этой военной силы, такъ какъ они видѣли въ ней защитницу своей собственности, и въ этомъ была внутренняя сила военной диктатуры Наполеона.

Легко понять, что такое воззрѣніе исключаетъ возможность односторонности въ изложеніи или партійной тенденціозности. У насъ нѣтъ основаній преслѣдовать историческія личности своей ненавистью, нѣтъ основанія скрашивать грубыя проявленія или разрисовывать безъ зазрѣнія совѣсти ужасныя кровавыя сцены. Главное вниманіе свое мы обращаемъ на соціальныя измѣненія, явившіяся слѣдствіемъ Французской революціи, и на связанныя съ ними громадныя измѣненія въ области мысли и дѣйствительности.

Вкусы различны; могутъ найтись люди, для которыхъ наибольшій интересъ во Французской революціи представляютъ кровавыя и ужасныя сцены эпохи террора и послѣдовавшаго за ней реакціоннаго періода. Наше воззрѣніе не таково. Мы съ полной добросовѣстностью старались отыскать причины кровавыхъ катастрофъ и пытались ихъ объяснить тогдашними условіями. Въ такой великой и всеобщей борьбѣ, въ которой погибъ весь старый міръ и возникъ новый, такія катастрофы понятны и неизбѣжны; по временамъ онѣ принимаютъ жестокій и нечеловѣческій характеръ, потому что такіе моменты, это—моменты историческаго искупленія прежнихъ несправедливостей, моменты, когда угнетенные вспоминаютъ о несправедливостяхъ господствующей власти. Но, признавая неизбѣжность кровавыхъ катастрофъ, мы все-таки остаемся при убѣжденіи, что жестокость всегда остается жестокостью, независимо отъ того, кѣмъ и по какой причинѣ она совершена. Робеспьеръ могъ привести много вѣскихъ доводовъ въ защиту необходимости террора, но знаменитая рѣчь его противъ смертной казни не потеряетъ отъ этого своего значенія.

Съ одной стороны, мы не можемъ не находить смѣшнымъ, когда прописная мораль характеризуетъ кровавыя катастрофы Французской революціи, какъ проявленіе сознательной жестокости и самой обыкновенной злости, но, съ другой стороны, хотя эти жестокости учинены партіей, болѣе симпатичной намъ, чѣмъ та, надъ которой эти жестокости учинялись, мы не станемъ описывать ихъ болѣе мягкими красками. Это было бы насиліемъ надъ исторической истиной, и этого мы будемъ тщательно избѣгать. Партійнымъ пристрастіемъ мы не станемъ руководствоваться и при оцѣнкѣ отдѣльныхъ выдающихся личностей. Въ ужасныхъ бояхъ революціи проявлено было такъ много смѣлости, благородства, самозабвенія, воодушевленія, самопожертвованія, презрѣнія къ смерти и любви къ человѣку, что у насъ нѣтъ словъ выразить свое удивленіе. Но все это мы находимъ у всѣхъ боровшихся партій. Безпристрастный судъ исторіи не можетъ упустить изъ виду того, что всѣ возникшія во время революціи партіи проникнуты были убѣжденіемъ, что ихъ цѣли хороши и справедливы. И только это убѣжденіе сдѣлало ихъ способными жертвовать за свою идею и обнаружить тѣ духовныя качества, которыя вызываютъ наше преклоненіе.

По нашему мнѣнію, историкъ, ищущій истины, обязанъ, описывая историческія событія, отрѣшиться отъ своихъ личныхъ симпатій и антипатій. Можно не питать симпатій ко двору Людовика XVI, но это вѣдь не даетъ еще права отрицать, что Марія-Антуанетта была умна; равнымъ образомъ можно считать политическою необходимостью низверженіе Жиронды, но это вѣдь не обязываетъ отрицать у г-жи Роланъ и геній, и героизмъ.

Мѣсто не позволяетъ намъ перечислить здѣсь работы, которыми мы пользовались при собираніи историческаго матеріала. Мы, однако, вполнѣ откровенно заявляемъ, что въ предѣлахъ дозволеннаго мы въ нашемъ изложеніи пользовались плодами чужихъ трудовъ; все остальное принадлежитъ уже исключительно намъ.

Къ столѣтію 14 іюля, дня, въ который была взята штурмомъ Бастилія и который нынѣ сталъ національнымъ праздникомъ Франціи, вѣроятно, появятся и другія сочиненія на ту же тему; не будетъ недостатка и въ попыткахъ представить въ ложномъ свѣтѣ это великое освободительное движеніе. Мы взяли на себя задачу представить народу этотъ великій переворотъ въ духѣ современнаго демократическаго міровоззрѣнія, представляющаго собою одинъ изъ продуктовъ этого непреходящаго по своему значенію событія. Насколько это намъ удалось,—судить не намъ.

Авторъ.

Канштадтъ. Май 1888 года.

СТАРАЯ ФРАНЦІЯ

[illegible]

мать, что иначе и быть не можетъ: строеніе общественнаго зданія считалось предустановленнымъ [illegible]. [illegible], но отнюдь не [illegible]. [illegible] все разнообразіе и [illegible] все большею тяжестью ложились на народныя массы. Борьба за существованіе, да и самое существованіе все больше превращались для послѣднихъ [illegible] мукой. Въ восемнадцатомъ вѣкѣ новыя идеи начали освѣщать и ту темную глубину, въ которой до тѣхъ поръ царила одна нищета. Мысль о возможности избавленія [illegible]. Но [illegible] стали, пока онѣ не [illegible] и не наткнулись на противодѣйствіе. Тогда уже нуженъ былъ толчокъ для того, чтобы вызвать переворотъ во всѣхъ общественныхъ отношеніяхъ. [illegible] себя [illegible], и общественный строй [illegible]: что раньше было внизу, быстро очутилось наверху, что было наверху, [illegible], какъ въ бездонной пропасти. Феодально-аристократическая [illegible] обрушилась съ страшнымъ грохотомъ. [illegible] революціи. Среди этой [illegible] будущаго [illegible] въ страшныхъ мукахъ [illegible] на свѣтъ новое общество.

Монархія и дворъ.

Франція со времени Людовика превратилась въ неограниченную монархію. Общеизвѣстное выраженіе Людовика XIV [illegible] (L'État c'est moi) [illegible] дѣйствительности. Все, что могло противиться королевской власти, было укрощено. [illegible] не существовало; [illegible] права [illegible] историческимъ. Существовали лишь только ограниченія королевской власти; сами по себѣ они были незначительны, [illegible] слѣдствіи [illegible]: это было [illegible], судебныхъ учрежденій, [illegible] королевскіе указы въ реестръ и придавать имъ этимъ силу закона. Въ тѣхъ случаяхъ, когда парламентъ, [illegible] этимъ установленнымъ [illegible], отказывался внести королевскій указъ въ реестръ и тѣмъ лишить его юридическаго значенія, король лично являлся въ парламентъ, [illegible] указъ и ставилъ вопросъ на баллотировку. Это называли королевскимъ засѣданіемъ. Но если и такое засѣданіе не помогало, то

которыя [illegible] на большую сумму, а также [illegible] отдѣльныя [illegible], при чемъ [illegible] пять полу-шилъ. Это [illegible] получившимъ [illegible]. Въ [illegible] случаѣ были [illegible] результаты [illegible], король приказывалъ внести указъ въ реестръ, и [illegible] только, что онъ [illegible]. Упорная борьба между королемъ и парламентомъ [illegible] обострялась при [illegible] налоговъ, но королевская власть постоянно выходила изъ нея побѣдительницей. Парламенты благодаря этому были популярны, такъ какъ этого заслуживали; состоя изъ представителей привилегированныхъ сословій, они, понятно, заботились только о защитѣ интересовъ этихъ сословій. Но угнетенному народу было пріятно всякое сопротивленіе королю, если бы оно даже [illegible] его интересамъ, и оно же это [illegible].

Людовикъ XIV самымъ широкимъ образомъ пользовался неограниченной властью, которую онъ окончательно установилъ за собой. На государственныя деньги онъ смотрѣлъ какъ на источникъ средствъ, чтобы сдѣлать свой дворъ самымъ блестящимъ и роскошнымъ въ Европѣ; продолжительныя и разорительныя войны, которыя онъ велъ, только истощали страну и не принесли ему никакой выгоды. [illegible] получили при дворѣ [illegible] и [illegible] въ глазахъ народа и Европы Французскую монархію, а странѣ принесло неописуемыя бѣдствія. Можно сказать, что направленіе французской политики въ теченіе [illegible] отъ капризовъ кокетокъ и что [illegible] ханжество, а завтра распущенность. Двадцать пять милліоновъ людей [illegible] подъ капризами какой-нибудь Ментенонъ, Помпадуръ или Дюбарри; [illegible] правительство, когда [illegible] не [illegible].

Людовику XIV слѣдовало регентство безнравственнаго герцога Орлеанскаго; при немъ правительство превратилось въ шайку биржевыхъ спекулянтовъ, и [illegible] мошенническихъ финансовыхъ операцій [illegible] Ло наступило настоящее банкротство. При Людовикѣ XV распущенность двора достигла крайнихъ предѣловъ, а расхищеніе государственныхъ доходовъ въ пользу любовницъ и любимцевъ приняло безумный характеръ. Намъ [illegible] знаменитый сераль, извѣстный подъ названіемъ Оленьяго парка, ко-

Низшее, пролетаризированное духовенство всецѣло обнаруживается [illegible], незначительное меньшинство и [illegible] высшаго духовенства. Дѣло въ томъ, что низшее духовенство ничего не получало изъ крупныхъ церковныхъ доходовъ. Доходъ сельскаго священника колебался между 500 и 700 франковъ; изъ этой суммы они часто должны были еще удѣлять до 100 франковъ на ежегодный «подарокъ» церкви государству. Этотъ духовный пролетаріатъ сложился къ концу восемнадцатаго вѣка; то, что столь многіе представители низшаго духовенства появились впослѣдствіи на сторонѣ революціи, объясняется, такимъ образомъ, его печальнымъ положеніемъ.

Какъ всегда, церковь располагала большимъ числомъ благотворительныхъ капиталовъ, предназначенныхъ на пособія бѣднымъ. Эти благотворительные капиталы были извѣстны подъ именемъ *«достоянія бѣдныхъ людей»*. Во время революціи это обстоятельство причинило много бѣдъ; лицемѣрные попы перенесли этотъ терминъ на всю церковную собственность, и когда стали секвестрировать церковныя имущества, они подняли крикъ, что у бѣдняковъ отнимаютъ ихъ достояніе. Немало глупыхъ бѣдняковъ повѣрили этому и убили не одного революціонера.

Дворянство.

До революціи французское дворянство представляло собой очень многочисленный классъ; но численность его не установлена. Высчитано, что духовенство вмѣстѣ съ дворянствомъ составляли 270.000 человѣкъ, но надо принять во вниманіе, что эти два понятія не были строго разграничены: всѣ высокія, вліятельныя и хорошо оплачивавшіяся церковныя должности и бенефиціи король въ видѣ милости обыкновенно замѣщалъ дворянами. По наиболѣе удовлетворяющему насъ расчету, число дворянъ въ началѣ революціи достигало 140.000 человѣкъ, т.-е. приблизительно, 30.000 семействъ.

Въ бояхъ фронды была сокрушена сила дворянства, и оно съ тѣхъ поръ начало вырождаться; скоро оно превратилось въ смѣшную каррикатуру на грубое, но могучее рыцарство прежнихъ вѣковъ. Исчезли гордые властители замковъ, строго охранявшіе привилегіи своей касты, но стоявшіе на уровнѣ просвѣщенія своего времени и соблюдавшіе патріархальность

по отношенію къ подчиненнымъ имъ людямъ. Помѣстное дворянство обѣднѣло и огрубѣло. Высшее дворянство, изображавшее и науки, [illegible] дворянъ-землевладѣльцевъ, жившихъ въ имѣніяхъ. Провинціальное, такимъ образомъ, [illegible] ное дворянство, [illegible] въ [illegible], и помѣстное. Дворянство почти [illegible] было отъ податей и судебныхъ [illegible] даже отъ [illegible] налоговъ, [illegible] формы [illegible] своихъ [illegible].

[illegible] представителя этого класса считали для себя позоромъ. Дворяне жили или подачками отъ правительства, или отъ доходовъ съ имѣній, или, наконецъ, служили офицерами въ войскахъ. Офицерскія должности были почти исключительно въ рукахъ дворянства, и еще Людовикъ XVI издалъ распоряженіе, имѣвшее цѣлью затруднить буржуазіи доступъ къ офицерскимъ должностямъ.

Придворное дворянство всецѣло зависѣло отъ милости короля и было самымъ несомнѣннымъ представителемъ приверженцевъ стараго порядка; это [illegible], главнымъ образомъ, изъ жалкихъ выскочекъ, распутниковъ и [illegible] людей, не имѣвшихъ совѣсти и не [illegible] справедливости. Были люди, которые старались найти оправданіе въ распутствѣ этого дворянства, а въ придворномъ этикетѣ — утонченныя изящныя формы; но революція прекрасно раскрыла имъ его дѣйствительный характеръ.

Въ теченіе всего періода революціи изъ образованной и просвѣщенной части дворянства вышелъ цѣлый рядъ выдающихся людей и передовыхъ борцовъ. Мирабо, Лафайетъ, Клермонъ Тоннеръ, Ларошфуко, Петіонъ, Барнавъ и, наконецъ, Робеспьеръ — были дворяне по происхожденію. Однако какъ классъ или какъ сословіе, дворянство, естественно, было [illegible] врагомъ тѣхъ [illegible], которыя сопровождали первые шаги революціи. Эмигранты были тѣмъ хуже, что для возстановленія стараго порядка во Франціи они не остановились передъ помощью иностранцевъ.

По мѣрѣ того, какъ дворянство бѣднѣло, оно все больше тѣснило и обременяло крестьянъ, которые должны были [illegible] и нести барщину. Если не буржуа и не всякаго, кто честнымъ путемъ зарабатывалъ себѣ пропитаніе и не

[illegible] не [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] не [illegible], а [illegible] [illegible]. Хуже всего обнаруживалось [illegible] дворянства во время охоты: крестьяне страдали тогда столько же отъ [illegible], сколько и отъ самой дичи.

[illegible] [illegible] не [illegible] [illegible] [illegible] было [illegible] [illegible]. Отмѣтимъ, что, революція рѣзко [illegible] характеръ будущаго общественнаго развитія.

[illegible] [illegible] [illegible] Бомарше въ одной изъ [illegible], [illegible] [illegible] преимущество рожденія въ [illegible] [illegible]. «Что вы [illegible] — говорится въ «Свадьбѣ Фигаро» по адресу [illegible] — вы [illegible] на себя трудъ родиться». [illegible] [illegible] [illegible] въ [illegible] [illegible] [illegible] чудный, а [illegible] не предвидѣлъ, что Бомарше [illegible] ему близкую гибель.

Оба эти сословія, дворянство и духовенство, владѣли двумя третями [illegible] Франціи и платили весьма незначительную сумму налоговъ. Буржуа и крестьяне, которымъ принадлежала только одна треть [illegible] площади Франціи, должны были нести на себѣ [illegible] [illegible] государственнаго [illegible], [illegible] трудомъ своимъ поддерживать существованіе обоихъ другихъ сословій.

[illegible] [illegible] [illegible] Французскую революцію.

Буржуазія.

[illegible] буржуазія [illegible] составляла третье сословіе, она состояла изъ [illegible] [illegible] [illegible] происхожденія, которые [illegible] [illegible] отъ того были ли [illegible], [illegible] ли [illegible] промысломъ и не несли личной службы. Хотя по численности третье сословіе во много и много разъ превышало другія два сословія, оно въ генеральныхъ штатахъ не имѣло большаго численнаго представительства, чѣмъ дворянство и духовенство. Государственныя тяготы тяжелымъ бременемъ лежали на третьемъ сословіи, но по отдѣльнымъ провинціямъ онѣ были распредѣлены очень неравномѣрно.

Состоятельная буржуазія, понятно, больше всего чувствовала высокомѣріе дворянства и тяжесть абсолютизма. Поэтому, какъ всегда, зачатки сопротивленія господству абсолютизма раньше всего [illegible] среди [illegible] буржуазныхъ

[illegible] и неимущими классами [illegible], когда будучи только [illegible] на новую свободу, одинаково желанную для всѣхъ. [illegible] въ дальнѣйшемъ, хотя [illegible], что буржуазный государственный строй, [illegible] принципъ, но тѣ же [illegible] для неимущихъ [illegible], что для имущихъ,—и тогда только [illegible].

Буржуазія, [illegible] образованія, [illegible] рядъ [illegible] общинъ, начавшихъ [illegible] борьбу съ господствовав[illegible] [illegible]. [illegible] про[illegible] [illegible]. Просвѣщеніе и раціоналистическая философія XVIII вѣка пустила глубокіе корни въ средѣ этой буржуазіи; ученія Вольтера, Руссо, Дидро и даже Гольбаха [illegible]. [illegible] буржуазія [illegible] такъ какъ у ней [illegible]. Но въ имущей и образованной буржуазіи [illegible], [illegible] государства. Государственные [illegible] и [illegible] этой буржуазіи.

[illegible] буржуазія [illegible] была [illegible], что общественные [illegible] характеръ. Въ [illegible] было общимъ правиломъ. [illegible] республиками; [illegible] [illegible]. Но среди нихъ не было достаточно единенія, [illegible] централизованной королевской власти. Въ религіозныхъ движеніяхъ XVI и XVII вѣковъ [illegible], и [illegible] XVIII [illegible] абсолютизмъ достигъ уже своего расцвѣта.

[illegible] буржуазія [illegible] подъ тяжестью абсолютизма и [illegible], которыя [illegible]. Но [illegible] слишкомъ сильно, [illegible] революціонный путь.

Ремесло и промышленность.

Въ 1789 году въ Парижѣ было 44 цеха. Во время реформаторскихъ попытокъ министерства Тюрго, о которомъ рѣчь будетъ еще впереди, они были упразднены, но тотчасъ затѣмъ немедленно вновь возстановлены. Это были уже современныя организаціи, и онѣ стояли подъ сильнымъ вліяніемъ полиціи. Можно было думать, что ихъ вновь возстановили только для того, чтобы онѣ платили свой промышленный налогъ. Для принятія въ цехъ были необходимы достиженіе двадцатилѣтняго возраста и четырехлѣтняя ученическая практика. Пробная работа была отмѣнена; при пріемѣ въ цехъ предпочтеніе отдавалось сыновьямъ мастеровъ и мастерицъ.

На цеховыхъ собраніяхъ въ Парижѣ участвовали только члены, платившіе наивысшій размѣръ налоговъ, въ другихъ городахъ — всѣ члены. Правительство опасалось, какъ бы на цеховыхъ собраніяхъ не стали проявляться революціонныя теченія, и полиція стала заботиться объ ограниченіи ихъ. Цехи имѣли депутатовъ, начальниковъ, синдиковъ и адъюнктовъ; вмѣстѣ со всемогущей полиціей они представляли городское управленіе. Торговое сословіе тоже имѣло начальниковъ и адъюнктовъ. Синдики, начальники и адъюнкты, по крайней мѣрѣ, четыре раза въ теченіе года обходили всѣхъ мастеровъ, чтобы убѣдиться въ томъ, исполняютъ ли они цеховыя правила и какъ себя ведутъ подмастерья, ученики и приказчики. Когда они находили правонарушенія, они докладывали о нихъ депутатскому собранію, призывавшему обвиняемыхъ къ себѣ для внушенія, въ случаѣ же повторныхъ правонарушеній депутатское собраніе предавало ихъ суду.

Профессіи дѣлились на свободныя и несвободныя. О занятіи свободной профессіей достаточно было только заявить полицейскому офицеру; къ свободнымъ профессіямъ относились: бѣленіе, производство щетокъ, чесаніе шерсти, торговля цвѣтами, парикмахерское, канатное дѣло, торговля старымъ платьемъ, приготовленіе [illegible], торговля льдомъ, [illegible], садоводство, торговля пряниками, обученіе танцамъ, приготовленіе [illegible], торговля птицами, выдѣлка корзинъ, вѣнковъ изъ розъ, пробокъ, крючковъ, содержаніе бань, подметаніе улицъ, трепаніе льна. Однако, и свободныя

профессій находились подъ угрозою [illegible] преслѣдованій полиціи и не были свободны отъ притѣсненій.

[illegible] пуританскій [illegible] очень скверно въ полицейскихъ рамкахъ; [illegible] становилась для него [illegible], когда онъ [illegible] переселялся въ [illegible] общинахъ [illegible] средневѣковой [illegible] пуританина.

Промышленность тоже не могла развиваться во Франціи. Кольберъ, этотъ идеалъ [illegible] меркантилистовъ, считавшій возможнымъ [illegible] достигнуть при помощи [illegible] «регламентовъ» [illegible] промышленности приказаній высшаго начальства. Но не успѣлъ онъ состариться, какъ его дѣятельность [illegible]. Непрерывныя войны [illegible] Франціи, въ 1714 г. она уже составляли 3.5[illegible] милліоновъ [illegible] государственную [illegible]. Если гдѣ-нибудь и были слабые зародыши развитія, то абсолютизмъ [illegible] парализовалъ его. Но съ его спекуляціями на бумагахъ, совершенно расшаталъ экономическое и финансовое состояніе страны. Послѣдователи Кольбера еще решительнѣе шли по пути [illegible]. Особенно деспотичными были [illegible] въ бумажной и ткацкой промышленности, такъ что эти отрасли производства не могли удовлетворять требованіямъ и потребностямъ современности. Въ 1731 году [illegible] запрещено было издавать рекламы, [illegible] прибѣгать къ искусственнымъ средствамъ для [illegible] покупателей. «Регламенты» устанавливали [illegible] для [illegible] или шелка, число нитей, длину и ширину [illegible] и устройство ткацкаго станка. Если [illegible] было [illegible], чѣмъ допускалъ регламентъ, то [illegible] отрѣзать лишнюю часть и отдавать [illegible]; въ случаѣ, что большее количество [illegible] регламенту, [illegible]. За такія [illegible] могъ быть [illegible] выставленъ [illegible]. Только [illegible] предписаніями [illegible] изобрѣтенную [illegible] конечно [illegible], но [illegible] оно, конечно, не [illegible]. Все [illegible] правительству [illegible] стали нарушать [illegible]. Въ 1776 году [illegible] дали возможность [illegible], но [illegible] еще долго [illegible] свой [illegible]

Такимъ образомъ, и у [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] при- чинъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] почему они еще не могутъ опредѣлиться.

[illegible]

[illegible] до [illegible] [illegible] годъ во Франціи среднимъ числомъ составляла 30 су для рабочаго и 15 су для работницы (20 су=1 франку=40 коп.). Конечно, [illegible] [illegible] [illegible], [illegible], что [illegible] [illegible] [illegible] составили 50 [illegible] ($7\frac{1}{2}$ [illegible]) въ день. Положеніе промышленныхъ рабочихъ было [illegible], и [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] матеріальнаго [illegible] [illegible] [illegible] рабочихъ. Центромъ этихъ движеній былъ Ліонъ, и [illegible] [illegible] [illegible] промышленности можетъ намъ [illegible] [illegible] [illegible] промышленныхъ рабочихъ во Франціи [illegible] вѣка.

Въ [illegible] вѣкѣ въ Ліонѣ [illegible] [illegible] шелковое производство. Въ 1548 году оно уже давало работу 12 000 рабочихъ, а при Людовикѣ XIV [illegible] [illegible] уже [illegible]. [illegible], шелковая промышленность насчитывала 40,000 человѣкъ рабочихъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей; они [illegible] въ составъ сословія, [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] средней [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] шесть [illegible], [illegible] [illegible] назначались городскимъ управленіемъ, а остальные четыре выбирались изъ среды [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] тогда также названіе [illegible]. При Людовикѣ XVI было постановлено, чтобы [illegible] [illegible], т.е. [illegible], выбирали только двухъ [illegible], а [illegible] [illegible] и пред-

подмастерья—четырехъ. Затѣмъ, въ 1731 году еще былъ изданъ декретъ государственнаго совѣта, чтобы мастера, работающіе на счетъ торговцевъ, не имѣли у себя болѣе четырехъ ткацкихъ станковъ; тѣмъ же рабочимъ, которые сами и непосредственно продавали свои произведенія, запретили имѣть больше двухъ станковъ, нанимать подмастерьевъ или принимать учениковъ. Шелковая промышленность насчитывала тогда 50.000 рабочихъ, 40 торговцевъ, 800 мастеровъ и 8.000 подмастерьевъ. Декретъ 1731 года всецѣло отдалъ все сословіе во власть торговцевъ.

Правда, въ 1731 г. этотъ вышеуказанный декретъ былъ отмѣненъ, но въ теченіе 1741—1744 годовъ были изданы новыя распоряженія, благопріятствующія торговцамъ и направленныя противъ мастеровъ, подмастерьевъ и рабочихъ. Мастера утверждали, что даже при напряженной и непрерывной работѣ они ежегодно должны дѣлать на 200 франковъ долгу. И до того крайне низкая заработная плата опустилась до минимума. Это привело въ 1744 году къ крупной стачкѣ подмастерьевъ и мастеровъ; во Франціи это была *первая большая стачка*. Присоединились и рабочіе, не принадлежавшіе къ сословію. Требованія были такія: повышеніе заработной платы на 1 су съ аршина, уравненіе классовъ сословія при выборѣ начальниковъ, отмѣна налога въ 500 франковъ за утвержденіе въ званіи мастера, право подмастерьевъ и мастеровъ свободно работать за свой или чужой счетъ. Почти всѣ остальныя производства въ Ліонѣ тоже пріостановили работу, и второй промышленный городъ страны въ теченіе восьми дней находился во власти пролетаріата, не учинившаго за это время никакихъ насилій или безпорядковъ. Пришлось удовлетворить требованія рабочихъ, которыя, въ сущности, были очень скромны. Но въ февралѣ 1745 года всѣ уступки были взяты обратно. Торговцы снова получили преобладающее значеніе: весьма вѣроятно, что они подкупили министровъ. Нѣсколько рабочихъ были убиты, другіе сосланы на галеры. Войска были оставлены у горожанъ на постоѣ. Словомъ, въ отвѣтъ на свои требованія рабочіе получили только пули.

Подъ страшнымъ гнетомъ жили рабочіе шелковаго производства съ того времени до 1786 года. Этотъ годъ ознаменовался новой стачкой. Они требовали прибавки двухъ су на аршинъ. Вооруженные палками, рабочіе толпами ходили по

городу; консульство испугалось и согласилось на все. Но появилось войско, уступки были взяты обратно, а троихъ ремесленниковъ [illegible] за то, что они не уплатили какой-то сборъ. Тогда заработная плата была отмѣнена и поставлена въ зависимость отъ свободнаго соглашенія, послѣдствіемъ чего, понятно, было пониженіе заработной платы. Въ 1768 году урожай шелка вышелъ неудовлетворительный,—остановилось 5.400 станковъ, а 40.000 рабочихъ остались безъ хлѣба. Ужасное положеніе рабочихъ за время этого кризиса не поддается описанію. Городъ Ліонъ получилъ разрѣшеніе на заемъ въ 300.000 франковъ на пособія рабочимъ; этимъ, однако, нельзя было помочь горю, такъ какъ наступила дороговизна и зима была очень суровой. Много рабочихъ и мастеровъ должны были эмигрировать, многіе покончили самоубійствомъ, наконецъ, третьи работали по 18 часовъ въ сутки, чтобы какъ-нибудь прожить.

Уже въ 1769 году шелковая промышленность произвела чистку среди мастеровъ; она насчитывала 14.700 ткацкихъ станковъ и 52.000 работниковъ. Но только 3,400 изъ нихъ принадлежали къ сословію и могли принять участіе въ выборахъ въ генеральные штаты 1789 г., такъ какъ только принадлежность къ сословію давала право голоса.

Филантропическій институтъ вторично добылъ 300.000 франковъ для рабочихъ, но это только послужило хорошимъ поводомъ для торговцевъ еще больше сбавить жалкую заработную плату.

Такъ-то въ Ліонѣ очень рано началось рабочее движеніе, и очень рано мы уже видимъ здѣсь разграниченіе между пролетаріатомъ и буржуазными партіями. Это обнаружилось уже при выборахъ въ генеральные штаты. Мы ниже увидимъ, что и въ Парижѣ рабочіе выступили на защиту своихъ интересовъ, но безуспѣшно.

Еще въ началѣ среднихъ вѣковъ среди французскихъ промышленныхъ рабочихъ существовали союзы подмастерьевъ. Они извѣстны были подъ именемъ compagnonnage. Союзы эти указываютъ на то, что промышленный пролетаріатъ тамъ очень рано уже отграничилъ себя отъ мастеровъ и капиталистовъ; возникновеніе этихъ союзовъ обозначало начавшійся процессъ отдѣленія труда отъ капитала. Эта форма союзовъ просуществовала вплоть до Второй Имперіи и тогда только

уступили мѣсто другимъ союзамъ. [illegible] между эти союзы подмастерьевъ начали принимать религіозный, тѣмъ болѣе мистическій характеръ и вмѣстѣ съ тѣмъ, и матеріальную цѣль. [illegible] при- [illegible] въ [illegible] обществъ, въ которыхъ было [illegible], какъ на пере- ходы и [illegible] церемоніи. [illegible] корпо- раціи [illegible] въ эпоху своего расцвѣта это очень много сдѣлали для интересовъ ремесленныхъ пролетаріевъ. Они организовали много стачекъ, многія изъ которыхъ [illegible] представите- лямъ государственной власти. Кольберъ не прочь былъ рег- ламентировать даже самую жизнь рабочаго, но союзы под- мастерьевъ, распространившись по всей Франціи, [illegible] много самостоятельности. Послѣ крупной стачки 1697 г., когда въ теченіе мѣсяца не работали [illegible] суконныхъ тка- чей, подъ тѣмъ предлогомъ, что чужіе рабочіе были тамъ приняты на службу, [illegible] обратили свое вниманіе на союзы подма- стерьевъ. Хотя эти союзы не выступали никогда открыто и были довольно неуловимы, однако, противъ нихъ приняты были строгія мѣры. Братства и союзы ремесленныхъ подма- стерьевъ были запрещены, ношеніе оружія и палокъ тоже было воспрещено. Была введена обязательность предварительнаго заявленія о желаніи оставить работу черезъ извѣстный срокъ, минимумъ котораго былъ установленъ правительствомъ. Въ 1771 г. послѣдовало запрещеніе, по которому колбасный подмастерье долженъ былъ оставаться у мастера не менѣе года; были введены аттестаты, а въ 1781 году появились ра- бочія книжки, крайне стѣснительныя и ненавистныя всѣмъ рабочимъ. Союзы подмастерьевъ часто спорили между собой, и раздоры переходили [illegible] кровавыми столкновеніями. Крупныя столкновенія такого рода произошли въ 1730 году близъ Арля, а въ 1743 году въ Нантѣ. Въ Парижѣ, гдѣ такія драки не прекращались, парламентъ воспретилъ въ 1778 году союзамъ подмастерьевъ собираться и носить оружіе или палки.

Въ эпоху революціи французскіе промышленные и реме- сленные рабочіе, получавшіе очень низкую заработную плату и притѣсняемые полиціей, сражались въ однихъ рядахъ съ крупной и мелкой буржуазіей. Третье и могучее четвертое

положеніе ихъ само было бы удивительно, если бы въ этой средѣ не являлось стремленіе къ насильственному измѣненію существующаго порядка вещей.

До революціи французскій крестьянинъ долженъ былъ вести образъ жизни, мало чѣмъ отличающійся отъ жизни животныхъ. [illegible] обработка земли [illegible] характеръ и не давала возможности использовать плодородіе почвы, чтобы [illegible] благосостояніе населенія. Было еще много свободной земли и пустырей, [illegible] никакого [illegible]. [illegible] куропатокъ, [illegible]; а [illegible] было много. Было бы удивительно, если бы они не были грубы, грубы и невѣжественны; господствующій [illegible] безжалостныхъ людей. [illegible] крестьянъ [illegible]. Въ [illegible] Франціи до революціи [illegible], которые должны были [illegible] и нести барщину. [illegible], они же не имѣли права [illegible] на судъ и свободно распоряжаться [illegible]. Крестьянинъ не [illegible], которыя [illegible] у него [illegible] строгаго наказанія [illegible].

[illegible] были для крестьянина церковныя и [illegible], которыя онъ долженъ былъ вносить духовенству и помѣщику. Десятина составляла десятую часть всего дохода съ хозяйства. [illegible] производился [illegible] три четверти или даже больше [illegible] дохода [illegible]. [illegible] обязанностей [illegible] историческаго [illegible]. Въ иныхъ случаяхъ [illegible]

встрѣчаемся и съ особыми денежными налогами. Рядомъ съ помѣщикомъ стояло государство и обращалось къ крестьянину съ требованіями не меньшими, которыя ему [illegible] съ такимъ же неудовольствіемъ нести и [illegible]. На первомъ мѣстѣ здѣсь стоялъ земельный налогъ; [illegible] такъ, что [illegible] было освобождено отъ него, а крестьянинъ долженъ былъ платить его неукоснительно. Земельный налогъ приносилъ въ общемъ 110 милліоновъ франковъ. Подъ нимъ слѣдовали подушный, соляной налогъ, доходы по предметамъ потребленія, пошлины на товары, ввозимые въ города, [illegible]. Вычислено, что въ областяхъ наибольшаго обложенія изъ 100 франковъ крестьянинъ долженъ былъ платить государству 53 франка земельнаго, подушнаго и подоходнаго налога, 14 франковъ помѣщику, 14 франковъ церковной десятины. Изъ оставшихся 19 франковъ надо еще вычитать косвенные налоги на соль и налогъ на потребленіе. Такимъ образомъ, легко себѣ представить, что [illegible] крестьянъ было [illegible].

Къ этимъ упомянутымъ тягостямъ присоединился еще недородъ. [illegible] неурожаи и обусловленные ими голодовки не разъ доводили сельское населеніе до отчаянія и бунтовъ, подавлявшихся военной силой. Такъ, въ 1775 году вспыхнулъ крестьянскій бунтъ, такъ называемая война за муку. Плохой урожай, дороговизна и агитація [illegible] довели крестьянъ до того, что они рѣшились толпой пойти въ Версаль и требовать отъ короля помощи. Въ Парижѣ въ это время тоже происходили сборища и безпорядки; народъ громилъ булочныя и разрушалъ хлѣбные магазины. Людовикъ XVI что-то пообѣщалъ, и крестьяне успокоились. [illegible] благоразумный министръ его Тюрго ничего лучшаго не придумалъ, какъ призвать войска. Было пущено въ ходъ оружіе, и толпа была разсѣяна. «Для примѣра» двоихъ повѣсили. И такъ поступилъ самъ Тюрго! Легко понять, что больше всѣхъ мучилось крестьянство. Вольтеръ, одинъ изъ наиболѣе выдающихся людей того времени, выступилъ со своимъ сильнымъ перомъ на борьбу съ этимъ варварскимъ учрежденіемъ. Вотъ что онъ, между прочимъ, писалъ Людовику XV: «Ваше величество! Въ вашей арміи имѣется болѣе 30.000 крѣпостныхъ. Если нѣкоторые изъ нихъ дослужатся до офицерскаго чина, получатъ отставку и пенсію,

но не возвратятся въ свою жалкую лачугу къ родителямъ и [illegible]; а поселятся въ городѣ, займутъ лучшую квартиру, то тогда скорѣе они всетаки не въ правѣ будутъ распоряжаться своимъ имуществомъ и сбереженіями; [illegible] принадлежать [illegible] господину! [illegible] Людовика XV, [illegible] разсказу, не [illegible] на [illegible], но Вольтеръ продолжалъ свою критику [illegible]. Онъ [illegible] безсмертную ре[illegible] [illegible]. «Мы,—заставляетъ онъ [illegible] говорить,—[illegible] со всѣми, что принадлежитъ [illegible]. Останемся ли мы въ домѣ родителей, [illegible] ли мы послѣ женитьбы своимъ хозяйствомъ,—когда [illegible] умираетъ, имущество его [illegible] [illegible]. [illegible] у порога того дома, гдѣ мы родились. Намъ не только [illegible], но [illegible] намъ въ правѣ [illegible] и [illegible], [illegible] берешь для [illegible] родственникамъ. Поэтому, когда мы больны, ни одинъ [illegible] [illegible] ни [illegible], ни одинъ мясникъ не [illegible] фунта [illegible], а [illegible] отказываетъ намъ въ лекарствѣ, которое могло бы спасти намъ жизнь. Мы умираемъ [illegible], и [illegible] мы можемъ сойти только съ [illegible] сознаніемъ, что дѣти наши тоже останутся въ [illegible] и [illegible]. Когда [illegible], [illegible] съ [illegible] условіями, по какой-нибудь [illegible] случайности [illegible] и [illegible] [illegible] С.-[illegible] то они [illegible] такими же рабочими [illegible]. [illegible] въ другой странѣ—[illegible] С.-[illegible]; [illegible] странѣ [illegible] [illegible] права на [illegible]. [illegible] удается доказать, что [illegible] не [illegible] ночь [illegible], а не [illegible], то они [illegible]. Нерѣдки случаи, когда [illegible] угрозами, и [illegible]. Дѣло можетъ идти о 20 [illegible] или 200.000 [illegible]—[illegible] всегда сумѣетъ ихъ получить. [illegible] сеньи, пока мы живы, [illegible], когда мы умираемъ, а все остальное

[illegible] въ монастырь. [illegible] крѣпостной [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] усмотрѣть, что, если свободный человѣкъ [illegible] дочери крѣпостного и остается жить въ домѣ жены своей, то онъ не становится [illegible], если онъ не умретъ въ домѣ жены своей, въ противномъ случаѣ, [illegible] становятся крѣпостными. Такимъ образомъ, [illegible] отъ семейства, [illegible] должны были перенести на [illegible] свободнаго человѣка, въ противномъ случаѣ дѣтямъ угрожала опасность впасть въ нищету и [illegible] рабство. Не одинъ разъ, конечно, статья эта была причиной смертельнаго исхода болѣзни.

Столько страданія и озлобленія должно было накопиться у этихъ бѣдныхъ, [illegible], полуголодныхъ [illegible], замученныхъ крѣпостниками. Они гибли въ нищетѣ и грубости, и ужасно было, дѣйствительно, ихъ возстаніе, когда [illegible] страну и сельское населеніе поднялось противъ своихъ притѣснителей.

Правительство и управленіе.

Форма правленія старой Франціи была вполнѣ деспотическій. Можно было подумать, что вся задача его заключается въ изысканіи средствъ на роскошь двора и придворныхъ, въ охранѣ преимуществъ привилегированныхъ сословій и въ подавленіи всякихъ признаковъ недовольства. Неограниченная

перчатка [illegible] получала 50.000 франковъ жалованья въ годъ. При Людовикѣ XVI одинъ изъ государственныхъ секретарей жаловался, что 100.000 франковъ ему не хватаетъ, и ему прибавили 40.000.

Грубость [illegible], [illegible] высшихъ господъ по отношенію къ низшему населенію и къ бѣдному крестьянину, [illegible] — все это вмѣстѣ подготовило благопріятную почву для философской и литературной революціи, предтечи великаго переворота.

Духъ времени.

Правящіе классы старой Франціи съ большой настойчивостью [illegible] на [illegible]; однако и они прекрасно [illegible], что [illegible] блестящее существованіе непрочно, что они пируютъ на вулканѣ, въ темной и бездонной глубинѣ [illegible] таятся страшныя силы; они знали, что достаточно малѣйшаго толчка — и силы эти проснутся, превратятъ старый міръ въ пепелъ и развалины. О томъ, что всѣ чувствовали наступающую грозу, достаточно свидѣтельствуютъ хотя бы извѣстныя слова маркизы Помпадуръ: «Послѣ насъ — хоть потопъ!» (Après nous — le déluge»). Слова эти стали девизомъ того легкомысленнаго общества, которое правило старой Франціей; оно поставило себѣ цѣлью возможно веселѣе и утонченнѣе провести время, оставшееся до прихода бури, провести послѣдній часъ своей жизни въ непрерывномъ веселомъ опьяненіи. Ради шутки не щадили ни другихъ, ни себя. Это была какая-то безумная охота за наслажденіями, и рѣдко въ исторіи можно встрѣтить эпоху, когда люди съ такой лихорадочной поспѣшностью переходили бы отъ одного удовольствія къ другому. Это обстоятельство объясняетъ намъ, почему въ этомъ [illegible] и запутанномъ обществѣ восемнадцатаго вѣка такъ много сомнительныхъ личностей могло играть крупную роль наряду съ блестящими и крупными фигурами. Дурачество въ этомъ вѣкѣ трудно было отличить отъ глупости. Всякаго рода авантюристы и мошенники легко прокладывали себѣ путь, находили себѣ всюду радушный пріемъ, такъ какъ съ ними пріятно было коротать время. Общество вернулось къ алхиміи и къ разнаго рода магіи; это было время, когда шутъ Каліостро пользовался во Франціи наибольшимъ успѣхомъ. При всемъ

тэмъ, въ распространеніи [illegible] которыя не только предполагали, что самая природа [illegible] [illegible], но которыя прямо стремились къ этому [illegible]. Образованныя [illegible] идеями съ [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] только [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] распространеній [illegible].

Матеріалистическая философія, такъ сильно [illegible] уже Франціи, свое дальнѣйшее продолженіе. [illegible] и Юмъ [illegible]. Если Юмъ дошелъ до того, что [illegible] [illegible], то [illegible] Гельвецій утверждалъ, что [illegible] можетъ сдѣлать [illegible]. [illegible] [illegible] философовъ, [illegible], [illegible] свои [illegible] удары, [illegible], противъ церкви и противъ [illegible]. [illegible], осталось [illegible]. Не [illegible], что [illegible] [illegible]; [illegible] [illegible]. Для [illegible] у нихъ не было другого [illegible], кромѣ общества [illegible] [illegible] что [illegible] людьми. [illegible] [illegible], [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible], [illegible], что [illegible] — не [illegible]. [illegible] [illegible], [illegible] революціи.

Матеріалистическая философія [illegible] [illegible] усилій; [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] энциклопедистовъ. Душу [illegible] составили Дидро и д'Аламберъ; они были самыми послѣдовательными представителями матеріалистической философіи, одинъ стараясь превзойти другого. [illegible] Дидро противъ [illegible] души [illegible]

стами. Всѣ, кто хотѣлъ казаться умнымъ, играли съ новыми идеями, какъ съ красивыми, но опасными игрушками.

Сюда присоединилась еще начавшаяся незадолго до революціи борьба сѣверо-американскихъ колоній Англіи за независимость. Когда знаменитый Веніаминъ Франклинъ прибылъ въ Парижъ, дворъ и дворянство встрѣтили его съ такимъ же восторгомъ, какъ и народъ. Франція давно уже соперничала съ Англіей въ Сѣверной Америкѣ; очень много французовъ изъ любви къ свободѣ направилось въ Сѣверную Америку, чтобы стать подъ знамена популярнаго вождя революціонной арміи Вашингтона. Въ числѣ ихъ были уже и тѣ, которымъ суждено было прославиться во время Французской революціи, напр., Лафайетъ, Журданъ, Рошамбо, Кюстинъ и др. Особенно сильное впечатлѣніе произвело участіе въ этой [illegible] борьбѣ такого родовитаго дворянина, какъ Лафайетъ, и когда онъ вернулся во Францію, Людовикъ XVI даровалъ ему прощеніе за его, какъ говорили тогда, простительную шалость.

Такимъ-то образомъ, самыя разнообразныя обстоятельства соединились для того, чтобы подготовить и вызвать къ концу восемнадцатаго вѣка давно ожидавшійся глубокій переворотъ. Казалось, самый воздухъ былъ насыщенъ новыми идеями, и всѣ съ замираніемъ сердца ожидали реформъ. Всѣ жили ожиданіемъ революціи, всѣ сроднились съ мыслью о ней. Когда же она пришла, она оказалась совсѣмъ не такой, какъ люди ожидали и представляли себѣ. Философы и поэты мечтали, что это будетъ короткій періодъ проявленія народной силы и насилія. Потомъ, надѣялись они, тотчасъ же начнется давно желанная счастливая эра. Благоразумные люди не представляли себѣ, правда, этихъ реформъ въ [illegible] простомъ видѣ, но и они не думали, что надвигается страшная гроза, которая въ теченіе двадцати лѣтъ будетъ потрясать Европу громомъ и молніей. Юноша, конечно, можетъ думать, что тысячелѣтнее зло можно въ одинъ годъ вырвать съ корнемъ, мыслящій же умъ всегда пойметъ, что это невозможно.

Людовикъ XVI и его государственные люди.

Въ 1774 году скончался Людовикъ XV, и господство его любовницы Дюбарри кончилось. Преемникомъ Людовика XV былъ его внукъ Людовикъ XVI. Молодой король даже съ внѣшней стороны не производилъ выгоднаго впечатлѣнія; он

былъ какъ-то угрюмъ и [illegible] въ обращеніи съ людьми. Больше всего онъ питалъ пристрастіе къ охотѣ, меньше же всего, вѣроятно, къ народному благосостоянію. Онъ вовсе не былъ столь добродушнымъ человѣкомъ, какимъ его обыкновенно рисуютъ; если онъ намъ кажется нѣсколько другимъ, чѣмъ обыкновенные неограниченные властители, то въ этомъ виновата только его трагическая судьба. У него не было своихъ мыслей, характера у него тоже не было, и онъ былъ всецѣло въ рукахъ своихъ приближенныхъ, особенно же въ рукахъ своей жены. Во время революціи ему пришлось отвѣтить за многое, въ чемъ онъ вовсе не былъ виновенъ, но въ качествѣ монарха онъ былъ главнымъ представителемъ старой Франціи, и надъ нимъ поэтому и разразились, главнымъ образомъ, громы революціи.

Королева Марія-Антуанетта, дочь императрицы Маріи-Терезіи Австрійской и сестра императора Іосифа II, благодаря своему превосходству, держала мужа своего въ своихъ рукахъ. Несмотря на фамильную габсбургскую отвислую нижнюю губу, она была красива, притомъ еще остроумна и любезна. Въ то же время она является наиболѣе высокомѣрной аристократкой своего времени. Эта гордая женщина, воспитанная въ предразсудкахъ противъ народа, возмущалась малѣйшей уступкой духу новаго времени, и «австріячка» стала ненавистна народу. Ее считали распутной женщиной, о ней разсказывали массу любовныхъ приключеній; мы не можемъ сказать, насколько это справедливо; въ концѣ концовъ, данныя скандальной хроники того сластолюбиваго времени тоже нельзя считать надежнымъ доказательствомъ. Съ другой стороны, распутная королева была бы вполнѣ понятнымъ явленіемъ во Франціи того времени.

Бракъ Людовика XVI съ Маріей-Антуанеттой имѣлъ своимъ основаніемъ соображенія государственнаго характера; когда же наступила революція, этотъ бракъ былъ однимъ изъ факторовъ, ускорившихъ вмѣшательство иностранныхъ державъ во внутреннія дѣла Франціи.

Когда Людовикъ XVI вступилъ на престолъ, онъ тоже чувствовалъ, что правительство при немъ должно стать другимъ, чѣмъ оно было при Людовикѣ XV. Ходъ мыслей его былъ очень простъ: при двухъ предшественникахъ его особую ненависть заслужило господство любовницъ, и онъ рѣшился поэтому назначить руководителемъ государственной политики

человѣка, у котораго рѣшеніе вопросовъ всегда было бѣльмомъ на глазу. Первымъ министромъ своимъ онъ назначилъ графа Морепа. Впрочемъ, Морепа могъ дѣлать все, что ему угодно, потому что государственныя дѣла мало занимали короля. Онъ гораздо больше думалъ объ охотѣ, объ оленяхъ, сернахъ, лисицахъ, зайцахъ и куропаткахъ; въ теченіе года онъ собственноручно убивалъ до 10.000 животныхъ. Вопросъ объ охотѣ былъ для него настолько важнымъ, что, несмотря на желаніе имѣть государственныя собранія подальше отъ возбужденной столицы, онъ, однако, не переносилъ ихъ дальше Версаля; причиной, по его собственнымъ словамъ, была опять-таки охота. Онъ велъ дневникъ и, когда проходилъ одинъ день безъ охоты, то противъ этого дня отмѣчалъ: «ничего». 14 іюля 1789 года—день взятія Бастиліи—тоже отмѣченъ у него: «ничего». Штурмъ Бастиліи—и «ничего»! Видно, собственноручное убитіе зайцевъ имѣло для него больше всемірно-историческаго значенія.

Назначеніе Морепа не осталось безъ послѣдствій. Правда, этотъ старый царедворецъ былъ лишенъ того, что называется государственной жилкой, но онъ привлекъ къ власти трехъ человѣкъ, которые не были противниками коренныхъ реформъ. Это были маркизъ де-Верженъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, Ламуаньонъ Мальзербъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, и Тюрго, министръ финансовъ. Эти люди видѣли надвигающійся переворотъ и пытались путемъ мирныхъ реформъ способствовать возрожденію старой Франціи. Ихъ планы и идеи были смѣлы для того времени, но выполнимы, и если они потерпѣли неудачу, то только вслѣдствіе противодѣйствія привилегированныхъ сословій. Слабый и нерѣшительный король не могъ пристать ни къ реформаторамъ-министрамъ, ни къ защитникамъ старыхъ привилегій.

Кроткій по натурѣ Мальзербъ пытался очистить авгіевы конюшни юстиціи и хотѣлъ уничтожить бланки о задержаніи, отмѣнить пытки. Онъ стоялъ за свободу печати и боролся съ цензурой, хотѣлъ возстановить Нантскій эдиктъ и религіозную терпимость. Гораздо болѣе рѣшительный характеръ имѣли реформаторскія попытки его товарища Тюрго, котораго совершенно неправильно часто называли соціалистомъ. Онъ былъ ученикомъ школы физіократовъ, исходившихъ изъ устарѣлой и нынѣ критически опровергнутой доктрины, что земля—источникъ всѣхъ цѣнностей. Реформы Тюрго свидѣтельствуютъ о

необыкновенной дальновидности его; путемъ предписаній сверху онъ хотѣлъ распутать тѣ оковы, которыя потомъ, во время революціи были разбиты силою. Онъ хотѣлъ расчистить путь могучему росту третьяго сословія, уничтоживъ устарѣлыя средневѣковыя формы сообщеній, торговли и промышленности. Тюрго былъ противникомъ займовъ и повышенія налоговъ, сторонникомъ бережливости, свободы торговли и развитія путей сообщенія. Первоначально ему удалось склонить на свою сторону молодого короля, которому едва только минуло двадцать лѣтъ и на котораго подѣйствовала нарисованная имъ грозная картина грядущей революціи. Прежде всего Тюрго отмѣнилъ всѣ стѣсненія для хлѣбной торговли. Это была крупнѣйшая реформа, такъ какъ до того времени на перевозку хлѣба изъ одной провинціи въ другую требовалось особое разрѣшеніе властей. Несоблюденіе этого требованія наказывалось галерами и даже смертью. При такомъ порядкѣ вещей въ одной провинціи могъ свирѣпствовать голодъ, въ другой изобиліе. Урожай 1774 года былъ очень плохъ, и Тюрго надѣялся предоставленіемъ свободы хлѣбной торговли принести пользу сельскому населенію. Но привилегированныя сословія выступили противъ этого. Представитель ихъ, парижскій парламентъ, въ «подушечномъ засѣданіи», правда, принужденъ былъ внести въ реестръ эдиктъ о свободѣ хлѣбной торговли, но зато они старались убѣдить народъ въ томъ, что причина дороговизны хлѣба заключается въ свободѣ торговли имъ, и имъ, въ концѣ концовъ, удалось возстановить невѣжественную массу противъ министра-реформатора. Началась уже упомянутая нами война за муку; народъ разносилъ государственные и частные хлѣбные склады, и положеніе все ухудшалось. Но главная причина неудачи этой реформы Тюрго заключалась въ неорганизованности и въ несовершенствѣ путей сообщенія.

Эта первая неудача не разбила энергіи Тюрго. Ему снова удалось склонить молодого короля на сторону своихъ реформъ, и въ февралѣ 1776 г. было опубликовано шесть знаменитыхъ декретовъ, вызвавшихъ сильное возбужденіе среди представителей старой Франціи.

Въ этихъ декретахъ юный король возвѣщалъ населенію, что барщина крестьянъ и поденщиковъ отмѣняется. Кромѣ того, онъ отмѣнялъ цѣлый рядъ предписаній, стѣснявшихъ сношенія и торговлю жизненными продуктами. Четвертый декретъ отмѣнялъ цехи и союзы мастеровъ и предоставлялъ право свободно

заниматься торговлей и промышленностью. Исключеніе изъ этого составляли только парикмахеры, аптекари, ювелиры, типографіи и книжныя торговли.

Эти декреты Тюрго снабдилъ нѣсколько доктринерской, но красиво составленной изъяснительной запиской. Въ запискѣ къ эдикту объ уничтоженіи цеховъ говорилось, между прочимъ, слѣдующее: «Мы считаемъ своимъ долгомъ каждому изъ нашихъ подданныхъ обезпечить всѣ принадлежащія ему права; въ особенности нашъ долгъ сдѣлать это по отношенію къ тому классу людей, у котораго, *кромѣ труда и прилежанія, нѣтъ никакой собственности и который тѣмъ болѣе вынужденъ и въ правѣ возможно дольше черпать изъ этого единственнаго источника своего существованія.* Съ душевнымъ прискорбіемъ взирали мы на различныя нарушенія этого естественнаго и всеобщаго права разными старинными учрежденіями; однако, ни древность этихъ учрежденій, ни господствующее мнѣніе, ни дѣйствія охранявшихъ ихъ властей не могутъ оправдать этихъ ограниченій». Эти слова въ устахъ французскаго короля произвели огромное впечатлѣніе. Это было формальное провозглашеніе *права на трудъ*: именно, въ другомъ мѣстѣ этого замѣчательнаго документа было сказано, что Господь, давъ человѣку потребности, одарилъ его вмѣстѣ съ тѣмъ и *правомъ на трудъ*. Впослѣдствіи мы увидимъ, что вопросъ о «правѣ на трудъ» всплывалъ неоднократно въ различныя фазы революціи. Но о способахъ практическаго осуществленія этого права тогда еще меньше знали, чѣмъ теперь.

Однако, въ цѣломъ разсужденія Тюрго были только гимномъ свободной конкуренціи.

Среди привилегированныхъ политика Тюрго вызвала сильное возмущеніе. Они согласились бы пожертвовать цехами, но отмѣна барщины была уже для нихъ слишкомъ чувствительнымъ ударомъ. Совѣсть дворянства и духовенства была неспокойна; они начинали опасаться, что не пройдетъ много времени — и ихъ земельная собственность и доходы тоже подвергнутся обложенію. Цеховые ремесленники-мастера тоже были въ высшей степени недовольны, такъ какъ они теряли свое привилегированное положеніе въ качествѣ мастеровъ. Высказывалось опасеніе, что по освобожденіи промышленности сельское населеніе наводнитъ города, и некому будетъ заниматься земледѣліемъ. Дворъ и возстановленный Людовикомъ XVI парламентъ возстали

противъ этихъ реформъ. И несмотря на то, что [illegible] засѣданіи эти шесть эдиктовъ приказано зарегистрировать, парламентъ все же продолжалъ свою оппозицію. Когда же Тюрго высказалъ мысль о такомъ народномъ представительствѣ, въ которомъ ни дворянство, ни духовенство не будутъ имѣть отдѣльныхъ представителей, для борьбы съ нимъ объединились и дворъ, и парламенты, и даже народъ, въ пользу котораго Тюрго предпринималъ эти реформы и который они сумѣли обмануть и возстановить противъ него. Имъ удалось убѣдить слабаго и легкомысленнаго короля въ томъ, что Тюрго стремится вызвать ту самую революцію, которую онъ, въ дѣйствительности, старался предотвратить. Черезъ два мѣсяца послѣ того, какъ онъ вынудилъ парламентъ зарегистрировать эдикты Тюрго, онъ его уволилъ. Уже въ августѣ 1776 года цехи, съ нѣкоторыми, правда, измѣненіями, были возстановлены, а также и барщина. Тюрго освободилъ фабрики отъ знаменитыхъ «регламентовъ» — теперь они тоже были возстановлены. Сочувствовавшій Тюрго Мальзербъ тоже подалъ въ отставку, и старый царедворецъ Морепа былъ очень радъ, что освободился отъ этихъ двухъ опасныхъ реформаторовъ.

Реформаторскія попытки Тюрго были предприняты слишкомъ поздно. Съ одной стороны, разложеніе зашло слишкомъ далеко, съ другой — озлобленіе привилегированныхъ сословій достигло своего максимума, а королевская власть была уже слишкомъ слаба для того, чтобы провести переворотъ сверху. И исторія пошла своимъ предопредѣленнымъ путемъ.

Государственные долги Франціи были очень велики, и одни проценты поглощали громадную сумму. Уже во времена Людовика XVI государственные долги Франціи достигли 3.000 милліоновъ. Денежная нужда была тяжелая и хроническая. При всемъ томъ двору неугодны были такіе бережливые люди, какъ Тюрго; имъ былъ гораздо пріятнѣе такой министръ финансовъ, который умѣлъ доставать деньги и средства для расточительности двора, не занимаясь экономіей, къ которой стремился Тюрго. Призванный на этотъ тяжелый постъ Клюньи оказался скоро непригоднымъ. Наконецъ, Морепа додумался довѣрить французскіе финансы швейцарцу Неккеру, резиденту Женевской республики при французскомъ дворѣ.

Неккеръ, правда, былъ представителемъ буржуазіи и дворянству не особенно угоденъ, но у него была выдающаяся ре-

[illegible] изъ финансовыхъ затрудненій. Третій дѣлецъ, не лишенный широкаго размаха, Неккеръ былъ назначенъ генералъ-директоромъ финансовъ; онъ сейчасъ же прибѣгъ къ старому средству—къ займамъ, и такъ какъ въ качествѣ крупнаго банкира онъ пользовался значительнымъ кредитомъ, то это ему удалось сравнительно легко. Пока что, деньги были, и можно было хоть на время забыть о тяжеломъ финансовомъ положеніи.

Тутъ произошло событіе, привлекшее къ себѣ вниманіе всего французскаго населенія. Въ Сѣверной Америкѣ какъ разъ въ это время закончилась борьба колоній съ Англіей, и сѣверо-американскій конгрессъ провозгласилъ свободу и самостоятельность колоній. Де-Верженнь добился того, что Франція оказала поддержку возставшимъ колоніямъ, а Неккеру удалось раздобыть необходимыя для этого средства. Вліяніе сѣверо-американской войны на французскую армію осталось неизгладимымъ. Офицеры и солдаты вернулись съ гораздо болѣе радикальными воззрѣніями, чѣмъ тѣ, съ которыми они ушли. А правительство имѣло глупость какъ разъ въ это время увеличить строгость въ арміи. Армія была тогда особенно ненавистнымъ для народа учрежденіемъ, такъ какъ тогда еще не было такого избытка рабочихъ силъ, какъ въ настоящее время, и крестьяне страшно озлоблялись всякій разъ, когда у нихъ отрывали сыновей отъ полевыхъ работъ для продолжительной и тяжелой военной службы. И вотъ, тотъ самый Людовикъ XVI, который такъ недавно говорилъ о правахъ французскаго населенія, постановилъ, что даже въ чинъ поручика не долженъ быть произведенъ тотъ, кто не можетъ назвать четыре поколѣнія своихъ предковъ. Ни одинъ лейтенантъ недворянскаго происхожденія не могъ быть произведенъ въ капитаны. Все это означало, что солдаты не могутъ надѣяться на дѣйствительное повышеніе. Затѣмъ были введены считавшіеся образцовыми прусскіе армейскіе порядки, но, хотя они считались лучшими, французамъ строгость ихъ была ненавистна. Сильное озлобленіе вызвало въ арміи введеніе фухтелей, т.-е. наказанія сабельными клинками. Это имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что оппозиціонный духъ развился и въ арміи, и этимъ въ значительной степени объясняется отношеніе ея къ начавшейся революціи.

Между тѣмъ, и при Неккерѣ финансовое положеніе Франціи стало ухудшаться; онъ, правда, былъ бережливъ, но займы

его увеличили бремя долговъ и размѣръ дефицита. Мало-по-малу Неккеръ пришелъ къ тому же, о чемъ помышлялъ Тюрго, т.-е. къ мысли обложить налогами и дворянство, и духовенство. Для этого онъ рѣшилъ создать народное представительство, и именно представителей трехъ сословій каждой провинціи. Но этотъ планъ не имѣлъ успѣха вслѣдствіе сопротивленія парламента, съ одинаковымъ упорствомъ отстаивавшаго привилегіи дворянства отъ всякихъ посягательствъ сверху и снизу. Тогда Неккеръ прибѣгъ къ новому средству: желая привлечь общественное мнѣніе на свою сторону и на сторону своей реформы налоговъ, онъ напечаталъ свой докладъ королю о состояніи государственныхъ финансовъ.

Это былъ неслыханный до того времени поступокъ, и онъ поразилъ всѣхъ. То, что въ современномъ государствѣ является вполнѣ естественнымъ—контроль общества надъ государственнымъ бюджетомъ,—тогда было чѣмъ-то неслыханнымъ. Зачѣмъ буржуазіи, крестьянству и помѣщикамъ знать, сколько растрачиваетъ дворъ на всемилостивѣйшіе подарки, пенсіи и ренты своимъ любимцамъ? Зачѣмъ этой мѣщанской сволочи знать, что она даетъ почти все, а привилегированныя сословія—ничего? Зачѣмъ, наконецъ, раскрывать передъ всей Европой, какіе громадные долги взвалило на плечи французскаго населенія продолжительное и неумѣлое хозяйничанье? Всѣ представители стараго порядка—дворъ, дворянство, духовенство, парламенты—все это обрушилось на женевца, осмѣлившагося прибѣгнуть къ такимъ неслыханнымъ средствамъ. Ему пришлось подать въ отставку, но общественное мнѣніе всецѣло было на его сторонѣ. Вдобавокъ ко всему, онъ написалъ еще книгу о государственномъ хозяйствѣ Франціи и подвергъ въ ней подробной критикѣ всѣ злоупотребленія прежняго времени. И хотя у Неккера не было никакихъ реформаторскихъ плановъ и самъ онъ находился не у власти, онъ съ того времени сталъ любимцемъ общества.

Къ этому времени душой придворной партіи была уже королева, съ жестокой ненавистью выступившая противъ реформаторовъ и противъ реформъ. Братья короля всѣми силами поддерживали ее, самъ же король колебался между разумными доводами своихъ государственныхъ людей и происками двора. Когда, скоро послѣ отставки Неккера, Морепа умеръ, дворъ сумѣлъ достигнуть того, что должность перваго министра оста-

лась незамѣщенной. Раньше при назначеніи министровъ еще сколько-нибудь считались съ настроеніемъ народа, теперь же могли занять ихъ мѣста только тѣ, которые обѣщали достать возможно больше денегъ.

Попытки привлечь разныхъ финансистовъ, съ тѣмъ, чтобы они не только привели въ порядокъ финансы, но, кромѣ того, еще раздобыли денегъ, кончились неудачей; и тутъ появился фокусникъ, увѣрявшій, что онъ сразу можетъ вывести французскіе финансы изъ затруднительнаго положенія. Это былъ нѣкто де-Калоннъ, избранникъ придворной партіи, царедворецъ стараго покроя, относившійся къ своей задачѣ со всѣмъ легкомысліемъ своего времени. Бережливость въ государственномъ бюджетѣ этотъ джентльменъ съ головы до пятокъ считалъ смѣшнымъ мѣщанствомъ; своимъ девизомъ онъ провозгласилъ расходы и расточительность. Онъ, не задумываясь, утверждалъ, что роскошь двора благопріятствуетъ торговлѣ, ремесламъ и промышленности. Несостоятельность этого утвержденія очевидна; стоитъ только принять во вниманіе, что французскій народъ—не дворянство и не духовенство—сперва долженъ создать тѣ средства, на которыя дворъ будетъ роскошничать. Роскошь въ лучшемъ случаѣ только возвращала третьему сословію часть того, что прежде у него было взято.

При Калоннѣ для придворныхъ наступило хорошее время. Купленныя ими или выгодно обмѣненныя владѣнія оцѣнивались въ двадцать милліоновъ франковъ, которые пришлось уплатить государственному казначейству. Калоннъ всѣ налоги взыскивалъ по возможности за нѣсколько лѣтъ впередъ и, такимъ образомъ, кое-какъ выплачивалъ проценты государственнаго долга. Благодаря этому, кредитъ этого блестящаго царедворца и государственнаго дѣятеля поднялся; деньги текли къ нему со всѣхъ сторонъ, онъ могъ дѣлать сколько угодно займовъ. И, дѣйствительно, кассы вдругъ стали полны, дворъ утопалъ въ блаженствѣ. Расточительность его при Калоннѣ не разъ вызывала народное негодованіе.

Финансовые фокусы Калонна представляли собой опасную игру; если бы они продолжались дальше, они неизбѣжно должны были бы привести къ катастрофѣ. Переполненныя недавно кассы неожиданно оказались пустыми, и недавно прославляемый всѣми чародѣй Калоннъ не могъ уже придумать ни одного средства, чтобы снова наполнить ихъ. Вдругъ всѣ увидѣли бездну,

къ которой Калоннъ привелъ Францію. Со времени отставки Неккера государственный долгъ возросъ на 1.200 милліоновъ, дефицитъ государственнаго бюджета составлялъ 30 милліоновъ, налоги большею частью были взысканы уже за нѣсколько лѣтъ впередъ, кредита уже совершенно не было.

Дворъ былъ очень стѣсненъ; трудно было отказаться отъ роскоши, къ которой онъ за этотъ длинный рядъ годовъ привыкъ. Тѣмъ не менѣе какъ разъ въ это время при дворѣ начались раздоры. Нѣкоторыя аристократическія семейства, изъ зависти ли или изъ искренняго отвращенія къ высокомѣрію двора, заняли враждебную позицію по отношенію къ королевѣ. О ней стала ходить масса злыхъ сплетенъ, а къ 1785 г. относится знаменитая, до сихъ поръ еще не вполнѣ выясненная исторія съ ожерельемъ, въ которой фигурировало и имя королевы. Намъ представляется невѣроятнымъ, чтобы королева дѣйствительно имѣла какое-нибудь отношеніе къ этому скандалу, затѣянному кардиналомъ Роганомъ, аферистомъ Каліостро и авантюристомъ Ламотъ-Валуа; озлобленный поведеніемъ двора, народъ вѣрилъ всему, что говорилось противъ него, и считалъ его на все способнымъ.

Стѣсненный съ двухъ сторонъ,—съ одной стороны, давленіемъ общественнаго мнѣнія, а съ другой—давленіемъ ужасныхъ финансовыхъ затрудненій,—легкомысленный Калоннъ растерялся, и не зналъ, что дѣлать. Наконецъ, и ему въ голову пришла спасительная, хотя вовсе не новая мысль: старый царедворецъ Калоннъ тоже вдругъ потребовалъ обложенія земельной собственности дворянства и духовенства.

Дворъ сначала и слышать объ этомъ не хотѣлъ, но Калоннъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи очень убѣдительный аргументъ въ возбужденномъ имъ вопросѣ, это именно—нужда въ деньгахъ. Дворъ уступилъ, и соотношеніе силъ во Франціи измѣнилось: раньше дворъ поддерживалъ привилегированныя сословія въ ихъ борьбѣ противъ министровъ, теперь всѣ стали думать, что дворъ поддерживаетъ министровъ въ борьбѣ съ привилегированными сословіями.

Всѣмъ было извѣстно, что парламенты будутъ противиться новымъ проектамъ обложенія съ такимъ же упорствомъ, какъ попыткамъ Тюрго и Неккера. Осуществить свой проектъ путемъ обычныхъ королевскихъ эдиктовъ Калонну казалось слишкомъ рискованнымъ, принимая во вниманіе шесть эдиктовъ

Тюрго. Онъ сталъ колебаться и, наконецъ, рѣшился предложить королю созваніе нотаблей, возлагая на нихъ надежду, что они осуществятъ его планы. Король уступилъ въ этомъ вопросѣ настоянію своего двора, и 22 февраля 1787 г., послѣ промежутка въ 160 лѣтъ, въ Версалѣ собрались нотабли.

Собраніе это состояло изъ 137 членовъ, среди которыхъ находились и наиболѣе высокопоставленные представители дворянства и духовенства. Членовъ не-дворянскаго происхожденія было ничтожное число, но и относительно ихъ было извѣстно, что они скоро будутъ возведены въ дворянство.

Калоннъ, однако-жъ, оказался слишкомъ самонадѣяннымъ. Какъ въ самомъ дѣлѣ, могъ онъ ожидать, что нотабли, принадлежавшіе къ привилегированнымъ сословіямъ, согласятся на обложеніе земельнаго имущества дворянства и духовенства! Всю затруднительность финансоваго положенія онъ свалилъ на Неккера. Однако, этимъ онъ ничего не достигъ; нотабли заявили, что не считаютъ его человѣкомъ, подходящимъ для проведенія предложенной имъ реформы. Этимъ заявленіемъ они только плохо скрыли, насколько они были противъ реформъ и предложеній. Къ чувству недовѣрія Калонну со стороны дворянства присоединилось еще и недовѣріе народа, справедливо считавшаго Калонна человѣкомъ, не подходящимъ для проведенія столь серьезной реформы. Такимъ образомъ, тотъ самый дворъ, которому Калоннъ готовилъ такъ много блестящихъ пировъ, оттолкнулъ его, и фокусникъ, такъ печально нарвавшійся, долженъ былъ получить отставку.

Передъ этими явленіями и событіями, сопровождавшими смерть стараго порядка, народъ стоялъ неорганизованнымъ, несознательнымъ. Въ массѣ еще не выдѣлилось опредѣленныхъ партій; все, что страдало отъ тяжелаго гнета стараго порядка, объединилось противъ двора. Первоначально народъ совсѣмъ неясно понималъ положеніе и значеніе нотаблей. Онъ не понялъ, что дворъ рѣшилъ покуситься на преимущества дворянства и духовенства только подъ давленіемъ денежной нужды; массы еще совершенно лишены были политическаго воспитанія. Въ нотабляхъ, бывшихъ фактическими представителями привилегированныхъ сословій, онъ видѣлъ только креатуръ двора, и на улицахъ продавали подъ именемъ «нотаблей» гипсовыя фигурки, качавшія головами въ знакъ согласія. Когда же нотабли оказали противодѣйствіе Калонну и двору, отношеніе къ нимъ

внезапно измѣнилось, настроеніе массъ стало даже весьма благосклонно къ нотаблямъ; массы не понимали, что оппозиція нотаблей преслѣдовала только защиту интересовъ привилегированныхъ сословій.

Чтобы скрыть свои враждебныя народу поползновенія, нотабли заявили, что они ничего не имѣютъ противъ реформы государственнаго хозяйства, если къ этому дѣлу призванъ будетъ человѣкъ, къ которому они могутъ отнестись съ довѣріемъ. Король избралъ человѣка изъ нотаблей группы большинства, Ломени-де-Бріенна, архіепископа тулузскаго и санскаго. Этого человѣка считали энциклопедистомъ и то, что онъ въ то же время занималъ столь высокій духовный постъ, въ тѣ времена вовсе не считалось удивительнымъ. Онъ былъ живой и остроумный человѣкъ. Онъ слылъ [illegible] и, такимъ образомъ, былъ [illegible] въ высшихъ группахъ общества. Онъ былъ [illegible] министромъ и министромъ финансовъ.

Бріеннъ снова представилъ нотаблямъ проектъ Калонна; связавъ себя ранѣе [illegible] общественнымъ мнѣніемъ, нотабли дали свое согласіе на [illegible] нѣкоторыхъ реформъ. [illegible] сборовъ, внутреннихъ пошлинъ, [illegible] отъ барщины и [illegible] заемъ въ 6 [illegible] въ формѣ пожизненной ренты. Форма этого займа оказалась неудачною; государство [illegible] обратно этихъ [illegible] франковъ, [illegible] при пожизненной рентѣ высокій процентъ увеличивалъ дефицитъ въ государственномъ бюджетѣ, а съ нимъ и недовольство. Къ тому же, [illegible] министръ [illegible] расстройства финансовъ [illegible] не больше [illegible] годы, [illegible] на [illegible] камень, и, въ концѣ концовъ, подъ вліяніемъ [illegible] Бріеннъ выступилъ съ [illegible] своимъ проектомъ. [illegible] налога, [illegible] обложенія земельной собственности дворянства и духовенства. Чтобы подсластить эту горькую для привилегированныхъ пилюлю, онъ назвалъ этотъ новый налогъ вспоможеніемъ. Но нотабли [illegible] «вспоможеніе», и Бріеннъ понялъ, что [illegible] онъ съ этимъ собраніемъ не пойдетъ. Нотабли были распущены 25 [illegible] 1787 г.

Въ этой борьбѣ съ [illegible] дворъ [illegible]

сословія не только одержали побѣду, но и обманули народъ; послѣдній былъ еще неразвитъ и радовался тому, что и впредь на немъ одномъ будутъ лежать государственныя тяготы.

Бріеннъ же отъ своего плана не отказался. Хотя этотъ вопросъ и послужилъ уже причиной паденія Тюрго, Неккера и Калонна, Бріеннъ все же могъ упорнѣе отстаивать его, потому что дворъ всецѣло былъ на его сторонѣ; онъ предпочиталъ отказаться отъ предразсудка и согласиться на обложеніе, чѣмъ отказаться отъ роскоши, дорогихъ пировъ и прочихъ удовольствій.

Бріеннъ обратился къ парламентамъ. Парижскій парламентъ безъ разговоровъ внесъ въ реестръ всѣ королевскіе эдикты, основанные на заключеніяхъ нотаблей. Тогда министръ финансовъ прибѣгнулъ къ своему хитрому, какъ онъ думалъ, плану. Къ своему земельному сбору («вспоможенію») онъ прибавилъ и гербовый сборъ, который главной тяжестью своей долженъ былъ лечь на третье сословіе. Онъ надѣялся, что парламентъ не выступитъ противъ гербоваго сбора и свяжетъ тѣмъ себя передъ общественнымъ мнѣніемъ народа настолько, что не сумѣетъ противиться и земельному сбору.

Если бы министръ первоначально внесъ одинъ только проектъ гербоваго сбора, планъ его, вѣроятно, удался бы. Но онъ внесъ оба проекта одновременно и, такимъ образомъ, далъ возможность хитрымъ парламентскимъ парикамъ отразить ударъ съ поразительной ловкостью. Они ни слова не сказали о налогѣ на дворянство и духовенство, а говорили только о гербовомъ сборѣ и о тяжести, съ какой онъ ляжетъ на народъ: можно было подумать, что эти безкорыстные члены парламента о себѣ вовсе не думаютъ. Вслѣдствіе этого симпатіи народа склонились на сторону парламента, такъ какъ онъ такъ же мало могъ услѣдить за подвохами привилегированныхъ сословій въ борьбѣ со дворомъ, какъ за интригами двора. При бурныхъ крикахъ одобренія возмущенныхъ народныхъ массъ парламентъ отвергъ оба проекта. Въ пылу преній парламентъ увлекся. Было высказано мнѣніе, что право обложенія налогами принадлежитъ только генеральнымъ штатамъ вообще. Наконецъ, чтобы окончательно разстроить планы правительства, парламентъ заявилъ, что, регистрируя королевскіе эдикты, онъ до сихъ поръ пользовался правомъ утвержденія налоговъ; но, присвоивъ себѣ это право, парламентъ дѣйствовалъ вопреки основному государ-

ственному закону, такъ какъ только генеральные штаты или другое какое-нибудь общее народное представительство въ правѣ утверждать налоги.

Это заявленіе вызвало возбужденіе во всей Франціи, и народъ выразилъ парламенту свою симпатію бурными демонстраціями. Для абсолютной монархіи это былъ тяжелый ударъ. Когда дѣло дошло до нарушенія ихъ классовыхъ интересовъ, представители привилегированныхъ сословій не остановились передъ тѣмъ, чтобъ нанести монархіи столь чувствительный ударъ; громадныя послѣдствія его трудно было разсчитать напередъ, и позже они не разъ могли пожалѣть о немъ.

Пока же никто не понималъ значенія сдѣланнаго шага. Разыгралась та же комедія, которая всегда въ такихъ случаяхъ до сихъ поръ разыгрывалась. Парламентъ былъ созванъ на «подушечное засѣданіе», и эдикты были зарегистрированы по указу короля. Но парламентъ не остановился на полпути и заявилъ, что принудительное регистрированіе недѣйствительно и не имѣетъ силы. За это парламентъ былъ переведенъ въ Труа, и этотъ приказъ былъ выполненъ военной властью самымъ дикимъ образомъ.

Такимъ образомъ, и здѣсь де-Бріеннъ потерпѣлъ неудачу; топоръ, занесенный имъ на привилегіи дворянства и духовенства, вызвалъ только отчаянное сопротивленіе со стороны ихъ представителей, которые, въ свою очередь, занесли свой топоръ надъ абсолютной монархіей вообще.

Въ этой классовой борьбѣ французскаго дворянства и духовенства за свои привилегіи съ рѣдкой въ исторіи ясностью обнаружилось, какъ легко выбрасываются за бортъ политическіе принципы тамъ, гдѣ дѣло касается классовыхъ интересовъ. Привилегированныя сословія не задумывались подкапывать то дерево, на которомъ они сами держались,—абсолютную монархію; они надѣялись, что такой опасной игрой сумѣютъ сохранить свои привилегіи и при новомъ порядкѣ вещей, наступленіе котораго они уже предчувствовали. Дворъ же, нуждаясь въ деньгахъ, стремился ограничить привилегіи дворянства и духовенства. Такимъ образомъ, приведена была въ движеніе лавина революціи, и ни одна изъ борющихся сторонъ уже не могла ее остановить.

Такъ какъ денежныя затрудненія росли, то де-Бріеннъ попытался вступить въ соглашеніе съ парламентомъ. Но онъ опять

[illegible] оружіемъ. Онъ привлекъ на свою сторону нѣсколько [illegible] парламента и, полагаясь на ихъ вліяніе, перевелъ парламентъ изъ Труа; недолго думая, онъ представилъ ему проектъ займа въ 400 милліоновъ, съ реализаціей въ теченіе четырехъ лѣтъ. Де-Бріеннъ обѣщалъ въ теченіе этихъ четырехъ лѣтъ созвать генеральные штаты, опубликовать государственный бюджетъ и возстановить Нантскій эдиктъ.

Чтобы не терять прежняго расположенія, парламентъ долженъ былъ идти дальше по избранному имъ пути, къ тому же онъ былъ уже связанъ своимъ заявленіемъ по вопросу объ утвержденіи налоговъ. Рѣшительное засѣданіе состоялось 19 [illegible] 1787 г. Отношеніе къ нему герцога Орлеанскаго придало этому засѣданію особое значеніе. Повздоривъ съ дворомъ, этотъ распутный принцъ сталъ на сторону оппозиціи. Многіе думали, что онъ надѣется такимъ образомъ попасть на престолъ послѣ пресѣченія старшей линіи Бурбоновъ и ищетъ только популярности; были и такіе, которые видѣли въ немъ человѣка, дѣйствительно преданнаго народу; многіе, наконецъ, безусловно не довѣряли ему. Что ему нужно было? Можетъ быть, онъ и самъ этого не зналъ и просто изъ любви къ приключеніямъ бросился въ революцію, а она поглотила его. Словомъ, 19 [illegible] онъ выступилъ въ парламентѣ вождемъ оппозиціи. Когда король потребовалъ для занесенія указа о займѣ въ реестры, герцогъ Орлеанскій [illegible] поведеніемъ совершенно смутилъ его, и Людовикъ XVI въ конецъ растерявшись, покинулъ засѣданіе. Заемъ былъ отвергнутъ, но герцогъ Орлеанскій былъ сосланъ въ одинъ изъ замковъ, а много знаменитыхъ парламентскихъ ораторовъ заключены были въ государственную тюрьму. Арестъ членовъ парламента во время засѣданія возбудилъ, конечно, сильное недовольство во всей Франціи.

Де-Бріеннъ окончательно потерялъ надежду справиться съ парламентомъ обыкновеннымъ путемъ и, вмѣстѣ съ королемъ, задумалъ совершить государственный переворотъ. Но какъ ни держались въ секретѣ эти приготовленія, парламентъ узналъ о нихъ; онъ энергично и искусно приготовился къ самооборонѣ. 4 января 1788 года онъ объявилъ незаконными бланки о задержаніи и произвольные аресты вообще, а 27 апрѣля послѣдовало объявленіе основныхъ законовъ Французской монархіи. Къ числу ихъ, между прочимъ, были отнесены утвержденіе налоговъ генеральными штатами, несмѣняемость судей, право

парламента отклонять противозаконные эдикты, право гражданина на справедливый судъ и гарантіи отъ произвольнаго ареста. Этимъ впервые было заявлено, что Франція—монархія, управляемая королемъ *на основаніи законовъ*; въ виду предполагаемаго государственнаго переворота, это заявленіе носило характеръ самаго недвусмысленнаго протеста.

И только теперь, увидѣвъ, до чего доведенъ парламентъ, дворъ испугался, но Бріеннъ все-таки не отказался отъ своего проекта. Было опубликовано три королевскихъ эдикта, которые заранѣе стали извѣстны парламенту черезъ члена его д'Эпремениля; послѣднему они были тайно присланы, и онъ принесъ ихъ въ парламентъ. Эти эдикты лишали парламентъ всякаго политическаго значенія, отнимая у него функцію регистраціи эдиктовъ. Мѣсто его должна была занять исполнительная камера (cour plénière), составленная изъ лицъ, зависимыхъ отъ двора. Судебная компетенція парламента тоже была значительно сужена, а число членовъ его уменьшено.

Эдикты эти были опубликованы 8 мая 1788 года, но они не возымѣли никакого дѣйствія. Парламенты всей Франціи заявили протестъ противъ этого нарушенія основныхъ законовъ и объявили безчестными всѣхъ будущихъ членовъ исполнительной камеры. Дворянство отправило ко двору депутаціи для выраженія протеста. 12 дворянъ, составлявшихъ такую депутацію отъ дворянства Бретани, по приказу короля были заключены въ Бастилію, но вмѣсто нихъ явились [illegible] другихъ. Во многихъ провинціяхъ начались народныя возстанія, вызванныя неурожаемъ и голодомъ. Войско тоже не находилось вполнѣ въ распоряженіи правительства; правительству приходилось теперь расплачиваться за недопущеніе къ офицерскимъ должностямъ лицъ не-дворянскаго происхожденія. Офицеры очень хорошо понимали, что въ борьбѣ парламентовъ съ монархіей дѣло идетъ о привилегіяхъ дворянства, и склоняли войска къ неповиновенію. Одинъ полковникъ въ Дофинэ заявилъ, что въ его полку всѣ, *начиная полковникомъ*, ненадежны. Въ Парижѣ каждую минуту можно было ожидать всеобщаго возстанія. При такихъ условіяхъ попытка къ государственному перевороту сверху успѣха имѣть не могла. Надъ головой де-Бріенна не переставала висѣть опасность неизбѣжнаго государственнаго банкротства. Двору пришлось уступить и созвать генеральные штаты, давно ставшіе уже народнымъ

лозунгомъ. Королевскимъ эдиктомъ исполнительная камера была окончательно отмѣнена и созваны генеральные штаты на 1 мая 1789 года.

Бріеннъ не могъ дольше оставаться у власти, такъ какъ до созыва генеральныхъ штатовъ тоже нужны были деньги. Двѣ пятыхъ общей суммы процентовъ государственнаго долга онъ хотѣлъ выплатить бумажными деньгами, выплату же капитальнаго долга отсрочить. Всѣ громко говорили о государственномъ банкротствѣ, и, въ концѣ концовъ, и дворъ, и король отвернулись отъ Бріенна. 24 августа 1788 г. онъ вышелъ въ отставку, и отставка его была радостно принята народомъ. На площадяхъ Парижа народъ сжигалъ портреты Бріенна.

Такимъ-то образомъ представители привилегированныхъ классовъ отвоевали у абсолютной монархіи одно изъ важнѣйшихъ народныхъ правъ—право утвержденія налоговъ народнымъ представительствомъ; парламенты, конечно, не имѣли въ виду превратить Францію въ конституціонную монархію; дворянство и духовенство надѣялись только спасти такимъ путемъ свое имущество отъ обложенія. Такіе удивительные цвѣты выростають на почвѣ классовой борьбы.

Созывомъ генеральныхъ штатовъ было положено начало революціи; она зажглась отъ тренія между придворными партіями и привилегированными сословіями, а въ движеніи широкихъ народныхъ массъ огонь ея находилъ себѣ все новую пищу. Привилегированные классы расшатывали абсолютизмъ, опираясь на широкія народныя массы. Но скоро должно было наступить время, когда народъ лишитъ ихъ этой опоры и начнетъ расшатывать привилегіи дворянства и духовенства.

УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНІЕ.

Послѣ паденія архіепископа де-Бріенна оставалось только призвать обратно Неккера, и онъ занялъ мѣсто перваго министра и главнаго государственнаго контролера. Онъ по прежнему былъ однимъ изъ наиболѣе популярныхъ людей во Франціи, и благодаря личному кредиту ему снова удалось съ грѣхомъ пополамъ справиться съ неотложными финансовыми затрудненіями. Главнымъ же образомъ задача его заключалась въ созывѣ генеральныхъ штатовъ, не собиравшихся уже съ 1615 года. Вся Франція, даже вся Европа съ напряженнѣйшимъ вниманіемъ слѣдила за этимъ созывомъ, такъ какъ онъ долженъ былъ повлечь за собой глубокія измѣненія въ общественныхъ отношеніяхъ Франціи.

Но тутъ сразу возникло новое затрудненіе: Неккера озабочивали только финансы, и въ созывѣ генеральныхъ штатовъ онъ видѣлъ только средство раздобыть путемъ обложенія дворянскихъ и духовныхъ земель новый источникъ доходовъ. Организація же генеральныхъ штатовъ была такова, что дѣлала достиженіе цѣли невозможнымъ, такъ какъ, по старой системѣ представительства, каждое сословіе пользовалось одинаковымъ значеніемъ. Будетъ ли произведено голосованіе общее или по сословіямъ,— третье сословіе всегда должно было остаться въ меньшинствѣ передъ двумя привилегированными сословіями, дѣйствовавшими вполнѣ естественно, заодно. Неккеру, такимъ образомъ, необходимо было усилить третье сословіе настолько, чтобы оно могло бороться съ двумя другими. Послѣ долгаго сопротивленія король согласился и на это. Однако эдикты, которыми число представителей третьяго сословія удваивалось и вводилось общее голосованіе, встрѣтили ожесточенное противодѣйствіе со стороны парламентовъ; они отказались внести ихъ въ регистръ,

и второе собраніе нотаблей, созванное Неккеромъ въ ноябрѣ 1788 года въ Версалѣ, тоже отклонило эти оды...

Такимъ образомъ, казалось, что попытки провести крупныя реформы снова потерпятъ неудачу изъ-за чисто формальнаго вопроса, неизвѣстно для чего предложеннаго слабымъ и нерѣшительнымъ Неккеромъ. Общественное мнѣніе, весь народъ, за исключеніемъ привилегированныхъ сословій, стояли на сторонѣ Неккера. Воспротивившись этимъ измѣненіямъ въ составѣ генеральныхъ штатовъ, парламентъ сразу потерялъ всю свою популярность. Глаза третьяго сословія теперь раскрылись: оно поняло, что парламентъ дѣйствовалъ только въ интересахъ привилегированныхъ сословій. На арену борьбы начасовъ выступаетъ въ этому моменту пресса, просвѣщая и подбодряя массы. Въ этомъ отношеніи громадное значеніе имѣло небольшое сочиненіе аббата Сіеса, какъ молнія среди ночи освѣтившее положеніе. Оно носило заглавіе: «Что такое третье сословіе?» Обрисовавъ въ краткихъ, точныхъ и ясныхъ чертахъ громадное значеніе этого сословія, авторъ заканчиваетъ такъ: «Третье сословіе теперь—ничто. Чѣмъ бы оно могло стать? Всѣмъ!». Сочиненіе это имѣло необычайный успѣхъ и спо собствовало тому, что авторъ его получилъ мѣсто среди представителей генеральныхъ штатовъ.

Неккеръ продолжалъ дѣйствовать объ...ія и ... ошибки; вопросъ о томъ, будетъ ли голосованіе общимъ или по сословіямъ, онъ оставилъ неразрѣшеннымъ. Этимъ онъ далъ предстоящему народному собранію ... долгихъ споровъ. Онъ предложилъ парламенту внести въ регистръ указъ о созывѣ генеральныхъ штатовъ, и парламентъ это сдѣлалъ. Вопроса о способахъ созыва и о составѣ генеральныхъ штатовъ онъ при этомъ вовсе не коснулся, хотя ему слѣдовало рѣшить его съ самаго начала.

Когда, наконецъ, созывъ генеральныхъ штатовъ былъ окончательно назначенъ на 27 апрѣля 1789 года, крикъ радости пронесся по всей Франціи. Чувствовалось, что настало новое время; всѣ надѣялись, что генеральные штаты произведутъ коренныя измѣненія въ государственномъ и общественномъ устройствѣ. Уже по одной выборной агитаціи можно было предугадать, что генеральные штаты вступятъ въ борьбу съ абсолютизмомъ. Но обойтись безъ нихъ не позволяло затруднительное финансовое положеніе, которому необходимо было положить конецъ; пришлось закрыть глаза на приближеніе грозной бури.

Дворяне и другія привилегированныя группы, еще недавно пользовавшіяся народнымъ расположеніемъ и потерявшія его за противодѣйствіе новой организаціи генеральныхъ штатовъ, увидѣли вдругъ, что ихъ привилегіямъ грозитъ опасность еще съ одной стороны—не со стороны двора, а со стороны народа. Они снова обратились ко двору, чтобъ въ союзѣ съ нимъ найти себѣ защиту. Слабый и флегматичный король бездѣятельно смотрѣлъ, какъ надвигаются грозовыя тучи, и чаще, чѣмъ когда бы то ни было, уходилъ на охоту. Марія-Антуанетта сознавала свое безсиліе и ушла въ себя. Будь она мужчиной, она представила бы для революціи громадную опасность.

Генеральные штаты.

Франція должна была послать 1.214 депутатовъ въ генеральные штаты: *треть* ихъ должны были послать дворяне, *треть*—духовенство и *треть*—третье сословіе. Дворянство и духовенство выбирали депутатовъ прямымъ голосованіемъ, третье же сословіе должно было выбирать ихъ черезъ выборщиковъ. Пассивное избирательное право было очень расширено. Выбирались одновременно и кандидаты—замѣстители депутатовъ. Въ городахъ третье сословіе избирало депутатовъ по цехамъ или по кварталамъ. Окружное собраніе выборщиковъ состояло изъ осѣдлыхъ въ немъ лицъ мужского пола, имѣвшихъ не менѣе двадцати пяти лѣтъ отъ роду и не принадлежавшихъ ни къ дворянству, ни къ духовенству. Право голоса имѣли всѣ, носившіе какой-нибудь должностной титулъ или чинъ, занимавшіе какую-нибудь должность или имѣвшіе дипломъ на мастера, или же, наконецъ, лица, имѣвшія возможность документально доказать, что ежегодно уплачиваютъ не менѣе шести франковъ налога.

Власти и привилегированныя сословія прибѣгали ко всевозможнымъ средствамъ для того, чтобы не дать оппозиціи побѣдить на выборахъ, но они уже не въ силахъ были бороться съ могучимъ подъемомъ оппозиціоннаго настроенія въ народѣ. Выборы третьяго сословія свидѣтельствовали о полной и исключительной побѣдѣ новыхъ идей, и даже среди представителей, избранныхъ дворянствомъ и духовенствомъ, оказалось немало лицъ, преданныхъ народному дѣлу. И только въ Парижѣ, гдѣ всѣ ожидали полной побѣды оппозиціи, властямъ при помощи разныхъ маневровъ удалось провести сторонниковъ реакціи.

Парижъ долженъ былъ избрать 20 представителей отъ третьяго сословія, 10 отъ дворянства и 10 отъ духовенства. Городъ этотъ, душа и оплотъ революціи, насчитывалъ тогда 600.000 жителей и былъ раздѣленъ на 60 избирательныхъ участковъ. Населеніе рабочихъ кварталовъ почти поголовно было отстранено отъ выборовъ, такъ какъ только немногіе платили шесть франковъ прямыхъ налоговъ. Число мастеровъ тоже было незначительно. Произошло три ряда выборовъ, и проведенные такимъ образомъ депутаты оказались приверженцами стараго порядка. Такой исходъ выборовъ въ столицѣ подѣйствовалъ до нѣкоторой степени угнетающимъ образомъ, и выборщики предмѣстій сильно жаловались на то, что масса рабочихъ отстранена отъ выборовъ.

Въ общемъ результатъ выборовъ былъ таковъ: дворянство было представлено 242 придворными и помѣстными дворянами, 28 лицами должностными, бывшими въ то же время членами парламента. Духовенство было представлено 48 архіепископами и епископами, 35 аббатами и деканами и 208 священниками. Наконецъ, третье сословіе было представлено двумя духовными лицами, 12 дворянами, 18 городскими гласными. 100 городскими служащими, 212 адвокатами, 16 врачами и 216 купцами и сельскими хозяевами.

Правительство думало схитрить и ни однимъ словомъ не обмолвиться о задачѣ генеральныхъ штатовъ, но, благодаря выборщикамъ, хитрость эта не удалась; они снабдили своихъ выборныхъ извѣстными наказами (cahiers), въ которыхъ были изложены ихъ жалобы и нужды. Какъ ни различны были эти cahiers въ подробностяхъ, они все-таки сходились всѣ на томъ, что генеральные штаты должны пересоздать государство и общество и издать для этой цѣли основной государственный законъ—полную конституцію. Политическій строй долженъ былъ получить форму наслѣдственной конституціонной монархіи; о республикѣ ни въ одномъ изъ этихъ наказовъ нѣтъ ни слова. Прежде всего, они требовали, чтобы налоги и займы были законны только въ случаѣ утвержденія ихъ народнымъ представительствомъ и обезпеченія собственности и личной свободы. Въ вопросѣ же о составѣ и компетенціи народнаго представительства такого единогласія не было.

Французскій народъ возлагалъ очень много надеждъ на это собраніе. Монархія мечтала о томъ, что предстоящее изданіе

основныхъ государственныхъ законовъ поможетъ ей стать на ноги и впослѣдствіи найти удобный моментъ для ихъ отмѣны; дворянство и духовенство надѣялись, что борьба партій въ парламентѣ поможетъ имъ сохранить свои привилегіи. Буржуазія надѣялась получить отъ этого собранія свободу личности и обезпеченіе частной собственности; ремесленники и рабочіе надѣялись, что оно освободитъ ихъ отъ [illegible] гнета и дастъ лучшій заработокъ; сельское населеніе ожидало отъ собранія, что оно облегчитъ тяжелое бремя налоговъ, освободитъ отъ оброка и барщины и уничтожитъ крѣпостное право. Всѣ были полны надеждъ и ожиданій, и при такомъ настроеніи Франціи 5 мая 1789 г. было открыто національное собраніе въ Версалѣ. Версаль опять былъ избранъ для того, чтобы бурныя волненія въ столицѣ не отражались на ходѣ занятій собранія.

Открытіе собранія произошло съ той традиціонною торжественностью, безъ которой дворъ, обыкновенно, не могъ обойтись въ подобныхъ случаяхъ. Прежде всего, собраніе съ королемъ, королевой, принцами и главными сановниками во главѣ торжественно отправилось въ церковь. И огромныя массы народа, стекшіяся со всѣхъ сторонъ посмотрѣть на народныхъ представителей, обнаружили, было, много воодушевленія, но оно очень скоро остыло: народъ вскорѣ замѣтилъ, что дворъ очень враждебно относится къ третьему сословію; вынужденный поневолѣ пойти на уступки, дворъ теперь старался отомстить ему мелочными, но раздражающими придирками. Сословія должны были быть строго отдѣлены другъ отъ друга. Дворяне выступали въ пышныхъ одеждахъ, въ шляпахъ со страусовыми перьями, вооруженные шпагами; духовенство было въ облаченіи, третье же сословіе носило простую черную одежду, шелковые плащи, шляпы безъ перьевъ и не было вооружено шпагами. Представители привилегированныхъ сословій были введены въ залъ засѣданій черезъ парадныя двери, и они высокомѣрно оглядывали представителей третьяго сословія, которымъ указанъ былъ входъ черезъ боковую дверь. Даже скамейки, на которыхъ сидѣли представители третьяго сословія, были ниже, чѣмъ скамейки для духовенства и дворянства.

Представители третьяго сословія не скрывали тѣхъ чувствъ, которыя возбуждало въ нихъ это пренебреженіе. Когда король появился для произнесенія тронной рѣчи, его, по старинному обычаю, сопровождали королева и принцы; начиная рѣчь, онъ

надѣлъ шляпу, за нимъ то же самое сдѣлало дворянство и духовенство; третье сословіе тоже надѣло шляпы и привело въ ярость присутствовавшихъ въ залѣ королевскихъ церемоніймейстеровъ. Третье сословіе хотѣло этимъ показать, что время подчиненности для него прошло.

Тронная рѣчь въ общемъ была бессодержательна: Людовикъ XVI говорилъ о денежной нуждѣ, старался вселить надежды на бережливость, призывалъ къ единенію и напиралъ на свои верховныя права; въ данный моментъ это было вовсе не умѣстно. Вслѣдъ за нимъ говорилъ хранитель государственной печати Барантэнъ и разразился филиппикой противъ духа новшествъ и неповиновенія. Онъ говорилъ о справедливыхъ и удовлетворенныхъ королемъ требованіяхъ, умалчивая о томъ, что для выраженія этихъ требованій должно было состояться особое собраніе; онъ говорилъ о неразумномъ рвеніи сторонниковъ реформъ и о томъ, что король въ снисхожденіи своемъ оставилъ это безъ вниманія; онъ говорилъ о бессмысленныхъ мечтаніяхъ и опасныхъ нововведеніяхъ, которыми хотятъ замѣнить основные и неизмѣнные законы монархическаго правленія. Затѣмъ сословіямъ было объявлено, чего собственно правительство ожидаетъ отъ нихъ. Во всѣхъ вопросахъ, кромѣ финансовыхъ, они должны голосовать по сословіямъ; такимъ путемъ правительство хотѣло добиться обложенія привилегированныхъ сословій, съ цѣлью увеличенія государственныхъ доходовъ. Затѣмъ генеральнымъ штатамъ предстояло обсудить законъ о свободѣ печати, равно какъ измѣненія въ уложеніи о наказаніяхъ и въ гражданскомъ кодексѣ. Вотъ и все.

Послѣ этого сталъ говорить Неккеръ, воспользовавшійся случаемъ показать, какъ мало онъ понималъ въ государственной политикѣ. Человѣкъ, добившійся созыва генеральныхъ штатовъ, любимецъ третьяго сословія, человѣкъ, пользовавшійся всеобщимъ довѣріемъ, не нашелъ ничего лучшаго, какъ битыхъ три часа говорить исключительно о финансовыхъ вопросахъ, занимая слушателей безконечнымъ рядомъ цифръ. Онъ даже ни однимъ словомъ не обмолвился по такому важному вопросу, какъ порядокъ голосованія—будетъ ли послѣднее общимъ или по сословіямъ.

Такое отношеніе двора и министровъ сразу выяснило третьему сословію, въ чемъ дѣло. Оно сразу поняло, что дворъ и министры рѣшили просто игнорировать тѣ желанія и требо-

ванія, которыя нашли себѣ выраженіе въ ихъ наказахъ. Въ виду такого положенія вещей, оно, съ своей стороны единодушно рѣшило позабыть о собственныхъ разногласіяхъ и до послѣдней крайности настаивать на осуществленіи своихъ правъ и требованій своихъ избирателей.

Для каждого изъ трехъ сословій правительствомъ приготовлено было по залу. Третьему сословію, какъ самому многочисленному, былъ предоставленъ залъ общихъ засѣданій. Оно сумѣло съ большою ловкостью использовать это само по себѣ незначительное обстоятельство. Оно обратилось къ двумъ остальнымъ сословіямъ съ предложеніемъ приступить къ провѣркѣ депутатскихъ полномочій въ залѣ общихъ засѣданій. Но хотя требованіе такой совмѣстной провѣрки было весьма справедливо, недальновидные представители привилегированныхъ сословій оставили это приглашеніе безъ вниманія. Они хотѣли сохранить раздѣленіе на сословія; третье же сословіе было противъ этого и рѣшительно заявило, что депутаты, засѣдающіе въ залѣ общихъ засѣданій, представляютъ собою часть собранія, а вовсе не отдѣльное сословіе.

Переговоры не привели ни къ чему; страна съ напряженнымъ ожиданіемъ слѣдила за собраніемъ генеральныхъ штатовъ, а, между тѣмъ, прошло уже шесть недѣль, а оно еще не покончило съ формальностями.

Предсѣдателемъ собранія въ общемъ залѣ засѣданій былъ избранъ Бальи, знаменитый ученый и впослѣдствіи мэръ Парижа; вся дѣятельность его направлена была къ осуществленію той самой революціи, въ которой ему суждено было впослѣдствіи погибнуть. И онъ, и аббатъ Сійесъ прекрасно сознавали, что если ничего не предпринять, собраніе останется раздѣленнымъ на сословія, и общаго голосованія не будетъ. Пока вопросъ висѣлъ въ воздухѣ, они не теряли времени и склонили многихъ священниковъ присоединиться къ депутатамъ, засѣдавшимъ въ общемъ залѣ засѣданій; дѣло дошло до того, что низшее духовенство почти цѣликомъ было на сторонѣ народа.

17 іюня 1789 года былъ сдѣланъ рѣшительный шагъ. По предложенію Сійеса, 491 голосомъ противъ 90 было рѣшено, что депутаты, собравшіеся въ залѣ общихъ засѣданій, объявляютъ себя представительствомъ французскаго народа подъ именемъ *національнаго собранія*.

За этимъ постановленіемъ было сдѣлано второе, что только

національное собраніе въ правѣ утверждать налоги и что, хотя существующіе налоги противозаконны, они однако оставляются въ силѣ до дня закрытія національнаго собранія. Затѣмъ было сдѣлано постановленіе, что, поскольку національному собранію предоставлено будетъ свободно работать надъ переустройствомъ французскаго государства, оно не отказывается признать государственные долги. Особенно умно было послѣднее постановленіе, такъ какъ оно заинтересовывало кредиторовъ государства въ успѣхѣ національнаго собранія.

Масса населенія, дождавшись, наконецъ, рѣшительныхъ дѣйствій, громко выражала свое сочувствіе представителямъ третьяго сословія, и послѣдніе сознавали, что сила народа на ихъ сторонѣ. Дворъ и привилегированные были поражены смѣлостью третьяго сословія и оставались въ бездѣйствіи. Дворянство и духовенство не знали, что дѣлать: объявить себя первой палатой, какъ предлагалъ Монтескье, они не рѣшались. Вмѣстѣ съ парламентомъ они добивались у короля, чтобы онъ принялъ мѣры противъ третьяго сословія, и этотъ ограниченный и слабый человѣкъ всецѣло перешелъ на ихъ сторону. Неккеръ совѣтовалъ королю собрать всѣ три сословія, объявить постановленія третьяго недѣйствительными, пообѣщать нѣсколько реформъ и пригрозить собранію роспускомъ въ случаѣ дальнѣйшаго сопротивленія. Вотъ до чего дошла безхарактерность женевскаго банкира, но парламентъ парижскій оказался еще болѣе безхарактернымъ. Еще такъ недавно эта корпорація заявляла, что только генеральные штаты въ правѣ утверждать налоги; теперь же она предлагала королю признать законными всѣ налоги, которые онъ установитъ, лишь бы онъ распустилъ генеральные штаты.

Король поддался внушенію привилегированныхъ сословій и рѣшилъ вмѣшаться. Но дѣло кончилось совсѣмъ не такъ, какъ предполагали и надѣялись привилегированныя сословія.

Клятва въ залѣ городского собранія.

Смѣлость и рѣшительность всегда производятъ выгодное впечатлѣніе, и дѣйствія національнаго собранія не могли остаться безъ вліянія на тѣхъ депутатовъ другихъ сословій, которые были преданы народнымъ интересамъ. Большинство представителей духовенства рѣшило присоединиться къ націо-

нальному собранію. Дворъ считалъ необходимымъ противиться этому присоединенію и оттянуть его до того дня, когда предполагалось, что король снова явится въ собраніе и положитъ конецъ дерзкимъ притязаніямъ мѣщанской сволочи, какъ выражались аристократы. Чтобы выполнить это насиліе, дворъ не нашелъ болѣе умнаго предлога, какъ объявить, что, въ виду предстоящаго прибытія короля, залъ нужно привести въ порядокъ и что поэтому засѣданія національнаго собранія придется прервать. Рѣшеніе это было передано президенту Бальи запиской оберъ-церемоніймейстера графа фонъ-Дре-Брезе утромъ 20 іюня. Бальи запиской же отвѣтилъ, что королевскаго указа онъ по этому предмету не получилъ и что указаніями оберъ-церемоніймейстера онъ руководствоваться не можетъ. Когда же депутаты собрались на засѣданіе, они нашли залъ засѣданій закрытымъ и охраняемымъ военной силой, предложившей имъ убраться.

Насиліе это не лишило бодрости депутатовъ; они уже заранѣе приготовились къ чему-либо подобному. По предложенію доктора Гильотена, извѣстнаго по названному его именемъ орудію казни, они рѣшили отправиться въ залъ городского собранія. Этотъ залъ, предназначенный для баловъ, былъ очень большихъ размѣровъ, безъ всякой мебели, и теперь онъ послужилъ убѣжищемъ для находящихся въ опасности депутатовъ. Засѣданія свои они должны были вести среди этихъ голыхъ стѣнъ, стоя. Съ принесенной кѣмъ-то скамейки стали раздаваться огненныя рѣчи. Рѣшено было отправиться въ Парижъ и тамъ отдать себя подъ защиту парижскаго населенія. Предварительно, однако, Мунье внесъ предложеніе принести всѣмъ собраніемъ клятву въ томъ, что они не разойдутся до тѣхъ поръ, пока не будетъ создана соотвѣтствующая народнымъ желаніямъ конституція. Собраніе, находившееся подъ дамокловымъ мечемъ опасности, съ самоотверженнымъ воодушевленіемъ присоединилось къ предложенію Мунье, и Бальи, ставъ на стулъ, взялъ съ собранія слѣдующую клятву:

«Вы клянетесь въ томъ, что не разойдетесь и будете собираться, гдѣ только возможно, пока не будетъ выработана конституція для королевства и пока она не получитъ надежныхъ гарантій».

Съ бурнымъ воодушевленіемъ, поднявъ руки вверхъ, собраніе принесло эту памятную присягу. *«Клянемся»*—отвѣтили шестьсотъ депутатовъ, а собравшійся у зданія городского со-

бранія народъ съ улицы тысячами радостныхъ голосовъ закричалъ: «Да здравствуетъ національное собраніе!» Чтобы окончательно связать себя, было тотчасъ рѣшено подписать присягу, и тогда одинъ единственный депутатъ, юристъ, заявилъ протестъ противъ нея. Среди депутатовъ третьяго сословія оказался одинъ только депутатъ, не оправдавшій народнаго довѣрія.

На слѣдующій день національное собраніе избрало мѣстомъ своихъ засѣданій церковь С.-Луи, и здѣсь къ нему присоединилось 149 депутатовъ отъ духовенства. Такъ-то вмѣстѣ съ рѣшимостью росла и сила. Клятва въ залѣ городского собранія лишила старый абсолютизмъ послѣднихъ остатковъ значенія въ глазахъ французскаго народа. Опираясь на сочувствіе и довѣріе народныхъ массъ, національное собраніе постепенно и послѣдовательно шло къ достиженію своей великой цѣли,—къ полному уничтоженію устарѣлаго феодальнаго господства. Клятва въ залѣ городского собранія сыграла роль скалы, о которую безслѣдно разбились всѣ насилія гибнущаго абсолютизма.

Неудавшійся государственный переворотъ.

Неккеръ посовѣтовалъ королю объявить недѣйствительными постановленія третьяго сословія, а наказы депутатовъ—несуществующими; для того же, чтобы эта пилюля не показалась народу слишкомъ горькой, онъ рекомендовалъ позолотить ее обѣщаніями нѣкоторыхъ реформъ, напр., облегченія податей, отмѣны бланковъ о задержаніи, свободы печати и т. п. Людовикъ уже склонился было къ такому рѣшенію, но королева убѣдила его не слушаться Неккера. Вслѣдствіе этого Неккеръ не явился на важное засѣданіе 23 іюня, и народъ снова возвратилъ ему немного той симпатіи, которую онъ успѣлъ уже къ тому времени потерять окончательно.

23 іюня Людовикъ XVI появился въ залѣ засѣданій съ тою же пышностью, какъ и при открытіи засѣданій генеральныхъ штатовъ. Всѣ сословія были уже въ сборѣ, но депутатовъ третьяго сословія долго заставили ждать на улицѣ подъ дождемъ и впустили черезъ боковую дверь, заставивъ ихъ долго стучаться. Король началъ свою рѣчь выраженіемъ порицанія сословіямъ за возникшіе между ними раздоры, а постановленія третьяго сословія, «такъ называемаго національ-

наго собранія, онъ обращался [illegible]. Тонъ, которымъ король этотъ разъ обращался къ собранію, былъ высокомѣренъ, и слѣды внушеній королевы и двора были очень замѣтны. Онъ увѣрялъ, что до сихъ поръ всегда посвящалъ свои заботы благоденствію народа,—утверждать это передъ мыслящими людьми было, по меньшей мѣрѣ, комичнымъ. Затѣмъ онъ обѣщалъ дать конституцію съ двумя палатами, обложить имѣнія привилегированныхъ сословій, если послѣднія на это согласятся сами, но все это, конечно, звучало, какъ насмѣшка. Кромѣ того, онъ говорилъ о своемъ желаніи «разумно» обезпечить свободу личности, созывать черезъ правильные промежутки времени генеральные штаты и предоставить имъ право утвержденія налоговъ. При всѣхъ этихъ реформахъ онъ обѣщалъ обратить особое вниманіе на то, чтобы права собственности не пострадали; а это маленькое замѣчаніе лишало всякаго значенія всѣ его обѣщанія. Въ общемъ же, фальшь и двусмысленность этихъ обѣщаній выступали съ такой ясностью, что недовѣріе къ двору у сторонниковъ реформъ возросло еще болѣе. Заканчивая свою рѣчь, Людовикъ XVI придалъ своему голосу насильственное высокомѣріе и сказалъ: «Я *приказываю* вамъ, господа, *немедленно* разойтись. Завтра же пусть каждый изъ васъ явится въ тотъ залъ, который предназначенъ для его сословія».

Когда король оставилъ залъ, дворянство и духовенство послѣдовали королевскому повелѣнію, депутаты же, составившіе національное собраніе, остались сидѣть въ глубокомъ молчаніи. Они были полны рѣшимости не подчиняться приказаніямъ абсолютной власти. Это молчаніе народныхъ представителей было болѣе чѣмъ краснорѣчиво; но еще краснорѣчивѣе была раздавшаяся въ этой тишинѣ рѣчь того человѣка, который съ этого момента становится одной изъ замѣчательнѣйшихъ фигуръ революціи; это былъ *Мирабо*.

Оноре-Габріель-Викторъ Рикетти, графъ де-Мирабо, сынъ знаменитаго писателя—дворянина изъ Прованса, отличался выдающимися способностями, пылкимъ, страстнымъ характеромъ и очень рано уже не могъ ужиться ни со строгимъ отцомъ, ни съ другими заурядными людьми. Онъ поступилъ было на военную службу, но она ему не понравилась; сталъ вести распутную жизнь, имѣлъ много романовъ и надѣлалъ много долговъ. Отецъ постарался, чтобы при помощи бланка

о заключеніи его отцомъ въ государственную тюрьму, и онъ содержался сперва въ [illegible], потомъ въ крѣпости Жу. Изъ Жу онъ бѣжалъ вмѣстѣ съ чужой молодой женой [illegible] дѣятеля въ Голландію. За это его приговорили къ смертной казни черезъ повѣшеніе, и казнь эта была выполнена надъ его изображеніемъ. Голландія выдала его, и онъ просидѣлъ два года въ Венсеннѣ. Добившись свободы, онъ получилъ дипломатическое назначеніе въ Берлинъ. Тамъ онъ написалъ книгу о Пруссіи и за это подвергся высылкѣ. Возвратившись во Францію, онъ сталъ писать противъ ненавистнаго ему абсолютизма, и его уже должны были арестовать, какъ началась революція. Дворянство инстинктивно ненавидѣло этого необыкновеннаго человѣка, и Мирабо примкнулъ къ третьему сословію. Очень часто народъ устраивалъ этому смѣлому писателю оваціи и тріумфы. Чтобъ получить возможность попасть въ государственное собраніе, онъ долженъ былъ показать, что онъ занимается какимъ-нибудь дѣломъ, и онъ не задумался открыть суконную лавку. [illegible] въ сердечные [illegible], онъ жаждалъ мести обществу, [illegible] долго морившему его въ тюрьмахъ, и дворянству, исключившему его изъ своей среды. Врядъ ли можно себѣ представить болѣе страшнаго противника для стараго порядка [illegible] умѣлаго вождя третьяго сословія, чѣмъ [illegible] Мирабо. Это былъ человѣкъ государственнаго ума и одинъ изъ величайшихъ политическихъ ораторовъ всѣхъ временъ—словомъ, политическій геній. Остается только пожалѣть, что онъ навсегда запятналъ славу своего имени, не устоявъ передъ подкупомъ двора. Пока же значеніе его быстро возрастало. Ему было тогда ровно сорокъ лѣтъ. Его могучая фигура съ некрасивымъ, изрытымъ оспою лицомъ, неуклюжими жестами, его [illegible], ядовитый сарказмъ, громовой голосъ, напоминанія объ учиненныхъ надъ нимъ насиліяхъ—все это превращало его въ олицетвореніе страшнаго суда надъ дворомъ и привилегированными сословіями, противъ которыхъ онъ направилъ свою дѣятельность.

Рѣчь свою онъ началъ съ заявленія, что король не въ правѣ дѣлать собранію какія-либо указанія; что же касается уступокъ деспотизма, то ихъ всегда надо принимать съ оглядкой, такъ какъ за ними всегда скрывается опасность. Съ особенной силой онъ напоминалъ депутатамъ о клятвѣ, принесен-

ной или въ залѣ городского собранія. Въ этотъ моментъ появляется несчастный оберъ-церемоніймейстеръ Дре-Брезе и спрашиваетъ президента Байи: «Вы слышали королевскій приказъ?» Байи уклончиво отвѣтилъ, что собраніе должно сперва обсудить его. Тогда передъ этимъ царедворцемъ сталъ Мирабо, объяснилъ ему, что онъ здѣсь не въ правѣ говорить и вообще никакихъ правъ не имѣетъ, и въ заключеніе крикнулъ ему: *«Мы собрались сюда по волѣ народа, и только силою штыковъ можно будетъ насъ разогнать. Передайте это вашему господину»*. Раздался громъ аплодисментовъ, царедворецъ поспѣшилъ скрыться, а Сіейсъ прибавилъ слѣдующую выразительную фразу: «Сегодня мы тѣ же члены національнаго собранія, какими были вчера. Приступимъ же къ совѣщаніямъ!» Такъ какъ показались солдаты, то, по предложенію молодого, увлекающагося и краснорѣчиваго адвоката Барнава изъ Гренобля, собраніе постановило: личность депутатовъ національнаго собранія неприкосновенна; всякій, кто преступитъ этотъ законъ, подлежитъ народному суду, какъ безчестный измѣнникъ своему народу и уголовный преступникъ.

Мирабо сказалъ очень вѣрно. Онъ могъ бы сказать, конечно, что собраніе останется и умретъ на своемъ посту, но въ случаѣ, если бы разогнали собраніе, эти слова были бы только смѣшны. Передъ штыкомъ собраніе устоять не могло, и Мирабо былъ правъ, когда онъ сознавалъ, что штыкамъ придется уступить. Но за національнымъ собраніемъ стояло парижское населеніе, и потому штыковъ въ дѣло не пустили. Въ виду всеобщаго броженія, рѣшимость двора поколебалась, и онъ не опустилъ занесенной уже руки. Въ этотъ моментъ Людовикъ потерялъ мужество и сказалъ церемоніймейстеру, передавшему ему слова Мирабо: «Если господа представители третьяго сословія не желаютъ очистить залъ, то пусть они въ немъ останутся». И, добившись этого права, третье сословіе осталось и приступило къ выработкѣ конституціи. Оно составило, такимъ образомъ, учредительное собраніе. Абсолютизмъ же и дворъ въ этотъ день потеряли послѣднее свое значеніе.

Неккеръ подалъ въ отставку, но по просьбѣ короля и королевы, обѣщавшей слѣдовать его совѣтамъ, взялъ свою отставку обратно. Между тѣмъ, къ національному собранію примкнуло еще 47 представителей дворянства, съ герцогомъ

Орлеанскимъ во главѣ. Король, признавшій, наконецъ, собраніе, не находилъ для него достаточно милостивыхъ и благосклонныхъ выраженій. Дворъ же, тѣмъ не менѣе, рѣшилъ перенести собраніе въ Версаль, чтобы лишить его защиты парижскаго населенія. Въ Версалѣ же надѣялись при помощи войскъ вынудить у собранія утвержденіе финансовыхъ проектовъ, а потомъ разогнать его.

Если бы не парижское населеніе, планъ этотъ, можетъ быть, и удался бы; но чувствуя, что правительство что-то затѣваетъ, парижское населеніе рѣшительно выступило и предупредило этотъ переворотъ сверху.

Въ августѣ 1789 г. англичанинъ Юнгъ опубликовалъ свое путешествіе по Франціи; описавъ массовую нищету и вырожденіе населенія провинцій, онъ замѣчаетъ: «Можетъ такой народъ когда-нибудь освободиться? Никогда! Ни черезъ тысячу лѣтъ! Лишь просвѣщенное населеніе Парижа брошюрами и статьями добилось всего!»

Штурмъ Бастиліи.

Скоро стали замѣтны приготовленія къ тому удару, который дворъ думалъ нанести народному представительству. Правительство стало стягивать войска вокругъ Парижа и Версаля, поручивъ командованіе ими грубому аристократу, маршалу де-Брогліо. Большая часть войскъ состояла изъ наемныхъ иноземцевъ, такъ какъ на французскія войска положиться не рѣшались. 30.000 человѣкъ уже окружили бурно волнующійся городъ, а 20.000 ч. подкрѣпленія уже подходили къ Парижу. Мирабо предложилъ послать къ королю депутацію и потребовать отозванія войскъ. Король отклонилъ это требованіе и сказалъ, что войска призваны «для охраны» генеральныхъ штатовъ. Впрочемъ, добавилъ онъ, если собраніе обнаруживаетъ опасенія, онъ можетъ перенести его въ Суассонъ или въ Анжу. Этимъ король, далеко не одаренный дипломатическимъ талантомъ, выдалъ весь планъ двора.

Когда открытыя приготовленія къ государственному перевороту стали всѣмъ извѣстны, въ Парижѣ началось необычайное броженіе и возбужденіе. Народъ во всѣхъ общественныхъ мѣстахъ собирался толпами. Въ нападеніи на народное собраніе онъ видѣлъ угрозу самому себѣ. Въ то время, какъ рабочіе стекались на улицу, представители буржуазіи собра-

лись въ городской ратушѣ. Представители 60 округовъ или участковъ собрались тамъ въ качествѣ политическаго союза. Народныя массы заполнили сады Пале-Рояля, который герцогъ Орлеанскій весьма охотно раскрылъ для этой цѣли. Со столовъ и скамеекъ здѣсь произносились рѣчи и разъяснялось народу положеніе вещей. Говорили, главнымъ образомъ, о войскахъ и о предполагаемомъ государственномъ переворотѣ.

11 іюля Неккеръ совершенно неожиданно получилъ отставку. При дворѣ думали, что онъ готовится стать во главѣ ожидаемаго народнаго восстанія, хотя можно смѣло утверждать, что такому трезвому финансисту это никогда и въ голову не приходило. Онъ немедленно уѣхалъ въ Брюссель, такъ какъ не безъ основанія опасался ареста. На мѣсто Неккера былъ назначенъ извѣстный аристократъ и врагъ народа баронъ де-Бретейль, набравшій себѣ подходящихъ коллегъ для управленія. Отставка Неккера сперва всѣхъ ошеломила въ Парижѣ, но затѣмъ возбужденіе возросло до максимума. Всѣ уже видѣли, чего можно ожидать отъ двора. Многотысячная толпа, собравшаяся въ паркѣ Пале-Рояль, отъ гнѣва переходила къ воодушевленію, отъ ярости къ нерѣшительности. Молодой адвокатъ Камиллъ Демуленъ, которому, подобно многимъ, суждено было прославиться и погибнуть отъ революціи, нашелъ, наконецъ, выходъ всеобщему возбужденію. Среди этого народа, частью испуганнаго, частью снующаго въ ярости туда и сюда, онъ взобрался на столъ съ пистолетомъ въ рукѣ. Его обычно заикающаяся рѣчь потекла въ тотъ моментъ воодушевленія, какъ расплавленная лава. «Граждане,—воскликнулъ онъ,—нельзя терять ни минуты. Отставка Неккера—это сигналъ къ Варѳоломеевской ночи для всѣхъ патріотовъ. Еще сегодня вечеромъ черезъ Марсово поле вступятъ въ городъ германскіе и швейцарскіе батальоны, чтобы задушить насъ. Для насъ только одно спасеніе: *къ оружію, граждане!*» Толпа тысячами голосовъ привѣтствовала смѣлаго оратора. Онъ сорвалъ съ дерева листъ и воткнулъ его въ свою шляпу, всѣ остальные сдѣлали то же самое. И зеленый цвѣтъ, цвѣтъ надежды, сталъ отличительнымъ признакомъ патріотовъ. Въ скоромъ времени этотъ цвѣтъ былъ оставленъ, такъ какъ это былъ цвѣтъ графа д'Артуа.

При кликахъ «къ оружію» толпа разсѣялась по улицамъ, не имѣя передъ собой никакой опредѣленной цѣли. Люди не-

увѣренно метались туда и сюда, какъ это всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ. Изъ одного магазина забрали бюсты Неккера и герцога Орлеанскаго и съ тріумфомъ понесли ихъ на площадь Людовика XV. Всѣхъ встрѣчныхъ прохожихъ вынуждали снимать передъ этими бюстами шляпы. Въ тотъ моментъ, когда эти бюсты обносили вокругъ изваянія любовника Дюбарри, появился князь де-Ламбекъ во главѣ драгунскаго полка Royal-Allemand (королевско-нѣмецкаго). Этотъ грубый солдатъ тотчасъ же приказалъ своей кавалеріи произвести сабельную атаку на толпу, и много народа было порублено и растоптано лошадьми. Безоружная масса разсѣялась по улицамъ съ криками: «къ оружію!» Герцогъ Орлеанскій тоже совѣтовалъ вооружиться, и общество избирателей въ городской ратушѣ раскрыло народу находившійся тамъ складъ оружія. Какъ всегда въ такихъ случаяхъ, оружейные мастера и торговцы должны были отдать принадлежащее имъ оружіе, и этого нельзя назвать грабежомъ, потому что большинство ихъ охотно дѣлало это. Предметовъ цѣнныхъ нигдѣ не грабили и не расхищали. Французская гвардія была на сторонѣ народа, потому что она освободила нѣсколько заключенныхъ въ аббатствѣ гвардейцевъ. Гвардію держали въ казармахъ, приставивъ къ ней въ качествѣ караула отрядъ полка Royal-Allemand, состоявшаго изъ однихъ нѣмцевъ. Но когда гвардіи стало извѣстно, что началось народное возмущеніе, она вырвалась изъ казармы, не обращая вниманія на офицерскія приказанія. «Вы за третье сословіе?»—спросили они драгунъ. «Мы за нашихъ начальниковъ»,—отвѣтили тѣ. Началась битва. Гвардія дала залпъ; много драгунъ было убито, а остальные разбѣжались. Форсированнымъ маршемъ двинулась гвардія на площадь Людовика XV и заняла тамъ позицію, чтобы вмѣстѣ съ народомъ отразить нападеніе ожидаемыхъ съ Марсова поля войскъ.

Но этого нападенія не послѣдовало. Де-Безанваль, командовавшій на Марсовомъ полѣ, правда, выступилъ, но не могъ заставить свои войска напасть на гвардію. Нѣкоторыя войсковыя части перешли на сторону народа, и Безанваль ретировался опять на Марсово поле. Пока что народъ срывалъ свой гнѣвъ на королевскихъ таможняхъ и разрушалъ ихъ вмѣстѣ съ барьерами.

Дворъ не былъ особенно опечаленъ возстаніемъ, такъ какъ

онъ надѣялся, что легко можно будетъ подавить его и безъ всякаго затрудненія разогнать національное собраніе. Парижская городская дума, во главѣ которой стоялъ негоціантъ Флессель, отступила на задній планъ, такъ какъ ничего не хотѣла предпринять противъ двора. Мѣсто ея заняло засѣдавшее въ городской ратушѣ собраніе избирателей, объявившее, что оно не разойдется, и вынудившее Флесселя стать во главѣ собранія.

На слѣдующій день, 13 іюля, съ самаго ранняго утра зазвучалъ набатъ, и народъ высыпалъ на улицы, отыскивая оружіе. Оружія находили очень мало, и Флессель въ данномъ случаѣ оказался предателемъ. Онъ говорилъ, что тамъ-то и тамъ-то хранится оружіе, но всякій разъ оказывалось, что это было невѣрно. Было ясно, что онъ хочетъ затянуть дѣло, чтобы приближающіяся войска нашли народъ еще безоружнымъ. Но комитетъ избирателей энергично взялся за народное дѣло. Онъ постановилъ организовать гражданскую милицію (національную гвардію), назначивъ ей кокарду синяго и краснаго цвѣтовъ,—цвѣта города Парижа. Такъ какъ сейчасъ же нельзя было раздобыть того количества ружей, которое нужно было для 48.000 человѣкъ гражданской милиціи, то комитетъ избирателей заказалъ 50.000 пикъ, которыя и были изготовлены въ невѣроятно короткій срокъ. Такимъ образомъ, можно было надѣяться оказать успѣшное сопротивленіе, но и въ тотъ день нападенія не послѣдовало, такъ какъ Безанваль не былъ достаточно увѣренъ въ своихъ войскахъ и ожидалъ медленно подходившихъ подкрѣпленій.

Національное собраніе объявило себя постояннымъ, потребовало удаленія войскъ и учрежденія гражданской милиціи, выразило сожалѣніе по поводу отставки Неккера и возложило отвѣтственность за все, что произошло и произойдетъ, на королевскихъ совѣтниковъ. Дворянство и духовенство приняли участіе въ этихъ постановленіяхъ.

Въ ослѣпленіи своемъ дворъ былъ увѣренъ въ своей побѣдѣ. Ожидали только прибытія подкрѣпленій, которыя должны были положить конецъ парижскому возстанію и сломить сопротивленіе національнаго собранія. Правительство вполнѣ положилось на штыки, но на этотъ разъ ему суждено было оказаться безсильнымъ.

14 іюля снова зазвучалъ набатъ. Отыскивавшій оружіе нар

родъ открылъ въ погребахъ Дома инвалидовъ складъ въ 30.000 ружей, большое количество сабель, шпагъ и нѣсколько пушекъ. Народъ вооружился; рабочіе С.-Антуанскаго предмѣстья и предмѣстья С.-Марсо, подъ предводительствомъ пивовара Сантерра, соединились съ гвардіей.

Вооруженныя массы жаждали боя и искали, на кого бы напасть. Народный гнѣвъ какъ-то самъ собой обрушился на Бастилію, ту ужасную государственную тюрьму, разрушенія которой, между прочимъ, требовали уже нѣкоторые наказы выборныхъ. Кромѣ того, руководители возстанія могли опасаться, что при нападеніи войскъ Бастилія послужитъ имъ несокрушимымъ оборонительнымъ пунктомъ.

Словомъ, въ полдень 14 іюля по улицамъ Парижа раздается крикъ: «*къ Бастиліи! къ Бастиліи!*» Тысячи голосовъ повторяютъ этотъ возгласъ, и вооруженныя толпы направляются къ ненавистной крѣпости.

Бастилія была расположена въ срединѣ города и представляла собой крѣпость, построенную въ концѣ четырнадцатаго столѣтія. Она состояла изъ восьми громадныхъ башенъ, по сто футовъ вышины, соединенныхъ другъ съ другомъ стѣной въ девять футовъ толщины. Все это было окружено рвомъ въ 25 футовъ глубины, а во внутрь крѣпости можно было проникнуть только по подъемнымъ мостамъ. 14 іюля гарнизонъ крѣпости состоялъ изъ 82 инвалидовъ и 33 швейцарцевъ. Провіанта въ крѣпости французскаго деспотизма было только на сутки; дворъ ничего не сдѣлалъ для того, чтобы снабдить крѣпость необходимыми средствами защиты.

Подъ неприступными стѣнами Бастиліи раздавался гулъ вооруженнаго народа и грозный крикъ: «*Сдавайте Бастилію! Сдайте намъ Бастилію!*» Гарнизонъ оставался неподвижнымъ за поднятыми мостами, а губернаторъ Делонэ оставилъ безъ отвѣта требованіе сдачи. Тогда выступили впередъ два человѣка — сержантъ Эли и женевскій часовщикъ Гюлленъ, извѣстный впослѣдствіи генералъ Имперіи. Они стали рубить топорами цѣпи большого подъемнаго моста, и мостъ удачно упалъ. Народъ устремился на мостъ и направился къ воротамъ. Въ этотъ моментъ Делонэ приказалъ стрѣлять. Раздался залпъ бастильскихъ орудій по наступающему народу, а затѣмъ послѣдовалъ оглушительный ружейный огонь изъ амбра-

зуръ. Многіе были убиты и ранены. Народъ энергично отвѣчалъ на огонь, но не могъ причинить вреда укрывавшимся за толстыми стѣнами защитникамъ Бастиліи. Залпъ картечью заставилъ тоже наступавшихъ очистить мостъ, но Эли и Гюлленъ снова бросились впередъ, и бой снова загорѣлся. За время четырехчасового безуспѣшнаго штурма вся земля пропиталась кровью. Въ этой крови получила крещеніе побѣда третьяго сословія.

Громъ орудій и ружейная трескотня перепугали комитетъ избирателей въ городской ратушѣ. Онъ отправилъ къ Бастиліи депутацію съ цѣлью посредничества, но это не имѣло успѣха. Это только возбудило недовѣріе со стороны народныхъ борцовъ. Бой продолжался, но въ это время прибыла къ Бастиліи вѣрная союзница народа—гвардія и привезла съ собой пушки. Она выставила свои орудія впередъ и открыла по крѣпости усиленный огонь. Делонэ приказалъ отвѣтить такимъ же жестокимъ огнемъ, и снова большое число нападавшихъ было убито и ранено. Но гарнизонъ Бастиліи потерялъ присутствіе духа, когда увидѣлъ, что гвардія напала на крѣпость. Совершенно неожиданно онъ поднялъ бѣлый флагъ въ знакъ того, что крѣпость сдастся. Делонэ хотѣлъ было взорвать себя вмѣстѣ съ пороховымъ складомъ, но гарнизонъ помѣшалъ ему въ этомъ.

Орудія замолкли, и офицеръ швейцарцевъ черезъ амбразуру потребовалъ свободнаго пропуска гарнизону. Народъ закричалъ: «Спустите мостъ!», а Эли и Гюлленъ прибавили: «Вамъ ничего не сдѣлаютъ!» Мостъ былъ спущенъ, и осаждавшій народъ ворвался внутрь. Было пять часовъ пополудни когда Бастилія перешла въ руки народа, но побѣда была куплена цѣною многихъ жертвъ.

Гарнизону даровали жизнь, но губернатора и коменданта Бастиліи невозможно было защитить отъ разъяренной толпы, которой своими глазами пришлось видѣть, какъ многія сотни изъ ея рядовъ пали подъ картечью гарнизона. Оба они были убиты, а головы ихъ надѣты на пики. Вскорѣ затѣмъ въ городскомъ домѣ появилась группа народныхъ борцовъ и взяла тамъ предателя Флесселя. У Делонэ будто бы найдено было письмо Флесселя такого содержанія: «Держитесь до вечера: вы получите подкрѣпленіе!» Флессель былъ отведенъ въ Пале-Рояль, гдѣ предполагалось судить его. Но по дорогѣ къ арестован-

кому приблизился какой-то неизвѣстный и сразу уложилъ его выстрѣломъ изъ пистолета.

Въ Бастиліи оказалось всего семь государственныхъ преступниковъ, при чемъ двое изъ нихъ уже успѣли сойти съ ума отъ продолжительности заключенія. Это обстоятельство часто хотѣли истолковать въ пользу правительства Людовика XVI, какъ будто эта случайность дѣлаетъ Бастилію менѣе ужасной темницей, можетъ примирить насъ съ бланками о задержаніи.

Въ то время, какъ одна часть побѣдоноснаго народа при радостныхъ крикахъ разрушила ненавистный оплотъ деспотизма, Парижъ готовился отразить нападеніе войскъ, стянутыхъ на Марсовомъ полѣ. Городъ превратился въ военный лагерь. Набатъ не прекращался; отливали пули, ковали пики, взрывали мостовую и строили баррикады. Дома были приготовлены къ оборонѣ, и гражданская милиція стала подъ ружье. Всѣ твердо ждали боя.

Но и на этотъ разъ нападенія войскъ не послѣдовало, такъ какъ король въ это время уже потерялъ мужество. Дворъ далъ этому монарху совсѣмъ ложное представленіе о положеніи и событіяхъ въ Парижѣ. Но тутъ передъ королемъ выступилъ герцогъ де-Ліанкуръ, главный начальникъ придворной гардеробной и членъ генеральныхъ штатовъ, и описалъ ему истинное положеніе вещей — какъ народъ вооружился, взялъ Бастилію и что на войска нельзя положиться.

— «Э,—сказалъ Людовикъ,—да вѣдь это форменный бунтъ!»

— «Нѣтъ, ваше величество,—отвѣтилъ герцогъ де-Ліанкуръ, — *это революція*».

Маршалъ Броглie собирался въ ночь съ 14 на 15 іюля напасть на Парижъ съ семи сторонъ; подчинивъ городъ, можно было разогнать національное собраніе и заставить парламентъ внести въ реестръ финансовые эдикты и выпустить новые кредитные билеты. Этотъ планъ побудилъ перейти на сторону революціи не только среднюю, но и крупную буржуазію, потому что буржуа всегда храбрѣе боролись за свое имущество, чѣмъ за общечеловѣческія права. Двѣ депутаціи національнаго собранія получили отъ Людовика самый рѣшительный отказъ на просьбу удалить войска, но послѣ разсказа герцога онъ немедленно отдалъ это приказаніе. Дворъ былъ побѣжденъ смѣлостью и мужествомъ парижскаго народа.

Подъ возбуждающимъ вліяніемъ разыгравшихся въ Парижѣ

событій національное собраніе оставалось на своихъ мѣстахъ всю ночь съ 14 на 15 іюля. Утромъ 15 іюля получено было извѣщеніе, что король прибудетъ въ собраніе въ сопровожденіи однихъ только двухъ своихъ братьевъ. Это вызвало крики одобренія. Но разсудительный Мирабо сумѣлъ подавить этотъ наплывъ прежнихъ вѣрноподданическихъ чувствъ. Онъ напомнилъ о пролитой въ Парижѣ крови, рекомендовалъ строгую сдержанность и закончилъ: «Молчаніе народа—наука королямъ!»

Король былъ встрѣченъ мрачнымъ молчаніемъ, и это произвело на него сильное впечатлѣніе. Онъ уже обратился къ депутатамъ, какъ къ національному собранію, объявилъ себя заодно съ народомъ и закончилъ растроганнымъ голосомъ: *«Итакъ, представители моего народа, довѣряюсь вамъ»*. Громомъ одобренія отвѣтило на эти слова увлеченное собраніе. Оно примирилось съ королемъ, который еще за минуту передъ тѣмъ хотѣлъ разогнать его силою оружія и котораго привелъ въ среду столь ненавистныхъ ему депутатовъ страхъ передъ побѣдоноснымъ парижскимъ населеніемъ. Не только отдѣльные люди, но и цѣлыя собранія иногда впадаютъ въ сентиментальность.

Собраніе послало въ Парижъ мирную депутацію, состоявшую изъ Бальи, Лалли-Толандаля, Ліанкура и Лафайета. Эта депутація возвѣстила объ отозваніи войскъ, о смѣнѣ министра Бретейля и о назначеніи Неккера на его мѣсто. Депутація была принята народомъ при громкихъ крикахъ радости, но когда было возвѣщено, что король прощаетъ французской гвардіи,—поднялась буря недовольства, которую съ трудомъ удалось успокоить.—Гвардія,—говорилъ народъ,—не нуждается въ прощеніи.

16 іюля Бастилія была окончательно стерта съ лица земли; затѣмъ, на основаніи новаго муниципальнаго положенія, установившаго главный совѣтъ представителей 60 секцій и общинный совѣтъ изъ 30 членовъ, тоже избранныхъ секціями, мэромъ Парижа былъ избранъ знаменитый ученый Бальи, а командиромъ національной гвардіи, какъ назвали гражданскую милицію, былъ избранъ Лафайетъ.

Національная гвардія получила у Лафайета военную организацію, а цвѣтами ея были синій, бѣлый и красный. Съ тѣхъ поръ этотъ трехцвѣтный флагъ сталъ знакомъ національной свободы.

Король вернулся въ Пруссію. [illegible] новый царь [illegible] величество! Я [illegible] Пруссіи. Эти [illegible] Георгу IV. Онъ тогда [illegible] своей народъ [illegible] Эта рѣчь не понравилась царю. Вооруженный, онъ стоялъ [illegible]

[illegible]

[illegible]

Тогда [illegible]

никающей буржуазии. Такъ называютъ теперь тотъ гражданскій классъ собственниковъ, который тогда получилъ политическую власть. Народъ долженъ былъ образовать пьедесталъ этого гражданскаго порядка и вернуться къ своей работѣ. Никто еще не подозрѣвалъ, что гражданская гвардія, учрежденная для защиты народа, въ скоромъ времени уже будетъ защищать новый привилегированный классъ отъ волнующагося народа и направитъ свое оружіе противъ той же самой толпы, которая взяла Бастилію. Таковъ обычный ходъ такихъ революцій. Когда народъ уничтожаетъ старыя привилегіи, подъ именемъ свободы возникаютъ новыя, остающіяся для народныхъ массъ ничѣмъ инымъ, какъ порабощеніемъ.

Ночь четвертаго августа.

Побѣдоносная революціонная борьба 14 іюля отозвалас на всей странѣ и на всѣхъ общественныхъ отношеніяхъ.

Старое придворное дворянство поняло, наконецъ, что наступило новое время. Началась эмиграція, выселеніе этой касты, которая такимъ образомъ думала спастись отъ надвигающейся и предчувствуемой ею бури. Эмигранты надѣялись при помощи иноземцевъ возстановить во Франціи старые порядки. Графъ д'Артуа, принцъ Конде, принцъ Конти, маркизъ де-Бретейль, семейство Полиньякъ, де-Калоннъ и много другихъ представителей стараго дворянства оставили Францію и отправились въ Туринъ, гдѣ они строили заговоры противъ новаго порядка вещей во Франціи. Скоро мы увидимъ этихъ заговорщиковъ въ открытой войнѣ со своимъ отечествомъ.

Тѣ, кто остались при дворѣ, заняли выжидательное положеніе. Король и королева не распускали національнаго собранія, съ тайнымъ намѣреніемъ по возможности мѣшать его работамъ. Національное же собраніе спокойно перешло къ своей задачѣ—выработать для Франціи новый, соотвѣтствующій времени политическій строй. Оно могло бы выработать полный проектъ конституціи, обсудить его, принять пунктъ за пунктомъ и все принятое провозгласить основнымъ государственнымъ закономъ, но оно этого не сдѣлало; оно придало законную силу цѣлому ряду депутатскихъ предложеній и создало новыя учрежденія, ставшія необходимыми послѣ устраненія прежнихъ злоупотребленій. Для каждаго изъ своихъ рѣшеній

ему приходилось получать утвержденіе короля, и не разъ вступало оно съ нимъ, вслѣдствіе этого, въ конфликтъ.

Прежде всего, рѣшено было установить основы конституціи въ *декларацiи правъ человѣка* по примѣру Сѣверной Америки. Предложеніе это внесъ Лафайетъ, который со времени своего участія въ сѣверо-американской войнѣ за независимость всегда имѣлъ передъ глазами примѣръ Сѣверной Америки. Предложеніе было принято. Но во время совѣщаній о правахъ человѣка, какъ руководящей нити для будущей конституціи, провинція запылала—и все пришло въ движеніе.

14-е іюля вызвало во всей странѣ небывалое возбужденіе, обнаружившееся только тогда, когда столица уже нѣсколько успокоилась. Всѣ города Франціи выработали для себя городовое положеніе, установили общинные совѣты и учредили національную гвардію. Все—по примѣру Парижа. Сельское же населеніе въ событіи 14 іюля—во взятіи Бастиліи—увидѣло сигналъ къ освобожденію отъ феодальныхъ тяготъ, дѣлавшихъ жизнь его невыносимой. Провинція страдала отъ голода, усиливаемаго несоотвѣтствіемъ учрежденій и невыносимой тяжестью налоговъ. При ужасной нищетѣ сельскаго населенія извѣстіе о взятіи Бастиліи было молніей, ударившей въ пороховой складъ. Сюда еще присоединился и внѣшній поводъ. Де-Мемэ, владѣлецъ Кенсея, устроилъ у своего замка большой народный праздникъ для своихъ крестьянъ. Собралось очень много сельскихъ жителей. Люди забавлялись стрѣльбой, въ суматохѣ и шумѣ празднества забыли осторожность, и огонь попалъ въ бочку съ порохомъ. Взрывомъ убито было много крестьянъ, и возбужденное сельское населеніе предположило, что все празднество было только ловушкой, въ которую дворянинъ заманилъ крестьянъ, чтобы убить ихъ этимъ взрывомъ. Вѣсть объ этомъ событіи облетѣла всю страну, крестьяне стали собираться группами и возстали противъ дворянства и духовенства. Теперь пришло возмездіе за ту нищету, невѣжество и дикость, которыми въ теченіе столѣтій изводили сельское населеніе, доведя его до животнаго состоянія. Возставшіе крестьяне такъ ужасно и жестоко стали мстить своимъ притѣснителямъ, какъ это свойственно людямъ, лишеннымъ благодѣтельнаго вліянія образованія и цивилизаціи. Замки и дома дворянъ, монастыри и усадьбы дворянства—все это было взято и разрушено. Недѣлями пылало небо Франціи заревомъ

тѣхъ ночныхъ пожаровъ, въ которыхъ сгорали замки и монастыри. Во Франшъ-Контэ и въ части Бургундіи каждую ночь сгоралъ, по крайней мѣрѣ, одинъ монастырь или одинъ замокъ. Въ Дофинэ за 14 дней сожжено было 270 замковъ. Документы и грамоты, служившіе основаніемъ такъ называемыхъ феодальныхъ правъ, бросались въ огонь, а наиболѣе ненавистныя народу личности были убиты.

Многіе помѣщики бѣжали и бродили по странѣ или отправились за границу и изгнаніемъ расплачивались за жестокость, съ которой они пользовались своими привилегіями. Образовались разбойничьи шайки, наводившія страхъ на значительныя округи, сжигавшія все, грабившія и убивавшія.

Все смѣшалось, и собраніе поняло, что только быстрымъ вмѣшательствомъ здѣсь можно будетъ чего-нибудь достигнуть. На очередь была поставлена отмѣна феодальныхъ привилегій. Начались совѣщанія, и дѣло пошло бы, вѣроятно, обычнымъ и медленнымъ путемъ парламентскаго дѣлопроизводства, если бы собраніе въ ночномъ засѣданіи 4 августа 1789 года не обнаружило рѣдкаго воодушевленія. Необычайный и внезапный подъемъ духа въ этомъ знаменитомъ ночномъ засѣданіи можно объяснить только совокупнымъ дѣйствіемъ тѣхъ необыкновенныхъ событій, которыя произошли въ это время и подняли человѣка выше повседневныхъ и личныхъ интересовъ. Первый произнесъ блестящую рѣчь виконтъ де-Ноайль, въ которой онъ доказывалъ, что теперь и рѣчи не можетъ быть о томъ, чтобы, какъ обычно, успокоить возставшихъ крестьянъ силою оружія. Наоборотъ, необходимо устранить тѣ несправедливости, которыя довели народъ до возстанія,—и онъ предложилъ отмѣнить всѣ ленныя права и феодальныя тяготы, подъ которыми стоналъ народъ. Отъ имени своихъ избирателей и своего онъ публично отказывается отъ своихъ ленныхъ правъ. Собраніе вознаградило его бурнымъ одобреніемъ. Ноайля смѣнилъ Легенъ де-Кереньяль, помѣщикъ изъ Бретани; онъ раскрылъ передъ собраніемъ весь ужасъ ленныхъ отношеній и тоже предложилъ отмѣну ихъ. Собраніемъ овладѣваетъ бурное одушевленіе, начинается соревнованіе въ отказѣ отъ привилегій, и къ полночи всѣ старыя привилегіи были отмѣнены. Дворянство отказалось отъ ленныхъ правъ, духовенство—отъ десятины, города—отъ цеховъ. Бурные крики одобренія повторялись много разъ, сопровождая законодательное признаніе основъ

гражданскаго равенства. Въ эту достопамятную ночь были отмѣнены: крѣпостное право, вотчинный судъ, право охоты на чужой землѣ, податныя привилегіи дворянства и духовенства, продажа должностей, городскія и областныя привилегіи, принудительность цеховъ. Кромѣ того, установлена была отчуждаемость земельнаго владѣнія, отчуждаемость десятины, всѣмъ гражданамъ предоставлены были одинаковыя права на военныя и гражданскія должности, а всѣ незаслуженныя пенсіи были отмѣнены.

Въ память этой ночи отчеканили медаль, а Лалли-Толлапдаль предложилъ преподнести королю титулъ «возстановителя французской свободы». Людовикъ XVI принялъ титулъ и, чтобы отпраздновать это событіе, пошелъ даже въ церковь. Это не помѣшало ему, однако, впослѣдствіи отказать въ согласіи на постановленія 4 августа.

Эта легальная и парламентская революція представляла собой необычайный прогрессъ. Если она и не устранила всѣхъ привилегій, если она даже способствовала возникновенію новыхъ, то все-таки полное низверженіе феодализма положило рѣзкую грань между старой и новой Франціей. Съ того года феодализмъ началъ падать во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ. Его смѣнило современное буржуазное общество.

Партіи.

До 4 августа депутаты національнаго собранія дѣйствовали единодушно; борьба шла только между сословіями, но и она должна была стихнуть передъ силой событій. Теперь же выступилъ на сцену вопросъ о государственномъ строѣ, и при обсужденіи основъ его и новой организаціи государственной власти національное собраніе необходимо должно было расколоться на партіи. Сторонники стараго порядка должны были отдѣлиться отъ реформаторовъ.

Неккеръ готовъ былъ бы отсрочить обсужденіе вопроса о государственномъ строѣ, потому что его тѣснила финансовая нужда и ему нужно было денегъ, много денегъ. Государственный кредитъ былъ исчерпанъ, два займа уже не удались. Неккеръ выступилъ передъ національнымъ собраніемъ съ проектомъ подоходнаго налога. Но Мирабо и друзья его, съ одной стороны, не желали терять времени, а съ другой—

не желаемъ брать на себя отвѣтственности за такой [illegible] шагъ». Мирабо [illegible] что при [illegible] принципъ [illegible] имѣетъ быть обсуждаемо, въ [illegible]. Такимъ напримѣръ, онъ хотѣлъ ввести отвѣтственность за налоги на министровъ. Собраніе было въ нерѣшительности. Тутъ Мирабо прибѣгнулъ [illegible] рѣчей своихъ и [illegible] увлекъ за собой [illegible], что оно приняло его предложеніе. Правда, онъ затронулъ одну изъ наиболѣе чувствительныхъ струнъ собранія; [illegible] государственное банкротство, онъ сказалъ: «[illegible] банкротство грозитъ поглотить васъ, ваше имущество, вашу честь, а вы... *совѣщаетесь!*»

Наконецъ, [illegible] было [illegible] къ обсужденію [illegible] деклараціи о правахъ человѣка, предшествовавшей конституціи. [illegible] человѣка. [illegible] положеніе [illegible] демократическихъ и побѣдоносныхъ [illegible] и побѣжденныхъ [illegible] перво[illegible] суверенитета и [illegible]; [illegible], такимъ образомъ, [illegible] вѣкомъ. Свобода была [illegible] такимъ образомъ, что человѣкъ въ правѣ [illegible]. Цѣлью человѣческаго [illegible] счастье. Было [illegible].

Не лишне будетъ привести здѣсь цѣликомъ этотъ документъ. Въ немъ говорится: [illegible] нижеслѣдующія права человѣка и гражданина, [illegible] «передъ лицомъ Высшаго Существа»:

1. Люди рождаются и остаются свободными и равноправными. Общественныя различія могутъ [illegible] лишь въ случаѣ ихъ полезности для всѣхъ.

2. Цѣль всякаго политическаго союза — сохраненіе естественныхъ и неотчуждаемыхъ правъ человѣка. Права эти суть: свобода, собственность, безопасность и сопротивленіе угнетенію.

3. Принципъ всякой верховной власти [illegible] націи. Ни одна корпорація, ни одно лицо не могутъ отправлять власти, не исходящей непосредственно отъ націи.

4. Свобода заключается въ возможности дѣлать все, что не вредитъ другому. Такимъ образомъ, пользованіе каждаго человѣка своими естественными правами не должно встрѣчать иныхъ границъ, кромѣ тѣхъ, которыя гарантируютъ другимъ членамъ общества пользованіе тѣми же правами. Эти границы могутъ быть опредѣлены только закономъ.

5. Законъ въ правѣ запрещать дѣйствія, приносящія вредъ обществу. Все, что не запрещено закономъ, не должно встрѣчать препятствій къ своему осуществленію. Никого не должно *принуждать* дѣлать то, что не предписано закономъ.

6. Законъ есть выраженіе общей воли. Всѣ граждане въ правѣ лично или черезъ своихъ представителей участвовать въ составленіи законовъ. Законъ долженъ быть одинаковымъ для всѣхъ, будь то законъ ограждающій или карающій. Всѣ граждане, будучи равными передъ лицемъ закона, одинаково допустимы ко всѣмъ званіямъ, мѣстамъ и общественнымъ должностямъ, сообразно своимъ способностямъ, и могутъ быть отличаемы только въ силу своихъ добродѣтелей и талантовъ.

7. Никто не можетъ быть *арестованъ, обвиненъ или задержанъ* въ тѣхъ случаяхъ, которые не опредѣлены, и въ такой формѣ, которая не предписана закономъ. Тотъ, кто домогается, отдаетъ, выполняетъ или заставляетъ исполнять распоряженія, основанныя на произволѣ, подлежитъ наказанію. Но каждый гражданинъ, призванный или задержанный въ силу закона, долженъ немедленно повиноваться; оказывая сопротивленіе, онъ становится виновнымъ.

8. Законъ долженъ установить наказанія, только строго и очевидно необходимыя. Никто не можетъ быть подвергнутъ наказанію иначе, какъ въ силу закона, установленнаго и обнародованнаго до совершенія преступленія и примѣненнаго установленнымъ порядкомъ.

9. Такъ какъ каждый человѣкъ предполагается невиновнымъ до того момента, какъ судъ объявитъ его виновнымъ, то, въ случаѣ признанной необходимости его ареста, законъ долженъ позаботиться о полномъ устраненіи строгостей, не вызванныхъ необходимостью обезпечить суду его личность.

10. Никто не долженъ терпѣть стѣсненія изъ-за своихъ убѣжденій, хотя бы даже религіозныхъ, лишь бы ихъ проявленія не нарушали общественнаго порядка, установленнаго закономъ.

11. Свободный обмѣнъ мыслями и мнѣніями—одно изъ драгоцѣннѣйшихъ правъ человѣка, и каждый гражданинъ можетъ свободно говорить, писать и печатать подъ условіемъ отвѣтственности за злоупотребленія этой свободой въ случаяхъ, опредѣленныхъ закономъ.

12. Для гарантіи правъ человѣка и гражданина необходима вооруженная сила. Однако, существуетъ она для общаго блага, а не для частной выгоды тѣхъ, коимъ ввѣрено управленіе ею.

13. Для содержанія вооруженной силы и для расходовъ по управленію государствомъ является неизбѣжнымъ общее обложеніе. Оно должно быть равномѣрно распредѣлено между всѣми гражданами, сообразно ихъ средствамъ.

14. Всѣ граждане въ правѣ лично или черезъ своихъ представителей констатировать необходимость государственныхъ налоговъ, свободно соглашаться на нихъ, слѣдить за ихъ расходованіемъ и опредѣлять ихъ размѣръ, способъ раскладки, средства взиманія и срокъ ихъ дѣйствія.

15. Общество въ правѣ требовать отчета у каждаго представителя администраціи.

16. Общества, въ которыхъ не обезпечена гарантія правъ и не установлено раздѣленіе властей, неконституціонны.

17. Такъ какъ собственность—ненарушимое и священное право, то никого нельзя его лишать, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда этого требуетъ очевидная общественная надобность, констатированная законнымъ порядкомъ, и то лишь при условіи справедливаго предварительнаго вознагражденія.

Пунктъ о правѣ на существованіе, быть можетъ, наиболѣе важный для большей части населенія, былъ вставленъ во вступительную часть конституціи и гласилъ такъ: «*Долженъ быть учрежденъ всеобщій общественный вспомогательный фондъ на воспитаніе покинутыхъ дѣтей, на поддержаніе бѣдныхъ больныхъ бѣдняковъ и на предоставленіе работы такимъ бѣднякамъ, которые не находятъ работы*». Вспомогательный фондъ такъ и не получилъ осуществленія, если не считать такимъ фондомъ жалкую помощь національныхъ мастерскихъ. Собраніе полагало, что, высказавъ эти утѣшительныя пожеланія, оно уже достаточно сдѣлало для рабочихъ и въ правѣ уже отвѣтить отказомъ на всѣ дальнѣйшія требованія рабочихъ. Изъ всего этого видно, что парламентскіе революціонеры 1789 года не могли возвы-

ситься до идеи организаціи труда. Имъ задача представлялась имъ въ видѣ какого-то благотворительнаго дѣла.

Декларація правъ человѣка и ея прекрасныя идеи были для французовъ утренней зарей новой эпохи. Права человѣка стали предметомъ зависти для просвѣщенныхъ людей другихъ народовъ, и французы сами тоже вѣрили въ свое счастье. Когда дѣло дошло до практическаго осуществленія провозглашенныхъ прекрасныхъ теорій, народъ увидѣлъ, что онъ дальше отъ счастья, чѣмъ это казалось въ первые дни увлеченія свободой.

Собраніе приступило къ обсужденію основного государственнаго закона, и сейчасъ ему предстояло рѣшить два наиболѣе важныхъ вопроса: принадлежитъ ли королю veto, т.-е. право объявлять недѣйствительнымъ принятое народными представителями рѣшеніе, и будетъ ли состоять будущее народное представительство изъ одной или двухъ камеръ. Здѣсь-то и обнаружились партіи, до сихъ поръ остававшіяся въ собраніи скрытыми. Обнаружилась партія, враждебная всякимъ нововведеніямъ, стремившаяся парламентскимъ путемъ вернуть все, что унесла буря революціи. Это была партія прежнихъ привилегированныхъ приверженцевъ *абсолютной монархіи*, соглашавшихся только на нѣкоторыя реформы. Вождями ея были бывшій офицеръ Казалесъ и аббатъ Мори. Ближе всего къ ней стояла *аристократически-конституціонная* партія, идеаломъ ея былъ англійскій конституціонализмъ. Она примкнула къ Неккеру, но это не дало ей того значенія, которое она желала получить при помощи этой бывшей величины. Вождями ея были Мунье, Лалли-Толлендаль и Клермонъ-Тоннеръ. Третья наиболѣе многочисленная партія, собственно рычагъ и опора парламентской революціи, была *либеральная*, или *демократически-конституціонная* партія. Къ ней, кромѣ представителей третьяго сословія, принадлежали либеральные представители дворянства и духовенства. Главой этой партіи и руководителемъ ея былъ Мирабо; рядомъ съ нимъ стоялъ изобрѣтатель новыхъ политическихъ системъ Сійесъ, шпага либерализма Лафайетъ и мэръ Бальи. Конституціонно-демократическая партія хотѣла отдать народу законодательную власть, не устраняя отъ нея короны. Довольно слабая тогда *демократическая* партія была противъ участія короны въ законодательствѣ. Къ ней принадлежали Барнавъ, братья Ламетъ и другіе.

Впослѣдствіи, какъ мы увидимъ, количественное отношеніе этихъ партій сильно измѣнилось.

Для партіи Мунье и Клермона вопросъ о королевскомъ veto и объ одно-или двухкамерной системѣ не существовало, такъ какъ въ народномъ представительствѣ она видѣла только совѣщательное учрежденіе. Аристократически-конституціонная партія добивалась абсолютнаго veto для короля и двухъ камеръ—аристократической и народной. Мирабо и его партія требовали одной камеры и права отсрочивать постановленія ея; наконецъ, демократическая партія требовала одной камеры и не допускала veto.

Не удивительно, что демократическая партія съ ея требованіями, дѣлавшими монархію призрачной, не имѣла успѣха, потому что въ 1789 году никто еще о республикѣ не думалъ, даже Маратъ. Побѣда въ этой борьбѣ за реорганизацію государственной власти осталась за Мирабо и его друзьями. 12 сентября было рѣшено, что народное представительство составитъ одну камеру, выборы въ которую должны производиться каждые два года и которая должна засѣдать непрерывно. Король не въ правѣ былъ распустить эту камеру. Постановленія эти явились естественнымъ результатомъ предшествовавшихъ событій. Король получилъ право отсрочить постановленія на четыре года.

Такимъ образомъ, абсолютная королевская власть была превращена въ конституціонно-монархическую, которая современемъ должна была всецѣло подчиниться вліянію народнаго представительства.

Но національное собраніе вмѣстѣ съ Мирабо позабыло или нарочно не сдѣлало постановленія о томъ, что рѣшенія національнаго собранія получаютъ законную силу и безъ королевскаго утвержденія. Можетъ быть, она не рѣшилась совершенно отнять у короля всякую власть. Вотъ почему Людовикъ и уклонялся отъ утвержденія постановленій 4 августа, хотя на основаніи этихъ постановленій онъ уже успѣлъ принять гиперболическій титулъ «возстановителя французской свободы». Впослѣдствіи, правда, онъ поневолѣ согласился утвердить постановленія 4 августа; но теперь появились уже новыя постановленія объ однокамерной системѣ и veto въ формѣ права отсрочки. Дворъ видѣлъ въ осуществленіи этихъ постановленій окончательное крушеніе королевской власти, и королева, вмѣстѣ съ

графомъ де-Провансъ, подъ вліяніемъ упрековъ со стороны эмигрантовъ, снова стала помышлять о государственномъ переворотѣ. Штурмъ Бастиліи придворную партію ничему не научилъ. Иначе, она должна была понять, что то, чего не достигли 23 іюня и 14 іюля, стало еще менѣе достижимымъ теперь. За это время Франція успѣла вооружиться; повсюду учредили національную гвардію. Если народныя массы и были исключены изъ парижской національной гвардіи, то все же можно было предвидѣть, что національная гвардія съ оружіемъ въ рукахъ будетъ отстаивать постановленія національнаго собранія. Въ своемъ ослѣпленіи придворная партія совершенно потеряла разсудокъ.

По соглашенію съ лотарингскимъ губернаторомъ, маркизомъ де-Буйье, который, какъ и войска, былъ очень преданъ королю, рѣшено было перевезти короля въ Мецъ. Оттуда, предполагалось, онъ двинется на Парижъ съ арміей Буйье, распуститъ національное собраніе и подчинитъ себѣ революціонные элементы столицы.

Въ то же самое время, потому, можетъ быть, что планъ двора былъ извѣстенъ или предугадывался, въ Версалѣ возникъ планъ переселить короля изъ Версаля въ Парижъ. Это у Мирабо возникла мысль отдать короля парижанамъ и сдѣлать его заложникомъ, въ виду непрекращавшихся попытокъ произвести переворотъ. Говорятъ, что герцогъ Орлеанскій истратилъ много денегъ на распространеніе этой идеи въ народѣ. Словомъ, Парижъ приготовился предупредить нападеніе и вторично защитить себя и національное собраніе отъ государственнаго переворота.

Походъ въ Версаль.

Парижское населеніе не переставало волноваться. Споры въ національномъ собраніи возбуждали его, но еще болѣе возбуждалъ его начавшійся въ это время голодъ. Въ столицѣ ощущался сильный недостатокъ въ хлѣбѣ. Среди рабочихъ возникло движеніе, преслѣдовавшее ихъ собственные классовые интересы. Портняжные подмастерья, парикмахеры и даже прислуга имѣли свои клубы, гдѣ они регулярно собирались и обсуждали какъ общее политическое, такъ и свое спеціальное положеніе. Работницы тоже обнаружили значительную бой-

ость. Вскорѣ уже и торговки рыбой и овощами обратились съ петиціями къ избирателямъ третьяго сословія. Часто встрѣчается съ требованіемъ того періода — просьба уравнять въ правахъ женщинъ съ мужчинами. Для женщинъ требовали и избирательнаго права. Много сочувствія привлекла въ то время амазонка революціи, прекрасная Теруань де-Мерикуръ изъ Льежа. Роялистскія газеты называли ее куртизанкой, но несомнѣнно, что это невѣрно. Она выступала вооруженной, произносила передъ народомъ зажигательныя рѣчи, а во время процессій въ живописной позѣ возсѣдала на пушкѣ.

Въ Пале-Роялѣ народъ разобралъ желѣзную рѣшетку и сталъ обнаруживать также и огражденія, что національная гвардія выдвинула противъ него пушки. Но это былъ не хлѣбъ, котораго требовалъ народъ, и это привело его въ еще болѣе сильное возбужденіе. Всѣ были озлоблены по поводу того, что король отказался утвердить права человѣка, а тутъ вдругъ стало извѣстно, что офицеры гвардіи (Gardes du corps) дали пышный обѣдъ офицерамъ фландрскаго полка, который уходилъ въ Версаль, чтобы оттуда сопровождать короля въ Мецъ. На обѣдъ явились король съ королевой, и офицеры, возбужденные виномъ и роскошнымъ пиромъ, устроили по этому поводу роялистскую манифестацію: съ обнаженными саблями набрасывались они на ложи передняго зала, какъ будто бы тамъ находилось національное собраніе. Они одѣли бѣлыя кокарды, а трехцвѣтныя стали топтать ногами. Черезъ два дня былъ данъ еще одинъ такой же пиръ, и королева весьма откровенно выразила полное удовлетвореніе свое по поводу этихъ манифестацій.

Уже одни эти роскошныя пиршества должны были озлобить голодающій народъ, но бѣлыя кокарды вызвали открытое возмущеніе. 3 и 4 октября на улицахъ происходили бурныя народныя сборища, которыя разсѣивались національной гвардіей, обнаружившей тогда свою настоящую роль. 5 октября двинулись парижскія женщины. Движеніе направлялось и тайно раздувалось изъ Версаля. На утро пятаго октября парижскія женщины не могли получить хлѣба, потому что въ городѣ не было муки. Онѣ собрались толпами, и не было возможности ихъ разогнать. Одна молодая дѣвушка добыла изъ какого-то караульнаго помѣщенія барабанъ и барабанила, крича: «Хлѣба! хлѣба!». Большая толпа женщинъ подвигалась по улицамъ вслѣдъ за рѣшительной барабанщицей, по направленію къ городской

ратушѣ. Тамъ женщины потребовали хлѣба и оружія. Скоро и здѣсь появились рѣшительные люди, повидимому, вошедшіе предварительно въ соглашеніе съ національнымъ собраніемъ; главное мѣсто среди нихъ принадлежало бывшему стражнику (huissier) Мальяру, который уже отличился при взятіи Бастиліи и который сыгралъ страшную роль въ сентябрьскіе дни 1792 года. Раздался призывъ: «Въ Версаль!»—и Мальяръ сталъ во главѣ женщинъ, чтобъ повести ихъ въ Версаль. Зазвучалъ набатъ, и женщины вооружились нашедшимся въ городской ратушѣ оружіемъ. Батальонъ національной гвардіи, выступившій было противъ женщинъ, былъ обращенъ въ бѣгство градомъ камней. Много мужчинъ присоединилось къ этимъ женщинамъ, упрекавшимъ мужчинъ въ томъ, что они не понимаютъ, какъ надо дѣйствовать. Когда женщины съ Мальяромъ уже ушли въ Версаль, туда отправилась и масса вооруженныхъ мужчинъ подъ предводительствомъ великано-мясника Журдана; послѣдній былъ извѣстенъ подъ прозвищемъ coup tête (головорѣзъ), и его грубость и кровожадность не разъ компрометировали народное дѣло. Въ этомъ походѣ приняла участіе, кромѣ того, и французская гвардія, извѣстная своей преданностью народному дѣлу.

Теперь заволновалась и національная гвардія, и стала бурно требовать отъ своего командира Лафайета, чтобы онъ повелъ ее въ Версаль. «Герой двухъ частей свѣта», какъ гиперболически титуловали этого маркиза, не зналъ, что дѣлать. Лафайетъ, любимецъ крупной буржуазіи, отличался самымъ заурядныъ умомъ и никогда не понималъ своего времени. Во времена монархіи онъ былъ республиканцемъ, а во время республики—монархистомъ. Онъ стоялъ за конституціонную королевскую власть и за преобладаніе третьяго сословія и не могъ понять того, что въ эпоху революціонныхъ движеній отъ столкновенія этихъ факторовъ должны произойти непоправимыя бѣды. Въ національной гвардіи онъ видѣлъ только средство сдерживать народные безпорядки. Несмотря на это, онъ довольно долгое время былъ популярной личностью, и народъ криками выразилъ ему свою любовь, когда онъ появился верхомъ на бѣломъ конѣ во главѣ національной гвардіи. Мужество его было столь же велико, какъ и его ограниченность.

Семь часовъ Лафайетъ на сдавался на требованіе вести національную гвардію въ Версаль. Національная гвардія хотѣла

поддержать планъ партіи Мирабо — переселить короля въ Парижъ; повидимому, ее склонили къ этому агенты Мирабо и герцога Орлеанскаго. Цвѣтистыя увѣщанія Лафайета, убѣждавшаго отказаться отъ похода въ Версаль, не привели ни къ чему, такъ какъ и въ интересахъ національной гвардіи было предупредить затѣваемый дворомъ переворотъ. «Генералъ! — сказалъ одинъ гвардеецъ, — вы не обманете насъ. Мы не хотимъ употребить наше оружіе противъ женщинъ, мы хотимъ привести сюда короля, чтобъ *не бояться больше его плановъ*!» Теперь, наконецъ, недогадливый «герой двухъ частей свѣта» понялъ, въ чемъ дѣло, и во главѣ своихъ батальоновъ отправился въ Версаль, запасшись предварительно удостовѣреніемъ общиннаго совѣта, что онъ отправился въ Версаль исключительно въ цѣляхъ поддержанія «порядка и спокойствія». Такимъ образомъ, Парижъ выступилъ противъ Версаля.

Мальяръ повелъ дѣло ловко. На Елисейскихъ поляхъ онъ велѣлъ предводительствуемымъ имъ женщинамъ и дѣвушкамъ разоружиться, чтобы не перепугать національнаго собранія. Затѣмъ, чтобы совершенно неожиданно притти въ Версаль, онъ приказалъ задержать всѣхъ курьеровъ, которые отправлялись изъ Парижа въ Версаль. Національное собраніе, озлобленное противъ двора изъ-за офицерскихъ пировъ, обсуждало въ это время вопросъ о томъ, какъ добиться отъ двора утвержденія деклараціи правъ человѣка, а дворъ въ то же время занимался приготовленіями къ отъѣзду короля въ Мецъ. Въ этотъ моментъ у барьера національнаго собранія появился Мальяръ съ депутаціей женщинъ и потребовалъ хлѣба и разрѣшенія президенту Мунье представить депутацію женщинъ королю. Собраніе было удивлено, увидѣвъ толпу женщинъ во главѣ возстанія, и согласилось на оба требованія. Мунье пошелъ съ депутаціей къ королю. Людовикъ обѣщалъ все, чего отъ него требовали; женщины въ присутствіи его были застѣнчивѣе, чѣмъ во дворѣ, и ораторъ ихъ, молодая красивая женщина, едва сумѣла произнести больше чѣмъ слово «хлѣба!» Людовикъ обѣщалъ устранить недостатокъ въ хлѣбѣ, обнялъ оратора, а депутація расчувствовалась и удалилась.

Женщинъ, ожидавшихъ во дворѣ, это вовсе не удовлетворило; началась свалка, въ которую вмѣшалась королевская лейбъ-гвардія. Версальская національная гвардія стала на сторону женщинъ; съ той и другой стороны оказались раненые.

Лейбъ-гвардія [illegible], и тамъ [illegible] въ это время прибылъ Журданъ, [illegible] пище на дворѣ замка. [illegible] а голову [illegible] воткнули [illegible] — [illegible] гвардіи [illegible] массы. Поздно вечеромъ прибылъ Лафайетъ съ національной гвардіей и [illegible], причемъ немалую помощь оказалъ ему сильный дождь. Лейбъ-гвардія [illegible] внутренніе, а національная гвардія — [illegible] посты [illegible]. Можно было думать, что все успокоилось.

На слѣдующій день, въ пять часовъ утра, народъ проникъ во дворецъ черезъ оставшіяся открытыми ворота, съ цѣлью захватить короля. Народъ находился уже недалеко отъ королевскихъ покоевъ, и королева едва успѣла неодѣтой и босой убѣжать въ комнаты своего мужа. По пути снова было убито нѣсколько [illegible] лейбъ-гвардейцевъ. Лафайетъ подоспѣлъ, и популярность его была такъ велика, что хоть съ большой опасностью для жизни, но удалось остановить кровопролитіе. Безчисленный народъ, собравшійся у дворца, громко требовалъ, чтобы король отправился въ *Парижъ*. Лафайетъ увидѣлъ, что потеряетъ свою популярность, если воспротивится этому требованію. Въ виду этого, онъ посовѣтовалъ королю уступить. Король нѣкоторое время упорствовалъ, а затѣмъ, принявъ во вниманіе угрожающее настроеніе народа, согласился. Лафайетъ рѣшился рискнуть всей своей популярностью, чтобы нѣсколько успокоить народъ, и послѣдовательно одного за другимъ вывелъ на балконъ короля, королеву и одного изъ лейбъ-гвардейцевъ. Когда народъ отвѣтилъ крикомъ озлобленія на появленіе королевы, Лафайетъ поцѣловалъ ей руку; лейбъ-гвардейцу онъ прикололъ трехцвѣтную кокарду. Этой комедіи было достаточно, чтобы успокоить народъ. Главная цѣль народа была, впрочемъ, достигнута: королевская семья въ сопровожденіи національной гвардіи отправилась въ Парижъ. Безчисленныя народныя массы сопровождали ихъ при переѣздѣ въ Парижъ; утвержденіе же, будто головы убитыхъ лейбъ-гвардейцевъ несли за королемъ до самаго Парижа, оспаривается. Проголодавшіеся парижане, не найдя въ Версалѣ достаточно провіанта, часто останавливались въ дорогѣ, такъ что король только вечеромъ прибылъ въ Парижъ. Король теперь уже былъ подъ надзоромъ парижскаго населенія; мэръ Бальи у городской ратуши встрѣтилъ его льстивой и коварной рѣчью, и король съ

большей напыщенностью отвѣтилъ ему: «Съ удовольствіемъ и съ полнымъ довѣріемъ я остаюсь среди парижскаго народа». Королевская семья поселилась въ пустовавшемъ до тѣхъ поръ Тюльерійскомъ дворцѣ. На Лафайета и его національную гвардію была возложена обязанность охранять Тюльери. 19 октября было перенесено въ Парижъ и національное собраніе, объявившее себя неотдѣлимымъ отъ особы короля. Оно теперь находилось подъ защитой парижскаго населенія, которое, съ женщинами во главѣ, во второй разъ разстроило замышлявшійся переворотъ.

Вопросъ о томъ, насколько это народное движеніе было самостоятельнымъ, насколько оно было вызвано Мирабо и герцогомъ Орлеанскимъ, не имѣетъ значенія. Добились того, что столица получила въ королевскомъ семействѣ заложниковъ противъ дальнѣйшихъ попытокъ произвести государственный переворотъ. Голодъ, конечно, не былъ этимъ устраненъ, какъ надѣялись наивные люди; онъ продолжалъ мучить парижанъ и поддерживать среди нихъ возбужденіе.

Партіи, клубы и пресса.

Съ перенесеніемъ національнаго собранія въ Парижъ началась совершенно новая и дѣятельная политическая жизнь. Партіи рѣзче разграничились между собой. Парламентскія фракціи, подъ вліяніемъ событій, тоже измѣнились. Аристократически-конституціонная партія, имѣвшая во главѣ Мунье и Лальи - Толандаля, была глубоко возмущена событіями 5 и 6 октября, обезопасившими національное собраніе отъ возможности государственныхъ переворотовъ. Оба эти вождя сложили свои полномочія, такъ какъ дѣла слагались не такъ, какъ они желали. Такимъ-то образомъ возникла большая *абсолютно-монархическая партія*, которая занимала мѣста направо отъ президента и потому называлась правой. Въ центрѣ засѣдали представители *конституціонно-демократической партіи*, во главѣ съ Сіейесомъ и Мирабо, а на лѣвой сторонѣ сидѣла *абсолютно-демократическая партія*. Въ послѣдней до сихъ поръ руководство принадлежало Барнаву, братьямъ Ламетъ и Дюпору. Но эти вожди, вмѣстѣ со своими личными приверженцами, скоро перешли на сторону демократически-конституціонной партіи, и собственно демократическая партія стала столь слаба,

что Мирабо однажды [illegible] тридцати голосами! Эта партія занимала самыя высокія мѣста съ лѣвой стороны и потому была названа Горой (montagne), члены же ея были названы монтаньярами (людьми Горы). Среди этой партіи уже были люди съ будущимъ, напр., Петіонъ и Робеспьеръ.

Населеніе примкнуло къ тѣмъ или инымъ партіямъ, въ соотвѣтствіи со своими потребностями и интересами. Естественно, что привилегированныя группы искали своихъ представителей въ правой; центръ опирался тогда на всю буржуазію и сельское населеніе; это была наиболѣе сильная партія, и въ національномъ собраніи она занимала господствующее положеніе. Напротивъ того, демократическая лѣвая искала и находила себѣ поддержку въ массѣ неимущихъ гражданъ и рабочихъ предмѣстій Парижа.

Начала развиваться настоящая политическая жизнь и борьба партій. Депутаты желали создавать связь со своими товарищами по убѣжденіямъ и внѣ національнаго собранія. Для этой цѣли были образованы клубы, въ которыхъ депутаты подготовлялись къ текущей дѣятельности въ парламентѣ. Первыми основали себѣ клубъ въ Версали депутаты Бретани; къ нему присоединилось много другихъ депутатовъ, когда національное собраніе было перенесено въ Парижъ. Первоначально этотъ клубъ носилъ названіе клуба *друзей конституціи*, а потомъ — клуба *друзей революціи*. Этотъ клубъ былъ необыкновенно популяренъ и силенъ, такъ какъ уже съ самаго начала рѣшено было принимать въ него не только депутатовъ, но и другихъ гражданъ. Засѣданія этого клуба происходили въ залѣ доминиканскаго монастыря св. Якова, откуда и получилъ названіе клуба якобинцевъ, подъ которымъ онъ и извѣстенъ въ исторіи. Скоро онъ уже основалъ отдѣленія во всѣхъ городахъ и развилъ организацію, распространявшуюся на всю Францію. Во время революціонной бури якобинцы увлекли за собой французскій народъ и вдохнули въ него непобѣдимую и горячую страсть къ свободѣ.

Политическая физіономія этого клуба сильно мѣнялась. Вначалѣ членами были всѣ вожди демократически-конституціонной партіи, и среди якобинцевъ можно было встрѣтить Мирабо, Лафайета, Бальи и Сійеса. Но, по мѣрѣ того, какъ въ якобинскомъ клубѣ стали брать перевѣсъ все болѣе демократическія воззрѣнія, демократически-конституціонные депутаты стали вы-

ступали изъ него и предоставили якобинскій клубъ настоящей демократіи; благодаря этому, послѣдній, при всей своей слабости въ національномъ собраніи, получилъ неизмѣримое вліяніе въ народѣ. За время революціи въ якобинскомъ клубѣ послѣдовательно господствовали жирондисты, Робеспьеръ, Маратъ; особенно часто выступалъ здѣсь на ораторской трибунѣ Робеспьеръ, готовясь къ своей будущей роли.

Мирабо и его друзья образовали *клубъ 1789 года*, не имѣвшій особаго вліянія на массы; приверженцы же абсолютной монархіи сходились въ монархическомъ или «безпартійномъ клубѣ», который не имѣлъ ровно никакого вліянія. Но и въ клубѣ якобинцевъ не всѣ демократы могли согласиться съ братьями Ламетъ, Барнавомъ и Дюпоромъ, которые были слишкомъ вѣрными приверженцами конституціонализма. Камиллъ Демуленъ, ораторъ 12 іюля въ Пале-Роялѣ, Дантонъ, одинъ изъ любимѣйшихъ народныхъ ораторовъ, Маратъ, редакторъ «Друга народа», образовали поэтому отдѣльный клубъ, *клубъ Кордельe;* онъ такъ назывался по мѣсту своихъ собраній, древнему монастырю францисканцевъ или босоногихъ (cordeliers). Всѣ кордельe, по крайней мѣрѣ, вначалѣ, принадлежали къ якобинцамъ.

Не меньше, чѣмъ клубы, вліяла на политическую жизнь пресса, получившая небывалое развитіе. До революціи было очень мало періодическихъ изданій. Теперь же Парижъ и Франція совершенно неожиданно наводнились ими. Всѣ значительные партійные вожди имѣли свои собственные органы, издававшіеся въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ. Привилегированные и дворъ предоставили защиту своихъ интересовъ мало популярнымъ реакціоннымъ газетамъ. Съ другой стороны, демократическія народныя газеты пріобрѣли скоро небывалое вліяніе въ Парижѣ. Къ нимъ относились «Парижскія Революціи», расходившіяся въ количествѣ 20.000 экземпляровъ; издателемъ этой газеты былъ молодой талантливый журналистъ Лустало, вскорѣ погибшій за свое дѣло; затѣмъ «Революціи во Фландріи и Брабантѣ», издававшіяся увлекательнымъ, веселымъ и остроумнымъ Камилломъ Демуленомъ, первымъ журналистомъ своего времени; наконецъ, «Отецъ Дюшенъ»—Геберта и «Другъ народа» Марата. Всѣ они сильно нападали на дворъ и на привилегированныхъ; дальше всѣхъ заходилъ въ этомъ отношеніи Маратъ, который въ своей газетѣ нападалъ и на національное

собраніе, и не Лафайета. Постоянно преслѣдуемый властями, Маратъ вынужденъ былъ работать въ погребахъ и тайныхъ квартирахъ.

Народная масса, находившаяся подъ вліяніемъ демократическихъ клубовъ и демократической прессы, заходила въ своихъ цѣляхъ гораздо дальше національнаго собранія, которое, какъ мы вскорѣ увидимъ, старалось сообразовать новую конституцію съ интересами крупной и мелкой буржуазіи. Широкія народныя массы, вынесшія на своихъ плечахъ революцію, стремились впередъ. Демократической линіи предстояло въ дальнѣйшемъ ходѣ революціи получить перевѣсъ надъ конституціоналистами. Между тѣмъ, между Парижемъ, который уже дважды поднимался для того, чтобы защитить національное собраніе отъ государственнаго переворота, и тѣмъ же національнымъ собраніемъ согласіе вскорѣ нарушилось.

Конституція.

Національное собраніе энергично приступило къ выработкѣ конституціи, но въ немъ уже нельзя было замѣтить прежней рѣшимости идти противъ двора. Сторонники абсолютной монархіи утверждали, что король лишенъ свободы съ тѣхъ поръ, какъ его стерегутъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ, не безъ успѣха спекулируя, такимъ образомъ, на вѣрноподданническій сентиментализмъ; національное собраніе медлило признать за собой право объявить конституцію вступившей въ законную силу. Оно не нарушало права короля на утвержденіе и создавало такимъ образомъ споры и конфликты.

За королемъ признаны были неприкосновенность и титулъ короля французовъ; этимъ хотѣли подчеркнуть конституціонный характеръ королевской власти, какъ высшей государственной должности, въ противоположность абсолютной королевской власти. Королевскія имѣнья были объявлены государственной собственностью, а королю, кромѣ различныхъ замковъ, предоставленъ цивильный листъ въ 30 милліоновъ франковъ.

Слѣдующимъ крупнымъ мѣропріятіемъ національнаго собранія была конфискація церковныхъ земель. Какъ мы уже показали въ своемъ введеніи, въ рукахъ духовенства сосредоточивались громадныя недвижимыя имущества. Національное собраніе и обратило свое вниманіе на эти владѣнія, которыя

не были связаны съ личностью того или иного духовнаго лица. Послѣднія же пользовались сами только тѣми помѣстьями, которыя даны были имъ вмѣсто жалованья отъ государства. Тотъ самый знаменитый Талейранъ, который, двадцать пять лѣтъ спустя, поддержалъ попытку возстановленія старой Франціи, теперь предложилъ и настоялъ на томъ, что 2 ноября 1789 года всѣ духовныя имѣнія были объявлены государственной собственностью. Духовенству вмѣсто этого было назначено казенное жалованье въ размѣрѣ не ниже 1.200 франковъ, такъ что громадные доходы высшаго духовенства были уменьшены, а небольшіе доходы низшаго были повышены. Кромѣ того, духовные ордена были отдѣлены отъ государства и объявлены частными корпораціями. Постановить полное отдѣленіе церкви отъ государства не хватало рѣшимости.

Это постановленіе національнаго собранія произвело необычайное впечатлѣніе. Дѣйствіе его мы еще увидимъ впослѣдствіи.

Въ это время Сійесъ, человѣкъ сильнаго и глубокаго ума, значеніе котораго, тѣмъ не менѣе, всегда преувеличивали, былъ занятъ внѣшнимъ преобразованіемъ Франціи. Хотя революція уже отмѣнила привилегіи отдѣльныхъ провинцій, Франція все еще сохраняла старое дѣленіе на провинціи, Сійесъ хотѣлъ достигнуть дѣйствительнаго единства Франціи, чтобы упростить управленіе и администрацію. 12 ноября 1789 года вся Франція была раздѣлена на 83 департамента, и получилась возможность установить единство въ администраціи. Избирательный законъ тоже былъ приведенъ въ соотвѣтствіе съ этимъ дѣленіемъ Франціи.

Сійесъ не могъ, конечно, предполагать, что Наполеонъ воспользуется впослѣдствіи этимъ подраздѣленіемъ Франціи, чтобы надѣть на нее смирительную рубашку той желѣзной централизаціи, на которой основана была его власть.

Избирательный законъ былъ основанъ на цензѣ; собраніе, слѣдовательно, еще не сумѣло возвыситься до идеи всеобщаго избирательнаго права. Оно начало уже опасаться тѣхъ самыхъ пролетарскихъ массъ, которымъ обязано было своей властью и значеніемъ. Поэтому оно и поторопилось при помощи избирательнаго закона усилить противоположность между такъ называемыми почетными гражданами и широкой массой народа. Мужское населеніе Франціи было распредѣлено на два класса, на *активныхъ* и *пассивныхъ гражданъ*. Активнымъ гражда-

ниномъ считался всякій, достигшій 25-лѣтняго возраста и платившій ежегодный налогъ въ размѣрѣ не меньше трехдневнаго заработка (3 франковъ); всѣ остальные относились къ числу пассивныхъ гражданъ. Избирательное право принадлежало только активнымъ гражданамъ, которые могли участвовать въ выборѣ избирателей. Чтобы быть избирателемъ, нужно было владѣть участкомъ земли цѣнностью въ 150—400 франковъ. Что же касается депутатовъ, то они должны были удовлетворять одному только условію: не быть моложе 25 лѣтъ.

Демократія энергично выступила противъ этого избирательнаго фильтра, но безуспѣшно; Камиллъ Демуленъ справедливо замѣчалъ въ своихъ статьяхъ, что самое понятіе «активный гражданинъ» заключаетъ въ себѣ ложь. Согласно этому опредѣленію, какой-нибудь рантье былъ «активнымъ гражданиномъ», а выбивающійся изъ силъ земледѣлецъ, не платящій трехъ франковъ налога, былъ «пассивнымъ гражданиномъ» и не имѣлъ политическихъ правъ.

Департаменты были подраздѣлены на округа, округа—на кантоны, причемъ послѣдніе были установлены только для выборовъ. Низшей государственной единицей съ этого времени является коммуна (община), организовавшаяся повсюду съ 14 іюля. Съ теченіемъ времени коммуны пріобрѣли большую силу и часто имѣли рѣшительное вліяніе на судьбы революціи. Какъ значительная сила, уже скоро обнаружила себя парижская коммуна; она относилась къ Сенскому департаменту и управлялась выборнымъ генеральнымъ совѣтомъ и муниципалитетомъ. Національное собраніе постановило, однако, издать для Парижа особое коммунальное положеніе. Подъ вліяніемъ Лафайета и Байи, парижская коммуна пока еще оставалась преданной интересамъ почтенной буржуазіи. Муниципалитетомъ былъ учрежденъ комитетъ для выработки проекта организаціи парижской коммуны, но національное собраніе отвергло этотъ проектъ, и муниципальное управленіе подчинилось. Національное собраніе теперь само выработало проектъ организаціи. Парижъ былъ раздѣленъ на 48 секцій; городское управленіе состояло изъ мэра и 16 администраторовъ; муниципальный совѣтъ состоялъ изъ 32 членовъ, и, кромѣ того, на каждую секцію было назначено по два нотабля, такъ что представительство парижскихъ коммунъ или общинъ состояло изъ 96 лицъ. Это представительство называли и просто коммуной.

Секціи избирали мэра. Была еще установлена должность генералъ-прокуратора и двухъ помощниковъ. Такова была организація парижской коммуны. Въ теченіе революціи ей предстояло еще перейти въ руки народа и крайней демократіи и сыграть крупную роль. Пока же мэромъ оставался Бальи, а командиромъ національной гвардіи—Лафайетъ, такъ что сила коммунъ была въ распоряженіи конституціоналистовъ и направлена противъ демократіи.

Въ это время финансовыя затрудненія стали болѣе невыносимыми, чѣмъ когда-либо, и приходилось искать какого-нибудь выхода изъ нихъ. Одни проценты государственнаго долга превышали дефицитъ въ 400 милліоновъ франковъ, и поэтому было рѣшено продать тѣ громадныя имѣнія духовенства, которыя были объявлены государственной собственностью. Декретомъ 2 декабря 1789 года было постановлено продать на 400 милліоновъ франковъ національныхъ владѣній. Продажу эту, конечно, нельзя было закончить въ короткій срокъ, причемъ въ цѣли національнаго собранія вовсе не входило значительнымъ предложеніемъ понизить цѣны. Парижскій муниципалитетъ предложилъ государству значительныя суммы подъ залогъ соотвѣтственнаго количества національныхъ земель; другіе муниципалитеты сдѣлали то же самое. Они не платили металлическими деньгами, но выдавали билеты, которые назывались муниципальными билетами. Этими билетами предполагалось покрыть требованія государственныхъ кредиторовъ; выкупъ же этихъ билетовъ долженъ былъ совершиться сейчасъ же послѣ того, какъ муниципалитетъ получитъ нужныя для того деньги отъ продажи уступленныхъ ему государственныхъ имѣній. Отъ муниципальныхъ билетовъ перешли къ государственнымъ билетамъ; государство само стало выпускать подъ именемъ *ассигнацій* знаменитыя бумажныя деньги революціи. Этими билетами государство удовлетворяло требованія своихъ кредиторовъ. Билеты обращались, какъ деньги, такъ какъ для нихъ былъ установленъ принудительный курсъ. Такимъ путемъ они попадали въ руки покупателей конфискованныхъ имуществъ, и государство получало за національныя имѣнія ассигнаціями по условленному курсу. Тѣ ассигнаціи, которыми оплачивались государственныя имѣнія, полагалось уничтожать, но [illegible] большія злоупо[illegible].

Нужно отмѣтить, что эти бумажныя деньги, которыя ставятъ обыкновенно въ связь съ демократіей, были выпущены во время укрѣпленія конституціонной монархіи для погашенія долговъ, надѣланныхъ абсолютной королевской властью во Франціи.

При помощи ассигнацій французское государство, прежде всего, освободилось отъ своихъ долговъ. Но потомъ, когда количество бумажныхъ денегъ чрезмѣрно возросло—въ теченіе семи лѣтъ было выпущено приблизительно 40.000 милліоновъ франковъ ассигнаціями,—это стало причиной непрекращающагося кризиса во Франціи. Цѣны на товары росли съ такой же быстротой, съ какой падалъ курсъ бумажныхъ денегъ.

Продажей національныхъ имѣній вначалѣ было создано большое количество мелкихъ собственниковъ, сильно преданныхъ революціи. Но, почувствовавъ свою собственность обезпеченной, они стали консервативны и стали мечтать о правительствѣ, которое какой угодно цѣной усмирило бы бурю революціи. Политическія завоеванія мелкому крестьянству были безразличны; у него не было идеаловъ. Наполеонъ Бонапартъ былъ для него самымъ подходящимъ человѣкомъ, и оно охотно поставляло ему солдатъ. Имперія Наполеона обезпечивала ему то, что участки его не перейдутъ обратно въ руки духовенства или эмигрировавшаго дворянства, имѣнья котораго тоже объявлены были впослѣдствіи государственной собственностью.

Никогда въ исторіи Франціи не было болѣе удобнаго момента, какъ въ 1789 году, для перехода къ крупному государственному земледѣльческому хозяйству. Идея свободы получила бы въ этомъ переходѣ совсѣмъ другую и болѣе прочную основу. Только треть земли принадлежала крупнымъ или мелкимъ собственникамъ. Но національное собраніе всецѣло находилось во власти мѣщанскихъ понятій о сельскомъ хозяйствѣ и не только не подумало прочнѣе организовать его, но уничтожило и послѣдніе слѣды того земельнаго устройства, которые напоминали объ общественномъ производствѣ. Правда, общины получили обратно тѣ земли, которыя были у нихъ отобраны феодалами, но и эти земли подверглись раздробленію, и остатки общинной собственности были окончательно уничтожены. Всѣ три великихъ собранія революціи—учредительное, законодательное и конвентъ—не обнаружили никакого сочувствія общинной собственности и непрерывными раздѣлами

понижали производительность земли и землевладѣльцевъ. Мелкое крестьянство заняло мѣсто феодализма, раздробленіе земельнаго владѣнія было доведено до предѣловъ невозможнаго, и въ сельскомъ хозяйствѣ было, такимъ образомъ, увѣковѣчено мелкое хозяйство во всей неудобности его формъ. Тотъ мелкій крестьянинъ, который обязанъ былъ революціи освобожденіемъ отъ феодальныхъ тяготъ и своимъ свободнымъ владѣніемъ, сталъ скоро тормазомъ всякаго прогресса. Весь громадный классъ мелкихъ крестьянъ образовалъ неподвижный элементъ, тормозившій прогрессъ соціальный и прогрессъ освободительный.

Такимъ-то образомъ столь сильно удивившая всѣхъ мѣра— продажа государственныхъ имѣній, которой хотѣли закрѣпить преданность народа революціи, принесла скоро плоды, прямо противоположные ожидаемымъ. Были и такія провинціи, гдѣ народъ не понималъ или ложно толковалъ предпринятую въ его пользу мѣру; здѣсь дѣло не обошлось безъ духовенства, которое потеряло свои имѣнія и которое со времени конфискаціи духовныхъ земель было не на сторонѣ революціи. Мѣропріятіе это оно называло церковнымъ грабежомъ и сумѣло внушить свою ненависть къ революціи той части населенія, которой еще пріятны были патріархальныя отношенія. Во время позднѣйшихъ кризисовъ революціи то же духовенство зажгло гражданскую войну во Франціи въ тотъ именно моментъ, когда на нее напала великая коалиція иностранныхъ государствъ. Кровавая война въ Вандеѣ тѣсно связана съ этими событіями. Пока же духовенство старалось разжечь религіозный фанатизмъ противъ революціи, съ одной стороны, крикливымъ поведеніемъ въ національномъ собраніи, а съ другой— тайными происками въ провинціи. Все это объясняетъ намъ тѣ ужасныя мѣры, къ которымъ должны были впослѣдствіи прибѣгнуть революціонныя правительства, чтобы удержаться у власти.

Національное собраніе уничтожило дворянское сословіе, всѣ гербы, наслѣдственные титулы и ордена. Оно хотѣло уничтожить всѣ слѣды прежняго порабощенія. Народъ слѣдилъ за работами національнаго собранія, перенося нужду и не теряя надежды на то, что при новомъ порядкѣ вещей уменьшится и его нужда. Но скоро стали обнаруживаться разные происки придворной партіи, дворянства, духовенства и эми-

грантовъ. Облегчивъ производство въ высшій чинъ, національное собраніе привлекло войско на свою сторону, придворная же партія уже не имѣла въ немъ особенно надежной опоры. Безуспѣшными оказались и попытки духовенства вызвать религіозные безпорядки въ южной Франціи. Въ Парижѣ былъ открытъ заговоръ, составленный маркизомъ де-Фавра, который задумалъ убить Лафайета и Бальи, разогнать національное собраніе и увезти короля изъ Парижа. Не было сомнѣній въ томъ, что онъ былъ въ сношеніяхъ съ дворомъ, но посредникъ между ними и дворомъ былъ неизвѣстенъ. Когда судъ приговорилъ его къ смертной казни черезъ повѣшеніе, онъ выразилъ желаніе сознаться во всемъ. Судъ не пожелалъ компрометировать дворъ и постановилъ сознанію его не придавать никакого значенія. «Въ такомъ случаѣ я умру со своей тайной»,—сказалъ Фавра.

Все это вызвало такое броженіе, что можно было опасаться новаго революціоннаго взрыва. Король, чувствовавшій всеобщее недовѣріе, прибылъ 4 февраля 1790 года въ національное собраніе и стоя обратился съ рѣчью къ сидѣвшимъ депутатамъ. Рѣчь его была довольна запутана и доказывала, что онъ, собственно, и самъ желалъ всего, что сдѣлано собраніемъ. Онъ обѣщалъ также *признать и охранять ту конституцію*, которая будетъ принята собраніемъ. Собраніе расчувствовалось и принесло присягу вѣрности закону, королю и народу, обѣщая по мѣрѣ силъ охранять выработанную имъ и принятую королемъ конституцію. Эта противорѣчивая клятва, которая не исполнялась всякій разъ, когда возникалъ конфликтъ между королемъ и народомъ или королемъ и закономъ, названа была гражданской присягой.

Теперь начались новыя интриги со стороны двора. Прежде всего подкупили Мирабо, потому что этому великому политику нужно было много денегъ для удовлетворенія своихъ мелкихъ страстишекъ и распутства. Предложенныя ему дворомъ крупныя суммы онъ принялъ безъ всякаго прямого обязательства. Можетъ быть, къ этому времени относится и его планъ остановить революцію въ моментъ окончательной выработки конституціи. Планъ этотъ былъ основанъ, конечно, на слишкомъ высокой оцѣнкѣ имъ своей личности и обнаруживаетъ все тщеславіе его. Въ это время дворъ вообще истратилъ много денегъ на подкупы, но особаго успѣха не имѣлъ. Особенно Ми-

рабо во многихъ отношеніяхъ не безпокоился объ интересахъ двора. Это обнаружилось при обсужденіи вопроса о томъ, должно ли національное собраніе само себя закрыть. Правая полагала, что такъ какъ, судя по наказамъ, собраніе получило мандатъ на одинъ годъ, то при уваженіи къ волѣ народа оно должно само закрыться. Противъ этой демагогической уловки выступилъ Мирабо въ одной изъ наиболѣе сильныхъ рѣчей своихъ. Напомнивъ о клятвѣ въ залѣ городского собранія, онъ сказалъ, что съ того момента, когда произнесена была клятва дать Франціи конституцію, характеръ полномочій собранія измѣнился. «*Клянусь*,—закончилъ онъ своимъ громовымъ голосомъ, обращаясь къ центру и къ лѣвой,—*клянусь, что вы спасли Францію*». Увлеченное имъ собраніе отклонило предложеніе о закрытіи собранія.

Были попытки вызвать паденіе Мирабо, такъ какъ тайная связь его со дворомъ была извѣстна, но это не удалось. При обсужденіи вопроса о правѣ объявлять войну и заключать миръ краснорѣчивый ораторъ лѣвой, Барнавъ, сильно напалъ на Мирабо. Однако восторжествовалъ Мирабо, и король получилъ право иниціативы при объявленіи войны и заключеніи мира, подъ условіемъ утвержденія собраніемъ.

Авторитетъ Мирабо въ глазахъ народа къ этому времени былъ уже поколебленъ, и демократическая печать сильно нападала на него. Впослѣдствіи обществу были даны и доказательства той измѣны, которою запятналъ себя этотъ геніальный человѣкъ.

Послѣ этихъ постановленій собраніе издало новый порядокъ судопроизводства, сообразованный съ новымъ дѣленіемъ Франціи на департаменты, и гражданское положеніе о духовенствѣ, опять-таки въ соотвѣтствіи съ департаментами. Каждый департаментъ былъ сдѣланъ епископствомъ. Католическое духовенство превращено было въ государственныхъ чиновниковъ. Это вызвало долгое и упорное сопротивленіе духовенства, такъ какъ государство требовало отъ священниковъ, какъ государственныхъ чиновниковъ, гражданской присяги. Большинство отказалось отъ этого, и даже низшее духовенство, бывшее до сихъ поръ очень преданнымъ революціи, заняло враждебное положеніе по отношенію къ новой конституціи. Людовикъ XVI, такъ недавно еще обѣщавшій принять конституцію, былъ очень радъ этому спору и раздувалъ его,

не утверждая гражданской организаціи духовенства. Послѣ этого конституціонные (принесшіе присягу) священники и не принесшіе присяги стали взаимно отлучать другъ друга отъ церкви и вести между собой ожесточенную борьбу. Наконецъ, и папа еще ухудшилъ дѣло, запретивъ духовнымъ лицамъ приносить гражданскую присягу.

Такимъ образомъ, національное собраніе создало упорную и опасную оппозицію, такъ какъ оно побоялось пойти дальше и провозгласить отдѣленіе церкви отъ государства. За недостатокъ послѣдовательности всегда приходится расплачиваться. Въ бурное время недостатокъ послѣдовательности постоянно является причиной непоправимыхъ бѣдъ.

Праздникъ объединенія на Марсовомъ полѣ.

Въ то время, какъ надъ охваченной революціей Франціей собирались новыя бури, наступала годовщина взятія Бастиліи, 14 іюля 1790 года. Этотъ день рѣшено было превратить въ пышный національный праздникъ. Иниціатива этого празднества исходила отъ парижскаго общиннаго совѣта. Какъ въ критическіе дни революціи народъ, національная гвардія и линейныя войска объединялись и братались въ отдѣльныхъ городахъ, такъ годовщина взятія Бастиліи должна была быть днемъ провозглашенія братства всего французскаго народа. Такъ предполагалось отпраздновать день побѣды народа надъ абсолютизмомъ. Къ этому дню были сдѣланы самыя пышныя приготовленія. Мѣстомъ празднества назначено было Марсово поле, и оно было приспособлено ко вмѣщенію 400.000 человѣкъ. Посрединѣ возвышался алтарь отечества, сооруженный въ античномъ стилѣ, а вокругъ него былъ устроенъ амфитеатръ, въ которомъ должны были размѣститься король, національное собраніе и муниципалитетъ. Всю Францію охватило шумное воодушевленіе, когда было предписано отпраздновать этотъ праздникъ. Выше, чѣмъ гдѣ-либо, подымались волны воодушевленія въ Парижѣ. Для выполненія работъ на Марсовомъ полѣ потребовалось 12.000 рабочихъ. Работы, однако, медленно подвигались впередъ, и стали возникать опасенія, что онѣ не будутъ закончены къ 14 іюля; кромѣ того, носился слухъ, что рабочіе подкуплены реакціонерами. Парижское населеніе тысячами устремилось на Марсово поле, чтобы закончить работы.

Можно было видѣть, какъ нарядныя дамы соревновались съ поденщиками въ [illegible] лопатой и [illegible]. «Работали,—разсказываетъ очевидецъ,—мужчины и женщины, старики и дѣти, герцоги и поденщики, священники и [illegible], главные от-купщики и [illegible], кавалеры ордена. [illegible] и проститутки,—всѣ въ дивномъ согласіи, и уже раздавались пѣсни свободы». Благодаря этому, приготовленія во-время были закончены, и праздникъ великолѣпно удался, хотя оффиціальная часть его оказалась, пожалуй, наименѣе значительной. Значеніе праздника заключалось, главнымъ образомъ, въ томъ, что [illegible] свободѣ люди изъ разныхъ частей Франціи познакомились другъ съ другомъ и приняли твердое рѣшеніе всѣми силами отстаивать завоеванія революціи.

Прибыло невѣроятное число уполномоченныхъ отъ департаментовъ, и праздникъ объединенія, который долженъ былъ произвести сильное впечатлѣніе на весь культурный міръ, начался со всей торжественностью. Процессія состояла изъ батальона вооруженныхъ дѣтей и заканчивалась батальономъ вооруженныхъ стариковъ; она двинулась съ того мѣста, гдѣ раньше стояла Бастилія, и направилась къ Тюльери; здѣсь она забрала дворъ и въ сопровожденіи національной гвардіи и національнаго собранія пошла на Марсово поле. Необозримая толпа сопровождала процессію; городъ пестрѣлъ флагами и цвѣтами; былъ сдѣланъ пушечный салютъ въ 101 выстрѣлъ. Среди участниковъ процессіи можно было замѣтить и нѣмецкаго барона Жана-Баптиста Клоотса, апостола и проповѣдника всемірной республики; онъ велъ съ собой значительное число людей, одѣтыхъ въ чужеземные костюмы и изображавшихъ представителей другихъ народовъ; съ этой странной, возбуждавшей всеобщее вниманіе депутаціей онъ являлся раньше въ національное собраніе. Народъ собрался уже на Марсовомъ полѣ и стоялъ въ полномъ порядкѣ. На алтарѣ отечества сперва отслужена месса, и служилъ ее не кто иной, какъ знаменитый Талейранъ; при этомъ алтарь окружало 300 священниковъ въ бѣлыхъ ризахъ и трехцвѣтныхъ (синій, бѣлый, красный) шарфахъ. Талейранъ благословилъ и орифламму, древній штандартъ французскихъ королей, и знамена 83 департаментовъ. Затѣмъ появился Лафайетъ, истинный герой этого праздника, назначенный главнокомандующимъ національныхъ гвардій всего французскаго королевства. Подъ

непрерывающіеся крики привѣтствія всего собранія для гренадера вносили его на алтарь отечества, и оттуда онъ привелъ собравшійся народъ къ присягѣ: «*Мы клянемся быть вѣчно вѣрными народу, закону и королю, поддерживать всѣми* силами выработанную Національнымъ собраніемъ и принятую королемъ *конституцію* и соединиться *неразрывными узами братства* со всѣми французами».

400.000 человѣкъ собравшагося народа съ воодушевленіемъ отвѣтили на это громкимъ «клянусь». Раздался салютъ, звучали трубы, послышался лязгъ оружія объединенныхъ и національной гвардіи. Гулъ воодушевленія пронесся надъ Марсовымъ полемъ. Тогда выступилъ король и поклялся «*свято хранить и соблюдать выработанную уже и вырабатываемую еще собраніемъ конституцію*», напомнивъ этимъ о томъ, что выработка ея еще не закончена. Королева подняла вверхъ своего сына со словами: «Вотъ мой сынъ. Мы съ нимъ раздѣляемъ образъ мыслей народа». Народъ привѣтствовалъ громкимъ [illegible] и «австріячку», [illegible], какъ впослѣдствіи ее иронически называли. Народъ весь съ [illegible] принималъ это братаніе и присягу конституціонной монархіи. Вскорѣ уже должно было обнаружиться, какъ мало значенія придаетъ всему этому дворъ.

Пока же все утопало въ радости и блаженствѣ, и даже полившій вдругъ дождь не разстроилъ праздничнаго настроенія. Несмотря на дождь, [illegible] праздникомъ свободы французы. Въ городѣ было устроено много народныхъ празднествъ, продолжавшихся до глубокой ночи, а на томъ мѣстѣ, гдѣ годъ тому назадъ стояла Бастилія, на развалинахъ страшной [illegible] можно было прочесть надпись: «Танцы».

Объединенные вернулись на родину, и Франція казалась счастливой въ своей твердой надеждѣ на обѣщанную конституцію, которой король и дворъ уже напередъ присягнули. Но все это только казалось. Праздникъ объединенія обнаружилъ только, какъ [illegible] установилось лучшее правительство, хотя бы при слабомъ [illegible], съ французами, которые тогда совершенно [illegible] стояли за новую конституцію.

[illegible] праздникомъ объединенія, [illegible], самъ [illegible] не [illegible] слабою вѣрою, [illegible] уже [illegible] съ темными планами [illegible] власти. Приверженцы стараго порядка не могли примирить себя съ мыслью,

что столичный городъ станетъ руководящимъ факторомъ въ жизни французскаго государства. Употребляя всевозможныя средства для уничтоженія народнаго суверенитета, они достигли прямо противоположныхъ результатовъ и низвергли монархію.

Рабочее населеніе Парижа.

Въ славныя эпохи, когда разыгрываются великія и рѣшительныя битвы, расплачиваться за нихъ всегда приходится народу. Не только кровь свою приходится ему проливать: ему приходится терпѣливо ждать, голодать, переносить всякаго рода лишенія, когда политическое возбужденіе становится столь сильно, что обычныя дѣла, необходимыя для удовлетворенія общественныхъ потребностей, останавливаются. Когда въ такое бурное время производство жизненныхъ припасовъ и обращеніе товаровъ становятся неправильными и недостаточными, то особенно сильно и прежде всѣхъ это должна почувствовать рабочая масса. Когда разыгрывалась бурная борьба революціи за свободу, французскій народъ, въ особенности парижское населеніе, должно было переносить самыя ужасныя лишенія. Если, съ одной стороны, эти лишенія были стимуломъ, не перестававшимъ толкать массу на новыя битвы за лучшіе порядки, то, съ другой стороны, нельзя не удивляться тому героизму, съ которымъ народъ переносилъ эти лишенія.

Вслѣдствіе непрекращающихся безпорядковъ въ провинціи и разстройства на продовольственномъ рынкѣ подъ вліяніемъ политическихъ событій, прокормить городъ Парижъ вскорѣ стало дѣломъ очень затруднительнымъ. Были и такіе легковѣрные, которые думали, что достаточно королевской фамиліи вернуться изъ Версаля въ Парижъ, и голодъ въ Парижѣ прекратится, но скоро они поняли, что ошиблись; голодъ и дороговизна не прекращались и зимою 1789/90 года. Какъ это часто бываетъ въ такихъ случаяхъ, торговцы хлѣбомъ стали «хлѣбными ростовщиками»; съ безсердечностью они не выпускали хлѣба на рынокъ, чтобы въ подходящій моментъ продать его по достаточно высокой цѣнѣ. Озлобленіе народа противъ хлѣбныхъ ростовщиковъ и скупщиковъ было страшно велико, такъ что легко понять, что не обходилось безъ эксцессовъ и что нѣкоторые хлѣбные ростовщики и повысители хлѣбныхъ цѣнъ пали жертвами народной ярости. Такъ было 21 октября съ

булочникомъ по имени Франсуа, послѣ чего въ Парижѣ было объявлено военное положеніе, а муниципалитетъ получилъ право при возникновеніи безпорядковъ, въ случаѣ неисполненія предложенія толпѣ разойтись,—употребить въ дѣло оружіе. Предводительствуемая Лафайетомъ и Байи, [illegible] буржуазія показала теперь, что, достигнувъ при помощи народа политической власти, она тоже уже не имѣетъ лучшаго отвѣта на народную нужду, чѣмъ прежняя королевская власть, именно— [illegible]. Народъ проявилъ дѣйствительно много мужественной силы, когда онъ, голодный, могъ воодушевляться конституціей и ея гражданской свободой. Въ то время, какъ скупщики жизненныхъ припасовъ получали колоссальные барыши, въ предмѣстьяхъ царила ужасная нужда, такъ что, напр., въ одномъ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ богатый пивоваръ Сантерръ, вождь демократіи предмѣстій, роздалъ голодающему населенію на 150.000 франковъ жизненныхъ припасовъ.

Безработица росла, и, чтобы дать заработокъ громадному количеству людей, бродившихъ въ Парижѣ безъ дѣла, были предприняты земляныя работы; но и земляныхъ работъ не хватало на всѣхъ. Національное собраніе, передъ которымъ депутатъ Малуэ формулировалъ нужду рабочихъ, не знало, что дѣлать. Съ тѣмъ большимъ рвеніемъ руководимая Лафайетомъ и Байи муниципальная власть преслѣдовала предполагаемыхъ и дѣйствительныхъ подстрекателей къ безпорядкамъ; національная же гвардія, состоявшая изъ зажиточной буржуазіи, находила особое удовольствіе въ исполненіи такихъ порученій. Этой созданной для защиты народа гвардіи суждено было стать орудіемъ его угнетенія.

[illegible] на другую [illegible] Лучшая [illegible] буржуазной [illegible]. Но среди журналистовъ, отстаивавшихъ [illegible] былъ [illegible] Маратъ. [illegible] буржуазію. [illegible] Лафайета и [illegible] его [illegible] д'Артуа. Когда [illegible] Онъ сталъ

представителемъ пролетаріата, и господствующая во время революціи буржуазія именно инстинктивно ненавидѣла его. Этимъ объясняется, что клевета не переставала преслѣдовать его имя и что вліяніе его всегда преуменьшивали. Маратъ много мыслилъ и писалъ по философскимъ, естественно-историческимъ и юридическимъ вопросамъ. Цеховые ученые ненавидѣли его за его свободныя воззрѣнія, и даже Вольтеръ нападалъ на него, но зато онъ могъ хвастать тѣмъ, что заслужилъ признаніе великаго Франклина. Онъ былъ озлобленный человѣкъ и чуждался товарищества, какъ говорилъ Дантонъ. Но это былъ единственный человѣкъ, заступавшійся въ своей газетѣ за интересы пролетаріата, и онъ вовсе не былъ такимъ варваромъ, какимъ хотѣли представить его враги. Но грубѣйшая ложь, которую распространяли о немъ и которую еще и теперь повторяютъ, это то, что онъ потребовалъ казни 270.000 человѣкъ.

Онъ обрушивался на муниципалитетъ и на грубость полиціи. Онъ высмѣивалъ комическое тщеславіе и важничаніе національной гвардіи, называя ее буржуазной милиціей и требуя демократическаго преобразованія муниципалитета. *Право на существованіе* онъ объявилъ первымъ среди правъ человѣка. Наиболѣе острыя же стрѣлы свои Маратъ направилъ противъ Лафайета и страшно озлобилъ этого необычайно тщеславнаго «героя двухъ частей свѣта». Дѣло дошло до того, что Лафайетъ въ январѣ 1790 года выступилъ съ 4-тысячнымъ отрядомъ національной гвардіи для того, чтобы схватить Марата; но Маратъ, неузнанный, ускользнулъ отъ національной гвардіи и на время скрылся изъ Парижа.

Муниципальная власть стала проявлять все большую жестокость по отношенію къ народу. Она возстановила государственную тюрьму въ Венсеннѣ, чтобы заключать туда неудобныхъ ей «подстрекателей». Вся масса Сентъ-Антуанскаго предмѣстья въ возмущеніи поднялась противъ новой Бастиліи, но была разсѣяна кавалеріей національной гвардіи. Съ тѣхъ поръ недоразумѣнія между муниципальной властью и народомъ, приведшія къ большому кровопролитію на Марсовомъ полѣ, не прекращались.

Муниципалитетъ долженъ былъ считать одной изъ наиболѣе настоятельныхъ задачъ своихъ обезпеченіе Парижа продовольствіемъ, а вмѣсто того онъ сталъ обращаться съ тѣми самыми рабочими, которые вынесли на плечахъ своихъ буржу-

азную революцію, какъ съ мятежниками. Улицы и площади Парижа постоянно были запружены безработными рабочими, которыхъ теперь не было возможности еще направить въ ряды арміи, какъ [illegible] революціонныхъ войнъ. Только тѣ профессіи имѣли достаточно заработка, которыя заняты были снаряженіемъ національной гвардіи; всѣмъ остальнымъ работы не доставало. Сапожники, плотники, кожевники, слесаря, типографы и другіе работники устраивали большія собранія, на которыхъ составлялись петиціи въ муниципалитетъ съ требованіемъ отъ него работы. Отвѣтъ муниципалитета былъ таковъ, что національной гвардіи приказано было разогнять собранія рабочихъ. Особенно много ненависти возбудилъ противъ себя въ этой исторіи мэръ Бальи, чѣмъ и объясняется то, что три года спустя народъ столь жестоко расправился съ нимъ, когда его вели на эшафотъ. Онъ расклеилъ объявленіе, въ которомъ объявилъ противозаконными и нарушающими общественный порядокъ всѣ союзы рабочихъ, имѣющихъ цѣлью установленіе однообразной заработной платы и принужденіе рабочихъ одной и той же профессіи придерживаться установленной нормы».

Столь жестоко третируемые муниципалитетомъ рабочіе продолжали носиться еще съ надеждой, что они сумѣютъ побудить національное собраніе сдѣлать что-нибудь для облегченія ихъ нужды. Но и тутъ имъ пришлось не лучше, чѣмъ въ муниципалитетѣ. Депутаты были недовольны тѣмъ, что имъ помѣшали въ занятіяхъ по выработкѣ конституціи, а о рабочихъ союзахъ у нихъ были такія же странныя понятія, какъ у муниципалитета, и они смотрѣли на нихъ, какъ на затѣю бунтовщиковъ. Шапелье, докладывавшій національному собранію петицію рабочихъ, говорилъ то же самое, что и Бальи. Онъ былъ настолько не остроуменъ, что назвалъ рабочія организаціи возстановленіемъ старыхъ, отмѣненныхъ 4 августа цеховъ. Признавая въ принципѣ справедливыми и государственную помощь, и право на трудъ, онъ все-таки отказывалъ рабочимъ въ правѣ собираться и совѣщаться о своихъ профессіональныхъ нуждахъ. Понимая, что онъ этимъ противорѣчитъ конституціи, гарантирующей въ первой своей части свободу собраній, онъ добавилъ, что рабочіе въ правѣ собираться только въ качествѣ гражданъ для обсужденія общихъ интересовъ. Рабочіе, говорилъ онъ, требуютъ право союзовъ для под-

держки больныхъ и безработныхъ товарищей, но это долгъ всего народа и это не можетъ служить основаніемъ для того, чтобы они въ правѣ были основать союзъ. Наконецъ, онъ выразилъ сожалѣніе о томъ, что заработная плата, которая, по его убѣжденію, должна устанавливаться на основаніи свободнаго соглашенія, недостаточно высока.

Слѣдовало ожидать, что національное собраніе предоставитъ больнымъ и безработнымъ рабочимъ ту помощь «отъ народа», о которой говорилъ Шапелье и которую предусматривала конституція; но оно не только не сдѣлало этого, но издало знаменитый декретъ отъ 14 іюня 1791 года, который такъ долго просуществовалъ во Франціи и который воспрещалъ всѣ рабочіе союзы и ассоціаціи. Этотъ законъ, отмѣненный только во время третьей республики, успѣлъ за долгій періодъ своего существованія надѣлать не мало зла. Въ теченіе долгихъ періодовъ времени правительство прятало его, какъ заржавленное оружіе, но вдругъ извлекало его и пускало въ ходъ снова. Такъ, напр., Людовикъ-Наполеонъ воспользовался этимъ закономъ для того, чтобы уничтожить производительныя ассоціаціи французскихъ рабочихъ, созданныя съ такими жертвами послѣ революціи 1848 года. Этимъ закономъ національное собраніе наложило неизгладимую печать буржуазнаго классоваго эгоизма на столь торжественно провозглашенныя имъ передъ всѣмъ міромъ права человѣка. Съ этого момента рабочіе, какъ классъ, отдѣлились отъ почтенной буржуазіи, третьяго сословія. Но классовое движеніе не могло тотчасъ же начаться, потому что экономическое развитіе не зашло еще достаточно далеко, чтобы ясно обнаружить классовый антагонизмъ и классовые интересы. Кромѣ того, пролетаріатъ былъ еще занятъ походами противъ Европы, объявившей войну революціи.

Предприниматели, которымъ надо было выполнять общественныя или частныя работы, объединились съ враждебнымъ по отношенію къ рабочимъ муниципалитетомъ. Законъ противъ ассоціацій былъ использованъ, какъ слѣдуетъ. Рабочіе дѣлали изъ революціи такіе выводы, которые не были пріятны честной буржуазіи. Они видѣли, что положеніе буржуазіи и мелкаго собственника-крестьянина благодаря революціи улучшилось. Изъ этого они заключили, что революція, которой они въ такой мѣрѣ содѣйствовали своими могучими руками, должна удовле-

творить также и требованія рабочаго класса. Поэтому они требовали повышенія заработной платы и доли въ предпринимательской прибыли. Но тогда у предпринимателей еще не было никакой охоты соглашаться на эту излюбленную теперь систему участія въ прибыляхъ. О наиболѣе горячихъ рабочихъ было доложено муниципалитету, и они были брошены въ темницу.

Лишенные также и избирательнаго права, обусловленнаго извѣстнымъ имущественнымъ цензомъ, рабочіе обратились съ простымъ, но трогательнымъ, сохранившимся до сихъ поръ письмомъ къ Марату. На языкѣ, соотвѣтствовавшемъ воззрѣніямъ и стилю того времени, они называютъ его «дорогимъ пророкомъ» и истиннымъ защитникомъ *класса нуждающихся*. Здѣсь проявилось классовое самосознаніе. Они жалуются Марату на жестокость предпринимателей и говорятъ, что особенно отличаются угнетеніемъ своихъ прежнихъ товарищей нѣсколько бывшихъ каменщиковъ, разбогатѣвшихъ и ставшихъ богатыми предпринимателями. Послѣдніе думаютъ, говорятъ въ своемъ письмѣ рабочіе, что имъ все дозволено съ тѣхъ поръ, какъ они надѣли форму и эполеты національной гвардіи.

Маратъ, признававшій справедливыми требованія рабочихъ объ улучшеніи ихъ условій, заступился за этотъ угнетенный классъ, гдѣ и когда только могъ. Его «Другъ Народа» сталъ органомъ рабочихъ, и этимъ объясняется сильная популярность Марата. Въ «Другѣ Народа» былъ подвергнутъ рѣзкой критикѣ избирательный законъ, лишившій рабочихъ избирательнаго права. Въ газетѣ Марата рабочіе напоминали о своихъ заслугахъ передъ революціей. «Мы были всюду, говорится въ ней, гдѣ было опасно; всюду мы были готовы проливать нашу кровь для защиты отчизны; три мѣсяца безъ перерыва мы одни выполнили [illegible] утомительнаго похода; но [illegible] солнце, [illegible] голодъ и жажду; а въ это время богатые [illegible] въ своихъ подвалахъ подъ землей и теперь, когда это [illegible] уже сдѣлано, для захвата власти, [illegible] общественныхъ должностей. Для насъ [illegible], а теперь въ вознагражденіе [illegible] стремятся [illegible]. Что даетъ вамъ право [illegible] третировать насъ? Вѣдь вы сами согласны съ тѣмъ, что и бѣднякъ такой же гражданинъ, какъ богатый. Но, утвер-

ждаете ли, его скорѣе можно подкупить. Полно, правда ли это? Присмотритесь ко мнѣ, [illegible] бѣднаго! Развѣ не [illegible] продажнаго [illegible]?»

Но въ то же время, въ [illegible] росла популярность Марата среди рабочихъ, росла и ненависть къ нему Лафайета и Бальи. 14 сентября 1790 года они поручили 300 солдатъ національной гвардіи напасть на типографію, въ которой печатался «Другъ Народа». Станки были разрублены топорами, а персоналъ типографіи арестованъ. Но «Другъ Народа» выходилъ попрежнему, такъ какъ Маратъ продолжалъ его выпускать, несмотря на громадныя [illegible] и опасность, съ которыми это было сопряжено. Такъ [illegible] газета, [illegible] естественно, не оправдывала своихъ расходовъ, потребовались сторонніе средства. Деньги давала [illegible] преслѣдуемаго писателя, Симонія Эврарь. Она [illegible] мужа, чтобы связать свою судьбу съ судьбой Марата; историки ее часто смѣшиваютъ съ его сестрой Альбертиной. Послѣ убійства Марата она жила только воспоминаніями о немъ и удалилась отъ свѣта. Правительство не переставало [illegible] и [illegible] держало ее подъ надзоромъ. Когда [illegible] декабря 1800 года на Наполеона Бонапарта было произведено покушеніе при помощи адской машины, арестовали большое число демократовъ, въ томъ числѣ и Симонію Эврарь, но найти какія-нибудь улики противъ нея не удалось.

Если бы не страхъ передъ рабочими, готовыми подняться по первому зову, для нихъ ничего бы не сдѣлали. Но наконецъ и коммуна увидѣла, что необходимо сдѣлать что-нибудь для облегченія ужасной нужды населенія. Она потребовала отъ національнаго собранія кредита для того, чтобы предоставить заработокъ безработнымъ рабочимъ. Собраніе ассигновало пятнадцать милліоновъ франковъ. На эти деньги въ Парижѣ были тогда учреждены [illegible] мастерскія, называвшіяся тогда благотворительными мастерскими (Ateliers de charité). Уже по названію [illegible] судить о томъ, какъ относились къ этому учрежденію [illegible]. Мастерскія эти находились въ различныхъ частяхъ Парижа и тамъ работали не только парижскіе рабочіе, но и рабочіе изъ провинціи. Они принимались [illegible] отъ этой мастерскія по рекомендаціи [illegible]. Можно было видѣть, какъ они толпами [illegible] революціонныя

нѣсіи, прибывали въ Парижъ. Въ одномъ Монмартрѣ въ государственныхъ мастерскихъ было около 17.000 человѣкъ. Изъ этихъ-то рабочихъ и состояли тѣ революціонныя массы, которыя выступали во время возстаній 1792, 1793 и 1795 годовъ. Во время ихъ шествій можно было видѣть всю ихъ нищету, и обитатели богатыхъ кварталовъ съ ужасомъ убѣждались въ томъ, какое громадное количество полуголодныхъ и полуодѣтыхъ людей скрываетъ въ себѣ революціонный Парижъ. Аристократы презрительно называли это голодное и оборванное населеніе санкюлотами (голоштанниками); но демократія приняла эту кличку, превративъ ее, какъ это было и съ гезами, въ почетное названіе.

Понятно, что и государственныя мастерскія не могли совершенно устранить нужду рабочаго класса. Рабочіе часто жаловались на то, что плата выдается ассигнаціями и что заработная плата вообще низка. Они приносили себя въ жертву революціи, и для того, чтобы поддержать демократію въ ея борьбѣ со старымъ порядкомъ, они вмѣстѣ съ семьями терпѣли острую нужду. За все время великой революціи ни одинъ классъ не обнаружилъ такъ много душевнаго величія и самозабвенія, какъ парижскіе рабочіе.

Бѣгство въ Вареннъ.

Вскорѣ послѣ праздника объединенія дворъ вернулся къ своимъ планамъ и снова побудилъ короля попытаться уничтожить все то, что онъ недавно поклялся охранять. Дворъ все еще считалъ возможнымъ уничтожить завоеванія революціи и возстановить прежній абсолютизмъ. Но такъ какъ дворъ со своими приверженцами не чувствовалъ за собою во Франціи достаточно силъ для того, чтобы одержать побѣду надъ революціей, то онъ составилъ заговоръ для возстановленія стараго порядка во Франціи при помощи иностранныхъ правительствъ; послѣ многихъ битвъ съ перемѣннымъ для обѣихъ сторонъ счастьемъ борьба кончилась полнымъ паденіемъ монархіи во Франціи.

Большинство войскъ не было достаточно вѣрно двору. Правда, офицеры-дворяне были недовольны тѣмъ, что національное собраніе уравняло права на производство офицеровъ и солдатъ изъ буржуазіи съ ихъ правами; но эта именно мѣра

привлекло сочувствіе арміи къ революціи. Офицеры изъ старыхъ дворянскихъ родовъ привыкли грубо обращаться съ солдатами. Солдаты уже больше не позволяли этого, и это послужило причиной возмущенія полка Шатоне въ Нанси, которое было подавлено генераломъ Буйле при помощи оружія и послѣ сильнаго кровопролитія.

Такъ какъ армія все больше склонялась на сторону революціи, то дворъ постарался найти опору въ другихъ факторахъ. Послѣ долгаго сопротивленія и подъ вліяніемъ упорныхъ требованій національнаго собранія король утвердилъ гражданскую организацію духовенства. Но священники, отказавшіеся отъ присяги, вызвали въ провинціи безпорядки и подготовили тамъ междоусобную войну, вспыхнувшую въ 1793 году въ южныхъ и западныхъ провинціяхъ. Они успѣли убѣдить народъ, что революція стремится у него отнять религію, и вызвали броженіе среди невѣжественнаго сельскаго населенія, несмотря на то, что оно прежде другихъ почувствовало благодѣтельное вліяніе революціи. Король и дворъ надѣялись на поддержку этихъ слоевъ населенія въ случаѣ контръ-революціи. Между тѣмъ, всѣ эмигранты были собраны графомъ д'Артуа въ Кобленцѣ; эти эмигранты называли себя *заграничной Франціей* и старались склонить европейскія державы къ вооруженному вмѣшательству во французскую революцію. Дѣйствительно, уже 20-го мая 1791 года эмигранты получили отъ Австріи обѣщаніе, что она объявитъ войну Франціи и возстановитъ старый порядокъ силой оружія. Пока же эмигранты устраивали во Франціи разныя интриги для того, чтобы подготовить нападеніе иностранныхъ державъ. Вліяніе ихъ происковъ чувствовалось уже сильно и ясно. Національное собраніе хотѣло издать противъ эмигрантовъ законъ о выселеніи. По проекту этого закона, въ случаѣ безпорядковъ, учреждалась комиссія изъ трехъ лицъ, безъ разрѣшенія которой никто не въ правѣ былъ оставить Францію. Но подкупленный дворомъ Мирабо пустилъ въ ходъ все свое вліяніе и оспаривалъ этотъ проектъ, подъ тѣмъ лицемѣрнымъ предлогомъ, что не слѣдуетъ стѣснять личной свободы. Законъ, дѣйствительно, былъ отклоненъ, эмиграція усилилась, а собраніе пришло въ такое замѣшательство, что когда обѣ тетки короля пожелали поѣхать въ Римъ, оно три дня совѣщалось о томъ, отпустить ли этихъ двухъ старухъ или нѣтъ.

Когда Неккеръ вышелъ въ отставку, дворъ сталъ всецѣло опираться на Мирабо. Немного спустя непопулярный Неккеръ въ сентябрѣ 1790 года совершенно [illegible] сцены. Мирабо же [illegible] и не [illegible] закончить свою блестящую дѣятельность позорной неудачей. Онъ составилъ новую конституцію, предоставлявшую королю больше власти. Предполагалось, что король [illegible] распуститъ національное собраніе [illegible], а [illegible] Мирабо надѣялся выпросить у [illegible] собранія согласіе на его [illegible] конституцію. Когда одинъ изъ друзей предостерегъ его противъ двора, онъ увѣренно отвѣтилъ: «Они мнѣ не обманутъ, а, если они не сдержатъ слова, я ихъ *накажу республикой*».

Напряженная и непрерывная работа двухъ послѣднихъ лѣтъ подорвала здоровье Мирабо. Онъ сразу надорвался болѣзни, и внезапная смерть, 2-го апрѣля 1791 года, положила конецъ карьерѣ этого замѣчательнаго государственнаго человѣка. Такъ какъ объ измѣнѣ его еще ничего не было извѣстно, то всѣ партіи соединились, чтобы почтить усопшаго, и похороны его были выраженіемъ національнаго траура. Онъ получилъ первое мѣсто въ Пантеонѣ, храмѣ, гдѣ возрожденная Франція хотѣла хоронить своихъ великихъ людей. На зданіи Пантеона красовалась надпись: «Своимъ великимъ людямъ—благодарное отечество!»

Въ этотъ моментъ дворъ рѣшилъ вступить въ открытый бой съ національнымъ собраніемъ. Онъ разсчитывалъ на маркиза Буйле и преданную этому генералу часть арміи, на [illegible], возбужденныя священниками, отказавшимися отъ присяги, на эмигрантовъ и на иностранныя державы. Но прежде нужно было, конечно, обезопасить свою личность. 18-го апрѣля 1791 года онъ хотѣлъ оставить Парижъ, чтобы встрѣтить Пасху въ Сенъ-Клу. Въ дѣйствительности же онъ хотѣлъ отправиться къ Буйле. Но народъ воспротивился отъѣзду двора, и національная гвардія на этотъ разъ не подчинилась. Людовикъ долженъ былъ вернуться въ Тюльери и рѣшилъ тайно бѣжать изъ Парижа.

Бѣгство подготовлялось съ большою тщательностью. Буйле со своими войсками расположился у Монмеди на бельгійской границѣ, чтобы встрѣтить бѣжавшаго короля и двинуться съ нимъ на Парижъ. Народъ же тѣмъ временемъ удалось обма-

путь въ высшей степени искусной и коварной уловкой. Дворъ притворился, что онъ примирился съ тѣмъ порядкомъ вещей, который созданъ былъ революціей. Всѣ неугодныя народу лица были удалены отъ двора и даже назначены были сторонники-конституціоналисты. Былъ опубликованъ циркуляръ министра иностранныхъ дѣлъ Монморена французскимъ посланникамъ за границей, въ которомъ говорилось слѣдующее:

«То, что называютъ революціей, есть не что иное, какъ *уничтоженіе цѣлой массы злоупотребленій*, которыя въ теченіе столѣтій накопились, какъ результатъ народнаго невѣжества и власти министровъ, не совмѣстимой съ властью короля. Самые опасные внутренніе враги, это—тѣ, которые дѣлаютъ видъ, что сомнѣваются въ образѣ мысли короля. Эти люди или ослѣплены, или преступны. Они считаютъ себя друзьями короля, на самомъ же дѣлѣ они единственные враги королевской власти. Они не перестаютъ повторять, что король несчастенъ, недоволенъ,—какъ будто бы у короля можетъ быть иное удовлетвореніе, кромѣ благоденствія своего народа! Они говорятъ, что достоинство его унижено, какъ будто бы достоинство, основанное на силѣ, выше достоинства, основаннаго на законѣ! Они говорятъ, что король лишенъ свободы. Но одно предположеніе, что надъ волей его учинено насиліе, есть гнусная клевета; эта клевета становится уже преступной, когда недостаткомъ свободы у короля хотятъ доказать тѣмъ, что его величество уже нѣсколько разъ соизволилъ согласиться на пребываніе среди парижскихъ гражданъ; но основаніемъ этого высочайшаго желанія была любовь къ отечеству. Распространяйте же о французской конституціи тѣ идеи, которыя имѣетъ о ней самъ король, и будьте вполнѣ увѣрены въ томъ, что намѣреніе короля—всѣми силами поддерживать ее».

Затѣмъ было опубликовано [illegible] короля къ принцу Конде такого содержанія:

«Возвратитесь, принцъ, въ отечество и вы насладитесь всѣмъ тѣмъ счастьемъ, которое уже предлежитъ вамъ. Возвратитесь! *[illegible]*. Я говорю это вамъ именемъ народа и всѣхъ французскихъ гражданъ. Я заклинаю васъ узами, объединяющими насъ, кровью, которая течетъ въ нашихъ жилахъ. Повинуйтесь или [illegible] послѣдствій [illegible]!»

Эти печальныя заявленія [illegible]

ность; народъ [illegible]. Даже осторожный Лафайэтъ—и тотъ позволилъ себя обмануть.

Черезъ четыре дня послѣ того, какъ было написано письмо къ Конде, король со своей семьей бѣжалъ изъ Тюльери и изъ Парижа. Бѣгство произошло въ полночь 20 іюня 1791 года. Чтобы не обратить на себя вниманія стражи Лафайэта, члены королевской фамиліи замаскированные и поодиночкѣ пробрались изъ дворца и сошлись на площади Карусель, гдѣ ихъ ожидали два экипажа. Въ одномъ изъ нихъ графъ де-Провансъ удачно достигнулъ бельгійской границы, по Валансьенской дорогѣ, что ему и удалось; въ другомъ экипажѣ король хотѣлъ черезъ Шалонъ пробраться въ Монмеди къ генералу Буйлье. Буйлье было все готово: въ Монмеди онъ стянулъ довольно значительный отрядъ, а по станціямъ, черезъ которыя долженъ былъ проѣзжать король, онъ разставилъ кавалерійскіе отряды.

Въ старомодномъ берлинѣ, въ которомъ бѣжалъ король, кромѣ него помѣстились королева, его сынъ и дочь, сестра его принцесса Елизавета и госпожа де-Турзель, гувернантка королевскихъ дѣтей. Они раздобыли для г-жи Турзель подложный паспортъ, по которому она была русской княгиней Корфъ; Людовикъ былъ ея камердинеромъ; Елизавета и Марія-Антуанетта—ея компаньонки. На козлахъ сидѣли три переодѣтыхъ слугами лейбъ-гвардейца. Женская прислуга слѣдовала въ другомъ экипажѣ.

Произошло нѣкоторое замедленіе. Людовикъ выѣхалъ на два дня позже, чѣмъ было условлено съ Буйлье. Кавалерійскіе отряды, которые не желали обратить на себя вниманіе, постепенно отходили назадъ, и Людовикъ остался безъ прикрытія. Кромѣ того, въ старомъ берлинѣ сломалось колесо, и это тоже вызвало потерю часа времени. Это колесо, можетъ быть, рѣшило тогда судьбу династіи Бурбоновъ.

Миновавъ Шалонъ, король считалъ себя уже въ безопасности. Но въ Сенъ-Менеулѣ, совсѣмъ близко отъ цѣли, вечеромъ 22-го іюня судьба его уже была рѣшена. Въ этомъ городѣ Людовикъ выглянулъ черезъ окно экипажа, чтобы поторопить почтальона и скорѣй поѣхать дальше. Почтмейстеръ городка Сенъ-Менеула, Жанъ-Батистъ Друэ, обратилъ вниманіе на толстую фигуру и горбатый носъ на характерномъ бурбонскомъ лицѣ; его поразило сходство съ портретомъ короля на

[illegible]. Затѣмъ онъ [illegible] и [illegible], которую онъ [illegible], и [illegible] онъ [illegible] въ [illegible]. Молодой, горячій и энергичный [illegible] и [illegible] преданный революціи, уже не сомнѣвался въ томъ, что передъ нимъ бѣжавшая [illegible] королевская семья; къ тому же и [illegible] были [illegible] аристократомъ, какъ де-Шуазель, а кавалерійскій отрядъ какъ разъ теперь выступилъ изъ города. [illegible], что послѣ [illegible] [illegible] намѣреніи короля [illegible].

Почтмейстеръ, будучи человѣкомъ рѣшительнымъ, быстро созвалъ національную гвардію, чтобы задержать кавалерійскій отрядъ, [illegible] сбѣгалъ [illegible] королевскій [illegible] по дорогѣ въ Варенъ. Онъ прибылъ туда немного раньше кортежа и успѣлъ проявить большую энергію. Мостъ, черезъ который король долженъ былъ проѣхать, [illegible] Варенъ, онъ съ нѣсколькими не[illegible] [illegible] загородить при помощи опрокинутой телѣги. Затѣмъ онъ разбудилъ мэра, лавочника по имени Сосса, и сообщилъ ему о бѣгствѣ короля. Мэръ немедленно собралъ національную гвардію. Когда кортежъ съ королемъ прибылъ въ Варенъ, Друэ [illegible] узды и именемъ націи потребовалъ [illegible]. Путешественники предъявили паспортъ на имя [illegible] Корфъ, но Друэ сказалъ, что онъ мэръ [illegible] паспортъ, а тѣмъ временемъ [illegible] набатъ и собрался вооруженный народъ. Теперь король могъ убѣдиться въ томъ, что народъ преданъ конституціи не только въ Парижѣ. Мэръ Сосъ объявилъ королю, что онъ узналъ [illegible]. Людовикъ XVI отрицалъ, что онъ французскій король. Но Сосъ не далъ себя обмануть и настаивалъ на томъ, что вопросъ о продолженіи этой поѣздки долженъ предварительно быть разсмотрѣнъ національнымъ собраніемъ. [illegible] между королемъ и мэромъ [illegible] и она вдругъ гнѣвно закричала мэру: «Если онъ король, такъ говорите же съ нимъ съ подобающимъ уваженіемъ!» Соссъ приказалъ національной гвардіи не пропускать бѣглецовъ.

Въ это время появляется квартировавшій въ Варенѣ кавалерійскій отрядъ, и офицеры отдаютъ приказъ разсѣять національную гвардію и продолжать [illegible] дальше. Мэръ [illegible]

напоминаетъ солдатамъ, что они обязаны народу вѣрностью и что не должны нападать на національную гвардію. Солдаты остаются на мѣстѣ, не исполняя команды, а къ національной гвардіи присоединяются сотни вооруженныхъ людей, сбѣжавшихся изъ деревень на звукъ набата. Между кавалерійскими офицерами и офицерами національной гвардіи происходитъ нѣсколько [illegible] стычекъ. Солдаты [illegible] перейти подъ команду офицера національной гвардіи. Король и королева забываютъ вдругъ все свое высокомѣріе и переходятъ на просьбы. Людовикъ [illegible] и увѣряетъ его, что онъ [illegible] населенія; въ Монмеди онъ сдѣлаетъ Францію болѣе счастливой, чѣмъ теперь. Марія Антуанетта указываетъ [illegible] на дѣтей своихъ и проситъ спасти ихъ. Но мэръ прекрасно понимаетъ, что дѣло не въ дѣтяхъ, и остается непоколебимымъ какъ передъ просьбами, такъ и передъ угрозами. Послѣ того, проходитъ ночь, а въ семь часовъ утра прибываетъ молодой адъютантъ Лафайета Ромефъ съ декретомъ національнаго собранія арестовать короля и его семейство, гдѣ бы они ни находились. Марія-Антуанетта въ гнѣвѣ вырываетъ приказъ объ арестѣ его изъ его рукъ и бросаетъ на землю со словами: «Онъ можетъ только загрязнить [illegible]». Но [illegible] Ромефъ отвѣчаетъ: «Сударыня, лучше было бы, [illegible] другой, а не я, былъ свидѣтелемъ этихъ [illegible]». Послѣ этого королева становится нѣсколько спокойнѣе. Экипажъ короля поворачиваетъ въ обратную сторону и въ сопровожденіи цѣлаго [illegible] національной гвардіи направляется къ Парижу. Буйе, [illegible] извѣщенный объ арестѣ короля, [illegible] спѣшитъ ему на помощь съ кавалерійскимъ полкомъ, но ничего уже не можетъ сдѣлать. Бѣгство не удалось — главнымъ образомъ, благодаря [illegible] Друэ.

Этотъ случай доставилъ Друэ, [illegible] благодарность народа и 30.000 франковъ отъ національнаго собранія; съ этого момента онъ выступаетъ на широкую арену общественной жизни. [illegible] и совершитъ цѣлый рядъ преступленій.

Въ Парижѣ вѣсть объ исчезновеніи короля распространилась съ быстротою молніи утромъ 21-го іюня. [illegible] чтобы [illegible] принимать мѣры къ тому, чтобы поймать бѣглеца. Національ-

ное собраніе немедленно собралось на засѣданіе. Оно постановило арестовать короля, присвоивъ себѣ законодательной и исполнительной [illegible] Франціи, собственно говоря, [illegible]. Министры признали себя отвѣтственными передъ собраніемъ, а послѣднее перешло къ обсужденію манифеста, оставленнаго королемъ въ Тюльери.

Въ этомъ манифестѣ Людовикъ обнаруживаетъ себя въ настоящемъ свѣтѣ и сбрасываетъ маску, при помощи которой онъ обманывалъ народъ. Онъ объявляетъ себя противникомъ всѣхъ нововведеній, произведенныхъ съ 1789 года, и прежде всего [illegible] на національное собраніе, на новую конституцію и на народное движеніе. Онъ обвиняетъ собраніе въ томъ, что оно лишило его прерогативъ короля, отняло у него его имѣнія и принудило къ утвержденію такихъ постановленій, которыя возмущаютъ его. Народъ парижскій держитъ его въ плѣну и подвергаетъ оскорбленіямъ. [illegible] двадцать пять милліоновъ франковъ [illegible]. Онъ заявляетъ, что [illegible] той свободы, которой [illegible] въ Парижѣ.

Противорѣчіе между этимъ манифестомъ и [illegible] циркуляромъ къ посланникамъ и письмомъ къ принцу Конде очевидно. Король, такимъ образомъ, самъ сознается, что его конституціонализмъ былъ только маской и что онъ никогда не становился искреннимъ. Ясно, что онъ вовсе не былъ такъ невиненъ и добродушенъ, какъ часто хотятъ насъ увѣрить историки. Вѣроломство, которое обнаруживаетъ его манифестъ, открытое признаніе въ нарушеніи обѣщаній и присяги — безпримѣрны. Можетъ быть, конечно, что манифестъ составленъ былъ придворной партіей, но все же отвѣтственнымъ за него былъ и остается Людовикъ. Какъ всегда, такъ и въ этомъ случаѣ у него не хватило ума. Съ [illegible] Парижа, съ населеніемъ Франціи онъ говорилъ такимъ образомъ, какъ будто онъ находился уже въ лагерѣ Буйе. И его привели назадъ плѣнникомъ.

Когда стало извѣстнымъ упомянутый манифестъ, вся страна встрепенулась отъ волненія, [illegible] негодованія. Въ клубахъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ стали требовать низложенія короля.

Узнавъ, что король арестованъ въ Варенне, національное собраніе избрало изъ своей среды трехъ комиссаровъ, пору-

чить имъ привести назадъ короля и его семейство. Это были Барнавъ, Петіонъ и Латуръ-Мобургъ. У Эпернэя комиссары встрѣтились съ многочисленнымъ отрядомъ національной гвардіи вооруженныхъ гражданъ, сопровождавшихъ короля въ Парижъ. Барнавъ и Петіонъ сѣли въ экипажъ короля и королевы, Латуръ-Мобургъ—къ ихъ спутникамъ. Петіонъ держалъ себя, какъ республиканецъ; онъ былъ холоденъ и сдержанъ по отношенію къ павшему королю и его женѣ. Барнавъ же, молодой человѣкъ 29 лѣтъ, пришелъ въ восторгъ отъ королевы, которая не безъ кокетства вступила съ нимъ въ разговоръ и говорила ему любезности. Она окончательно очаровала его. Ради прекрасныхъ глазъ этой женщины онъ измѣнилъ своимъ политическимъ убѣжденіямъ и изъ защитника конституціи сталъ защитникомъ двора. Онъ тогда еще, вѣроятно, самъ не понималъ, какое преступленіе онъ совершаетъ по отношенію къ отечеству, и впослѣдствіи заплатилъ за свою измѣну на эшафотѣ.

Подъ прикрытіемъ шестидесяти орудій король прибылъ обратно въ Парижъ; граждане, воспрепятствовавшіе его по-губѣ, встрѣтили въ Парижѣ съ тріумфомъ. На улицахъ повсюду видны были плакаты съ надписью: «*Кто будетъ привѣтствовать Людовика XVI, будетъ побитъ; кто оскорбитъ его, будетъ повѣшенъ*». Необозримыя массы народа, покрывавшія улицы, деревья, даже крыши домовъ, встрѣтили въѣздъ короля глубокимъ и суровымъ молчаніемъ, произведшимъ на плѣнную королевскую семью неизгладимое впечатлѣніе.

Когда Людовикъ прибылъ въ Тюльери, онъ опустился въ кресло и произнесъ: «Глупое-же, однако, путешествіе». Когда вошелъ камердинеръ, онъ сказалъ: «А, ты здѣсь! Я снова здѣсь, какъ видишь!» Подобныя тривіальныя замѣчанія онъ отпускалъ обыкновенно во всѣ критическіе моменты своей жизни, къ огорченію не лишенной ума королевы.

Король былъ временно отстраненъ отъ должности и находился подъ карауломъ въ Тюльери. Національное же собраніе выпустило прокламацію къ французамъ, въ которой говорилось, что король былъ *похищенъ* врагами общественнаго спокойствія. Собраніе притворилось, что оно принимаетъ всерьезъ это странное объясненіе.

Бѣгство короля произвело такое дѣйствіе, котораго онъ, навѣрно, менѣе всѣхъ ожидалъ. Оно создало настоящее респу-

бликанское движеніе. Ясно обнаружилось оно въ крайней лѣвой національнаго собранія, но еще отчетливѣе въ якобинскомъ клубѣ. Большинство въ національномъ собраніи насмѣшливо встрѣчало демократическія рѣчи Робеспьера, но народъ уже любилъ его и надѣлилъ именемъ «Неподкупнаго». Вечеромъ 21-го іюня онъ прибылъ въ клубъ якобинцевъ и произнесъ тамъ длинную рѣчь, въ которой въ одинаковой степени обрушился и на короля, и на національное собраніе. «Мнѣ», говорилъ онъ, «бѣгство самаго важнаго должностного лица не представляется большимъ несчастьемъ. Сегодняшній день могъ бы стать прекраснѣйшимъ днемъ революціи. Можетъ быть, онъ еще станетъ имъ, и выигрышъ тѣхъ сорока милліоновъ ливровъ, которыхъ стоитъ содержаніе короля, будетъ самымъ незначительнымъ изъ благодѣяній нынѣшняго дня». Онъ обвинялъ національное собраніе въ измѣнѣ уже по одному тому, что оно признало бѣгство короля похищеніемъ его, и это обвиненіе вызвало громкое одобреніе его слушателей. Затѣмъ вошелъ на трибуну Дантонъ, великій агитаторъ, который прославился, какъ народный ораторъ, и который обратилъ на себя вниманіе при безпорядкахъ 18-го апрѣля, помѣшавшихъ бѣгству короля. Онъ напалъ, главнымъ образомъ, на генерала Лафайета, который, по странной игрѣ случая, какъ разъ въ этотъ моментъ вошелъ въ залъ клуба. «Отвѣчайте!»—обратился къ нему Дантонъ громовымъ голосомъ.—«Вы присягнули, что король не уѣдетъ. Вы ручались за него. Вы, слѣдовательно, или измѣнникъ, предавшій отечество, или глупый человѣкъ, ручающійся за того, за кого поручиться невозможно». Лафайетъ очень слабо отвѣчалъ на эту альтернативу. Съ этого времени республиканское движеніе все болѣе и болѣе усиливалось въ своемъ ростѣ, и знаменитый ученый Кондорсэ опубликовалъ работу, въ которой онъ высказывалъ себя сторонникомъ республики.

Возбужденіе во Франціи приняло небывалые размѣры, повсюду происходили безпорядки, а часто и кровопролитія. Народная ярость направилась противъ дворянства, которое считалось участникомъ въ заговорѣ короля противъ конституціи. Когда же генералъ Буйье написалъ національному собранію грубое угрожающее письмо, то во многихъ мѣстахъ дворянство подверглось истязанію со стороны возбужденныхъ народныхъ массъ.

Если бы національное собраніе теперь осудило короля за

[illegible] противъ прежней конституціи и навсегда [illegible] ее, то этимъ было бы избѣжено много человѣческихъ жертвъ. [illegible] Людовикъ XVI сильно [illegible] короля сохранить монархію [illegible], что правильное [illegible] республики. Если бы національное собраніе, пользуясь [illegible], объявило республику, то [illegible] бы пройти безъ всякихъ [illegible].

[illegible] стоитъ утверждать, что собраніе, въ [illegible] преобладающихъ людей и [illegible] положеній, не [illegible]. Собраніе не могло не видѣть, что Людовикъ XVI [illegible] противникомъ созданной имъ конституціи. Но въ это время [illegible] значительныя [illegible]. [illegible], которую [illegible] демо-[illegible]. При [illegible], братомъ Ла-[illegible], основанный вмѣстѣ съ нимъ въ [illegible] клубъ 1789 года. Засѣданія [illegible] въ монастырѣ фельяновъ [illegible]; поэтому клубъ назывался клубомъ фельяновъ.

Благодаря старанію фельяновъ, комитеты національнаго собранія объявили, что нѣтъ основаній предавать короля суду за бѣгство въ [illegible]. Барнавъ выступилъ въ защиту комитетскаго предложенія съ блестящей рѣчью, и большинство собранія приняло это предложеніе. Однако, чувствовалось, что постановленіе это [illegible] народъ, и поэтому къ постановленію было прибавлено, что если король нарушитъ свою присягу конституціи или выйдетъ съ вооруженной силой противъ конституціи и противъ народа, то онъ болѣе не король, и тогда его будутъ судить за всѣ дѣйствія, учиненныя имъ [illegible] отреченія отъ престола.

По [illegible] республиканцы. Особенно возросло [illegible] въ Парижѣ, когда собраніе снова предоставило власть сбѣжавшему королю.

Только [illegible] послѣдствія. На судѣ [illegible] такъ красиво, [illegible] Барнавъ менѣе

чувствителенъ къ женской красотѣ, то не было бы никакихъ фельяновъ. Надъ Барнавомъ и его товарищами тяготѣетъ тяжелая отвѣтственность передъ исторіей за всѣ послѣдующія катастрофы, приведшія къ крушенію королевской власти.

Бойня на Марсовомъ полѣ.

16-го іюля 1791 года фельяны снова возвели Людовика на престолъ, а Лафайетъ со своей національной гвардіей разогналъ народныя массы, окружавшія залъ засѣданій національнаго собранія. Въ тотъ же день въ клубѣ якобинцевъ была приготовлена петиція, требовавшая низложенія короля. Составили эту петицію Бриссо, извѣстный литераторъ и редакторъ «Французскаго Патріота», и Лакло, секретарь герцога Орлеанскаго. Петицію эту расклеили и не утвердили. На другой день, 17-го іюля, предполагалось собрать подписи подъ этой петиціей на Марсовомъ полѣ, куда и явилась весьма многочисленная толпа. Въ духѣ петиціи говорили къ народу съ алтаря отечества Дантонъ и Камиллъ Демуленъ. Народъ былъ весьма возбужденъ. Въ это время открылось, что два человѣка, выдававшіе себя за инвалидовъ, спрятались подъ лѣстницей, ведущей на алтарь отечества. Возникло подозрѣніе, что это переодѣтые полицейскіе; они же утверждали, что только любопытство привело ихъ туда. Они были убиты разъяреннымъ народомъ. По Марсову полю раздалися крики: «Прогнать Бурбоновъ!» «Разогнать національное собраніе!» Такъ это собраніе успѣло возбудить противъ себя тотъ самый народъ, который дважды уже подымался на его защиту.

Бальи перенесъ муниципальную полицію въ отель инвалидовъ, чтобы быть поближе къ Марсову полю. Когда оттуда послышался шумъ, то туда пришли войска, двинувшіяся подъ предводительствомъ Лафайета два батальона національной гвардіи. Ихъ встрѣтили камнями и бранью. Лафайетъ, въ котораго кто-то уже прицѣлился изъ ружья, приказалъ сперва арестовать четырехъ человѣкъ, изъ которыхъ, какъ это ни странно, одинъ оказался гамбургцемъ, а другой [illegible] жителями. Однако, арестованные были освобождены народомъ. Тѣмъ временемъ національное собраніе постановило, что муниципальныя власти всѣми средствами должны помѣшать тому, чтобъ петиція была подписана. Муниципалитетъ велѣлъ бить

тревогу и выстрѣлить изъ сигнальной пушки; было объявлено военное положеніе, и въ знакъ его поднятъ красный флагъ. На Марсово поле прибыли Лафайетъ и Бальи съ 1.200 чел. пѣхоты, нѣсколькими эскадронами кавалеріи и тремя орудіями. Бальи предложилъ толпѣ разойтись. Народъ отвѣтилъ: «Долой красный флагъ!» и осыпалъ его градомъ камней. Лафайетъ приказалъ выстрѣлить по толпѣ сначала холостымъ, потомъ боевымъ зарядомъ, и толпа съ дикимъ крикомъ разсѣялась, оставивъ много убитыхъ и раненыхъ.

Установить число жертвъ этого дня не удалось. Фельяны говорили, что было тридцать, якобинцы,—что было нѣсколько сотъ убитыхъ.

Этой кровавой расправой національное собраніе закрѣпило созданную имъ конституціонную монархію. Назначено было слѣдствіе, и нѣкоторые изъ вождей республиканской партіи, какъ Дантонъ и Демуленъ, нашли разумнымъ на нѣкоторое время исчезнуть. Маратъ, скрывавшійся въ это время въ подвалахъ и съ большимъ трудомъ выпускавшій свою газету, бросалъ сильныя обвиненія противъ Лафайета и Бальи и называлъ послѣдняго мошенникомъ.

Бойня на Марсовомъ полѣ была послѣднимъ геройскимъ подвигомъ «простака Лафайета», какъ называлъ Наполеонъ этого «героя двухъ частей свѣта». Недолго еще оставалось ему и Бальи стоять во главѣ парижскаго муниципалитета.

За предѣлами Франціи.

Революціонная волна донеслась и до французскихъ колоній. Подъ знойнымъ небомъ Антильскихъ острововъ запылало воодушевленіе свободой, и скоро депутація съ тѣхъ острововъ предстала передъ національнымъ собраніемъ. Эта депутація прибыла изъ С.-Доминго. Она состояла изъ темнокожихъ и требовала уравненія съ бѣлыми. Освободительное движеніе въ прекрасной французской колоніи С.-Доминго приняло въ это время форму борьбы туземцевъ съ европейцами, при чемъ одна партія стремилась также къ провозглашенію независимости колоніи отъ метрополіи. Національное собраніе постановило, что конституція не распространяется на колоніи, и уравняло въ правахъ съ европейцами только мулатовъ. Это послужило причиной безпорядковъ на С.-Доминго, принявшихъ

такіе размѣры, что французы не могли справиться съ ними. Возстаніе за независимость колоній было подавлено съ жестокостью, а туземецъ Оже, человѣкъ, задавшійся великими планами, членъ депутаціи къ національному собранію и руководитель возстанія, былъ приговоренъ къ смерти колесованіемъ. Это только подлило масла въ огонь, такъ что въ 1791 году началось всеобщее возстаніе негровъ и цвѣтныхъ противъ бѣлыхъ. Бѣлыхъ убивали массами, а негры звѣрскими жестокостями мстили за долгое и жестокое угнетеніе, которое они терпѣли. Пока колонія была почти что потеряна для Франціи, а долгая и кровопролитная война, которую пришлось вести тамъ, дала, въ концѣ концовъ, совсѣмъ неожиданный результатъ: она окончилась независимостью С.-Доминго.

Папа уже вмѣшался во внутреннія дѣла Франціи, запретивъ священникамъ подчиняться гражданской организаціи духовенства. Кромѣ того, и происки священниковъ, уклонявшихся отъ присяги, тоже согласовались съ желаніями Ватикана. Но теперь папство потеряло одну изъ наиболѣе прекрасныхъ областей своихъ, именно: графство Авиньонъ. Эта расположенная во Франціи область была продана одной малолѣтней принцессой когда-то папѣ. Населеніе же графства Авиньонъ всецѣло сочувствовало революціи и рѣшило присоединиться къ Франціи. Произошли кровопролитныя битвы, во время которыхъ игралъ замѣтную роль и упомянутый уже головорѣзъ Журданъ. Борьба партій приняла самый ужасный характеръ: одна рѣзня смѣняла другую, пока папская партія не была побѣждена и собраніе 14-го сентября 1791 г. не постановило, что отнынѣ Авиньонъ будетъ принадлежать Франціи.

Тѣмъ временемъ эмигранты на границѣ Франціи организовались. Вѣсть о бѣгствѣ короля наполнила ихъ живѣйшей радостью, и они уже построили свои легіоны, чтобы съ тріумфомъ встрѣтить Людовика XVI. Тѣмъ сильнѣе огорчились они, когда узнали, что онъ арестованъ и увезенъ обратно въ Парижъ. Подъ предлогомъ, что Людовикъ XVI находится въ плѣну, они позволили себѣ глупую выходку и провозгласили графа де-Прованса регентомъ Франціи. Этотъ «регентъ» немедленно завелъ себѣ дворъ. Въ то время, какъ Булье писалъ національному собранію письмо, въ которомъ надменно грозилъ разрушеніемъ Парижа, эмигранты вооружались. У нихъ были арміи въ Кобленцѣ, Вормсѣ, Эттенгеймѣ, и они интриговали

при всѣхъ германскихъ дворахъ, отъ которыхъ ожидали поддержки. Они называли себя заграничною Францiею. Армiи этихъ эмигрантовъ состояли почти исключительно изъ кавалерiи, потому что эмигранты не желали нести службу не на лошади. Въ своеобразномъ вооруженiи своемъ они казались призраками исчезнувшаго стараго порядка. Съ сѣделъ у этихъ конныхъ рыцарей съ лѣвой стороны свисало по небольшой кожаной сумкѣ, подъ которой лежало по жестяной коробкѣ съ 8 патронами. Въ сумкахъ лежали тесакъ, игла и два пистолета. Сзади на сѣдлѣ тоже висѣли двѣ сумки, въ которыхъ, кромѣ патроновъ, находились: рубашки, бритвенный приборъ, коробка съ пудрой, брюки, гребень, румяна и бѣлыя кокарды. Мундиръ былъ синяго цвѣта, а на высокихъ сапогахъ они носили по длинному рыцарскому острiю, чтобы и ногой поражать вражескую пѣхоту. За поясомъ у нихъ было по нѣсколько пистолетовъ; кромѣ того, у каждаго изъ нихъ была еще сабля, палка и карабинъ. Со шляпы свисалъ громадный пукъ перьевъ.

Эти рыцари печальнаго образа съ оружiемъ своимъ представляли мало опасности для новой Францiи; но заграничная Францiя скоро стала страшна своимъ союзомъ съ дворами. Уже на конференцiи въ Мантуѣ графу д'Артуа было обѣщано вооруженное вмѣшательство Австрiи во внутреннiя дѣла Францiи, а Людовикъ XVI незадолго передъ бѣгствомъ въ Варенъ далъ знать австрiйскому двору, что впредь онъ не признаетъ ни своихъ постановленiй, ни постановленiй своихъ министровъ. Теперь произошло свиданiе въ Пильницѣ, около Дрездена, между императоромъ австрiйскимъ Леопольдомъ II, шуриномъ Людовика XVI, и королемъ прусскимъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ II. 27-го августа 1791 года они выпустили тамъ декларацiю, въ которой заявили, что событiя во Францiи затрагиваютъ интересы всѣхъ властителей Европы и что всѣ властители должны содѣйствовать дѣлу Францiи *возстановленiя правительства*. Подъ послѣднимъ они понимали, конечно, возстановленiе неограниченной королевской власти.

Пильницкой декларацiей было положено начало тѣмъ крупнымъ союзамъ противъ французской революцiи, которые вызвали въ Европѣ почти двадцатилѣтнюю кровавую войну. Вмѣшательство иностранныхъ правителей во внутреннiя дѣла Францiи было причиною тѣхъ страшныхъ кризисовъ и ката-

строфъ, которыми такъ богата Французская революція. Это вмѣшательство сдѣлало невозможнымъ мирное развитіе Франціи и вызвало французовъ на отчаянную борьбу съ тѣми, кто покушался на завоеванія Французской революціи и стремился къ возстановленію старой Франціи. Французскій крестьянинъ и буржуа защищали въ этой борьбѣ свою свободу и свою страну. Отвѣтственность передъ исторіей за совершенныя во время революціи жестокости лежитъ на тѣхъ эмигрантахъ, которые призвали чужеземныя войска противъ собственнаго отечества.

Завершеніе конституціи.

Приближаясь постепенно къ окончанію своихъ работъ, національное собраніе 3-го сентября закончило и приняло конституцію. Эта конституція превращала Францію въ конституціонную монархію, вѣрнѣе, въ полудемократическо-конституціонную монархію. Вся законодательная власть принадлежала національному собранію, которое путемъ косвенныхъ выборовъ избиралось гражданами, плательщиками налоговъ. Король сохранилъ свою неприкосновенность, но правилъ черезъ отвѣтственныхъ министровъ. Король пользовался правомъ отлагательнаго veto, которое имѣло силу въ теченіе двухъ законодательныхъ періодовъ. Онъ былъ главнымъ начальникомъ арміи, но при объявленіи войны или заключеніи мира долженъ былъ заручиться согласіемъ національнаго собранія. Послѣднему принадлежало также право помилованія. Конституція давала гражданамъ равенство передъ закономъ,—въ жизненныхъ отношеніяхъ неполное,—свободу печати, личности, охрану собственности и чести, поскольку все это вообще можетъ быть осуществлено въ рамкахъ такой конституціи и поскольку этому не мѣшаютъ революціонныя обстоятельства. Эта конституція была какъ разъ подъ стать почтенной буржуазіи, и послѣднюю [illegible] уже одно то обстоятельство, что конституція устанавливала свободу промышленности. Эта конституція представляла собой государственную справу для буржуазнаго общества и предоставляла буржуазіи тѣ свободы, которыя ей нужны были для того, чтобы стать міровой силой. Массы [illegible], какой прогрессъ представляло собой уничтоженіе феодализма, но онѣ гораздо меньше восхищались этой конституціей, чѣмъ почтенная бур-

жуазія; гарантій матеріальнаго благоденствія для себя народъ въ ней не нашелъ. Особенно же обиженъ былъ пролетаріатъ. Онъ чувствовалъ себя угнетеннымъ классовымъ антагонизмомъ и ограничительными постановленіями, которыя собраніе издало противъ него и которыя превращали въ пустой звукъ всѣ красивыя слова конституціи.

Конституція скрывала въ себѣ много причинъ для новыхъ битвъ и конфликтовъ. Легко было предвидѣть, что сохранившуюся за нимъ власть король постарается использовать для возстановленія абсолютизма; съ другой стороны, демократическія учрежденія конституціи должны были придать народу смѣлость въ борьбѣ за болѣе широкую свободу. Ошибались тѣ, которые думали, что эта конституція подѣйствуетъ на революцію, какъ масло, успокаивающее разбушевавшіяся волны моря. Такъ какъ эта конституція игнорировала большое количество важнѣйшихъ вопросовъ и такъ какъ она мало или совершенно не коснулась экономическихъ интересовъ широкихъ народныхъ массъ, то народъ необходимо долженъ былъ вступить въ борьбу съ государственной властью.

Дворъ, можетъ быть, лучше другихъ видѣлъ недостатки конституціи. Онъ надѣялся, что она создастъ путаницу, которую можно будетъ использовать для низверженія ея, и этимъ средствомъ дѣйствительно пользовались часто и съ успѣхомъ. Сама же королева думала, что *не все еще потеряно*, если только имѣть достаточно терпѣнія, рѣшительности и постоянства.

Король, между тѣмъ, разыгрывалъ свою конституціоналистскую комедію съ такой ловкостью и искусствомъ, что скоро снова пріобрѣлъ расположеніе національнаго собранія, которое съ каждымъ днемъ все больше теряло расположеніе народа. Въ сентябрѣ 1791 года король писалъ національному собранію, что онъ готовъ принять конституцію; между тѣмъ, четырнадцатью днями раньше выпущена была въ свѣтъ, при его тайномъ согласіи и съ открытаго согласія брата его, пильницкая декларація. Итакъ, король все-таки сказалъ, что онъ готовъ соблюдать конституцію внутри страны и защищать ее отъ нападеній извнѣ.

Еще до того національное собраніе отмѣнило устраненіе короля отъ должности и вернуло ему тѣлохранителей. Теперь же заявленіе его было принято съ необузданнымъ восторгомъ. Національное собраніе думало, что революція кончена. Бур-

жуазія полагала, что она добилась уже тѣхъ государственныхъ формъ, которыя соотвѣтствуютъ ея историческому призванію; какъ всегда, такъ и теперь, она считала, что государство есть только орудіе для защиты ея классовыхъ интересовъ. Ей казалось, что штурмъ Бастиліи и другія усилія народныя имѣли только одну эту цѣль. Она рѣшила проявить свое великодушіе и, по предложенію Лафайета, объявила амнистію всѣмъ политическимъ преступникамъ.

14-го сентября Людовикъ отправился въ національное собраніе и снова присягнулъ конституціи, которой онъ уже присягнулъ разъ на Марсовомъ полѣ, чтобы потомъ цѣликомъ нарушить присягу своимъ манифестомъ, составленнымъ передъ бѣгствомъ въ Варенъ.

Національное собраніе 30-го сентября распустило себя, такъ какъ задача его была окончена. При закрытіи его обнаружилось, какъ мало народъ любилъ его. Когда собраніе вышло, народъ привѣтствовалъ только Петіона и Робеспьера, всѣ же остальные депутаты подверглись оскорбительнымъ насмѣшкамъ.

По предложенію Робеспьера, національное собраніе еще нѣсколько времени передъ тѣмъ постановило, что члены перваго національнаго собранія не могутъ быть выбраны въ ближайшее собраніе. Предложеніе это свидѣтельствуетъ о незаурядной политической дальновидности Робеспьера. Справедливо полагая, что революціонное настроеніе еще возрастетъ, онъ достигъ этимъ предложеніемъ того, что представители старой Франціи не попали во второе національное собраніе, а что, наоборотъ, въ него вошли представители демократической идеи. Предложеніе это имѣло весьма важныя послѣдствія.

Новая конституція ввела почтенное мѣщанство, буржуазію въ число правящихъ классовъ. Опьяненіе радостью, которой предались выскочки конституціонной и парламентской революціи, было слишкомъ велико для того, чтобы отрезвленіе не было для нихъ непріятнымъ.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ СОБРАНІЕ.

Выборы въ законодательное собраніе прошли очень быстро, и 30-го сентября 1791 года оно уже могло приступить къ дѣлу. Составъ его очень хорошо доказывалъ, что предложеніе лишить членовъ перваго собранія права вторичнаго избранія было основано на правильномъ разсчетѣ. Изъ національнаго и народнаго представительства Франціи исчезли, благодаря этому, всѣ тѣ элементы, у которыхъ могло бы возникнуть какое бы то ни было желаніе возстановить старый порядокъ. Въ новомъ собраніи не было ни одного представителя абсолютистско-монархической и аристократическо-конституціонной партіи. Стремленіе къ реформамъ было такъ сильно, что во всей Франціи не прошелъ ни одинъ представитель этихъ направленій. Не получили представительства въ этомъ собраніи ни высшее дворянство, ни духовенство, уклонившееся отъ присяги.

Демократически-конституціонная партія, которая такъ недавно еще господствовала въ первомъ національномъ собраніи и, какъ творецъ новой конституціи, была для абсолютизма революціонной партіей, въ законодательномъ собраніи передвинулась изъ середины на правую сторону и стала въ немъ консервативнымъ элементомъ. Бывшіе фельяны попали въ собраніе въ незначительномъ числѣ и называли себя конституціоналистами. Такъ какъ прежніе, уже прославившіеся вожди этой партіи не могли быть избраны вновь, то ихъ мѣсто въ собраніи заняли малоизвѣстныя до того времени лица: Рамонъ, Воблaнъ и Жирарденъ. Этихъ конституціоналистовъ народъ теперь называлъ аристократами и реакціонерами, потому что во время конфликтовъ между королемъ и народнымъ представительствомъ они становились на сторону короля. Настоящіе

вожди этой партіи. Лафайетъ, Байи, Нарбонъ и Талейранъ, занимали въ это время почетныя должности. Приверженцами этой партіи была крупная буржуазія, въ народѣ же она не пользовалась сочувствіемъ. Лафайетъ и Байи сложили съ себя къ этому времени свои должности главнокомандующаго національной гвардіей и мэра, такъ какъ демократическое теченіе стало слишкомъ сильно. Пока національная гвардія оставалась безъ главнокомандующаго, командиры ея шести легіоновъ поочередно занимали эту должность въ теченіе мѣсяца каждый. Клубъ Фельяновъ имѣлъ въ глазахъ правыхъ законодательнаго собранія такъ же мало значенія, какъ салонъ г-жи Сталь-Гольштейнъ, въ которомъ собирались знаменитости конституціонной партіи. [illegible] этой дамы [illegible] политическимъ [illegible], сильно преувеличено. Эта двадцатилѣтняя въ то время женщина была дочерью Неккера, и значеніе ея сводилось къ тому, что она служила посредницей между дворомъ и конституціоналистами. Въ салонѣ ея можно было встрѣтить [illegible] и знаменитаго ренегата Барнава, Дюпора, [illegible] Ламетъ, изъ друзей и сторонниковъ двора, съ которыми [illegible] теперь общія убѣжденія. Г-жа фонъ-Сталь и [illegible] Сталь-Гольштейнъ, [illegible], что они сумѣютъ отстоять политическую систему Неккера, отличавшуюся необыкновенной безсодержательностью.

Всѣ остальныя мѣста въ собраніи были заняты демократами, большею частью молодыми и горячими людьми, принесшими съ собой въ Парижъ страстную любовь къ свободѣ.

Въ серединѣ сидѣла умѣренно-демократическая партія, прославившаяся подъ именемъ партіи жирондистовъ. Свое названіе она получила отъ того, что наиболѣе видные члены ея и лучшіе ораторы были всѣ депутатами департамента Жиронды. [illegible] партія, отличавшаяся [illegible] энергіей, заняли высокія мѣста [illegible]; [illegible] тѣхъ, которые [illegible], но не желали окончательно порвать [illegible]. Поэтому низкія мѣста [illegible] (le marais), а сидѣвшіе тамъ [illegible].

Жирондисты [illegible] и крайне неопредѣленному понятію свободы и воодушевлялись идеями и примѣрами изъ классической древности Эллады и Рима. Они не

понимали того, что идеи древнихъ философовъ не подходятъ къ Французской революціи, и Дюмурье остроумно назвалъ ихъ «плохимъ переводомъ съ латинскаго». Жиронда хотѣла основываться на парламентской почвѣ въ той великой борьбѣ между народомъ и королевской властью, которая проистекала изъ недостатковъ конституціи 1791 года. Партія эта, которую Маратъ насмѣшливо называлъ партіей государственныхъ мужей, не хотѣла понять того, что прежде всего необходимо закрѣпить завоеванія революціи, и тогда только можно будетъ разсчитывать на сохраненіе ихъ. Изъ тактики ея можно было сдѣлать такой выводъ, что идеаломъ революціоннаго движенія того времени было провозглашеніе всеобщей личной свободы, между тѣмъ, какъ самой главной задачей того времени было выступить противъ не прекращающихся интригъ двора и другихъ враговъ новой Франціи. Жирондисты были представителями той части буржуазіи, которая была захвачена демократическимъ теченіемъ. Соціальнымъ принципомъ ихъ былъ индивидуализмъ, который они, подобно нѣкоторымъ нынѣшнимъ политическимъ направленіямъ, смѣшивали, умышленно или неумышленно, со свободой личности. Уже это одно было достаточной причиной для того, чтобы они выступили противъ массы народа, ожидавшей отъ новаго государства облегченія своей нужды. Жирондисты мечтали о республикѣ, въ которой господствующее мѣсто принадлежало бы духовнымъ способностямъ и образованію. Они забыли, что парижское населеніе своимъ возстаніемъ, прежде всего, хотѣло освободиться отъ всякаго гнета сверху. При такихъ воззрѣніяхъ жирондистской партіи ее ожидалъ во Франціи трагическій конецъ.

Къ этой партіи принадлежали очень многіе изъ наиболѣе блестящихъ людей того времени, и это дало ей возможность уже съ самаго начала очень эффектно выступить въ законодательномъ собраніи. Жирондисты насчитывали въ своей средѣ много талантливѣйшихъ ораторовъ, писателей, политиковъ и философовъ. Главнымъ ораторомъ партіи былъ Верньо, адвокатъ съ юга. Горячія и красивыя рѣчи этого человѣка часто приводили въ движеніе всю Францію, но самъ онъ былъ слишкомъ флегматиченъ для государственнаго дѣятеля. Иснаръ, купецъ изъ Марселя, умѣлъ своими бурными обращеніями увлекать за собой все собраніе. Гадэ и Жансоннэ пугали дворъ своими рѣзкими нападками. И Лувэ, давно уже извѣстный,

какъ литераторъ, принадлежалъ къ этой партіи. Предводителемъ же главнымъ ея былъ Жанъ-Пьеръ Бриссо, талантливый литераторъ, поклонникъ американской свободы, вернувшійся изъ-за океана къ началу революціи. Работы его имѣли большое значеніе въ подготовкѣ революціи, и въ свое время онъ былъ заключенъ въ Бастилію. До революціи онъ выступалъ иногда, какъ теоретикъ-соціалистъ; теперь, въ своей газетѣ «Французскій Патріотъ», онъ являлся представителемъ того мѣщанства, которое видѣло въ республикѣ не болѣе, какъ господство буржуазной аристократіи. Бриссо всегда носился съ античной буржуазіей Греціи и Рима, какъ съ образцомъ для настоящаго, забывая, что французскій народъ отвоевалъ себѣ другую долю, чѣмъ то рабство, которое служило пьедесталомъ для античнаго общества. Бриссо ненавидѣли больше, чѣмъ всѣхъ жирондистовъ. Приверженцевъ его партіи называли бриссотинцами, а жульничество называли бриссотежемъ. Кондорсэ, знаменитый ученый и другъ Тюрго и д'Аламбера, редактировалъ политическіе манифесты жирондистовъ. Партія эта имѣла много сторонниковъ въ провинціи, особенно въ западныхъ и южныхъ департаментахъ; это находилось въ соотвѣтствіи съ составомъ ея, такъ какъ среди нея было очень много республиканцевъ, но и не мало конституціоналистовъ, страшившихся всякой республики. Жирондисты пытались укрѣпиться въ клубѣ якобинцевъ, но тамъ вліяніе ихъ сильно ослаблялъ Робеспьеръ, популярность котораго не переставала расти и который, можно сказать, не сходилъ съ ораторской трибуны этого клуба.

Внѣ законодательнаго собранія жирондисты имѣли поддержку въ лицѣ Петіона, избраннаго мэромъ Парижа. Эта партія тоже имѣла свой политическій салонъ. Это былъ салонъ знаменитой г-жи Роланъ, замѣчательной женщины, очень часто руководившей всей партіей. Она была женой пожилого отставного чиновника министерства финансовъ, была очень красива и воодушевлена идеалами свободы и классической древности, которые не могли теперь найти себѣ твердой почвы въ революціонной Франціи. Политическіе идеалы и любовь направили эту женщину на опасный путь, который окончился эшафотомъ. Въ салонѣ ея можно было встрѣтить множество просвѣщеннѣйшихъ людей, поклонниковъ ея красоты и ума. Тогда еще не было видно той пропасти, которая отдѣляла жирондистовъ отъ якобинцевъ, такъ какъ жирондисты еще пытались

удержать за собой якобинскій клубъ. Въ салонѣ г-жи Роланъ тѣ лица, которыя потомъ были смертельными врагами, сохранили между собой дружескія отношенія.

Лѣвую законодательнаго собранія составляли *республиканцы*, которыхъ называли также просто *якобинцами*. Со времени бѣгства короля въ Варенъ республиканскія теченія очень сильно развились во Франціи. Лѣвая была не только противницей двора, но и противницей конституціи, которую она считала совершенно неудовлетворительной и недемократичной. Она стремилась къ демократической республикѣ съ всеобщимъ избирательнымъ правомъ и полной гражданской свободой и равноправіемъ. Въ законодательномъ собраніи у лѣвой не было сколько-нибудь выдающихся ораторовъ, если не считать Мерлена де-Тіонвилля, бывшаго капуцина Шабо и Базира. Съ блестящими ораторами Жиронды лѣвая конкурировать не могла. Карно, Кутонъ и другіе, получившіе впослѣдствіи также значеніе, пока еще не выступали въ законодательномъ собраніи.

Сила лѣвой была внѣ законодательнаго собранія. Опорой ея былъ могущественный клубъ якобинцевъ, ставшій рычагомъ республиканскаго движенія. Къ этому времени относится и появленіе красной шапки. Солдаты полка Шатовье, осужденные на каторгу за бунтъ въ Нанси, были помилованы. Брестскіе якобинцы, желая почтить помилованныхъ, взяли ихъ красныя шапки каторжниковъ и одѣли на свои головы. Это вошло въ моду, но придерживались ея больше жирондисты, чѣмъ настоящіе якобинцы, и Робеспьеръ разъ даже высказался противъ этой моды.

Среди якобинцевъ господствовалъ Робеспьеръ. Этотъ адвокатъ изъ Арраса, всегда одѣтый въ синій фракъ, желтый жилетъ и желтыя брюки, начиналъ входить въ извѣстность. Буржуа и аристократы перваго собранія смѣялись надъ его демократическими рѣчами и предложеніями, что даже не могли серьезно отнестись къ Робеспьеру. Но теперь они начали уже чувствовать его громадное вліяніе. Совсѣмъ недавно еще онъ издавалъ журналъ подъ заглавіемъ «Защитникъ Конституціи»; [illegible]. Еще до революціи онъ прославился тѣмъ, что выступилъ въ процессѣ по дѣлу о громоотводѣ, противъ котораго духовенство ополчилось, какъ противъ «колдовства». Теперь же онъ перешелъ на сторону республи-

канской партіи. Однако, когда онъ въ первый разъ выступилъ въ собраніи съ рѣчью противъ смертной казни, ничто еще не говорило въ пользу того, что это—диктаторъ, имя котораго такими страшными словами запишется на страницахъ исторіи. Его ораторскій талантъ началъ еще тогда только развиваться. Народъ же съ [illegible] [illegible] относился къ «неподкупному» Робеспьеру, неизмѣнный образъ котораго ежедневно запечатлѣвался въ его памяти.

Лѣвая стояла въ непосредственной связи съ народомъ черезъ отдѣленіе якобинскаго клуба, черезъ клубъ кордельеровъ. Здѣсь собирались всѣ энергичные люди и буйныя головы, не считавшіе рѣчи такимъ важнымъ дѣломъ, какъ это считалъ Робеспьеръ. Главною цѣлью ихъ было совершить [illegible] революціи и надолго сдѣлать невозможнымъ возвратъ къ старымъ порядкамъ. Только по достиженіи этой цѣли они надѣялись начать коренное переустройство государства и общества. Этотъ клубъ открыто подготовлялъ восстаніе, и тамъ можно было встрѣтить бывшаго адвоката Жоржа-Жака Дантона, выдающагося народнаго оратора. Дантонъ былъ очень похожъ на Мирабо; его звучный голосъ и смѣлые обороты рѣчи увлекали за собой массы. Некрасивый, съ лицомъ, похожимъ на негра, съ гигантской фигурой, онъ скоро сталъ непремѣннымъ участникомъ всѣхъ народныхъ сборищъ. Сегодня онъ могъ быть полонъ бурной энергіи, а назавтра погрузиться въ полную бездѣятельность и апатію. Говорили, что онъ подкупленъ дворомъ, но до сихъ поръ нѣтъ никакихъ положительныхъ доказательствъ этого. Образъ дѣйствій его не даетъ никакихъ основаній предполагать, что онъ находился въ сношеніяхъ съ дворомъ. У кордельеровъ можно было встрѣтить и Камилла Демулена, [illegible] оратора 12-го іюля 1789 года. Кромѣ того, тамъ бывали Сантерръ, командиръ сентъ-антуанской національной гвардіи, мясникъ Лежандръ, у котораго часто скрывался Маратъ, Манюэль, Журданъ и другіе. Наконецъ, [illegible] Марату не приходилось прятаться, и онъ являлся въ этотъ клубъ. Онъ тогда [illegible] уже горькій [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible].

Между тѣмъ, [illegible]. Бальи отказался отъ должности мэра, и Лафайетъ хотѣлъ занять его мѣсто. Но при выборахъ [illegible]

былъ избранъ Петіонъ. [illegible] личной ненависти Маріи-Антуанетты къ Лафайету. Петіонъ принадлежалъ къ жирондистамъ, былъ республиканцемъ по убѣжденіямъ и пользовался любовью народа. Въ бытность національнаго собранія онъ защищалъ [illegible] за свободу негровъ и не разъ съ успѣхомъ боролся противъ Мирабо. Въ то время, когда онъ былъ мэромъ, онъ не стѣснялъ народныхъ движеній, не обнаруживалъ [illegible] и рѣшительности. Онъ и прокуроръ-синдикъ коммуны Манюэль были сторонниками Жиронды. Въ числѣ помощниковъ Манюэля находился Дантонъ. Коммуна состояла изъ 16 администраторовъ, муниципальнаго совѣта въ числѣ 32 членовъ и генеральнаго совѣта въ числѣ 96 членовъ. [illegible] начало переходить къ 48 секціямъ. [illegible] руки полиція.

Такимъ образомъ, въ Парижѣ, на ряду съ законодательнымъ собраніемъ, появилась новая сила, сочувствіемъ которой пользовался весь городъ. Коммуна стала руководительницей революціи въ Парижѣ, и двору скоро пришлось почувствовать на себѣ ея тяжелую руку.

При такомъ положеніи дѣлъ нетрудно было предвидѣть, что конфликты между законодательнымъ собраніемъ и королемъ скоро станутъ неизбѣжны. Они дѣйствительно и начались, какъ только собраніе приступило къ работѣ.

Дворъ и эмиграція.

Наряду съ [illegible] первыхъ дѣйствій новаго законодательнаго собранія, [illegible] на первыхъ порахъ [illegible]. Конфликты между королемъ и собраніемъ начались сейчасъ же. Собраніе установило правила, что было составилось. Людовикъ XVI [illegible] двора, [illegible] депутатовъ [illegible] на слѣдующій день. Чтобы [illegible] съ этимъ [illegible] собраніе отмѣнило титулы «Sire» и «Величество». Людовикъ разсердился и объявилъ, что онъ не явится въ собраніе до тѣхъ поръ, пока рѣшеніе это не будетъ отмѣнено. Собраніе [illegible] свое постановленіе. Когда же король вошелъ и сѣлъ, депутаты тоже сѣли. Ясно было, что собраніе не чувствуетъ ни малѣйшаго довѣрія къ королю, а [illegible]. Отсюда [illegible] пол-

[illegible] прекратились только послѣ полнаго уничтоженія королевской власти.

Собраніе [illegible] занялось эмиграціей, которая послѣ [illegible] усилилась [illegible]. Эмигранты [illegible] около [illegible] человѣкъ. Въ это время 10-го сентября 1791 года появился въ формѣ письма на имя короля такъ называемый кобленцскій манифестъ; въ этомъ письмѣ графъ [illegible] и графъ д'Артуа писали королю, что всѣ [illegible] во Франціи съ 1789 года, они считаютъ недѣйствительными.

Этотъ манифестъ вызвалъ возмущеніе законодательнаго собранія: въ блестящей рѣчи Иснаръ потребовалъ рѣшительныхъ мѣръ. «[illegible] снисходительность [illegible] и дерзость нашихъ враговъ. Они перестанутъ вамъ вредить только тогда, когда у нихъ уже не будетъ средствъ для этого. Для нихъ, если они не побѣждены, [illegible]». И тогда собраніе постановило: «кто изъ эмигрантовъ не вернется во Францію до 1-го января 1792 года, признается, какъ заговорщикъ, [illegible] и къ конфискаціи [illegible], но безъ нарушенія законныхъ правъ [illegible] дѣтей и кредиторовъ осужденнаго».

Король немедленно наложилъ свое veto противъ этого постановленія, [illegible] что онъ защищаетъ эмигрантовъ. [illegible] недовѣріе, которое это veto [illegible], онъ обратился къ эмигрантамъ съ напыщенной прокламаціей, въ которой приглашалъ ихъ возвратиться. Въ то же время онъ написалъ своимъ братьямъ и требовалъ, чтобы они возвратились для устраненія недовѣрія, [illegible]. Но эти [illegible] увеличили недовѣріе, такъ какъ всѣ понимали, что онъ продѣлалъ такую же комедію и передъ бѣгствомъ въ Варреннъ. Кромѣ того, [illegible] въ пользу того, что если бы король дѣйствительно желалъ [illegible] возвращенія эмигрантовъ, ему надо было только утвердить постановленіе собранія. Теперь же невольно [illegible] подозрѣнія,—и они [illegible] дѣйствительности,—что король сочувствуетъ и поддерживаетъ тайныя сношенія съ тѣми эмигрантами, которыхъ онъ публично приглашаетъ къ возвращенію.

Новую пищу для [illegible] король [illegible]

далъ декретъ противъ священниковъ, уклонявшихся отъ присяги. Собраніе считало себя вынужденнымъ выступить противъ этихъ агентовъ всевозможныхъ реакціонныхъ интригъ и постановило, что священники, уклоняющіеся отъ присяги, могутъ быть высланы директоріями департаментовъ и взяты подъ стражу; гдѣ можно, они должны быть смѣщены и лишены жалованья. Король наложилъ veto и противъ этого постановленія, которое, если и было нѣсколько террористическимъ, то все же вытекало изъ общаго положенія дѣлъ. Король сказалъ даже, что онъ скорѣе согласится умереть, чѣмъ утвердить такой декретъ, а предатель Барнавъ нашелъ, что эта фраза имѣетъ очень возвышенный смыслъ.

Въ обоихъ этихъ случаяхъ значеніе veto выступило очень ясно. Само развитіе, по пути этихъ конфликтовъ, должна привести эту конституцію, въ которой раздѣленіе властей кореннымъ образомъ не соотвѣтствовало фактическимъ соотношеніямъ силъ. Людовикъ XVI вполнѣ стоялъ на почвѣ конституціи, когда онъ прибѣгалъ къ своему праву veto. Однако, король становился въ противорѣчіе съ стремленіями своего времени,— и въ одной петиціи Камиль Демуленъ остроумно охарактеризовалъ значеніе этого veto, въ такихъ словахъ: *«никакое veto не [illegible] Бастиліи»*. Безсмысліе системы конституціоннаго равновѣсія и непригодность отсрочивающаго veto выступали все яснѣе. Народъ быстро развивался въ демократическомъ направленіи и скоро переросъ то, что создано было учредительнымъ національнымъ собраніемъ и совсѣмъ еще недавно считалось революціоннымъ новшествомъ.

Король видѣлъ, какое невыгодное впечатлѣніе производитъ примѣненіе veto, и хотѣлъ смягчить его новыми назначеніями въ министерствѣ. Изъ министровъ-[illegible] онъ оставилъ только Бертрана де-Мольвиля, въ качествѣ министра колоній и морского, и Делессара, министра иностранныхъ дѣлъ. Къ нимъ онъ присоединилъ Нарбонна въ должности военнаго министра, Дюпоръ-Дютертра, въ качествѣ министра юстиціи, и Кайе де-Жервиля— внутреннихъ дѣлъ. Послѣдніе три министра были взяты изъ среды фельяновъ, т.-е. изъ правой [illegible] собранія. Но эти назначенія [illegible] конституціи. Общее положеніе вещей [illegible] было уже [illegible].

Особенно вызывающе держали себя эмигранты въ областяхъ обоихъ духовныхъ курфюршествъ, майнцскаго и трирскаго. Они тамъ не только выставили вооруженную силу противъ Франціи, но даже позволяли себѣ насилія надъ тѣми французами, которые симпатизировали новому порядку вещей во Франціи. Собраніе не могло уже больше оставаться молчаливымъ свидѣтелемъ бесстыднаго поведенія эмигрантовъ и постановило потребовать отъ курфюрстовъ майнцскаго и трирскаго, чтобы они разоружили эмигрантовъ и удалили ихъ съ границы. Къ этому постановленію собраніе склонилось подъ впечатлѣніемъ увлекательной рѣчи Инара. «Заговорите съ министрами, съ королемъ, съ Европой», говорилъ онъ, «но заговорите языкомъ, достойнымъ представителей Франціи. Скажите министрамъ, что нынѣшнимъ поведеніемъ ихъ мы недовольны и что [illegible] от-*[illegible]*. Скажите Европѣ, что вы уважаете государственный строй всѣхъ государствъ, но что если начнется война королей противъ Франціи, то вы зажжете войну народовъ противъ королей».

Людовикъ съ тайнымъ удовольствіемъ утвердилъ этотъ декретъ. Онъ желалъ войны въ надеждѣ, что она приведетъ къ пораженію Франціи и къ вступленію заграничной коалиціи въ Парижъ. Король, принявшій конституцію, надѣялся, что при такомъ оборотѣ дѣлъ его неограниченная власть будетъ возстановлена. Незадолго до того Малле де-Панъ былъ посланъ въ Вѣну и Берлинъ съ тайнымъ порученіемъ отъ Людовика склонить эти дворы къ войнѣ съ Франціей.

Такимъ образомъ, дворъ вторично составлялъ заговоръ противъ новаго порядка вещей во Франціи. Эмигранты, иностранныя державы, священники, уклонившіеся отъ присяги, и дворянство поддерживали его. Всѣ они не оцѣнивали того сопротивленія, какое суждено оказать французскій народъ, одушевленный идеей свободы.

Нарбоннъ былъ военный министръ и не участвовалъ въ предательствѣ своей партіи. Онъ работалъ надъ тѣмъ, чтобы укрѣпить французскія границы на случай нападенія. Онъ собралъ четыре арміи. Во главѣ одной стоялъ маркизъ де-Монтескью; онъ былъ расположенъ, [illegible] въ томъ, чтобы защитить Францію отъ возможнаго вторженія со стороны Италіи. Въ Лотарингіи командовалъ Лафайетъ, которому

послѣ неудачной [illegible] гвардіи и здѣсь [illegible] роль. Въ [illegible] командовалъ [illegible]: это [illegible], стяжавшій себѣ [illegible] во время [illegible] войны, но [illegible] политики. [illegible], роялистъ, участвовавшій въ Американской войнѣ. Нарбоннъ дѣлалъ все возможное, чтобы увеличить [illegible] этихъ армій, но Дюмурье и [illegible] постоянныя затрудненія. [illegible] Нарбонна въ отставку, но, когда онъ удалился, [illegible] этотъ шагъ, вызвавшій [illegible] въ народѣ, онъ удалилъ и Бертрана де-Мольвиля.

Но это уже не помогло, потому что тутъ вмѣшалось національное собраніе и [illegible] министровъ Бертрана де-Мольвиля и Дюмурье. [illegible] почувствовать, что [illegible]. [illegible], что сказалъ тогда, между прочимъ, этотъ ораторъ, сумѣвшій воспламенить сердца своихъ слушателей: «Съ трибуны, съ которой я теперь говорю, видишь дворецъ, въ которомъ преступные совѣтники вводятъ въ заблужденіе и обманываютъ конституціоннаго короля. Отсюда видны окна, за которыми разрабатывается контръ-революція, гдѣ [illegible], при помощи которыхъ [illegible]. Въ прежнія времена часто [illegible] деспотизма. Пусть же сегодня теперь же [illegible] возвратится въ этотъ дворецъ и [illegible] сердца его обитателей. Пусть узнаютъ всѣ [illegible], что наша конституція даруетъ неприкосновенность только одной [illegible]!»

Съ большимъ трудомъ Бертрану де-Мольвилю удалось оправдаться. Дюмурье же [illegible] былъ преданъ [illegible].

[illegible]

Король послѣ [illegible], что для того, чтобы ужиться съ собраніемъ, [illegible], нужно назначить министерство изъ [illegible]. [illegible] этого, [illegible]

ствующiй такимъ представляетъ собой исключительно дво-
рянскую привилегiю, и былъ убѣжденъ, что буржуазное мини-
стерство можетъ только осрамиться.

Главой новаго правительства былъ генералъ Дюмурье. Онъ не принадлежалъ ни къ Жирондѣ, ни къ какой-либо другой партiи, но отличался блестящимъ умомъ, энергiей и пониманiемъ людей. Прошлое его было богато приключенiями. Въ качествѣ дипломата онъ превысилъ свои полномочiя и за это долгое время просидѣлъ въ Бастилiи; какъ солдатъ, онъ сражался въ рядахъ повстанцевъ противъ Россiи. Онъ былъ солдатомъ и государственнымъ дѣятелемъ въ одно и то же время; какъ актеръ, [illegible] эта блестящая личность, покрывъ себя [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Онъ льстилъ всѣмъ партiямъ; онѣ всѣ считали его своимъ, а онъ всѣхъ обманывалъ. Дюмурье получилъ портфель министра иностранныхъ дѣлъ, а Роланъ де-ла-Платьеръ, мужъ г-жи Роланъ, честный, строгiй, нѣсколько ограниченный и очень педантичный человѣкъ, поставленъ былъ во главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Вмѣстѣ съ нимъ у кормила власти стала душа Жиронды г-жа Роланъ: Маратъ [illegible] называлъ самого Ролана [illegible] своей жены. Министерство финансовъ перешло къ женевцу Клавьеру, военное—къ Сервану, другу жирондистовъ, министерство юстицiи получилъ Дюрантонъ, а морское—Лакостъ.

Это правительство получило названiе министерства санкюлотовъ. Этимъ названiемъ аристократы хотѣли осмѣять какъ народный его характеръ, такъ и влiянiе г-жи Роланъ, подъ которымъ оно находилось. Тутъ произошло нѣчто неслыханное,—именно, министры явились къ королю не въ парадной одеждѣ, а въ обыкновенномъ гражданскомъ платьѣ, безъ парика и безъ пряжекъ на обуви. «Ахъ, у него нѣтъ пряжекъ на обуви,—заявилъ оберъ-церемонiймейстеръ, указывая на Ролана, а Дюмурье, смѣясь, отвѣтилъ ему на это:—Ахъ, сударь, все погибло».

Между тѣмъ, Пруссiя и Австрiя 27-го февраля 1792 года заключили между собою формальный договоръ, по которому Австрiя должна была выставить 100.000 человѣкъ войска, а Пруссiя 60.000, съ цѣлью возвращенiя французскому королю его абсолютной власти. Вопросъ о будущемъ государственномъ строѣ Францiи предполагалось рѣшить на конгрессѣ. Когда это стало извѣстно, фельяны и жирондисты стали настаивать

на объявленіи войны. Дворъ показывалъ, что онъ радъ войнѣ; да оно такъ и было, такъ какъ онъ ожидалъ отъ нея возстановленія абсолютной королевской власти. Робеспьеръ, которому и здѣсь нельзя отказать въ политической дальновидности, боялся измѣны Лафайета въ случаѣ войны и изо всѣхъ силъ боролся въ якобинскомъ клубѣ противъ нея. Жирондисты дали себя увлечь національнымъ воодушевленіемъ. Король дѣлалъ видъ, что его заставляютъ согласиться на войну, и въ глубинѣ души страстно желалъ ея. 20-го апрѣля 1792 года Людовикъ XVI явился въ національное собраніе и предложилъ объявить войну Австріи; предложеніе это было съ бурнымъ одобреніемъ принято собраніемъ. Объявленіе войны было принято почти единогласно, и этимъ начался рядъ военныхъ кампаній, опустошавшихъ Европу почти цѣлую четверть вѣка.

Ни Австрія, ни Пруссія не были готовы къ войнѣ, но онѣ не считали этого важнымъ. Было извѣстно, что никто изъ командовавшихъ французскихъ генераловъ не отличался особой предпріимчивостью и что общее состояніе французскаго войска было не блестящимъ. Въ Вѣнѣ и Берлинѣ вѣрили хвастливымъ эмигрантамъ. Говорили только о «большой военной прогулкѣ въ Парижъ», а генералъ и извѣстный духовидецъ фонъ-Бишофсвердеръ въ Магдебургѣ полагалъ, что «*армія адвокатовъ* скоро будетъ разсѣяна». Одна важная дама въ Майнцѣ просила у эмигрантовъ подарить ей палецъ Петіона.

Въ Бельгіи стоялъ принцъ Саксенъ-Тешенскій съ австрійскимъ отрядомъ; Дюмурье, главное вниманіе котораго было направлено на Бельгію, рѣшилъ начать здѣсь военныя дѣйствія. Лафайетъ получилъ приказаніе выступить въ Бельгію; авангардъ его должны были составить два армейскихъ корпуса Рошамбо подъ начальствомъ Диллона и Бирона: Лафайетъ двинулся къ границѣ, чтобы ударить на Намуръ; Диллонъ и Биронъ двинулись на Турнэ и Монсъ.

Неизвѣстно, овладѣла ли безпричинная паника непривыкшими къ битвамъ солдатами, или [illegible], дѣло объясняется измѣной. Но когда корпусъ генерала Бирона натолкнулся на австрійскіе отряды у Кьеврена, въ рядахъ французскихъ войскъ [illegible]: [illegible] Кавалерія у[illegible], [illegible] весь корпусъ, и австрійцы безъ труда разбили его. У Турнэ та же участь постигла отрядъ генерала Теобальда Диллона. И здѣсь

кавалеріи при дикомъ крикѣ: «Измѣна!» подала сигналъ къ безпорядочному бѣгству, причемъ собственныя войска обвинили Диллона въ измѣнѣ и убили его.

Нападеніе потерпѣло неудачу, и Лафайетъ отступилъ назадъ. Рошамбо отказался отъ командованія и былъ замѣненъ Люкнеромъ, мѣсто котораго въ Эльзасѣ занялъ генералъ Кюстинъ.

Эти событія вызвали во Франціи, а особенно въ Парижѣ, необычайное возбужденіе. Всѣ громко и не безъ основанія говорили объ измѣнѣ. Правда, измѣнники еще не были извѣстны, но рука ихъ уже чувствовалась. Говорили объ «австрійскомъ комитетѣ», какъ часто называли дворъ: планъ этого комитета заключался будто бы въ призваніи австрійцевъ. Что такой планъ существовалъ, стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія; душой его считали королеву, бывшаго министра Бертрана де-Мольвилля и Монморена.

Приготовленія къ государственному перевороту были замѣтны и [illegible] образомъ; кромѣ швейцарской стражи, королю разрѣшено было конституціей имѣть лейбъ-гвардію въ количествѣ не свыше 1.800 человѣкъ; теперь же число ея составляло шесть тысячъ. Командованіе этимъ отрядомъ принадлежало герцогу де-Бриссаку, любовнику Дюбарри и извѣстному абсолютисту. Поведеніе двора, ожидавшаго серьезнаго внѣшняго нападенія на Францію, было столь увѣренно, онъ такъ мало скрывалъ свои поползновенія, что, въ виду такой опасности для отечества, собраніе объявило себя перманентнымъ. Узнавъ объ увеличеніи численности лейбъ-гвардіи, оно распустило ее и предало герцога де-Бриссака орлеанскому государственному суду.

Въ этомъ критическомъ положеніи собраніе обнаружило много энергіи; это была лучшая пора жирондистовъ. Оно постановило, что священники, уклонявшіеся отъ присяги, въ виду проявленной ими дѣятельности, могутъ быть сосланы на каторгу за агитацію противъ конституціи. Далѣе, въ виду приближающейся [illegible] годовщины взятія Бастиліи, постановлено было образовать возлѣ Парижа для защиты его лагерь на 20.000 человѣкъ «[illegible]» изъ провинцій. Собраніе полагало, что теперь національная гвардія не представляетъ уже достаточной защиты. Петіонъ уже раньше жаловался на высокомѣрное поведеніе [illegible] [illegible], называя ихъ «новыми аристократами». Именно было открыто и

рабочимъ доступъ въ національную гвардію и вооружить ихъ пиками, такъ какъ и жирондисты уже видѣли, что такой мѣрой можно будетъ держать въ рукахъ крупную буржуазію, болѣе или менѣе симпатизировавшую двору.

Но тутъ снова обнаружились недостатки конституціи, потому что король снова примѣнилъ свое veto какъ противъ декрета о священникахъ, уклонившихся отъ присяги, такъ и противъ декрета о лагерѣ «объединенныхъ».

Съ тѣхъ поръ короля всѣ стали называть «господинъ veto», а королеву «мадамъ veto».

Общественное возбужденіе снова стало очень сильнымъ, и ожесточенная партійная борьба проникала даже въ среду правительства. Три жирондистскихъ министра находились въ рѣшительномъ антагонизмѣ со своими товарищами. Въ виду предстоящаго заграничнаго вмѣшательства въ его пользу, Людовикъ снова сталъ смѣлѣе и началъ подумывать о томъ, какъ бы отдѣлаться отъ трехъ неудобныхъ министровъ. Въ это-то время Роланъ обратился къ королю съ знаменитымъ письмомъ, которое, повидимому, сочинено было г-жею Роланъ; въ немъ король призывался къ отвѣту за неутвержденіе обоихъ декретовъ и къ нему предъявлялось требованіе *честно подчиниться конституціи*. Вся непослѣдовательность и неясность жирондистовъ обнаружилась въ этомъ письмѣ. Вѣдь король, прибѣгая къ veto, дѣйствовалъ согласно конституціи. Въ этомъ письмѣ надо было требовать отказа отъ права veto, и тогда это письмо было бы выразителемъ общественнаго мнѣнія.

Король былъ разгнѣванъ дерзостью Ролана и совѣтовался съ Дюмурье, что ему сдѣлать. Дюмурье далъ хитрый совѣтъ: утвердить оба декрета и уволить трехъ министровъ жирондистовъ. Дѣйствительно, такимъ образомъ короля нельзя было бы упрекнуть въ томъ, что онъ уволилъ министровъ за ихъ политическія убѣжденія. Дюмурье бралъ на себя защиту этой мѣры передъ законодательнымъ собраніемъ. Роланъ, Клавьеръ и Серванъ получили отставку, Дюмурье же получилъ постъ военнаго министра для того, чтобы въ послѣдній моментъ лишить всякаго значенія проектъ лагеря «объединенныхъ».

Собраніе встрѣтило Дюмурье бурными выраженіями презрѣнія. Но этотъ удивительный человѣкъ совершенно не смутился. Ему кричали, что его отправятъ въ Орлеанъ (въ государственный судъ), а этотъ остроумный и ненадежный чело-

тѣхъ [illegible] я буду [illegible] пять миліоновъ [illegible].

Но [illegible] Людовикъ [illegible] Дюмурье. Онъ не утвердилъ [illegible] упомянутыхъ декретовъ и такимъ образомъ [illegible] Дюмурье, что тотъ подалъ въ отставку и удалился въ армію.

Послѣ того, какъ Дюмурье подалъ въ отставку, Людовикъ въ [illegible] очень [illegible] министерство и т. п. что они хотѣли меня заставить утвердить декреты, а теперь вы сами требуете ихъ утвержденія? [illegible] онъ хотѣлъ этимъ [illegible] передъ собой или передъ другими?

Король [illegible] министровъ изъ среды фельяновъ. Эта партія все болѣе [illegible] съ дворомъ, и глава ихъ Лафайетъ все болѣе и болѣе [illegible] человѣкъ, который, [illegible] конституцію, какъ фетишу, не выдержалъ бури событій. [illegible] были [illegible] случаѣ. Онъ предоставилъ въ распоряженіе [illegible] подпись на чистыхъ бланкахъ, и вотъ собраніе [illegible] іюня получаетъ подписанное Лафайетомъ угрожающее письмо, въ которомъ подвергается критикѣ дѣятельность собранія и содержится угроза военной силой. [illegible] Гадэ, на основаніи даты письма доказалъ, что Лафайетъ, стоявшій тогда съ войсками на границѣ, не могъ написать этого письма и что, вѣроятно, онъ предоставилъ свою подпись на какое-нибудь распоряженіе; такимъ образомъ, окончательно [illegible] было впечатлѣніе, произведенное и безъ того неудачно составленнымъ письмомъ.

Жирондисты, [illegible] съ точки зрѣнія парламентской [illegible], не могли найти никакихъ средствъ для устраненія [illegible] veto. Можно было [illegible] единственное препятствіе [illegible] свободы [illegible]. Тогда [illegible] народнаго [illegible] побудить его болѣе умѣренно пользоваться правомъ veto. Они [illegible] поднять для этого массу предмѣстій и дать имъ устроить демонстрацію.

Предмѣстья, готовыя на все, [illegible]. Петіонъ долженъ былъ поддержать демонстрацію своимъ бездѣйствіемъ и попустительствомъ; двинуть предмѣстія должны были массы. Якобинцы и кордельеры мало или вовсе не участвовали въ этой демонстраціи, которую они справедливо считали безполезной и неудачной; только Сантерру и Лежандру удалось склонить ихъ къ участію. Демонстрація 20-го іюня была дѣломъ жирондистовъ.

Послѣдняя „[illegible]“.

Въ предмѣстьяхъ готовились къ демонстраціи, назначенной на 20 іюня. Была надежда, что въ ней примутъ участіе 40.000 человѣкъ; это число должно было быть вооружено и должно было подать петицію національному собранію, засѣдавшему въ кавалерійской школѣ, и королю. Жирондисты полагали, что этимъ они достигнутъ своей цѣли и что король послѣ этого увѣренно будетъ [illegible] своимъ правомъ veto. Предлогомъ для процессіи было [illegible] у дома королевскаго собранія и посадка дерева свободы въ честь этого памятнаго дня.

Петіонъ согласился; было устроено нѣсколько предварительныхъ совѣщаній при участіи Сантерра, Манюэля, Сарра, Сиійери и другихъ лицъ, не исключительно жирондистовъ. Въ то же время рабочіе предмѣстій просили разрѣшенія у муниципальнаго [illegible]; въ этомъ имъ было отказано. Чтобы не быть отвѣтственнымъ въ случаѣ неудачи предпріятія, Петіонъ увѣдомилъ управленіе департамента о предстоящей демонстраціи и предложилъ, чтобы процессію сопровождала національная гвардія. Управленіе департамента отвергло это предложеніе и приказало мэру принять всѣ мѣры для предупрежденія незаконныхъ сборищъ. Но такъ какъ Петіонъ былъ на сторонѣ жирондистовъ и ничего не предпринялъ, то демонстрація могла пройти [illegible] безпрепятственно.

Рано утромъ 20-го іюня жители предмѣстій съ оружіемъ въ рукахъ собрались на площади Бастиліи. Ихъ было всего 1.500 человѣкъ, но затѣмъ [illegible], толпа выросла до 30.000. Въ толпѣ были [illegible] женщины и дѣти, и во главѣ ея шелъ [illegible]. Мужчины были вооружены ружьями, саблями, пиками и палками; въ толпѣ можно

было замѣтить и очень странныя древнія вооруженія. На многихъ флагахъ демонстрантовъ были надписи: «Конституція или смерть», и это должно было напомнить мирнымъ гражданамъ цѣль манифестаціи демонстраціи, что до сихъ поръ конституція вовсе не была нарушена тѣмъ veto, противъ котораго направлена была демонстрація. Были однако и такія надписи: «Долой veto!», «Свобода или смерть!», «Народъ усталъ отъ мукъ!» Къ одной жерди была привязана пара прорванныхъ брюкъ съ надписью: «Да здравствуютъ санкюлоты!». Въ концѣ шествія шелъ человѣкъ, который несъ на пикѣ бычачье сердце съ надписью: «Сердце аристократовъ!» Этотъ символъ былъ направленъ противъ аристократовъ. Большинство знаковъ, которыми жирондисты хотѣли запугать, большею частью не достигли своей цѣли, потому что ихъ въ большинствѣ случаевъ не принимали въ серьезъ; зато они дали поводъ много и громко говорить противъ необузданности революціи. Долгое время еще Европа не переставала страстно обсуждать эту жердь съ изорванными брюками и пику съ бычачьимъ сердцемъ, хотя обѣ эти эмблемы не могли имѣть важнаго значенія.

Пивоваръ Сантерръ, мясникъ Лежандръ и маркизъ де-Сенъ Юрюгъ, опустившійся дворянинъ съ сомнительной репутаціей, повели массу къ національному собранію. Ораторомъ долженъ былъ выступить бывшій гасконскій адвокатъ Гюгененъ, сказавшій однажды, что сердце революціонера должно быть, какъ набатный колоколъ. Петиція, которую предполагалось подать, была написана вполнѣ въ жирондистскомъ духѣ. Въ ней говорилось, между прочимъ: «Жизнь и счастье свободнаго народа должно зависѣть отъ капризовъ короля, и развѣ воля короля должна чѣмъ-нибудь отличаться отъ воли закона?» Но Людовикъ XVI своимъ veto вѣдь только осуществилъ свое законное право.

Гюгененъ сталъ у барьера законодательнаго собранія и потребовалъ угрожающимъ тономъ возвращенія уволенныхъ министровъ. Собраніе разрѣшило петиціонерамъ пройти черезъ залъ засѣданій. Верньо сказалъ: «Эти собравшіеся люди хорошо дѣлаютъ, что заботятся о будущемъ. Они показываютъ, что, несмотря на всѣ интриги противъ свободы, они всегда готовы защищать ее». Жирондисты находили, что важнѣе всего констатировать эту именно готовность.

Шествіе черезъ залъ засѣданій продолжалось три часа и со-

[illegible] Затѣмъ шествіе двинулось по площади Карусель въ Тюильери, чтобы потребовать отъ короля утвержденія обоихъ декретовъ собранія. Если бы Людовикъ вышелъ въ этотъ моментъ передъ народомъ, сказалъ бы что-нибудь въ родѣ «Да здравствуетъ конституція!», то вся жирондистская интрига имѣла бы не больше послѣдствій, чѣмъ какой-нибудь холостой выстрѣлъ. Но онъ не появился, и масса потребовала доступа въ Тюильери. Муниципальные чиновники удалили стражу отъ воротъ, не желая, повидимому, бороться съ толпой. Здѣсь, конечно, ясно видна была рука Петіона. Масса проникла въ замокъ и [illegible] двери въ покои короля [illegible] они [illegible] топорами ломать двери, но Людовикъ понялъ уже, что демонстрація эта не носитъ опаснаго характера и что цѣль ея—вынудить его только увѣреннѣе пользоваться правомъ veto. Онъ приказалъ открыть двери, и народъ появился передъ нимъ. Ему пришлось, правда, выслушать не мало обидныхъ словъ, [illegible] Людовику, но онъ отнесся къ этому равнодушно. «Чего хотите вы отъ меня?» — спросилъ Людовикъ, окруженный нѣсколькими гренадерами національной гвардіи. [illegible] отвѣчали, что [illegible] у него хватило мужества и теперь [illegible] утвержденія обоихъ декретовъ. Поставили на столъ стулъ, и Людовикъ сѣлъ на него. Ему протянули на пикѣ красную шапку, и у него хватило хитрости, чтобы [illegible] этимъ выраженіе бурнаго восторга. Когда же [illegible] предложилъ королю выпить изъ его бутылки, а король таки-таки выпилъ, то восторгъ сталъ безпредѣльнымъ. По адресу короля раздавались аплодисменты, а когда Лежандръ подошелъ съ требованіемъ утвердить декреты, то король твердымъ голосомъ отвѣтилъ: «Теперь не время и не мѣсто требовать отъ меня этого». Добродушный народъ привѣтствуетъ короля въ красной шапкѣ, и начинается [illegible] отвѣты между королемъ [illegible] характера и продолжавшіеся до [illegible] вечера; въ это время является мэръ Петіонъ и требуетъ отъ народа, чтобы онъ расходился; народъ [illegible].

Въ общемъ приходится сказать, что жирондистская демонстрація потерпѣла полную неудачу, потому что теперь уже нечего было и думать объ утвержденіи обоихъ декретовъ. Дворъ увидѣлъ, какъ слабы и [illegible] стремленія для

шло до того [illegible] и [illegible]
родъ шелъ въ [illegible] 20-е іюня [illegible]
послѣдствіе [illegible] и авто-
ритетъ короля [illegible]
[illegible] стороны было [illegible]. Съ другой сто-
роны, [illegible] испуганное [illegible]
[illegible] въ объятія двора.
[illegible] привязанности, и [illegible]
[illegible]

Когда [illegible] удалилось съ празднества, [illegible] Лафайетъ рѣшилъ дѣйствовать. [illegible] что [illegible] уже [illegible] стоялъ передъ [illegible] въ Парижъ и призвать къ отвѣту законодательное собраніе. Онъ [illegible]; собраніе [illegible] и для того, чтобы [illegible] снять и [illegible] Лафайетъ [illegible] 20-го іюня, [illegible] клубъ и обезпеченія конституціи [illegible].

Собраніе [illegible] предложенія Лафайета въ [illegible] комиссію и такимъ образомъ [illegible] двухъ [illegible]. Но у него [illegible] и тѣмъ же [illegible] въ Парижъ [illegible] и оттуда вмѣстѣ съ нимъ [illegible]. Но [illegible] Тогда Лафайетъ [illegible] въ составъ національной гвардіи, [illegible] ихъ и [illegible]. Теперь [illegible] двухъ [illegible] что онъ [illegible], и [illegible] къ арміи.

Отечество въ опасности.

Хотя Франція объявила войну одной только Австріи, однако и Пруссія приняла участіе въ нападеніи противъ демократической Франціи. Онѣ двинули войска къ французской границѣ, и Фридрихъ-Вильгельмъ II заявилъ въ манифестѣ, что онъ берется за оружіе для защиты интересовъ Германскаго государства, для подавленія анархіи и броженія умовъ во Франціи и для возстановленія монархической власти. Одновременно онъ указывалъ на то, что Людовикъ XVI призналъ конституцію противъ воли и по принужденію.

Это нападеніе иностранной державы, очевидно находящейся въ связи со дворомъ, вызвало по всей Франціи неописуемое возбужденіе. Въ Тюильри высчитывали, когда прибудутъ пруссаки, и король французскій считалъ, что всѣ завоеванія революціи въ опасности. Буржуазія боялась возстановленія прежняго деспотическаго образа правленія, крестьяне — возстановленія прежнихъ феодальныхъ тягостей, осуждавшихъ ихъ на непрерывную голодовку. [illegible] возбужденія и проявлялось [illegible] озлобленіемъ противъ двора, который, всѣ чувствовали это, призывалъ иноземныя войска противъ революціи. [illegible] уже не интересно то, что король не утвердилъ постановленія объ образованіи возлѣ Парижа лагеря 20.000 «объединенныхъ». Изъ провинцій, особенно изъ тѣхъ, гдѣ жирондисты были сильны, стали прибывать массы народа и записываться въ списки. «Объединенныхъ» [illegible] прибывало въ Парижъ изъ провинціи. Собственно говоря, ихъ движеніе въ Парижъ было уже возстаніемъ. Особенно прославились «объединенные» Бретани и Марселя; марсельцы принесли съ собою [illegible] пѣсню, сочиненную инженернымъ офицеромъ Руже де-Лилемъ и ставшую съ тѣхъ поръ извѣстной подъ именемъ Марсельезы. Существуетъ преданіе, что Руже де-Лиль сочинилъ [illegible] патріотическаго воодушевленія, находясь въ Страсбургѣ, и текстъ и напѣвъ, воспользовавшись для послѣдняго нѣмецкимъ церковнымъ мотивомъ. Въ первый разъ онъ пропѣлъ ее въ семьѣ тогдашняго мэра Дитриха и увлекъ всѣхъ слушателей. Когда въ Страсбургѣ впервые несколько сотъ добровольцевъ пропѣли эту пѣсню хоромъ, воодушевленіе, вызванное ею, было страшно

ретію. Эта бурная [illegible] рѣчь [illegible] [illegible] получила по всей Франціи, увлекая массу [illegible] съ [illegible] силой и про-[illegible] республиканскія [illegible].

Послѣ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] выступили съ новой энергіей. Они [illegible], что [illegible] [illegible] [illegible] врага, вступившаго въ самую [illegible], [illegible] уже не можетъ быть рѣчи о томъ, чтобы [illegible] со [illegible] [illegible]. Верньо и Бриссо [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] и дѣйствіе ихъ рѣчей было [illegible] [illegible] со [illegible] пушечныхъ выстрѣловъ, направленныхъ на Тюильри. «Король, ты думалъ, что [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], какъ успокаиваютъ [illegible] [illegible], ты [illegible] себя въ такомъ свѣтѣ, какъ будто [illegible] для тебя [illegible], а въ то же время ты заботился о сохраненіи своей власти для того, чтобы нарушить [illegible] [illegible] [illegible] конституціи только для того, чтобы [illegible] ее [illegible] уничтожить ее... Если [illegible] французскаго народа не произвело на тебя никакого впечатлѣнія, если у тебя нѣтъ другихъ чувствъ, кромѣ любви къ деспотизму, то ты не имѣешь уже [illegible] [illegible] для конституціи, которую ты такъ преступно нарушилъ, ни [illegible] значенія для народа, который ты предалъ».

Бриссо [illegible] еще [illegible] и [illegible] призывалъ къ возстанію. «Вамъ говорятъ,—сказалъ онъ,—бойтесь королей венгерскаго и прусскаго. Я же говорю вамъ: главныя силы врага, это—дворъ, и тамъ [illegible] [illegible] [illegible] должны быть разбиты. Вамъ говорятъ: поразите упорныхъ священниковъ, я же говорю вамъ: поразите Тюильри, и вы тѣмъ же ударомъ поразите и священниковъ. Вамъ говорятъ: преслѣдуйте всѣхъ смутьяновъ, бунтовщиковъ, заговорщиковъ, я же вамъ говорю: всѣ они сами собою разсѣются, когда вы выступите противъ кабинета въ Тюильри. Этотъ кабинетъ представляетъ собой центральный пунктъ, къ которому сходятся всѣ нити, гдѣ задумываются всѣ интриги. Кабинетъ этотъ играетъ народомъ, какъ игрушкой. Въ этомъ вся суть нашего положенія, источникъ всѣхъ бѣдъ, тотъ пунктъ, который нужно поразить».

Собраніе постановило, что оно въ правѣ объявить *отечество въ опасности*, въ случаѣ, если положеніе станетъ очень критическимъ. Объявленіе это будетъ возвѣщено сигнальными выстрѣлами. Съ этого момента всѣ гражданскія власти и упра-

вленія депутатамъ [illegible]
носить оружіе [illegible] вступать въ національную гвардію;
все оружіе должно быть роздано. [illegible] къ
нему съ этого момента [illegible], а ношеніе дру-
гихъ значковъ, кромѣ [illegible], считалось
уже возмущеніемъ.

Этимъ [illegible] было ограничено [illegible], но вмѣстѣ съ тѣмъ [illegible] конфликтъ между королевской властью и народнымъ представительствомъ.

Однако, еще до этого момента въ собраніи разыгралась одна знаменательная сцена. Ламуретто, [illegible] и конституціоналистъ по убѣжденію, произнесъ сентиментальную рѣчь о примиреніи партій, которое, конечно, при данныхъ обстоятельствахъ было совершенно невозможно. Но собраніе на минуту поддалось дѣйствію его рѣчи, и [illegible] подъ [illegible]. Начались объятія; конституціоналисты, жирондисты, [illegible], казалось, братски примирились, и когда король пришелъ въ собраніе, его приняли съ энтузіазмомъ. Эту трогательную сцену, происшедшую 7-го іюля 1792 года, назвали потомъ насмѣшливо «примирительнымъ поцѣлуемъ Ламуретто». Не прошло и двухъ дней, какъ сила событій уже не оставила и слѣда отъ этой сцены, которая въ якобинскомъ клубѣ была названа поцѣлуемъ Іуды.

Приближеніе пруссаковъ [illegible], и [illegible] теперь менѣе всего возможно было примиреніе. Немедленно послѣ примирительнаго поцѣлуя Петіонъ былъ устраненъ отъ должности за то, что не предупредилъ демонстраціи 20-го іюня. Но народъ рѣшилъ воспротивиться этому. Вокругъ [illegible] бурно требовали возвращенія Петіона, и по улицамъ раздавался дикій кличъ: «Петіонъ [illegible]» [illegible]. Собраніе, не долго думая, вновь назначило Петіона на прежнюю должность. Дворъ [illegible] опредѣленнаго рѣшенія. Но [illegible]. 11-го іюля, получивши извѣстіе о наступленіи пруссаковъ, собраніе [illegible] объявило отечество въ опасности; эта мѣра [illegible] и [illegible].

[illegible] короля; первое предложеніе этого рода было сдѣлано [illegible].

Тогда Лафайетъ хочетъ предложить двору свои услуги. Ему удается склонить бездарнаго маршала Люкнера на свою сторону, чтобы увезти короля въ Компьенъ. Оттуда, предполагалось, Людовикъ уѣдетъ заграницу и приметъ мѣры противъ якобинцевъ. Лафайетъ, какъ онъ говорилъ, надѣялся на честность короля и думалъ, что послѣдній сохранитъ всѣ новыя учрежденія. Такое довѣріе было очень неумѣстно въ такой моментъ, когда король успѣлъ уже [illegible] иностранныя державы для уничтоженія конституціи, на вѣрность которой онъ присягалъ. Людовикъ отвѣтилъ генералу фельянтовъ [illegible] и поручилъ передать ему, чтобы онъ лучше и впредь служилъ «горничнымъ пугаломъ» у революціонеровъ и старательно исполнялъ свое «генеральское» ремесло. [illegible], что полиція даже не оскорбила [illegible] Лафайета.

14-го Іюля праздновали годовщину взятія Бастиліи, но при совсѣмъ другихъ обстоятельствахъ, чѣмъ два года тому назадъ: не было стройнаго шествія на Марсово поле; все перемѣнилось. [illegible] были представители департаментовъ Франціи; возлѣ алтаря отечества возвышалось высокое дерево, увѣшанное символическими изображеніями феодализма; дерево это предназначалось [illegible]. Король, холодно встрѣченный народомъ, [illegible] принесъ [illegible] клятву. Въ этотъ день онъ уже [illegible] на себѣ [illegible]. Отъ предложенія зажечь дерево феодализма онъ уклонился, сказавъ: «Феодализма уже не существуетъ». Послѣ этого національная гвардія проводила его домой. Народъ сжегъ дерево феодализма и демонстративно кричалъ: «*Да здравствуетъ народъ и мэръ Петіонъ*!» и «*Петіонъ, или смерть*!».

Такимъ образомъ, [illegible] не смягчилъ конфликта, [illegible]. Натянутость отношеній между королемъ, собраніемъ и народомъ достигла максимума. Уже нерѣдко можно было слышать открытыя заявленія, что борьба неизбѣжна, и всѣ готовились къ бою.

[illegible] Тюильри.

10-го августа 1792 года парижское население приступило [illegible] [illegible] династіи Бурбоновъ, такъ долго господствовавшей надъ Францiей. Людовикъ XVI поплатился при этомъ за свою собственную вину и за вину своихъ предшественниковъ.

Кто были главные [illegible] дня?

[illegible] и революціонеры—рабочіе изъ предмѣстій Парижа.

Кажется! Но не послѣднюю роль сыгралъ и тотъ знаменитый брауншвейгскій манифестъ, появившійся какъ разъ въ этотъ критическiй моментъ.

Прусская армія, которая должна была вторгнуться во Францію, стояла подъ начальствомъ Карла-Вильгельма-Фердинанда, герцога Брауншвейгскаго. Герцогъ этотъ пожелалъ предупредить о своемъ вторженіи манифестомъ. Людовикъ XVI прислалъ ему проектъ манифеста черезъ довѣреннаго своего [illegible]. Но графъ д'Артуа нашелъ, что проектъ составленъ въ слишкомъ мягкихъ выраженіяхъ; ему хотѣлось наполнить его угрозами. Онъ приказалъ одному эмигранту написать проектъ манифеста по его вкусѣ, и въ немъ фигурировали [illegible] нравоученія и ужасныя угрозы. Герцогъ Брауншвейгскій почти ничего не измѣнилъ въ этомъ проектѣ и издалъ его въ видѣ манифеста 25-го іюля 1792 года.

Именемъ императора австрійскаго и короля прусскаго герцогъ Брауншвейгскій объявлялъ въ этомъ манифестѣ, что онъ намѣренъ положить конецъ анархіи внутри Франціи, остановить нападки противъ трона и алтаря, возстановить законную власть, вернуть королю свободу и безопасность, которой онъ лишенъ теперь, и упрочить законную власть его. Затѣмъ въ немъ говорилось слѣдующее: «Жители городовъ, мѣстечекъ и деревень, которые осмѣлятся защищаться противъ войскъ его императорскаго и его королевскаго величествъ и будутъ стрѣлять въ нихъ, будутъ тутъ же *наказаны* по всей строгости военнаго суда, дома же ихъ будутъ *снесены* или *сожжены*». «Городу Парижу и всѣмъ жителямъ его безъ различія предлагается [illegible] и безъ всякаго отлагательства подчиниться своему королю. Его императорское и коро-

левское величества [illegible] ихъ [illegible] *[illegible]* *по военнымъ [illegible]* [illegible] отвѣтственными за все, что произойдетъ, [illegible]. Кромѣ того, ихъ величества [illegible] императорскимъ и королевскимъ словомъ, что они *примѣрно [illegible] Парижу такъ, что онъ [illegible]; что предадутъ его военной экзекуціи и полному уничтоженію;* [illegible] понесутъ заслуженное наказаніе, если замокъ Тюильри подвергнется какому-нибудь нападенію, если [illegible] величествамъ Франціи будетъ причинено [illegible], или если немедленно не будутъ приняты мѣры, [illegible] имъ полную свободу и безопасность... Съ другой стороны, если жители Парижа быстро и [illegible] вышеприведенныя требованія, то [illegible] величества обѣщаютъ [illegible] всеподданнѣйшимъ величествамъ, [illegible] прощеніе за ихъ *проступки и заблужденія*. [illegible] ихъ [illegible] считать *законами* [illegible] Франціи въ то время, когда [illegible] не были [illegible]».

Этотъ беспримѣрный манифестъ произвелъ во Франціи ошеломляющее впечатлѣніе. [illegible] весь народъ поднялся, какъ разъяренный левъ. Парижъ, куда стекались [illegible] провинцій, напоминалъ собой разбушевавшееся море. И среди этого бурнаго [illegible], въ Тюльери сидѣлъ дворъ, [illegible] относительно котораго было [illegible] извѣстно, что онъ въ перепискѣ съ наступающимъ врагомъ. [illegible] долженъ былъ поглотить дворъ, и [illegible] больше, чѣмъ къ какому-нибудь другому, подходятъ слова, сказанныя Гёте Эккерману: «[illegible] революцій никогда не бываетъ народъ, а всегда правительство».

Французскій народъ скоро увидѣлъ, что [illegible] революціи грозитъ опасность. [illegible] и союзники ихъ надѣялись, что [illegible] страшною угрозой манифеста, [illegible], какъ мало они знали народъ. Онъ [illegible] такое воодушевленіе и такую революціонную энергію, какой [illegible] до сихъ поръ еще не [illegible]. [illegible] врагу противопоставлено [illegible] ненадежныхъ генераловъ, [illegible]

стоя[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]-
нія великой революціи.

Сантерръ, вліятельный агитаторъ Сентъ-Антуанскаго предмѣстья, находился въ постоянныхъ тайныхъ сношеніяхъ съ дворомъ; онъ увѣрялъ, что король готовитъ контръ-революціонный переворотъ на 12-е августа, но что онъ, Сантерръ, предотвратилъ его. Онъ [illegible] будто бы [illegible] [illegible] [illegible]: «Ваше величество, [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible], а это надо отложить [illegible] [illegible] [illegible]». Возможно, что эта связь съ дворомъ и была причиной того, что Сантерръ 10-го августа дѣйствовалъ нерѣшительно.

Въ это время дворъ очень старался [illegible] [illegible] завербовать себѣ сторонниковъ, потому что и [illegible] дворяне, такъ и [illegible] рыцари кинжала (они [illegible] [illegible] кинжалы), предлагали свои услуги, [illegible] [illegible] [illegible]. Изъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] клубъ и [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] 10.000 франковъ. Другой роялистскій клубъ былъ основанъ [illegible]. Но оба клуба не имѣли никакого значенія, потому что на этотъ разъ противъ двора поднялся [illegible] [illegible], [illegible] [illegible]ченіемъ дворянства и священниковъ, [illegible] [illegible] присяги.

Буржуазное общество увидѣло, что манифестъ герцога Брауншвейгскаго грозитъ конституціи, [illegible] для него [illegible]ломъ и гарантировавшей ему его собственность и личную свободу. Оно раздражилось и обратилось противъ двора, призывавшаго пруссаковъ. Представителями этого класса выступали жирондисты, [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] короля. Это стало открытымъ требованіемъ по всей странѣ, но громче всего оно звучало тамъ, гдѣ жирондисты имѣли вліяніе.

Мелкая и средняя буржуазія, равно какъ и сельское населеніе, со страхомъ ожидали вторженія пруссаковъ. Горожане опасались за свою [illegible] [illegible] независимость. Не успѣли они [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], какъ пруссаки хотѣли уже возстановить его. И [illegible] [illegible] встрѣчали [illegible] [illegible]: «[illegible] [illegible]».

Но больше всего энергіи [illegible] собравшіеся въ Парижѣ «объединенные» и [illegible] [illegible] [illegible]. «Объединенные» изъ Марселя были расквартированы въ [illegible] Кордельеровъ. Имъ удалось [illegible] въ [illegible] [illegible], и они были готовы на все. По [illegible] Дантона [illegible] [illegible] угро-

[illegible], а 20-го іюня [illegible]; тогда какъ дворъ въ тотъ же день устроилъ пиръ для преданной ему части національной гвардіи, то не обошлось безъ кровавой битвы, по которой можно было судить уже объ ожесточенности предстоящей борьбы.

Рабочіе предмѣстій тоже были на все готовы. Они жили въ нищетѣ и страшно страдали отъ недостатка провіанта въ Парижѣ. Имъ платили ассигнатами, курсъ которыхъ и тогда уже стоялъ очень низко, между тѣмъ какъ цѣны на товары быстро росли. Къ конституціи они были довольно равнодушны, потому что она не принесла имъ значительнаго облегченія ихъ участи. Мы уже читали ихъ жалобы въ письмѣ къ Марату. Когда они требовали повышенія заработной платы, органы мелкой буржуазіи сурово отказывали имъ. Многочисленные столкновенія и безпорядки въ предмѣстьяхъ стоятъ въ тѣсной связи съ обостреніемъ и усиленіемъ голодной нужды въ Парижѣ. Эти рабочіе прекрасно знали, что плоды революціи достались другимъ. Они ненавидѣли буржуазію не меньше, чѣмъ дворянъ и духовенство, но это, конечно, не уменьшало ихъ ненависть ко двору. Инстинктивно они чувствовали въ конституціи прогрессъ, несмотря на то, что никакихъ прямыхъ выгодъ она имъ не доставила. При такой нуждѣ они не могли ждать [illegible], и уже 26-го іюля въ предмѣстьяхъ была попытка къ возстанію. Цѣлью его было взятіе въ плѣнъ короля и отправка его въ Венсенъ. Но Петіонъ подавилъ это возстаніе для того, чтобы предотвратить пораженіе.

Якобинцы и кордельеры, видѣвшіе, что 20-го іюня жирондисты сумѣли воспользоваться массами населенія предмѣстій только для пустой демонстраціи, рѣшили устроить организованное возстаніе всегда готовыхъ къ этому рабочихъ предмѣстій. Къ этому якобинцы и кордельеры были вынуждены приближеніемъ пруссаковъ и приготовленіями двора. Можно было видѣть, что въ Тюльери готовятся къ бою, что швейцарская гвардія и буржуазные батальоны національной гвардіи тоже снаряжаются для того, чтобы, съ одной стороны, рѣшительно выступить противъ возстанія, а съ другой, напасть на клубы и законодательное собраніе, когда подступятъ пруссаки. Единственной надежной защитницей двора въ Парижѣ была швейцарская гвардія. Эти республиканцы служили чужой монархіи за деньги, они боролись и умирали за дворъ.

Въ чужой странѣ они замышляли защищать деспотизмъ съ такой же храбростью, съ какой нѣкогда защищали свободу въ Швейцаріи. Роль эта была трагична, но не благородна.

Возстаніе было организовано якобинцами и кордельерами, между тѣмъ какъ жирондисты только заботились о томъ, чтобы сохранить свободу дѣйствій. Энергичнѣйшіе же изъ нихъ, напр., молодой и горячій Барбару изъ Марселя, Луве, Карра и др., пошли рука объ руку съ якобинцами. Кордельеры служили связью съ рабочими предмѣстій. Былъ избранъ инсуррекціонный комитетъ, назначившій возстаніе на 10-е августа, чтобы предупредить угрожавшее нападеніе двора. Руководителемъ всего дѣла выступалъ Дантонъ, проявившій необыкновенную дѣятельность и бурную энергію. Казалось, что былъ не одинъ, а нѣсколько Дантоновъ. Его громовой голосъ раздавался и въ клубахъ, и на улицахъ; его могучая фигура съ повелительными жестами возвышалась надъ толпами народа въ предмѣстьяхъ. Если онъ, дѣйствительно, былъ подкупленъ дворомъ, то его пламенная революціонная дѣятельность въ эти дни несомнѣнно была не въ интересахъ двора.

Итакъ, дворъ и народъ въ полной готовности стояли другъ противъ друга, и столкновеніе стало неизбѣжнымъ.

Жирондисты думали, что имъ удастся разрѣшить кризисъ однимъ постановленіемъ законодательнаго собранія. 3-го августа Петіонъ предсталъ передъ собраніемъ съ петиціей генеральнаго совѣта парижской коммуны, въ которой коммуны обвиняли короля въ участіи въ заговорѣ и требовали низложенія его. Въ угрожающихъ обращеніяхъ къ законодательному собранію секціи требовали, чтобы король былъ преданъ суду за свои контръ-революціонныя попытки. Депутаціи смѣняли депутаціи, и всѣ онѣ въ одинъ голосъ требовали низложенія короля.

Жирондисты продолжали колебаться; были даже признаки того, что нѣкоторые изъ нихъ не устоятъ передъ подкупами двора. Отъ рѣшительнаго шага они, однако, уклониться не могли, и обсужденіе вопроса о низложеніи короля было назначено на 9-е августа.

Черезъ Колло д'Эрбуа, человѣка очень энергичнаго, якобинцы потребовали отъ собранія, чтобы Лафайетъ былъ преданъ суду. Но жирондистская партія старалась выгородить себя и, такимъ образомъ, видѣла, что Лафайетъ хотѣлъ

склонить его къ нападенію на собраніе. 8-го августа собраніе обсуждало это дѣло и большинствомъ 406 противъ 224 оправдало Лафайета. Народное возбужденіе усилилось, многіе изъ депутатовъ, голосовавшихъ за Лафайета, были осыпаны бранью и угрозами, а нѣкоторые подверглись даже побоямъ. Портретъ Лафайета былъ сожженъ народомъ, а медаль, которую отчеканилъ для него городъ Парижъ, была [illegible], по предложенію Дантона, самимъ палачомъ.

9-е августа началось обсужденіе вопроса о низложеніи. Конституціонисты требовали, чтобы объединившіеся удалились изъ Парижа. Рѣзкія извѣстія предвѣщали близость бури; народъ былъ до крайности возбужденъ. 35-я секція поручила передать собранію, что если въ полночь король не будетъ смѣщенъ, то она ударитъ набатъ. Всѣ остальныя секціи, кромѣ одной, присоединились къ этому заявленію. Собраніе вызвало мэра и управляющаго департаментомъ, и тѣ оба заявили, что они ничего не могутъ сдѣлать. Собраніе прекратило свое засѣданіе, не принявъ никакого рѣшенія.

Случилось, конечно, то, чѣмъ грозили секціи.

Въ полночь зазвучалъ набатъ: объединившіеся взялись за оружіе, и предмѣстья восстали. Барабаны звучали на улицахъ, и длинныя [illegible] начали выстраиваться. Дантонъ, Камиль Демуленъ, Шо[illegible], Барбару работали надъ тѣмъ, чтобы побудить массы къ восстанію. Въ эту ночь въ буйномъ клубѣ кордельеровъ предсѣдательствовалъ Дантонъ. Въ полночь онъ велѣлъ ударить въ набатъ и выстрѣлить на площади Карусель изъ пистолета. Затѣмъ онъ явился къ марсельцамъ, размѣстившимся въ зданіи кордельеровъ, и вдохновенной рѣчью воодушевилъ ихъ на бой. Марсельцы выразили ему сочувствіе, вышли на улицу, и Марсельеза, побѣдная пѣснь революціи, зазвучала на улицахъ, [illegible] массы и увлекая ихъ за собой.

Командованіе повстанцами было поручено бывшему Вестерману, бывшему прусскому унтеръ-офицеру, находившемуся въ дружескихъ отношеніяхъ съ Дантономъ. Этотъ талантливый солдатъ выстраивалъ свои колонны, какъ настоящій въ бою генералъ. Сантерръ, пивоваръ, [illegible] Вестерманъ [illegible] знакъ Сентъ-Антуанскому предмѣстью къ восстанію.

Въ это время въ [illegible] ратушѣ тайно приступилъ рево-

люціонный актъ; прежняя парижская коммуна была низвергнута. Гугененъ явился въ ратушу во главѣ секцій; совѣтъ коммуны былъ объявленъ распущеннымъ, и была избрана новая коммуна, состоявшая изъ самыхъ рѣшительныхъ революціонеровъ. Гугененъ былъ назначенъ президентомъ; инсургенты, такимъ образомъ, получили во главѣ одного изъ своихъ учрежденій должностное лицо, немедленно обнаружившее энергичную дѣятельность.

Въ тотъ моментъ, когда загудѣлъ набатъ, Петіонъ находился въ Тюльери, и роялисты хотѣли задержать его въ качествѣ заложника. Собраніе узнало о критическомъ положеніи, въ которомъ онъ находится, и декретомъ потребовало его къ себѣ. Тогда Петіона выпустили изъ Тюльери, заставивъ его предварительно дать письменное приказаніе новому коменданту національной гвардіи, бывшему гвардейскому капитану Манда, въ случаѣ насильственнаго нападенія отразить его силой.

Конституціоналистъ Манда взялся за дѣло вмѣстѣ съ командиромъ швейцарцевъ де-Майярдозомъ. Они имѣли въ своемъ распоряженіи нѣсколько больше 1.000 гвардейцевъ-швейцарцевъ и нѣсколько батальоновъ національной гвардіи; относительно послѣдней не было извѣстно, насколько она будетъ надежна при защитѣ Тюльери. Кромѣ того, въ Тюльери было еще 120 дворянъ, вооруженныхъ шпагами и пистолетами. Манда сдѣлалъ всѣ приготовленія къ упорному сопротивленію.

Гугененъ приказалъ взять мэра Петіона подъ стражу, чтобъ снять съ него, такимъ образомъ, всякую отвѣтственность. Въ пять часовъ утра Манда потребовали въ ратушу. Онъ сперва не хотѣлъ, но департаментскій секретарь Редереръ, сыгравшій въ тотъ день столь удивительную роль, убѣдилъ его пойти. Манда пошелъ. Прибывъ въ ратушу, онъ увидѣлъ, что тамъ все новыя лица, и скоро онъ замѣтилъ среди нихъ своихъ политическихъ противниковъ. Ему былъ поставленъ вопросъ, почему онъ приготовился къ оборонѣ. Онъ сослался на приказаніе Петіона, но отказался предъявить его. Въ то время, какъ его обыскивали, коммунѣ было представлено собственноручное приказаніе батальоннымъ командирамъ національной гвардіи напасть съ тыла на двигавшіяся къ Тюльери колонны возставшихъ.

Теперь Манда погибъ. Гугененъ объявилъ его арестованнымъ и приказалъ отвести его въ тюрьму Аббатства. Говорятъ,

что Петіонъ, сдѣлавъ при этомъ горизонтальное движеніе рукой. На лѣстницѣ ратуши Манда былъ убитъ выстрѣломъ изъ пистолета.

Отсутствіе коменданта вызвало замѣшательство въ Тюльери; начальники гвардіи, которые должны были помогать при защитѣ дворца, были недовольны тѣмъ, что они должны сражаться въ одномъ рядѣ съ ненавистными дворянами. Редереръ предлагалъ удалить дворянъ, но король и королева не хотѣли согласиться на это.

Въ пять часовъ утра король рѣшилъ сдѣлать смотръ своимъ защитникамъ, но онъ совсѣмъ не былъ пригоденъ для этого: у него былъ неповоротливый и вялый видъ. Только два батальона, набранные изъ кварталовъ, населенныхъ крупной буржуазіей, обнаружили готовность сражаться за короля; остальные же батальоны открыто выражали свое сочувствіе восстанію. Раздавались возгласы: «Да здравствуетъ народъ!» и «Долой veto!» Канониры вынимали заряды изъ пушекъ.

Блѣдный и перепуганный вернулся король со смотра. Теперь онъ видѣлъ, что дѣло его потеряно. Онъ совѣщался со своими министрами о томъ, что ему дѣлать, а въ это время членъ муниципалитета уже явился съ извѣстіемъ, что колонны повстанцевъ подступили. Они захватили цейхгаузъ и вооружились. Это были 15.000 человѣкъ изъ Сентъ-Антуанскаго предмѣстья и 5.000 человѣкъ изъ Сенъ-Марсо. У нихъ были также пушки. Впереди шли марсельцы и бретонскіе «объединенные» подъ начальствомъ Вестермана.

Когда дворъ увидѣлъ наступавшій народъ, онъ совсѣмъ потерялъ присутствіе духа. Только-что Людовикъ не нашелъ даже нужнымъ отвѣтить что-нибудь на совѣтъ Редерера отдать себя подъ защиту законодательнаго собранія,—теперь же одинъ изъ министровъ спросилъ: «[illegible]» и одинъ муниципальный чиновникъ отвѣтилъ: «[illegible]!»—«[illegible]?»—спросила королева. Чиновникъ молча ей поклонился. Редереръ повторилъ свой совѣтъ отправиться въ законодательное собраніе. «Я скорѣе дамъ пригвоздить себя къ *стѣнѣ*»—отвѣтила королева. «Вы, слѣдовательно, берете на себя отвѣтственность за жизнь короля, вашу жизнь, жизнь дѣтей вашихъ и вашихъ защитниковъ?»—сказалъ Редереръ Маріи-Антуанеттѣ.

Эти слова побудили короля покинуть Тюльери и отпра-

вится въ законодательное собраніе. 300 швейцарцевъ и 300 человѣкъ національной гвардіи сопровождали его. Пришлось пройти черезъ большую толпу, образовавшую около кавалерійской школы, въ которой засѣдало собраніе. [illegible] осыпали проклятіями и [illegible]. Собраніе послало ему депутацію навстрѣчу. Войдя въ залу засѣданій, онъ сказалъ: «Я пришелъ сюда, чтобы предупредить великое преступленіе; я думаю, что нигдѣ не могу быть въ такой безопасности, какъ среди васъ».

Верньо, предсѣдательствовавшій въ собраніи, уклончиво отвѣтилъ, что собраніе [illegible] защищать права народа и установленную власть; собственно говоря, онъ могъ бы сказать королю, что народныя массы потому направлялись ко дворцу, чтобы предупредить новое преступленіе, именно государственный переворотъ, задуманный въ союзѣ съ иностранными державами.

Король сѣлъ рядомъ съ предсѣдателемъ. Но тутъ напомнили о томъ пунктѣ конституціи, по которому работа собранія не должна происходить въ присутствіи короля. Въ виду этого, король со своимъ семействомъ долженъ былъ удалиться въ ложу секретаря, [illegible]. Оттуда онъ наблюдалъ за ходомъ событій; здѣсь онъ слышалъ, какъ депутаціи требовали отъ собранія его низложенія. Марія-Антуанета, которой нельзя отказать въ присутствіи духа и умѣньи владѣть собой, сохранила гордый и надменный видъ даже въ тотъ моментъ, когда сталъ слышенъ пушечный и ружейный огонь у Тюильри. Король попросилъ ѣсть, онъ невозмутимо [illegible] и уписывалъ курицу въ то время, когда корона [illegible] съ его головы.

Между тѣмъ, вооруженный народъ проникъ въ замокъ и заполнилъ тюильрійскій дворъ. Швейцарцы стояли неподвижно и, повидимому, не хотѣли первые открывать битву. Первоначально обѣ стороны переругивались, и можно было думать, что дѣло обойдется мирно; кромѣ того, и швейцарцы могли бы понять, что послѣ бѣгства короля защита дворца безцѣльна. Но перебранка, [illegible], становилась все серьезнѣе. До сихъ поръ неизвѣстно, кто первый открылъ враждебныя дѣйствія. Обѣ стороны были на очень близкомъ разстояніи другъ отъ друга; швейцарцы дали убійственный залпъ, положившій большое количество [illegible]. [illegible], пришли [illegible] въ первый моментъ [illegible] свое оружіе. Швейцарцы завладѣли орудіями и выстрѣлили изъ нихъ въ народъ. Картечь

уложила множество людей: двери покрылись трупами, и кровь потекла потоками. Хладнокровный и мужественный Вестерманъ въ этотъ день спасъ народу его свободу. Онъ собралъ [illegible] и направился къ замку: толпы [illegible], осыпая ихъ градомъ ружейныхъ и орудiйныхъ пуль. Главная лѣстница замка была скоро [illegible], и бой продолжался въ коридорахъ и залахъ Тюльери. Король приказалъ теперь швейцарцамъ прекратить бой, но не такъ-то легко было успокоить распаленную ярость, и почти всѣ швейцарцы пали подъ ударами озлобленнаго народа, [illegible] дворца Тюльери. Дворяне и придворные лица тоже стали жертвою разбушевавшагося народнаго гнѣва.

Но женщинъ не тронули. Хотѣли было убить нѣсколькихъ придворныхъ дамъ, но тутъ кто-то крикнулъ: «*Не позорьте нашего народа. Пощадите женщинъ*». — И тѣ дамы, которыя принимали такое живое участiе въ заговорѣ двора, остались живы. Народъ [illegible] проникъ въ комнаты и всюду уничтожалъ эмблемы монархической власти Бурбоновъ. Можетъ быть, при этомъ и погибло много произведенiй искусства, но никто ничего не грабилъ. Народъ боролся, а не грабилъ, [illegible] великихъ народныхъ движенiй. Нѣкоторые [illegible] было красть, но ихъ тутъ же [illegible] свидѣтельствовали объ ихъ преступленiи. Народъ справедливо не хотѣлъ, чтобы его позорили [illegible].

Много изъ [illegible] было передано собранiю и общинному совѣту.

Во все время боя собранiе находилось въ сильномъ возбужденiи. [illegible] Когда ружейный и орудiйный огонь [illegible] участники боя, [illegible] въ собранiе, чтобы [illegible].

Собранiе не знало, что дѣлать; [illegible] объявленiе, [illegible] народа, [illegible]

наго совѣта явились въ собраніе, придавъ себѣ очень грозный видъ; передъ ней несли знамя съ надписью: «Отечество! Свобода! Равенство!» Общинный совѣтъ потребовалъ низложенія короля и [illegible] такимъ тономъ, который [illegible] стиховъ. Послѣ [illegible], и все [illegible] жило на требованіе общиннаго совѣта.

Трусливые, двуличные и нерѣшительные жирондисты охотно предпочли бы уклониться отъ рѣшенія этого вопроса, но [illegible] припирали къ стѣнѣ. [illegible], что собраніе [illegible] или пасть съ королемъ, или низвергнуть его. Оно предпочло послѣднее. Вслѣдствіе этого, оно тогда предложило отрѣшить короля отъ должности, пріостановить выдачи по цивильному листу, а наслѣдному принцу дать воспитателя. Предложеніе это было принято; кромѣ того, было рѣшено созвать національный конвентъ. Королевская семья была отдана подъ охрану общиннаго совѣта и содержалась въ [illegible] башнѣ тампліеровъ — [illegible] громадномъ зданіи, [illegible] тампліеровъ, которые когда-то пали жертвой преслѣдованій Бурбоновъ. На этомъ зданіи остановились потому, что оно было изолировано и здѣсь легче всего было [illegible] освобожденія или бѣгству короля.

Когда король узналъ о своемъ низложеніи, онъ сказалъ нѣкоторымъ членамъ собранія: «То, что вы сейчасъ сдѣлали, *не совсѣмъ согласно съ конституціей*». Пришествіе пруссаковъ и австрійцевъ еще менѣе согласно было съ конституціей.

Низверженіе королевской власти, на которое собраніе само не рѣшилось, стоило народу многихъ жертвъ. Цифра погибшихъ возставшихъ колеблется между 1.000 и 3.000. Вѣрнѣе цифра, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, будетъ средней. Со стороны швейцарцевъ пало 700 человѣкъ; кромѣ того, пало много солдатъ-роялистовъ изъ національной гвардіи, много дворянъ, находившихся въ Тюльери для защиты короля. Озлобленный народъ убилъ еще въ тотъ день Клермонъ-Тоннера, извѣстнаго аристократа-конституціоналиста перваго собранія; также палъ въ этотъ день извѣстный писатель Сюло, которому теперь отомстила [illegible] нѣкогда подъ именемъ Теруань де-Мерикуръ. Теруань принимала участіе въ бою, и [illegible] карьеру; она была сторонницей жирондистовъ и, немного спустя, подверглась за это нападенію со стороны какихъ-то женщинъ изъ народа, сорвавшихъ съ нея платье. Послѣ этого случая

на [illegible], и безъ [illegible], что она была недостаточной [illegible]. Еще четверть [illegible] Саль-[illegible] утверждалъ, что [illegible] 1793 годъ.

[illegible] Кутону, одно изъ трогательнѣйшихъ [illegible] революціи, [illegible] письмо, въ которомъ [illegible], что переживали въ эти бурные дни самые демократическіе вожди; изъ него можно видѣть, какъ [illegible] противъ [illegible] собранія. Но народъ и на [illegible] разъ сумѣлъ [illegible].

Рабочіе удалились обратно въ предмѣстья, предоставивъ [illegible] и [illegible] покончить съ [illegible] процессомъ. Народъ предмѣстій [illegible] высшее [illegible] то, что [illegible] исключительно; пока же рабочіе были довольны и тѣмъ, что имъ не нужно умирать [illegible]. Они требовали [illegible] республики, и [illegible] борьбу съ жирон-дистами, которые [illegible] республики мелкобуржуазной. Вотъ почему рабочіе предмѣстій [illegible] немедленно, какъ только [illegible]. Мы увидимъ, какъ эти рабочіе голодали и въ то же время [illegible] общественными [illegible]. Этотъ періодъ [illegible] рабочихъ — одинъ изъ наиболѣе интересныхъ эпизодовъ Французской революціи.

[illegible] государственный переворотъ.

Ни одинъ департаментъ не воспротивился низверженію Людовика XVI. Хотя въ арміи, стоявшей на границѣ, было немало [illegible] и преданныхъ двору людей; они предпочли бы скорѣй видѣть Парижъ во власти иностранцевъ, чѣмъ во власти демократіи. Но [illegible] склонило всѣ [illegible] къ тому, чтобы признать [illegible] въ Парижѣ [illegible] и подчиниться новымъ [illegible]. [illegible] Дюмурье, Кюстинъ, Келлерманъ, Биронъ. Только [illegible] не [illegible] въ виду у не-[illegible] 30 000 чело-вѣкъ. Онъ [illegible] комиссаровъ, которыхъ [illegible], чтобы потребовать отъ

него [illegible] событій. [illegible] Лафайетъ [illegible] армію къ [illegible] и готовился выступить противъ Парижа, на который въ это же время выступали прусскія и австрійскія войска.

Законодательное собраніе выпустило обвинительный декретъ противъ [illegible] вспыхнувшее [illegible] возстаніе, и армія отшатнулась отъ Лафайета. Онъ понялъ, что проигралъ игру. Вмѣстѣ съ Латуръ-Мобуромъ, Ламетомъ и нѣсколькими другими изъ своихъ друзей онъ хотѣлъ бѣжать въ Голландію, но попалъ въ руки австрійцевъ, которые обращались съ этимъ человѣкомъ, [illegible] не иначе, какъ съ революціонеромъ. Его содержали въ тюрьмѣ [illegible] и только послѣ заключенія мира въ Кампо-Форміо въ 1797 году онъ былъ освобожденъ.

Такимъ-то образомъ пришлось Лафайету сойти со сцены Французской революціи для того, чтобы черезъ [illegible] лѣтъ сыграть не менѣе [illegible] роль. [illegible] перешло къ Дюмурье, который проявилъ во время этого острого кризиса [illegible] способности.

Съ 10-го августа въ Парижѣ появилась новая власть. На мѣсто низложеннаго короля законодательное собраніе хотѣло поставить себя въ качествѣ исполнительной власти. Оно отстранило отъ должности министровъ и назначило новое правительство [illegible] исполнительнаго совѣта. Министры, уволенные королемъ въ отставку, были вновь призваны къ власти: Роланъ получилъ министерство внутреннихъ дѣлъ, Клавьеръ — министерство финансовъ, а Серванъ — военное. Министерство иностранныхъ дѣлъ досталось [illegible] — Лебрену, морское — Монжу, которому [illegible] математическія познанія. Однако, жирондисты не могли [illegible] 10-го августа, поэтому Дантонъ [illegible] министерство юстиціи. [illegible] опредѣлилось [illegible] [illegible]

той ужасной, ни передъ чѣмъ не останавливающейся энергіи, которую самъ [illegible]. За время съ 10-го августа до открытія національнаго конвента онъ стоялъ во главѣ Франціи: этотъ періодъ Французской революціи носитъ его имя. Его кратковременная, могучая и грозная диктатура открыла новый періодъ—періодъ борьбы Французской республики съ феодально-монархической Европой. Какъ бы ни судить о средствахъ Дантона,—его необузданной и прямолинейной политикѣ нельзя отказать въ значеніи.

Изъ тѣхъ людей, которые [illegible] должны были выступить какъ представители власти во Франціи, многіе состояли въ муниципалитетѣ, куда они проникли благодаря помощи и поддержкѣ Дантона. [illegible] тѣхъ, которые [illegible] хотѣли [illegible] Дантона [illegible], [illegible] съ ужасомъ смотрѣли на его рѣшительныя и прямолинейныя мѣры. [illegible] въ ночь съ 9-го на 10-е августа [illegible] у своихъ представителей въ муниципалитетѣ [illegible] монархическаго [illegible]. Петіонъ остался мэромъ, а Манюэль—прокуроромъ Коммуны. Начальствованіе надъ національной гвардіей получилъ Сантерръ. Въ общинномъ совѣтѣ можно было найти Робеспьера, который [illegible]; [illegible], что [illegible] августа [illegible]. Онъ не могъ [illegible]. Дантонъ [illegible] диктатуры въ то время, когда [illegible] уже государственнымъ дѣятелемъ. Кромѣ того, въ общинномъ совѣтѣ засѣдали: Камиллъ Демуленъ, Луи Тальенъ, молодой экзальтированный журналистъ, поэтъ Жозефъ Шенье, авторъ знаменитой «Chant du départ», Билло-Варенъ, [illegible] и [illegible] [illegible], [illegible] артистъ Колло д'Эрбуа, [illegible], [illegible] публицистъ и поэтъ Фабръ д'Эглантинъ, другъ Дантона. На мѣсто Дантона товарищемъ прокурора былъ избранъ Шометтъ. [illegible] и [illegible] [illegible] руководителей коммуны.

Этотъ общинный совѣтъ [illegible], потому что [illegible] Дантонъ [illegible] въ кабинетѣ министровъ. Такимъ образомъ, [illegible]

[illegible]ный [illegible], во главѣ котораго фактически стоялъ Дантонъ.

Маратъ тоже выступилъ теперь на сцену. Его [illegible] [illegible]. Онъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] 10-го августа [illegible] [illegible] [illegible]. Маратъ не былъ по праву членомъ коммуны; онъ былъ только [illegible] той партіи, которая [illegible] [illegible]. Вліяніе его на коммуну было очень велико, и она предоставила ему почетную трибуну въ залѣ ея засѣданій. Воспоминанія о тѣхъ преслѣдованіяхъ, которымъ подвергался Маратъ, побудили коммуну уничтожить [illegible] типографій, въ которыхъ печатались роялистскія газеты; остальныя типографіи были предоставлены въ распоряженіе Марата.

Законодательное собраніе объявило теперь дѣйствительными тѣ свои декреты, противъ которыхъ Людовикъ XVI [illegible] своимъ veto: декреты противъ эмигрантовъ, которыми конфисковалось имущество послѣднихъ, и сами они [illegible] къ смерти, декретъ противъ священниковъ, уклонявшихся отъ присяги, и декретъ о лагерѣ [illegible]. Затѣмъ собраніе [illegible] [illegible] и комиссаровъ въ армію и провинціи. Послѣдніе должны были [illegible] [illegible] [illegible], привести всѣхъ къ присягѣ на вѣрность свободѣ и равенству и съ помощью народа [illegible] [illegible] чиновниковъ.

Но эти мѣры показались коммунѣ недостаточными. Она видѣла, что [illegible] низвергнутаго двора тѣмъ [illegible] [illegible], чѣмъ ближе пруссаки подходили къ Парижу. Слѣдовало [illegible] контръ-революціи и принять [illegible] мѣры.

Маратъ всегда былъ сторонникомъ диктатуры, потому что, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] противъ диктатуры, но [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] диктаторъ [illegible] [illegible] [illegible]. По мнѣнію Марата, республика [illegible] [illegible] до тѣхъ поръ, пока [illegible] [illegible] не обезврежены. Это мнѣніе [illegible] [illegible] тѣхъ, которые [illegible] выступили [illegible] его; теперь и Робеспьеръ былъ противъ этого [illegible], что Бриссо станетъ диктаторомъ. Дантонъ, [illegible] [illegible] [illegible] основаній [illegible]

17-го августа было постановлено учредить судъ [illegible] — трибуналъ 17-го августа. Судьи и присяжные были выбраны. Число судей было мало. Робеспьеръ былъ назначенъ предсѣдателемъ трибунала, но онъ уклонился отъ этого. Судьи были [illegible] трудъ [illegible] [illegible], и это очень сердило Марата; онъ сильно нападалъ по этому поводу на медлительность и [illegible] и требовалъ тогда уже тѣхъ мѣръ, къ которымъ прибѣгли только въ сентябрѣ.

Орудіемъ казни трибунала была гильотина. Эта машина, сыгравшая столь ужасную роль во время Французской революціи, была будто бы изобрѣтена врачемъ Гильотеномъ, входившимъ въ число членовъ перваго національнаго собранія. Въ дѣйствительности же, гильотина встрѣчается уже въ древности у персовъ, а въ средніе вѣка въ Шотландіи, Голландіи, Богеміи и Италіи. Еще первое національное собраніе 1789 года рѣшило, чтобы смертная казнь выполнялась обезглавливаніемъ, [illegible] «Луизонъ» или «Луизетта», по имени д-ра Луи, [illegible] въ пользу этой машины.

Трибуналъ 17-го августа осудилъ [illegible] опредѣленныхъ лицъ, между прочимъ, [illegible] Дангремона и интенданта цивильнаго листа, Лапорта. Они были казнены гильотиной.

Возбужденный народъ не удовлетворился этими мѣрами. Мягкость приговоровъ 10-го августа [illegible] мѣсто, а приближеніе пруссаковъ имѣло своимъ слѣдствіемъ то, что населеніе не выносило [illegible] [illegible] возбужденія.

Возникъ проектъ [illegible] все населеніе и послать его противъ пруссаковъ, но это [illegible] лишить Парижъ и другіе города дѣятельныхъ сторонниковъ революціи. Опасались, что при такомъ положеніи дѣлъ аристократы и роялисты поднимутъ возстаніе, и революція окажется между двумя огнями.

Созывается совѣтъ, въ которомъ приняли участіе коммуна, Дантонъ, Маратъ, Петіонъ, Манюэль. Имъ пришлось въ виду [illegible] государственный переворотъ, такъ какъ учредительнымъ собраніемъ трибуналъ дѣйствовалъ [illegible], чѣмъ этого ожидали.

[illegible], однако, было притти къ соглашенію относительно того, какъ произвести этотъ самый переворотъ. Ро

[illegible] отъ [illegible] философскія идеи, свидѣтель-
ствуютъ о [illegible].

23-го августа пруссаки взяли крѣпость Лонгви и двинулись на Верденъ. Паденіе Вердена открыло бы имъ безпрепятственный путь въ Парижъ. Извѣстіе объ этомъ вызвало страшное волненіе въ Парижѣ. Кличъ «долой роялистовъ!» пронесся по улицамъ. Народныя массы ждали отъ коммуны и Дантона [illegible], а [illegible].

Съ [illegible] энергіей Парижъ приступилъ къ организаціи добровольцевъ, которые въ количествѣ 40,000 человѣкъ предназначены были на подкрѣпленіе отряда Дюмурье. Дантонъ [illegible] въ этомъ направленіи, [illegible] противъ роялистовъ. 2-го августа собраніе обновило [illegible] свой декретъ противъ священниковъ, уклонившихся отъ присяги; [illegible]. Наблюдательный комитетъ [illegible] въ тюрьмахъ Аббатства, Кармелитовъ и С.-Фирменъ. За время съ 29-го до 31 августа наблюдательный комитетъ [illegible] Парижѣ и въ результатѣ всѣ тюрьмы оказались переполненными роялистами. Кромѣ упомянутыхъ тюремъ, плѣнники помѣщались еще въ слѣдующихъ [illegible]: Ла-Форсъ, Шатле, Консьержери, Бисетръ, Сальпетріеръ и Бернардинскомъ монастырѣ.

Перепуганное собраніе хотѣло [illegible] противъ [illegible], но [illegible] для того, чтобы [illegible] Дантонъ [illegible] по этому поводу [illegible] собранія слѣдующее: «Среди всѣхъ предложенныхъ [illegible] ни одной рѣшительной. [illegible] внутреннихъ [illegible] другъ [illegible]; роялистская директорія въ Парижѣ [illegible] прусской арміей, и для того, чтобы [illegible] существуетъ одно только средство, [illegible] на роялистовъ».

[illegible]. Но опасность была достаточна велика: во [illegible] сельское населеніе, подстрекаемое священниками [illegible], совершило уже кровавыя

[illegible]

Перваго сентября [illegible]

[illegible]

Но два часа [illegible] народный судъ [illegible]

[illegible]

[illegible] Прежде всего [illegible]

[illegible]

[illegible] занимаемо въ Форсѣ и [illegible] Консьержери! Мальяръ такъ устроилъ для того, чтобы избавить себя и заключенныхъ отъ тяжелыхъ и мучительныхъ сценъ. У дверей приговоренныхъ встрѣчали пики и сабли нѣсколькихъ [illegible], которые занимались этимъ дѣломъ изъ-за [illegible] и получали за это денежную поденную плату отъ коммуны. Въ другихъ тюрьмахъ дѣло происходило не такимъ же порядкомъ. Бойня продолжалась нѣсколько дней и закончилась 6 сентября; легко понять, что такой ужасный народный судъ проявилъ много жестокостей и грубости. Въ Бисетрѣ, напр., въ толпу заключенныхъ стрѣляли картечью. Когда же одинъ сказалъ, что слѣдовало бы тщательнѣе отдѣлять виновныхъ отъ невинныхъ, то получилъ въ отвѣтъ: «А когда пруссаки вступятъ въ Парижъ и согласно своему манифесту будутъ уничтожать городъ, то они тоже будутъ разбирать, гдѣ виновные и невинные?» Но и въ этой кровавой драмѣ выступили и великодушныя, и кроткія черты народнаго характера. Маратъ въ своей газетѣ разсказываетъ, что когда онъ въ наблюдательномъ комитетѣ узналъ о бойнѣ въ аббатствѣ, то онъ вмѣстѣ съ Пани «какъ бы по вдохновенію» воскликнули: «Давайте спасать мелкихъ преступниковъ, бѣдныхъ должниковъ, заключенныхъ за драку!». Но его предусмотрительность оказалась излишней, потому что списки, имѣвшіеся въ рукахъ народныхъ судей, были тщательно просматриваемы и исключали возможность ошибокъ. «Если бы, говоритъ Маратъ, дворъ побѣдилъ 10-го августа, онъ не былъ бы такъ предусмотрителенъ».

Зданіе, въ которомъ содержалась королевская семья, находилось подъ охраной муниципальныхъ служащихъ, и на него даже не было произведено нападенія.

Полагаютъ, что число роялистовъ, погибшихъ во время этого дикаго народнаго суда, равно до двухъ тысячъ, но точно число ихъ установить невозможно. Роялисты говорили, что было даже нѣсколько тысячъ, но это, очевидно, преувеличено. Среди убитыхъ была и княгиня де-Ламбаль, которую народъ ненавидѣлъ, какъ интимную подругу королевы. Ее хотѣли спасти подъ тѣмъ условіемъ, чтобы она клятвенно отреклась отъ своей привязанности къ королю и королевѣ. Но она была настолько горда, что уклонилась отъ этого и пала подъ пиками и саблями разсвирѣпѣвшаго народа. Голову ея воткнули на пику и пронесли мимо Temple, гдѣ находились

король и королева. Варвары, всюду и всегда вспоминающіе го-ловы [illegible], учинили надъ ея головой самыя грубыя, отвратительныя вещи. Бывшій министръ Монморенъ тоже былъ убитъ. Въ Версали было убито большее число заключенныхъ, которые должны были быть отправлены въ Орлеанскій судъ; сопровождавшая ихъ національная гвардія не помѣшала этому, и среди нихъ были убиты бывшій министръ Делессаръ и герцогъ де-Бриссакъ. Такія расправы происходили еще въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

Какъ только въ тюрьмахъ начался народный судъ, Робеспьеръ вмѣстѣ съ Петіономъ и Бриссо отправились опечаленные къ Дантону. Робеспьеръ требовалъ, чтобы Дантонъ вмѣшался. Но послѣдній холодно отвѣтилъ: «Пусть гибнетъ моя репутація, лишь бы Франція была спасена».

Третьяго сентября у Дантона собрались всѣ министры, за исключеніемъ Ролана, секретари собранія: Петіонъ, Робеспьеръ, Демуленъ, Фабръ д'Эглантинъ, Манюэль и много комиссаровъ секцій. Совѣщаніе было посвящено тому, какъ прогнать пруссаковъ и спасти Парижъ. Тогда жирондисты еще сочувствовали государственному перевороту и народному суду: Луве въ своей газетѣ «La Sentinelle» рѣшительно одобрялъ генеральный совѣтъ коммуны, спасшій отечество. Только впослѣдствіи жирондисты воспользовались этимъ государственнымъ переворотомъ для того, чтобы напасть на Марата, Робеспьера и Дантона, обостривъ тѣмъ до крайности взаимное озлобленіе партій.

Наблюдательный комитетъ обратился къ коммунамъ департаментовъ съ циркуляромъ такого содержанія: «Коммуна Парижа увѣдомляетъ, что пруссаки наступаютъ на Парижъ; поспѣшите извѣстить вашихъ братьевъ во всѣхъ департаментахъ, что часть свирѣпыхъ заговорщиковъ, заключенныхъ въ тюрьмахъ, умерщвлена народомъ. Этотъ актъ справедливости оказался неизбѣжнымъ и необходимымъ, чтобы страхомъ обуздать тѣ легіоны измѣнниковъ, которые остаются въ Парижѣ въ то время, когда народъ будетъ сражаться съ непріятелемъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что послѣ того, какъ цѣлый рядъ предательствъ привелъ страну на край бездны, народъ поспѣшитъ съ примѣненіемъ этой необходимой для общественнаго благосостоянія мѣры; не подлежитъ сомнѣнію, что вмѣстѣ съ парижанами всѣ французы скажутъ: «Мы выступаемъ противъ врага

крѣпости Верденъ сдѣлалось, чтобы побудить ее къ капи-туляціи.

Путь на Парижъ былъ открытъ, и опасность для этого центра революціи поднялась до крайности. Но, по-видимому, какъ въ сентябрьскіе дни столица нашла [illegible] внутреннимъ врагамъ, такъ и теперь нашла она средства для отраженія непріятельскаго вторженія извнѣ. Дюмурье, при-нявшій командованіе войсками Лафайета послѣ бѣгства послѣдняго, стоялъ далеко на сѣверѣ; всѣ боялись, что гер-цогу Брауншвейгскому удастся перейти Аргонскіе проходы, прежде чѣмъ Дюмурье успѣетъ стать между Парижемъ и пруссаками. Но Карлъ-Вильгельмъ-Фердинандъ Брауншвейгскій былъ нерѣши-тельный и медлительный стратегъ — вообще онъ продвигался впередъ такъ медленно, что Дюмурье форсированными мар-шами удалось предупредить то, [illegible] занять проходы [illegible] черезъ лѣса. Французскій ге-нералъ [illegible] уже [illegible] и писалъ военному министру Сервану: «[illegible], [illegible] *Проходы черезъ Аргонны — это Ѳермопилы Франціи, но я буду счастливѣе Леонида*».

Однако достигнутыя такимъ образомъ выгодныя [illegible] [illegible] Дюмурье [illegible] Келлерманъ со своими австрійскими и эмигрантскими [illegible] черезъ Аргонны. Такимъ образомъ, путь на Парижъ [illegible] Дюмурье и былъ [illegible] пруссакамъ не [illegible] дойти до Парижа. Дюмурье въ полной боевой готовности стоялъ у Сентъ-Менегульда. Теперь онъ былъ бы вынужденъ принять бой. Но герцогъ Брауншвейгскій уклонился отъ боя, и это было очень пріятно Дюмурье, которому [illegible] [illegible] стоять [illegible] [illegible]. Дюмурье хотѣлъ только остановить наступленіе пруссаковъ и [illegible] до [illegible] въ Шампани. Онъ предвидѣлъ, [illegible] превратится въ [illegible] [illegible] непривычнымъ къ этому климату. Въ то же время онъ началъ переговоры, обѣщая пруссакамъ [illegible] королевской власти. [illegible] но пока что ему важно было выиграть время.

Пруссаки, чтобы не терять напрасно времени, рѣшили между тѣмъ не ожидать [illegible] Дюмурье, стоявшій [illegible]

Вальми подъ начальствомъ генерала Келлермана. Келлерманъ занялъ высоты Вальми, и пруссаки подвергли его тамъ дѣйствію сильнаго орудійнаго огня. Французская артиллерія отвѣчала съ такой же силой, а герцогъ Брауншвейгскій, не надѣясь поколебать при громѣ пушечной стрѣльбы, рѣшилъ самъ штурмовать высоты Вальми. Келлерманъ, убѣдившись, что пруссаки наступаютъ, построилъ свою пѣхоту плотными колоннами и отдалъ приказаніе остановить огонь, подпустить врага и ударить въ штыки. Надѣвъ свою шляпу на шпагу, онъ закричалъ громкимъ голосомъ: «Да здравствуетъ нація!» Эти слова пришлись кстати; они были подхвачены воодушевленными энтузіазмомъ республиканцами и дружно прокатились по рядамъ французской арміи.

Прусскіе гренадеры, видя это же, остановились въ нерѣшимости и энергично отвѣтили на наступленіе противника. Затѣмъ канонада началась съ новой силой. «Въ пушки стрѣляли такъ, какъ будто это была играющая канонада»,—говоритъ находившійся при прусской арміи Гёте. Подъ прикрытіемъ своей артиллеріи пруссаки наступали. Прусская граната ударила въ это время во французскій зарядный ящикъ и взорвала его на воздухъ: это нарушило немного боевой порядокъ французскихъ рядовъ, и въ этотъ моментъ, когда Клерфэ со своими австрійцами началъ атаку. Но привыкшіе уже къ огню французы быстро оправились и выдержали натискъ. Канонада продолжалась еще до вечера. И съ той и съ другой стороны было выпущено до 1.000 снарядовъ. Французы потеряли около 700 человѣкъ, пруссаки и австрійцы—относительными потерями больше.

Сама по себѣ канонада при Вальми не имѣла значенія, но послѣдствія ея были неисчислимы. Здѣсь подъ огнемъ непріятельскихъ орудій республика получила боевое крещеніе. Молодые солдаты республиканской Франціи оказали неожиданное сопротивленіе, доселѣ непривычные къ войнѣ и ея ужасамъ. Могучій кличъ—«Да здравствуетъ нація!»—былъ вдохновеніемъ ихъ воодушевленія и презрѣнія къ смерти. Канонада при Вальми имѣла для Франціи такое же значеніе, какъ побѣдоносная битва.

Война остановилась на тѣхъ же позиціяхъ; Дюмурье продолжалъ свои переговоры, и, наконецъ, пруссаки подверглись всѣмъ невзгодамъ зимы въ негостепріимной Шампани. Заразныя

[illegible] стали [illegible] 10 [illegible] при [illegible] ріс [illegible] Рейну, а Юсеф [illegible] день [illegible] на [illegible].

[illegible]

[illegible] Гете [illegible]

[illegible]

Національний Конвентъ,

[illegible]

[illegible]

[illegible] чтобы [illegible] Франціи [illegible]
и [illegible]
[illegible] чувств[illegible] [illegible]
[illegible] соціализмъ — [illegible]
же будутъ [illegible]
[illegible] не [illegible] для [illegible]
славы, для [illegible]! [illegible]
передовыхъ [illegible]
не [illegible]
[illegible] конституціи, [illegible]
[illegible]
[illegible]
свободы. [illegible]
избрали депутатовъ въ [illegible]. [illegible] и [illegible]
[illegible] секцій!

Но это [illegible] постановленіе о томъ, чтобы [illegible], [illegible] лись [illegible].

Парижъ [illegible] въ [illegible]
[illegible]
[illegible]
соединившихся [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] Франціи [illegible]
нужды [illegible], [illegible]
передъ хлѣботорговцами и [illegible],
чтобы получить кусокъ [illegible].
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
въ Конвентъ.

Парижъ искалъ своихъ представителей [illegible] исключительно въ рядахъ крайней демократіи и избралъ въ Конвентъ [illegible] людей, на которыхъ съ [illegible]

[illegible] отвѣтственность за государственный переворотъ 2-го сентября. Такимъ образомъ, Парижъ еще разъ одобрилъ [illegible] энергичныя мѣры, которыя были приняты противъ реакціи.

Больше всего голосовъ въ Парижѣ получилъ Робеспьеръ, и съ этого момента онъ сталъ играть крупную роль, какъ государственный дѣятель. За нимъ слѣдовалъ Дантонъ, сложившій съ себя званіе министра, чтобы попасть въ Конвентъ. Онъ понималъ, что будущее правительство будетъ имѣть своимъ центромъ Конвентъ. Парижское населеніе выбрало и Марата. Такимъ образомъ, эти три вождя демократіи засѣдали въ Конвентѣ въ качествѣ представителей столицы. Кромѣ нихъ, въ Парижѣ были выбраны: журналистъ Дюсо, котораго Маратъ называлъ безпредѣльнымъ старымъ болтуномъ, затѣмъ Фабръ д'Эглантинъ, другъ Дантона, Билло-Варреннъ, ставшій потомъ, благодаря своимъ способностямъ и энергіи, членомъ правительства, Колло д'Эрбуа, котораго ждала судьба Билло, Камилль Демуленъ, Осселенъ; кромѣ того, были выбраны Серженъ и Пани, члены наблюдательнаго комитета коммуны, [illegible] и знаменитый живописецъ Давидъ, бывшій въ то время ярымъ якобинцемъ. Меньше всего голосовъ изъ всѣхъ парижскихъ депутатовъ получилъ герцогъ Орлеанскій. Этотъ удивительный принцъ старался усыпить недовѣріе народа къ нему своимъ экзальтированнымъ поведеніемъ и далъ себѣ [illegible] имя «Эгалите» («Равенство»). Каковы были его истинныя намѣренія — неизвѣстно. Друзья его смотрѣли на него, какъ на искренняго республиканца, враги же его утверждали, что онъ [illegible] и ждетъ только благопріятнаго момента, чтобы стать королемъ. [illegible] «Эгалите», конечно, старался показать себя республиканцемъ, чтобы [illegible]. Сынъ его [illegible] старался льстить [illegible] грубымъ образомъ народу. Революція пощадила его, и спустя тридцать семь лѣтъ онъ, [illegible] вмѣстѣ съ генераломъ Дюмурье, [illegible] Франціи съ тѣмъ, чтобы потомъ быть снова свергнутымъ революціей.

Партіи.

Распредѣленіе [illegible] въ [illegible] вполнѣ соотвѣтствовало моменту, который Франція тогда переживала. [illegible] со- стоялъ [illegible] только [illegible] республиканцевъ, потому что и тѣ депутаты, которые въ душѣ относились къ республикѣ отрицательно, на эту эпоху революціи высказывались за ре- спублику.

Правую [illegible] самыя интересныя и [illegible] [illegible] партіи [illegible] Въ Конвентъ были избраны всѣ выдающіеся [illegible] этой партіи. Тутъ можно было видѣть лидера партіи Бриссо [illegible] оратора Верньо, Гаде и Жансонне, отличавшихся [illegible] сильнаго и [illegible] Бюзо, [illegible] что онъ любилъ госпожу Роланъ, и что любовь его была такъ же чиста, [illegible] и несчастна; къ нимъ же принадлежали: глубокій мыслитель Кондорсе, [illegible] Луве, Петіонъ, [illegible] чтобы попасть въ Конвентъ, [illegible] Грангенёвъ и Барбару. Многіе изъ этихъ выдающихся людей были республиканцами еще до 10-го августа; остальные перешли на сторону республиканцевъ подъ [illegible] событій. У всѣхъ [illegible] представленія о народѣ, и они обыкновенно украшали свои рѣчи тирадами, [illegible] его добродѣтели. Но когда имъ приходилось [illegible] съ народомъ [illegible] когда они увидѣли его [illegible] буржуазное [illegible] Они хотѣли [illegible] народъ [illegible] Республика была для нихъ только пустой фразой. Они [illegible] республику на началахъ [illegible] уваженія [illegible] конституцію 1791 года [illegible] если [illegible] власть. Въ Парижѣ [illegible] считали преобладающимъ [illegible] среди [illegible] города, но въ западной и южной Франціи у нихъ нашлось много сторонниковъ. [illegible] августа они [illegible] съ [illegible] массой, они [illegible] съ народомъ [illegible] являлся пушечнымъ мясомъ для батарей монархіи. Они [illegible]

били, что весь трудовой народъ, разъ пробужденный къ сильное движеніе, [illegible] сразу успокоится. [illegible] народъ [illegible] представляютъ. [illegible] Франціи [illegible] ослабили ея силу [illegible] врагу. Они [illegible] какъ [illegible] первый [illegible] кото-рый [illegible] престолъ.

Между тѣмъ [illegible]; она назы-валась также [illegible] потому что [illegible]; подъ этимъ [illegible] партія [illegible] исторіи. Эта партія хотѣла установленія демократической республики, въ которой [illegible] свобода и равенство для всего народа. Она [illegible] не была [illegible], что и не удивительно при [illegible]. Она [illegible] если это [illegible] для того, чтобы спасти Францію [illegible] и защитить все то, что было [illegible] революціей. [illegible] путь къ свободѣ [illegible] угрожала ей [illegible] борьбѣ, которую ей [illegible] доступъ къ свободѣ и равенству. Она [illegible] генераловъ [illegible] французскій народъ на борьбу съ [illegible] врагами. [illegible] тру-дами этой партіи [illegible] во всемірной исторіи. Въ самомъ дѣлѣ, несмотря на массу работы, [illegible] Франціи, она [illegible] конституцію и цѣлый рядъ [illegible] учрежденій, [illegible] народъ могъ [illegible] демократи-ческаго строя. [illegible] народу

другихъ—противъ него. Въ центрѣ сидѣлъ, между прочимъ, Сійесъ, не проронившій ни одного слова въ теченіе [illegible] лѣтъ; тамъ же пріютился Баррасъ, [illegible] чтобы забрать власть въ свои руки; сидѣли тамъ [illegible] и Томасъ Пэнъ. Пэнъ прославился во время [illegible] Сѣверной Америки, и [illegible] французы дали [illegible] гражданства. Депутаты центра, [illegible] слабыми [illegible], трусливо [illegible] бурные періоды засѣданій конвента и старались, [illegible] такъ и съ правой партіей. [illegible] тогенами. Послѣ паденія системы террора они стали выразителями и приспѣшниками реакціи.

Таковъ былъ составъ конвента, когда онъ [illegible] сентября 1792 года [illegible] собрался въ Тюльери, чтобы взять въ свои руки бразды правленія республикой.

Борьба Горы съ Жирондой.

Жиронда [illegible] такъ какъ ея первый предсѣдатель Петіонъ и всѣ секретари были жирондистами. Прежде всего рѣшено было [illegible] конституцію, которую народъ долженъ былъ утвердить [illegible] собраніяхъ. Всѣ старые [illegible] законы должны были [illegible] въ силѣ впредь до ихъ отмѣны, [illegible] должны были [illegible] впредь до ихъ уничтоженія. Всѣ эти рѣшенія [illegible] соотвѣтствовали духу [illegible]. Но вотъ поднялся Коллю д'Эрбуа и [illegible] уничтоженіи королевской власти, и, [illegible] того, какъ [illegible] Грегуаръ положилъ [illegible] фразой: «Исторія королей [illegible] страданій народовъ», это предложеніе было [illegible] конвентомъ. Это рѣшеніе [illegible] новой эры во Франціи, хотя оно только [illegible] въ дѣйствительности совершившійся уже [illegible].

На слѣдующій день, по предложенію [illegible] было введено новое лѣтосчисленіе. [illegible] сентября 1792 года считалось [illegible] Кромѣ того, вмѣсто [illegible] было [illegible]

[illegible]

Жирондисты [illegible] Лассурсъ [illegible] Дантону и Робеспьеру [illegible] Лассурсъ говорилъ о [illegible] народу [illegible] диктатуры.

Жирондисты апплодировали этой рѣчи, а Гора страшно возмутилась ею.

—Кто изъ Жирондистовъ [illegible] выбранныхъ [illegible]

—Самъ Робеспьеръ, [illegible] Робеспьеръ.

Робеспьеръ [illegible] Дантонъ [illegible] Робеспьеръ [illegible] Робеспьера [illegible] диктатуры [illegible]

Тогда на трибуну [illegible] Маратъ, [illegible] Жирондисты [illegible] диктатурѣ [illegible]

скія убійства. Робеспьеръ былъ очень близокъ къ стремленію къ диктатурѣ. Онъ воскликнулъ: «Кто осмѣлится открыто обвинить меня?» Тогда поднялся жирондистъ Луве и произнесъ длинную, полную упрековъ рѣчь, направленную противъ Горы и особенно противъ Робеспьера; въ этой своей рѣчи онъ собралъ всѣ возводившіяся на Гору обвиненія и заявилъ, что сентябрьскія убійства не свидѣтельствовали [illegible] народнаго суда, а были совершены небольшой кучкой наемныхъ убійцъ. [illegible] что для того, чтобы пробиться въ [illegible] *[illegible] силами, [illegible]* *собою.* Робеспьеръ потребовалъ, чтобы ему дали восьмидневный срокъ, въ теченіе котораго онъ могъ бы собрать матеріалъ для своего [illegible]. Онъ оправдывалъ себя очень искусно, и обвиненіе Луве, [illegible] фактъ было очень слабо, [illegible] пасть.

Такимъ образомъ, обѣ эти партіи стали въ такія враждебныя отношенія другъ къ другу, что уничтоженіе одной изъ нихъ казалось неизбѣжнымъ. Между тѣмъ, какъ жирондисты упрекали представителей партіи Горы въ сентябрьскихъ убійствахъ, Гора не безъ основанія [illegible] противъ жирондистовъ обвиненіе въ томъ, что они хотятъ разорвать Францію на враждебныя другъ другу части. Такъ какъ жирондисты всегда ссылались на департаменты, то ихъ стали обвинять въ федерализмѣ. Гора очень искусно сумѣла заставить конвентъ постановить, что *республика должна быть единой и нераздѣльной* и что каждый, кто желалъ бы раздробить Францію, долженъ быть подвергнутъ смертной казни.

Но личный характеръ борьбы Горы съ Жирондой представлялъ изъ себя только внѣшнюю сторону тѣхъ глубокихъ принципіальныхъ противорѣчій, которыя существовали между этими обѣими партіями. Жирондисты требовали свободы для *личности*, не желая въ то же время насильно нарушить тѣ отношенія, которыя установились между классами; [illegible] этой партіи принципъ можно назвать индивидуалистическимъ. Партія Горы, наоборотъ, требовала преобразованій для всего общества во имя свободы, равенства и братства. Эта противоположность принциповъ сдѣлала борьбу неизбѣжной, независимо отъ того, на какой почвѣ и по какимъ поводамъ эту борьбу приходилось вести.

[illegible] Оно подраздѣлилось на [illegible] были выбраны [illegible] комитеты и комиссіи. [illegible] комитетъ для охраны общественной безопасности, комитетъ для [illegible] отчетности, военный комитетъ, законодательный комитетъ, финансовый комитетъ и комитетъ для [illegible] конституціи. Въ этихъ комитетахъ [illegible], юристы, журналисты.

Битва при Жемаппѣ

Послѣ [illegible] Дюмурье [illegible] на сѣверъ, чтобы [illegible] вторженія въ Бельгію. Онъ [illegible], стоявшія на сѣверной границѣ, [illegible] Бельгіи. У Монса его поджидалъ принцъ Альбертъ Саксенъ-Тешенскій, [illegible] главнокомандующимъ австрійскими войсками, [illegible] до этого времени со своими войсками подъ городомъ Лиллемъ. Его жена Марія-Христина [illegible] для того, чтобы [illegible] одинъ изъ городовъ [illegible] и принцъ [illegible] обстрѣливалъ въ теченіе шести дней этотъ городъ. Было разрушено около 200 домовъ. [illegible], а [illegible] Конвентъ отправилъ въ городъ комиссаровъ, [illegible] съ его жителями [illegible] Получивъ извѣстіе о приближеніи генерала Дюмурье, принцъ прекратилъ [illegible] и бомбардировку и отступилъ на [illegible] укрѣпленныя позиціи. Дюмурье напалъ на него, и [illegible] 6-го ноября 1792 года произошла [illegible] битва при Жемаппѣ, въ которой австрійцы были разбиты [illegible].

Нападеніе французовъ на сильную позицію австрійцевъ было [illegible] Два раза [illegible] французы были отбиты. [illegible] Герцогъ Шартрскій, сынъ герцога Орлеанскаго, ставшій впослѣдствіи королемъ Франціи подъ именемъ Луи-Филиппа, собралъ [illegible] полки французскаго [illegible] крыла, образовав[illegible]

которыя [illegible] во Францію и [illegible]
найти въ [illegible]. У Шиллера [illegible]
и австрійскихъ войскъ [illegible]
полковника [illegible], который [illegible]
[illegible] при [illegible]
рѣчи; но эти рѣчи [illegible]
[illegible].

[illegible] дворъ [illegible] стремился подражать [illegible] французскимъ [illegible]. [illegible] желалъ свѣтскихъ и [illegible]. Понятно при этомъ [illegible] деспотомъ, [illegible]. Особенно [illegible] сельское населеніе, [illegible] и [illegible]. [illegible] весь этотъ феодальный строй [illegible] и бѣгать [illegible], горѣ [illegible].

Майнцъ [illegible], въ составъ которыхъ входили также Ашаффенбургъ и Эрфуртъ. Государство находилось въ [illegible]. Духовная [illegible] являлась, [illegible]. Государственныя [illegible]; политика правительства [illegible] метрессъ. Курфюрстъ Фридрихъ-Карлъ-Іосифъ фонъ Эрталь, бывшій [illegible] курфюрстомъ [illegible] и [illegible], приглашалъ въ [illegible] университетъ [illegible] профессоровъ [illegible] ученыхъ и [illegible] роль [illegible] искусствъ и наукъ, чтобы отвлечь вниманіе общества отъ [illegible] образа жизни. Большинство [illegible] ученыхъ принадлежало къ [illegible] иллюминатовъ и [illegible] сочувственно [illegible] принципамъ Французской революціи. Таковы были [illegible] Георгъ Форстеръ, а также профессоръ [illegible] Ведекиндъ, [illegible] Гофманъ и профессоръ [illegible].

Мѣстная буржуазія [illegible] двора и [illegible] Французской революціи.

При всемъ томъ, что [illegible] у Шиллера

приближается къ Майнцу, населеніемъ старой имперской крѣпости овладѣлъ паническій ужасъ. Курфюрстъ удалился изъ города со своимъ дворомъ и при этомъ не забылъ забрать изъ него прежде всего деньги, вовсе не принадлежавшія ему. Улицы были запружены бѣглецами, а Рейнъ [illegible]. Курфюрстскій министръ Альбини обратился съ прокламаціею, въ которой онъ призываетъ всѣхъ къ защитѣ отечества до послѣдней капли крови; однако, въ то время, когда онъ произноситъ эту рѣчь, [illegible] съ его имуществомъ успѣли уже переправиться черезъ рейнскій мостъ.

Въ крѣпости имѣлся достаточно сильный гарнизонъ; въ орудіяхъ, амуниціи и провіантѣ не было недостатка, такъ что она могла бы выдержать продолжительную осаду. Но комендантъ ея, австрійскій генералъ Гимнихъ, былъ такъ труслив, что сдалъ ее 21-го октября, испугавшись угрозы Кюстина, что онъ разрушитъ городъ бомбардировкой.

Утверждаютъ, будто Майнцъ палъ вслѣдствіе измѣны; [illegible] ничѣмъ не доказано, хотя французы и могли имѣть своихъ сторонниковъ въ крѣпости. Подозрѣвали главнымъ образомъ курфюрстскаго офицера Эйкемейера, потому что онъ вскорѣ перешелъ на французскую службу, гдѣ дослужился до чина генерала. Но этотъ самый Эйкемейеръ [illegible] только [illegible] тогда [illegible] Майнцъ и сдѣлалъ только соотвѣтствующія приготовленія.

Сейчасъ же по вступленіи французовъ въ Майнцъ, тамъ образовался знаменитый клубъ «Друзей свободы и равенства», въ которомъ собиралась мѣстная демократія. Кюстинъ взялъ въ свои руки управленіе страной и назначилъ чиновниками приверженцевъ новыхъ идей. Но вскорѣ онъ показалъ, что не стоитъ на высотѣ своего положенія ни какъ полководецъ, ни какъ государственный человѣкъ.

23-го октября французскій генералъ Нейвингеръ появился со своимъ войскомъ подъ стѣнами стараго имперскаго города Франкфурта-на-Майнѣ. Мѣщане-филистеры, составлявшіе господствующій классъ въ этомъ городѣ, сильно испугались и стали увѣрять французовъ въ своихъ дружескихъ чувствахъ къ нимъ. Кюстинъ желалъ потребовать съ нихъ военной контрибуціи въ [illegible]; такая сумма показалась франкфуртцамъ чрезмѣрной, и они предложили [illegible] милліона. Но Кюстинъ настоялъ на милліонѣ и этимъ навсегда испортилъ отношенія

Вскорѣ дѣло Людовика обратило на себя вниманіе всей Европы. Всѣ правительства Европы [illegible] на дѣло французскаго короля, какъ на свое собственное дѣло. Въ отвѣтъ на это національный Конвентъ заявилъ, что онъ смотритъ на дѣла народовъ, какъ на свои собственныя дѣла. Онъ выпустилъ 19-го ноября 1792 года декретъ, въ которомъ говорилось: «Національный Конвентъ симъ объявляетъ, что онъ [illegible] свою помощь и братство всѣмъ народамъ, стремящимся къ возвращенію свободы, и поручаетъ исполнительной власти передать генераламъ французскихъ армій приказъ, чтобы они приходили на помощь тѣмъ гражданамъ, которые теперь страдаютъ или будутъ страдать въ будущемъ за дѣло свободы».

Не [illegible] Европы [illegible] доказательства того, что онъ вступилъ въ сношенія съ иностранными державами, съ представителями духовенства, отказавшимися дать присягу конституціи, и замышлялъ уничтожить свободу французскаго народа. Въ [illegible] были найдены доказательства того, что король въ 1791 году сообщалъ [illegible] епископу о твердомъ намѣреніи возстановить королевскую власть и вернуть духовенству его прежнее имущество. [illegible] документовъ, изъ которыхъ было видно, что [illegible] депутаты Законодательнаго собранія. Маратъ потребовалъ, чтобы былъ составленъ [illegible] этихъ документовъ, и это предложеніе было принято. [illegible] предложенія, чтобы документы были [illegible] и опубликованы, было отвергнуто, [illegible], что у нихъ въ этихъ сношеніяхъ [illegible]. Они стали обвинять Марата, будто онъ хочетъ натравить на нихъ народъ.

Жирондисты [illegible] сношенія съ дворомъ, но установить, какимъ были результаты этихъ сношеній, теперь невозможно.

Въ это время въ Тюльерійскомъ дворцѣ былъ открытъ тайный [illegible] шкафъ, [illegible] собственно королемъ, потайной шкафъ, въ которомъ король хранилъ свою секретную корреспонденцію. Какъ извѣстно, Людовикъ охотно занимался слесарной работой; онъ работалъ очень часто съ однимъ слесаремъ Гаменомъ. Гаменъ зналъ о существованіи потайного шкафа и разсказалъ о немъ прежде другимъ [illegible]-

лицу, но его угрызенія, [illegible] [illegible] [illegible] его [illegible] [illegible] [illegible] его [illegible] [illegible]. Гамэнъ, [illegible] долгое время, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] по порученію короля убрать его [illegible] [illegible]. Вскорѣ послѣ этого Гамэнъ пошелъ къ министру Ролану и указалъ ему на существованіе желѣзнаго шкафа. Роланъ настолько былъ безтактенъ, что вынулъ бумаги изъ шкафа безъ всякихъ свидѣтелей, не составивъ протокола, и, прежде чѣмъ передать ихъ Конвенту, самъ просмотрѣлъ ихъ. Поэтому его впослѣдствіи обвиняли въ томъ, что онъ уничтожилъ тѣ бумаги, которыя могли бы скомпрометировать его политическихъ друзей жирондистовъ. Насколько это обвиненіе основательно, нельзя опредѣлить.

Но какъ бы то ни было, въ документахъ, которые Роланъ принесъ въ Конвентъ, [illegible] [illegible] достаточно [illegible] [illegible] противъ короля; среди бумагъ были найдены несомнѣнныя доказательства того, какъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] для того, чтобы [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible]. Тутъ всплыли на свѣтъ Божій сношенія Мирабо, его договоръ со дворомъ, [illegible] [illegible] Бульи и Лафайета, и [illegible] характеръ связи двора съ иностранными державами, съ эмигрантами и отдѣльными членами [illegible] [illegible] собраній.

Это открытіе произвело [illegible] впечатлѣніе на всю Францію. [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible]. [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] всѣхъ французовъ. Бюстъ Мирабо въ клубѣ якобинцевъ былъ разбитъ, а въ Конвентѣ его закрыли.

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Парижъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible].

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] съ [illegible] уничтоженія французской [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] конституціи [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] министры. Кромѣ того, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible].

Въ прежнія времена онъ [illegible] противъ убійствъ и наказаній и высказывался только очень условно за допустимость смертной казни; а Робеспьеръ высказывался однажды въ учредительномъ собраніи противъ смертной казни вообще. Но Руссо въ своемъ «Общественномъ договорѣ» поставилъ слѣдующее положеніе: «Если для государства нужно, чтобы ты умеръ, то ты долженъ умереть, такъ какъ до этого момента ты жилъ въ безопасности только подъ этимъ условіемъ, и твоя жизнь теперь уже не является [illegible] лишь благодѣяніемъ природы, а условнымъ даромъ государства».—[illegible] государственной и общественной философіи Руссо [illegible], что [illegible] Людовика XVI [illegible] этому положенію великихъ учителей; да и [illegible] во времена ужаса, не было книги [illegible] было [illegible] «Общественный договоръ» Руссо.

Послѣ [illegible] противъ Мурасона выступилъ Сенъ-Жюстъ. Это былъ молодой человѣкъ двадцати четырехъ лѣтъ, попавшій въ конвентъ благодаря вліянію Робеспьера. [illegible] своему онъ былъ жрецомъ. Этотъ [illegible] по своей внѣшности похожій на дѣвушку, обладалъ [illegible] и былъ [illegible]. Въ [illegible] революціи онъ, хотя и непродолжительное время, игралъ [illegible] роль. Возражая Мурасону, онъ заявилъ, что короля нельзя судить по гражданскимъ законамъ, такъ какъ, будучи королемъ, онъ тѣмъ самымъ исключилъ себя изъ Общественнаго договора; по его мнѣнію, съ королемъ надо поступить на основаніи международнаго права. «Граждане,—воскликнулъ этотъ молодой фанатикъ,—если въ Римѣ послѣ шестисотъ лѣтъ добродѣтельной республиканской жизни, если въ Англіи послѣ смерти Кромвеля, несмотря на всю энергію этого человѣка, снова ожила королевская власть, то какой страхъ долженъ объять добрыхъ гражданъ, друзей свободы, при видѣ того, какъ [illegible] теперь въ рукахъ народа, при видѣ того, какъ этотъ народъ со страхомъ и уваженіемъ приближается къ памятнику своего рабства!»

Большинство конвента было настроено противъ такихъ мѣропріятій. Многіе горячо выступали противъ Сенъ-Жюста. Но въ это время поднялся Робеспьеръ, который очень часто подхватывалъ и развивалъ [illegible] Сенъ-Жюста. Онъ тоже не хотѣлъ процесса,—«процессъ», [illegible] онъ, [illegible]

десь въ сторону отъ интересующаго насъ вопроса. У насъ тутъ дѣло идетъ не о процессѣ. Людовикъ не является обвиняемымъ, а вы не представляете собою судей. Вы — государственные дѣятели и не можете быть ничѣмъ инымъ. Вамъ не приходится произносить приговоръ надъ человѣкомъ; вамъ надо лишь принять мѣру, клонящуюся къ общественному благу, совершить актъ политической предусмотрительности. Король, свергнутый съ престола, можетъ пригодиться только для двухъ вещей: или его жизнь будетъ [illegible] благоденствіе и свободу государства, или его смерть упрочитъ и то, и другое. Вотъ гдѣ кроется рѣшеніе того вопроса, который насъ интересуетъ. Людовикъ уже осужденъ, въ противномъ случаѣ сама республика не имѣетъ себѣ оправданія.

Конвентъ не согласился съ этой странной аргументаціей, но она пришлась по [illegible], для котораго слова Робеспьера имѣли громадное значеніе. Парижская коммуна поддерживала «Неподкупнаго» и постоянно аплодировала ему. Общественное мнѣніе столицы было на его сторонѣ, и Конвентъ, не раздѣляя его мнѣнія, долженъ былъ все-таки начать процессъ противъ короля. Впрочемъ, въ этомъ дѣлѣ Маратъ не раздѣлялъ взглядовъ Робеспьера. Онъ даже говорилъ одному изъ своихъ друзей, что въ положеніи Робеспьера видны замашки будущаго диктатора. Предчувствіе не обмануло его.

Пренія тянулись еще очень долгое время; но 3-го декабря, по предложенію Петіона, конвентъ рѣшилъ возбудить противъ короля процессъ, съ соблюденіемъ судебныхъ формальностей. Была избрана особая комиссія, которая должна была собрать всѣ поднятыя противъ короля французовъ обвиненія и составить обвинительный актъ.

Противъ короля было возбуждено преслѣдованіе за государственную измѣну. Обвинительный актъ распадался на двѣ части. Первая часть составлялась только изъ [illegible] всѣхъ событій, [illegible] непосредственно королемъ. Въ ней были перечислены всѣ направленныя противъ конституціи дѣйствія короля, напр. [illegible] государственный переворотъ, заговоры, бѣгство въ Вареннъ, нарушеніе клятвы и т. д. Во второй части были изложены всѣ тѣ факты, которые указывали на враждебную по отношенію къ народу и конституціи дѣятельность короля до 10-го августа. Но все

это не представило собою собственно обвинительного ма-
теріала; обвинительный актъ стремился только доказать, что
на основаніи прошлаго Людовика надо прійти къ заключенію,
что онъ дѣйствительно способенъ совершить тѣ преступленія,
въ которыхъ его обвиняли. Такими преступленіями въ особен-
ности являлись заговоры, сношенія короля съ иностранными
державами и съ эмигрантами и его сочувственное отношеніе
къ религіознымъ [illegible].

Было постановлено пригласить короля и подвергнуть
его допросу. 11-го декабря въ Тампль явились [illegible] и
мэръ Шамбонъ и прочли королю постановленіе Конвента. Ко-
роль протестовалъ противъ того, что его называютъ [illegible]
Людовикомъ Капетомъ и сказалъ: «[illegible]
[illegible] то, что они [illegible]
[illegible] въ [illegible]. Я [illegible]
за вами [illegible], что [illegible]
[illegible], а [illegible] въ ру-
кахъ [illegible]».

Съ королемъ при этомъ обращались крайне небрежно. Его
посадили въ наемную карету. Сопровождавшій [illegible]
составлялъ національный гвардію, и [illegible]. На ули-
цахъ [illegible] много народу; [illegible] ко-
ролевъ съ короля.

Предсѣдателемъ Конвента въ этотъ день былъ Бар-
реръ. [illegible]
[illegible]. Когда было доложено о прибытіи короля, Барреръ
обратился къ собранію со слѣдующими словами: «Граждане!
на васъ смотритъ вся Европа. Грядущія поколѣнія будутъ
васъ судить съ неумолимой строгостью. Сохраните поэтому
достоинство и безстрастіе, подобающее судьямъ. Вспомните
о [illegible], [illegible]
[illegible], когда онъ былъ [illegible] Парижа въ [illegible]».

Пожалуйте, король. «Людовикъ», сказалъ ему Барреръ, «фран-
цузскій народъ [illegible] противъ васъ [illegible]. Сейчасъ бу-
дутъ [illegible] тѣ акты, въ которыхъ [illegible]
противъ васъ [illegible]. Людовикъ, садитесь». Впослѣдствіи Бар-
реръ очень [illegible] тѣмъ, что онъ въ этомъ случаѣ не на-
звалъ короля Капетомъ.

Былъ прочитанъ обвинительный актъ, и начался допросъ.
Каждый [illegible] старался [illegible]

вѣть, будто изъ демократическаго чувства, потребовали тѣмъ, что король выносить приговоръ казнить, и выставили требованіе, чтобы противъ приговора было разрѣшено апеллировать къ всей націи, которая должна была вынести окончательный приговоръ въ своихъ первичныхъ собраніяхъ.

Мысль объ обращеніи къ націи вызвала крайне ожесточенную борьбу между Горой и Жирондой. Гора видѣла, что жирондисты хотятъ спасти короля, такъ какъ они знали, что при всеобщемъ голосованіи нельзя разсчитывать на возможность смертнаго приговора, какъ они этого хотѣли. И поэтому въ то время, какъ жирондисты [illegible] требовали апелляціи къ націи, Гора утверждала, что Жиронда хочетъ такимъ голосованіемъ возбудить опять междоусобную войну. Робеспьеръ говорилъ, что надо различать между націей и народомъ. «Націю, говорилъ онъ, это то, что мы называемъ *порядочные люди,—люди, пользующіеся [illegible] привилегированными; народъ,—это бѣдные трудящіеся классы*». Онъ заявилъ, что въ первичныхъ собраніяхъ народъ попадетъ подъ вліяніе [illegible] людей. Робеспьеръ проявилъ въ этомъ вопросѣ [illegible] стойкость и упорство и во время борьбы съ жирондистами онъ сталъ, какъ и Маратъ, ихъ смертельнымъ врагомъ.

Въ это время Парижъ сталъ волноваться, на улицахъ и въ театрахъ происходили шумныя демонстраціи. Приверженцы короля устраивали демонстраціи, главнымъ образомъ, въ театрахъ. Коммуна приложила всѣ усилія къ тому, чтобы предупреждать всякіе беспорядки. При этомъ было [illegible] антипатія большинства жителей къ [illegible]. Очевидно [illegible] было жирондистамъ [illegible] отправлявшихъ на многія тысячи вооруженныхъ [illegible]. Однако, [illegible] было [illegible] 18 [illegible], чтобы [illegible] докладъ о положеніи Парижа. Мэръ далъ описаніе крайне тяжелаго положенія рабочихъ въ предмѣстьяхъ; къ тому времени нужда опять стала принимать все большіе размѣры. Онъ далъ также свѣдѣнія о національной гвардіи. Въ ней насчитывалось 110 тысячъ человѣкъ. Къ этому надо было прибавить 5000 «[illegible]», 1500 жандармовъ и т. п. и 2600 кавалеристовъ. Въ общемъ получается 130 000 человѣкъ. Граждане вооружены пиками, [illegible] ружьями. [illegible] въ это время [illegible].

Въ то время, какъ Коммуна отличалась преувеличеніемъ [illegible], Конвентъ долженъ былъ рѣшить участь короля. Трибуны Конвента были переполнены народомъ, и это обстоятельство оказывало значительное вліяніе на голосованіе многихъ депутатовъ. Голосованіе продолжалось отъ 14-го до 19-го января. Прежде всего былъ поставленъ вопросъ о виновности короля. Этотъ вопросъ былъ формулированъ слѣдующимъ образомъ: *«Виновенъ ли Людовикъ Капетъ въ злоумышленіи противъ свободы націи и въ покушеніи на общую безопасность государства?»*

Налицо было 750 членовъ Конвента (общее число членовъ Конвента равнялось 749). 693 члена отвѣтили на этотъ вопросъ безусловно утвердительно, остальные 28 отвѣтили тоже утвердительно, но оговорили себѣ несоотвѣтствіе въ совмѣщеніи. Такимъ образомъ, на вопросъ о виновности короля въ Конвентѣ не было двухъ мнѣній.

Затѣмъ былъ поставленъ на голосованіе вопросъ объ обращеніи къ народу. Вопросъ былъ формулированъ слѣдующимъ образомъ: *«Должно ли приговоръ Конвента надъ Людовикомъ Капетомъ — какой бы ни былъ этотъ приговоръ — быть предложенъ на утвержденіе народа?»*

Изъ 720 членовъ 423 отвѣтили отрицательно, 281 утвердительно, 11 человѣкъ ставили различныя условія, а 5 воздержались отъ голосованія.

Теперь образовалось весьма затруднительное положеніе для жирондистовъ. Тогда было приступлено къ голосованію по третьему вопросу, послѣднему: *«Какому наказанію долженъ быть подвергнутъ Людовикъ Капетъ?»*

На засѣданіи оказалось налицо 721 депутатъ, изъ которыхъ 5 воздержались отъ голосованія, такъ что большинство составляло 361. За смертную казнь безъ всякихъ отсрочекъ высказался ровно 361 депутатъ. 46 человѣкъ голосовали за смертную казнь съ примѣненіемъ отсрочки казни. 26 голосовали за казнь съ требованіемъ, чтобы вопросъ объ отсрочкѣ былъ особо обсужденъ. 286 человѣкъ подали голосъ за тюрьму или ссылку, 2 — за каторгу на галеры. Итакъ, Людовикъ XVI былъ приговоренъ въ Конвентѣ къ смертной казни.

Голосованіе по поводу характера наказанія продолжалось 24 часа, такъ какъ Конвентъ постановилъ, чтобы каждый депутатъ, подавая свой голосъ на трибунѣ, высказывался громко

и мотивировать свое голосованіе. Собравшійся на галлереяхъ народъ встрѣчалъ голосовавшихъ или шиканіемъ, или аплодисментами. Это было голосовать за смертную казнь для своего родственника Людовика и Егалите въ трескучей рѣчи оправдать свой поступокъ, на что Сійесъ, голосовавшій послѣ него, раздраженно воскликнулъ: «La mort sans phrase» («Смерть безъ фразъ»). Роялисты потомъ часто приписывали Сійесу эти его слова, и онъ впослѣдствіи прилагалъ старанія отречься отъ нихъ. Жирондисты обнаружили тутъ свою нестойкую природу лицемѣровъ и двуличныхъ людей. Они хотѣли голосовать противъ смертной казни, но Верньо, увидѣвъ грозныя лица толпы на галлереяхъ, подалъ свой голосъ за смертную казнь, и его партійные товарищи поступили такъ же, какъ и онъ. Исключеніе составилъ Кондорсе, подавшій голосъ за вѣчное тюремное заключеніе. Когда затѣмъ Верньо, въ качествѣ президента, объявлялъ результаты голосованія, онъ въ то же время заявилъ, что этотъ приговоръ причиняетъ ему большія душевныя страданія, между тѣмъ какъ самъ же онъ голосовалъ за смертную казнь.

Появились защитники короля, и Тронше заявилъ, что по уголовнымъ законамъ для осужденія требуется большинство въ двѣ трети голосовъ. Но знаменитый юристъ Мерленъ изъ Дуэ опровергъ этотъ доводъ, указавъ на то, что законъ требуетъ большинства двухъ третей голосовъ только для отвѣта на вопросъ: «Виновенъ ли обвиняемый?», а этотъ вопросъ уже рѣшенъ. «Помимо того», воскликнулъ Сенъ-Жюстъ, «всѣ законы создаются лишь простымъ большинствомъ голосовъ». На что голосъ изъ правой отвѣтилъ ему: «Законы можно брать обратно, человѣческой же жизни обратно не возвратишь». Но доводы Мерлена были достаточно убѣдительны, и конвентъ согласился съ ними.

Смертный приговоръ былъ объявленъ королю въ Тамплѣ министромъ юстиціи Гара и мэромъ Шамбономъ.

Людовикъ потребовалъ черезъ своихъ защитниковъ трехдневной отсрочки, и его ходатайство было поддержано жирондистами. Но конвентъ отклонилъ это ходатайство и постановилъ 20-го января 1793 года, чтобы приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе въ теченіе 24 часовъ.

Разнесся слухъ, будто нѣсколько молодыхъ людей устроили

[illegible] съ [illegible] исполненія казни, [illegible] чего [illegible] далекомъ [illegible], очень энергичный [illegible].

Людовикъ простился со своей семьей и хотѣлъ непремѣнно, чтобы его напутствовалъ священникъ не присягнувшій — Эджевортъ, который, хотя [illegible] было [illegible], скрывался гдѣ-то въ Парижѣ послѣ отказа принести присягу конституціи. Эта просьба короля была удовлетворена. Мальзербу, находившемуся въ Тамплѣ, король сказалъ, что онъ всегда желалъ лишь лучшаго для своего народа.

* * *

Сантерръ хотѣлъ, чтобы его освободили отъ командованія національной гвардіей въ день казни короля. Однако, его желаніе не было удовлетворено; ему приказали строго исполнить [illegible], и начальникомъ надъ нимъ былъ назначенъ Беррюйе, который командовалъ въ Парижѣ линейными войсками.

21-го января 1793 года, въ 8 часовъ утра, Сантерръ прибылъ за Людовикомъ въ Тампль. Король сѣлъ въ карету мэра, рядомъ съ нимъ сѣлъ Эджевортъ. На переднемъ сидѣніи сидѣли два жандарма, а въ рукахъ у нихъ заряженныя ружья. Карета ѣхала между рядами національныхъ гвардейцевъ, молчаливо стоявшихъ подъ ружьемъ. Лавочники все [illegible] держали закрытыми. Эшафотъ былъ построенъ на площади Революціи, называвшейся прежде площадью Людовика XV и расположенной противъ Тюильрійскаго дворца. Вокругъ эшафота были разставлены пушки и выстроены войска. Подъ ружьемъ стояло въ тотъ день вѣроятно около 80.000 человѣкъ. Несмотря на общее возбужденіе, въ Парижѣ царило поразительное спокойствіе. Нѣсколько роялистовъ попытались прорваться [illegible] на сторону короля и кричали: «Сюда, къ намъ, кто хочетъ спасти короля!» Но жандармы разсѣяли ихъ.

Ровно въ 10 часовъ утра Людовикъ прибылъ на мѣсто казни. Помощники палача Сансона окружили короля, чтобы связать ему руки. Онъ сильно сопротивлялся и не хотѣлъ дать снять съ себя сюртука. Тогда къ нему подошелъ Эджевортъ и сталъ его убѣждать, чтобы онъ подчинился необходимости. Король послушался его, но его возбужденіе не улеглось. Палачи раздѣли его.

Людовикъ вступилъ на эшафотъ и [illegible]

короче во все большій упадокъ. Однимъ изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ дня былъ вопросъ о снабженіи Парижа припасами. Частная торговля не могла уже больше доставлять всю ту массу продовольствія, въ которой нуждался этотъ крупный городъ, тѣмъ болѣе, что большая часть товаровъ и запасовъ исчезла съ рынка. Несмотря на энергичныя мѣры, принятыя администраціей, для дѣятельности перекупщиковъ и спекулянтовъ открылось широкое поле. Мелкіе торговцы и земледѣльцы не хотѣли принимать въ уплату сомнительныя бумажныя деньги и тоже не выпускали своихъ товаровъ на рынокъ. Все это имѣло послѣдствіемъ цѣлый рядъ энергичныхъ мѣръ, но значеніе [illegible] [illegible] въ этомъ отношеніи очень мало. Страдала преимущественно бѣдная часть населенія. Не меньше другихъ страдали также и рабочіе, которымъ государство выплачивало жалованье ассигнаціями. Подъ вліяніемъ нужды рабочіе неоднократно обращались къ Конвенту, который, однако, принималъ слишкомъ мало мѣръ въ ихъ пользу. Якобинцы смотрѣли [illegible] на [illegible] и обвиняли [illegible] энергичныя мѣры противъ [illegible] и заговорщиковъ. [illegible] они думали [illegible] видъ, что думаютъ подобно прочимъ. Коммуна же приняла участіе въ положеніи рабочихъ и старалась главнымъ образомъ, разрѣшить вопросъ о снабженіи Парижа жизненными продуктами.

Выразительницей нужды рабочихъ стала газета Марата. Маратъ предоставилъ въ распоряженіе рабочихъ свою газету, и они стали на ея страницахъ излагать свои желанія. Они [illegible] свое положеніе. Объ этомъ [illegible] хотя бы [illegible], поданная восемнадцатью тысячами [illegible] въ учредительное національное собраніе и напечатанная въ газетѣ Марата. «Почему, говорятъ рабочіе въ этой петиціи, почему вы забываете свои хорошіе принципы, когда только дѣло касается активныхъ и пассивныхъ гражданъ? Вспомните [illegible], что [illegible] штурмовали тысячи рабочихъ Сентъ-Антуанскаго предмѣстья. Откажетесь ли вы [illegible]? Дрожали ли мы когда [illegible]? Не мы ли побѣдили гвардію? Какая намъ можетъ быть выгода отъ того, что, низвергнувъ *родовую аристократію*, мы подпадемъ подъ господство *денежной аристократіи*. Когда плотины прорваны, морскія воды начинаютъ бурлить и не останавливаются до тѣхъ поръ, пока по [illegible]

стороны [illegible]. Не остановится ни [illegible] и тотъ же уровнѣ. Напрасно вы хотите остановиться въ своихъ реформахъ тамъ, гдѣ это вамъ желательно. Равенство [illegible] идетъ къ равенству въ наслажденіи благами жизни, и только на этомъ фундаментѣ можетъ установиться [illegible] зданіе.

Нѣкоторые жирондисты до революціи высказывали подобныя же теоріи, но теперь эти теоріи казались имъ слишкомъ крайними. Сантерръ потребовалъ [illegible] франковъ для снабженія парижскаго населенія съѣстными припасами. Подобнаго рода [illegible] рабочимъ. Очень многое уже давно было [illegible] при работахъ по созданію [illegible] лагеря близъ Парижа. Жирондисты нарядили для этого массу рабочихъ. [illegible] въ такомъ скопленіи рабочихъ политическую опасность; дѣло [illegible] комитету, состоявшему изъ муниципальныхъ чиновниковъ и членовъ комитета. Они нашли, что безполезно растрачено нѣсколько [illegible] франковъ, и выработали регламентъ, который долженъ былъ прекратить [illegible]. Послѣ этого рабочіе были раздѣлены на бригады, и для нихъ [illegible] поштучную заработную плату. Рабочіе сильно возставали противъ этой мѣры; въ одномъ изъ своихъ заявленій комитету они говорили: «Всѣ находящіеся на службѣ у націи должны получать справедливое вознагражденіе, которое должно распредѣляться въ извѣстной пропорціи. Рабочіе являются столпами націи, такъ какъ они именно поднялись 10-го августа».

Комитетъ оставилъ это требованіе безъ вниманія, и дѣло дошло до стачки. Тогда [illegible] прекратилъ общественныя работы. 23-го октября 1792 года въ комитетъ явилась депутація изъ двадцати рабочихъ, которые снова потребовали отмѣны поштучной платы. Но жалобы депутаціи не увѣнчались успѣхомъ.

Коммуна, поддерживавшая эти требованія рабочихъ, [illegible] уже раньше рабочимъ особые билеты для полученія [illegible] и теперь потребовала у комитета денегъ для погашенія этихъ билетовъ. Жирондисты упрекали коммуну въ томъ, что она не представляетъ отчетовъ комитету.

А между тѣмъ цѣны все повышались, и товары появлялись на рынкѣ во все меньшемъ и меньшемъ количествѣ. И въ то время, какъ коммуна принимала всѣ [illegible] къ тому, чтобы уменьшить бѣдствія, жирондисты бросали ей упреки въ томъ, что она вызываетъ безпорядки. Роланъ заявилъ, что если

только объявить обывателямъ свободу [illegible], то на рынкѣ окажется достаточно товаровъ. [illegible], спекулянты и крестьяне не появляются больше на рынкѣ изъ боязни передъ [illegible], а муниципалитетъ продаетъ муку ниже покупной цѣны и [illegible] ежедневный расходъ въ 12.000 франковъ. Онъ заявилъ также, что Коммуна является источникомъ всѣхъ интригъ.

Коммуна въ своемъ отвѣтѣ на эти обвиненія [illegible], что она понимаетъ экономическое положеніе страны лучше, чѣмъ жирондисты. Она [illegible] новой революціи, такъ какъ революція уже [illegible]. Она указала на то, что народъ [illegible] [illegible] [illegible]. Онъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible].

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] хлѣбная торговля [illegible] государства. [illegible] этого предложенія [illegible]: «Если бы въ какой-нибудь [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] вслѣдствіе [illegible] [illegible] въ этомъ случаѣ [illegible] [illegible] собственности?» [illegible] [illegible] [illegible] мѣропріятія, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] предложеній. Коммуна [illegible] продавать хлѣбъ [illegible] для [illegible], и [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] и что надо предоставить коммунѣ средства для [illegible] [illegible] [illegible]. Коммунѣ дано было право [illegible] населенія [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

теперь комиссаромъ коммуны и всегда рѣзко выступавшій противъ крупныхъ собственниковъ. По приказанію коммуны Сантерръ подавилъ безпорядки и арестовалъ около 40 лицъ, возбуждавшихъ движеніе. Среди арестованныхъ находились аббаты, бывшіе аристократы и ихъ слуги и одна графиня. Эти послѣдніе поддерживали враговъ, въ надеждѣ уничтожить республику. Жакъ Ру былъ тоже заподозрѣнъ въ подстрекательствѣ: его исключили изъ клуба. Онъ навлекъ на себя ненависть Робеспьера, что и привело его къ гибели.

Маратъ въ своей газетѣ нападалъ очень рѣзко на ростовщиковъ и спекулянтовъ. Онъ показалъ, что лучше большинства другихъ революціонеровъ понимаетъ экономическое положеніе страны. «Причину несчастія,—писалъ онъ въ то время,—надо искать въ массѣ выпущенныхъ ассигнацій, цѣнность которыхъ падаетъ все сильнѣе и сильнѣе, какъ вслѣдствіе увеличенія ихъ числа, такъ и вслѣдствіе поддѣлокъ. Паденіе цѣнности ассигнацій влечетъ за собой повышеніе цѣнъ на съѣстные припасы. Съѣстные припасы вздорожали такъ сильно, что неимущіе классы лишены возможности покупать ихъ. Будьте поэтому готовы на самые страшные безпорядки, такъ какъ изголодавшійся народъ не знаетъ никакого закона. Самый первый законъ изъ всѣхъ законовъ—это желаніе жить. Три года тому назадъ я предсказывалъ всѣ печальныя послѣдствія системы ассигнатовъ, а въ особенности противъ мелкихъ ассигнатовъ. Частичными мѣропріятіями намъ не удастся устранить гибельныя слѣдствія этой системы. Тутъ можетъ помочь только та радикальная мѣра, которую я предлагалъ уже неоднократно: надо погасить общественный долгъ непосредственной, немедленной уплатой всѣмъ государственнымъ кредиторамъ національными имуществами въ размѣрѣ ихъ требованій. Долги слѣдовало бы уплатить не бумажными деньгами, снабженными принудительнымъ курсомъ, а національными имуществами.»

Секціи обращались въ конвентъ съ адресами и требованіями, чтобы были приняты строгія мѣры противъ ростовщиковъ, чтобы крупныя имущества были обложены болѣе высокими налогами и чтобы были произведены реквизиціи для войскъ. Тутъ уже чувствуется позднѣйшая политика комитета благоденствія. Конвентъ, въ которомъ господствовали въ то время жирондисты, не принималъ пока никакихъ мѣръ. Единственное,

чую онъ сдѣлалъ,—это [illegible] [illegible] [illegible] за не-[illegible] [illegible]; [illegible] онъ пришелъ по предложенію Дантона. [illegible] [illegible] [illegible]. Но многіе изъ [illegible] [illegible] служатъ въ вооруженныхъ силахъ.

Рабочіе [illegible] [illegible] и были [illegible] полны ненависти [illegible] [illegible] [illegible] противо-дѣйствовали [illegible] [illegible]. Этой [illegible] [illegible] Жиронды. Жирондисты [illegible] теперь [illegible] [illegible] буржуазіи, [illegible], по-[illegible] [illegible] [illegible] и свободѣ [illegible] [illegible]. И [illegible] особенно [illegible] [illegible] [illegible], въ которыхъ [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible].

Для [illegible] [illegible] [illegible] соединились [illegible], [illegible] [illegible] навстрѣчу. Вотъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible].

[illegible] [illegible], что [illegible] Жиронды является [illegible] [illegible] [illegible].

Внѣшнія и внутреннія [illegible].

Казнь Людовика XVI подняла всѣ реакціонныя державы Европы противъ французской республики. Европейскія государства соединились для подавленія французской революціи, и душой этого [illegible] союза былъ англійскій министръ Питтъ, преисполненный ненависти къ новой Франціи.

Вильямъ Питтъ, [illegible] премьеръ-министра [illegible] въ 83 году, рѣшилъ не щадить силъ для борьбы съ французской революціей. Къ этой борьбѣ его побуждала какъ ненависть къ демократіи, такъ и торговые интересы [illegible] Англіи. Въ выборѣ средствъ этотъ государственный дѣятель не былъ разборчивъ. Онъ [illegible] [illegible], [illegible] болѣе крупныхъ европейскихъ государствъ, [illegible] [illegible] [illegible] Франціи и закрылъ французскимъ судамъ доступъ во всѣ моря. Онъ не постѣснялся даже пустить въ ходъ такое неблагородное средство, какъ выпускъ [illegible] [illegible] ассигнацій, чтобы окончательно уничтожить кредитъ республики.

Воинственное настроеніе Питта [illegible] совершенно не-

[illegible] французскаго [illegible] Шовелена [illegible]
Людовика XVI [illegible] Англіи. Конвентъ, [illegible], что
Питтъ [illegible]
[illegible]
[illegible]. Онъ
[illegible] Англіи и Голландіи, [illegible]
[illegible]
[illegible] Англіей.

[illegible] Питта. Англія
[illegible] Австріей, Пруссіей,
[illegible] Испаніей, Португаліей, [illegible]
[illegible]
[illegible] Англіи.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible] въ
Парижѣ. [illegible]
[illegible]
[illegible]. Тутъ
[illegible]
[illegible] Робеспьеръ [illegible]

На сѣверной границѣ дѣла обстояли также не важно. Дюмурье стоялъ теперь во враждебныхъ отношеніяхъ къ якобинцамъ. Во время процесса короля онъ безуспѣшно пытался вмѣшаться въ дѣло и выступить въ защиту короля. Этотъ честолюбивый генералъ считалъ себя призваннымъ окончательно ликвидировать революцію и возстановить монархію. Онъ думалъ, что его армія будетъ всегда на его сторонѣ. Вѣдь при Жемаппѣ онъ велъ ее къ побѣдѣ! Его планы не могли [illegible] быть обнаружены, однако, [illegible]. [illegible] были [illegible], и [illegible] отброшены къ [illegible] и [illegible]. Дюмурье думалъ возстановить конституцію 1791 года и провозгласить королемъ молодого герцога Орлеанскаго, служившаго въ его арміи. Но эти попытки [illegible] разочарованіе.

Жирондисты стали друзьями генераловъ-измѣнниковъ. Они вступили съ ними въ тайныя сношенія. Спасти Францію отъ угрожавшихъ ей опасностей могли только люди, обладающіе необыкновенной энергіей. Но жирондисты были идеалистами, мечтателями, отличавшимися чертой, которая была [illegible]. Ихъ [illegible], они также возстановили противъ себя революціонную коммуну [illegible] средствомъ для [illegible] наго парижскаго населенія [illegible]. [illegible] жила партія Горы [illegible]. [illegible] силы и парализовали дѣятельность республики. Такимъ образомъ паденіе этой партіи стало неизбѣжнымъ.

Для побѣды надъ внѣшними и внутренними врагами требовалась почти сверхчеловѣческая энергія. Такой энергіей обладала партія Горы, взявшая управленіе республикой въ свои руки и побѣдившая всѣхъ ея враговъ.

Массовое избіеніе и революціонный трибуналъ.

Энергичная партія Горы увлекла за собою весь конвентъ, хотя въ немъ еще были преобладающими жирондисты. Среди нихъ, [illegible], произошла крупная перемѣна. Роланъ, который не могъ больше выдерживать нападокъ якобинцевъ, рѣшилъ выйти въ отставку. Ассигнованные конвентомъ для распространенія въ народѣ свѣдѣній о сущ-

ности республики и революціи 10-го августа 100.000 [illegible] онъ употребилъ чуть ли не исключительно на пропаганду жирондистскихъ идей. Поэтому якобинцы были совершенно правы въ своихъ нападкахъ, и Роланъ послѣ казни короля вышелъ въ отставку. Его мѣсто занялъ слабохарактерный Гара, бывшій до того времени министромъ юстиціи и старавшійся заслужить симпатіи всѣхъ партій, а на должность министра юстиціи былъ назначенъ Гойе, такой же слабохарактерный человѣкъ, какъ и его предшественникъ. Въ отставку вышелъ также и военный министръ Пашъ, стоявшій на сторонѣ якобинцевъ. Онъ не могъ ужиться съ жирондистами. Его мѣсто занялъ Бёрнонвиль, простой солдатъ, безъ всякихъ политическихъ убѣжденій, но другъ Дюмурье. Кромѣ того, въ отставку вышелъ мэръ Парижа, жирондистъ Петіонъ, и на его мѣсто теперь былъ избранъ Пашъ, сумѣвшій завоевать довѣріе массъ своей [illegible] преданностью народному дѣлу. [illegible] Пашъ былъ честнымъ и рѣшительнымъ человѣкомъ, не будучи въ то же время фанатикомъ. Многіе ставятъ его военныя заслуги выше заслугъ Карно, но это мнѣніе неправильно.

Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ напряженнаго положенія дѣлъ, якобинцы стали играть все большую роль въ политической жизни страны. На великую европейскую коалицію Питта они отвѣтили постановленіемъ конвента призвать къ оружію 300.000 человѣкъ.

Благодаря воодушевленію французовъ, это постановленіе могло быть проведено въ жизнь безъ всякихъ затрудненій. Со всѣхъ сторонъ молодежь устремилась на защиту родины, и списки арміи заполнялись очень легко. Французская молодежь схватилась за оружіе, чтобы прогнать наемныя войска господина Питта. Высшей степени воодушевленіе достигло въ Парижѣ. Театры были закрыты, забыты были всѣ удовольствія, люди думали только о родинѣ и о республикѣ, находившейся въ опасности. Секціи были чуть ли не постоянно въ полномъ сборѣ, коммуна не переставала побуждать и воодушевлять парижанъ. Она подняла на ратушѣ черный флагъ и въ сильно написанной прокламаціи призывала народъ къ оружію.

Молодежь была опорой республики: она была вся полна воодушевленія и любви къ новымъ государственнымъ формамъ.

Но въ то время, какъ эти волонтеры становились въ ряды республиканскихъ войскъ, роялистскіе заговоры принимали все болѣе опасныя формы. Дѣятельность роялистовъ снова проявилась въ безпорядкахъ, вспыхнувшихъ въ провинціяхъ. При видѣ успѣховъ Англичанъ, при видѣ двусмысленнаго поведенія генерала Дюмурье, при видѣ вспыхнувшаго возстанія въ Вандеѣ—нельзя было питать особеннаго довѣрія къ жирондистамъ. Партія Горы стала поэтому задумываться надъ тѣмъ, какими мѣрами спасти республику отъ роялистовъ, вредившихъ своей интригой въ тылу республиканской арміи и находившихся въ сношеніяхъ съ иностранными государствами. Прежде всего она предложила учредить чрезвычайную судебную палату. Жирондисты выступили противъ этого предложенія, но партія Горы оказалась сильнѣе и такимъ образомъ былъ созданъ тотъ самый знаменитый трибуналъ, который сыгралъ впослѣдствіи такую страшную роль.

Шометтъ отъ имени коммуны потребовалъ учрежденія чрезвычайнаго суда, чтобы судить преступныхъ граждан, Дантонъ поддержалъ требованіе коммуны и такъ возникъ этотъ судъ. Въ его компетенцію входили всѣ дѣла, касавшіяся контръ-революціонныхъ попытокъ, покушеній противъ свободы, равенства и нераздѣльности республики; затѣмъ дѣла о посягательствахъ на внѣшнюю и внутреннюю безопасность страны, дѣла о заговорахъ, направленныхъ къ возстановленію королевской власти. Трибуналъ состоялъ изъ одного общественнаго обвинителя, двухъ его помощниковъ, пяти судей и двѣнадцати присяжныхъ. Онъ могъ только или приговаривать къ смертной казни, или оправдывать; его рѣшенія были безапелляціонны. Оправданные получали опредѣленное вознагражденіе. Приговоры должны были исполняться въ теченіе 24 часовъ, а имущество осужденныхъ переходило въ собственность государства. Съ момента введенія этого суда сѣкира республики повисла надъ головами всѣхъ заговорщиковъ. Съ трудомъ удалось сильной партіи Горы добиться отъ конвента согласія на учрежденіе этого трибунала. Ниже мы разберемся въ его дѣятельности и ошибкахъ, совершенныхъ имъ подъ вліяніемъ различныхъ фанатиковъ.

Послѣ этого конвентъ ввелъ чрезвычайный военный налогъ, главными плательщиками которого являлись богатые слои населенія. Конвентъ рѣшилъ, что онъ имѣетъ право требовать

[illegible] ... Сатурну, [illegible]

[illegible]

Измѣна Дюмурье.

Между тѣмъ Дюмурье, [illegible] ... Французскій генералъ [illegible] ... Дюмурье [illegible] ... Лафайета [illegible]

Такимъ образомъ врагъ сталъ угрожать Дюмурье съ тыла, и французская армія должна была быстро выступить изъ Голландіи. Соединившись съ остатками войскъ Миранды, отважный Дюмурье рѣшилъ поставить все на карту, и 18-го марта 1793 года у Неервиндена далъ австрійцамъ сраженіе. Во главѣ австрійскихъ войскъ стояли Кобургъ и молодой эрцгерцогъ Карлъ Австрійскій, впервые проявившій въ этой битвѣ свои блестящія таланты. Дюмурье передалъ командованіе лѣвымъ крыломъ неспособному Мирандѣ. Но Миранда былъ отброшенъ австрійцами; его войска, несмотря на свое численное превосходство, были разсѣяны, тогда что правое австрійское крыло могло броситься на Дюмурье, очутившагося въ этотъ моментъ сбоку непріятеля. Теперь Дюмурье долженъ былъ отступить, такъ какъ врагъ былъ значительно сильнѣе его. Однако, его потомъ упрекали въ томъ, что онъ недостаточно сильно сопротивлялся врагу и что онъ нарочно далъ себя побить изъ ненависти къ республикѣ. Онъ потерялъ въ этой битвѣ 7.000 человѣкъ и большую часть своихъ орудій и долженъ былъ очистить Бельгію, которую онъ такимъ образомъ утратилъ въ одной этой битвѣ. Эта битва была не менѣе чревата послѣдствіями, чѣмъ битва при Жемаппѣ.

Послѣ этого Дюмурье открыто выступилъ противъ конвента. Уже до битвы при Неервинденѣ онъ отправилъ конвенту письмо, полное угрозъ и жалобъ на якобинцевъ. Теперь же онъ написалъ второе, еще болѣе угрожающее, письмо. Якобинцы давно уже стали недовѣрчиво относиться къ Дюмурье, благодаря нападкамъ на него со стороны Марата; теперь они отправили трехъ членовъ своего клуба для того, чтобы тѣ наблюдали за генераломъ, который къ этому времени снова сблизился съ жирондистами. Вступивъ въ сношенія съ жирондистами, Дюмурье въ то же время завязалъ переговоры съ австрійскимъ генераломъ Макомъ. Онъ заключилъ съ австрійцами перемиріе, во время котораго онъ хотѣлъ двинуться на Парижъ и выступить противъ конвента съ цѣлью возстановленія конституціи 1791 года и провозглашенія королемъ герцога Шартрскаго. Теперь онъ уже не скрывалъ больше своихъ плановъ. На вопросъ якобинскихъ пословъ Дюбюиссона, Проли и Перейра о его намѣреніяхъ онъ отвѣтилъ, что конвентъ представляетъ собою собраніе двухсотъ разбойниковъ и шестисотъ дураковъ и что учрежденіе революціоннаго трибунала не должно быть

терію. «Вы не признаете конституціи?» спросилъ Проли.—«Новая конституція слишкомъ глупа», отвѣтилъ Дюмурье и заявилъ, что онъ хочетъ возстановить королевскую власть и конституцію 1791 года. Тогда конвентъ отправилъ четырехъ комиссаровъ: Банкаля, Камю, Кинетта и Ламарка вмѣстѣ съ военнымъ министромъ Бёрнонвилемъ въ лагерь Дюмурье въ Сентъ-Аманѣ; эти комиссары должны были пригласить Дюмурье въ конвентъ, а въ случаѣ отказа—арестовать его. Ко времени появленія комиссаровъ въ лагерѣ Дюмурье уже настолько успѣлъ сговориться съ австрійцами, что окружилъ себя стражей изъ австрійскихъ гусаръ. Со своимъ другомъ Бёрнонвилемъ онъ обходился очень любезно, но съ комиссарами онъ обращался крайне надменно. Онъ отказался подчиниться постановленію конвента, вызывавшаго его въ Парижъ, и ушелъ отъ комиссаровъ. Но тѣ пошли за нимъ въ его генеральному штабу. Камю обратился къ генералу въ присутствіи его офицеровъ со слѣдующимъ вопросомъ: «Повинуетесь ли вы конвенту, или нѣтъ?»—«Нѣтъ», отвѣтилъ Дюмурье.—«Въ такомъ случаѣ вы смѣщены», воскликнулъ Камю, «ваши бумаги будутъ опечатаны, вы арестованы».—«Ну, это уже слишкомъ сильно!» воскликнулъ Дюмурье, «ко мнѣ, гусары!» Такимъ образомъ этотъ недостойный генералъ велѣлъ австрійскимъ гусарамъ арестовать комиссаровъ и передать ихъ австрійцамъ, у которыхъ они долгое время находились въ почетномъ плѣну. Вмѣстѣ съ ними былъ арестованъ также Бёрнонвиль. «[illegible]», сказалъ ему Дюмурье, «я избавляю васъ отъ рукъ революціоннаго трибунала».

Эта безчестная измѣна возмутила офицеровъ арміи. Преданный конвенту Дампьеръ сталъ во главѣ противниковъ главнокомандующаго, подобно тому, какъ это нѣкогда сдѣлалъ самъ Дюмурье послѣ отъѣзда Лафайета. Нѣкоторое время армія не проявляла своего отношенія къ событіямъ, но, когда декретъ конвента объявилъ генерала стоящимъ внѣ закона, войско [illegible] отъ измѣнника. Онъ еле-еле успѣлъ ускакать въ австрійскій лагерь, сопровождаемый австрійскими гусарами, герцогомъ Шартрскимъ и другими заговорщиками и напутствуемый выстрѣлами и проклятіями французовъ. Этимъ закончилась его политическая и военная карьера. Командованіе войсками перешло къ Дампьеру.

Австрійцы надѣялись на контръ-революціонное выступле-

нія Дюмурье. Гюаде, [illegible] отвернулись отъ него. Жирондисты выказали [illegible] и за это [illegible] отечества. Она прожила [illegible] не [illegible] въ [illegible] или [illegible] роли. Жила [illegible].

Измѣна Дюмурье нанесла тяжелый ударъ Жирондѣ, такъ какъ [illegible] Горы [illegible] подозрѣніе въ томъ, что [illegible] участіе въ ней.

Слова и факты.

Въ то время, какъ французскія войска [illegible] тяжелыя неудачи и [illegible] въ самыхъ разныхъ направленіяхъ; въ то время, какъ [illegible]; въ то время, какъ [illegible] подняться на защиту Жиронды,—въ это самое время въ Конвентѣ борьба между Горой и Жирондой разгоралась все сильнѣе и сильнѣе. Опираясь на [illegible] массы, Гора стала постепенно пріобрѣтать преобладающее вліяніе также и въ Конвентѣ. Но жирондисты не хотѣли уступить безъ боя, и, вслѣдствіе этого, борьба этихъ обѣихъ партій приняла крайне ожесточенный характеръ. Общее возбужденіе, царившее въ то время, дѣлало свое дѣло. Депутаты бросали другъ другу въ лицо брань, угрозы, обвиненія въ [illegible] и интригахъ [illegible] Франціи. Въ это бурное время въ Конвентѣ, казалось, происходила [illegible]. Тутъ раздавались [illegible] смертью. Тутъ [illegible] выходки Гадэ, бурныя филиппики Инара и Барбару. Рыжій Маратъ обвинялъ государственныхъ людей въ томъ, что они подготовляютъ междоусобную войну. Могучій голосъ Дантона гремѣлъ [illegible] рѣчь, а Робеспьеръ въ [illegible] угрожающую республикѣ. Среди этого шума [illegible] Дантонъ, [illegible] и раздавались каждый разъ, когда [illegible]. Тутъ же [illegible]

глубокій [illegible] [illegible] [illegible] трудящій [illegible] [illegible] государства и общества.

Большей частью [illegible] Горы, [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] общественную [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Затѣмъ приступили къ [illegible] [illegible] земель. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] земель было [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible]. Но и [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] въ [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] о болѣе широкой [illegible] [illegible] [illegible] была [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Затѣмъ [illegible] 10-го [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Но это [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible].

Такимъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] собственниковъ и этимъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] для дальнѣйшаго [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] для [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Онъ не думалъ о [illegible] [illegible] [illegible] въ улучшенной [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] молодая демократія [illegible] на [illegible] [illegible], который не могъ [illegible] [illegible] [illegible]. Намъ могутъ [illegible], что [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] и внутренніе [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] остановиться на [illegible] [illegible] [illegible] обновленіи [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] отвѣтимъ, что [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] не

явилось даже мысли о томъ, что укрѣпленіе мелкаго хозяйства можетъ [illegible] основаніемъ, которому [illegible] идеалы. [illegible] явились слѣдствіемъ подобнаго разрѣшенія земельнаго вопроса.

Гора оставляла конвенту возможность все болѣе энергичныя мѣры. Отношеніе генерала Дюмурье несомнѣнно было разъ въ то время, когда по предложенію конвента было рѣшено устроить близъ Парижа лагерь изъ 40.000 человѣкъ, и когда домовладѣльцамъ было приказано обозначить на входныхъ дверяхъ домовъ имена, возрасты и званія всѣхъ квартирантовъ. Послѣ измѣны Дюмурье Горѣ удалось провести свой планъ созданія новаго и сильнаго правительства въ самомъ конвентѣ. Подъ вліяніемъ возбужденія, вызваннаго отложеніемъ Дюмурье, былъ учрежденъ 6-го апрѣля 1793 года знаменитый комитетъ благоденствія, и этимъ самымъ было осуществлено выставленное Маратомъ требованіе диктатуры. Этотъ комитетъ стоялъ надъ министрами, и его девять членовъ были уполномочены дѣлать все, что по ихъ мнѣнію, требовалось для благоденствія страны. Засѣданія комитета были секретными. Онъ контролировалъ министровъ, которые должны были исполнять его приказанія. Онъ не зналъ надъ собою никакой власти. Зависимость его отъ конвента выражалась въ томъ, что онъ долженъ былъ представлять принятыя имъ мѣры на утвержденіе конвента послѣ того, какъ эти мѣры [illegible]. Но созданный конвентомъ комитетъ благоденствія не совсѣмъ соотвѣтствовалъ маратовской идеѣ о диктатурѣ. Маратъ хотѣлъ, чтобы диктатура была сосредоточена въ рукахъ одного человѣка. Ограниченіемъ для этого диктатора должна была быть его отвѣтственность передъ конвентомъ. Передавъ диктатуру въ руки [illegible] лицъ, конвентъ раздробилъ ея силу и положилъ начало всѣмъ тѣмъ правительственнымъ явленіямъ, которыя повели потомъ къ паденію демократіи.

Комитетъ общественной безопасности существовалъ рядомъ съ комитетомъ благоденствія; въ его рукахъ сосредоточилась внутренняя полицейская власть; но комитетъ благоденствія могъ издавать приказы объ арестахъ должностныхъ лицъ, а это предоставляло ему неограниченную власть. Онъ сталъ [illegible] благодаря тому, что отклонилъ [illegible] нападеніе Европы на республику и побѣдилъ ея внутреннихъ враговъ. Однако, въ первое время жирондистамъ удалось свест-

дѣятельность комитета къ нулю. Правда, они подали свои голоса за арестъ членовъ орлеанской фракціи по дѣлу заговора Дюмурье, потому что желали очистить себя отъ подозрѣнія въ томъ, что они одобряли и поддерживали измѣну Дюмурье. Но они добились того, чтобы въ комитетъ благоденствія были избраны чуть ли не одни только члены Долины, вслѣдствіе чего комитетъ не могъ проявить той энергіи, которой ожидала отъ него партія Горы.

Жиронда, пользуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что въ конвентѣ господствовали [illegible], стремились парализовать большую часть членовъ Горы и значительно увеличила опасность, угрожающую республикѣ. Это привело къ тому, что въ партіи Горы и [illegible] къ жирондистамъ возросла до того, что было рѣшено уничтожить ихъ и этимъ спасти республику отъ [illegible], угрожающихъ ей [illegible].

Угрозы, которыми осыпали другъ друга партіи, были предвѣстниками трагическаго исхода борьбы. Въ разгарѣ борьбы обѣ партіи бросали другъ другу самыя страшныя обвиненія. Гора утверждала, что жирондисты находятся на жалованіи у Питта, а Жиронда обвиняла Гору въ томъ, что она подкуплена Пруссіей и Австріей. Люди угрожали другъ другу смертью. Дантонъ угрожалъ жирондистамъ войною на жизнь и смерть, Робеспьеръ объявлялъ ихъ врагами революціи, а Маратъ въ своей газетѣ требовалъ ихъ уничтоженія. Въ это же время на улицахъ Парижа преданные жирондистамъ «молодчики» и солдаты требовали смерти Марата, Дантона и Робеспьера. Одинъ разъ понадобилось даже вмѣшательство властей, такъ какъ толпа вооруженныхъ марсельцевъ хотѣла поджечь домъ, въ которомъ жилъ Маратъ.

Маратъ былъ въ это время предсѣдателемъ клуба якобинцевъ, и въ качествѣ его подписалъ отъ имени клуба наставленіе провинціи приготовиться на борьбу съ жирондистами. [illegible], какъ это было тогда въ модѣ. Жирондисты, смотрѣвшіе на Марата какъ на самаго опаснаго врага, рѣшили пустить въ ходъ противъ него тѣ самыя учрежденія, которыя были созданы партіей Горы. Трусливые члены центра поддержали ихъ, и такимъ образомъ удалось съ большимъ трудомъ провести обвинительный декретъ противъ Марата. Маратъ былъ преданъ

суду революціоннаго трибунала. Но на этомъ судѣ Марата ждало торжество.

До этого времени революціонный трибуналъ произнесъ четыре смертныхъ приговора, изъ которыхъ одинъ былъ совершенно безсмысленнымъ: это былъ смертный приговоръ, вынесенный какому-то кучеру, отозвавшемуся плохо о республикѣ, потому что онъ не хотѣлъ, должно быть, отправиться на войну. Теперь жирондисты ожидали отъ трибунала смертнаго приговора для Марата. Но событія обернулись иначе, поднятыхъ противъ Марата, возбудило весь Парижъ, и коммуна энергично вступилась за своего любимца. Мэръ Пашъ явился въ конвентъ и потребовалъ въ петиціи, одобренной 35-ю секціями, исключенія изъ конвента 22-хъ наиболѣе выдающихся жирондистовъ, являвшихся, по заявленію петиціи, врагами революціи. Петиція требовала народнаго голосованія по поводу жирондистовъ. Но жирондисты, которые въ процессѣ короля сами настаивали на народномъ голосованіи, теперь отвергли это предложеніе и были поддержаны при этомъ друзьями Дантона. Конвентъ отклонилъ петицію 35 секцій, обозвавъ ее клеветнической.

Такимъ образомъ нападеніе жирондистовъ потерпѣло полное крушеніе, и Маратъ предсталъ 24-го апрѣля 1793 года передъ революціоннымъ трибуналомъ. Ему было предъявлено обвиненіе въ побужденіи къ грабежу и убійству, въ стремленіи къ установленію нежелательной народу власти и къ распущенію конвента, такъ что въ общемъ оно обвиняло нѣкоторымъ образомъ въ государственной измѣнѣ.

Маратъ предсталъ передъ судомъ съ полной увѣренностью въ своей невинности и держалъ себя не какъ обвиняемый, а какъ обвинитель жирондистовъ. Революціонный трибуналъ единогласно оправдалъ его.

При выходѣ изъ зданія суда Маратъ былъ встрѣченъ громадной толпой; его посадили на украшенныя цвѣтами носилки, на голову надѣли ему вѣнокъ и съ торжествомъ понесли къ конвенту. Тамъ онъ снова занялъ свое мѣсто. Выступилъ бородатый саперъ и обратился къ конвенту съ слѣдующими словами: «Мы приводимъ къ вамъ обратно Марата. Маратъ былъ всегда другомъ народа, и народъ будетъ всегда другомъ Марата. Если должна пасть голова Марата, то прежде падетъ голова сапера». Онъ поднялъ свой топоръ, и народъ двинулся пря-

ростомъ сильнѣй. А [illegible] все увеличивалось, такъ какъ теперь, [illegible] борьбу партій [illegible], [illegible] врагъ [illegible].

[illegible] были [illegible] департаментахъ [illegible]. Ліонъ, Марсель и Бордо были [illegible]. [illegible] Ліонъ проявилъ [illegible] антипатію къ партіи Горы. [illegible] этого города не только [illegible] монархіи. [illegible] муниципалитетъ [illegible] Парижъ [illegible] Конвента [illegible] войну.

Но [illegible] со стороны [illegible]. Мы уже [illegible] этой провинціи. Тутъ дворяне и [illegible] священники [illegible] народъ [illegible] ству, что [illegible] учрежденій, [illegible] не стояли [illegible] уваженіемъ и [illegible]. Ц[illegible], [illegible] этой странѣ не было [illegible], [illegible] жалъ тутъ послѣ 1789 года [illegible] революціи и не было. Получилось также [illegible] этой провинціи [illegible] Франціи. [illegible] гласно патріархальныхъ [illegible] жались особой охотой, и поэтому [illegible] были тутъ хорошими стрѣлками; а это обстоятельство сыграло крупную роль во время возстанія. Крестьяне были тутъ [illegible] ными арендаторами, и [illegible] годный доходъ [illegible] 500—600 [illegible]; [illegible] платили своимъ [illegible]. Населеніе, [illegible] божности до [illegible], было [illegible] доходами, такъ что [illegible] потребностей. Дворянство и духовенство [illegible] уваженіемъ среди этихъ простыхъ и [illegible] крестьянъ. Конвентъ [illegible] шенію къ [illegible], [illegible] дворяне и священники [illegible] становляли Вандею противъ Конвента.

Поводомъ къ возстанію послужило рѣшеніе конвента со-[illegible] отношеніе. Вандейцы не хотѣли бороться за республику. Комиссары и офицеры, отправленные сюда для производства набора, встрѣчали повсюду скрытую вражду или открытое сопротивленіе. Въ деревнѣ Машкуль офицеръ, руководившій дѣломъ набора, былъ убитъ, и возстаніе распространилось съ невѣроятной быстротой по всей провинціи. Повсюду республиканскіе отряды подвергались нападенію и безпощадно истреблялись. Вандейцы проявили уже въ самомъ началѣ возстанія поразительную жестокость и фанатизмъ. Они вели войну со своеобразной тактикой, при чемъ значительную помощь оказывалъ имъ характеръ ихъ мѣстности. Они стрѣляли въ республиканцевъ изъ-за кустовъ и деревьевъ и легко приходили въ свои мѣстности [illegible]; тогда они набрасывались съ дикимъ крикомъ и избивали республиканцевъ тяжелыми дубинами. Вскорѣ у нихъ нашлись популярные вожаки, такъ, напр., бывшій извозчикъ Кателино, лейтенантъ III роты, лѣсничій Стоффле, Боншанъ, Лескюръ и Ларошъ-Жакленъ. Вначалѣ возстаніе шло успѣшно ужъ по одному тому, что для подавленія его конвентъ отправилъ совершенно неспособныхъ генераловъ. Англія поддерживала повстанцевъ деньгами, такъ что вскорѣ возстаніе было вполнѣ организовано, и цѣлью его было провозглашено возстановленіе католической церкви и возведеніе на престолъ Людовика XVII, малолѣтняго сына Людовика XVI, который вмѣстѣ съ матерью находился тогда въ тюрьмѣ.

Обѣ стороны вели войну со страшной жестокостью. Возстаніе Вандеи поставило республику въ такое опасное положеніе, что конвентъ рѣшился на самыя крайнія мѣры. Этому сопротивлялись жирондисты, и такимъ образомъ возстаніе въ Вандеѣ стало одной изъ причинъ гибели этой партіи, нѣкогда выступавшей съ такимъ рвеніемъ противъ двора.

Конвентъ принялъ самыя строгія мѣры. За участіе въ какомъ-нибудь народномъ волненіи всякій священникъ и дворянинъ объявлялся стоящимъ внѣ закона; всѣ лица, пользовавшіяся въ прежнія времена опредѣленными привилегіями, должны были быть обезоружены; эмигранты изгонялись изъ страны навсегда и въ случаѣ возвращенія наказывались смертной казнью.

Противъ всѣхъ этихъ мѣръ можно было съ точки зрѣнія

гуманности и свободы сдѣлать много возраженій; но Гора не стала въ это время заниматься разсужденіями, такъ какъ дѣло тутъ шло не о томъ, чтобы изслѣдовать и устанавливать теоріи, а о томъ, чтобы спасти во что бы то ни стало республику. Конвентъ рѣшилъ принять эти мѣры, такъ какъ другихъ онъ не зналъ. А жирондисты постоянно противились всѣмъ энергичнымъ мѣрамъ, предложеннымъ въ этотъ чрезвычайно критическій моментъ Горою. Имъ казалось, что партійныя распри и ихъ доктрины стоятъ выше, чѣмъ Франція и республика. Образъ дѣйствій этой партіи до крайности озлоблялъ парижское населеніе, завоевавшее Франціи ея свободу, и озлобленный Парижъ, какъ мы увидимъ ниже, уничтожилъ эту партію.

Паденіе жирондистовъ.

Государственное благо съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе требовало изгнанія жирондистовъ изъ конвента, и Дантонъ, Маратъ и Робеспьеръ соединились съ коммуной для низверженія этой партіи, которая, казалось, ставила себѣ исключительной цѣлью ослабленіе силъ революціи. Правда, Дантонъ долгое время былъ противникомъ этой мѣры; онъ думалъ, что арестъ и обвиненіе членовъ конвента могутъ повлечь за собою очень опасныя послѣдствія. Но во время борьбы его сомнѣнія мало-по-малу исчезли.

Секціи образовали комитетъ, засѣдавшій открыто въ городской ратушѣ. Но изъ числа членовъ этого комитета былъ избранъ второй, болѣе тѣсный, комитетъ, который засѣдалъ въ архіепископскомъ дворцѣ, и предсѣдателемъ котораго былъ нѣкій Добсанъ. Этотъ центральный комитетъ сталъ подготовлять возстаніе противъ жирондистовъ, и такъ какъ онъ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ комитетомъ секцій, засѣдавшимъ въ ратушѣ, то онъ могъ въ каждую минуту поставить на ноги секціи и призвать ихъ къ оружію.

Въ конвентѣ узнали объ этихъ планахъ и подготовленіяхъ, и жирондисты старались предупредить коммуну. Предсѣдателемъ конвента былъ избранъ Иснаръ, вызывающее поведеніе котораго по отношенію къ лѣвой содѣйствовало обостренію конфликта. Гаде, одинъ изъ самыхъ ярыхъ противниковъ Горы и коммуны, думалъ, что возстанію можно помѣшать путемъ

постановленія конвента. Онъ произнесъ громовую рѣчь противъ заговора 10-го марта и потребовалъ смѣщенія парижскаго муниципалетета, мѣсто котораго должны были занять президенты секцій; затѣмъ онъ потребовалъ, чтобы были созваны въ Буржъ замѣстители членовъ конвента, которые могли бы перенять функціи конвента въ томъ случаѣ, если конвентъ, засѣдавшій въ Парижѣ, будетъ уничтоженъ.

Это наглое требованіе сначала поразило Гору; затѣмъ поднялся страшный шумъ. Раздались грозныя заявленія о томъ, что заговорщики, стремящіеся уничтожить единство республики, теперь сами разоблачили свои планы. Этой суматохѣ былъ положенъ конецъ Баррeромъ, который, заручившись согласіемъ комитета благоденствія, отличавшагося тогда еще значительной вялостью, предложилъ избрать комиссію изъ двѣнадцати членовъ для веденія слѣдствія по поводу плановъ, направленныхъ противъ жирондистовъ. Члены этой комиссіи назывались инспекторами залы. Въ комиссію попали исключительно враги Горы и коммуны, и поэтому неудивительно, что негодованіе Горы тотчасъ же направилось противъ нея. Лозунгомъ революціоннаго Парижа стало устраненіе комиссіи; рѣшено было, что 31 мая начнется возстаніе съ цѣлью низверженія этой комиссіи, одновременно съ которой должна была пасть и Жиронда. Съ самаго начала это возстаніе называли «моральнымъ», такъ какъ можно было предположить, что оно обойдется безъ кровопролитія. Командованіе національной гвардіей поручено было Анріо, такъ какъ Сантерръ въ то время командовалъ войсками, отправленными противъ возставшей Вандеи. Анріо былъ человѣкъ съ очень сомнительнымъ прошлымъ. Это былъ малоспособный хвастунъ и фразеръ. Но въ этотъ моментъ онъ, какъ оказалось, прекрасно подходилъ для порученной ему роли.

По приказанію комиссіи двѣнадцати было арестовано довольно много рѣшительныхъ революціонеровъ. Она приказала, между прочимъ, арестовать Гебера, помощника прокуратора общины. Геберъ издавалъ газету «Père Duchesne» и пользовался среди парижскаго населенія большой популярностью. Тонъ его газеты былъ очень рѣзокъ, но не болѣе рѣзокъ, чѣмъ тонъ жирондистскихъ и роялистскихъ газетъ. Коммуна подняла протестъ противъ ареста Гебера и объявила себя постоянной. То же самое сдѣлали революціонные коми-

теты и клубы. 27-го мая въ конвентъ явилась депутація коммуны и потребовала освобожденія Гебера и распущенія вышеупомянутой комиссіи. Одна секція потребовала даже привлеченія комиссіи къ суду революціоннаго трибунала. Иснаръ отвѣтилъ имъ слѣдующими словами: «Если возстаніе будетъ направлено противъ народнаго представительства, то *Парижъ будетъ уничтоженъ, и въ будущемъ придется разыскивать, на какомъ берегу Сены находился этотъ городъ»*.

Эти слова переполнили чашу. «Такая наглость,—воскликнулъ Дантонъ,—невыносима. Мы окажемъ сопротивленіе!»

Поднялась невообразимая суматоха, и такъ какъ жирондисты призвали для своей защиты вооруженную силу, то дѣло могло кончиться кровопролитіемъ. Толпы народа проникли въ залъ засѣданія. Раздались крики, что конвенту угрожаютъ вооруженные люди. Были призваны министръ внутреннихъ дѣлъ и мэръ для того, чтобы допросить ихъ о состояніи Парижа. Оба они заявили, что конвенту никто и ничто не угрожаетъ, что цѣлью движенія является уничтоженіе комиссіи двѣнадцати. Пашъ, съ своей стороны, заявилъ, что виновницей всѣхъ безпорядковъ является комиссія двѣнадцати.

Было уже поздно, и жирондисты хотѣли прекратить засѣданіе, чтобы такимъ образомъ уклониться отъ окончательнаго рѣшенія вопроса. Но Гора упорно настаивала на немедленномъ рѣшеніи его. Покинутое Иснаромъ предсѣдательское мѣсто было занято Геро де-Сешелемъ, другомъ Дантона. «Власть разума,—сказалъ Геро,—и власть народа—понятія тождественныя. Народу будетъ гарантирована справедливость». Вопросъ объ освобожденіи Гебера и другихъ арестованныхъ и о смѣщеніи комиссіи былъ поставленъ на голосованіе конвента и рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ. Народъ, тѣснившійся вокругъ конвента, привѣтствовалъ это рѣшеніе криками радости. Геберу надѣли вѣнокъ и отнесли его на рукахъ въ клубъ кордельеровъ.

На слѣдующій день жирондистъ Ланжюинэ сталъ утверждать, что декретъ недѣйствителенъ. Тщетно Дантонъ, не желавшій довести борьбу до крайностей, возражалъ противъ этого. Ослѣпленные, высокомѣрные жирондисты, преисполненные ненависти къ якобинцамъ, сами прокладывали себѣ путь къ гибели. Конвентъ далъ себя переубѣдить. Правда,

[illegible] не были арестованы, но комиссія была [illegible].

[illegible] силы [illegible]. Засѣданія [illegible] стало крайне [illegible] возстаніе. Однако, и теперь еще хотѣли, чтобы это возстаніе носило чисто моральный характеръ.

Когда 30-го мая секціи явились въ Конвентъ съ требованіемъ [illegible] комиссіи и [illegible] ея къ суду, [illegible] стало [illegible]. Они не получили отъ [illegible] письменнаго отвѣта, и тогда [illegible] грянуть въ [illegible] народныя массы.

31-го мая поднимается [illegible], ударили въ набатъ, и [illegible] нужно въ [illegible] тревоги. Въ [illegible] секціи стояли уже подъ ружьемъ и окружили [illegible], собравшійся въ 6 часовъ утра. Движеніе носило [illegible] характеръ [illegible] возстанія, такъ какъ [illegible] не [illegible] до кровопролитія.

Въ Конвентѣ дебатируется вопросъ о распущеніи комиссіи. Подъ бурные крики одобренія со стороны галлерей, [illegible] и Дантонъ [illegible] распущенія комиссіи. На галлереяхъ было много [illegible], которыхъ называли «[illegible] Робеспьера», такъ какъ этотъ послѣдній былъ ихъ любимцемъ. [illegible] поднимается Робеспьеръ, и произноситъ длинную и [illegible] рѣчь, направленную противъ жирондистовъ. Онъ [illegible] обвиняетъ въ томъ, что они хотѣли спасти короля и что они находились въ заговорѣ съ Дюмурье. Онъ требовалъ обвинительнаго декрета противъ нихъ.

[illegible] и центръ [illegible]. [illegible] депутаціямъ, требовавшимъ распущенія комиссіи, они сами [illegible] предложеніе о распущеніи ея. Кромѣ того, они предложили [illegible] вооруженную силу Парижа [illegible] и поручить [illegible], чтобы онъ занялся розысканіемъ [illegible] заговора. Конвентъ [illegible] предложеніе [illegible], поскольку [illegible] комиссіи, [illegible]. Положеніе [illegible] 31-го мая. Они стремились къ полному [illegible] Жиронды, и, по ихъ мнѣнію, распущеніе комиссіи нисколько не устраняло угрожав-

шей имъ опасности. Они хотѣли ковать желѣзо, пока оно было горячо. Стали дѣлаться приготовленія къ новому движенію, цѣлью котораго было изгнаніе изъ конвента и арестъ 22 жирондистовъ. Коммуна снова взяла въ свои руки руководство возстаніемъ и поручила Гассенфратцу вечеромъ 1-го іюня прочесть въ конвентѣ угрожающій адресъ, въ которомъ требовалось изгнаніе жирондистовъ. Маратъ проявилъ энергичную дѣятельность. Онъ и его другъ, испанецъ Гусманъ, казненный впослѣдствіи вмѣстѣ съ Дантономъ, собственноручно били въ набатъ.

2-го іюня рано утромъ населеніе Парижа съ оружіемъ въ рукахъ снова двинулось къ конвенту. Анріо имѣлъ подъ своимъ начальствомъ 100.000 человѣкъ съ 60 орудіями. О «моральномъ» возстаніи теперь уже не могло быть и рѣчи, и Анріо заявилъ, что Парижъ не сложитъ оружія, пока не добьется отъ конвента ареста 22 жирондистовъ.

Жирондисты могли два дня тому назадъ прекрасно удостовѣриться въ томъ, что народныя массы страшно озлоблены, и многіе изъ нихъ боялись самаго худшаго. Когда поэтому въ 10 часовъ утра 9-го іюня конвентъ былъ окруженъ народомъ, многія депутатскія мѣста на правой сторонѣ конвента оказались пустыми. Городъ былъ наводненъ вооруженными народными массами, раздавался звонъ набата и сигнальные выстрѣлы пушекъ. Возбужденіе народа передалось и конвенту. Ланжюинэ, отличавшійся своими реакціонными воззрѣніями, но обладавшій большимъ мужествомъ, бросился къ ораторской трибунѣ и сталъ обвинять коммуну, заявляя, что ея петиція является дѣтищемъ уличной грязи. Мясникъ Лежандръ крикнулъ ему злобно: «Молчи, или я тебя убью!» На это Ланжюинэ съ юморомъ отвѣтилъ: «Ты сначала потребуй отъ конвента, чтобы онъ постановилъ, что я—быкъ!» Якобинцы и жирондисты бросились къ ораторской трибунѣ,—первые для того, чтобы стащить Ланжюинэ съ трибуны, а вторые—чтобы защитить его. Начинается драка, на сцену появляются пистолеты и кинжалы, кто-то приставляетъ ко лбу Ланжюинэ пистолетъ; наконецъ, шумъ улегся, и появилась новая депутація коммуны, сдѣлавшая слѣдующее заявленіе: «Въ теченіе уже четырехъ дней граждане Парижа не выпускаютъ изъ рукъ оружія; въ теченіе уже четырехъ дней они требуютъ отъ своихъ довѣренныхъ, чтобы тѣ возстановили ихъ нарушенныя права, и въ

теченіе уже четырехъ дней эти довѣренные издѣваются надъ спокойствіемъ и бездѣятельностью довѣрителей. Заговорщики должны быть изгнаны изъ конвента и арестованы. Надо немедленно, тутъ же на мѣстѣ, спасти народъ—*или народъ самъ себя спасетъ!*»

Конвентъ колебался; стали раздаваться голоса, что такъ какъ конвентъ несвободенъ, то нельзя принять никакого рѣшенія. Однако, конвентъ постановляетъ передать петицію комитету благоденствія. Депутація покидаетъ залъ, произнося при этомъ различныя угрозы, а Левассеръ предлагаетъ арестовать жирондистовъ какъ людей подозрительныхъ. Но этого предложенія не обсуждаютъ. Отъ жирондистовъ требуютъ, чтобы они сложили свои полномочія, но, за исключеніемъ Иснара, Фоше и Лантена, они всѣ отказываются сдѣлать это. Тогда Барреръ хочетъ испробовать, свободно ли собраніе. Онъ предлагаетъ покинуть во главѣ съ президентомъ Геро залъ засѣданія и побудить собравшійся на улицѣ народъ, чтобы онъ разошелся. «Народные представители,—говоритъ онъ,—требуйте уваженія къ своей свободѣ. перенесите засѣданіе на улицу и *заставьте окружающіе васъ штыки склониться передъ вами!*»

Конвентъ принялъ предложеніе Баррера, но Маратъ выбѣгаетъ на улицу и требуетъ отъ Анріо, чтобы онъ задержалъ конвентъ до тѣхъ поръ, пока тотъ не будетъ вынужденъ издать декретъ объ арестѣ 22 жирондистовъ. Конвентъ съ Геро во главѣ выходитъ на Каруссельскую площадь и тамъ онъ сталкивается съ главнокомандующимъ Анріо, сидящимъ верхомъ на лошади. «Чего хочетъ народъ?—спрашиваетъ предсѣдатель конвента у Анріо,—конвентъ занимается только дѣлами, касающимися счастья народа!» На это Анріо не безъ ироніи возражаетъ ему: «Геро, народъ возсталъ не для того, чтобы слышать красивыя фразы; онъ хочетъ, чтобы ему выдали 22 виновныхъ. Пока вы не постановите этого, мы васъ не освободимъ». Геро хочетъ обратиться къ національнымъ гвардейцамъ съ требованіемъ, чтобы они арестовали своего начальника какъ бунтовщика. Но Анріо въ это время командуетъ громкимъ голосомъ: «Канониры, къ орудіямъ!» Жерла двухъ пушекъ направляются на конвентъ, и депутаты уныло возвращаются въ залъ засѣданія. Конвентъ рѣшается пожертвовать жирондистами, и Маратъ, повелѣвающій теперь,

какъ диктаторъ, сталъ вычеркивать изъ списка изгоняемыхъ одни имена, замѣняя ихъ другими. Въ концѣ концовъ былъ изданъ декретъ слѣдующаго содержанія:

«Національный конвентъ постановляетъ подвергнуть домашнему аресту нижепоименованныхъ депутатовъ, оставляя ихъ подъ охраной французскаго народа, національнаго конвента и честности гражданъ Парижа. Депутаты эти слѣдующіе: Жансоне, Гаде, Бриссо, Горса, Петіонъ, Верньо, Салль, Барбару, Шамбонъ, Бюзо, Бирото, Лидонъ, Рабо, Сентъ-Этьенъ, Ласурсъ, Ланжюино, Гранженевъ, Лесажъ, Луве, Валязэ, Кервелеганъ-Гардьенъ, Буало, Бертранъ, Вижe, Мольво, Ларивьеръ, Гамэръ, Бергоенъ. Точно так же домашнему аресту подвергаются министръ государственныхъ налоговъ, гражданинъ Кальверъ, и министръ иностранныхъ дѣлъ, гражданинъ Лебрэнъ».

Такъ пала партія жирондистовъ, трагическая судьба которой можетъ тронуть читателя, хотя всякій безпристрастный человѣкъ останется при томъ убѣжденіи, что республика могла быть спасена отъ гибели только путемъ полнѣйшаго низверженія этой партіи. Нельзя назвать геройствомъ изгнаніе изъ конвента при помощи пушекъ и штыковъ двухъ дюжинъ депутатовъ, но врядъ ли налицо имѣлось какое-нибудь другое средство. Парижскій народъ свергъ этихъ людей, притязавшихъ на роль представителей буржуазной аристократіи въ республикѣ. Среди нихъ были люди, заслуги которыхъ въ дѣлѣ борьбы за свободу были велики. Но они требовали отъ революціи, чтобы она остановилась тамъ, гдѣ имъ этого хотѣлось. При такомъ тщетномъ и безумномъ стремленіи ихъ поглотилъ водоворотъ революціи.

Жиронда могла бы оставить по себѣ лучшее историческое имя, если бы она приняла дѣятельное участіе въ той великой оборонительной войнѣ, которую Гора вела съ внутренними и внѣшними врагами. Но она предпочла мѣшать Горѣ въ проведеніи энергичныхъ мѣръ, не будучи въ то же время въ состояніи рекомендовать республикѣ другія и лучшія мѣры. Поэтому-то она и пала послѣ возстаній 31-го мая и 2-го іюня. Гора можетъ вполнѣ спокойно взять на себя отвѣтственность за эти безкровныя возстанія, такъ какъ они являлись результатомъ безусловной необходимости.

Господство Горы.

Второго іюня 1793 года закончился періодъ господства жирондистовъ въ конвентѣ, и начался періодъ террора, который называютъ также періодомъ ужаса. Гора, опираясь на народныя массы, господствовала въ конвентѣ и держала такимъ образомъ въ своихъ сильныхъ рукахъ весь законодательный и административный аппаратъ государства. Въ конвентѣ разыгрался еще эпилогъ къ драмѣ 31-го мая, такъ какъ семьдесять три члена его подняли протестъ противъ изгнанія жирондистовъ и воздержались отъ всякихъ голосованій. Но съ того времени борьба партій въ конвентѣ прекратилась надолго. Раздавалось меньше красивыхъ рѣчей, но тѣмъ грандіознѣе были труды, исполненные конвентомъ какъ въ его комитетскихъ засѣданіяхъ, такъ и во время общихъ собраній.

Гора, захватившая въ свои руки господство надъ всѣмъ и взявшая на себя отвѣтственность за все, чувствовала, что при данномъ необыкновенномъ положеніи вещей, при наличности массы внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ, надо дѣйствовать единодушно. Въ партіи Горы можно было отмѣтить три теченія, группировавшіяся вокругъ трехъ вождей демократіи: вокругъ Дантона, Робеспьера и Марата. Различія между ними въ эту эпоху выступали еще не совсѣмъ ясно; впослѣдствіи же они должны были стать причиной расколовъ и крупныхъ катастрофъ. Подъ вліяніемъ партійныхъ раздоровъ жирондисты упустили изъ виду благо республики; Гора была настолько великодушна и патріотична, что думала только объ одномъ, а именно—о спасеніи республики отъ опасностей, грозившихъ ей внутри и извнѣ. Эта могучая демократическая партія бросилась для спасенія свободы въ зіяющую пасть революціи подобно тому, какъ нѣкогда бросился въ пропасть римлянинъ Курцій. Пожертвовавъ собою, она одержала побѣду.

Единодушіе Горы создало также единодушіе конвента. Комитетъ благоденствія, въ составъ котораго вскорѣ вошли члены партіи Горы, не находилъ больше въ конвентѣ никакой оппозиціи. Члены «Долины» тоже должны были признать, что для выхода изъ того чрезвычайно тяжелаго положенія, въ которое попала страна, требуется примѣненіе чрезвычайныхъ мѣръ. Такимъ образомъ диктаторское правительство могло дѣйствовать съ той силой, тѣмъ единодушіемъ и быстротой,

которыя требовались для того, чтобы страна могла преодолѣть всѣ затрудненія.

Въ самомъ дѣлѣ, врядъ ли когда-нибудь какое-либо правительство переживало такія тяжелыя времена, какія приходилось переживать французскому правительству лѣтомъ 1793 года. До того времени жирондисты съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго примѣненія, тормозили всѣ дѣла республики. Только теперь Гора могла выпрямиться во весь ростъ, и она немедленно приступила къ работѣ.

Флоты Англіи и Испаніи отрѣзали Францію отъ моря, сдѣлали невозможнымъ всякій подвозъ товаровъ извнѣ, свели на-нѣтъ ея торговлю и старались усилить бѣдствія и нужду внутри страны. Но сама природа пришла на помощь угрожаемой со всѣхъ сторонъ Франціи: поля и виноградники дали въ 1793 году чрезвычайно богатый урожай, и двадцатипяти милліонное населеніе Франціи могло, несмотря на переживаемый страной внутренній кризисъ, пропитаться продуктами своей родной почвы. Но на всѣхъ границахъ стояли вражескія войска, готовыя наброситься на республику. Еще болѣе страшные размѣры приняли опасности, угрожавшія странѣ внутри. Въ Вандеѣ сформировались три арміи, выступившія на борьбу съ конвентомъ. Главнокомандующимъ этими арміями былъ Кателино. Каждая армія насчитывала около 12.000 человѣкъ. Боншанъ стоялъ съ анжуйской арміей на Луарѣ; въ центрѣ стояла «великая армія» подъ начальствомъ д'Эльбе, а въ нижней Вандеѣ стоялъ Шареттъ съ «арміей болота».

Къ этому надо прибавить еще возстаніе, вызванное паденіемъ жирондистовъ. Большая часть южныхъ и сѣверныхъ департаментовъ возстала противъ конвента въ отвѣтъ на событія 31-го мая и 2-го іюня. Въ городахъ муниципальная власть большею частью находилась въ рукахъ якобинцевъ, тогда какъ господствовавшая въ секціяхъ зажиточная буржуазія стояла на сторонѣ жирондистовъ. Это обстоятельство повлекло за собою повсюду ожесточенную борьбу, которая вылилась въ форму возстанія, извѣстнаго подъ именемъ «федералистическаго», хотя жирондисты и протестовали противъ этого названія. Федерализмъ являлся въ эту эпоху дѣйствительно политическимъ преступленіемъ, такъ какъ республику могла спасти только сильная центральная власть.

Якобинскіе муниципалитеты на югѣ и сѣверо-западѣ были

большей частью низвергнуты и замѣнены жирондистскими. Бордо, Тулуза, Марсель, Тулонъ и Ліонъ возстали противъ конвента еще до паденія Жиронды. Роялисты, бывшіе все время настороже, вмѣшались въ эти провинціальныя возстанія и придали имъ совершенно иной характеръ, чѣмъ тотъ, какой хотѣли имъ придать ихъ инициаторы. Ліонъ всецѣло попалъ въ руки роялистовъ, такъ какъ въ этомъ торговомъ городѣ одни только рабочіе были приверженцами Горы. Секціи въ этомъ городѣ находились цѣликомъ подъ вліяніемъ купечества. Онѣ низвергли якобинскій муниципалитетъ и казнили главаря якобинцевъ Шалье. Затѣмъ городъ принялъ эмигрантовъ и поручилъ роялисту стараго закала маркизу де-Преси командованіе военными силами Ліона. Тотъ фактъ, что второй по своей величинѣ городъ государства поднялся противъ правительства, значительно затруднилъ положеніе конвента, сдѣлалъ его критическимъ, и этимъ объясняется то страшное наказаніе, которому конвентъ подвергъ возставшій городъ.

Арестованные въ Парижѣ жирондисты не могли вначалѣ жаловаться на строгое обращеніе; они даже продолжали получать, въ качествѣ членовъ конвента, полагавшіеся имъ 18 франковъ содержанія. Но нѣкоторые изъ нихъ бѣжали въ провинціальные города и примкнули тамъ къ возставшимъ, и это обстоятельство вызвало, конечно, болѣе строгія мѣропріятія противъ ихъ единомышленниковъ, оставшихся въ Парижѣ. Роланъ бѣжалъ въ Руанъ, между тѣмъ какъ его жена была арестована въ Парижѣ. Точно также бѣжали Кондорсе и Ларевельеръ-Лепо, въ то время, какъ Верньо и Жансонне оставались въ Парижѣ; Бриссо былъ арестованъ въ Муленѣ, Манюэль—въ Монтаржи. Многіе жирондисты бѣжали изъ-подъ домашняго ареста, подкупивъ своихъ сторожей; бѣжали Гаде, Лувe, Бюзо, Петіонъ, Барбару, Иснаръ, Кервелеганъ, Ланжюинэ и другіе, отправившіеся въ Нормандію и собравшіеся въ Кальводо въ Каенѣ. Каенъ сталъ центральнымъ пунктомъ жирондистскаго возстанія, охватившаго вскорѣ всю Нормандію и Бретань. Такимъ образомъ 60 департаментовъ находились въ открытомъ вооруженномъ возстаніи противъ конвента, которому оставались вѣрны всего лишь какихъ-нибудь 20 департаментовъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что Гора должна была обладать почти сверхчеловѣческой отвагой, чтобы не придти

въ самомъ началѣ борьбы [illegible]. Поэтому [illegible] люди, которые вступили въ эту борьбу и [illegible] достойны занять одно изъ первыхъ мѣстъ въ исторіи, что бы про нихъ ни говорили.

Окруженный со всѣхъ сторонъ возставшими департаментами, конвентъ принужденъ былъ принять самыя рѣшительныя, строгія мѣры. Революціонный трибуналъ усилилъ свою дѣятельность, и бѣжавшіе жирондисты были объявлены стоящими внѣ закона, такъ что, схвативъ кого-нибудь изъ нихъ, власти могли по удостовѣреніи личности казнить его. Противъ возставшихъ были быстро сформированы особыя арміи [illegible] федералистическое возстаніе.

Конституція 1793 года.

Конвентъ дѣйствовалъ съ большимъ успѣхомъ, и цѣлый рядъ возставшихъ городовъ и департаментовъ, испуганныхъ строгостью принятыхъ имъ мѣръ, вскорѣ снова подчинился ему. Другіе города ждали лишь удобнаго случая для этого. Конвентъ хотѣлъ [illegible] дать въ руки такой случай и [illegible] выработать среди [illegible] междоусобицъ и революціонной борьбы проектъ конституціи. Жирондисты безпрестанно обвиняли Гору въ тираніи и анархіи. Составивъ конституцію, Гора показала, какъ она намѣрена упорядочить дѣла республики по окончаніи внутреннихъ и внѣшнихъ войнъ. Это рѣшеніе Горы было не менѣе удачно, чѣмъ направленный [illegible] федерализма декретъ о единствѣ и нераздѣльности республики.

Спеціальный комитетъ конвента былъ уже давно занятъ выработкою конституціи, и Кондорсе установилъ основныя черты ея. Конечно, въ проектѣ Кондорсе нашли свое выраженіе взгляды жирондистовъ. Гора отвергла проектъ Кондорсе и постановила выбрать новый комитетъ для выработки конституціи, причемъ теперь въ составъ комитета вошли одни только якобинцы. Предсѣдателемъ этого комитета былъ избранъ Геро де-Сешель, который именно является авторомъ конституціи 1793 года. Она была выработана въ нѣсколько дней, такъ какъ у Горы не было свободнаго времени, чтобы вырабатывать [illegible] конституцію съ такой же прохладцей, съ какой, [illegible], впослѣдствіи франк-

фуртскій парламентъ вырабатывалъ германскую имперскую конституцію.

Тьеръ говоритъ, что проектъ конституціи былъ составленъ «въ моментъ демократическаго безумства»; такого упрека нельзя, какъ намъ кажется, сдѣлать Геро де-Сешелю, который отличался яснымъ, спокойнымъ умомъ философа.

Эта конституція была выраженіемъ абсолютной и чистой демократіи. Она устанавливала, что каждый французъ, достигшій 21 года, становится гражданиномъ государства и пользуется съ этого момента всѣми политическими правами безъ всякаго имущественнаго ограниченія. Граждане входятъ въ составъ первичныхъ собраній, и для этого страна должна быть раздѣлена на округа по 50.000 человѣкъ въ каждомъ. Первичныя собранія должны созываться каждаго 1-го мая. Каждое первичное собраніе избираетъ путемъ прямыхъ выборовъ депутатовъ въ національное собраніе. Это національное собраніе является высшимъ учрежденіемъ страны, и комитеты его должны завѣдывать всѣми дѣлами республики. Рѣшенія національнаго собранія должны получать силу законовъ, если въ теченіе извѣстнаго срока противъ нихъ не высказалось большинство первичныхъ собраній. Право наложенія вето, такъ сильно способствовавшее паденію Людовика XVI, было тутъ превращено въ демократическій принципъ, такъ какъ оно было передано суверенному народу. Исполнительная власть должна была находиться въ рукахъ исполнительнаго совѣта, въ составъ котораго имѣли войти 24 члена. Этотъ исполнительный совѣтъ долженъ былъ избираться первичными собраніями путемъ косвенныхъ выборовъ. Первичныя собранія должны были составлять списокъ кандидатовъ, а національному собранію предоставлялось право вычеркивать изъ этого списка столько именъ, пока, наконецъ, въ спискѣ не оставалось только 24 имени. Замѣтимъ мимоходомъ, что этотъ исполнительный совѣтъ представлялъ собою совершенно излишній балластъ для конституціи.

Въ введеніи къ этой конституціи упоминалось также о правѣ на трудъ. Тамъ говорилось: «Общественное вспомоществованіе составляетъ священный долгъ. Общество обязано поддерживать несчастныхъ гражданъ или *доставленіемъ имъ работы*, или обезпеченіемъ средствъ существованія неспособнымъ къ труду».

Этотъ пунктъ показываетъ намъ, что конституція должна

была создать чисто буржуазную демократію, предполагающую наличность классовыхъ различій. Она давала народу полное политическое равенство, но не затрагивала важнаго вопроса о томъ, какъ обезпечить существованіе гражданина государства; единственнымъ средствомъ обезпеченія существованія, казалось ей, была общественная милостыня, которую теоретики партіи Горы (какъ, напр., Робеспьеръ въ своей «деклараціи правъ человѣка») считали *долгомъ богатыхъ по отношенію къ бѣднымъ.* Дѣло въ томъ, что работа, которая должна была быть доставлена нуждающимся, тоже разсматривалась какъ милостыня. Надъ вопросомъ объ организаціи труда никто вообще и не задумывался.

Несмотря на это, народныя массы были сильно привязаны къ этой конституціи. Во время крупныхъ возстаній предмѣстій весною 1795 года рабочіе Сентъ-Антуанскаго предмѣстья написали мѣломъ на своихъ шляпахъ: «*Хлѣба и конституціи 1793 года*». Изъ этого видно, что они прекрасно знали, что одна конституція 1793 года не дастъ имъ еще хлѣба. Конституція была принята конвентомъ 24-го іюня, но тотчасъ же временно отмѣнена съ той мотивировкой, что во время борьбы даннаго періода нельзя управлять страной при помощи демократической конституціи; эта мотивировка была совершенно правильна, такъ какъ безъ диктатуры Горы Франція распалась бы. Мы не видимъ особаго смысла въ разсужденіяхъ о томъ, была ли конституція 1793 года жизнеспособна или нѣтъ, такъ какъ она никогда не вступала въ силу, и, слѣдовательно, о ея жизнеспособности нельзя говорить на основаніи опыта. Но во всякомъ случаѣ мы можемъ сказать, что мнѣніе, будто эта конституція была нежизнеспособна, въ виду того, что она допускала участіе въ дѣлахъ правленія представителей всѣхъ слоевъ населенія, не выдерживаетъ критики, такъ какъ этому мнѣнію вполнѣ противорѣчитъ тотъ фактъ, что конвентъ, спасшій Францію изъ самаго тяжелаго положенія, въ какое вообще когда-либо попадало государство, былъ тоже составленъ изъ представителей всѣхъ слоевъ народа.

Принятіе конвентомъ этой конституціи сразу обусловило переходъ большого количества департаментовъ на сторону конвента. Конституція должна была быть представлена на утвержденіе первичныхъ собраній, и конвентъ предоставилъ для этого только трехдневный срокъ. Но провинціи видѣли теперь,

что противники Горы оклеветали эту партію, обвиняя ее постоянно въ стремленіи къ монархіи или къ диктатурѣ.

Такъ конституція усилила власть Горы и увеличила довѣріе къ ней.

Смерть Марата.

Послѣ паденія Жиронды Маратъ нѣсколько отстранился отъ политической дѣятельности. Онъ считалъ республику спасенной послѣ того, какъ «государственные мужи и интриганы» были изгнаны изъ конвента и лишены своей политической власти. Онъ за послѣдніе мѣсяцы сильно переутомился, а вслѣдствіе прежняго пребыванія въ подвалахъ и подземельяхъ, у него появилась накожная сыпь; это послѣднее обстоятельство давало поводъ его врагамъ къ клеветѣ. Онъ видѣлъ, какъ республика усвоила его идеи и какъ правительство уничтожало и дѣлало безвредными открытыхъ и тайныхъ враговъ страны. Въ этотъ именно моментъ ему пришлось разстаться съ жизнью, послѣ того, какъ онъ завоевалъ полное довѣріе парижскаго народа.

Враги революціи ненавидѣли Марата больше, чѣмъ всѣхъ остальныхъ революціонеровъ, такъ какъ онъ никого не щадилъ, разоблачалъ заговоры, не боялся дѣлать логическіе выводы изъ данныхъ предпосылокъ и обладалъ поразительной энергіей. Жирондисты, являвшіеся представителями зажиточной буржуазіи, ненавидѣли Марата какъ представителя интересовъ пролетаріата. Они рисовали Марата какъ грубаго, низкаго, чуждающаго человѣка, постоянно жаждущаго крови. Они постоянно клеветали на него и создали вокругъ него цѣлую сѣть лжи и извращеній. Такъ какъ онъ былъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ ихъ пораженій, то они приписывали ему самые ужасные и безумные планы, такъ что получалось впечатлѣніе, будто онъ постоянно занятъ одной лишь мыслью о томъ, какъ бы превратить Францію въ море крови. Имъ казалось, что Маратъ составляетъ величайшее несчастіе для Франціи.

Этими воззрѣніями проникласъ двадцатилѣтняя дворянка Шарлотта Кордэ д'Арманъ въ Каенѣ, состоявшая тамъ въ сношеніяхъ съ бѣглыми жирондистами. Эта пылкая дѣвушка была восторженной поклонницей революціи. На основаніи сочиненій древнихъ писателей она создала себѣ идеальныя пред-

ставленія о республиканской добродѣтели и, подобно госпожѣ Роланъ, поражалась при видѣ того, какъ мало сходно было у французской республики съ этими идеалами. Шарлотта Кордэ усвоила себѣ взгляды жирондистовъ. Она преклонялась передъ вождями этой партіи и ненавидѣла якобинцевъ за то, что они были врагами жирондистовъ. Говорятъ, будто возлюбленнымъ красивой, серьезной и умной Шарлотты былъ какой-то офицеръ, казненный за роялистскій образъ мыслей, и будто его смерть зажгла въ ней непримиримую ненависть къ якобинцамъ.

Эта дѣвушка видѣла въ Маратѣ несчастье своего отечества и рѣшила для спасенія родины убить Марата.

Мотивы, побудившіе ее къ этому, никогда, пожалуй, не будутъ точно установлены. Дѣйствовала ли она изъ тщеславія, честолюбія, изъ желанія сыграть извѣстную роль въ революціи для того, чтобы записать свое имя на скрижаляхъ исторіи? Или, можетъ быть, ея ненависть къ якобинцамъ и сочувствіе къ своимъ друзьямъ были достаточно сильны для того, чтобы побудить ее на подобный шагъ? Многіе говорили, будто она питала пылкую страсть къ жирондисту Барбару, отличавшемуся необыкновенной красотой, и будто она не встрѣтила у Барбару взаимности, поэтому жизнь стала для нея бременемъ, и она рѣшила пожертвовать своей жизнью и въ то же время уничтожить опаснѣйшаго и ненавистнаго врага Жиронды. Но доказательствъ для этого никакихъ нѣтъ. Точно также нельзя доказать, что жирондисты подстрекнули Шарлотту Кордэ убить Марата.

Какъ бы то ни было, въ первой половинѣ іюля 1793 года Шарлотта выѣхала изъ Каена въ Парижъ. Она была настолько занята своимъ планомъ, что отвергла сдѣланное ей во время пути выгодное предложеніе. Пріѣхавъ въ Парижъ, она запаслась большимъ острымъ ножомъ, который она спрятала подъ своимъ платкомъ. Сначала она думала убить Марата въ конвентѣ, но потомъ она узнала, что онъ боленъ и не покидаетъ своей квартиры. Два раза она тщетно приходила къ нему. Она выдавала себя за ревностную патріотку изъ Кальвадо и сказала, что она должна сдѣлать Марату очень важное сообщеніе. Въ концѣ концовъ, она сумѣла устранить подозрѣнія Симоніи Эврарь, подруги Марата. Шарлотта написала также Марату письмо, въ которомъ говорила, что хочетъ разоблачить заговоры жирондистовъ въ Каенѣ.

Когда Шарлотта снова пришла къ Марату, [illegible] женщина не хотѣла ее пропустить къ нему. Маратъ, слышавшій какъ разъ въ это время въ ваннѣ и что-то писавшій, услыхать разговоръ за дверью и велѣлъ впустить посѣтительницу. Симонна, бывшая у Марата, удалилась изъ комнаты. Шарлотта была возлѣ ванны, рядомъ съ Маратомъ, который [illegible] тать ее подробно и [illegible] ея движеніями. Ничего не подозрѣвая, онъ [illegible] нить, что слышно въ Канѣ. Шарлотта сказала ему имена 18 бѣжавшихъ жирондистовъ [illegible] стей захватили власть въ свои руки. Она называла имена, и Маратъ записалъ ихъ. Затѣмъ онъ сказалъ: «Превосходно! Недолго уже имъ ждать [illegible] скоро отправятся они на гильотину!»

Въ этотъ моментъ Шарлотта вскакиваетъ и вонзаетъ ножъ до самой рукоятки въ грудь Марата.—Спасите меня Симонна, [illegible]—воскликнулъ Маратъ [illegible] голова и въ предсмертныхъ судорогахъ опускается въ наполненную кровью воду. Когда въ комнату вошла Симонна, онъ уже былъ мертвъ. Шарлотту Кордэ, оставшуюся стоять неподвижно, схватили подоспѣвшіе жильцы дома и передали властямъ; съ трудомъ удалось ее спасти отъ мести разъяреннаго народа.

Народъ былъ страшно взволнованъ извѣстіемъ о смерти Марата. Убитаго оплакивалъ народъ и хоронили съ большой торжественностью [illegible] какъ героя. Знаменитый художникъ Давидъ написалъ его портретъ, который былъ [illegible] въ Конвентѣ и впослѣдствіи уничтоженъ роялистами.

Послѣ Марата наличными деньгами осталась одна ассигнація въ 25 су (т.-е. копеекъ въ 45). Демократія послѣ его смерти относилась къ нему какъ къ божеству, что было такъ же нелѣпо, какъ и мерзости [illegible] впослѣдствіи его прахъ изъ Пантеона и бросившихъ его въ клоаку.

На Марата всегда возлагали отвѣтственность за крайности системы ужаса. А между тѣмъ система ужаса, въ истинномъ смыслѣ этого слова, началась только послѣ его смерти. Въ самомъ дѣлѣ, начиная съ 12 августа 1792 года, когда былъ избранъ первый революціонный трибуналъ, и кончая днемъ смерти Марата, въ Парижѣ было осуждено по обвиненію въ измѣнѣ всего на всего 64 человѣка. Со дня же смерти Марата

и до паденія Робеспьера, то-есть въ теченіе одиннадцати слишкомъ мѣсяцевъ, были казнены 2.572 человѣка. Маратъ никогда даже не пытался изъ личной ненависти возвести на эшафотъ истиннаго демократа; всѣ его нападки были направлены только противъ враговъ демократіи. Онъ не дожилъ до того тяжелаго времени, когда Гора стала расшатывать свою собственную партію. Онъ называлъ себя «окомъ народа» и имѣлъ на это полное право, такъ какъ онъ былъ болѣе дальнозорокъ, чѣмъ кто бы то ни было въ то время. Его постигла такая же участь, какъ и многихъ другихъ: за свою защиту интересовъ бѣднаго народа онъ навлекъ на себя ненависть богатыхъ и сильныхъ и ихъ приспѣшниковъ. Клевета представила образъ этого дѣятеля въ извращенномъ видѣ. Однако, непредубѣжденному человѣку онъ представляется какъ страстный, не особенно симпатичный человѣкъ, но зато полный любви къ народу и справедливости. Во всякомъ случаѣ, онъ не представляетъ собою такого чудовища, какимъ его стараются изобразить реакціонные и мѣщанскіе историки.

Шарлотта Кордэ была привлечена къ суду революціоннаго трибунала и проявила при этомъ поразительное мужество. Но на допросѣ она сама признала всю безсмысленность своего поступка. «Какую цѣль,—спросилъ ее предсѣдатель трибунала,—преслѣдовали вы, рѣшивъ убить Марата?» «Я хотѣла,—отвѣтила Шарлотта,—чтобы во Франціи прекратились безпорядки и чтобы мое отечество снова вернулось къ мирной жизни». Тогда предсѣдатель спросилъ ее: «Развѣ вы думаете, что вамъ удалось убить всѣхъ Маратовъ?» «Нѣтъ,—возразила Шарлотта печально,—но затѣмъ она сказала, измѣнивъ голосъ: Я убила *одного* человѣка, чтобы спасти сотни тысячъ людей; я убила *одного* злодѣя, чтобы спасти многихъ невинныхъ!» Этимъ она ясно показала, что совершенно не понимала хода революціи.

Она была осуждена на смерть и казнена 15 іюля. Тысячи парижанъ толпились на улицахъ и на мѣстѣ казни, когда ее везли на эшафотъ; очень многіе были тронуты ея молодостью и красотой. Рабочіе, которыхъ она лишила ихъ могучаго защитника, были крайне озлоблены противъ нея. Одинъ депутатъ, нѣмецъ Люксъ, изъ Майнца, безумно влюбился въ нее и заявилъ, что она «выше Брута». За это онъ попалъ на эшафотъ. Одинъ изъ палачей схватилъ отрубленную голову и сталъ

наносить сіи удары; народъ былъ возмущенъ этимъ, и палачъ подвергся за это наказанію.

Шарлотта Кордэ жестоко ошиблась въ своихъ надеждахъ: она переоцѣнивала и Марата, и себя, думая, что однимъ ударомъ кинжала она можетъ вернуть Франціи миръ.

Майнцъ и Вандея.

Оправившись отъ перенесенныхъ въ Шампани невзгодъ, герцогъ Брауншвейгскій рѣшилъ напасть на занятый французами Майнцъ. Близъ Бахараха онъ перешелъ черезъ Рейнъ и оттѣснилъ французовъ, находившихся подъ начальствомъ неспособнаго генерала Багарнэ, отъ Майнца, такъ что теперь онъ могъ подвергнуть крѣпость полной блокадѣ.

Въ Майнцѣ демократическая партія взяла съ помощью французовъ все управленіе страной въ свои руки. Приверженцевъ этой партіи называли «клубистами», такъ какъ они группировались вокругъ одного клуба, засѣдавшаго въ одномъ старомъ курфюршескомъ замкѣ. Былъ созванъ рейнско-германскій національный конвентъ, въ предсѣдатели котораго былъ избранъ профессоръ Гофманъ изъ Вюрцбурга, человѣкъ ясно выраженнаго республиканскаго образа мыслей. Этотъ конвентъ провозгласилъ земли отъ Ландау до Бингена свободнымъ республиканскимъ государствомъ и устранилъ всѣхъ крупныхъ и мелкихъ князей, всѣ свѣтскія и духовныя власти. Затѣмъ было рѣшено обратиться къ парижскому конвенту съ просьбой о присоединеніи новаго государства къ французской республикѣ; для этой цѣли въ Парижъ была послана особая депутація, состоявшая изъ трехъ членовъ, среди которыхъ также находился знаменитый ученый Георгъ Форстеръ.

Между тѣмъ пруссаки подъ начальствомъ Калькрейта осадили Майнцъ, а Багарнэ долженъ былъ отступать все дальше и дальше. Майнцъ подвергся страшной бомбардировкѣ, но онъ упорно защищался. Полъ-города было превращено въ развалины, и 22-го іюля 1793 года французскій гарнизонъ крѣпости долженъ былъ сдаться, вслѣдствіе недостатка съѣстныхъ припасовъ. Демократы и клубисты, попавшіе въ руки побѣдителей, подверглись суровой расправѣ: ихъ засадили въ майнцскія крѣпости Кенигштейнъ и Петерсбергъ (близъ Эрфурта). Курфюршеское правительство было снова возстановлено.

Такъ исчезла рейнско-германская республика, и исчезла при этомъ такъ же быстро, какъ и зародилась. Французскій гарнизонъ двинулся въ Вандею, такъ какъ онъ долженъ былъ дать обѣщаніе, что больше не будетъ выступать противъ союзныхъ войскъ, и за это получилъ свободный пропускъ. А въ Вандеѣ дѣла конвента были очень плохи. Правда, войскамъ конвента безъ труда удалось подавить возбужденное жирондистами федералистское возстаніе. Роялистскій генералъ Вимпфенъ, командовавшій собравшимися въ Каенѣ жирондистами, потерпѣлъ 15-го іюля 1793 года у Вернона такое позорное пораженіе, что жирондистовъ охватилъ паническій ужасъ, и они бѣжали изъ Каена. Города Ліонъ, Бордо, Марсель и Тулонъ ограничились теперь тѣмъ, что приняли однѣ лишь оборонительныя мѣры, а Тулуза покорилась конвенту.

Что же касается Вандеи, то она оказывала сильное и упорное сопротивленіе конвенту. Полчища инсургентовъ почти повсюду одерживали побѣды надъ республиканскими войсками. У Сомюра, гдѣ они побили неспособнаго генерала Мену, они захватили 80 орудій и 100.000 ружей, они заняли также Анжеръ. Вандейскія арміи соединились на нижней Луарѣ и въ количествѣ 30,000 человѣкъ напали на Нантъ. Въ распоряженіи республиканскаго генерала Канкло, защищавшаго Нантъ, имѣлось не болѣе 10.000 человѣкъ, половину которыхъ составляли національные гвардейцы. Казалось, что яростная атака вандейцевъ кончится для нихъ вполнѣ удачно; но въ это время главнокомандующій повстанцевъ Кателино былъ смертельно раненъ пулей, и смерть любимаго вождя до того испугала вандейцевъ, что они отступили отъ города. Такимъ образомъ Нанту удалось избѣгнуть печальной участи въ великой битвѣ 29 іюня. Но въ то же время республиканскій генералъ Вестерманъ, проникшій побѣдоносно вплоть до Шатильона, потерпѣлъ 5-го іюля сильное пораженіе, потерявъ при этомъ все свое войско и орудія. Войска вандейцевъ неоднократно уходили обратно въ лѣса, но тамъ они снова пополнялись и представляли собою послѣ каждаго пораженія не менѣе страшную силу, чѣмъ раньше.

Обѣ стороны вели эту ужасную междоусобную войну съ самой утонченной жестокостью. Республиканцы, озлобленные возстаніемъ, предательски разразившимся въ тылу республики въ тотъ самый моментъ, когда противъ нея поднялась вся

Европа, дѣйствовавшая въ [illegible] [illegible]
[illegible] за это республиканцевъ-французовъ. [illegible]
своей [illegible] [illegible]. [illegible] республиканцы,
и при этомъ [illegible] [illegible], что [illegible],
чѣмъ республиканцы, потому что [illegible]
[illegible] передъ [illegible].

Эта [illegible] Франціи, [illegible] чувство [illegible] лись въ то время. Правда, [illegible] возбужденнаго [illegible] фанатизма.

Республиканская [illegible].

Въ то время, какъ правительство республики старалось вооружить и обучить военному дѣлу большое количество молодыхъ республиканцевъ для защиты границъ страны отъ нашествія враговъ, въ то время, какъ внутри страны [illegible] мѣстныя [illegible] разстройство, такъ что во многихъ мѣстахъ [illegible] щенныхъ продуктовъ [illegible] себя чувствовать съ [illegible] силой,—въ это время [illegible] какое-нибудь средство, которое дало бы [illegible] воодушевленіе. Франція [illegible] теперь [illegible] если это возможно, [illegible], чѣмъ въ [illegible] сентябрѣ 1792 года. Въ самомъ дѣлѣ, [illegible] Парижъ, и [illegible] сильно подняла голову. [illegible] рѣшено устроить въ честь принятія конституціи 1793 года большой праздникъ братства и назначить этотъ праздникъ на день [illegible] династіи Бурбоновъ, а именно на 10-ое августа. При этомъ можно было убѣдиться въ томъ, какъ быстро повернулось колесо революціи: многіе [illegible] политики, содѣйствовавшіе [illegible] 10-го августа 1792 года, сидѣли теперь въ тюрьмахъ или [illegible] отъ власти, будучи объявлены [illegible] закона.

На праздникъ отправились въ Парижъ представители 4.000 французскихъ общинъ; [illegible] около 8.000 представителей первичныхъ собраній. [illegible] только представители отъ Вандеи, [illegible], [illegible], Тулона

и Ліона. Кромѣ этихъ мѣстъ, первичныя собранія всюду приняли новую конституцію; одна лишь община Сенъ-Тоннаъ, въ сѣверномъ департаментѣ, отвергла конституцію и объявила себя сторонницей Бурбоновъ.

Праздникъ федераціи прошелъ 10-го августа съ большимъ торжествомъ; распоряжался устройствомъ праздества знаменитый живописецъ Давидъ, бывшій однимъ изъ самыхъ горячихъ сторонниковъ партіи Горы.

Утромъ, въ 4 часа, на площади Бастиліи собрались конвентъ, депутаты общинъ и 83 старѣйшины департаментовъ. Тутъ былъ устроенъ большой фонтанъ *«фонтанъ возрожденія»*. Изъ грудей высокой статуи, изображавшей природу, лилась въ бассейнъ чистая вода. Этимъ праздествомъ руководилъ председатель конвента Геро де-Сешель. Затѣмъ явились клубы и вооруженныя секціи, и восходъ солнца былъ встрѣченъ пѣніемъ марсельезы, раздавшимся изъ устъ тысячъ людей. Потомъ выступилъ молодой, красивый Геро и взялъ въ руки чашу. Онъ зачерпнулъ воды изъ «фонтана возрожденія», вылилъ нѣсколько капель на землю и самъ выпилъ. Старѣйшины департаментовъ также отпили воды. Затѣмъ всѣ двинулись къ площади революціи. Члены конвента несли пучки колосьевъ и въ особомъ ковчегѣ—грамоту о конституціи. Старѣйшины несли оливковыя вѣтви и копья.

На площади революціи была подожжена «тачка преступниковъ», нагруженная разными символами рабства, и изъ пламени поднялась статуя свободы, привѣтствуемая громомъ орудій. Тысячи птицъ, разукрашенныхъ трехцвѣтными лентами, взвились на воздухъ для того, чтобы повсюду разнести вѣсть о свободѣ и братствѣ французовъ.

Затѣмъ шествіе двинулось къ Марсову полю, гдѣ документы, касающіеся голосованій департаментовъ, были возложены на алтарь отечества. Тутъ, подъ громъ орудій, всѣ поклялись защищать конституцію до послѣдней капли крови. Послѣ этого председатель соединилъ копья старѣйшинъ въ пучокъ, указывая этимъ на союзъ, объединяющій департаменты. Этотъ пучокъ сталъ потомъ гербомъ республики, какъ нѣкогда fasces у римлянъ.

По окончаніи торжества начались народныя празднества. 10-ое августа оставило глубокое впечатлѣніе во всѣхъ участникахъ его, и французскій народъ крѣпко сплотился вокругъ

конвента. Представители общинъ дали свое согласіе на то, чтобы до окончанія борьбы конституція была отмѣнена; они также одобрили террористическую и энергичную политику партіи Горы.

Гора представляла собою послѣ праздника федераціи сплоченную и сильную партію. Но руководившего праздненст-вами Геро, автора конституціи 1793 года, уже черезъ три четверти года ждала смерть на эшафотѣ.

Ассигнаты и таксы

Если партія Горы была неразборчива въ принимаемыхъ ею для защиты Франціи средствахъ, то къ этому ее побуждалъ образъ дѣйствій Питта, который былъ еще менѣе разборчивъ въ своихъ средствахъ. Питтъ, казалось, рѣшилъ во что бы то ни стало уничтожить республику; съ одной стороны, онъ по-лагалъ, что этимъ онъ навсегда обезсилитъ Францію и, слѣ-довательно, англійская торговля будетъ долго и рѣшительно на міровомъ рынкѣ; съ другой стороны, онъ, какъ настоящій британскій аристократъ, отъ всей души своей ненавидѣлъ революцію. Нисколько не задумываясь, онъ пускалъ въ ходъ всякія средства для того, чтобы ввергнуть французскій на-родъ въ ужасную нищету, и надѣялся уничтожить демократію голодомъ. Послѣ паденія жирондистовъ, англійскія суда со-вершенно закрыли доступъ во всѣ французскія гавани и за-хватывали даже нейтральныя суда, направлявшіяся во фран-цузскіе порты. Вслѣдствіе этого, нужда во Франціи приняла ужасающіе размѣры.

Къ этому надо прибавить, что по приказанію Питта пе-чатались милліарды фальшивыхъ ассигнатовъ, которые пуска-лись въ обращеніе во Франціи; они попадали въ страну че-резъ Швейцарію и Германію. Вслѣдствіе этого, курсъ этихъ бумажныхъ денегъ, стоявшій и безъ того уже очень низко, сталъ еще сильнѣе падать. Какъ видитъ читатель, англійскій министръ не стѣснялся прибѣгать къ такому средству, которое въ глазахъ честныхъ людей является гнуснымъ преступленіемъ. Французы были, конечно, озлоблены появленіемъ этихъ фаль-шивыхъ денегъ и наказывали за распространеніе ихъ смертью. Было извѣстно, что въ маленькомъ нѣмецкомъ городкѣ Ку-зелѣ, расположенномъ близъ французской границы, находится

фабрика фальшивыхъ ассигнатовъ. Такъ какъ фабрики не удалось найти, то депутатъ Гентцъ приказалъ сжечь весь городъ, что, конечно, не помѣшало англичанамъ распространять дальше свои фальшивыя деньги.

Уже въ началѣ 1793 года французское правительство успѣло выпустить ассигнатовъ на 3½ милліарда. Вначалѣ было постановлено, что эти бумажныя деньги, которыя должны были имѣть характеръ лишь денежныхъ квитанцій, будутъ сжигаться всякій разъ, когда ими будутъ платить за продаваемыя національныя земли. Камбонъ изъ Монпелье, завѣдывавшій, въ качествѣ члена комитета благоденствія, финансами страны и получившій, хотя и незаслуженно, кличку «палача финансовъ», сжегъ на 1 милліардъ ассигнатовъ; но обыкновенно поступавшіе въ казну ассигнаты пускались въ обращеніе; когда же правительство нуждалось въ деньгахъ, оно печатало новые ассигнаты въ большемъ количествѣ.

Самому правительству эти бумажныя деньги, выпущенныя подъ залогъ національныхъ земель, еще помогали кое-какъ во время кризисовъ революціи, но народъ страшно страдалъ отъ колебаній цѣнъ на съѣстные припасы и отъ колебанія цѣнностей денежнаго рынка. Если блокада гаваней и закрытіе границъ значительно разстроили и чуть ли не совсѣмъ погубили торговлю страны, то наводненіе Франціи бумажными деньгами могло только усилить бѣдствіе: цѣны всѣхъ товаровъ страшно поднялись. Металлическія деньги, превратившіяся въ товаръ, встрѣчались очень рѣдко. Многіе товары совершенно перестали появляться на рынкѣ, такъ какъ ихъ владѣльцы не хотѣли ихъ продавать за бумажныя деньги. Не будь налицо реквизиціи и не выдавай парижская коммуна хлѣбныхъ пайковъ, парижское населеніе было бы осуждено на голодную смерть. Кромѣ того, ростовщичество и спекуляція дѣлали положеніе еще болѣе тяжелымъ. Многіе безсовѣстные люди старались обогатиться среди всей этой нищеты, увеличивая такимъ образомъ ея размѣры. По одному базельскому списку биржевыхъ курсовъ въ январѣ 1793 г., за 100 ливровъ ассигнатами давали только 29 ливровъ металлическими деньгами. Подъ вліяніемъ побѣдъ, одержанныхъ республиканскими войсками, курсъ поднялся въ ноябрѣ до 44, а въ декабрѣ даже до 51.

Въ лучшемъ положеніи находились продавцы, такъ какъ

они принимали ассигнаты лишь по ихъ биржевой цѣнѣ. Скверно было положеніе рантье и кредиторовъ государства, такъ какъ государство платило имъ ассигнатами по номинальной цѣнѣ; рабочимъ и чиновникамъ жалованье также выплачивалось ассигнатами и тоже по номинальной цѣнѣ. Несоотвѣтствіе между цѣнами товаровъ и курсомъ денегъ стало значительнымъ, и нужда приняла такіе размѣры, что уже въ маѣ рѣшено было принять противъ этого опредѣленныя мѣры. По предложенію Тиріона конвентъ постановилъ ввести такъ наз. максимумъ цѣнъ. Противъ этого сильно возставали жиродисты.

Благодаря этой мѣрѣ, бѣдствія были немного ослаблены, но она повлекла за собою цѣлый рядъ непріятностей и притѣсненій. Прежде всего было запрещено подъ страхомъ строгаго наказанія обмѣнивать золото и серебро на ассигнаты выше номинальной стоимости. Этимъ конвентъ надѣялся уничтожить ажіотажъ. Но такъ какъ уничтожить экономическіе законы, господствующіе надъ денежнымъ рынкомъ, было невозможно, то отъ вышеупомянутаго запрещенія положеніе дѣлъ не измѣнилось, и золотыя или серебряныя деньги стоили всегда дороже ассигнатовъ, обращавшихся въ странѣ въ громадномъ количествѣ. Ажіотажъ не былъ уничтоженъ. Затѣмъ былъ запрещенъ вывозъ и храненіе металлическихъ денегъ. 4-го мая 1793 года была установлена максимальная цѣна на хлѣбъ; затѣмъ были установлены максимальныя цѣны на мясо, овощи, горючіе матеріалы, мыло, фрукты, напитки, обувь, платье и на цѣлый рядъ другихъ предметовъ. Вскорѣ конвентъ увидѣлъ себя вынужденнымъ назначить таксы не только для готовыхъ товаровъ, но и для сырыхъ матеріаловъ. Пришлось устраивать домашніе обыски, завести сыскъ; много времени уходило на приготовленіе таблицъ и т. д. Всѣ царившіе до того времени въ торговлѣ обычаи были нарушены, товары стали появляться на рынкѣ во все меньшемъ количествѣ, такъ что впослѣдствіи за скрываніе запасовъ пищевыхъ продуктовъ законъ наказывалъ смертной казнью. Но тутъ пришлось устанавливать, какое количество продуктовъ необходимо для отдѣльнаго человѣка. Вскорѣ конвентъ увидѣлъ, что эти мѣропріятія постоянно будутъ находиться въ непримиримомъ противорѣчіи съ частной торговлей, и поэтому членъ конвента Дюбуа-Крансе предложилъ устроить во всѣхъ городахъ и селахъ правитель-

ственные магазины, въ которыхъ съѣстные припасы продавались бы по цѣнѣ, соотвѣтствующей издержкамъ производства съ небольшой только прибавкой. Однако, эта попытка передать въ руки государства торговлю хлѣбомъ и съѣстными припасами не увѣнчалась успѣхомъ. Дальше установленія максимальныхъ таксъ конвентъ при рѣшеніи вопроса о цѣнахъ не пошелъ.

Партія Горы не прямкнула къ мысли объ организаціи производства и потребленія на новыхъ началахъ. Да и широкихъ идей такого рода тогда еще не было. Только впослѣдствіи Бабефъ создалъ продуманную, новую соціально-экономическую систему, которая, однако, въ сравненіи съ соціализмомъ нашихъ дней, не выдерживаетъ особенной критики. Гора создавала такіе экономическіе правила и законы, которые казались ей подходящими для даннаго момента. И въ этомъ отношеніи она не всегда могла похвастать успѣхомъ. Ассигнаты, максимальныя таксы и ужасъ, наводимый національной юстиціей на враговъ революціи, содѣйствовали удержанію плодовъ революціи. Но слѣдуетъ признать, что страшная борьба, которую пришлось вести Горѣ съ многочисленными врагами республики, заполняла все ея время, такъ что ей было некогда заняться разработкой глубокихъ соціально-экономическихъ проблемъ.

Недостатокъ съѣстныхъ припасовъ, паденіе курса бумажныхъ денегъ и связанныя съ этимъ бѣдствія причиняли необыкновенныя страданія парижскому населенію. Тотъ фактъ, что оно геройски переносило всѣ эти страданія, помогая въ то же время уничтожать враговъ свободы, составляетъ величайшую жертву, которую парижское населеніе принесло дѣлу революціи.

Комитетъ благоденствія.

Гора уже давно провозгласила свои демократическіе принципы, основанные на соціальной философіи Жанъ-Жака Руссо; она являлась, въ противоположность жирондистамъ, умѣвшимъ отстаивать лишь интересы зажиточной буржуазіи, представительницей демократіи съ ея основными требованіями свободы, равенства и братства. Она хотѣла основать республику для всего народа, а не только для одного отдѣльнаго класса. Но въ виду того, что страна находилась въ крайне тяжеломъ положеніи, эта партія была вынуждена подавить въ себѣ всѣ

гуманныя чувства и пустить въ ходъ всѣ тѣ сильныя средства, при помощи которыхъ она надѣялась спасти Францію.

Депутаты муниципалитетовъ, явившіеся въ Парижъ на праздникъ федераціи, потребовали отъ конвента отмѣны конституціи до заключенія мира, массоваго народнаго ополченія, продленія революціоннаго состоянія или революціоннаго правленія, которое прибѣгало бы къ самымъ энергичнымъ мѣрамъ для укрѣпленія республики, и, наконецъ, ареста всѣхъ подозрительныхъ лицъ.

Конвентъ исполнилъ эти требованія безъ всякихъ колебаній. 23 августа было объявлено о новомъ массовомъ ополченіи: всѣ французы, способные носить оружіе, призывались для защиты отечества, угрожаемаго со всѣхъ сторонъ врагами. Декретъ гласилъ: «Французскій народъ объявляетъ въ лицѣ своихъ представителей, что онъ весь подымается для защиты своей свободы, своей конституціи и для окончательнаго освобожденія своей родины отъ враговъ. Съ этого момента вплоть до того времени, пока непріятель не будетъ прогнанъ изъ предѣловъ республики, всѣ французы готовы къ службѣ въ войскахъ. Молодежь пойдетъ сражаться; женатые будутъ ковать оружіе и заботиться о доставкѣ съѣстныхъ припасовъ; женщины будутъ изготовлять палатки, платье и бѣлье и будутъ служить въ госпиталяхъ; дѣти будутъ щипать корпію; старики, наконецъ, будутъ на общественныхъ площадяхъ возбуждать мужество воиновъ».

Пылкая энергія конвента передалась всей Франціи; подъ знамена явилось больше милліона французовъ, и было образовано 14 армій.

28 августа было объявлено, что революціонное состояніе продолжается. Этимъ на всю Францію распространялось военное положеніе, что являлось въ данный моментъ мѣрой, необходимой для общественнаго блага. 17 сентября былъ обнародованъ законъ, согласно которому всѣ подозрѣваемые во враждебномъ отношеніи къ республикѣ должны были быть арестованы. Сѣть эту соткалъ Мерленъ изъ Дуэ, и всѣ подозрительныя лица должны были запутаться въ ней.

Революціонное правительство, которое вновь образовалось теперь подъ именемъ комитета благоденствія и которое было достаточно смѣло для того, чтобы вступить въ борьбу со всѣми многочисленными врагами республики, дѣйствовало совершенно

[illegible], какъ этого требовало дальнѣйшее [illegible] рѣшеніе [illegible]. [illegible] не легко выпускать изъ рукъ. [illegible] было усилій. [illegible] силы энергичнѣе и рѣшительнѣе [illegible] эпохи революціи. Тутъ засѣдалъ Барреръ, который [illegible] обыкновенно оффиціальнымъ представителемъ и [illegible] комитета въ конвентѣ и искусно составленные доклады [illegible] возбуждали народъ; Колло д'Эрбуа и Бійо-Варенъ, давно уже обратившіе на себя вниманіе въ клубѣ якобинцевъ, засѣдавшіе въ комитетѣ съ [illegible]; въ комитетѣ засѣдалъ также пылкій юноша Сенъ-Жюстъ и [illegible] другъ Робеспьера Кутонъ, больной [illegible], [illegible] убѣждать въ нихъ революціоннаго духа; кромѣ того, [illegible] были: Геро де-Сешель, Ленде, оба Пріёра и Жанъ-Бонъ Сентъ-Андре. Дантонъ не вошелъ въ комитетъ. Тюріо и Гаспаренъ выступили изъ комитета, и вмѣсто нихъ въ него вошли два человѣка, дѣятельность которыхъ и придала комитету всю его важность и значеніе: то были Робеспьеръ и Карно.

Вступивъ въ составъ правительства, Робеспьеръ очень скоро сдѣлалъ его очень могущественнымъ. Народъ [illegible] съ большимъ довѣріемъ, чѣмъ ко всѣмъ остальнымъ [illegible] дѣятелямъ, и называлъ его [illegible]. Всѣ знали, что онъ ведетъ себя и живетъ очень просто. Онъ жилъ у одного столяра, на дочери котораго и думалъ, когда настанутъ болѣе спокойныя времена, жениться. [illegible] у него [illegible] не мало способствовало росту его популярности среди народныхъ массъ; онъ всегда одѣвался въ одномъ и томъ же простомъ синемъ сюртукѣ, [illegible] жилетѣ и желтыхъ брюкахъ. Къ своимъ рѣчамъ онъ всегда тщательно подготовлялся, и онѣ были постоянно [illegible] обработаны и [illegible] революціонны [illegible]. [illegible] выступилъ съ обвиненіями противъ враговъ [illegible] и пользовался полнымъ довѣріемъ народныхъ массъ. [illegible] смерти Марата Робеспьеръ еще болѣе выдвинулся на первый планъ. То обстоятельство, что онъ вступилъ въ составъ комитета, въ значительной степени увеличило силу этого учрежденія. Дантонъ, у котораго временами необычайной энергіи смѣнялись полными упадками, сталъ отступать на задній планъ: Робеспьеръ затмилъ его. Отнынѣ къ голосу Робеспьера стала прислушиваться вся Европа. Онъ [illegible] чувствовалъ себя уже [illegible] диктаторомъ.

Въ лицѣ Карно комитетъ принялъ въ свой составъ геніальнаго генія, а въ этомъ правительство особенно нуждалось. До революціи Карно былъ военнымъ инженеромъ. Это былъ горячій и въ то же время скромный человѣкъ. Убѣжденный республиканецъ, онъ держалъ себя съ одинаковымъ благородствомъ какъ въ бурную эпоху полной опасностями революціи, такъ и во времена наполеоновскаго деспотизма. Этотъ геніальный человѣкъ создалъ совершенно новое военное искусство. Безпорядочныя толпы солдатъ, собранныя путемъ массоваго ополченія, Карно превратилъ въ дисциплинированныя и хорошо вооруженныя войска. Онъ противопоставилъ коалиціи четырнадцать армій, дѣйствовавшихъ на границахъ Франціи по его плану. Противъ союзныхъ войскъ, которыя придерживались еще старой линейной тактики, арміи Карно сражались по новому методу, дѣйствуя врассыпную, и новая тактика оказалась очень удачной. Геній Карно отразилъ нашествіе союзниковъ, уже вторгшихся во Францію. За свои великія заслуги Карно получилъ почетное имя «организатора побѣды», и никто не заслужилъ своего почетнаго имени въ большей степени, чѣмъ онъ.

Комитетъ благоденствія фактически сталъ дѣйствовать съ диктаторской властью, хотя оффиціально такая власть за нимъ не признавалась. Конвентъ не протестовалъ, потому что это являлось необходимостью. Составъ комитета безопасности былъ обновленъ: въ него вошли различные члены партіи Горы, среди которыхъ, впрочемъ, нашлось нѣсколько грубыхъ людей, жестоко издѣвавшихся надъ арестованными и осужденными. Но партія Горы ничуть не одобряла образа дѣйствій этихъ людей.

Въ то же время въ революціонный трибуналъ также вошли новые люди. Предсѣдателемъ трибунала былъ избранъ теперь Дюма, который впослѣдствіи сталъ прямо неистовствовать въ нёмъ; тогда же Фукье-Тенвилль постепенно сталъ создавать себѣ свое грозное имя въ качествѣ прокурора. Дѣятельность этого трибунала не мало содѣйствовала опороченію революціи: ему приходилось часто находить преступленія тамъ, гдѣ ихъ совсѣмъ не было, если онъ хотѣлъ оставаться на почвѣ судебныхъ формальностей. Фукье-Тенвилль прекрасно подходилъ для роли обвинителя, но его обвиненія и рѣчи часто далеко не блистали умомъ.

Трибуналъ долженъ былъ оглушать быстрыми и тяжелыми ударами враговъ республики. Но онъ съ первыхъ же шаговъ

своей дѣятельности совершилъ страшную ошибку: онъ сталъ осуждать совершенно незначительныхъ людей за различные мелкіе проступки. «Казалось,—говоритъ одинъ изъ современниковъ,—что трибуналъ учрежденъ не для важныхъ преступниковъ».

Такъ было организовано революціонное правительство, прозванное правительствомъ ужаса, потому что оно устрашало своихъ враговъ ужасами своихъ мѣропріятій. Но если бы верхъ въ борьбѣ одержали враги этого правительства; то во Франціи воцарился бы еще большій ужасъ.

Парижская коммуна.

Комитетъ благоденствія принималъ самыя энергичныя мѣры для защиты республики, коммуна же стремилась облегчить положеніе парижскаго населенія. Рабочіе этого большого города принимали самое дѣятельное участіе въ послѣднихъ движеніяхъ, имѣвшихъ цѣлью заставить конвентъ дѣйствовать въ въ духѣ революціи. 31-го мая и 2-го іюня они на призывъ набата вышли массами на улицу. Они готовы были на все для республики, но ихъ не могли удовлетворить однѣ только политическія мѣры, принятыя Горой. Они требовали хлѣба. Уже во время паденія жирондистовъ предмѣстья требовали созданія такъ называемой революціонной арміи; затѣмъ они требовали, чтобы на хлѣбъ была установлена постоянная цѣна въ три су за фунтъ и чтобы были построены оружейные заводы для народа. Конвентъ колебался. Но къ 4-му сентября 1793 года нужда достигла въ предмѣстьяхъ Парижа такихъ громадныхъ размѣровъ, что на площади Гревъ произошла народная демонстрація. Прокураторъ коммуны Шометтъ прочелъ декретъ конвента объ установленіи максимальной таксы, но толпа отвѣчала, что декретъ самъ по себѣ ничего не даетъ, что ей сейчасъ же нуженъ хлѣбъ. Коммуна доставила самое необходимое. На слѣдующій день Шометтъ и Пашъ явились въ конвентъ во главѣ депутаціи, снаряженной коммуной. Оба они изобразили передъ конвентомъ бѣдствія народа, и конвентъ постановилъ организовать революціонную армію въ 6,000 человѣкъ. Эта армія, начальникомъ которой былъ назначенъ бывшій писатель генералъ Ронсенъ, должна была переходить съ мѣста на мѣсто, мѣшать проискамъ аристократовъ, обезпечивать наборъ сол-

дать и [illegible] у [illegible] [illegible] и содѣйствовать всѣми способами дѣлу республики. Ее сопровождалъ передвижной эшафотъ.

Коммуна взяла въ свои руки выполненіе закона о преслѣдованіи подозрительныхъ лицъ, и конвентъ снова разрѣшилъ производить ночные обыски. Въ революціонные комитеты муниципалитетовъ вошли новые люди, и члены комитетовъ стали получать по три франка въ день. Затѣмъ по предложенію коммуны было постановлено, чтобы каждая секція въ Парижѣ устраивала два раза въ недѣлю засѣданія. За участіе въ этихъ засѣданіяхъ каждый членъ секціи, жившій своимъ трудомъ, долженъ былъ получать по 40 су (2 франка). Эта мѣра находилась въ связи съ другимъ постановленіемъ, согласно которому рабочіе за свою службу въ вооруженныхъ секціяхъ получали по 2 франка въ день.

Мѣропріятія эти имѣли куда большее значеніе, чѣмъ самыя красивыя рѣчи лучшихъ ораторовъ конвента. Они внушили пролетаріату предмѣстій увѣренность въ томъ, что люди, стоящіе у кормила правленія и руководящіе революціей, твердо рѣшились улучшить также положеніе бѣдныхъ слоевъ населенія. Дѣла въ Парижѣ находились въ крайне печальномъ положеніи: въ торговлѣ и промышленности царилъ полный застой, и о заработкѣ нечего было думать. Поэтому правительство поступало совершенно справедливо, подавая руку помощи парижскому населенію, которое составляло его лучшую опору и которое изъ-за революціи очутилось въ самомъ бѣдственномъ положеніи; нельзя также не одобрить того, что правительство старалось развить въ населеніи политическіе интересы, сдѣлавъ посѣщеніе собраній секцій обязательнымъ. Реакціонные историки очень часто сравнивали эти траты конвента на облегченіе бѣдствій народа съ требованіемъ «panem et circenses» въ Римѣ. Но эти господа забывали, что Парижъ находился въ исключительныхъ условіяхъ и что древне-римскій пролетаріатъ содержался на средства общества, между тѣмъ какъ современное общество само покоится на трудѣ пролетаріата.

Конвентъ и коммуна дѣйствовали въ то время вполнѣ единодушно, хотя власть коммуны была значительно ослаблена возобновленіемъ дѣятельности революціонныхъ комитетовъ, «этого чудовища, охватившаго Францію 44.000 рукъ».

Таковы были тѣ основы, на которыя опиралась такъ называемая система ужаса. Получивъ въ свои руки почти неограниченную власть, революціонное правительство взяло на себя отвѣтственность за всѣ свои дѣйствія и уничтожило всѣхъ своихъ враговъ. Ниже мы увидимъ, какъ дѣйствовала система террора и какъ она стала гибельной для страны, разложеніе всего управленія.

Междоусобицы и политическіе процессы

Благодаря энергіи руководящей власти, конвентъ въ короткое время справился съ безпорядками внутри страны. Бордо скоро подчинился, и его постигло довольно мягкое наказаніе. Объясняется это тѣмъ, что Тальенъ, посланный туда въ качествѣ комиссара конвента, познакомился тамъ съ дочерью испанскаго банкира Кабарюса, госпожой де-Фонтенэ, которая обворожила его своей красотой и убѣдила не прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ. Она потомъ вышла за него замужъ, и мы будемъ еще говорить о ней въ послѣдующемъ изложеніи.

Городъ Марсель сдался еще въ августѣ, и конвентъ отправилъ туда депутата Фрерона, который жестоко отомстилъ ему за возстаніе. Нѣсколько сотъ человѣкъ было казнено, самъ же городъ былъ лишенъ своего имени: его отнынѣ стали называть «Безыменной общиной».

Въ Тулонѣ судьба Марселя вызвала страшную панику, и изъ боязни передъ конвентомъ городъ рѣшилъ отдаться англичанамъ. Почти всѣ военныя суда Франціи находились въ тулонской гавани; они были выданы англичанамъ, и англійскій адмиралъ Гудъ занялъ Тулонъ, провозгласилъ тамъ восьмилѣтняго Людовика XVII королемъ и ввелъ конституцію 1791 года. Месть конвента за эту измѣну была ужасна. Но въ данный моментъ борьба велась у Ліона, гдѣ собралось много роялистовъ, защищавшихся съ большой отвагой и поразительной стойкостью. Долго Дюбуа Крансе не могъ завладѣть городомъ, и осада тянулась до октября. Но тутъ явился Кутонъ съ арміей въ 25 тысячъ человѣкъ, и послѣ убійственной бомбардировки городъ долженъ былъ сдаться.

По предложенію Барера конвентъ жестоко отомстилъ этому городу, возстаніе котораго поставило республику въ крайне опасное положеніе. Декретъ гласилъ: «Комиссія изъ

Армія двинется отправится въ Ліонъ для того, чтобы захватить и казнить всѣхъ контръ-революціонеровъ, поднявшихъ въ этомъ городѣ оружіе противъ республики. Всѣ жители города будутъ обезоружены, за исключеніемъ тѣхъ, которые не принимали участія въ возстаніи. *Городъ Ліонъ будетъ разрушенъ.* Въ цѣлости останутся только дома бѣдняковъ, фабричныя зданія, мастерскія, госпитали, школы и общественныя зданія. Городъ въ будущемъ не будетъ больше называться Ліономъ, а «Освобожденной общиной». На развалинахъ города будетъ воздвигнутъ памятникъ съ надписью: *Ліонъ боролся противъ свободы,—Ліона больше нѣтъ*».

Кутонъ, Колло д'Эрбуа и Фуше привели этотъ декретъ въ исполненіе; послѣдовали многочисленныя казни, и приступили къ разрушенію города.

Но фанатическая гражданская война бушевала не только здѣсь; главная борьба происходила въ Вандеѣ. Въ пламенной рѣчи Барреръ требовалъ окончательнаго подавленія возстанія въ Вандеѣ. «*Уничтожьте Вандею*,—сказалъ онъ,—отъ каждаго удара, направленнаго противъ Вандеи, раздастся гулкое эхо въ возставшихъ городахъ, федералистическихъ департаментахъ и на границахъ страны. *Уничтожьте Вандею*, прежде всего Вандею». Конвентъ приказалъ окончить войну въ Вандеѣ до 20 октября. Арміи были стянуты; онѣ были усилены майнцскимъ гарнизономъ, и такимъ образомъ была образована западная армія, командованіе которой поручено было неспособному генералу Лешелю. Да и вообще въ вандейской войнѣ принимало участіе не мало неспособныхъ генераловъ, умѣвшихъ держать красивыя рѣчи въ клубахъ, но не имѣвшихъ никакого понятія о военномъ дѣлѣ. Неспособность Лешеля была, однако, уравновѣшена талантами служившихъ подъ его начальствомъ трехъ полководцевъ—Вестермана, Клебера и Марсо. Они-то дали повстанцамъ сраженіе при Шоле, въ которомъ 40.000 повстанцевъ были разбиты на-голову 13 тысячами республиканцевъ. Боншанъ, Лескюръ и д'Эльбе, лучшіе вожди вандейцевъ, пали въ этой битвѣ, которая произошла 15 октября 1793 года.

Комитетъ общественнаго спасенія приказалъ вырубать въ Вандеѣ лѣса, захватывать стада, снимать съ полей хлѣбъ; но стариковъ, женщинъ и дѣтей онъ приказалъ щадить и заботиться объ ихъ содержаніи. Изъ этого можно заключить, какую

[illegible] армiи отступила и рѣшила [illegible] предводительствомъ Ларошъ-Жаклена въ Бретань, гдѣ она могла разсчитывать на помощь англичанъ. [illegible] человѣкъ, среди которыхъ было много женщинъ и дѣтей, [illegible] въ Бретань. Англiя оставила ихъ безъ всякой помощи, а въ Бретани къ нимъ примкнули только [illegible] Вестерманъ и Марсо [illegible] въ сраженiи [illegible] ихъ при Ле-Манѣ 12 декабря; [illegible] были почти всѣ разстрѣляны. [illegible] Шаретъ, [illegible] на Луарѣ. Стоффле и Ларошъ-Жакленъ [illegible] остатки [illegible] были совершенно уничтожены [illegible] Этимъ [illegible] вандейцы и англичане [illegible] выступая мелкими бандами. Вандея была опустошена генераломъ Тюрро съ его адскими колоннами.

[illegible] въ Парижѣ [illegible] и революцiоннаго трибунала. [illegible] журналисты [illegible] въ Парижѣ [illegible] 22 арестованныхъ жирондистовъ. [illegible] также были [illegible] по подозрѣнiю [illegible] къ республикѣ; были также арестованы 73 депутата, которые протестовали въ Конвентѣ противъ [illegible] жирондистовъ.

Съ [illegible] [illegible]

[illegible]

[illegible] Марія Антуанетта. Ее на-
[illegible] Клери. [illegible] у нея и отдали въ
ученіе [illegible] Симону, который, какъ говорятъ, очень
[illegible] сь
[illegible] обращается со своими
ученик[illegible].

[illegible] въ суд[illegible] участіе въ заго-
вор[illegible] [illegible]. При-
сяжными были: [illegible] два столя-
ра, [illegible] хирургъ,
[illegible] безъ опредѣлен-
[illegible].

[illegible] въ качествѣ свидѣтелей вы-
ступили [illegible]. Настоящимъ свидѣтелемъ
[illegible] Клери[illegible] на засѣ-
даніе [illegible] не [illegible]
[illegible]. Трибуналъ призналъ Марію Антуанетту виновной и
[illegible] въ смертной казни. Она была казнена 16
октября [illegible] подъ
[illegible] ужe-
[illegible]
[illegible] частью
[illegible] и
[illegible] ренегатъ
[illegible] Дюмуріе въ
[illegible].

[illegible] октября [illegible] жирондистовъ.
[illegible] Бриссо, Верньо,
Жансонне, [illegible], Гардьэнъ, [illegible], Лестерпъ-Бо-
[illegible], Дюпра,
[illegible] въ
участіи [illegible]. Они
[illegible] трибуналъ
[illegible] предло-
женію Робеспьера, [illegible] пренія
[illegible] при-
сяжные [illegible] съ дѣломъ.
[illegible] 30 октября:
[illegible] приговоръ
[illegible] Вала[illegible].

закололь себя кинжаломъ. Его трупъ былъ все-таки отправленъ на мѣсто казни.

Жирондисты были казнены 31 октября; они пошли навстрѣчу смерти съ обычной для тѣхъ необычайныхъ временъ твердостью. У подножія эшафота они стали обниматься другъ съ другомъ и запѣли пѣсни въ честь свободы.

Такъ сошла со сцены исторіи эта партія, насчитывавшая въ своихъ рядахъ много блестящихъ и глубокихъ умовъ, но мѣшавшая, благодаря отсутствію энергіи и пониманія историческаго процесса, дальнѣйшему развитію революціи. Она была почти цѣликомъ уничтожена, такъ какъ и въ провинціи пали наиболѣе выдающіеся представители ея. Гаде, Салль и Барбару были казнены въ Бордо. Рабо Сентъ-Этьеннъ былъ преданъ однимъ ложнымъ другомъ, Кондорсе покинулъ убѣжище, въ которомъ онъ могъ считать себя въ безопасности и гдѣ онъ среди всѣхъ этихъ бурь написалъ свою книгу «о способности человѣческаго рода къ совершенствованію»; его арестовали вблизи Парижа, и въ тюрьмѣ онъ отравился. Петіонъ и Бюзо были растерзаны волками, и ихъ трупы нашли около Бордо. Госпожа Роланъ была осуждена въ Парижѣ и казнена 8-го ноября. Всѣ сидѣвшіе вмѣстѣ съ нею громко чтили ее и плакали, когда она выходила изъ тюрьмы. Она умерла со спокойствіемъ и гордостью римлянъ. Когда до ея мужа въ Руанѣ дошла вѣсть о ея смерти, онъ оставилъ свое убѣжище и въ пути покончилъ самоубійствомъ.

Въ это же время были казнены Мануэль, Байи и герцогъ Орлеанскій Эгалите. Байи, которому народъ не могъ забыть бойни на Марсовомъ полѣ, подвергся жестокимъ истязаніямъ. Во время великихъ переворотовъ ничто не забывается. Эгалите былъ осужденъ какъ участникъ заговора Дюмурье. Этотъ двуличный человѣкъ сказалъ своимъ судьямъ слѣдующее: *«Разъ ужъ рѣшили погубить меня, такъ вы бы, по крайней мѣрѣ, подыскали лучшія основанія!»* Этими словами онъ задѣлъ самую слабую сторону революціоннаго трибунала.

Республика прокладывала себѣ дорогу мечомъ, а сѣкира трибунала угрожала всѣмъ. Терроръ, господствовавшій теперь во Франціи, былъ ужасенъ; но отвѣтственность за него должна пасть на тѣхъ лицъ, которые поставили партію Горы передъ дилеммой: или побѣдить при помощи террора, или погибнуть

[illegible] Робеспьеръ.

Войны республики.

[illegible] англійско-голландское войско было [illegible] [illegible].

[illegible]

[illegible] требованій. Онъ [illegible] И Журданъ [illegible] Карно [illegible] лично на поле битвы. [illegible]

[illegible] Австрійцы от-
ступили далеко на сѣверъ, и Журданъ, къ которому перешло командованіе всею Сѣверной арміей, совершенно очистилъ сѣверную границу отъ непріятеля.

На Рейнѣ Богарне не имѣлъ успѣха. Къ тому же, онъ вообще не проявлялъ никакихъ военныхъ талантовъ. Отброшенный непріятелемъ у Ландау, онъ велѣлъ состоявшему подъ его начальствомъ Моро атаковать пруссаковъ у Пирмазенса, но потерпѣлъ пораженіе, совершенно потерялъ голову и былъ, наконецъ, смѣщенъ. Впослѣдствіи онъ былъ казненъ. Послѣ этихъ пораженій [illegible] армія получила [illegible] подкрѣпленія, и [illegible] молодой Гошъ, отличившійся въ Сѣверной арміи. Этотъ 25-лѣтній генералъ, въ которомъ Карно угадалъ геній, былъ раньше простымъ капраломъ и поступилъ въ гвардію. Самообразованіемъ онъ [illegible] способности. Идеи революціи глубоко захватили этого молодого, красиваго, богато одареннаго пламеннаго республиканца. Передавая [illegible] Рейнской арміей, [illegible] благоденствія [illegible]: «Побѣду или смерть». Гошъ [illegible] что онъ хочетъ побѣдить или умереть.

На пруссаковъ, [illegible] Брауншвейгскій, [illegible] съ корпусомъ австрійскаго [illegible] генералъ 28 ноября [illegible] битву при Кайзерслаутернѣ. Послѣ [illegible] обратился съ [illegible]. Въ дни 22 декабря [illegible] Вурмзера у Фрошвейлера и отбросилъ его къ Вейсенбургу, [illegible]. Черезъ [illegible] [illegible].

[illegible] войска были [illegible] и направлены къ Майнцу, между тѣмъ какъ Вурмзеръ переправился у Филипсбурга черезъ Рейнъ. Герцогъ Брауншвейгскій, [illegible] генералъ, сложилъ съ себя командованіе войсками.

Въ Италіи австрійскія и сардинскія войска вначалѣ дѣйствовали очень успѣшно противъ Келлермана, командовавшаго французскими войсками на этой границѣ, и принудили его от-

[illegible] Но [illegible] на нихъ и [illegible] пораженіе. У [illegible] постигла неудача: [illegible] въ битвѣ подъ [illegible] до [illegible]на.

[illegible] флотомъ подъ [illegible] стоялъ съ респуб- [illegible] генералъ Дюгомье. [illegible] городъ еще до конца года. [illegible] Но тутъ въ первый разъ вы- [illegible] было спустя [illegible] революціонную Францію. Мы говоримъ о Наполеонѣ Бонапартѣ. [illegible] тутъ впервые [illegible] можно [illegible] Тулонъ можно взять только [illegible] анґло-испанскій флотъ, [illegible] успѣшно обстрѣливать этотъ [illegible] форта Эгилеттъ. [illegible] Фортъ былъ взятъ, и [illegible] обстрѣливать непріятельскія суда [illegible] покинуть гавань. При [illegible] французскій флотъ, такъ что [illegible] въ цѣлости только 18. Тулонцамъ, такъ [illegible] себя въ борьбѣ противъ [illegible] теперь [illegible] мести. Гудъ [illegible] суда только [illegible] съ собой не- большую часть [illegible] при этомъ, [illegible] тулонцевъ, [illegible] гавани, на [illegible] звѣзда [illegible] стать по- [illegible] Франціи. Въ то время [illegible] и былъ другомъ [illegible] въ качествѣ [illegible] Тулономъ. Но въ головѣ молодого артиллерійскаго поручика [illegible] Азіи уже тогда [illegible]

Тулонъ сдался 20 декабря 1793 года, и конвентъ приказалъ своимъ коммиссарамъ Фрерону и Баррасу подвергнуть этотъ городъ, отдавшій себя въ руки англичанъ и провозгласившій монархію, жестокому наказанію. Около 200 человѣкъ было казнено, и городъ получилъ имя «Гавань Горы».

Въ [illegible] колоніяхъ французы терпѣли неудачу за неудачами. Они потеряли почти всѣ свои владѣнія въ Остъ-Индіи и Южной Америкѣ; на Гаити негры провозгласили себя независимымъ государствомъ, убили большую часть бѣлыхъ и вступили въ союзъ съ англичанами противъ французовъ, такъ какъ эти послѣдніе не хотѣли признать независимости негритянской республики Гаити.

Итакъ, въ общемъ, если не считать нѣкоторыхъ отдѣльныхъ пораженій, можно сказать, что въ 1793 году республика устояла противъ могущественной коалиціи ея враговъ. Она очистила свои границы отъ непріятеля, покончила съ внутренними междоусобными войнами, подавила всѣ возстанія. Франція плавала въ крови, пролитой республикой для того, чтобы съ успѣхомъ отразить своихъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ.

Новое лѣтосчисленіе.

Революція порвала со всѣмъ старымъ міромъ, съ его обычаями и нравами. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ представители революціи пошли, можетъ быть, слишкомъ далеко, такъ какъ формы личныхъ сношеній, платье и домашнія привычки должны быть дѣломъ личнаго вкуса и никоимъ образомъ не могутъ подвергаться регламентаціи. Въ обращеніяхъ другъ къ другу вмѣсто слова «господинъ» употреблялось теперь слово «гражданинъ». Всѣ говорили другъ другу «ты». Одежда санкюлотовъ, такъ наз. карманьола, состоявшая изъ камзола, широкихъ шароваръ, какъ у судовщиковъ, и якобинской шапки, стала почти общеупотребительной. Конвентъ провелъ цѣлый рядъ отчасти полезныхъ, отчасти лишь интересныхъ законодательныхъ реформъ. Система монетъ, мѣръ и вѣсовъ, которая была прежде въ высшей степени безпорядочной, была упорядочена, и въ основу ея легла десятичная система. Франкъ легъ въ основу монетной системы; метръ, литръ и граммъ стали единицами мѣръ и вѣса.

Конвентъ не представлялъ [illegible] реформацію [illegible] быть до того [illegible] сомнѣніемъ великаго [illegible]

гія основанія французской республики, что устранило христіанское лѣтосчисленіе и ввело новое, начавшееся съ момента провозглашенія французской республики. Первымъ днемъ 1-го года было назначено 22 сентября 1792 года, совпадавшее случайно съ осеннимъ равноденствіемъ, такъ что получилось впечатлѣніе, будто природа хотѣла стоять въ гармоніи съ новымъ лѣтосчисленіемъ. Введеніе республиканскаго календаря было постановлено Конвентомъ 24 октября 1793 года. Депутатъ Роммъ предложилъ этотъ календарь Конвенту уже на первыхъ засѣданіяхъ его. Нѣкоторыя улучшенія были внесены въ него поэтомъ Фабромъ д'Эглантиномъ, другомъ Дантона. Новый календарь дѣлилъ годъ на 12 мѣсяцевъ, по 30 дней въ каждомъ; они получили свои названія по временамъ года. Осенніе мѣсяцы назывались: Вандемьеръ (мѣсяцъ сбора винограда), Брюмеръ (мѣсяцъ тумановъ), Фримеръ (мѣсяцъ морозовъ); зимніе мѣсяцы назывались: Нивозъ (снѣжный мѣсяцъ), Плювіозъ (дождливый мѣсяцъ), Вантозъ (мѣсяцъ вѣтровъ); весенніе мѣсяцы назывались: Жерминаль (мѣсяцъ произрастанія), Флореаль (мѣсяцъ цвѣтовъ), Преріаль (мѣсяцъ луговъ); лѣтніе мѣсяцы назывались: Мессидоръ (мѣсяцъ жатвы), Термидоръ (мѣсяцъ жары), Фрюктидоръ (мѣсяцъ плодовъ). Каждый мѣсяцъ состоялъ изъ трехъ декадъ. Десятый день назывался декади и былъ праздничнымъ днемъ. Оставшіеся затѣмъ пять (для високоснаго года шесть) дополнительныхъ дней назывались, къ ужасу филистеровъ, санкюлотидами и были днями національныхъ празднествъ. Первый изъ санкюлотидовъ былъ праздникомъ ума, второй—праздникомъ труда, третій—праздникомъ общественнаго мнѣнія, такъ что въ этотъ день можно было безнаказанно высказывать всякія мнѣнія, можно было писать и говорить что угодно, и всякій долженъ былъ стараться защищать въ свою пользу общественное мнѣніе, опровергать всякія клеветы. Шестой санкюлотидъ, приходившійся только на високосные годы, предназначался для революціоннаго праздника.

Мы приводимъ здѣсь таблицу, сопоставляющую республиканскій календарь съ христіанскимъ.

Съ 1 по 30 вандемьера — съ 22 сентября по 21 октября
» 1 » 30 брюмера — » 22 октября » 20 ноября
» 1 » 30 фримера — » 21 ноября » 20 декабря

»	1	»	[illegible]	[illegible]	— »	21 [illegible]	» [illegible]
»	1	»	[illegible]	[illegible]	— »	20 [illegible]	» [illegible]
»	1	»	[illegible]	вантоза	— »	19 [illegible]	» [illegible]
»	1	»	30	жерминаля	— »	21 марта	» [illegible]
»	1	»	30	флореаля	— »	20 апрѣля	» [illegible]
»	1	»	[illegible]	преріаля	— »	20 мая	» [illegible]
»	1	»	[illegible]	мессидора	— »	19 [illegible]	» [illegible]
»	1	»	[illegible]	термидора	— »	19 [illegible]	» [illegible]
»	1	»	[illegible]	фруктидора	— »	[illegible]	» [illegible]
»	1	»	5	[illegible]	— »	[illegible] сентября	» [illegible]

Новое лѣтосчисленіе [illegible] и [illegible] въ 1805 году, послѣ того, какъ Наполеонъ Бонапартъ сталъ императоромъ французовъ, оно было замѣнено Грегоріанскимъ лѣтосчисленіемъ.

По поводу введенія этого календаря подымался страшный шумъ, и многіе смотрѣли на этотъ фактъ, какъ на покушеніе на христіанскую религію, но [illegible] не имѣлъ этого въ виду; онъ [illegible] республиканской [illegible] потому, что грегоріанскій казался ему устарѣвшимъ и [illegible]. Духовенство воспользовалось этимъ нововведеніемъ, чтобы изобразить конвентъ въ видѣ [illegible], [illegible] всякой религіи и чтобы такимъ образомъ, представить весь переворотъ, произошедшій во Франціи, какъ безбожное дѣло.

Покушеніе на христіанскую религію [illegible], но оно исходило не отъ конвента.

Гебертисты.

Маратъ, игравшій въ теченіи [illegible] времени руководящую роль въ коммунѣ, не обнаруживалъ особой враждебности ни къ религіи, ни къ духовенству. Однажды, въ то время, когда онъ подвергался преслѣдованію со стороны Лафайета, его даже пріютилъ у себя [illegible] священникъ. Въ своемъ трудѣ «Планъ уголовнаго законодательства», написанномъ до начала революціи въ новомъ изданіи, онъ, между прочимъ, устанавливаетъ опредѣленныя наказанія за преступленія противъ религіи и требуетъ [illegible] для людей, отрицающихъ существованіе Бога и распространяющихъ свои атеистическія взгляды. При этомъ онъ говоритъ, что [illegible] семейное [illegible] государство должно, чтобы его [illegible]

[illegible] не преслѣдовали другъ друга.

Послѣ смерти Марата среди его приверженцевъ стало [illegible] и матеріалистическое [illegible]. [illegible] Это былъ немного [illegible] человѣкъ. Онъ называлъ себя [illegible] Анахарсисъ [illegible] Шометтъ [illegible] себя [illegible] Шометтъ и Гэберъ [illegible] другими [illegible] стояли въ близкихъ отношеніяхъ съ нимъ. Къ нимъ примкнули также: секретарь военнаго министерства Венсанъ, генералъ революціонной арміи Ронсенъ, типографъ Моморо, родомъ изъ Испаніи, и [illegible] Клоотсъ.

Гэберъ пользовался въ то время огромнымъ вліяніемъ среди народныхъ массъ, какъ издатель газеты «Père Duchesne», въ которой онъ [illegible] республики и революціи. Чтобы возбуждать страсти народныхъ массъ, онъ пользовался въ этой газетѣ [illegible] простонародный языкъ. Его газета распространялась въ количествѣ 30.000 экземпляровъ. [illegible] Гэбера [illegible] низкаго положенія; за какой-то нечестный поступокъ онъ потерялъ мѣсто при [illegible] театрѣ, и враги его постарались использовать и раздуть этотъ фактъ. Его революціонныя брошюры сдѣлали его [illegible] Гэберъ [illegible] власть [illegible] его.

Гэберъ, Шометтъ и Клоотсъ [illegible] борьбѣ съ церковью, противопоставляя [illegible] разумъ, или здравый человѣческій разсудокъ. [illegible] —сказалъ Клоотсъ [illegible]

и сжигается на площади передъ [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] всѣхъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible].

18 октября общинный совѣтъ рѣшилъ отмѣнить религіозныя церемоніи. Крестные ходы и процессіи были запрещены, иконы, реликвіи и т. п. [illegible] удалены. Такъ какъ [illegible] постановленія встрѣчены были [illegible] съ восторгомъ, то Гебертъ и Шометтъ рѣшили [illegible] дружески расположеннаго къ нимъ парижскаго епископа Гобеля сложить съ себя свое званіе и подать этимъ примѣръ другимъ представителямъ духовенства. Гобель далъ себя уговорить и явился 7-го ноября 1793 года со своими викаріями и въ сопровожденіи Шометта въ Конвентъ, гдѣ снялъ съ себя знаки своего [illegible] достоинства и надѣлъ красную шапку. «Я принялъ [illegible], которое [illegible] мнѣ народъ,—сказалъ Гобель,—и сталъ епископомъ, когда [illegible] [illegible] [illegible]; я перестаю теперь быть епископомъ, такъ какъ народъ не хочетъ больше [illegible]». Подчиненные мнѣ [illegible] [illegible] такими же [illegible]. Священникъ [illegible] присоединился къ этому заявленію, и многіе священники сложили свое званіе. Но были и такіе, которые не послѣдовали этому примѣру; къ числу этихъ послѣднихъ принадлежалъ Грегуаръ, который, будучи убѣжденнымъ республиканцемъ, [illegible] въ то же время вѣрующимъ христіаниномъ.

Вотъ что произошло въ Конвентѣ 7-го ноября 1793 года. Какъ видитъ читатель, здѣсь совсѣмъ не было принято рѣшенія отмѣнить христіанство, какъ это часто [illegible] утверждаютъ. Общинный совѣтъ [illegible] въ департаментахъ многихъ подражателей. Изъ церквей были взяты [illegible] предметы и переданы Конвенту для того, чтобы этотъ послѣдній употребилъ ихъ [illegible]. [illegible] переданы въ [illegible] Конвенту [illegible] всякаго рода золотые и серебряные предметы и лица, передававшія ихъ, наряжались обыкновенно самымъ причудливымъ образомъ: въ ризы, рясы и другія священническія одѣянія. Одинъ изъ нихъ повторилъ слова древняго герцога Христіана Брауншвейгскаго, который однажды отправилъ на монетный дворъ серебряныя статуи 12 апостоловъ, стоявшія въ Падерборнскомъ соборѣ, говоря:—Идите по всему міру и поучайте всѣ народы.

Тѣмъ людямъ, которые хотѣли бы отрѣчься отъ религіи, была теперь показана дорога. Больше никто ничего не дѣлалъ,

Ни у кого не было ни права, ни разумнаго основанія насильственно принуждать отрекаться отъ христіанства тѣхъ, кто этого не желалъ. До мысли объ отдѣленіи церкви отъ государства люди того времени не додумались, и конституціонные священники и теперь еще продолжали считаться государственными чиновниками. Но вожди антирелигіознаго движенія впали въ ошибку, которую люди дѣлаютъ очень часто: они думали, что надо замѣнить отмѣненный христіанскій культъ какимъ-нибудь другимъ культомъ. Такимъ образомъ гебертисты пришли къ мысли создать культъ Разума; поклоненіе Разуму должно было происходить въ каждое декади. Соборъ Парижской Богоматери былъ превращенъ въ храмъ Разума; поклоненіе Разуму совершалось также и въ другихъ церквахъ. Народъ собирался въ церкви; читался текстъ конституціи и декларація правъ человѣка, или устраивались другія чтенія и сообщались свѣдѣнія съ театра военныхъ дѣйствій; играла музыка, пѣлись патріотическія пѣсни. Особый ящикъ, напоминавшій по формѣ голову животнаго, назывался «устами истины»; въ него можно было опускать анонимные запросы, обвиненія и совѣты, относящіеся къ общему благу; двѣ трибуны были предназначены для стариковъ и беременныхъ женщинъ.

Въ концѣ концовъ парижанамъ новый культъ очень понравился, и въ первомъ празднествѣ, устроенномъ въ честь Разума, приняло участіе очень много народа. Это празднество, о которомъ распространилось такъ много сплетенъ, на самомъ дѣлѣ было очень скромнымъ и невиннымъ торжествомъ. Люди потянулись длинной процессіей къ Собору Парижской Богоматери. Несли бюсты Лепеллетье и Марата. Затѣмъ появилась «богиня Разума», изъ чего видно, что новый культъ опять-таки сильно приближался по своимъ формамъ къ старому. «Богиня Разума» сидѣла въ старинномъ креслѣ, которое несли четверо мужчинъ. Это была стройная, красивая женщина. Еще въ настоящее время сильно распространена ложь, будто богиней Разума была публичная проститутка; въ дѣйствительности же, это была не кто иная, какъ извѣстная своей красотою госпожа Моморо, которая, впрочемъ, сначала ни за что не хотѣла исполнять этой театральной роли и уступила только послѣ настоятельныхъ просьбъ, въ угоду своему мужу. Она была одѣта въ бѣлое платье, на плечи ея былъ живописно накинутъ синій плащъ, а ея прекрасная голова была покрыта

[illegible]; [illegible] черезъ [illegible] не были распущены. Гадюкъ [illegible] актриса, [illegible]-лявшая богиню Свободы. Сами себѣ [illegible] щины изображали собою только живыя картины, [illegible] способныя [illegible] уже [illegible]. [illegible] актрисы [illegible] въ [illegible] Гадюкъ происходили различныя [illegible]. Шометъ, [illegible] организаторовъ [illegible] экзальтированныхъ женщинъ [illegible], прославлялъ [illegible]-ственность. 18 ноября [illegible] въ [illegible] на-рядахъ принимала [illegible] правительствомъ [illegible] Роза Лакомбъ [illegible] разъяснено. Тогда Шометъ [illegible] и хозяинъ; онъ [illegible] вѣрной и заботливой жены [illegible] ними словами:—Мы должны съ презрѣніемъ [illegible] безстыдной женщинѣ, [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] депутацій, [illegible] ихъ [illegible].

[illegible] Жанъ-Поля Сенъ-Жюста [illegible] республики [illegible] жизнь. При [illegible] лами [illegible] къ человѣческому роду [illegible] нихъ [illegible] просто отправляли [illegible] часто [illegible] и жить въ [illegible] и нищетѣ. Національный конвентъ [illegible]-дилъ въ 1792 году этихъ несчастныхъ женщинъ и [illegible] ихъ въ [illegible].

Представляя собою самую крайнюю [illegible] партію, гебертисты [illegible] на себя ненависть [illegible] партіи Горы. По всей вѣроятности [illegible] [illegible] мысли, [illegible] [illegible] ской; особенно часто такія мысли высказывалъ Шометъ. Въ

*) Гебертисты.

совѣщаній, не сохранилось никакихъ данныхъ, которыя позволили бы намъ разобрать болѣе детально взгляды эбертистовъ о дальнѣйшемъ преобразованіи общества.

Комитету благоденствія [illegible] популярность коммуны, въ которой господствовали эбертисты. Революціонные комитеты отняли у коммуны значительную долю ея власти. Коммуна хотѣла подчинить эти революціонные комитеты Парижа своему [illegible] и [illegible] Бильо-Варенну удалось провести [illegible] постановленіе, по которому [illegible] революціонныхъ комитетовъ [illegible].

[illegible] Робеспьеръ и Сенъ-Жюстъ [illegible] со своей идеей „добродѣтели“ [illegible]. Съ этого и начались раздоры [illegible] Горы [illegible].

Раздоры внутри партіи Горы.

Въ то время, какъ [illegible] правительство [illegible] войну съ иностранными и внутренними врагами [illegible] народа [illegible] страны; въ то время, какъ [illegible] внутри партіи Горы [illegible] эту сильную и энергичную партію.

Среди партіи Горы появились три теченія, которыя можно назвать правымъ, среднимъ и лѣвымъ теченіемъ. Во главѣ праваго теченія былъ Дантонъ со своими друзьями: Камиллемъ Демуленомъ, Геро де-Сешелемъ, [illegible], Шабо, Тюріо, Барра, Фрерономъ, Мерленомъ и др. Ихъ послѣдователи называли дантонистами. Эти люди были въ большей части послѣдователями принциповъ Эпикура: они охотно предавались бы радостному наслажденію жизнью. Между ними были и люди очень распутные. Самъ Дантонъ не могъ уже больше выступать со своей прежней [illegible] въ первый періодъ

революціи напряженія и волненій; кромѣ того на немъ сильно отозвались [illegible]. Послѣ смерти своей жены онъ женился на очень набожной женщинѣ, которая имѣла на него столь сильное вліяніе, что онъ сталъ высказываться противъ атеизма Гебера. Дантонъ, казалось, усталъ отъ революціи; система ужаса была ему не по душѣ, и онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ конца ея. Его партію стали называть умѣренной, а такое мнѣніе о партіи должно было быть для нея очень опаснымъ въ бурныя времена. Строгіе революціонеры стали смотрѣть на нее, какъ на безнравственную партію.

Лѣвая фракція Горы лишилась въ лицѣ Марата своего главнаго вождя, и послѣ того, какъ Геберъ сталъ главой этой фракціи, ея главная опора находилась уже внѣ конвента. Какъ Гебертъ и Шометтъ, такъ и Ронсенъ и Моморо, являвшіеся руководителями партіи, хотѣли, чтобы революція привела къ полнѣйшему торжеству крайнихъ демократическихъ идей. Изъ членовъ конвента представителями этой партіи были Клоотсъ и нѣкоторые другіе малоизвѣстные депутаты; было еще много депутатовъ, которые колебались между лѣвой и другими фракціями партіи Горы. Лѣвая фракція опиралась на коммуну и пролетаріатъ парижскихъ предмѣстій. Комитетъ общественнаго спасенія смотрѣлъ на нее, какъ на партію ультра-революціонную, увлекающуюся въ крайность; въ ней видѣли самое дѣятельное и энергичное представительство интересовъ того пролетаріата, который принималъ дѣятельное участіе въ возстаніяхъ. Она построила свое міросозерцаніе на принципахъ философіи Дидро и Гольбаха.

Самой сильной фракціей Горы въ то время была средняя, главаремъ которой былъ Робеспьеръ, и въ рукахъ которой находилась правительственная власть. Первенствующую роль въ правительствѣ игралъ Робеспьеръ со своими друзьями Сенъ-Жюстомъ и Кутономъ: это было обусловлено какъ тѣмъ вліяніемъ, которымъ онъ пользовался среди народныхъ массъ, такъ и тѣмъ уваженіемъ, съ которымъ къ нему относились въ конвентѣ. Онъ постепенно становился диктаторомъ. Средняя фракція была сторонницей идей Жанъ-Жака Руссо, и сочиненія послѣдняго можно было всегда найти въ канцеляріяхъ правительства. Къ этому теченію принадлежали Билло-Варенъ, Колло д'Эрбуа и большая часть членовъ партіи Горы. Многіе изъ нихъ сильно склонялись къ атеизму, но тотъ фактъ, что коммуна

обладала большею властью, шелъ совершенно въ разрѣзъ съ ихъ стремленіями къ захвату власти; интересы буржуазіи они представляли себѣ не иначе, какъ въ полномъ слiянiи съ интересами пролетаріата.

До того времени Робеспьеръ принималъ участіе во всѣхъ фазисахъ прогрессивнаго развитія революціи. Онъ весь такъ срослся съ революціей, что личность его развивалась вмѣстѣ съ нею. Ростъ его политической власти повелъ къ тому, что онъ сталъ заниматься лишь перестройкой государства по своему личному вкусу и сообразно своимъ чувствамъ. Его государственныя идеи раскрыли его слабыя стороны, и онъ оказался одностороннимъ доктринеромъ. Онъ видѣлъ тѣ ошибки, преступленія и пороки, отъ которыхъ погибла старая Франція; онъ видѣлъ ту вопіющую народную нужду и нищету, изъ которой революція черпала свои силы. Но Руссо, философія котораго усматривала въ человѣческой испорченности причину всѣхъ бѣдствій людскихъ, внесъ путаницу въ его умъ. У Монтескье онъ вычиталъ, что добродѣтель или нравственность является характерной особенностью республиканскаго государства. При его склонности исходить въ своихъ идеяхъ изъ представленій о республикахъ древняго міра, отвлеченное понятіе добродѣтели стало для него идеаломъ, что находилось въ полномъ соотвѣтствіи съ его личнымъ характеромъ, его строгой нравственностью и простотой его жизни. Онъ говорилъ, что хочетъ въ новомъ государствѣ замѣнить эгоизмъ моралью, честь—честностью, обычаи—принципами, желаніе—чувствомъ долга, презрѣніе къ несчастью—презрѣніемъ къ пороку, дерзость—гордостью, тщеславіе—величіемъ души, любовь къ золоту—любовью къ славѣ, интригу—заслугой, остроуміе—умомъ, скучную пошлость—прелестями счастья, обаяніе великихъ людей—величіемъ человѣка вообще. *«Основа демократическаго правленія—[illegible]—это добродѣтель, а средствомъ для проявленія ея является ужасъ».*

Но онъ забылъ, что добродѣтель или нравственность цѣлаго народа нельзя создать въ воздухѣ; онъ забылъ, что нельзя при помощи террора вводить добродѣтель, подобно тому, какъ устрашающее наказаніе уголовныхъ законовъ не въ состояніи уничтожить преступленій. Добродѣтель нельзя сдѣлать обязательной путемъ декретовъ, она можетъ процвѣтать только на прочной основѣ матеріальнаго благосостоянія и «земного»

систем[illegible]. Нищета и [illegible] будутъ [illegible] спут-
никами преступленій и [illegible]. Робеспьеръ не разобрался въ той связи, которая существовала между [illegible] и [illegible] въ области собственности. [illegible] мнѣній [illegible] ность достаточно [illegible], [illegible] жить въ удобныхъ помѣщеніяхъ и получать соотвѣтствующее духу времени образованіе — [illegible] ныхъ и свободныхъ у [illegible] народа [illegible] [illegible] Робеспьеръ не думалъ о необходимости такой организаціи экономическихъ основъ общества, которая дала бы всему народу возможность устроить лучше свое [illegible] и обезпечила бы ему существованіе. [illegible] правительство [illegible] [illegible] и недостаточнымъ [illegible] Робеспьеръ [illegible] обладать [illegible] добродѣтелями [illegible] Высшее Существо. Господствующій народъ [illegible] республика [illegible] тымъ въ [illegible] [illegible] и [illegible] Робеспьера.

Религію [illegible] все [illegible]. [illegible] 1793 [illegible] Робеспьеръ выступилъ [illegible] съ атеизмомъ. При этомъ онъ сталъ на [illegible] точку зрѣнія, [illegible] не могутъ безъ религіи; [illegible] религія необходима, [illegible] сказалъ онъ — [illegible]. Идея о Высшемъ Существѣ [illegible] охраняющаго [illegible] [illegible] торжествующее преступленіе [illegible]. *Если бы Бога не было, его надо было бы выдумать.*

Ниже мы увидимъ, что онъ, дѣйствительно, впослѣдствіи выдумалъ его.

Дантонисты въ это время шли еще рука объ руку съ Робеспьеромъ и вмѣстѣ съ нимъ выступили противъ атеизма. Камилль Демуленъ сталъ издавать газету «Старый Кордельеръ». Одно время онъ ушелъ отъ политики и отдался радостямъ семейной жизни со своей прелестной женой Люсиль Дюплессисъ, которая нѣжно и горячо любила его. Но затѣмъ онъ снова выступилъ на арену политической дѣятельности. Его газета была направлена [illegible] противъ гебертистовъ, [illegible]

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]: [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] мѣропріятій противъ [illegible] республики. [illegible] [illegible] [illegible] революціонный трибуналъ работалъ [illegible] [illegible] полной энергіей. [illegible] [illegible] [illegible] генераловъ [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] приговаривались къ смерти [illegible] [illegible] [illegible] ассигнацій, или за [illegible] [illegible] [illegible] республики. Въ провинціи также [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] лицъ, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible].

[illegible] Камиль [illegible] выступилъ противъ революціонныхъ [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] обвинялъ въ томъ, что онъ [illegible] въ [illegible] съ Питтомъ; теперь [illegible] [illegible] [illegible] правительство и его органы, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Тацита о тиранніи въ древнемъ Римѣ. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] представителями стараго Рима и [illegible]—[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]; суды [illegible] [illegible] [illegible] жизни и собственности, [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] называлось [illegible] казнью или [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible]лись въ убійство [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] Тацита о [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Рима въ царствованіе Нерона:—[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] казнь [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] по поводу [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] Нерона [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] по поводу [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] являлся тиранъ. Надо было [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] довольный, [illegible] и [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible], [illegible] бы [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Все возбуждало подозрѣніе тирана. Если какой-нибудь гражданинъ пользовался популярностью, то онъ считался [illegible] императора, который [illegible] [illegible] [illegible]. Это подозрительно! Если человѣкъ избѣгалъ популярности и держался въ сторонѣ отъ общественной жизни, то и тогда онъ обращалъ на себя вниманіе. Это подозрительно! Если человѣкъ былъ богатъ, то за нимъ надо было [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] никто такъ не [illegible], какъ человѣкъ, не имѣющій ничего. Это подозрительно! Если человѣкъ обладалъ мрачнымъ, ме[illegible] [illegible] или [illegible] [illegible], тогда,

значитъ, его безпокоитъ прекрасное положеніе общественныхъ дѣлъ. Это подозрительно! Если человѣкъ отличался добродѣтелью и строгостью нравовъ, тогда онъ былъ новымъ Брутомъ, желавшимъ своимъ поведеніемъ уязвить великолѣпный и роскошный дворъ. Это подозрительно! Если кто-нибудь былъ философомъ, ораторомъ или поэтомъ, о, тогда горе ему, такъ какъ онъ могъ стать болѣе знаменитымъ, чѣмъ тѣ, которые управляли. Это подозрительно! Если человѣкъ составилъ себѣ имя на войнѣ, то, благодаря своему таланту, онъ становился еще болѣе опаснымъ. Съ бездарнымъ полководцемъ еще можно кое-какъ мириться. Въ самомъ дѣлѣ, если такой бездарный полководецъ окажется измѣнникомъ, онъ никогда не сумѣетъ предать непріятелю армію такъ хорошо, чтобы никто не спасся. Если же измѣнитъ талантливый полководецъ, то тогда никто не спасется. Слѣдовательно, лучше всего отдѣлиться отъ такихъ людей; во всякомъ случаѣ, надо ихъ возможно скорѣе удалить изъ арміи! Они подозрительны! Еще хуже было быть внукомъ или родственникомъ деспота: вѣдь онъ могъ тогда носиться съ мыслями о захватѣ престола. Это подозрительно! Такимъ образомъ, всякая черта характера могла возбудить ревность деспота и обречь человѣка на гибель. Преступно было занимать высокій постъ или покидать этотъ постъ. Но самымъ тяжкимъ преступленіемъ была неподкупность... Людей предавали и убивали ихъ рабы и враги. Если же у кого-нибудь не было враговъ, то роль убійцы бралъ на себя гость, другъ, сынъ. Словомъ, въ это время знаменитые люди или вообще люди, занимавшіе какой-нибудь постъ, умирали такъ рѣдко естественной смертью, что о человѣкѣ, умершемъ не отъ руки убійцы, сообщалось въ газетахъ, и это событіе заносилось на скрижали исторіи. За время этого царствованія только одинъ жрецъ умеръ естественною смертью въ своей постели, и на это смотрѣли, какъ на истинное чудо.

Эта странная сатира, вышедшая изъ-подъ пера талантливаго Камилла Демулена, обратила на себя всеобщее вниманіе. Она была написана смѣло и остроумно, но необдуманно, такъ какъ реакціонеры съ удовольствіемъ читали эти нападки на правительство, которыя должны были внести расколъ въ партію Горы. Газету Демулена читали повсюду, и она производила громадное впечатлѣніе. Когда Демуленъ предложилъ учредить комитетъ помилованія, многіе рѣшили, что террору наступилъ

[illegible] Робеспьеръ тоже [illegible] до этого пре[illegible] [illegible] справедливости.

Сначала комитетъ общественнаго спасенія колебался, такъ какъ силы контрреволюціи росли все больше и больше. Камилль Демуленъ [illegible], что его партія хочетъ теперь конца революціи. Всѣ были согласны въ томъ, что когда-нибудь долженъ наступить конецъ революціи, но робеспьеристы считали систему террора необходимой до тѣхъ поръ, пока сила враговъ республики не будетъ сломлена окончательно и пока иностранныя государства не перестанутъ вооружаться противъ Франціи. Вернувшійся изъ Ліона Колло д'Эрбуа сталъ на сторону гебертистовъ, и тогда Робеспьеръ отступился отъ Камилла Демулена, который до сего времени предоставлялъ ему свою газету для предварительнаго просмотра. Робеспьеръ въ клубѣ якобинцевъ [illegible] его газету. Камилль отвѣтилъ на это цитатой изъ Вольтера: *«Сжигать не значитъ опровергать»*. Такъ началась вражда между Робеспьеромъ и Демуленомъ, и при данномъ положеніи вещей она могла имѣть только трагическій исходъ.

Гебертисты Ронсенъ и Венсанъ были арестованы по какому-то ничтожному поводу, а теперь ихъ освободили. Но затѣмъ комитетъ общественнаго спасенія рѣшилъ устранить какъ дантонистовъ, такъ и гебертистовъ: первыхъ потому, что они были слишкомъ умѣренны и мѣшали дальнѣйшему развитію революціи, а вторыхъ за то, что они были слишкомъ революціонны и компрометировали революцію своимъ атеизмомъ.

Люди добродѣтели были неразборчивы въ средствахъ. Дантонисты и гебертисты не были, по ихъ понятіямъ, добродѣтельными людьми. Слѣдовательно, ихъ надо было устранить. Сенъ-Жюстъ [illegible] обѣ фракціи. Дантонистовъ онъ обвинялъ въ томъ, что они желаютъ превратить республику въ *проститутку*, а гебертистовъ — въ томъ, что они хотятъ изъ нея сдѣлать *вакханку*. «Граждане, — сказалъ онъ, — вы хотѣли учредить республику. Если вы въ то же время не хотите всего того, что соотвѣтствуетъ республикѣ, то республика должна пасть, и народъ погибнетъ подъ ея развалинами. Человѣкъ достоинъ наказанія за состраданіе къ преступникамъ; *человѣкъ достоинъ наказанія, если онъ не хочетъ добродѣтели; человѣкъ достоинъ наказанія, если онъ не [illegible]*».

Робеспьеръ тоже напалъ на умѣренныхъ и крайнихъ рево-

[illegible]

Паденіе геберистовъ

[illegible] Коммуна [illegible] Сентъ-Антуанскаго предмѣстья [illegible] въ 1793 — 1794 годахъ [illegible] былъ [illegible] очень трудно [illegible] было [illegible] отдѣльнымъ лицамъ. [illegible] женщины [illegible] и свѣчи, и коммуна [illegible] только [illegible] по одному фунту мяса на человѣка черезъ каждые десять дней. Но она дѣлала все, что могла; безъ нея тяжелыя зимы 1793 — 1794 года сильно [illegible]

Но эти заслуги геберистовъ не [illegible] значенія въ глазахъ людей [illegible] о [illegible] [illegible] одной изъ [illegible] Сен-Жюста [illegible] Шометтъ [illegible] полномочіями. [illegible] Сен-Жюстъ въ своей борьбѣ съ геберистами не останавливался передъ [illegible]. Онъ утверждалъ, что геберисты находятся на содержаніи у иностранныхъ державъ, и что имъ поручено опорочить своими крайностями [illegible] республику въ глазахъ Европы и такимъ образомъ погубить ее. За этой клеветой [illegible] борьба, которая не велась

удачно командовавшаго революціонными войсками въ Вандеѣ, и, наконецъ, Клоотса; изъ арестованныхъ одинъ только Клоотсъ былъ членомъ конвента. Робеспьеръ настоялъ еще раньше исключить его изъ клуба якобинцевъ, мотивируя его исключеніе тѣмъ, что онъ получаетъ 100.000 франковъ ренты и что онъ, какъ космополитъ, мечтающій объ учрежденіи міровой республики, интересовался больше счастьемъ Персіи и Мономотапы, чѣмъ счастьемъ Франціи. Бѣдный Клоотсъ представлялъ себѣ міровую республику, по меньшей мѣрѣ, такой же прекрасной, какой Робеспьеръ представлялъ себѣ свою республику добродѣтели.

Черезъ нѣсколько дней были уже арестованы Шометтъ, Гобель и Пашъ. Пашъ былъ устраненъ отъ должности мэра; его арестовали, какъ подозрительнаго человѣка.

Процессъ гебертистовъ продолжался три дня; ихъ обвиняли во всевозможныхъ безчестныхъ поступкахъ, какъ, напримѣръ, въ кражѣ бѣлья. Они почти совсѣмъ не защищались. «*Это—политическій процессъ*,—говорилъ Ронсенъ своимъ товарищамъ,—къ чему же всѣ эти ваши документы и приготовленія къ защитѣ? Вы занимались болтовней, когда надо было дѣйствовать; такъ покажите теперь, что вы, по крайней мѣрѣ, умѣете спокойно умирать!»

24-го марта 1794 года осужденныхъ повезли на казнь. По дорогѣ на эшафотъ они подвергались насмѣшкамъ и издѣвательствамъ со стороны роялистовъ, собравшихся большими массами на улицахъ, чтобы полюбоваться уничтоженіемъ революціонной коммуны. Ронсенъ и Клоотсъ проявили на эшафотѣ много мужества.

Революціонная армія была распущена. Шометтъ и Гобель были также казнены. Противъ Шометта было выставлено обвиненіе, будто онъ хотѣлъ уничтожить Парижъ голодомъ, на что онъ отвѣтилъ однимъ только презрительнымъ молчаніемъ. Теперь коммуна была составлена изъ сторонниковъ Робеспьера.

Такъ Робеспьеръ, шедшій до того времени постоянно въ ногу съ революціей, теперь остановился, и съ этого момента началась реакція въ его вкусѣ.

Гебертисты подверглись со стороны историковъ самымъ рѣзкимъ нападкамъ. Въ этомъ отношеніи имъ пришлось подвергнуться участи всѣхъ тѣхъ людей, которые заступаются за бѣдные слои народа. Можно согласиться съ тѣмъ, что среди

нихъ было нѣсколько экзальтированныхъ и рѣзкихъ людей, но, во всякомъ случаѣ, [illegible] республиканцы. [illegible] были такъ же вѣрны [illegible], какъ [illegible] другихъ партій. Они пали жертвою классовой ненависти, узкой ограниченной идеи добродѣтельнаго государства и стремленія «людей добродѣтели» къ власти. [illegible] уничтоживъ Коммуну и казнивъ ея вождей, комитетъ благоденствія подрубилъ тотъ сукъ, на которомъ опирался самъ. Парижское населеніе относилось съ большимъ довѣріемъ ко [illegible] Коммуны, доставлявшимъ ему всегда въ минуты самой острой нужды средства существованія. А [illegible] Коммуны жители [illegible] на [illegible] общинъ только одно, а именно, что [illegible] будутъ [illegible] еще строже, чѣмъ прежде. Парижское населеніе не забыло казни гебертистовъ такъ легко, какъ это предполагалъ комитетъ благоденствія.

Реакція, начавшаяся съ момента паденія гебертистовъ, должна была поглотить всю партію Горы.

Паденіе дантонистовъ.

Тотчасъ же послѣ казни вождей гебертистовъ комитетъ благоденствія занялся приготовленіемъ къ тому, чтобы уничтожить правую фракцію Горы, дантонистовъ. Дѣло въ томъ, что Робеспьеръ боялся какъ бы его,—послѣ того, какъ онъ отправилъ на эшафотъ самыхъ рѣшительныхъ революціонеровъ,—не причислили къ умѣреннымъ элементамъ Горы. Кровь умѣренныхъ представителей партіи должна была доказать, что самъ Робеспьеръ не склоненъ къ умѣренности.

Дантонъ провелъ нѣкоторое время у себя на родинѣ въ Арси на Обѣ и вернулся затѣмъ въ Парижъ съ тяжелыми предчувствіями. Вернувшись по приглашенію своихъ политическихъ друзей въ столицу, онъ имѣлъ свиданіе съ Робеспьеромъ. [illegible] оказалось, что старая, завязавшаяся при посредничествѣ Демулена дружба между обоими вождями революціи исчезла, и Дантонъ разстался съ Робеспьеромъ очень холодно. Сближенія не произошло. Дантонъ видѣлъ надвигающуюся на него грозу, но ничего не предпринялъ. Да и что было ему предпринимать? Бѣжать? Но какая страна приметъ его? Если бы онъ поднялъ въ Конвентѣ свой могучій голосъ и по-

[illegible], онъ, [illegible] и изображалъ [illegible], [illegible] подкупленныхъ иностранными [illegible]. [illegible] притворился, будто [illegible] головой Дантона и его друзей, чтобы [illegible].

[illegible] Дантонъ изрекалъ [illegible], [illegible] женой [illegible] самыя знаменитыя [illegible] преступленія [illegible]. Но [illegible] Дантонъ и его друзья [illegible] мужественно [illegible], казалось, они [illegible]. [illegible] они [illegible]. Такъ, [illegible] Дантонъ [illegible] въ мѣстѣ жительства, [illegible]—Дантонъ, [illegible] ничто, а имя мое будетъ [illegible] исторіи.

И [illegible], чтобы [illegible] этихъ знаменитыхъ [illegible]. [illegible] уже раньше [illegible]. Въ [illegible]. Громкій голосъ Дантона [illegible] заглушалъ звонокъ предсѣдателя [illegible]. [illegible] а [illegible]. Но [illegible] оскорбили [illegible] къ смертной казни. [illegible] Я [illegible] Робеспьера. Робеспьеръ [illegible] за мной.

[illegible] Дантона [illegible].

Дантонисты [illegible] 1794 года. Они умерли безъ всякой боязни. Дантонъ потребовалъ отъ палача, чтобы онъ показалъ его голову народу, и это его требованіе было исполнено.

Такъ погибъ Дантонъ, могучая энергія котораго нѣкогда спасла Францію отъ вторженія иностранныхъ государствъ и отъ внутренней реакціи. У этого человѣка бывали дикія вспышки, но онъ не былъ способенъ на систематическую жестокость. Вмѣстѣ съ нимъ умеръ блестящій поэтъ Камиль Демуленъ, ѣдкія остроты котораго часто поражали тѣхъ, въ кого онъ даже и не мѣтилъ. По дорогѣ на эшафотъ онъ вспомнилъ 12-ое іюля, когда онъ въ Пале-Роялѣ обращался къ народу съ требованіемъ взяться за оружіе [illegible] дверями. «Такъ вотъ какова награда — сказалъ онъ съ болью въ сердцѣ — первому апостолу свободы!» Бѣдный Камиль! Онъ былъ сотканъ изъ слишкомъ нѣжной матеріи для этой революціи, низвергавшей и раздавившей жирондистовъ, эбертистовъ. Оба эти друга сдѣлали все для того, чтобы придать жаръ и энергію революціи. Но теперь они стали въ [illegible] моментъ требовать умѣренности и пощады на эшафотѣ.

Тріумвиратъ.

Послѣ паденія гебертистовъ и дантонистовъ Робеспьеръ оказался первымъ человѣкомъ въ республикѣ. Теперь уже никого нельзя было больше противопоставить ему, и никто не сросся такъ со всѣми великими событіями революціи, какъ онъ. Его диктатура сложилась сама собою послѣ того, какъ онъ себѣ прочистилъ путь. Вмѣстѣ со своими вѣрными друзьями Сенъ-Жюстомъ и Кутономъ, онъ господствовалъ въ комитетѣ благоденствія, а слѣдовательно, и въ конвентѣ. Внѣ конвента Робеспьеръ старался упрочить свое положеніе тѣмъ, что на всѣ выдающіяся должности назначалъ своихъ приверженцевъ. Революціонный трибуналъ состоялъ исключительно изъ его приверженцевъ. Коммуна была преобразована; Флеріо сталъ мэромъ, Пэйанъ—національнымъ агентомъ; оба они, а также Анріо, начальникъ національной гвардіи, были безусловно преданы Робеспьеру. Революціонная армія была распущена, такъ какъ, по большей части, состояла изъ гебертистовъ. Министерства были уничтожены и замѣнены 12 канцеляріями для веденія государственныхъ дѣлъ. Канцеляріи завѣдывали и руководили: 1) полиціей и судебными дѣлами; 2) общественными школами, 3) земледѣліемъ и искусствами; 4) торговлей и магазинами; 5) общественными сооруженіями;

6) организаціей общественной помощи; 7) почтой, транспортнымъ дѣломъ и [illegible]; 8) финансами; 9) организаціей арміи и управленіемъ ею; 10) судоходствомъ и колоніями; 11) вооруженіемъ; 12) иностранными дѣлами. Такимъ образомъ, управленіе страной перешло отъ министерствъ, которыя, впрочемъ, въ послѣднее время не играли никакой роли, въ руки комитета благоденствія, такъ какъ канцеляріи были подвѣдомственны этому комитету. Клубъ кордельеровъ былъ закрытъ, и этимъ правительство надѣялось окончательно уничтожить гебертистовъ. Оставленъ былъ только клубъ якобинцевъ, являвшійся отнынѣ признаннымъ народнымъ обществомъ и пользовавшійся покровительствомъ правительства. Этотъ клубъ служилъ для Робеспьера той трибуной, съ которой онъ ежедневно излагалъ свои взгляды и пропагандировалъ свои идеи. Собранія секцій были отмѣнены, благодаря чему рабочіе, получавшіе до сихъ поръ за посѣщеніе секцій по 2 франка, были лишены очень важной для нихъ въ это время безработицы и нужды поддержки.

Такъ былъ созданъ аппаратъ, который долженъ былъ управлять республикой добродѣтели и ужаса. Характеренъ тотъ фактъ, что самъ Робеспьеръ взялъ на себя завѣдываніе канцеляріей полиціи. Сенъ-Жюстъ, особенно сильно выдѣлившійся при паденіи гебертистовъ и дантонистовъ, очутился теперь рядомъ съ Робеспьеромъ во главѣ республики. Этотъ молодой человѣкъ свелъ свои политическія воззрѣнія и требованія къ формуламъ, которыя онъ осуществлялъ самымъ хладнокровнымъ образомъ, не удѣляя никакого мѣста запросамъ сердца и чувства. Его рѣшительность и фанатизмъ дѣлали его ужаснымъ. Онъ носился съ самыми гигантскими планами, изъ которыхъ въ настоящее время извѣстно лишь немного. Онъ хотѣлъ преобразовать все общество по идеалу Руссо; онъ хотѣлъ превратить Францію въ демократическое земледѣльческое государство; онъ хотѣлъ установить, чтобы молодежь ѣла меньше мяса; онъ постоянно оттѣнялъ, что человѣкъ имѣетъ право на хлѣбъ, на существованіе, и 3-го мая 1794 года Конвентъ по его предложенію постановилъ, что «собственность патріотовъ священна и неприкосновенна; имущество же враговъ республики конфискуется для общаго блага». Для проведенія въ жизнь этого рѣшенія было постановлено, чтобы во всѣхъ общинахъ были приготовлены списки нуждаю-

[illegible] буржуазии. Государственная власть должна была под-
держивать этих [illegible]. Робеспьер, [illegible]
теперь [illegible] благодетелей и
[illegible] Робеспьера. Сен-Жюст
и Кутон, с тем, чтобы [illegible] пе-
рейти на сторону [illegible] правительства
предложение, [illegible] было [illegible]
[illegible]. Это [illegible]
[illegible] и [illegible] их иму-
щества должны были [illegible]. [illegible] без-
[illegible] в руках ре-
спублики. [illegible]
[illegible] земельных [illegible], которые [illegible]
собственность, [illegible] работу,
[illegible]
[illegible]
[illegible] детей.

Все эти меры были [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]. [illegible] 1793 года
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
июля 1794 года [illegible]
[illegible]
[illegible].

Колло д'Эрбуа [illegible]
[illegible]
[illegible]. Робеспьер, Кутон и Сен-
Жюст [illegible]
[illegible]
[illegible] и [illegible]
[illegible]. Жан-
Бон, Сент-Андре, [illegible]

[illegible]. Карно [illegible], что прави-
тельство [illegible], что члены его
должны [illegible] другъ другу [illegible] за себя,
такъ какъ за [illegible]
[illegible]. Очень часто [illegible] Карно, за не-
достаткомъ [illegible] приходилось [illegible]
[illegible], чтобы [illegible] свою [illegible]
за [illegible].

Тріумвиратъ, [illegible] котораго были до-
бродѣтель и ужасъ, вступилъ на [illegible] путь. Сила
[illegible] заключалась въ [illegible]
[illegible] власти, созданной [illegible]
которой онъ пользовался, и благодаря [illegible] его на массы.
Къ тому же всѣ [illegible] противники его были уничтожены.
Но [illegible] нарушиться, и тогда все [illegible]
зданіе [illegible] добродѣтельнаго и [illegible] Робеспьера
должно [illegible] же рухнуть. Если бы [illegible] благо-
[illegible] тріумвирату въ [illegible] или если бы
[illegible] въ комитетѣ [illegible], тогда [illegible]
[illegible] оказалась бы [illegible].

Но тріумвиры прилагали всѣ усилія къ тому, чтобы
упрочить свою власть и террористическій [illegible].

Добродѣтель предписывалась [illegible]; о
ней говорилось во всѣхъ правительственныхъ [illegible]. Прави-
тельство старалось внушить массамъ [illegible], [illegible]-
вость, честность, довольство [illegible], [illegible]
робеспьеровскую теорію добродѣтели. [illegible]
пустыми словами и не могли [illegible] ре-
публики добродѣтели. Дѣло въ томъ, что [illegible]
тріумвирата—терорръ—былъ [illegible] Робес-
пьера до крайности.

Терроръ.

Благодаря террору, [illegible]
[illegible] три страны были въ [illegible] и [illegible]
[illegible] большихъ городовъ, [illegible] были
[illegible]ены, а въ [illegible]
[illegible] къ смертной казни [illegible]

тельно казнено было немало людей, но все же число жертвъ обыкновенно преувеличивается. Жестокими были жестокостями лишь въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, гдѣ озлобленіе во время борьбы партій дошло до крайнихъ предѣловъ. Такъ обстояло дѣло въ Аррасѣ и его окрестностяхъ, гдѣ Жозефъ Лебонъ, въ качествѣ комиссара комитета благоденствія, отправилъ на эшафотъ много народу. На югѣ Мэнье учредилъ въ Оранжѣ трибуналъ, вынесшій очень много смертныхъ приговоровъ, въ то время, какъ самъ Мэнье огнемъ и мечомъ наводилъ ужасъ въ окрестныхъ мѣстностяхъ. Въ Нантѣ уничтоженіемъ внутреннихъ враговъ занялся Каррье; адскія колонны ходили по Вандеѣ и отправляли арестуемыхъ мятежниковъ въ Нантъ, гдѣ ихъ массами подвергали смертной казни. Эти казни принимали часто характеръ жестокаго и кроваваго издѣвательства. Каррье велѣлъ многихъ людей утопить; и вотъ, какъ впослѣдствіи сообщали члены нантскаго революціоннаго комитета, голыхъ мужчинъ и женщинъ связывали попарно и бросали въ воду; набивали цѣлыя суда арестованными и пускали ко дну. Это называли республиканскими свадьбами и крестинами. Безъ сомнѣнія, очень многія сообщенія, относящіяся къ тому времени, преувеличены. Но цѣлый рядъ пахнущихъ кровью шутокъ и поговорокъ, сохранившихся до настоящаго времени, показываетъ намъ, что французы привыкли и къ террору и смотрѣли на него съ обычнымъ для нихъ легкомысліемъ. Достаточно указать на то, что гильотина называлась «національнымъ окномъ» или «національной бритвой» (rasoir national); говорили о «красной обѣднѣ» и «чиханіи въ мѣшокъ» казненныхъ. Всѣ эти крайности системы ужаса станутъ намъ понятными, если мы только вспомнимъ о гнетѣ, давившемъ при старомъ режимѣ французскій народъ. Къ тому же, мы ниже увидимъ, что послѣ паденія Горы революціонерамъ пришлось вынести такія же тяжелыя и жестокія преслѣдованія, какимъ въ данный моментъ подвергались ихъ враги. Это было вполнѣ въ духѣ той эпохи, полной такими ужасными потрясеніями. Впрочемъ, надо упомянуть, что комитетъ благоденствія велѣлъ арестовать и предать суду революціоннаго трибунала извѣстнаго нѣмецкаго ученаго Евлогія Шнейдера, введшаго систему ужаса въ Эльзасѣ и занимавшаго при страссбургскомъ трибуналѣ постъ оффиціальнаго прокурора: его обвиняли въ злоупотребленіи властью.

Парижскій революціонный трибуналъ казнилъ въ одинъ

[illegible] ... [illegible] людей за [illegible] преступленія, о которыхъ и говорить не [illegible].

Тутъ были [illegible] преступленія [illegible] ... [illegible]

5-го ноября 1903 года [illegible] ... XV [illegible] ... [illegible] ... [illegible] 2-го декабря были [illegible] ... [illegible] ... 12-го января [illegible] голову [illegible] ... Кромѣ того было [illegible] ... Очень [illegible] ... прислуга; такъ, напримѣръ, [illegible] ... 21-го декабря была [illegible] ... 24-го декабря [illegible] ... была казнена [illegible]

[illegible] по имени К[illegible].

Послѣ генерала Бирона къ смертной [illegible] приговариваются три женщины, среди [illegible] [illegible] бѣдный [illegible]. 7-го и 8-го января [illegible] умираютъ двѣ женщины; одна [illegible], [illegible] Бре[illegible] [illegible] истинную [illegible]. [illegible] щины, какой-то [illegible] и какой-то Ш[illegible]; [illegible] былъ казненъ [illegible]. [illegible] марѣ были [illegible] на эшафотѣ [illegible], женщины, между ними [illegible], одна [illegible] и одна крестьянка. Въ [illegible] жертвою гильотины, [illegible] являются [illegible] части [illegible], [illegible] подщиц[illegible] и крестьяне. 2-го марта [illegible] жерь, двое крестьянъ, [illegible] изъ одного и того же села. [illegible] Шапеллемъ и [illegible] ницъ.

Въ томъ же духѣ дѣло идетъ дальше. 17-го марта были казнены: какой-то [illegible], два крестьянина и два [illegible] [illegible] и [illegible] Шапе[illegible] [illegible] дѣломъ тиранiи.

Послѣ казни [illegible] и [illegible] требуютъ [illegible] смѣсь. Одновременно съ [illegible] Ш[illegible] 13-го апрѣля погибаютъ Шометтъ, Гобель и вдова Гебера и Камилла Демулена. Прелестная Люсиль Демуленъ, [illegible] которой часто [illegible] у Робеспьера, храбро положила свою голову на плаху. 24-го апрѣля были [illegible] тридцать три [illegible] за то, что они [illegible] оказали радушный прiемъ пруссакамъ; между прочимъ, къ смерти было приговорено [illegible] женщинъ, между ними одна семидесяти[illegible] старуха и [illegible] молодыхъ дѣву-

гимъ въ [illegible] отъ 13 до 16 лѣтъ. Эти жалкія существа не [illegible], не [illegible], не могутъ быть тронуты; онъ, [illegible] изъ этихъ [illegible]. 5-го мая были [illegible] три [illegible]; 8 мая—26 [illegible], [illegible] [illegible] казнь чтобы [illegible], но [illegible] трибуналъ [illegible]: «[illegible]». 10-го мая были [illegible] и [illegible] 25 [illegible]—[illegible], портниха съ [illegible], [illegible], подёнщикъ, рабочій [illegible]; 13 [illegible]—[illegible], [illegible]. [illegible], [illegible], [illegible], [illegible] и [illegible] по имени [illegible]. [illegible] бѣдная [illegible]? Можетъ быть, она [illegible] и этимъ самымъ [illegible] рабынѣ!

Затѣмъ [illegible] всё длиннѣе и длиннѣе. [illegible] 14 [illegible], между прочимъ, 39 рабочихъ, [illegible] 16 служащихъ. [illegible], [illegible] число [illegible] 60.

Тотъ [illegible] Робеспьерра. И всё же изъ 54 жертвъ [illegible] принадлежало [illegible] и [illegible].

[illegible], среди которыхъ [illegible] трибуналъ [illegible]. [illegible] системы [illegible]. [illegible] людямъ [illegible] прекрасно [illegible]. [illegible]. Народъ [illegible]. Робеспьеръ [illegible]. [illegible], [illegible] дѣлъ [illegible]. [illegible] фабрики. У [illegible] [illegible].

служить доказательствомъ существованія Высшаго Существа и доказательствомъ безсмертія души. [illegible] было [illegible] слѣдующее [illegible]

«Французскій народъ признаетъ существованіе Высшаго Существа и безсмертіе души. Онъ признаетъ, что лучшій [illegible] достойнымъ образомъ [illegible] — [illegible] въ Высшемъ Существѣ [illegible] человѣческаго рода. [illegible] чтобы человѣкъ [illegible] о Высшемъ Существѣ. Эти праздники должны [illegible] революціи, [illegible] Праздникъ въ честь Высшаго Существа».

Послѣ [illegible] рядомъ [illegible]

Праздникъ Высшаго Существа состоялся [illegible] 1794 г. Устройство праздника [illegible] Давидъ [illegible] былъ [illegible] Робеспьеръ [illegible] въ Тюльерійскомъ саду. [illegible] амфитеатрѣ, а вокругъ него [illegible] группы [illegible] Робеспьеръ, одѣтый въ свѣтло-голубой фракъ, произнесъ [illegible] Затѣмъ онъ направился къ группѣ [illegible] статуи [illegible] образъ Мудрости. Но статуя Мудрости немного почернѣла отъ копоти, и [illegible]

[illegible] 22-го [illegible] 1794 года [illegible] ложили, [illegible] крѣпости сдались, а Пишегрю [illegible] въ Голландію, [illegible] Занявъ [illegible] единилъ [illegible] образомъ приступить [illegible] Голландіи.

[illegible] Французскія и австрійскія арміи [illegible] 14-го іюня, [illegible] Флерюсъ [illegible] [illegible] Жемапъ [illegible] Гойни.

[illegible]

[illegible] были подвергнуты [illegible] женнымъ [illegible].

Что касается [illegible] Испаніи, то [illegible] тоже дѣйствовали [illegible]. Въ Пиренеяхъ [illegible] побѣдоносно [illegible]. Монсей [illegible] французы [illegible] черезъ Пиренеи [illegible] продолжавшейся четыре дня (съ 17-го до 20-го ноября) [illegible] въ этой битвѣ. [illegible] и Моро [illegible], такъ что Испанія очутилась въ рукахъ [illegible]. [illegible] республиканскія войска [illegible] съ Франціею [illegible] мирный договоръ. [illegible] англійскимъ [illegible] при помощи [illegible]. Адмиралъ Вилларе-Жуайезъ вышелъ съ французской эскадрой изъ Бреста, чтобы [illegible] привести въ Брестъ 200 [illegible]. Англійскій адмиралъ [illegible] страшной морской битвѣ французы были [illegible], потерявъ семь кораблей. Въ этой битвѣ [illegible] проявила команда французскаго судна [illegible], которое пошло ко дну. [illegible] французы [illegible] битвѣ, [illegible] корабли съ хлѣбомъ благополучно прибыли въ Брестъ.

[illegible] республикѣ [illegible] Франціи [illegible] отношенію къ [illegible].

въ отношеніи своихъ [illegible] Но Робеспьеръ настоялъ [illegible] чтобы законъ былъ принятъ. На слѣдующій день Конвентъ рѣшилъ измѣнить новый законъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ отношеніи, чтобы для привлеченія членовъ Конвента къ суду трибунала требовалось согласіе самого Конвента, какъ это было прежде. Но тутъ Кутонъ сталъ нападать на партію Горы. На защиту ея поднялся Бурдонъ изъ Уазы, произнесшій при этомъ большую [illegible]; это было [illegible], такъ какъ [illegible] уже не рѣшались выступать противъ трiумвирата [illegible]. Рѣчь Бурдона была встрѣчена аплодисментами со стороны Конвента. Но тутъ на трибуну взошелъ Робеспьеръ и сталъ говорить противъ Бурдона; при этомъ онъ пустилъ въ ходъ такія страшныя угрозы, что [illegible] членовъ Конвента охватилъ ужасъ. Робеспьеръ велъ себя въ тотъ день, какъ настоящій диктаторъ: онъ говорилъ властнымъ голосомъ, не допуская [illegible] возраженій, и [illegible] отмѣнить [illegible] [illegible].

Съ этого момента нѣсколько десятковъ депутатовъ не рѣшались ночевать дома, такъ какъ они боялись ареста. У Робеспьера повсюду были свои шпіоны. Законъ о преобразованіи революціоннаго трибунала усилилъ его дѣйствіе: въ теченіе слѣдующихъ 45 дней на эшафотѣ погибло 1 285 человѣкъ. Населеніе [illegible] страшно волновалось [illegible], и Робеспьеръ [illegible] послѣ своего паденія [illegible] въ чувствахъ и [illegible] народа, [illegible] изъ своей среды наибольшее количество жертвъ [illegible] дѣйствительнымъ диктаторомъ системы ужаса.

Но и въ Комитетѣ и Конвентѣ теперь образовалась сильная оппозиція Робеспьеру. Колло д'Эрбуа, Бильо-Варэннъ и Барэръ [illegible] и [illegible] подъ [illegible] диктатуры [illegible]. Они вошли въ соглашеніе съ членами комитета безопасности, въ которомъ, между прочимъ, [illegible] Вадье, Амаръ, Вуланъ. Лекуантръ, Бурдонъ и многіе другіе, относившіеся съ большой ненавистью къ Робеспьеру и [illegible]; они были сторонниками Марата и Гебера. [illegible] Робеспьера постарались выставить въ смѣшномъ свѣтѣ. Началось съ того, что нѣкій [illegible] по соглашенію съ [illegible], [illegible]

[illegible] ... Екатерина Тео ... [illegible] ... Мессія ... [illegible]

[illegible] ... Робеспьеръ ... [illegible]

[illegible] день [illegible]
[illegible]
Сен-Жюстъ [illegible] и произнести обвинительную рѣчь.
[illegible] Робеспьера, [illegible] и другія
[illegible] въ ночь съ 8-го на 9-е термидора.
[illegible] Робеспьера можно было понять, что онъ хочетъ; всѣ
партіи почувствовали, что имъ грозитъ опасность. Дантонисты
[illegible] и [illegible] въ соглашеніе съ
[illegible], во главѣ которыхъ стоялъ Буасси
[illegible] который былъ Дюранъ-
[illegible], всѣ эти партіи, кромѣ того, вступили въ согла-
шеніе [illegible] Горы [illegible]. Всѣ знали, что слова
Робеспьера [illegible] сторонниковъ
[illegible] всѣхъ пре-
[illegible] партій. Такимъ
[illegible] Робеспьеромъ
[illegible] только Сенъ-
Жюстъ, Кутонъ, Леба и младшій Робеспьеръ.

9-го термидора II года (27-го іюля 1794 г.) въ 11 часовъ утра
[illegible] засѣданіе [illegible] конвента [illegible]
[illegible] Робеспьеръ
[illegible] вооруженнаго народа на конвентъ,
[illegible] побѣду. Но
[illegible]. Обра-
[illegible]
[illegible]

[illegible] бывшій
уже [illegible]
[illegible] Сенъ-Жюстъ. [illegible], что [illegible]
[illegible] предварительно
[illegible] свою обвинительную рѣчь, но не исполнилъ
своего обѣщанія.

[illegible] поли-
тической фракціи. Я хочу вести борьбу со всѣми ими,—такъ
началъ Сенъ-Жюстъ свою рѣчь.—Обстоятельства сложились такъ,
что [illegible] Тарпейской скалой для того, кто
[illegible] что нѣкоторые члены правительства покинули
стезю мудрости».

Тогда поднялся Тальенъ, въ душѣ котораго вспыхнуло
[illegible]

[illegible] Робеспьера; я требую, чтобы и меня [illegible] арестовать [illegible]. Арестованных [illegible]. Последнія [illegible] были: [illegible] не былъ [illegible] ни [illegible] руку [illegible] [illegible] людей, [illegible] [illegible] въ эту ночь.

[illegible] національной гвардіи Анріо могъ въ этотъ [illegible] не [illegible] своими [illegible]. Но этотъ [illegible] что онъ [illegible] въ этотъ [illegible] [illegible] жандармамъ арестовать его и [illegible].

[illegible] рабочіе собрались [illegible] полиціи [illegible] [illegible]. Была собрана [illegible] [illegible] Анріо.

[illegible] Анріо [illegible] его [illegible] [illegible] Но Анріо уже [illegible], и [illegible] [illegible] [illegible] Анріо. [illegible] [illegible] глухой грохотъ [illegible] «Граж- [illegible] умереть на [illegible] своихъ [illegible] Но Анріо не могъ заставить [illegible] канонировъ стрѣлять

[illegible]

[illegible] стать ни на чью сторону: оно хотѣло бороться [illegible] за республику. Рабочіе ставили республику выше «неподкупнаго» Робеспьера. [illegible]

на столбъ, [illegible] голову ему поддерживать [illegible]. Вокругъ него толпились его [illegible] и [illegible] зали [illegible] и [illegible]. Онъ не [illegible] ни на одинъ вопросъ и не сказалъ [illegible].

Арестованныхъ [illegible] въ тюрьму. Такъ какъ они были объявлены [illegible], то революціонный трибуналъ [illegible] только установить [illegible] личность, что [illegible] утромъ 10-го термидора (28-го [illegible] 1794 года).

10 термидора послѣ полудня Робеспьеръ и [illegible] въ [illegible]. Робеспьеръ, его братъ, Сен-Жюстъ, Кутонъ и Анріо [illegible] въ одной [illegible]. Въ [illegible] Леба. [illegible] Робеспьера было [illegible]. Симонъ [illegible] Робеспьера. [illegible] должна была умереть на эшафотѣ, [illegible] Дантонъ, [illegible] и того самаго [illegible] Эбера, [illegible] самаго настоящаго [illegible].

[illegible] Робеспьера и его [illegible] на [illegible] радостью. Видно было, что [illegible] себя [illegible]. [illegible] и [illegible] другой [illegible]. У [illegible] женщина. [illegible] Робеспьера, [illegible] въ крови и [illegible] дома.

На площади Революціи [illegible] Робеспьера [illegible]; при этомъ Робеспьеръ [illegible] крикъ, который былъ слышенъ на [illegible] площади. Когда Робеспьеръ былъ обезглавленъ, толпа въ теченіе нѣсколькихъ минутъ била въ ладоши.

На слѣдующій день было [illegible] членъ, [illegible] коммуны, а [illegible] — еще 12 сторонниковъ Робеспьера. [illegible] Коффиналь былъ черезъ нѣсколько дней

арестовать и казнить. [illegible] рѣшили совершенно уни-
чтожить партію [illegible].

Такъ же и Максимиліанъ Робеспьеръ [illegible] [illegible] диктатуры Франціи. [illegible] [illegible] [illegible]. Онъ [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible], что [illegible] [illegible] осуществимо только въ томъ случаѣ, когда [illegible] подавлены [illegible].

[illegible] борьбу [illegible] [illegible]. Робеспьеръ [illegible] партію Гебера [illegible] со всѣми остальными партіями, такъ какъ въ противномъ случаѣ члены Гебера [illegible] для себя [illegible]. [illegible], что, [illegible] Робеспьера, она [illegible] диктатуру. Но [illegible] побѣда [illegible] Гебера [illegible]. [illegible] послѣ [illegible] Робеспьера партія Гебера [illegible]. Дѣйствительно, послѣ того, какъ [illegible] реакціи [illegible], [illegible] оказалось [illegible]: реакція уничтожила [illegible] и поглотила также Гебера.

[illegible] Робеспьера: «[illegible], [illegible]. Среди побѣдителей [illegible], [illegible] теперь въ свои руки господство. [illegible].

Народныя массы [illegible] отнеслись къ [illegible] Робеспьера, [illegible] раньше [illegible] [illegible] и [illegible]. Но и побѣдители [illegible] [illegible].

НАЦІОНАЛЬНЫЙ КОНВЕНТЪ.

(Второй періодъ).

Дѣйствительно приверженцы партіи Робеспьера были относительно уничтожены—болѣе ста человѣкъ ея сложили головы на эшафотѣ. Но паденіе Робеспьера погубило также Гору, которая [illegible] [illegible] содѣйствовала этой внезапной катастрофѣ.

Для борьбы съ Робеспьеромъ соединились всѣ партіи, т.-е. партія Горы, центръ и остатки Жиронды. Послѣ того, какъ цѣль была достигнута, этотъ крайне неестественный союзъ долженъ былъ распасться. Это произошло уже черезъ [illegible] дней послѣ катастрофы.

Члены Комитетовъ были увѣрены въ томъ, что ихъ власть упрочена. Но они жестоко ошиблись, и скоро имъ пришлось убѣдиться [illegible], что [illegible] термидора [illegible] [illegible] ихъ власти.

Члены Долины и остатки жирондистовъ выжидали перемѣны обстоятельствъ, такъ какъ они хорошо понимали, что правительство добродѣтели и ужаса не можетъ быть долговѣчно. Въ этихъ двухъ партіяхъ преобладали [illegible] [illegible] крупной и средней буржуазіи съ ея приверженцами. Этотъ классъ имѣлъ также сторонниковъ въ партіи Горы,—именно, въ правой фракціи ея. [illegible] [illegible] термидора [illegible] [illegible] радикальныхъ [illegible] и [illegible] за собой [illegible] новыхъ партій. Къ буржуазіи, [illegible] [illegible] послѣ девятаго термидора, примкнули ренегаты изъ партіи Горы; это были люди, плывшіе по теченію и усвоившіе не духъ, а лишь красивыя фразы и внѣшніе пріемы революціи.

Буржуазія инстинктивно приписала девятаго термидора [illegible] усилія къ тому, чтобы низвергнуть Робеспьера. Этотъ классъ населенія не находилъ ничего [illegible] въ республикѣ

[illegible] ф-
[illegible] и [illegible] приготовлялъ [illegible]
[illegible] и [illegible] совершенно
[illegible] интересенъ. [illegible] формы
[illegible]
и [illegible] власть
помощи и [illegible] у парижскаго населенія
[illegible] буржуазія путь къ [illegible]. Этимъ
[illegible]
[illegible] паденія.

Гора, [illegible] тѣмъ, что она побѣдила Робеспьера, скоро [illegible] была побѣждена. [illegible] буржуазіи. [illegible] Теперь [illegible]

Отъ Горы осталась теперь только [illegible] фракція, которая [illegible]

Вождями этой фракціи были [illegible] и [illegible]

Но [illegible] Горы [illegible] партіи [illegible]

удовольствія и [illegible] встрѣчали гибель [illegible] по тюрьмамъ [illegible]. Уже [illegible] термидора [illegible] остановились [illegible], и [illegible] тер-мидоріанцы [illegible] тюремъ, [illegible]. Такъ какъ во время диктатуры Робеспьера [illegible] были, но большей частью [illegible], рабочіе и крестьяне, то эти мѣры [illegible]. [illegible] аристократовъ [illegible], тогда какъ тысячи [illegible] теперь пре-[illegible] за свой арестъ, за [illegible] другихъ.

Часть старыхъ комитетовъ находилась еще на своихъ мѣстахъ и, конечно, сохранили еще свое вліяніе. Но это быстро измѣнилось, такъ какъ термидоріанцы не замедлили воспользоваться [illegible] людей. Несмотря на возраженія Билло-Варенна и Барера, революціонный трибуналъ былъ [illegible] съ той цѣлью, чтобы [illegible] 22-го преріаля [illegible] и [illegible]. Трибуналъ былъ вскорѣ возстановленъ; но теперь термидорцы [illegible]. Страшный Фукье-Тенвиль, прокуроръ революціоннаго трибунала, былъ преданъ суду [illegible].

Эти мѣры ясно показывали, что власть старыхъ комитетовъ [illegible]. Термидорцы скоро стали у кормила правленія. Нужно было замѣнить мѣста тѣхъ членовъ комитета благоденствія, которые находились въ отлучкѣ или были казнены; естественно, что на эти мѣста термидорцы выбрали людей своей партіи. Было постановлено, что отнынѣ четвертая часть комитета благоденствія должна ежемѣсячно обновляться. Такимъ образомъ, Тальенъ, Трельяръ, Бреаръ и другіе термидорцы стали членами правительства и парализовали дѣятельность старыхъ членовъ. Вскорѣ изъ комитета благоденствія [illegible] четвертой части, [illegible] Барреръ, Карно и Робэръ Лендэ, а затѣмъ оттуда добровольно ушли Билло-Вареннъ и Колло д'Эрбуа. То же произошло въ комитетѣ безопасности, и съ этихъ поръ термидорцы стали уже господствовать въ правительствѣ.

Власть комитетовъ была ограничена; никто не хотѣлъ

[illegible] безопасности [illegible] теперь только [illegible] и [illegible] дѣлами, а [illegible] безопасности [illegible]. Кромѣ того, были учреждены еще четырнадцать комитетовъ, а именно: комитеты [illegible] просвѣщенія, земледѣлія и искусствъ, [illegible] и [illegible]. [illegible] сооруженій, [illegible], [illegible] и [illegible], [illegible] и архивовъ, [illegible], [illegible] и [illegible], наконецъ, [illegible].

[illegible] и [illegible] пути. [illegible]

[illegible] Къ этому времени [illegible] они [illegible], что [illegible] старыхъ [illegible] выступилъ новый господствующій классъ, который стремился восстановить привилегіи въ новой формѣ и въ свою пользу. Они видѣли, какъ этотъ классъ [illegible] въ свои руки власть, и не трогались съ мѣста. Но весной слѣдующаго года [illegible] заставила [illegible] и [illegible] у [illegible].

Это [illegible] революціонныхъ рабочихъ массъ, [illegible] было [illegible] терміидоріанцевъ. [illegible] строя [illegible] Вскорѣ [illegible] послѣ [illegible] Робеспьера, [illegible] Барера [illegible] Бурдона. [illegible] бывшій [illegible] терроризма. Но [illegible]

Тайно [illegible] Робеспьера [illegible] бывшіе [illegible] паденія Робеспьера. [illegible] тѣмъ для [illegible] террора въ провинціи, [illegible] даны подъ [illegible] Тотъ самый [illegible] одобрилъ этихъ [illegible] ихъ дѣятельность. Общинные комиссары [illegible] если они [illegible], то [illegible] данныхъ имъ [illegible] — и [illegible].

[illegible] слѣдовала все то, что напоминало старую систему. Буржуазная аристократія, которую демократы такъ долго не допускала къ [illegible] власти и [illegible]; [illegible] общественныя мѣста и должности. [illegible] которыя по своей жестокости [illegible] ужасы системы террора.

Новое общество.

Сейчасъ же послѣ паденія Робеспьера [illegible] людей, скрывавшихся [illegible] полиціи комитетовъ. [illegible] сбросилъ съ себя маску добродѣтели, которую надѣли на него Сенъ-Жюстъ и Робеспьеръ и которую онъ носилъ только изъ страха передъ революціонными [illegible]

стали снова [illegible] на улицахъ Парижа, [illegible] [illegible] дуры. [illegible] и стали заниматься своимъ [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] приводившая [illegible] [illegible]. Въ то время, какъ рабочіе предмѣстій [illegible] [illegible] на то, что революція не уменьшила имъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] люціи. [illegible] [illegible] [illegible] въ своей противоположность [illegible] [illegible] строгости [illegible] сибаритства республиканцевъ и [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] другъ.

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] терроръ [illegible] [illegible] [illegible]. Пре[illegible] [illegible] [illegible] Робеспьера, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Жалкой [illegible] [illegible] [illegible] журналистомъ, талантливаго Камиля Демулена. Фреронъ, [illegible] за обожаемую имъ Люсиль Демуленъ, [illegible] «Народный Ораторъ» [illegible] [illegible] [illegible]. Прежде [illegible] [illegible] [illegible] наказаніи Тулона, [illegible] [illegible], а теперь онъ своими жестокими [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] никомъ Марата, [illegible] [illegible], что прикидывался теперь поклонникомъ [illegible] [illegible], желая [illegible] этимъ свой революціонный [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] уничтожать якобинцевъ. Въ Пале-Роялѣ, гдѣ 12-го іюля 1789 года Камиллъ Демуленъ призывалъ народъ къ оружію, Фреронъ собралъ вокругъ себя молодыхъ людей, [illegible] [illegible] аристократіи. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] очень сильное вліяніе на [illegible] молодыхъ людей. Всѣ они носили особенную одежду, состоявшую изъ сюртука съ большимъ вырѣзомъ, короткихъ [illegible] [illegible] и шляпы съ широкими полями. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] тины». Волосы ихъ спускались до плечъ. Они были вооружены тяжелыми, [illegible] [illegible] [illegible], а также пистолетами и [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] Марсельезы [illegible], называвшуюся «Пробужденіе народа» [illegible] [illegible] [illegible]

[illegible] присутствовать [illegible] только тѣ лица, у которыхъ хотя бы [illegible]. Въ театрахъ приходилось [illegible]; [illegible], гдѣ [illegible].

Люди [illegible] рестораны, [illegible] и кондитерскія. [illegible] нужъ жизненныхъ средствъ [illegible] въ ноябрѣ 1795 года [illegible] кондитерскія, [illegible] рестораны и [illegible]. Послѣ паденія Робеспьера [illegible] упали въ цѣнѣ. Послѣ уничтоженія [illegible]; [illegible]. Тогда-то и [illegible] старыя [illegible]. [illegible] Парижа съѣстными припасами [illegible] трудные и трудные. [illegible] правительство не [illegible] ходило ничего лучшаго, [illegible] бумажныхъ денегъ.

Въ то время, какъ [illegible] Парижъ [illegible] нужда [illegible] доходила до крайнихъ предѣловъ. [illegible] стоять [illegible] передъ булочными и [illegible], чтобы [illegible] цѣнѣ купить кусокъ [illegible] хлѣба. Наконецъ [illegible] въ крайнемъ [illegible] съѣстныхъ припасовъ. [illegible] увеличиваться. — [illegible] общество [illegible] предаваться [illegible].

Въ провинціи [illegible]. [illegible] множество [illegible] при [illegible]. Къ этому [illegible] среди [illegible] сельскаго населенія, которые [illegible] духовенствомъ и роялистскими агентами; кромѣ того, [illegible] національныхъ имуществъ, [illegible] не [illegible]

[illegible] на [illegible] [illegible], [illegible] обычно [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] аристократической уже [illegible] [illegible], не желая получать за свои товары плохія бумажныя деньги.

Внезапныя отмѣны прежнихъ [illegible] мѣръ, [illegible] въ періодѣ [illegible] [illegible], усилили нужду и внесли [illegible] большую смуту въ страну. [illegible] у власти буржуазная аристократія [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible].

Конецъ клуба якобинцевъ.

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] депутатовъ, которые, въ числѣ 73 человѣкъ, были арестованы за свой протестъ противъ [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible]. Клубъ якобинцевъ былъ [illegible] [illegible] сильнымъ благодаря [illegible], который онъ [illegible] [illegible], а [illegible] съ [illegible] и провинціей. Послѣ паденія Робеспьера въ этомъ клубѣ нашли себѣ пріютъ всѣ демократическіе [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Надо сказать, что этотъ клубъ въ дѣйствительности [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Если [illegible] [illegible] на то, что [illegible] народныя [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] снова [illegible] власть въ свои руки. Но они ошиблись, [illegible] [illegible], такъ какъ рабочіе и [illegible] [illegible] отнеслись довольно [illegible] къ судьбѣ клуба. Рабочіе терпѣли нужду и тогда, когда у кормила правленія стояли якобинцы. Нужды рабочихъ классовъ использовались для того, чтобы [illegible] массы на [illegible], но [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Реакція и расправа [illegible] [illegible] были [illegible] [illegible] въ [illegible] [illegible] и [illegible]. Кромѣ того, въ [illegible] [illegible] [illegible] того факта, что якобинцы принимали участіе въ низверженіи коммуны и эбертистовъ. Вотъ почему предмѣстья спокойно смотрѣли на то, какъ знаменитый клубъ палъ жертвою термидорцевъ. [illegible] [illegible] несомнѣнными.

Организованная Фрерономъ [illegible] вы-
ступила [illegible] ристами и [illegible] характеръ. [illegible] прежде [illegible] Вандемьеры [illegible] якобинцевъ и [illegible] Тогда [illegible] себѣ [illegible] будто его хотѣли убить якобинцы. Тогда [illegible] всѣ тѣ трусы и карьеристы, [illegible] больше всѣхъ [illegible] ужаса и теперь [illegible] свои [illegible]. Особенно отличились въ этихъ [illegible] Мерленъ изъ Тіонвиля, [illegible] Фреронъ изъ Уазы, [illegible] и Лекуантръ. Они требовали уничтоженія [illegible] Робеспьера, и [illegible] молодежь [illegible] не стерпѣла [illegible].

Билло-Варенъ и Колло-д'Эрбуа были [illegible] въ клубѣ якобинцевъ и говорили тамъ въ пользу [illegible] консуловъ [illegible]. Однажды Билло-Варенъ потерялъ терпѣніе. Раздраженный жалобами на преслѣдованія, которымъ въ провинціи подвергались якобинцы, [illegible] сказалъ: *«Когда левъ спитъ, [illegible] что онъ потерялъ свою силу; но [illegible] пробужденіе: онъ [illegible]».* Эти слова, конечно, [illegible] предвѣстій, но они дали поводъ къ новымъ горячимъ нападкамъ на якобинцевъ въ конвентѣ, и конвентъ, не [illegible] закрыть сейчасъ же клубъ, [illegible] сношенія съ провинціальными отдѣленіями клуба, что значительно ослабило его вліяніе.

Такое поведеніе конвента придало еще больше смѣлости золотой молодежи. На улицахъ Парижа, въ театрахъ, [illegible] стычки, [illegible]. Скоро террористы дали конвенту столь желанный предлогъ для рѣшительныхъ дѣйствій противъ якобинцевъ.

8 ноября 1794 года якобинцы собрались въ своемъ обычномъ помѣщеніи; въ то же время золотая молодежь направилась въ Пале-Рояль, и въ тамошнихъ кофейняхъ раздались

угрожающіе крики противъ якобинцевъ. Тутъ же былъ и самъ Фреронъ, который приложилъ всѣ силы къ тому, чтобы довести волненіе до взрыва. Паролемъ этой шайки было уничтоженіе клуба якобинцевъ. Наконецъ, термидористы двинулись массой и напали на клубъ. Въ окна его бросали огромные камни, термидористы взялись за дубины и сабли. Якобинцы, между которыми находились также и женщины и дѣти, стали энергично защищаться: подъ предводительствомъ члена конвента Дюгана они сдѣлали вылазку, сопровождавшуюся страшной рукопашной схваткой, въ которой очень многіе были ранены. Термидористовъ было значительно больше, чѣмъ якобинцевъ, и они очень жестоко расправлялись съ женами якобинцевъ, обнажали и били ихъ. Наконецъ, появились члены комитета безопасности; они разняли дерущихся и арестовали большое количество лицъ съ обѣихъ сторонъ. Арестованные термидористы были скоро освобождены, а арестованные якобинцы оставлены въ тюрьмѣ. Комитетъ безопасности опечаталъ залъ засѣданія якобинцевъ.

Новая аристократія ликовала по поводу этого пораженія якобинцевъ: зажиточные кварталы Парижа были иллюминованы. «Золотая молодежь» продолжала жестоко расправляться съ якобинцами, и ея дѣйствія оставались безнаказанными, такъ какъ правительство Тальяна и К[a] не находило нужнымъ скрывать своего враждебнаго отношенія къ якобинцамъ.

При такихъ обстоятельствахъ конвентъ осмѣлился закрыть клубъ якобинцевъ. Онъ утвердилъ распоряженіе комитета безопасности съ лживой мотивировкой, будто клубъ якобинцевъ даетъ поводъ къ постояннымъ волненіямъ и можетъ вызвать гражданскую войну.

Якобинцы со скрежетомъ зубовнымъ подчинились судьбѣ, которой они не могли избѣжать. Они понимали, что съ уничтоженіемъ ихъ клуба они лишились власти, такъ какъ уцѣлѣвшія въ Парижѣ демократическія организаціи были очень незначительны. Съ этого времени сила демократіи была сломлена. Термидористы хотѣли уничтожить даже имя знаменитаго клуба, котораго такъ недавно боялась вся Европа, и переименовали площадь, гдѣ стоялъ монастырь св. Якова, въ рынокъ Термидора. Но изъ исторіи нельзя было, конечно, изгладить память объ этомъ обществѣ, сыгравшемъ такую выдающуюся роль.

Реакція усиливается.

Послѣ казни робеспьерцевъ конвентъ, не торопясь, освободилъ и вновь допустилъ къ своимъ засѣданіямъ арестованныхъ жирондистскихъ депутатовъ. По предложенію Карно конвентъ амнистировалъ всѣхъ тѣхъ вандейцевъ, которые въ теченіе мѣсяца положатъ оружіе; и тогда всѣ стали говорить, что если Вандея получаетъ амнистію, то ее надо дать и содержащимся въ тюрьмѣ семидесяти тремъ депутатамъ. Послѣдніе были освобождены 8 декабря 1794 года и допущены къ засѣданіямъ. Одновременно съ этимъ поднялся вопросъ о возвращеніи жирондистовъ, объявленныхъ стоящими внѣ закона. Грегуаръ передалъ конвенту записку Ланжюине, въ которой тотъ требовалъ отмѣны постановленія о жирондистахъ и возвращенія ихъ въ конвентъ. Но тутъ даже нѣкоторые термидорьянцы испугались той быстроты, съ какой надвигается реакція. Тѣ термидорьянцы, которые прежде принадлежали къ партіи Горы, высказались во время восстанія 31-го мая за арестъ жирондистовъ, которыхъ они тогда очень усердно преслѣдовали. Они все еще не могли рѣшиться снова допустить жирондистовъ въ конвентъ, и Мерленъ изъ Дуэ горячо воскликнулъ: «Развѣ вы хотите открыть ворота Тампля?» Дѣло въ томъ, что въ Тамплѣ сидѣлъ бывшій наслѣдникъ французскаго престола, молодой сынъ Людовика XVI. Въ концѣ концовъ, конвентъ рѣшилъ отмѣнить свое прежнее постановленіе, объявлявшее жирондистовъ стоящими внѣ закона; но въ то же время онъ рѣшилъ не допускать ихъ еще въ конвентъ.

При такихъ обстоятельствахъ неудивительно, что реакціонеры съ удвоенной энергіей набросились на якобинцевъ и сторонниковъ системы террора. Первыми жертвами своей жажды мести реакціонеры избрали трехъ человѣкъ со страшными именами: Каррье, Лебона и Фукье-Тенвиля. Эти три человѣка были не болѣе виновны, чѣмъ всѣ остальные исполнители приказаній конвента. Можно даже сказать, что они были не болѣе виновны, чѣмъ самъ конвентъ, одобрявшій приказы комитетовъ, согласно которымъ эти обвиняемые дѣйствовали. Ихъ можно было бы упрекнуть въ томъ, что они слишкомъ ревностно и съ нѣкоторой жестокостью исполняли эти приказы. Но вѣдь они дѣйствовали только по приказанію и съ одобренія тѣхъ

свидѣтели [illegible] выступили въ качествѣ ихъ обви-
нителей в судѣ. Молодой Лебонъ, фаворитъ Робеспьера, былъ отправленъ [illegible] съ полномочіями комиссара въ Аррасъ для борьбы съ [illegible] роялистовъ на сѣверной границѣ. Лебонъ велъ себя при этомъ такъ мягко, что комитетъ благоденствія выразилъ ему строгое порицаніе. Тогда онъ сталъ дѣйствовать съ ужасной строгостью. По его приказанію было казнено очень много людей и говорили, будто онъ велѣлъ прочитывать осужденнымъ на смерть передъ самой казнью извѣстія о побѣдахъ французскихъ войскъ, усиливая этимъ ихъ предсмертныя муки. Говорили также, будто онъ приглашалъ къ себѣ на обѣдъ палача, какъ очень полезнаго гражданина. Вѣрны ли эти обвиненія или нѣтъ, неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, нельзя отрицать того, что Лебонъ сталъ безумствовать лишь по приказанію комитета благоденствія и съ согласія конвента, который одобрилъ приказаніе комитета. И вотъ теперь тотъ же самый конвентъ предалъ Лебона суду революціоннаго трибунала, который, конечно, осудилъ его на смерть. Приблизительно такъ же обстояло дѣло и съ Каррье, который былъ отправленъ въ Нантъ для наказанія главарей вандейскаго возстанія. Онъ тоже получилъ приказаніе дѣйствовать съ крайней строгостью. Мрачный фанатикъ Каррье счелъ бы за преступленіе не исполнить даннаго ему приказанія. Потому же его отправили какъ разъ въ ту мѣстность, въ которой обѣ стороны боролись съ безчеловѣчной жестокостью. Каррье былъ неразборчивъ въ средствахъ; онъ велѣлъ казнить такую массу людей и велъ себя такъ жестоко, что еще при жизни Робеспьера его отозвали обратно въ Парижъ. Онъ отправилъ 132 арестованныхъ изъ Нанта въ Парижъ на судъ парижскаго революціоннаго трибунала. Процессъ этихъ обвиняемыхъ былъ тогда отложенъ и разбирался только теперь. Обвиняемые давали страшныя показанія объ обращеніи Каррье съ арестованными вандейцами. Они говорили, что онъ массами казнилъ безъ суда не только мужчинъ, но также женщинъ и дѣтей. По показаніямъ обвиняемыхъ Каррье ввелъ «республиканскія свадьбы и крестины». «Свадьбы» эти заключались въ томъ, что связывали попарно голыхъ мужчинъ и женщинъ и топили въ Луарѣ. «Крестины» же совершались слѣдующимъ образомъ: устраивались корабли съ клапанами въ трюмахъ, трюмы наполнялись плѣнными, а затѣмъ открывали клапаны и такимъ образомъ

топили плѣнныхъ. Впрочемъ, не надо забывать, что грубыя издѣвательства при казняхъ были вообще тогда въ обычаѣ у всѣхъ партій. Безъ сомнѣнія, не всѣ показанія о дѣятельности Карье вѣрны; такъ, напримѣръ, надо считать преувеличеннымъ сообщеніе о томъ, будто въ то время, какъ въ трюмѣ топили людей, Карье на палубѣ устраивалъ оргіи съ распутными женщинами. Карье не отрицалъ того факта, что онъ приказалъ казнить многихъ мятежниковъ. Но онъ ссылался при этомъ на полученныя имъ инструкціи, указывалъ на тѣ опасности, которыя угрожали тогда республикѣ, и на разнузданность страстей въ гражданской войнѣ. Члены нантскаго революціоннаго комитета, противъ которыхъ также возбуждено было обвиненіе, взвалили всю вину на него. Когда конвентъ постановилъ предать Карье суду революціоннаго трибунала, онъ воскликнулъ: «Все здѣсь виновато,—вплоть до колокольчика предсѣдателя»! И въ этихъ словахъ было много правды.

16-го декабря 1794 года Карье, смерти котораго все время требовала «золотая молодежь», былъ осужденъ и казненъ. Во время судебнаго разбирательства онъ велъ себя съ большимъ хладнокровіемъ. Прежній прокуроръ революціоннаго трибунала Фукье-Тенвилль отдалъ себя добровольно въ руки властей послѣ того, какъ было рѣшено возбудить противъ него обвиненіе. Его процессъ тянулся очень долго. Фукье указывалъ на то, что онъ дѣйствовалъ согласно приказаніямъ комитетовъ, что самъ онъ высказался противъ страшнаго закона отъ 22 преріаля и оттягивалъ процессъ вышеупомянутыхъ 132 арестованныхъ. Его жестокость принесла много вреда дѣлу демократіи. Онъ всегда являлся послушнымъ орудіемъ господствовавшей системы. Но въ крайностяхъ системы террора многіе термидористы были гораздо болѣе виновны, чѣмъ самъ Фукье-Тенвилль. Такъ, напримѣръ, Фреронъ составилъ проектъ закона, направленнаго противъ подозрительныхъ лицъ, а Мерленъ изъ Дуэ руководилъ казнями въ Тулонѣ. Между тѣмъ именно Фреронъ и Мерленъ болѣе другихъ настаивали на смерти Фукье-Тенвилля. Вмѣстѣ съ двѣнадцатью членами революціоннаго трибунала Фукье-Тенвилль былъ приговоренъ къ смерти и казненъ 7 мая 1795 года, въ то самое время, когда Парижъ былъ приведенъ въ волненіе бурными возстаніями предмѣстій. Два года тому назадъ конвентъ учредилъ революціонный трибуналъ, а теперь онъ взваливалъ отвѣтственность за дѣйствія

этого судилища на прокурора и двѣнадцать судей и присяжныхъ.

Въ провинціи противъ сторонниковъ павшей системы начались такія же гоненія, какъ и въ Парижѣ. Революціонный терроръ уступилъ мѣсто террору реакціонному. Поэтому-то конвентъ не отмѣнилъ закона, направленнаго противъ подозрительныхъ лицъ. Однако, очень часто оказывалось, что обвиненія, направленныя противъ отдѣльныхъ комиссаровъ конвента, были очень преувеличены. Такъ, напримѣръ, Менье, фаворитъ Кутона, обвинялся въ томъ, что онъ вмѣстѣ съ революціоннымъ трибуналомъ уничтожилъ большую часть населенія Оранжа и стеръ съ лица земли цѣлую деревню съ ея обывателями. Но конвентъ не предалъ его суду.

Вскорѣ Фреронъ нашелъ уже излишнимъ противопоставлять имя Марата имени Робеспьера, какъ онъ это обыкновенно дѣлалъ до сихъ поръ. «Золотая молодежь» преслѣдовала даже мертваго Марата и жестоко издѣвалась надъ его бюстами и портретами. Прахъ Марата былъ вынесенъ изъ Пантеона, гдѣ онъ находился, и конвентъ постановилъ, что никто не можетъ быть погребенъ въ Пантеонѣ раньше чѣмъ черезъ двадцать лѣтъ послѣ смерти. Трупъ Марата былъ брошенъ въ клоаку. Портретъ его, находившійся въ залѣ конвента, былъ удаленъ. Великолѣпная картина Давида, изображавшая убійство Марата Шарлоттою Корде, была уничтожена вандалами «золотой молодежи».

Конвентъ поступилъ очень разумно, отмѣнивъ постановленіе Робеспьера о Высшемъ Существѣ и объявивъ полную свободу религіи. Съ этого времени государственной религіи уже не было, и государственная касса не отпускала больше никакихъ суммъ на религіозныя цѣли. Было только предписано, что церковныя церемоніи должны имѣть мѣсто въ домахъ, но не на улицахъ; въ остальномъ же каждый могъ быть совершенно свободенъ. Правда, конвентъ установилъ оффиціальное празднованіе декадъ, при которомъ играла музыка, устраивались танцы, чтенія, но никто не былъ обязанъ присутствовать на этихъ празднествахъ. Этотъ порядокъ, представлявшій собою полное отдѣленіе церкви отъ государства и лучше всего обезпечивавшій республику въ ея безпрерывныхъ конфликтахъ съ церковными властями, былъ однимъ изъ немногихъ разумныхъ дѣйствій новаго конвента.

Теперь Лекуантръ нашелъ, что настаетъ наиболѣе подходящій моментъ для возбужденія обвиненія противъ членовъ стараго комитета, и онъ добился отъ конвента преданія суду Бильо-Варенна, Колло д'Эрбуа, Барера и Вадье. После этого рѣшенія конвента стали все упорнѣе раздаваться требованія обратнаго допущенія въ конвентъ жирондистовъ. И дѣйствительно, въ мартѣ 1795 года, послѣ длиннаго и бурнаго засѣданія, жирондисты были вновь призваны членами конвента. Въ этомъ засѣданіи Шенье указывалъ на то, что во Франціи не найдешь достаточно глубокихъ пещеръ, чтобы скрыть преступленія Верньо и геній Кондорсе. Онъ утверждалъ, что обвиненіе жирондистовъ въ федерализмѣ было только клеветой, и предложилъ возвратить жирондистовъ въ конвентъ. Гора, которая могла ожидать отъ вернувшихся жирондистовъ только [illegible], [illegible] гокъ, рѣзко высказывалась противъ этой мѣры. [illegible] термидорьянцы также были противъ возвращенія жирондистовъ. [illegible] заявилъ, что если возвратить исключенныхъ 31-го мая 1793 года, то надо возбудить процессъ противъ тѣхъ восьмидесяти тысячъ человѣкъ, которые окружили 31-го мая зданіе конвента. Онъ заявилъ, что возстановленіемъ жирондистовъ въ ихъ званіи депутатовъ, конвентъ опять возбудитъ улегшіяся страсти. Тогда поднялся Сійесъ, игравшій долгое время въ конвентѣ роль безмолвнаго наблюдателя. [illegible] реакція вернула ему снова отвагу. Онъ заявилъ, что 31-е мая было совершило незаконный актъ и что принятое въ тотъ день рѣшеніе должно быть объявлено недѣйствительнымъ. Онъ сказалъ, что до 31-го мая конвентъ находился подъ давленіемъ народа, что съ 31-го мая до 9-го термидора народъ [illegible] подавленіемъ конвента и что только теперь водворилась справедливость. «Какъ! воскликнулъ ему въ отвѣтъ членъ Горы [illegible] — вы хотите объявить 31-е мая недѣйствительнымъ? Тогда недѣйствительно и все то, что было сдѣлано конвентомъ. *Тогда недѣйствительны всѣ побѣдоносные походы конвента, тогда недѣйствительны всѣ тѣ законы и декреты, на которыхъ основывается наше правительство!»*

Но реакція была настолько сильна, что могла легко сломить противодѣйствіе Горы. Конвентъ постановилъ принять обратно жирондистовъ; и въ этомъ засѣданіи снова появились Ланжюинэ, Луве, [illegible], Инаръ, Ларевельеръ-Лепо и другіе жирондисты. Долгое пребываніе внѣ закона странно

[illegible] жаждой мести; поэтому они [illegible]. Сейчас же послѣ нихъ [illegible] арестъ Билло-Варенна [illegible].

[illegible] повлекло за собой [illegible]. Снова образовалась [illegible] которую поддерживали [illegible] во время пребыванія [illegible] наружу слегка [illegible] такъ какъ многіе [illegible] лишь подчи[illegible].

[illegible] 10-мъ августа 1792 г. [illegible] контръ-ре[illegible]. [illegible] что Жиронда, [illegible] кол[illegible] своихъ [illegible] была [illegible] господ[illegible] совсѣмъ спло[illegible] независимыхъ [illegible] иногда увле[illegible] больше, чѣмъ [illegible] «солид[illegible] и стояла въ [illegible] безстано[illegible] который было [illegible] 1793 г. Между этими [illegible], и [illegible] мы [illegible] демократіи [illegible].

[illegible]

[illegible] почти всю [illegible] и преслѣдованіе демократіи; [illegible] много драгоцѣннаго времени. [illegible] не сумѣли разобраться [illegible], который съ каждымъ

діемъ принималъ все большіе и большіе размѣры, и къ тому же они мало сочувствовали народнымъ бѣдствіямъ. По ихъ мнѣнію, достаточно было устранить ненавистныя имъ учрежденія, введенныя въ эпоху ужаса, чтобы облегчить положеніе народа. Новыхъ идей у нихъ не было никакихъ. Отмѣнивъ почти всѣ принудительные законы эпохи террора, конвентъ еще болѣе запуталъ всѣ отношенія и еще болѣе увеличилъ нужду въ странѣ. Правда, урожай былъ въ этомъ году очень хорошъ, но страна была опустошена междоусобными войнами. Внѣшняя торговля находилась почти въ полномъ застоѣ, а промышленность переживала тяжелый кризисъ; въ Ліонѣ, который нѣкогда былъ самымъ значительнымъ фабричнымъ городомъ страны, въ этомъ году работало не больше 2.000 ткацкихъ станковъ. Не трудно было понять, что для облегченія нужды надо принять энергичныя мѣры. Но экономисты девятаго термидора могли выставить только идею «свободной конкуренціи», которая въ такой моментъ была наиболѣе опасна для страны. Въ самомъ дѣлѣ, можно было предвидѣть, что спекулянты, перекупщики и ростовщики используютъ внезапную отмѣну всѣхъ запретительныхъ законовъ и нужду французовъ въ цѣляхъ эксплоатаціи всего народа и своего собственнаго обогащенія. Заурядный Тибодо, который сумѣлъ выдвинуться въ этотъ періодъ господства посредственности, воскликнулъ какъ-то въ конвентѣ: «Единственное спасеніе заключается въ *свободѣ торговли* и въ отмѣнѣ максимальныхъ таксъ». Какъ мы знаемъ, максимумъ былъ отмѣненъ въ декабрѣ, и въ общихъ чертахъ была введена свобода торговли. И тѣмъ не менѣе ощущался недостатокъ въ товарахъ, такъ какъ курсъ ассигнатовъ все еще падалъ, и продавцы поэтому не являлись на рынокъ. Къ девятому термидора ассигнаты понизились до 33%; послѣ отмѣны максимума они упали до 19%, а затѣмъ и до 17%. Зимою недостатокъ въ дровахъ и углѣ достигъ такихъ размѣровъ, что комитетъ благодѣтельствія оказался вынужденнымъ вырубить большіе участки государственныхъ лѣсовъ.

Самыхъ большихъ размѣровъ нужда достигла въ Парижѣ. Мы знаемъ уже, какія страданія выпали на долю рабочихъ изъ предмѣстій; мы знаемъ, какъ стойко они переносили ихъ. У нихъ уже больше не было особенной охоты устраивать возстанія, такъ какъ они ничего не ждали отъ нихъ. Но въ этомъ году имъ пришлось перенести очень суровую и продолжитель-

ную зиму, и нужда достигла среди нихъ крайнихъ размѣровъ. Часто бывали случаи голодной смерти. Вандея, являвшаяся уже издавна житницей Парижа, была опустошена и не доставляла ничего. Къ тому же рабочихъ крайне озлобляло все поведеніе новой буржуазной аристократіи съ ея роскошными пирами и распутными оргіями. Контрастъ между роскошью, царившей въ «чистыхъ» кварталахъ, и страшной нуждой, державшей въ своихъ тискахъ населеніе предмѣстій, сильно бросался въ глаза. Голодъ выгонялъ на улицу мужчинъ и женщинъ, и здѣсь устраивались собранія, въ которыхъ можно было видѣть прелюдію къ возстанію.

Якобинцы и партія Горы возлагали всѣ свои надежды на то что, нужда приведетъ рабочихъ изъ предмѣстій къ возстанію. Они хотѣли воспользоваться этимъ движеніемъ, чтобы снова забрать въ свои руки господство и свергнуть термидористовъ. По всей вѣроятности, они и теперь опять-таки предложили бы голодающему народу лишь законы, направленные противъ аристократовъ. И рабочимъ опять-таки пришлось бы голодать не меньше, чѣмъ во времена Робеспьера. Приведенные въ отчаяніе рабочіе стали волноваться. Они выступили съ паролемъ, ясно показывающимъ, что они находятся подъ вліяніемъ якобинцевъ. Они требовали возстановленія конституціи 1793 года и освобожденія арестованныхъ патріотовъ; патріотами теперь называли сторонниковъ демократіи. Конституція 1793 года обезпечивала народу перевѣсъ въ политической жизни страны. Якобинцы надѣялись, что введеніе конституціи 1793 года снова передастъ государственную власть въ ихъ руки. Врядъ ли эти надежды исполнились бы. Вѣдь при народныхъ голосованіяхъ рѣшающую роль теперь начали играть мелкіе крестьяне, а крестьянство, жаждущее покоя, безусловно отнеслось бы враждебно къ горячимъ и пылкимъ якобинцамъ.

Тяжелое положеніе населенія предмѣстій заставило конвентъ снова заняться вопросомъ о снабженіи народа съѣстными припасами. Въ срединѣ марта рѣшено было выдавать каждому жителю Парижа ежедневно по фунту хлѣба, а рабочимъ, занятымъ тяжелымъ трудомъ,—1 ½ фунта. Конвентъ надѣялся, что это удовлетворитъ населеніе предмѣстій. Но онъ ошибся въ своихъ разсчетахъ, такъ какъ тотчасъ же послѣ этого, а именно 17-го марта, изъ предмѣстій Сентъ-Антуанскаго и Сенъ-Марсо явилась депутація, передавшая конвенту пети-

цію съ требованіемъ улучшенія выдачи хлѣба. Депутація заявила, что *рабочимъ постоянно приходится терпѣть нужду и что они начинаютъ уже жалѣть о жертвахъ, принесенныхъ ими дѣлу революціи.* Предсѣдатель конвента Тибодо далъ депутаціи довольно грубый отвѣтъ, а Буасси д'Англа заявилъ, что хлѣбные пайки раздаются правильно. Добрый Буасси могъ бы, кажется, понимать, что для поддержанія своего существованія человѣку зимою нужно больше, чѣмъ фунтъ хлѣба въ день. Понятно, что рабочіе пришли въ ярость и стали бить кулаками по барьеру, у котораго они стояли. «Хлѣба, хлѣба!»—кричали они конвенту. Народная толпа собралась въ большомъ количествѣ передъ зданіемъ конвента и, ожидая результатовъ петиціи, стала волноваться и пыталась проникнуть въ залъ засѣданій. Но тутъ появились вооруженныя секціи изъ зажиточныхъ кварталовъ и разогнали толпу. Депутація удалилась.

Конвенту показалось очень опаснымъ положеніе рабочихъ, такъ какъ предмѣстья были вооружены, и у нихъ были пушки. Но все-таки онъ теперь еще не принялъ никакихъ мѣръ для подавленія движенія. Предмѣстья не успокаивались, такъ какъ комитетъ, который долженъ былъ снабжать Парижъ съѣстными припасами, очень часто не былъ въ силахъ добыть требовавшіеся для Парижа 1500 мѣшковъ муки. Хлѣбъ былъ плохой, и характерно, что предсѣдателя комитета Буасси д'Англа народъ прозвалъ «голоднымъ Буасси».

20-го марта предмѣстья снова поднялись, и рабочіе массами появились передъ зданіемъ конвента. Они требовали отъ него «хлѣба и конституціи 1793 года!» Черезъ нѣсколько дней долженъ былъ начаться процессъ Билло-Варенна, Колло д'Эрбуа и Барера, и рабочіе по этому поводу выступили съ требованіемъ освобожденія арестованныхъ патріотовъ. Передъ Тюльери собралась также толпа «золотой молодежи», и между нею и рабочими завязалась драка, во время которой нѣсколько молодыхъ почтенныхъ буржуа были брошены въ пруды Тюльерійскаго парка. Съ одной стороны раздавались крики: «Да здравствуетъ конвентъ! Долой террористовъ!», а съ другой — «Да здравствуетъ клубъ якобинцевъ! Долой аристократовъ!»

Въ это самое время въ залѣ засѣданія конвента читалась петиція, требовавшая введенія конституціи 1793 года. «Введите отнынѣ»,—говорилось въ петиціи,—«эту популярную конститу-

цію, которую французскій народъ принялъ и поклялся защищать; она примиритъ всѣ интересы, успокоитъ всѣ умы и приведетъ насъ къ цѣли нашихъ трудовъ». По поводу этого предложенія возникли оживленныя пренія. Гора поддерживала позицію, а остальныя партіи высказывались противъ нея. Тибодо выступилъ съ безсмысленнымъ заявленіемъ, будто конституція 1793 года не демократична. «Демократической,—заявилъ онъ,—является не та конституція, которая передаетъ всю власть въ руки самого народа: демократична конституція, *дающая народу, при которой раздѣленіе властей, возможность пользоваться плодами своего рѣшенія и покоя*». Этой фразѣ конвентъ сильно аплодировалъ.

Затѣмъ было рѣшено ввести конституцію 1793 года лишь послѣ установленія необходимыхъ органическихъ законовъ. Этимъ рѣшеніемъ термидорьянцы лишь плохо прикрывали свою антипатію къ конституціи 1793 года.

Между тѣмъ явилась «голодная погода», и вооруженныя секціи послѣ яростной стычки разсѣяли собравшіяся передъ Тюльери народныя массы; послѣ этого депутаціи тоже не допускались. Тогда Сіейсъ внесъ проектъ закона высшей полиціи, угрожавшій тяжелыми наказаніями и принятый конвентомъ для предупрежденія массовыхъ сборищъ.

Затѣмъ начался процессъ Колло, Бийо и Барера, въ защиту которыхъ съ большимъ самоотверженіемъ выступили ихъ товарищи Карно, Пріёръ и Ленде. Карно доказывалъ въ очень удачной рѣчи, что нельзя дѣлать отдѣльныхъ членовъ комитета благоденствія отвѣтственными за подписанные ими приказы. Онъ указалъ на то, что комитетъ былъ обремененъ страшной работой и что у членовъ его очень часто не хватало времени для прочтенія бумагъ. Онъ разсказалъ также, что очень часто члены вынуждены были поручать другъ другу расписываться за себя, такъ что и этого не можетъ никто доказать.

Этотъ процессъ вызвалъ сильное возбужденіе, и въ теченіе недѣли въ конвентѣ шла ожесточенная партійная борьба, которая не привела ни къ какому результату. Исходъ дѣла казался очень сомнительнымъ. Но Парижъ и предмѣстья сильно волновались, такъ какъ жирондисты приложили всѣ усилія къ тому, чтобы спасти обвиняемыхъ. Особенную дѣятельность въ предмѣстьяхъ проявилъ членъ коммуны Гужонъ, молодой и пылкій человѣкъ. У бара конвента опять появились депу-

тацiи, состоявшiя изъ мужчинъ и женщинъ, требовавшiя хлѣба. Гужонъ поддерживалъ ихъ. Конвенту была вручена новая петицiя, въ которой говорилось:

«Почему въ Парижѣ нѣтъ муниципалитета? Почему закрыты народныя общества? Что стало съ жатвой? Почему ассигнаты падаютъ въ цѣнѣ? Почему молодые люди могутъ собираться въ Пале-Роялѣ и почему только одни патрiоты заключены въ тюрьму?»

Эта петицiя была отвергнута конвентомъ, и конвентъ заявилъ, что нарушенiе общественной тишины и спокойствiя будетъ строго преслѣдоваться.

Рабочiе, доведенные до отчаянiя, собрались и двинулись утромъ 1-го апрѣля къ конвенту. Они массой вошли въ залъ, гдѣ ничего не предпринимали, а только мѣшали засѣданiю. Рабочая масса не была, повидимому, организована. Раздавались возгласы: «Хлѣба! Хлѣба и конституцiи 1793 года!» Депутатовъ, которые хотѣли говорить, толпа прерывала. Было совершенно невозможно придти къ какому-нибудь рѣшенiю. Сами члены Горы не знали, что имъ дѣлать, такъ какъ они сознавали невозможность предпринять что-либо съ этой волнующейся массой. Они обратились къ толпѣ съ просьбой разойтись, чтобы дать конвенту время рѣшить что-либо. Но рабочiе не послушались ихъ; изъ толпы выдѣлился нѣкiй Ванекъ и началъ говорить; онъ требовалъ освобожденiя патрiотовъ и конституцiи 1793 года. Толпа все время требовала хлѣба. Спустя четыре часа явились вооруженныя реакцiонныя секцiи и разсѣяли толпу. Такимъ образомъ, движенiе и на этотъ разъ не увѣнчалось успѣхомъ.

Тѣмъ насильственнѣе поступалъ теперь конвентъ, который незадолго передъ тѣмъ призналъ преступленiемъ исключенiе жирондистовъ изъ членовъ конвента. Военная власть была передана генералу Пишегрю, находившемуся въ это время какъ разъ въ Парижѣ, и онъ подавилъ всѣ движенiя, направленныя въ пользу обвиняемыхъ членовъ комитета. Бильо, Колло, Барреръ и Вадье были приговорены къ ссылкѣ въ Кайенну и тотчасъ же отправлены туда. Попытка освободить ихъ не удалась; Бильо и Колло были привезены въ Кайенну, гдѣ Колло умеръ въ слѣдующемъ году. Бильо, который очень долгое время не попадалъ подъ амнистiю, съ гордостью отвергъ амнистiю, предложенную ему Наполеономъ. Позднѣе онъ

поселился на Гаити. Барреръ и Вадье остались во Франціи.

Въ этомъ возстаніи обвиняли немного Гору, и поэтому семь депутатовъ лѣвой были приговорены къ тюремному заключенію. Между ними находились Амаръ, Леонаръ Бурдонъ и Шудье. Позднѣе къ нимъ присоединили еще десять лицъ, въ томъ числѣ Камбона, Тюріо и Левассера изъ Сарты.

Послѣ этого неудавшагося возстанія наступило затишье, и рабочіе, по всей вѣроятности, отнеслись бы теперь къ создавшемуся положенію вещей также равнодушно, какъ при Директоріи и въ царствованіе Наполеона, если бы голодъ не довелъ ихъ до крайней степени отчаянія. Конвентъ угощалъ ихъ проповѣдями о добродѣтели, обѣщаніями и угрозами, а про запасъ имѣлъ для нихъ дубины «золотой молодежи» и штыки и ружья реакціонныхъ секцій. У конвента не оказалось средствъ для снабженія Парижа съѣстными припасами, что хотя немного облегчило бы бѣдствія народа. Теперь то особенно сильно сказалась внезапная отмѣна всѣхъ принудительныхъ законовъ. Положеніе рабочихъ было невыносимо. Назначенные конвентомъ пайки хлѣба въ одинъ и полтора фунта на человѣка не могли быть больше выдаваемы; чудный мѣсяцъ май ознаменовался для предмѣстій Парижа тѣмъ, что конвентъ сталъ теперь выдавать только по полуфунту хлѣба на человѣка, а бѣдняки могли получать еще вдобавокъ горсть риса. Эти бѣдствія вызвали въ народѣ крайнее озлобленіе, которымъ и воспользовались члены партіи Горы; особенно дѣятельно агитировали среди рабочихъ депутаты Гужонъ и Бурботъ (послѣдній былъ комиссаромъ конвента въ Вандеѣ). Рабочихъ возбуждали извѣстіями о жестокомъ преслѣдованіи якобинцевъ на югѣ Франціи; испугавшись возможности потерять всѣ завоеванія революціи, рабочіе еще разъ дали пылкимъ членамъ Горы вовлечь себя въ возстаніе и пошли противъ конвента.

Это возстаніе съ самаго начала имѣло очень мало шансовъ на успѣхъ. Прежде всего, не было виднаго и пользующагося народными симпатіями человѣка, который могъ бы стать во главѣ движенія. Революція шла уже на убыль. Власть находилась теперь въ рукахъ противниковъ демократіи, и возставшее населеніе занимало позицію, которая наполовину находилась уже въ рукахъ враговъ. Въ Парижѣ господствовали секціи,

настроенная въ пользу [illegible], а [illegible] на-[illegible]. Ихъ дерзость и [illegible] росли вмѣстѣ съ ихъ успѣхами, между тѣмъ [illegible] были [illegible] понесенными ими пораженіями.

У рабочихъ было еще оружіе, и они [illegible] на него.

19-го мая 1795 года стали уже [illegible] признаки возстанія. На улицахъ происходили [illegible], а на галлереяхъ конвента царило сильное возбужденіе. Вечеромъ появилась депутація съ петиціей, [illegible] были работницы. Петиція состояла изъ [illegible] требованія патріотовъ. Въ ней требовали [illegible] жирондистовъ и [illegible] 73 депутатовъ, [illegible] преслѣдованій [illegible] патріотовъ, введенія конституціи 1793 года, [illegible] совѣта и возстановленія [illegible]. Изъ этого видно, что [illegible] требованія [illegible] были такъ же [illegible], какъ и [illegible] противниковъ. [illegible] только [illegible] мѣръ, [illegible] террора, а между тѣмъ эти мѣры [illegible] не устраняли нужды народныхъ массъ. Главнымъ требованіемъ [illegible] было [illegible] и [illegible]. Поэтому они [illegible] прикрѣпляли [illegible], чтобы [illegible] «Хлѣба и конституціи 1793 года».

20-го мая поднялось [illegible]. Уже въ пять часовъ утра [illegible] набатъ, и вооруженныя толпы народа стали собираться на улицахъ и направляться къ конвенту. Работницы [illegible] соединились съ рабочими изъ предмѣстій. Были даже [illegible] изъ пушки. Почуявъ [illegible] бурю, конвентъ велѣлъ вооруженнымъ секціямъ собраться. [illegible], да и «золотая молодежь», [illegible] недостаточно роялистична, не проявила сначала [illegible] усердія. Публика, сидѣвшая на галлереяхъ конвента и состоявшая по большей части изъ женщинъ, [illegible] «[illegible] *Робеспьера*», а теперь [illegible] «[illegible] *Робеспьера*», была разогнана стражей конвента. Но вскорѣ появились повстанцы и [illegible] въ залъ засѣданія, между тѣмъ

[illegible] на [illegible] Среди [illegible]
[illegible]. Мужчины [illegible] на сцен-
[illegible] и конституціи 1793 г.). Двери конвента
[illegible], стража [illegible], и толпа проникла въ зал[illegible]
[illegible]. [illegible] бросился на встрѣчу толпѣ.
[illegible] съ Фере-
[illegible]. Тогда [illegible] ему голову [illegible]
[illegible] негръ.

[illegible] вокругъ него
[illegible] конституціи
[illegible] становился
[illegible] и долго
[illegible] сильно
[illegible] выставленныя [illegible]
[illegible] 31 мая. Послѣ продолжи-
[illegible] и другіе члены
[illegible] голосовать тре-
[illegible]. Но это уже [illegible] драгоцѣннаго вре-
[illegible] существуетъ [illegible]
[illegible]. Многіе депутаты
[illegible] и доложили
[illegible] и [illegible]
[illegible] терро[illegible]
[illegible] прави-
[illegible] избран-
[illegible] Ре-
[illegible] комитетъ [illegible] Марны, Дюкену-
[illegible] вооруженными
[illegible].

[illegible] думалъ, что [illegible] революціонный комитетъ побѣ-
жденъ и что власть [illegible] въ руки демократіи, подобно
тому, [illegible] 10-го мая. Но онъ ошибся, такъ какъ теперь
[illegible]. 31-го мая 1793 года почти
[illegible] оружіе для борьбы съ жирондистами, а
теперь [illegible] вооруженнаго населенія Парижа была на
сторонѣ [illegible] рано, и никто
не задумывался [illegible] положеніе
[illegible]. [illegible] тоже полагали, что
побѣда патріотовъ [illegible], и кое-кто изъ нихъ хитро [illegible]

ложилъ отмѣнить смертную казнь, чтобы такимъ образомъ обезопасить головы реакціонеровъ. Около полуночи исполнительный комитетъ готовился взять въ свои руки управленіе страной и арестовать правительственные комитеты. Но было потеряно слишкомъ много времени: вооруженныя секціи уже подступили. Разгорѣлась дикая борьба, и подъ напоромъ отчаянно защищавшихся повстанцевъ національная гвардія должна была отступить. Но потомъ секціи получили подкрѣпленія и штыковой атакой очистили залъ. Повстанцы бѣжали и постарались собраться въ городской ратушѣ.

Теперь конвентъ, жаждая мести, набросился на депутатовъ изъ партіи Горы, выразившихъ свое сочувствіе повстанцамъ. Тринадцать депутатовъ были тотчасъ же арестованы, и среди нихъ члены исполнительнаго комитета Роммъ, Гужонъ и Субрани. Арестованъ былъ также старикъ Рюль. Всѣ принятыя конвентомъ декреты были объявлены недѣйствительными, и протоколы сожжены; мотивировалось это тѣмъ, что шайка разбойниковъ насильно заставила конвентъ издать эти декреты. Конвентъ не зналъ теперь никакихъ границъ. Онъ постановилъ обезоружить предмѣстья, и въ декретѣ по этому поводу говорилось, что нельзя оставить оружіе въ рукахъ «кровожадныхъ убійцъ, разбойниковъ и агентовъ тираніи, царившей передъ девятымъ термидора».

Но этотъ декретъ, а особенно его гнѣвный тонъ, снова поднялъ населеніе предмѣстій. Повстанцы отступили на слѣдующій день отъ зданія городской ратуши, въ которой они хотѣли образовать новый конвентъ, и ушли въ предмѣстья. Національная гвардія вступила въ Сентъ-Антуанское предмѣстье, но, увидѣвъ предъ собою многочисленную вооруженную силу, быстро ушла обратно. Повстанцы снова двинулись изъ предмѣстій къ конвенту. Въ залѣ засѣданій было слышно, какъ подъѣзжали орудія, и Лежандръ воскликнулъ съ актерскимъ паѳосомъ: «Мы должны остаться на своихъ мѣстахъ; самое худшее, что намъ грозитъ—это смерть!» Если бы теперь повстанцы произвели нападеніе, то побѣда осталась бы на ихъ сторонѣ, потому что охранявшая конвентъ національная гвардія была бы не въ силахъ отразить нападеніе. Битва казалась неизбѣжной. Тогда конвентъ прибѣгнулъ къ хитрости: онъ отправилъ къ повстанцамъ депутацію, обѣщавшую, что конвентъ позаботится о доставкѣ съѣстныхъ припасовъ. Повстанцы, не

имѣвшіе опытнаго, рѣшительнаго вождя, были настроены въ пользу мира. Рабочимъ, какъ мы знаемъ, давно уже надоѣли безпорядки и возстанія. Только голодъ поднялъ ихъ на борьбу съ конвентомъ. Конвентъ постановилъ снабжать бѣдную часть населенія съѣстными припасами и поручилъ особой комиссіи представить въ четыре дня проектъ органическихъ законовъ къ конституціи 1793 года. Тогда рабочіе пришли къ заключенію, что главныя ихъ требованія исполнены; ихъ депутація, явившаяся въ конвентъ, получила самыя широкія обѣщанія; предсѣдатель конвента сталъ обнимать отдѣльныхъ членовъ депутаціи, и теперь рабочіе рѣшили, что все обстоитъ благополучно. Они слишкомъ быстро повѣрили обманчивымъ рѣчамъ реакціонеровъ. Увѣренные въ своей побѣдѣ, они гордо вернулись въ предмѣстья, оставивъ депутатовъ, помогавшихъ имъ наканунѣ, въ рукахъ жаждущихъ мести враговъ.

Вскорѣ они должны были почувствовать, какъ жестоко они ошиблись. Конвентъ ждалъ только прибытія призванныхъ имъ войскъ, чтобы напасть на предмѣстья. Явились сильные отряды пѣхоты и конницы; изъ сѣверной арміи пришло 3.000 человѣкъ конницы. Была учреждена военная комиссія для суда надъ арестованными участниками возстанія. Тинель, убившій Феро, былъ 22-го мая приговоренъ къ смертной казни, но на пути къ мѣсту казни онъ былъ освобожденъ населеніемъ Сентъ-Антуанскаго предмѣстья. Когда Сентъ-Антуанское предмѣстье отказалось выдать свои пушки и Тинеля, то генералъ Мену съ 30.000 солдатъ окружилъ предмѣстье и пригрозилъ, что будетъ обстрѣливать его. Эта угроза возымѣла свое дѣйствіе. Сентъ-Антуанское предмѣстье выдало не только Тинеля, но и свое оружіе и пушки.

Тогда реакціонный конвентъ накинулся на всѣхъ неудобныхъ и непріятныхъ ему дѣятелей. Пашъ и Бушоттъ вмѣстѣ съ шестью своими товарищами были привлечены къ суду. Были арестованы многіе депутаты изъ партіи Горы и почти всѣ члены старыхъ комитетовъ. Реакція надвигалась съ такою быстротой, что старикъ Рюль, потерявъ всякую надежду на освобожденіе, покончилъ въ тюрьмѣ самоубійствомъ. Этотъ Рюль нѣкогда отличился тѣмъ, что въ качествѣ комиссара конвента всенародно разбилъ въ Реймсѣ знаменитый сосудъ съ масломъ, употреблявшійся постоянно при коронованіи французскихъ коро-

лей; про этотъ сосудъ сохранилось преданіе, будто его при-
несъ съ небъ голубь при помазаніи Хлодвига на царство. Когда
потомъ этотъ сосудъ понадобился для Людовика, онъ вдругъ
снова оказался на своемъ мѣстѣ.

Конвентъ поручилъ составить докладъ о новыхъ якобин-
скихъ комиссарахъ. 17-го іюня военная комиссія занялась дѣ-
ломъ Гужона, Ромма, Дюруа, Дюкенуа, Субрани и Бурботта.
Никто изъ нихъ не принималъ дѣятельнаго участія въ безпо-
рядкахъ; но 2-го дня они въ Конвентѣ говорили въ пользу по-
встанцевъ, и военная комиссія присудила ихъ къ смерти. Въ
они выдвинулись въ бурную эпоху революціи; они давно были
готовы къ смерти и умерли теперь съ мужествомъ античныхъ
героевъ. Послѣ объявленія имъ смертнаго приговора, они должны
были отправиться на мѣсто казни. Тогда Роммъ вынулъ кин-
жалъ и вонзилъ его себѣ въ сердце. Умирая, онъ передалъ
оружіе Гужону, который тоже закололъ себя и передалъ кин-
жалъ Дюкенуа. Такъ покончили съ собою всѣ шестеро осужденныхъ,
но только трое изъ нихъ, а именно—Роммъ, Гужонъ и Дю-
кенуа сразу умерли. Остальные три—Дюруа, Бурботтъ и Су-
брани—упали, обливаясь кровью; хотя раны ихъ были смер-
тельны, тѣмъ не менѣе ихъ отправили на эшафотъ и тамъ
казнили. Эта трагическая смерть шести Монтаньяровъ, съ вооду-
шевленіемъ боровшихся за свободу членовъ партіи Горы, страшно
поразила всѣхъ, и французы относились съ такимъ же отвра-
щеніемъ къ реакціонному террору Термидора, съ какимъ
они относились къ массовымъ убійствамъ во время Робе-
спьера.

Съ этого времени рабочіе стали относиться равнодушно къ
ходу дѣлъ во Франціи. Они уже больше не вмѣшивались при
видѣ того, какъ вырастали новыя правительства и свергались
старыя. И этотъ моментъ былъ концомъ всего освободитель-
наго движенія того времени. Буржуазія упрочила свое господ-
ство и стала отнынѣ бороться за всевозможные интересы, но
только не за свободу и благоденствіе всего народа.

Реакція въ провинціи.

Ниспроверженіе демократіи въ Парижѣ дало себя чувствовать
въ провинціи ещё передъ послѣднимъ возстаніемъ предмѣстій.
Вандея и Бретань вплоть до весны не сложили ещё оружія

хотя въ этихъ опустошенныхъ областяхъ война носила теперь только партизанскій характеръ. На югѣ и востокѣ Франціи реакція распространилась съ поразительной быстротой. У пылкихъ южанъ въ Франціи всегда страсти разыгрываются съ особенной силой. Подобно тому, какъ раньше марсельская и авиньонская молодежь безстрашно ринулась въ бурю революціи, такъ и теперь населеніе юго-востока смѣло дало себя увлечь въ водоворотъ реакціи. Священники, отказавшіеся дать присягу, и дворяне-эмигранты вели здѣсь свои интриги и агитацію. Прежде имъ было подъ страхомъ смерти запрещено вступать на французскую территорію, и оттуда они должны были вести свою пропаганду изъ Швейцаріи. Но послѣ паденія якобинцевъ они стали болѣе смѣлы и часто осмѣливались переходить черезъ границу: они знали, что возбужденное противъ якобинцевъ населеніе защититъ и оградитъ ихъ. Какъ извѣстно, многіе коммиссары Конвента отличались чрезвычайной строгостью при подавленіи роялистскихъ и федералистическихъ возстаній. Теперь открылась возможность мстить за это. Но терроръ реакціи носилъ гораздо болѣе жестокій характеръ, чѣмъ терроръ революціи. Вѣдь какъ бы то ни было, революціонный терроръ былъ большей частью облеченъ въ извѣстныя судебныя и правовыя формы, а реакціонный терроръ массами убивалъ людей безъ соблюденія какихъ бы то ни было формальностей. Отказавшіеся дать присягу священники всѣми средствами возбуждали въ народѣ фанатическую ненависть къ якобинцамъ. Они просто призывали уничтожать огнемъ и мечомъ «безбожныхъ» террористовъ. Подъ террористами подразумѣвались всѣ сторонники Робеспьера и системы ужаса, всѣ тѣ лица, которыя поддерживали революціонныя учрежденія, революціонные комитеты и коммиссаровъ. Теперь террористы стали подвергаться такимъ же преслѣдованіямъ, какимъ во время революціи подвергались аристократы. Священники основывали такъ называемыя общества *Іисуса* или *Солнца*, ставившія себѣ главной цѣлью преслѣдованіе якобинцевъ и террористовъ. Къ тому же, священники объявляли конфискацію церковныхъ имуществъ святотатствомъ, а религіозные акты конституціонныхъ священниковъ недѣйствительными. Вскорѣ эти общества Іисуса или Солнца сильно размножились и такъ возбудили населеніе, что ни одинъ изъ болѣе или менѣе извѣстныхъ якобинцевъ не могъ показываться на улицахъ, не рискуя при этомъ своей

жизнью. Многіе якобинцы были заключены въ тюрьму, и такъ какъ администрація собиралась вести противъ нихъ судебные процессы съ соблюденіемъ формальностей, то общества Солнца боялись, какъ бы ихъ не оправдали. 5-го мая 1795 года въ Ліонѣ долженъ былъ начаться процессъ одного человѣка, несшаго тамъ при Колло д'Эрбуа полицейскую службу. Направленные священниками члены общества Солнца вошли толпой въ залъ судебнаго засѣданія и потребовали смерти обвиняемаго. Когда судьи захотѣли судить его съ соблюденіемъ формальностей, толпа убила обвиняемаго. Затѣмъ она взяла штурмомъ тюрьму и убила безъ всякаго слѣдствія 97 человѣкъ, арестованныхъ по подозрѣнію въ принадлежности къ приверженцамъ террора. Священники въ облаченіи присутствовали при томъ, какъ арестованныхъ убивали саблями и топорами. Никакихъ слѣдствій, никакихъ допросовъ тутъ не было. Многіе исполнители этого реакціоннаго «народнаго суда» имѣли при себѣ четки. Въ Ліонѣ достаточно было окликнуть кого-нибудь словомъ: «Mathevon», чтобы этого человѣка бросили въ Рону, какъ террориста. Ареной сентябрьскихъ убійствъ 1792 года былъ почти одинъ только Парижъ. А теперь такія убійства происходили чуть ли не на всемъ югѣ. Въ Эксѣ 11-го мая на глазахъ у комиссара конвента Шамбона было убито 30 арестованныхъ. Повсюду на якобинцевъ устраивались настоящія облавы. Въ Тарасконѣ палачи въ маскахъ втаскивали свои жертвы на высокую башню и бросали ихъ оттуда на прибрежные утесы. Въ Тулонѣ якобинцы подняли 17-го мая возстаніе; они собрали отрядъ въ 3.000 человѣкъ и смѣло двинулись противъ приближающихся солдатъ конвента. Но конвентскія войска были втрое сильнѣе, и повстанцы послѣ упорнаго сопротивленія потерпѣли пораженіе. Такъ окончилась неудачей эта попытка оказать сопротивленіе реакціи на югѣ. Въ то же время въ Марсели общество Солнца частью разстрѣляло картечью, частью заживо сожгло 200 арестованныхъ террористовъ, заключенныхъ въ фортѣ Сенъ-Жанъ. Власти вмѣшались въ дѣло поздно, и арестованные убійцы были вновь освобождены. Много крови было пролито также въ Авиньонѣ и еще нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Кровожадные преслѣдователи демократовъ безпрепятственно набрасывались на свои жертвы: зачинщики убійствъ 1795 года на югѣ Франціи даже не были привлечены къ отвѣтственности.

Базельскій миръ.

Несмотря на всѣ раздиравшія Францію неурядицы, созданная Питтомъ великая коалиція не имѣла никакого успѣха. Если военное счастье и измѣняло иногда французамъ, то все же ни одного солдата коалиціи не было на французской почвѣ. Даже въ періоды самыхъ жестокихъ партійныхъ распрей республика проявляла поразительную энергію и настойчивость на полѣ битвы. Геніальный Карно руководилъ движеніями войскъ, придавъ имъ характеръ цѣльнаго и могучаго организма.

Война утомила нѣкоторыхъ участниковъ коалиціи. Великій герцогъ Тосканскій Фердинандъ III сталъ бояться за свой тронъ, увидѣвъ, что французы побѣдоносно перешли Альпы. Его страхъ потерять престолъ былъ сильнѣе его ненависти къ Франціи, и онъ поэтому рѣшилъ вступить съ республикой въ переговоры о мирѣ. Онъ послалъ въ Парижъ генерала Карлетти, и тотъ заключилъ съ Франціей договоръ, по которому Тоскана обязывалась уплатить милліонъ франковъ военной контрибуціи. Представитель Тосканы очень легко столковался съ реакціоннымъ конвентомъ, тогда какъ годъ тому назадъ такое соглашеніе врядъ ли было бы возможно. Кромѣ того, этотъ фактъ льстилъ тщеславію термидористовъ, которые тутъ могли выступать въ роли государственныхъ дѣятелей.

Тѣмъ временемъ Пишегрю завоевалъ Голландію. Онъ завладѣлъ островомъ Боммелемъ и въ январѣ напалъ на англійскую армію, которую и заставилъ послѣ нѣсколькихъ стычекъ отступить. Наступили страшные холода, рѣки и болота замерзли и не могли уже больше служить защитой. Англійская армія, постоянно преслѣдуемая Пишегрю, оказалась въ ужасномъ положеніи и была очень довольна, когда ей удалось кое-какъ достигнуть германской границы. Голландскіе патріоты восторженно привѣтствовали французовъ, а штатгальтеръ Вильгельмъ V бѣжалъ въ Англію, такъ какъ онъ понялъ, что ему нечего разсчитывать на любовь своего народа. Голландскій флотъ долженъ былъ послѣдовать за нимъ; но дѣло затянулось, и благодаря этому здѣсь совершилось неслыханное событіе: военный флотъ былъ взятъ кавалеріей. Суда были затерты льдомъ, и, когда нѣсколько эскадроновъ французскихъ гусаръ появились на льду, они сдались.

Голландскіе патріоты оказывали французамъ полное содѣйствіе; поэтому побѣдители отнеслись къ Голландіи не какъ къ завоеванной, а какъ къ дружеской странѣ. 16-го мая была учреждена *Батавская республика*. Потеря Голландіи была очень чувствительной для коалиціи и немало содѣйствовала ея распаденію.

Война надоѣла также и прусскому королю Фридриху-Вильгельму II. Ему гораздо больше нравились удовольствія придворной жизни, чѣмъ тяжелый и опасный походъ противъ французовъ. Побѣды французовъ возбуждали у прусскаго короля опасенія, что если французы ворвутся побѣдителями въ Германію, то они могутъ жестоко отплатить за вторженіе 1792 года. Денегъ у него было тоже не особенно много, такъ какъ его кассу опустошила какъ война, такъ и придворныя фаворитки. Субсидіи Англіи были недостаточны. Отъ Австріи нельзя было получить ни гроша, такъ какъ ея собственная касса была совершенно пуста. Англія предлагала, чтобы Австрія платила Пруссіи за участіе въ войнѣ по двадцати-три милліона талеровъ и дала ей въ распоряженіе австрійскую Силезію. Но Австрія не согласилась на это предложеніе. Кромѣ того, Пруссія, послѣ неудачнаго польскаго усмиренія въ предшествовавшемъ году, боялась конфликта съ Россіей изъ-за раздѣла несчастной Польши, а дружба съ Австріей была очень непрочна. Каждая изъ этихъ державъ подозрѣвала другую въ томъ, что та хочетъ заключить съ Французской республикой выгодный для себя миръ. Вслѣдствіе всего этого начались тайные переговоры, которые велись главнымъ образомъ въ Базелѣ прусскимъ повѣреннымъ Гольтцемъ и французскимъ посланникомъ въ Швейцаріи Бартелеми. Уже въ январѣ прусскій совѣтникъ Гарнье пріѣхалъ въ Парижъ, чтобы вести переговоры непосредственно съ комитетомъ благоденствія. Прусскій дипломатъ, конечно, сумѣлъ очень хорошо поладить съ термидоріанцами; говорилось даже о союзѣ между Франціей и Пруссіей. Но до этого дѣло не дошло. 5-го апрѣля былъ заключенъ отдѣльный мирный договоръ между Франціей и Пруссіей. Пруссія оставила свои владѣнія на лѣвомъ берегу Рейна во власти Франціи до общаго мира, заключенію котораго долженъ былъ содѣйствовать прусскій король. Тайная статья мирнаго договора устанавливала, что если Германская имперія согласится на передачу лѣваго берега Рейна республикѣ, то прусскій король получитъ территоріаль-

не вознагражденія за свои земли на лѣвомъ берегу; конечно, при этомъ имѣлась въ виду секуляризація духовныхъ же областей. Это замѣчательное соглашеніе долго оставалось тайной, разумѣется, насчетъ Австріи. 17-го мая была объявлена демаркаціонная линія, которая проведена отъ восточной Фрисландіи до Майна и Неккара и ограничивала сѣверную нейтральную область. Относительно Ганновера, принадлежавшаго тогда Англіи, возникли нѣкоторыя затрудненія, и прусскіе государственные дѣятели были не прочь разрѣшить эти затрудненія присоединеніемъ Ганновера къ Пруссіи. Но Пруссія должна была ждать еще семьдесятъ пять лѣтъ, пока Ганноверъ былъ наконецъ присоединенъ къ ней.

Послѣ выхода Пруссіи изъ коалиціи, оказалось возможнымъ заключить миръ съ Испаніей. Правда, первые переговоры были еще разъ прерваны, такъ какъ испанскій кабинетъ поставилъ основными условіями мира съ Франціей восстановленіе королевской власти на основѣ конституціи 1791 года и освобожденіе сидѣвшаго въ Темплѣ сына Людовика XVI. Тѣмъ временемъ молодой Капетъ умеръ, что дало республиканцамъ поводъ обвинять роялистовъ въ убійствѣ его. Между тѣмъ французы одерживали въ Испаніи все новыя и новыя побѣды. Монсе, командовавшій западной пиренейской арміей, разбилъ 6-го іюля испанцевъ при Ордуньѣ и занялъ Бильбао. Командиръ восточной пиренейской арміи Шереръ, несмотря на жалкое состояніе своего войска, также одержалъ нѣсколько побѣдъ надъ испанцами, взялъ крѣпость Фигуэрасъ съ большими военными запасами и двинулся на Мадридъ. «Князь Миротворецъ» Годой, который, благодаря своей любовной связи съ королевой, сталъ временщикомъ и управлялъ Испаніей, очень боялся, чтобы вступленіе французовъ въ Испанію не вызвало въ странѣ демократическаго движенія. Между воюющими державами состоялось соглашеніе: Франція получила испанскія владѣнія на островѣ Гаити, за что отказалась отъ всѣхъ земель, завоеванныхъ ею на Пиренейскомъ полуостровѣ. 22-го іюля въ Базелѣ былъ заключенъ миръ.

Тѣмъ временемъ декретъ конвента объ амнистіи возымѣлъ свое дѣйствіе въ Вандеѣ: инсургенты временно покорились, потому что они были совершенно обезсилены. Вожди постоянно враждовали между собой. Ларошъ-Жакленъ былъ убитъ въ одной стычкѣ; Стоффле и Шареттъ поссорились другъ съ

другомъ послѣ того, какъ Шареттъ получилъ отъ графа Прованскаго титулъ генералъ-лейтенанта, что Стофле считалъ обидой для себя. Въ Вандеѣ республиканскими войсками командовалъ Канкло, а въ Бретани—Гошъ. Оба эти генерала вели умную тактику примиренія. Къ тому времени въ Вандеѣ возстаніе было уже очень слабо; въ Бретани же маркизъ де-Пюизе и любитель приключеній Корматенъ организовали энергичную партизанскую войну, подъ названіемъ «шуанеріи» (Chouannerie), при чемъ шуаны дѣйствовали, какъ разбойники. Шареттъ и Стофле покорились, чтобы дать Вандеѣ время оправиться, и заключили съ республикой миръ, однако лишь затѣмъ, чтобы при первой возможности снова возстать противъ нея.

Такимъ образомъ, конвентъ одержалъ побѣду надъ своими внутренними врагами и въ то же время разстроилъ коалицію Питта, которая теперь состояла уже только изъ Англіи, Австріи, Португаліи, Сардиніи и Неаполя. Франція вышла побѣдительницей изъ борьбы съ иностранными державами. Но термидористы не умѣли, да и не желали какъ слѣдуетъ использовать эти успѣхи. Преслѣдованіе террористовъ и обогащеніе на счетъ государства совершенно поглотило этихъ людей.

Эмигранты.

Термидористы и соединившіеся съ ними жирондисты полагали, что теперь насталъ тотъ моментъ, которымъ можно воспользоваться для окончательной ликвидаціи революціи и для переустройства государства и общества по своему вкусу. Якобинцы были низвержены и ежедневно подвергались кровавымъ преслѣдованіямъ; предмѣстья Парижа были обезоружены и изнывали подъ гнетомъ тяжелой нужды; буржуазная аристократія достигла полнаго господства. Конвентъ просто положилъ подъ сукно конституцію 1793 года и назначилъ комиссію изъ одиннадцати членовъ, которая должна была выработать новую конституцію.

Тѣмъ временемъ въ республиканскомъ Парижѣ роялистскіе элементы стали все сильнѣе и сильнѣе подымать свой голосъ. Правая конвента даже не старалась скрывать, что она желаетъ возстановленія монархіи. Роялизмъ съ поразительной быстротой распространился въ зажиточныхъ кварталахъ города. Многіе эмигранты осмѣлились даже вернуться во Францію.

Госпожа Сталь, значеніе которой такъ часто преувеличивается въ исторіи, снова открыла свой салонъ, гдѣ собирались реакціонеры всякаго рода. «Золотая молодежь» открыто выступила за монархію, и вскорѣ въ Парижѣ возродилась роялистская пресса. Можно было подумать, что въ Сенъ-Жерменѣ снова воскресла аристократія старой Франціи. Не прошло еще и года послѣ низверженія Робеспьера, и тотъ самый Парижъ, который такъ долго былъ центромъ революціи и душою республики, теперь, казалось, весь былъ проникнутъ желаніемъ возстановить монархію.

Молодой Капетъ, котораго роялисты называли Людовикомъ XVII, тѣмъ временемъ умеръ въ Тамплѣ. Сапожникъ Симонъ, на попеченіе котораго былъ отданъ сначала мальчикъ, очень жестоко обращался съ бывшимъ наслѣдникомъ престола; послѣ казни Симона, который погибъ на эшафотѣ девятаго термидора вмѣстѣ съ Робеспьеромъ, молодой Капетъ содержался подъ арестомъ, такъ какъ правители республики боялись, что, если похитятъ мальчика, то это можетъ усилить роялистское движеніе. Мы не можемъ рѣшить, вѣрны ли тѣ ужасающіе разсказы объ обращеніи съ ребенкомъ, которые распространяютъ роялистскіе историки; поэтому мы оставимъ этотъ вопросъ открытымъ. Но несомнѣнно, что за молодымъ Капетомъ, который раньше страдалъ англійскою болѣзнью, долгое время былъ очень плохой уходъ. Однако, здѣсь не можетъ быть и рѣчи о «медленномъ убійствѣ». Какъ бы то ни было, молодой Капетъ умеръ 8-го іюня 1795 года, и предположеніе, что язвы, покрывшія его тѣло, были слѣдствіемъ англійской болѣзни, кажется намъ теперь наиболѣе правдоподобнымъ. Какъ извѣстно, впослѣдствіи появилось много самозванцевъ, выдававшихъ себя за прежняго наслѣдника престола и встрѣчавшихъ довѣріе среди роялистовъ. Всѣ эти самозванцы утверждали, что наслѣдникъ престола былъ похищенъ изъ тюрьмы и подмѣненъ другимъ ребенкомъ. Тщательныя разслѣдованія показали, что Людовикъ, сынъ Людовика XVI и Маріи-Антуанетты, дѣйствительно умеръ въ Тамплѣ 8-го іюня 1793 года. Особенно настойчиво выдавалъ себя за наслѣдника престола часовщикъ Наундорфъ изъ Пруссіи. Многіе вѣрили ему, и онъ жилъ этимъ обманомъ. Его потомки до сихъ поръ утверждаютъ, что они происходятъ отъ Людовика XVII.

Послѣ смерти маленькаго Капета графъ Прованскій сталъ

назвать себя Людовикомъ XVIII-мъ, а [illegible] графъ д'Артуа, принялъ титулъ [illegible]. Графъ Прованскій жилъ въ Веронѣ. Но графъ д'Артуа, находившійся въ Англіи, нашелъ настоящій моментъ [illegible] для [illegible] эмигрантовъ во Францію. Въ его рукахъ были всѣ данныя для сно-шеній съ Бретанью и Вандеей. [illegible] ность принцевъ Конде, который [illegible] ствіе въ этомъ [illegible] предпріятіи. Шаретъ и Стофле обѣщали [illegible] по одному знаку [illegible] [illegible] дѣйствія [illegible].

Пока эмигранты собирались въ Англіи подъ начальствомъ графа д'Артуа, англійское правительство [illegible] помочь предпріятію деньгами, военными припасами и оружіемъ. Полагался ли Питтъ дѣйствительно на успѣхъ этого предпріятія? Онъ [illegible] и [illegible], что [illegible] не [illegible]. Пюизе былъ [illegible] хотѣли [illegible] на [illegible] берегу Франціи [illegible] эмигрантовъ и [illegible] вдоль страны [illegible] Шаретъ, Стофле и Кадудаль. [illegible]

Въ Англіи [illegible] эмигранты [illegible] согласились. Сначала ихъ было около 1.500 человѣкъ, потомъ къ нимъ присоединилось 3.000 [illegible] французской республики, [illegible] форму, [illegible] бѣлой кокардой и [illegible] эмигрантовъ. Нужно было имѣть очень превратное представленіе о положеніи вещей во Франціи, чтобы надѣяться на то, что эти [illegible] будутъ бороться во Франціи подъ [illegible] знаменемъ.

Графъ д'Эрвильи и Пюизе начальствовали надъ войскомъ, которое отправлялось во Францію на англійскихъ корабляхъ подъ командой адмирала Уоррена. Флотъ везъ провіантъ, достаточный для продовольствія 6.000 человѣкъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, 17.000 мундировъ для пѣхоты, 4.000 мундировъ для кавалеріи, 27.000 ружей, 10 пушекъ и 600 бочекъ пороха. Въ военной кассѣ эмигрантовъ было 10.000 [illegible].

Англійскій флотъ вышелъ въ море; 23-го іюня онъ имѣлъ стычку съ французскими кораблями, которые были имъ отброшены, и пришелъ 25-го іюня къ полуострову Киберону, находящемуся по [illegible] берегу Бретани. Въ Вандеѣ и Бретани

[illegible] и восторженные крестьяне; въ одномъ только Морбиганѣ стояло подъ ружьемъ около 10000 человѣкъ. Они соединились съ эмигрантами и дошли до Ванна. Правда, вожди роялистовъ не ладили другъ съ другомъ, но вначалѣ, казалось, все благопріятствовало имъ. Гошъ, командовавшій здѣсь республиканскими войсками, не былъ подготовленъ къ такому сильному и внезапному нападенію непріятеля и не сосредоточилъ еще своихъ войскъ въ одномъ мѣстѣ. Эмигранты, двинувшись съ Киберона, взяли приступомъ фортъ Пантьевръ, который стоялъ на узкомъ перешейкѣ, соединяющемъ Киберонъ съ материкомъ.

Но въ это время Гошъ успѣлъ стянуть свои войска, напасть на бретонскихъ [illegible], которые тщетно ожидали помощи отъ эмигрантовъ, и разбилъ ихъ на-голову. Эмигранты, [illegible] изъ Англіи, оставались на полуостровѣ Киберонѣ, такъ какъ [illegible] никакъ не могли [illegible] завладѣнія. Теперь они [illegible] съ Гошемъ, который теперь имѣлъ въ своемъ распоряженіи около 15000 человѣкъ; прибыли также [illegible] комиссары Конвента Тальенъ и Бларъ, снабженные чрезвычайными полномочіями. Занявъ позицію у Сентъ-Барба, Гошъ отрѣзалъ находившихся на Киберонѣ эмигрантовъ отъ материка. 16 іюля эмигранты [illegible]. Эмигранты сильно [illegible] на полуостровѣ, но были разбиты Гошемъ и должны были снова вернуться на свой узкій полуостровъ. Этимъ положеніе эмигрантовъ значительно ухудшилось, такъ какъ [illegible] крестьянъ были теперь [illegible] разбиты и разсѣяны.

Между тѣмъ Гошъ повелъ нападеніе на фортъ Пантьевръ, служившій защитой полуострову, и взялъ его приступомъ. Республиканскіе солдаты, которыхъ [illegible] принудили стать въ ряды эмигрантскихъ отрядовъ, немало способствовали успѣху этого приступа и массами переходили къ Гошу. На утро эмигранты увидѣли, что на фортѣ развѣвается трехцвѣтное знамя, и поняли, что они погибли. Они отступили на край полуострова, а графъ Сомбрёль, только что прибывшій изъ Англіи, пытался оказать послѣднее сопротивленіе республиканскимъ войскамъ. Англійскія военныя суда помогали имъ, обстрѣливая всю длину полуострова. Гошъ двинулся впередъ къ форту, и [illegible], что [illegible], по [illegible] своего характера,

хотѣлъ дать эмигрантамъ время спастись на англійскіе корабли. Но англійскія шлюпки пришли слишкомъ поздно, и нельзя было въ короткое время размѣстить въ нихъ тысячи людей, толпившихся на полуостровѣ. Когда же республиканцы вышли, наконецъ, изъ завоеваннаго форта и двинулись на полуостровъ, эмигранты пришли въ ужасъ. Они такъ дико бросались къ шлюпкамъ, что нерѣдко англійскіе матросы должны были разгонять ихъ ударами сабель. Только очень небольшая часть эмигрантовъ могла помѣститься въ шлюпкахъ; Пюизе, очень дорожившій жизнью, бѣжалъ однимъ изъ первыхъ. Сомбрёй, наоборотъ, былъ взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ 1.000 эмигрантовъ, 3.000 шуановъ и съ 1.000 прежнихъ республиканскихъ солдатъ.

Послѣ того, какъ англійскій флотъ скрылся, Гошъ со своими войсками отступилъ. Комиссары конвента Талльянъ и Бладъ должны были наказать арестованныхъ. Въ это время Талльяна подозрѣвали въ тайныхъ сношеніяхъ съ роялистами; онъ воспользовался теперь случаемъ, чтобы показать себя ярымъ республиканцемъ, и въ рѣзкой рѣчи требовалъ, чтобы взятые въ плѣнъ понесли наказаніе, полагающееся по закону. По закону же они должны были быть приговорены къ смертной казни. Въ Орэ былъ учрежденъ военный судъ, и около 600 плѣнныхъ были осуждены и разстрѣляны.

Попытка роялистовъ свергнуть республику съ помощью Англіи не увѣнчалась успѣхомъ. Тогда роялисты снова принялись за свои интриги въ Парижѣ, гдѣ конвентъ какъ разъ обсуждалъ новую конституцію. Они такъ дѣятельно вели агитацію въ парижскихъ секціяхъ, что вскорѣ всѣ они, за исключеніемъ очень немногихъ, перешли въ лагерь роялистовъ.

Новая конституція.

Конституція, выработанная реакціоннымъ конвентомъ, не носила уже демократическаго характера, хотя и называлась республиканской. Были введены косвенные выборы; избиратели выбирали выборщиковъ, а выборщики—народныхъ представителей. Выборщикомъ могъ быть лишь тотъ, кто владѣлъ извѣстнымъ имуществомъ и могъ представить доказательства, что онъ регулярно платилъ подати; избирателемъ же былъ каждый гражданинъ, достигшій 21-го года. Народнымъ представителемъ могло

быть лицо, достигшее извѣстнаго возраста и обладавшее извѣстнымъ состояніемъ. Новая конституція снова ввела двухпалатную систему. Такимъ образомъ, даже конституція 1791 года была демократичнѣе, такъ какъ она установляла одну палату. Народное представительство должно было состоять изъ двухъ корпорацій, а именно: изъ совѣта пятисотъ и совѣта старѣйшинъ (Conseil des anciens). Члены совѣта пятисотъ должны были быть не моложе тридцати лѣтъ; ежегодно треть этого совѣта обновлялась. Совѣтъ пятисотъ предлагалъ законы, которые вступали въ силу лишь по утвержденіи ихъ совѣтомъ старѣйшинъ. Совѣтъ старѣйшинъ состоялъ изъ 250 членовъ; треть его тоже должна была ежегодно обновляться. Его членами могли быть лица не моложе сорока лѣтъ, и притомъ они должны были быть женатыми или вдовцами. Совѣтъ старѣйшинъ могъ по своему усмотрѣнію налагать veto на постановленія совѣта пятисотъ, и этимъ безсмысленность двухпалатной системы доведена была до крайности. Правительственная власть находилась въ рукахъ директоріи, состоявшей изъ пяти членовъ и отвѣтственной передъ народнымъ представительствомъ. Ежегодно долженъ былъ выходить въ отставку одинъ изъ директоровъ, и онъ не могъ быть избранъ вторично. Отдѣльныя отрасли управленія находились въ рукахъ министровъ. Эта конституція, казалось, была создана для того, чтобы вызвать возможно больше конфликтовъ, потому что въ этомъ сложномъ и запутанномъ правительственномъ механизмѣ были неизбѣжны постоянныя затрудненія и противорѣчія. Правда, конституція была прикрашена декларацій правъ человѣка, но это звучало только насмѣшкой, такъ какъ хотя и признавалась свобода печати и совѣсти, но зато было отмѣнено одно изъ важнѣйшихъ правъ народа, а именно: право собраній; эта конституція запрещала всѣ народныя общества, устраивавшія публичныя засѣданія, имѣвшія трибуну или бюро.

Кромѣ того, было постановлено, что оба совѣта могутъ сами выбирать мѣсто своихъ засѣданій, и что законъ можетъ вступить въ силу только послѣ того, какъ онъ будетъ принятъ въ трехъ чтеніяхъ, но въ экстренныхъ случаяхъ совѣту старѣйшинъ разрѣшалось дѣлать исключенія изъ этого правила.

Конвентъ далъ, такимъ образомъ, роялистамъ перехитрить себя. Выработанная имъ конституція была не демократична и снова дѣлала народную массу политически безправной, допу-

сили къ участію въ законодательствѣ и управленіи только состоятельные классы населенія. Авторомъ этой конституціи былъ главнымъ образомъ Дону, который и дѣлалъ въ конвентѣ докладъ о ней; этотъ господинъ думалъ, что онъ обезпечиваетъ отечество самыми необычайно умными и глубокими идеями. Но онъ скоро долженъ былъ разочароваться. Преслѣдованіе якобинцевъ и террористовъ совершенно ослабило демократію. Отсюда само собою вытекало, что новое народное представительство будетъ состоять исключительно изъ реакціонеровъ.

Конвентъ вдругъ съ ужасомъ оглянулся на создавшееся положеніе вещей и опредѣлилъ, что новая конституція или повлечетъ за собой монархію, или вызоветъ новую гражданскую войну. Между высочками реставраціи было много лицъ, добивавшихся возстановленія монархіи, стоявшая у власти буржуазія не хотѣла, чтобы бразды правленія были вырваны изъ ея рукъ. Конвентъ увидѣлъ, что реакція слишкомъ высоко поднимаетъ голову и что онъ самъ расшаталъ почву подъ своими ногами. Но онъ не могъ рѣшиться проголить новую конституцію послѣ того, какъ уже разъ принялъ ее, и она была окончательно утверждена подъ именемъ конституціи III года республики.

Колеблясь между страхомъ и надеждой, конвентъ придумалъ странный выходъ: онъ постарался обезпечить себѣ на ближайшее время большинство въ совѣтахъ. Поэтому, наряду съ конституціей были изданы два новыхъ декрета. Первый изъ нихъ устанавливалъ, что двѣ трети совѣта пятисотъ и совѣта старѣйшинъ должны состоять изъ членовъ конвента, второй же декретъ говорилъ о томъ, что эти двѣ трети должны быть избраны не избирателями, а самимъ конвентомъ. Такимъ образомъ, конвентъ могъ исключить изъ новаго представительства нежелательные для него остатки партіи Горы и получить въ совѣтахъ желательное большинство.

Конституція III года и оба декрета были переданы на утвержденіе первичныхъ собраній. Конвентъ разсчитывалъ, что они будутъ приняты, и не ошибся, такъ какъ народная масса была еще достаточно демократична для того, чтобы, гдѣ это возможно, оказывать сопротивленіе реакціи. Правда, съ точки зрѣнія демократическихъ принциповъ, народъ долженъ былъ бы голосовать противъ этой конституціи: совершенно не въ его инте-

редь было [illegible] конвенту господство [illegible] на [illegible]. Но тутъ приходилось изъ двухъ золъ выбирать меньшее, что народъ и сдѣлалъ.

Конституція была почти единогласно принята французскимъ народомъ, такъ какъ роялисты тоже голосовали за нее — [illegible] эта конституція [illegible] широкія перспективы! Но и декреты о большинствѣ двухъ третей, несмотря на то, что роялисты [illegible] всѣ усилія къ тому, чтобы провалить ихъ, тоже были приняты. Роялисты упрекали конвентъ въ томъ, что онъ нарушилъ права народа, хотя на самомъ дѣлѣ [illegible] было совершенно безразлично. «Золотая молодежь», которая была теперь [illegible] и не [illegible] своего [illegible] ждебнаго [illegible] конвенту, толпилась на улицѣ и кричала: «Долой двѣ трети!» Въ Парижѣ только одна секція, а именно секція [illegible] приняла декреты, во всѣхъ же остальныхъ секціяхъ они были отвергнуты, и роялисты при этомъ держали себя такъ нахально, что солдатамъ и всѣмъ патріотамъ не [illegible] на собранія избирателей, а тѣмъ, кто все-таки приходилъ туда, они просто [illegible].

Когда 23-го сентября конвентъ объявилъ о принятіи французскимъ народомъ конституціи и обоихъ декретовъ, роялисты сильно [illegible]. Они надѣялись, что при помощи конституціи имъ удастся возстановить монархію, а теперь большинство въ двѣ трети [illegible] эту возможность. Поэтому они рѣшились на вооруженное возстаніе.

Такимъ образомъ, появленіе на свѣтъ этой несчастной конституціи [illegible] за собой гражданскую войну. Черезъ годъ и три мѣсяца послѣ паденія терроризма въ Парижѣ [illegible] вооруженное возстаніе роялистовъ противъ конвента, [illegible] до того быстро усиливших[illegible] реакціи.

Рабочія предмѣстья оставались спокойными, хотя и они должны были чувствовать [illegible]. Они не желали [illegible] ни отъ роялистовъ, ни отъ конвента, который не облегчилъ ихъ бѣдствій [illegible]. Они равнодушно смотрѣли на [illegible].

Возстаніе роялистовъ.

Къ этому времени [illegible] въ Парижѣ — [illegible] тайно, частью открыто — [illegible], [illegible] они видели

что вооруженное столкновеніе роялистовъ съ республиканцами стало неизбѣжнымъ. Секціи выбирали изъ дворянъ руководителей для предстоящей борьбы. Организаторомъ роялистскаго возстанія противъ конвента былъ нѣкій Леметръ.

Когда конвентъ назначилъ на 2-го и 12-го октября выборы двухъ третей въ совѣты, Парижъ заволновался. «Золотая молодежь» вступила въ стычки съ вооруженной силой конвента. Конвентъ издалъ рядъ энергичныхъ декретовъ противъ роялистовъ и отмѣнилъ законъ о подозрительныхъ лицахъ, такъ какъ этотъ законъ давалъ широкій просторъ дѣйствіямъ роялистически настроенныхъ городскихъ властей. Вражда между партіями разгоралась все сильнѣе и сильнѣе, и «золотая молодежь» не старалась скрывать своего намѣренія разогнать конвентъ и возстановить монархію. Такимъ образомъ, на конвентъ нападали тѣ самые люди, которые полгода тому назадъ, при возстаніи предмѣстій, помогали ему.

Задолго до дня выборовъ четыре секціи собрали своихъ выборщиковъ и рѣшили охранять ихъ вооруженной силой. Конвентъ запретилъ собранія выборщиковъ до дня выборовъ, но его декретъ былъ встрѣченъ насмѣшками и свистками. Тогда конвентъ сталъ тоже готовиться къ борьбѣ: онъ разогналъ вооруженной силой выборщиковъ, объявилъ свои засѣданія безпрерывными и назначилъ особую комиссію для охраны общественнаго порядка. Находясь въ стѣсненномъ положеніи, конвентъ призвалъ на помощь такъ жестоко преслѣдуемыхъ имъ террористовъ и якобинцевъ, и тѣ были достаточно великодушны, чтобы откликнуться на его призывъ. Они были снабжены оружіемъ и образовали «батальонъ патріотовъ 1789 года» численностью въ 2.000 человѣкъ. Неспособный генералъ Мену, благодаря трусости котораго секціи одерживали сначала побѣды, отказался командовать этимъ батальономъ, такъ какъ этотъ батальонъ, по его словамъ, состоялъ изъ бандитовъ. «Батальонъ патріотовъ» въ послѣдней схваткѣ за конвентъ сражался съ большой храбростью.

Секція Лепеллетье составляла центръ возстанія; къ ней изъ 48 парижскихъ секцій присоединилось 44, численностью приблизительно въ 40.000 человѣкъ; но съ прэріаля мѣсяца у секцій не было больше орудій. Раздался генеральный маршъ, вооруженные національные гвардейцы соединились, и въ горячей прокламаціи, направленной противъ «палачей въ

конвентъ», было провозглашено начало возстанія. Генералъ Мену съ войсками конвента двинулся противъ секціи Лепелетье, но натолкнулся на очень сильное сопротивленіе и трусливо отступилъ. Онъ былъ сейчасъ же смѣщенъ.

Въ этотъ критическій моментъ Барра, котораго конвентъ назначилъ начальникомъ всѣхъ вооруженныхъ силъ, вспомнилъ объ одномъ молодомъ офицерѣ, котораго онъ считалъ способнымъ отразить наступленіе роялистовъ. «*Я знаю*,—сказалъ онъ,—*одного маленькаго корсиканца, который не будетъ церемониться*». Этотъ маленькій корсиканецъ былъ не кто иной, какъ *Наполеонъ Бонапартъ*, который выказалъ свои замѣчательныя военныя способности уже при осадѣ Тулона; послѣ паденія Робеспьера, сторонникомъ котораго считался Бонапартъ, онъ былъ арестованъ и затѣмъ отставленъ отъ должности. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ ждалъ въ Парижѣ подходящей должности, имѣя очень мало шансовъ на успѣхъ. Бонапартъ носился съ самыми фантастическими планами, такъ что нѣкоторые принимали его за психически ненормальнаго человѣка. Барра предложилъ его, какъ второго командира, и Бонапартъ, призванный въ комиссію пяти, говорилъ тамъ о средствахъ, которыя могутъ привести конвентъ къ побѣдѣ, такъ увѣренно, что ему сейчасъ же предложили защиту Тюльери. Никто и предчувствовать не могъ, каковы будутъ послѣдствія этого назначенія, и никто не могъ предугадать въ этомъ тщедушномъ и молчаливомъ офицерѣ будущаго императора французовъ.

Въ то время, какъ секціи медлили съ нападеніемъ на конвентъ, Бонапартъ, не теряя времени, принялъ самыя рѣшительныя мѣры. Онъ зналъ, что орудія національной гвардіи стояли въ Медонѣ, въ паркѣ; сейчасъ же за ними былъ посланъ сильный отрядъ кавалеріи. Наполеонъ располагалъ всего на всего 7.000 человѣкъ, и все же перевѣсъ былъ на его сторонѣ, такъ какъ у него были пушки, дисциплинированное войско, и самъ онъ былъ геніальнымъ полководцемъ. Тюльери были вскорѣ превращены въ крѣпость, орудія которой обстрѣливали ведущіе къ нему пути. Бонапартъ подумалъ и объ отступленіи, и поэтому велѣлъ принести въ залъ конвента 800 ружей и патронташей, чтобы въ крайнемъ случаѣ вооружить депутатовъ въ качествѣ резерва. Провіантъ былъ заготовленъ на нѣсколько дней.

Повстанцами командовалъ генералъ Даниканъ; это былъ эмигрантъ, когда-то боровшійся за республику въ Вандеѣ, смѣщенный за неспособность. Даниканъ видѣлъ, что онъ со своими національными гвардейцами безсиленъ противъ батарей Бонапарта; но его заставили произвести нападеніе. Отбросивъ одинъ изъ постовъ Наполеона, онъ отправилъ парламентера къ конвенту съ требованіемъ удалить войска, разоружить террористовъ и отмѣнить декретъ относительно двухъ третей въ совѣтахъ. Роялисты конвента были готовы вступить въ переговоры съ парламентеромъ. Но депутатъ Шенье воодушевилъ конвентъ, сказавъ: *«Я удивляюсь, что у насъ отнимаютъ время разсказами о требованіяхъ мятежныхъ секцій. Здѣсь не о чемъ вести переговоры, нечего рѣшать; конвенту остается или побѣдить или умереть!»* Эти слова были встрѣчены громомъ аплодисментовъ, и переговоры были прерваны.

Послѣ этого, 4-го октября (13 вандемьера) 1795 года, въ четыре часа пополудни, Даниканъ съ роялистскими секціями двинулся на конвентъ. Повстанцы шли по всѣмъ улицамъ, ведущимъ къ Тюльери. Но они вездѣ были встрѣчены ужасной картечью и приведены въ замѣшательство. Тогда Бонапартъ двинулъ свои батальоны и, напавъ на роялистовъ у церкви св. Роха, гдѣ они собрали свои лучшія силы, обратилъ ихъ въ бѣгство. Затѣмъ Бонапартъ выдвинулъ впередъ свои пушки, и къ шести часамъ вечера секціи потерпѣли такое пораженіе, что онъ велѣлъ стрѣлять въ убѣгающихъ холостыми снарядами, чтобы избѣжать ненужнаго кровопролитія. Въ этой битвѣ обѣ партіи потеряли убитыми около 400 человѣкъ; конвентъ одержалъ полную побѣду. Ночью Бонапартъ занялъ всѣ важнѣйшіе пункты города.

Конвентъ поступилъ съ побѣжденными не такъ строго, какъ раньше съ якобинцами и восставшими рабочими предмѣстій. Онъ удовольствовался тѣмъ, что обезоружилъ секцію Лепелетье, уволилъ генеральный штабъ національной гвардіи и распустилъ стрѣлковые отряды «золотой молодежи». Особая комиссія должна была судить участниковъ возстанія. Но всѣмъ скомпрометированнымъ лицамъ дали время убѣжать, а преслѣдованіе было такъ небрежно, что нѣкоторые изъ осужденныхъ заочно (in contumaciam) совершенно открыто разгуливали по улицамъ Парижа.

Реакціонный конвентъ, казалось, хотѣлъ показать свои

симпатіи тѣмъ самымъ роялистамъ, которые только что съ оружіемъ въ рукахъ нападали на него и пытались свергнуть республику.

Конецъ дѣятельности конвента.

Заканчивая свою трехлѣтнюю дѣятельность, конвентъ выбралъ изъ своей среды двѣ трети обоихъ совѣтовъ и членовъ будущаго правительства, Директоріи. Недавнее возстаніе секцій показало распространенность и силу вновь развивающагося роялизма, и буржуазія, старавшаяся сохранить власть въ своихъ рукахъ, съ тревогой смотрѣла на будущее. Въ послѣднее время конвентъ снова накинулъ на себя республиканскую мантію. Въ Директорію были выбраны только тѣ люди, которые голосовали за казнь Людовика XVI, а именно: Барра, Ребелль, Ларевельеръ-Лепо, Летурнеръ и, вмѣсто Сійеса, отклонившаго избраніе, Карно. Затѣмъ конвентъ издалъ амнистію, которая распространялась на всѣ политическіе акты, но подъ нее не подпали граждане, отправленные въ ссылку. Тотъ самый конвентъ, который такъ мягко поступилъ съ возставшими секціями, отказалъ въ амнистіи Колло д'Эрбуа и Бильо-Варенну.

Затѣмъ конвентъ объявилъ революцію законченной, какъ будто это зависѣло отъ какого-нибудь парламентскаго декрета, и переименовалъ прежнюю площадь Революціи въ площадь Согласія.

25-го октября 1795 года конвентъ разошелся. Президентъ сказалъ: «Національный конвентъ объявляетъ, что его миссія исполнена и засѣданія его окончены». При крикахъ: «Да здравствуетъ республика!» члены конвента разошлись.

Этотъ парламентъ, управлявшій республикой среди бурь революціи и отправившій такъ много своихъ членовъ на эшафотъ, всегда будетъ занимать выдающееся мѣсто въ исторіи. Недостатки его очень велики; но гораздо болѣе значительны труды его, которые совершенно преобразовали Францію. Въ его трудахъ часто сказывается и незаконченность и поспѣшность, чего не могло не быть у собранія, которое должно было въ одно и то же время и защищать Францію противъ великой коалиціи Питта, и вести свою страшную гражданскую войну. Конвентъ, бывшій дѣтищемъ республиканскаго возстанія, скорѣ увидѣлъ, что двѣ трети Франціи стоятъ противъ него съ ору-

жіемъ въ рукахъ; побѣдивъ всѣхъ своихъ противниковъ, онъ склонился передъ Робеспьеромъ и создалъ интересную эпоху царства добродѣтели и ужаса, чтобъ въ концѣ своей дѣятельности проявить необыкновенную политику энергіи. Онъ видѣлъ, какъ противъ него шли вооруженныя колонны демократіи и роялизма, и подъ громъ бонапартовскихъ пушекъ онъ закончилъ свои бурныя и оживленныя засѣданія.

Этотъ парламентъ, отличавшійся такимъ обиліемъ блестящихъ именъ, привелъ правда Францію къ борьбѣ съ великой коалиціей Питта, но оставилъ страну въ состояніи полнаго истощенія. Въ эпоху терроризма конвентъ пробовалъ бороться съ народными бѣдствіями; послѣ паденія системы ужаса конвентъ приложилъ всѣ усилія къ тому, чтобы подавить движенія народныхъ массъ, изнывавшихъ подъ бременемъ нужды. Подъ давленіемъ терроризма онъ издалъ цѣлый рядъ принудительныхъ мѣръ, слишкомъ усердное примѣненіе которыхъ отзывалось пагубно на Франціи; по окончаніи системы террора всѣ эти принудительныя мѣры были, какъ мы видѣли, внезапно отмѣнены, и эта внезапная отмѣна ихъ должна была отозваться на экономическомъ положеніи страны еще болѣе пагубно.

Франція очутилась въ очень затруднительномъ финансовомъ положеніи, и никакія принудительныя мѣры не могли тутъ помочь. Вслѣдствіе ломки всѣхъ общественныхъ отношеній, подати вносились крайне нерегулярно, и правительству ничего больше не оставалось, какъ наводнять Францію новыми массами ассигнатовъ. Эта масса бумажныхъ денегъ была еще увеличена столь постыдно выпущенными Англіей фальшивыми ассигнатами. Чѣмъ больше ассигнатовъ выпускало правительство, тѣмъ ниже стоялъ ихъ курсъ, и чѣмъ быстрѣе ихъ курсъ падалъ, тѣмъ больше ассигнатовъ выпускалось. Потребность въ ассигнатахъ была такъ велика, что правительство не успѣвало ихъ печатать. Уже весной 1796 года курсъ ассигнатовъ упалъ до 7%; лѣтомъ 1795 года они стоили лишь $2^1/_2$% своей номинальной цѣны. При этомъ очень сильно пострадали кредиторы государства, которые должны были принимать ассигнаты по ихъ номинальной стоимости.

Должники также выплачивали свои долги ассигнатами по ихъ номинальной стоимости, и противъ этого мало что можно

было подѣлать. По мѣрѣ того, какъ падала стоимость ассигнатовъ, повышались цѣны товаровъ. Въ лучшемъ положеніи были крестьяне, обрабатывавшіе землю, такъ какъ теперь цѣна на хлѣбъ была необычайно высока; поэтому въ деревнѣ царила сравнительная роскошь, что стояло въ рѣзкомъ противорѣчіи съ ужасающей нуждой народныхъ массъ большихъ городовъ. Сельскій арендаторъ могъ покрывать арендную плату выручкой отъ продажи небольшой части урожая. Прежде, для облегченія нищеты въ городахъ, у крестьянъ производились реквизиціи; теперь же бѣдствія пролетаріата не вызывали никакого вниманія, и крестьяне, которые своей свободой были обязаны возстаніямъ пролетаріата столицы, стали теперь консерваторами и не интересовались ничѣмъ, кромѣ своей земли.

Достигшая власти буржуазія безпрепятственно наслаждалась благами жизни. Въ столицѣ, несмотря на всѣ политическія катастрофы, продолжалась безумная суета. Благодаря отмѣнѣ принудительныхъ законовъ, люди могли снова заниматься разными грязными дѣлами; было время, когда всѣ въ Парижѣ вели мѣновую торговлю. Ростовщики наживали огромныя деньги, скупая массами всевозможные предметы и жизненные припасы за малоцѣнныя бумажныя деньги и вновь продавая ихъ, наживаясь при этомъ на постоянныхъ колебаніяхъ курса.

Какъ и всегда, отъ всѣхъ этихъ неурядицъ больше всего страдали низшіе классы населенія. Раньше рабочій классъ волновался по малѣйшимъ поводамъ, теперь же онъ совершенно равнодушно относился ко всѣмъ политическимъ переворотамъ. Кромѣ того, самые энергичные элементы этого класса погибли на полѣ битвы, проливая свою кровь за республику. Парижскія предмѣстья не удавалось уже больше привести въ движеніе послѣ ихъ разоруженія въ маѣ 1795 года. Несчастный исходъ возстаній отнялъ у нихъ всякую надежду на улучшеніе своего положенія.

Такъ исчезла у всѣхъ классовъ населенія страсть къ свободѣ, страсть, которая такъ долго господствовала во Франціи. Буржуазія и крестьяне, пожавшіе плоды революціи, были настроены противъ политическихъ переворотовъ, потому что они хотѣли теперь въ покоѣ и безопасности пользоваться пріобрѣтеннымъ; рабочимъ революція надоѣла потому, что они

не разсчитывали больше на какія-нибудь завоеванія для себя. При такомъ положеніи вещей Франціей могла завладѣть военная сила, сумѣвшая замѣнить страсть къ свободѣ страстью къ славѣ. И за эту страсть къ славѣ и Франціи и Европѣ пришлось заплатить дорогой цѣной—цѣной четверти вѣка кровопролитныхъ войнъ.

ДИРЕКТОРІЯ.

Къ этому времени идеализмъ, который господствовалъ въ первую эпоху Французской революціи, почти совершенно исчезъ. Французская буржуазія мечтала только о томъ, чтобы наслаждаться покоемъ и благосостояніемъ, а пролетаріатъ жаждалъ облегченія своей страшной нужды. Прошло время искренняго отстаиванія и защиты принциповъ равенства и братства, и правительство теперь считалось уже только съ силой. Нужно было извѣстное мужество для того, чтобы перенять въ свои руки бразды правленія Франціей въ томъ ея видѣ, въ какомъ оставилъ ее послѣ себя ставшій реакціоннымъ конвентъ. Страна находилась въ самомъ плачевномъ состояніи. Солдаты терпѣли нужду и даже генералы часто не получали своего жалованья. Поставщики обворовывали казну и обогащались на ея счетъ, а защитники республики голодали. За время правленія термидористическаго конвента общественныя должности заняли множество карьеристовъ; создался огромный бюрократическій аппаратъ, который ровно ничего не дѣлалъ. Вѣдомства народнаго просвѣщенія и путей сообщенія, такъ же какъ и судебное вѣдомство, были крайне запущены, потому что спартанская строгость эпохи террора смѣнилась чисто іонической распущенностью. Правда, и въ эпоху террора мало занимались организаціей общественныхъ учрежденій, въ виду быстрой смѣны и яростной борьбы партій, но тогда, по крайней мѣрѣ, были выставлены извѣстные принципы. Теперь же все пришло въ крайній упадокъ.

Новое правительство должно было быть благодарно конвенту за его декреты относительно двухъ третей; если бы эти декреты не обезпечили правительству большинства въ палатахъ

то неизбѣжно наступило бы замѣшательство, исходъ котораго не трудно было бы предвидѣть. При новыхъ выборахъ роялисты всюду получали большинство голосовъ, и монархія, повидимому, была бы возстановлена парламентскимъ путемъ, если былъ бы обновленъ весь составъ палатъ. Когда новое правительство, не располагавшее ни деньгами, ни довѣріемъ народа, вступило въ отведенный ему Люксамбургскій дворецъ, его затруднительное положеніе отразилось даже на внѣшней обстановкѣ. Дворецъ оказался немеблированнымъ, и кастеляну пришлось ссудить новое правительство кривоногимъ столомъ и пятью продранными соломенными стульями, чтобы оно могло начать свои засѣданія. По какой-то счастливой случайности директоры захватили съ собой бумагу, перья и чернила. Въ этомъ своемъ засѣданіи Директорія составила свое посланіе къ палатамъ и избрала министровъ.

Барра оказался самымъ вліятельнымъ членомъ правительства, хотя онъ, собственно, не отличался ни политическими, ни военными талантами. Онъ происходилъ изъ мелкаго дворянства, былъ на военной службѣ и участвовалъ въ походахъ въ Остъ-Индію и Америку. Въ свое время онъ былъ членомъ перваго національнаго собранія и конвента. Причислялъ онъ себя къ дантонистамъ, что однако не помѣшало ему въ 1793 г. вмѣстѣ съ Фрерономъ принять участіе въ кровавой расправѣ, учиненной надъ Тулономъ. Съ ролью, которую онъ игралъ 9-го термидора и 13-го вандемьера, мы уже знакомы. Онъ былъ большимъ интриганомъ и проявлялъ много наглости. Въ общемъ же это былъ развращенный, безнравственный человѣкъ, который выше всего на свѣтѣ цѣнилъ собственное благополучіе, притворно выражалъ всѣмъ окружающимъ свое благоволеніе, всѣхъ обманывалъ и предавалъ. Барра, занимавшійся главнымъ образомъ внутренними дѣлами, являлся истиннымъ представителемъ того класса, который выдвинулся благодаря революціи и намѣренъ былъ насладиться своей побѣдой среди пьянства и разврата. Наполеонъ не безъ основанія называлъ Барра и его сторонниковъ гнилыми.

Карно, единственный изъ директоровъ, обладавшій чисто демократическими убѣжденіями, представлялъ полную противоположность Барра своей строгой нравственностью и чистотой своего характера. Карно не принималъ участія въ тѣхъ мерзостяхъ, которыми запятнала себя Директорія. Онъ и теперь

занимался почти исключительно военными дѣлами и заботился главнымъ образомъ о томъ, чтобы удержать за Франціей границы, которыя онъ считалъ естественными. Сторонникомъ Карно являлся Летурнеръ, который перенялъ на себя управленіе морскими и колоніальными дѣлами, Ребелль же и Ларевельеръ-Лепо составляли вмѣстѣ съ Барра прочное большинство. Ребелль, эльзасскій адвокатъ, ничѣмъ не проявлялъ себя въ эпоху террора и только позже выступилъ въ конвентѣ ярымъ гонителемъ якобинцевъ. Во внѣшнемъ обращеніи онъ проявлялъ гордость и неприступность и въ то же время слылъ за корыстолюбиваго и подкупного человѣка. Однако онъ обладалъ и ловкостью и умомъ и, насколько позволяли запутанныя обстоятельства того времени, хорошо управлялъ юстиціей и финансами страны. Что касается Ларевельера-Лепо, завѣдывавшаго народнымъ просвѣщеніемъ, наукой и искусствомъ, то онъ въ свое время былъ изгнанъ изъ страны въ качествѣ жирондиста. Онъ использовалъ свою власть для того, чтобы осуществить свою несчастную идею: основать новую религію, которую онъ думалъ противопоставить грубому матеріализму, господствовавшему въ средѣ торжествующей буржуазіи. Онъ основалъ такъ называемую теофилантропію, послѣдователямъ которой онъ передалъ 10 церковныхъ приходовъ. Эта религія была основана на кротости; ея основнымъ принципомъ была любовь къ Богу и людямъ и ея послѣдователи вѣрили въ безсмертіе души. Теофилантропія подвергалась ѣдкимъ насмѣшкамъ, а ея основатель, изъ-за своей некрасивой наружности, сталъ мишенью французскаго остроумія.

Таковъ былъ составъ правительства, которое переняло въ свои руки власть. Примѣненіе новой конституціи сразу же ознаменовалось нарушеніемъ ея, благодаря декретамъ относительно двухъ третей; но безъ этихъ декретовъ новая конституція вообще не могла существовать. Нарушеніе конституціи вызвало опасные конфликты, которые повлекли за собой дальнѣйшія нарушенія и въ концѣ концовъ привели къ паденію Директоріи.

Существовали двѣ враждебныя Директоріи партіи, демократическая и роялистская, но обѣ онѣ въ 1795 году были насильственно задавлены конвентомъ и лишены своего вліянія. Онѣ не могли уже устраивать въ Парижѣ уличныхъ сраженій,

потому что народныя массы не позволяли больше вовлекать себя въ борьбу. Въ этотъ періодъ восстаній смѣнилось временемъ заговоровъ, къ которымъ рѣшительные вожаки партій постоянно прибѣгаютъ въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ не хватаетъ силъ для веденія открытой борьбы. Народъ привыкъ страдать молча, хотя какъ разъ въ это время его страданія достигли крайнихъ предѣловъ. Онъ со стороны слѣдилъ за борьбою партій, не интересуясь ни одной изъ нихъ, и у него сохранилось лишь одно убѣжденіе — убѣжденіе въ полной *безнадежности* ожидавшей его участи.

Финансовыя затрудненія.

Если директоріи въ началѣ ихъ правленія и удалось внести нѣкоторый порядокъ въ управленіе государствомъ, то финансовыя затрудненія все же продолжали служить неисчерпаемымъ источникомъ неурядицъ. Государственное банкротство, котораго нѣкогда такъ опасался Мирабо, если не формально, то фактически наступило въ тотъ моментъ, когда государство начало принимать ассигнаты по ихъ дѣйствительной цѣнѣ. А государство такъ и поступило: въ то время, какъ оно раньше принимало ассигнаты, считая за нихъ только 20% ихъ стоимости, оно теперь начало принимать ихъ еще по значительно низшему курсу. Правительство теперь не было уже въ состояніи покрывать тотъ дефицитъ, который получался отъ пріема ассигнатовъ по курсу въ 20% ихъ стоимости. Убытки же отъ этого фактическаго банкротства государства ложились на гражданъ, потому что имъ приходилось все больше и больше терять вслѣдствіе постояннаго пониженія стоимости ассигнатовъ.

Изъ своего затруднительнаго финансоваго положенія Директорія пыталась найти выходъ путемъ заключенія принудительнаго займа у богатыхъ. Она разсчитывала заключить такой заемъ въ размѣрѣ 600 милліоновъ франковъ, намѣреваясь реализовать его въ формѣ металлическихъ денегъ или ассигнатовъ, оцѣненныхъ по курсу дня. Въ это время курсъ ассигнатовъ палъ до 1% ихъ номинальной стоимости. Правительство полагало, что принудительный заемъ коснется только самыхъ богатыхъ людей страны. Обѣ палаты утвердили заемъ, но онъ не имѣлъ успѣха, котораго правительство ожидало

Если бы заемъ удался, то онъ могъ бы помочь Директоріи выйти изъ затруднительнаго положенія. Можно было однако заранѣе предвидѣть, что богатые люди, на плечи которыхъ хотѣли взвалить всю тяжесть этого займа, по мѣрѣ силъ и возможности будутъ противодѣйствовать его реализаціи, и что Франція, которой пришлось вынести столько бурь, припрятала большую часть своихъ денегъ или перевела ихъ заграницу. Безконечныя затрудненія возникли уже при [illegible] работахъ, и въ концѣ концовъ эту мѣру пришлось признать крайне неудачной. Изыскивая новые способы достать денегъ, правительство принуждено было, чтобы выиграть время, снова прибѣгнуть къ увеличенію ассигнатовъ. Правительство само путалось въ той огромной массѣ бумажныхъ денегъ, которая находилась въ обращеніи; неизвѣстно даже было точно, сколько именно ассигнатовъ выпущено. Говорили, что ихъ выпущено на сумму до сорока милліардовъ, и эту цифру можно признать болѣе или менѣе достовѣрной.

Правительство всѣми способами старалось среди все возраставшихъ дефицитовъ и прибѣгало къ самымъ отчаяннымъ средствамъ. Такъ, однажды было рѣшено пріостановить выдачу жалованья чиновникамъ, а потомъ вдругъ заявили, что штатъ чиновниковъ слишкомъ великъ, и въ теченіе короткаго времени ихъ было уволено (около) двадцати тысячъ человѣкъ. Государственная машина была въ самомъ дѣлѣ очень обременена штатомъ безполезныхъ людей и чиновниковъ. Директоріи приходилось сильно терпѣть отъ нападокъ прессы и клубовъ, которые снова начали образовываться; роялисты нападали на нее по поводу финансовыхъ неурядицъ, республиканцы по поводу увольненія чиновниковъ, а демократы по тому и другому поводу. Общественное мнѣніе было настроено противъ Директоріи, и она потерпѣла парламентское пораженіе въ вопросѣ о конфискаціи имущества эмигрантовъ. Въ свое время было объявлено, что имущество, принадлежащее родителямъ эмигрантовъ, въ случаѣ смерти первыхъ, переходитъ въ собственность государства. Такимъ путемъ республика должна была быть вознаграждена за тотъ ущербъ, который былъ нанесенъ ей эмиграціей [illegible] имущества. Этотъ законъ до сихъ поръ не приводился въ исполненіе; теперь же онъ снова предложенъ былъ Директоріей и принятъ Совѣтомъ пятисотъ, но [illegible].

Къ этому времени ассигнаты спустились до $\frac{1}{2}$% своей стоимости. Такимъ образомъ за одинъ франкъ звонкой монеты или за его стоимость получали 200 франковъ ассигнатами. Правительство рѣшило прекратить выпускъ ассигнатовъ и изыскать какія-либо другія мѣры для улучшенія финансоваго положенія страны. Оно намѣрено было прекратить выпускъ ассигнатовъ въ тотъ моментъ, когда общая сумма ихъ достигнетъ сорока миллiардовъ. Станокъ, на которомъ, при помощи мѣдныхъ клише, печатались ассигнаты, былъ 21 февраля 1796 г. торжественно и публично сожженъ при огромномъ стеченіи народа, несказанно радовавшагося этому акту. Однако, гораздо меньше радости доставилъ докладъ, который сдѣлалъ Камю въ совѣтѣ пятисотъ, въ которомъ онъ выяснилъ, что хотя ассигнатовъ и находилось въ обращеніи на сумму въ $39\frac{1}{2}$ миллiардовъ, но что отпечатано ихъ было больше, чѣмъ на 45 миллiардовъ. Такимъ образомъ, опредѣленная закономъ сумма ассигнатовъ была превышена на мелочь, въ размѣрѣ 5 тысячъ милліоновъ франковъ. Когда это стало извѣстно публикѣ, ассигнаты упали до $\frac{1}{3}$% своей стоимости.

Попытались было установить, сколько національныхъ имуществъ осталось еще въ распоряженіи государства, но это оказалось невозможнымъ, потому что свѣдѣнія по этому предмету отличались слишкомъ большой неточностью. Объ истинномъ положеніи вещей можно было составить себѣ только самое приблизительное представленіе. Директорія не знала, что дѣлать. Судьба рабочихъ въ предмѣстьяхъ ее мало интересовала; даже выдача порцій хлѣба была прекращена. Зато она старалась помочь рантье, которые испытывали большую нужду отъ того, что имъ приходилось получать свою ренту ассигнатами по курсу дня. Конечно, для Директоріи достаточно характерно уже то, что она сочла рантье болѣе достойными поддержки, чѣмъ рабочихъ; но рантье нельзя было помочь, потому что законодательнымъ путемъ невозможно было повліять на законы, диктуемые денежнымъ и товарнымъ рынкомъ.

Директорія попрежнему продолжала нуждаться въ деньгахъ, а такъ какъ новыхъ ассигнатовъ нельзя было печатать, то пришлось изыскивать иныя средства. Послѣ долгихъ размышленій былъ изобрѣтенъ новый родъ бумажныхъ денегъ.

На первый взглядъ это средство могло показаться довольно

належнымъ. Было установлено, что государство имѣетъ еще свободнаго отъ долговъ имущества приблизительно на 3.400 милліоновъ. Это имущество могло послужить ипотекой для новыхъ бумажныхъ денегъ. Надѣялись, что совершенно обезцѣненные ассигнаты очень легко смогутъ быть вытѣснены новыми бумажными деньгами. 17-го марта 1796 года были выпущены такъ называемые мандаты, или точнѣе, земельные мандаты. Они носили надпись «Promesse de mandat territorial» и на нихъ можно было пріобрѣтать національныя земли по цѣнѣ, установленной въ 1790 году. Цѣна же 1790 года опредѣлялась тѣмъ доходомъ, который давала земля въ теченіе 22-хъ лѣтъ. Мандатовъ рѣшено было выпустить на 2.400 милліоновъ; изъ нихъ на 800 милліоновъ разсчитывали выкупить находившіеся въ обращеніи ассигнаты по курсу въ три процента. Однако, если Камю не ошибся въ своихъ вычисленіяхъ, то этихъ 800 милліоновъ не могло хватить на выкупъ всѣхъ ассигнатовъ по курсу въ три процента. Правительство рѣшило сейчасъ выпустить мандатовъ на 1.100 милліоновъ, остатокъ же въ 1.300 милліоновъ долженъ былъ служить ему обезпеченіемъ на будущее время.

Всѣ возликовали, такъ какъ казалось, что найдено, наконецъ, средство избавиться отъ ужаснаго наплыва ассигнатовъ. Правительство смотрѣло на мандаты, какъ на звонкую монету. Однако, оказалось, что отъ послѣдствій обезцѣненія бумажныхъ денегъ нельзя быстро избавиться путемъ созданія новыхъ бумажныхъ денегъ. Дѣльцы встрѣтили мандаты крайне недовѣрчиво, опасаясь выпуска ихъ такими огромными количествами, что номинальная стоимость ихъ превысить цѣнность національныхъ земель, которыя должны были служить обезпеченіемъ ипотечнаго займа. Никто не хотѣлъ принимать мандатовъ, и дѣло дошло до уличныхъ безпорядковъ и даже до грабежей. Правительство надѣялось, что благодаря выпуску полноцѣнныхъ мандатовъ, которыми ассигнаты будутъ погашены по курсу въ 3%, курсъ ассигнатовъ удержится на высотѣ въ три процента. Въ дѣйствительности же оказалось, что сами мандаты съ поразительной быстротой стали понижаться въ цѣнѣ и опустились до 5% ихъ первоначальной стоимости. Обезцѣненію этихъ бумагъ содѣйствовала, между прочимъ, и безумная спекуляція ими.

Такимъ образомъ и эта финансовая операція закончи-

лась неудачей. Правительство очутилось въ безпомощномъ положеніи, потому что государственный дефицитъ попрежнему продолжалъ возрастать, а доходы все уменьшались и уменьшались,—и это при полномъ отсутствіи кредита. Конецъ предвидѣлся печальный, и полное государственное банкротство было бы неизбѣжно, если бы неожиданно не открылись новые источники дохода.

Такіе источники нашлись благодаря тому, что въ это время молодой генералъ Бонапартъ одержалъ блестящія побѣды въ Италіи. Въ кассы правительства потекли милліоны, которые онъ отобралъ у итальянскихъ князей подъ видомъ контрибуціи и военнаго вознагражденія. Это нѣсколько поправило совершенно истощенные финансы страны.

Заговоръ Бабефа.

Борьба 13-го вандемьера, при которой конвенту пришлось прибѣгнуть къ помощи баталіона патріотовъ, нѣсколько ободрила подавленную демократію, а амнистія, которую объявилъ конвентъ въ концѣ своей дѣятельности, вернула свободу многимъ террористамъ, заключеннымъ въ тюрьмахъ. Террористы соединились съ членами Горы, уцѣлѣвшими, несмотря на частыя истребленія, которымъ подвергалась эта фракція. Хотя при конституціи 3-го года и очень трудно было основывать союзы, но нѣкоторыя лица все-таки сдѣлали попытку въ этомъ отношеніи. Въ это время на сцену выступилъ Франсуа Ноэль Бабефъ, совсѣмъ еще молодой и до сихъ поръ мало извѣстный человѣкъ. Онъ когда-то былъ осужденъ за какую-то поддѣлку, но приговоръ по его дѣлу былъ отмѣненъ, какъ неправильный. Послѣ 9-го термидора, онъ въ качествѣ яраго террориста, попалъ въ тюрьму и познакомился тамъ съ итальянцемъ Буонаротти, который былъ близкимъ другомъ Робеспьера и теперь былъ арестованъ по обвиненію въ злоупотребленіяхъ, въ которыхъ онъ будто провинился за время своей дѣятельности въ качествѣ комиссара конвента. Къ Бабефу и Буонаротти присоединился Дартэ, бывшій секретарь военнаго комиссара конвента Лебона. Эти три человѣка часто вели между собою бесѣды о томъ, какъ сдѣлать народъ счастливымъ. Для Бабефа, обладавшаго философскимъ умомъ, эти бесѣды послужили поводомъ къ тому, чтобы создать новую соціально-поли-

тическую систему. Относительно [illegible] онъ не разъ задавался вопросомъ: *[illegible] пятьсотъ болтливыхъ адвокатовъ лучше одного короля?*

Выйдя изъ тюрьмы, Бабёфъ въ своей газетѣ «Народный Трибунъ» началъ рѣзко нападать на Директорію и господствующіе классы. Онъ назвалъ себя Гракхомъ-Бабёфомъ, желая этимъ показать, что онъ стоитъ на стражѣ интересовъ неимущихъ классовъ. Вокругъ него сплотились сторонники Марата и Робеспьера, бывшіе члены демократическихъ клубовъ и революціонныхъ комитетовъ. Демократы теперь поняли, что послѣ [illegible] ихъ партія слишкомъ слаба, чтобы заставить правительство считаться съ собой иначе, какъ силой. Это соображеніе однако не остановило Бабёфа, обладавшаго непреклонной волей и большой [illegible]. Кружокъ Бабёфа рѣшилъ составить заговоръ съ цѣлью подготовить возстаніе.

Прежде всего была сдѣлана попытка основать клубъ, несмотря на тѣ стѣсненія, которыми конституція обставляла созданіе всякаго рода общественныхъ собраній. Былъ основанъ клубъ Пантеонъ, въ которомъ [illegible] революціи [illegible]. Директорія стала зорко слѣдить за дѣятельностью этого клуба. Въ немъ числилось около [illegible] членовъ, и изъ [illegible] осторожности [illegible] образомъ [illegible]. Этотъ клубъ не имѣлъ ни президента, ни секретарей и никогда не вступалъ въ сношенія съ другими обществами. Не трудно было догадаться, что въ этомъ клубѣ [illegible] и что они избрали его своимъ сборнымъ пунктомъ. [illegible] знать, и въ то же время Бабёфъ въ своей газетѣ рисовалъ весь ужасъ народной нищеты, разсказывая о томъ, [illegible] недавно [illegible] Бастиліи, теперь [illegible] голоду или томятся по тюрьмамъ. Народъ внимательно прислушивался къ словамъ Бабёфа. Между тѣмъ Директорія [illegible] и Директорія рѣшила воспользоваться [illegible] случаемъ, чтобы закрыть клубъ Пантеонъ. [illegible] для закрытія клуба послужило [illegible] Дарте, и клубъ былъ закрытъ по распоряженію генерала Бонапарта.

Эта первая неудача не сломила однако энергіи демократовъ. Имъ пришлось отказаться отъ гласной дѣятельности въ клубѣ, и они теперь прибѣгли къ заговору. Не имѣя возможности устраивать открытыя собранія, они начали собираться тайно. Бабефъ, преслѣдуемый полиціей, скрылся и, подобно Марату, сталъ издавать свои газеты тайно. Онъ посвящалъ много времени изученію экономическихъ вопросовъ и часто увлекался спорами съ представителями Горы, которые все время были заняты пустыми разговорами о казняхъ, о конфискаціяхъ и не были способны создать свою собственную прочную организацію. Бабефъ былъ мыслителемъ и умѣлъ заинтересовать собою и заставить уважать себя всякаго, кто приходилъ съ нимъ въ болѣе или менѣе близкое соприкосновеніе, независимо отъ того, раздѣлялъ ли собесѣдникъ его взгляды и убѣжденія или нѣтъ. Сущность общественнаго блага онъ видѣлъ въ избавленіи народа отъ нищеты и невѣжества. Историки извратили образъ этого человѣка. Они старались представить его грубымъ насильникомъ, который въ своемъ увлеченіи матеріализмомъ готовъ былъ пожертвовать образованіемъ, нравственностью и даже свободой ради неосуществимаго равенства всѣхъ въ отношеніи наслажденія жизненными благами. А между тѣмъ, при болѣе близкомъ ознакомленіи съ нимъ, его личность вырисовывается въ совершенно иномъ освѣщеніи.

Что Бабефъ приспособлялъ свою систему къ революціи, это вполнѣ понятно. Революціонныя правительства не останавливались передъ насиліемъ. Поэтому и онъ со своими товарищами не остановился передъ тѣмъ, чтобы организовать возстаніе. Составился тайный инсуррекціонный комитетъ благоденствія, въ составъ котораго вошло семь человѣкъ, причемъ агенты комитета занялись подготовкой секцій. Сѣть этой организаціи раскинулась по всему Парижу. Въ рабочихъ кварталахъ нашлась кучка людей, готовыхъ принять участіе въ возстаніи, но въ общемъ вся масса населенія не хотѣла и слышать ничего о возстаніяхъ и не ждала отъ нихъ ничего хорошаго. Къ заговору примкнуло множество уволенныхъ офицеровъ, между прочимъ Россиньоль, Фіонъ, Жерменъ и другіе. Они имѣли связи въ арміи и были увѣрены въ томъ, что встрѣтятъ въ войскѣ сочувствіе къ своему дѣлу. Многочисленный полицейскій легіонъ, уволенный Директоріей и потому крайне недоволь-

ный правительствомъ, тоже присоединился къ заговору въ пользу равенства, какъ называлъ Бабефъ свое предпріятіе.

Бабефъ говорилъ, что равенство, которое такъ часто провозглашалось во Франціи, было лишь миражемъ, а онъ намѣренъ возстановить *истинное* равенство, распространивъ этотъ принципъ и на собственность. Съ этой цѣлью онъ хотѣлъ создать для своего новаго общества *національную общину* (grande communauté nationale), къ которой должно было перейти имущество всѣхъ осужденныхъ и эмигрировавшихъ реакціонеровъ. Бабефъ надѣялся, что въ будущемъ эта община расширится и путемъ отмѣны права на наслѣдство охватитъ всю страну. Въ собственность общества должны были перейти главнымъ образомъ земли и недвижимое имущество. Всѣ дѣти одинаково должны были воспитываться въ большихъ національныхъ воспитательныхъ заведеніяхъ. Все населеніе страны обязано было заниматься продуктивнымъ трудомъ, а такимъ трудомъ Бабефъ считалъ земледѣліе, ремесла и несеніе военной службы. Должны были быть организованы особые классы для работы, надзоръ за которыми поручался выборнымъ лицамъ, и въ которые должны были вступать всѣ, безъ исключенія, граждане. Продукты труда должны были сдаваться въ государственные общинные склады, откуда граждане могли брать все, что имъ нужно. Бабефъ предполагалъ наказывать лѣность принудительнымъ трудомъ, уничтожить деньги и передать всю внѣшнюю торговлю въ вѣдѣніе правительства. Будучи ученикомъ Робеспьера, Бабефъ намѣренъ былъ также возстановить и культъ Высшаго Существа. Для политическихъ же преобразованій въ странѣ руководящей нитью должна была служить конституція 1793 года.

Въ этомъ состояла пресловутая система Бабефа, которую такъ часто характеризовали, какъ варварскую и враждебную культурѣ теорію. Ученые возмущались тѣмъ, что Бабефъ не причислилъ къ продуктивному труду занятія науками и искусствомъ. А между тѣмъ, Бабефъ, очевидно, понималъ полезность исключительно въ экономическомъ смыслѣ, и своимъ опредѣленіемъ продуктивнаго труда стремился воспрепятствовать образованію новыхъ классовъ; а то, что онъ вообще отвергалъ науки и искусство, выдумали его противники. Что касается фанатиковъ индивидуализма, то они осуждаютъ систему Бабефа за то, что она якобы должна была въ корнѣ

убить всякое побужденіе къ дѣятельности. Этотъ мотивъ они, впрочемъ, выставляютъ противъ всякой государственной организаціи труда, хотя ихъ мнѣніе фактически и опровергается существованіемъ государственныхъ желѣзныхъ дорогъ и почты. Система Бабёфа является предшественницей современнаго научнаго соціализма и, какъ это обыкновенно бываетъ съ новыми и мало продуманными системами, отличается неопредѣленностью своей формы. Современный соціализмъ, конечную цѣль котораго составляетъ урегулированіе обществомъ производства и потребленія ко благу всего человѣчества, свободенъ отъ угловатости и шероховатости системы Бабёфа. Система эта и потому еще является такой несовершенной, что экономическія отношенія, къ которымъ она стремилась приспособиться, были крайне запутаны и переживали начальную стадію своего развитія; далѣе, она отличается насильственнымъ характеромъ, потому что создалась въ эпоху беспрерывныхъ общественныхъ катастрофъ и переворотовъ. Но, несмотря на все это, объективный критикъ долженъ признать, что Бабёфъ былъ оригинальнымъ мыслителемъ и человѣкомъ—филистеры сказали бы «мечтателемъ», обладавшимъ рѣдкой силой убѣжденія.

Бабёфъ всюду искалъ связей и безъ труда нашелъ ихъ среди уцѣлѣвшихъ членовъ партіи Горы. Съ заговорщиками сблизились Амаръ, Друэ, Вадье, Роберъ Ленде, Лаиньело, Шудье, Жавогъ, Гюже, Коссе и многіе другіе изъ прежнихъ членовъ конвента. Знаменательно то, что къ нимъ присоединился и директоръ Баррасъ, но его отношенія къ заговорщикамъ остались не вполнѣ выясненными. Этотъ развращенный человѣкъ, очевидно, хотѣлъ обезпечить себя на случай побѣды заговорщиковъ. Сближенію съ партіей Горы нѣсколько мѣшало то обстоятельство, что Бабёфъ, Буонарроти и Дарте были почитателями Робеспьера, паденію котораго такъ сильно содѣйствовали Вадье и Амаръ. На собраніяхъ заговорщиковъ часто пѣлись пѣсни, въ которыхъ оплакивалась смерть Марата, Робеспьера и Сенъ-Жюста. Замѣтимъ кстати, что въ этихъ собраніяхъ принимали участіе и женщины.

Наконецъ, состоялось соглашеніе Бабёфа и его сторонниковъ съ прежними членами Горы, и былъ составленъ подробный планъ возстанія. Было рѣшено, въ заранѣе установленный часъ, расклеить плакаты со словами: «*Конституція 1793 года! Равенство! Общее благо!*» и другіе плакаты съ надписью:

«Свободные люди должны изгнать всѣхъ узурпаторовъ власти». Заговорщики предполагали начать вооруженное возстаніе въ секціяхъ и надѣялись увлечь за собой народъ; далѣе, они разсчитывали овладѣть Директоріей и палатами и составить новый конвентъ. Конвентъ этотъ долженъ былъ состоять изъ 68 еще оставшихся членовъ Горы и представителей отъ департаментовъ, выставленныхъ инсуррекціоннымъ комитетомъ благоденствія. Онъ долженъ былъ получить диктаторскую власть, возстановить конституцію 1793 года и основать національную общину путемъ конфискаціи имущества арестованныхъ и эмигрировавшихъ реакціонеровъ.

Въ это время въ среду заговорщиковъ проникъ шпіонъ, который донесъ обо всемъ властямъ. Въ общество былъ введенъ капитанъ, по имени Гризель, сумѣвшій своими зажигательными листками и рѣчами заслужить довѣріе заговорщиковъ. Онъ вызвался установить связь съ войскомъ, которое стояло лагеремъ въ Гренельской равнинѣ, и одновременно съ этимъ донесъ Директоріи о заговорѣ. Карно, бывшій тогда президентомъ Директоріи, крайне возмутился этимъ заговоромъ и отнесся къ нему, какъ къ покушенію на жизнь директоровъ. Гризель далъ знать правительству также и о томъ, гдѣ скрывается Бабёфъ, и послѣдній 10-го мая былъ неожиданно арестованъ вмѣстѣ съ Буонаротти. Въ руки полиціи попали всѣ компрометировавшія заговорщиковъ бумаги. Народу, который собрался при арестѣ, полиція заявила, будто дѣло идетъ о поимкѣ шайки воровъ.

Послѣ своего ареста Бабёфъ обратился къ директорамъ съ письмомъ, которое дышало гордостью и сознаніемъ своего достоинства. «Неужели вы, граждане-директоры», писалъ онъ, «считаете для себя оскорбительнымъ обращаться со мной, какъ съ равнымъ себѣ? *Вы теперь имѣли возможность убѣдиться въ томъ, какимъ громаднымъ довѣріемъ я пользовался.* Вы знаете, что моя партія можетъ помѣряться силами съ вашей. Вы видѣли ея безчисленныя развѣтвленія; и я убѣжденъ въ томъ, что вы содрогнулись при этомъ зрѣлищѣ». Директорія обнародовала это письмо. Многіе изъ заговорщиковъ были арестованы и преданы суду вандомской палаты, потому что въ ихъ числѣ находился Друэ, которого, въ качествѣ члена совѣта пятисотъ, не имѣли права судить въ Парижѣ, и потому еще, что правительство желало избѣгнуть разбора въ Парижѣ такого

процесса, который могъ вызвать возбужденіе въ народѣ. Друэ, впрочемъ, удалось бѣжать.

Процессъ затянулся, и избѣгнувшіе ареста заговорщики тѣмъ временемъ рѣшили произвести государственный переворотъ. Они предполагали привлечь на свою сторону войска, расположенныя въ Гренельской равнинѣ, а затѣмъ двинуться противъ Директоріи. 9-го сентября 1796 года состоялась эта отчаянная попытка возстанія, въ которой приняли участіе Друэ и еще три бывшихъ члена конвента. Около 700 плохо вооруженныхъ демократовъ двинулись въ Гренельскій лагерь. Они несли съ собою ветчину, колбасу и вино въ знакъ того, что желаютъ побрататься съ солдатами. Солдаты спали въ палаткахъ, такъ какъ дѣло происходило около полуночи. Полагая, что солдаты на ихъ сторонѣ, демократы стали громко кричать: «Да здравствуетъ республика! Да здравствуетъ конституція 1793 года!» Въ отвѣтъ на это начальникъ войска, ротмистръ Мало, приказалъ дать сигналъ къ наступленію. Солдаты повскакали со своихъ мѣстъ, сѣли на лошадей и бросились на демократовъ, которые были поражены такимъ неожиданнымъ оборотомъ дѣла и обратились въ бѣгство. Многіе изъ нихъ все же были схвачены и преданы суду военной комиссіи, которая жестоко расправилась съ ними. Изъ 86 осужденныхъ 31 были приговорены къ разстрѣлу. Въ числѣ казненныхъ находились и бывшіе члены конвента—Гюже, Жавогъ и Кюссе. Друэ же снова удалось бѣжать.

Дѣло Бабёфа и его сообщниковъ поступило на разсмотрѣніе вандомской судебной палаты въ концѣ февраля 1797 года. Обвиняемыхъ перевозили въ судъ въ телѣгахъ. Реакціонно настроенный народъ глядѣлъ на нихъ, какъ на дикихъ звѣрей, и издѣвался надъ ними. Нашлись однако и такіе города, въ которыхъ обвиняемые встрѣчали дружелюбный пріемъ со стороны демократическихъ муниципалитетовъ. Гризель выступилъ на судѣ свидѣтелемъ со стороны обвиненія, и обвиняемые осыпали его оскорбленіями. Обвиняемые, за которыми послѣдовали ихъ семьи, въ каждомъ засѣданіи суда пѣли марсельезу. Присяжные признали недоказаннымъ фактъ составленія заговора съ цѣлью ниспроверженія Директоріи, но согласились однако съ тѣмъ, что обвиняемые стремились къ возстановленію конституціи 1793 г., а слѣдовательно, и къ низверженію конституціи III г. Затѣмъ состоялся приговоръ надъ обвиняемыми,

которые держали себя во время суда гордо и мужественно. Бабефъ и Дартэ были приговорены къ смертной казни, Буонаротти же, Жерменъ и пятеро другихъ изъ числа заговорщиковъ—къ ссылкѣ.

Когда Бабефъ и Дартэ услыхали, что они приговорены къ смерти, они вынули кинжалы и попытались убить другъ друга. Но имъ удалось лишь слегка ранить другъ друга, и они были отправлены на гильотину, гдѣ умерли съ мужествомъ, что, впрочемъ, не составляло рѣдкаго явленія въ тѣ времена.

Трудно сказать, имѣло ли предпріятіе Бабефа шансы на успѣхъ. Отважнымъ заговорщикамъ въ исполненіи ихъ плана могло, безъ сомнѣнія, помѣшать прежде всего равнодушіе народа къ ихъ дѣлу. Господствующіе классы пришли въ ужасъ, когда узнали о смѣлыхъ теоріяхъ и планахъ Бабефа. Его соціализмъ испугалъ ихъ. Они успѣли уже сжиться съ той мыслью, будто они одни призваны пожинать плоды революціи, а тутъ вдругъ появился какой-то Бабефъ, который провозгласилъ, что плодами революціи должно пользоваться все безъ исключенія общество, произведшее революцію. Въ этомъ собственно и состояло главное преступленіе Бабефа, потому что государственные перевороты и насильственные акты въ періодъ революціи совершались всѣми партіями безъ исключенія. Господствующими классами были вмѣнены Бабефу въ вину именно эти соціалистическія слѣдствія, выведенныя имъ изъ революціи. По этой же самой причинѣ господствующіе классы старались запятнать его память и представить его личность въ уродливомъ свѣтѣ. Система Бабефа, безъ сомнѣнія, была незрѣла и расплывчата. Но если бы ея осуществленіе и повлекло за собою всѣ тѣ несчастья, которыхъ ждали отъ нея господствующіе классы, то и въ такомъ случаѣ положеніе французскаго народа было бы гораздо лучше, чѣмъ при бѣдствіяхъ и неурядицахъ, вызванныхъ господствомъ буржуазіи, которая устроила 9-ое термидора и создала конституцію III года.

Заговоръ Бабефа былъ послѣдней попыткой возстановить во Франціи народовластіе. Послѣ этого общественная власть осталась въ рукахъ господствующихъ классовъ, а затѣмъ перешла въ желѣзныя руки военной диктатуры.

Вандея и роялисты.

Ужасное пораженіе эмигрантовъ на Кибронѣ не прекратило возстанія въ Вандеѣ. Старые вожди Шареттъ и Стофле нарушили миръ съ республикой. Шареттъ начальствовалъ надъ повстанцами въ самой Вандеѣ, Стофле руководилъ возстаніемъ въ Анжу, а Жоржъ Кадудаль, успѣвшій пріобрѣсти большую извѣстность, произвелъ возмущеніе въ Бретани. Когда въ возмутившихся провинціяхъ распространилась вѣсть о томъ, что самъ графъ д'Артуа въ сопровожденіи нѣсколькихъ сотъ опытныхъ офицеровъ направляется въ Вандею, чтобы стать во главѣ возстанія, послѣднее стало принимать грозный для республики характеръ. Легитимистскіе крестьяне снова начали тогда толпами стекаться подъ знамена Шаретта и Стофле. Принцъ въ самомъ дѣлѣ появился у береговъ Бретани въ сопровожденіи англійской эскадры. Но онъ расположился на островѣ d'Yeu и не предпринималъ никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій, а когда Шареттъ вмѣстѣ со своимъ войскомъ пошелъ къ морю, ожидая, что принцъ, наконецъ, высадится, послѣдній вдругъ перемѣнилъ свое рѣшеніе. Онъ прислалъ Шаретту свою шпагу съ надписью: «Я никогда не отступаю!»—а самъ поспѣшно бѣжалъ, не желая рисковать своей драгоцѣнной жизнью. Графъ д'Артуа отплылъ обратно въ Англію, и Шаретту оставалось лишь горько жаловаться на трусость принца.

Большая часть крестьянъ разбѣжалась, а вожди возстанія стали ссориться между собою. Въ то же самое время Гошъ началъ вести свою умную политику примиренія. Этотъ молодой генералъ собралъ значительное войско и сталъ дѣйствовать иначе, чѣмъ генералы конвента, которые со своими «адскими колоннами» разгромили Вандею, но не сумѣли справиться съ возстаніемъ. Гошъ прежде всего сталъ дружелюбно обращаться съ духовенствомъ, которое пользовалось огромнымъ вліяніемъ въ восставшихъ провинціяхъ. Онъ обезпечилъ духовенству уваженіе и терпимость, и, такимъ образомъ, успѣлъ до извѣстной степени примирить его съ республикой. Поджоги и убійства стали болѣе рѣдкимъ явленіемъ. Тогда Гошъ очень ловко размѣстилъ отдѣльныя части своего войска въ разныхъ областяхъ Вандеи и успѣлъ отрѣзать отрядамъ повстанцевъ возможность

сообщаться другъ съ другомъ. Послѣ этого онъ началъ отнимать оружіе у населенія, а тамъ, гдѣ ему добровольно не выдавали оружія, Гошъ накладывалъ арестъ на скотъ и жизненные припасы и, такимъ образомъ, добивался выдачи оружія. Такъ умиротворилъ онъ одну провинцію за другой, пока область возстанія не ограничилась одной небольшой территоріей. Здѣсь Гошъ началъ подавлять возстаніе уже весьма энергично. Онъ обрушился на возставшихъ и началъ преслѣдовать ихъ съ такой энергіей, что они не успѣли оглянуться, какъ были частью разбиты и истреблены, а частью разсѣяны. Стофле въ февралѣ мѣсяцѣ былъ выданъ республиканцамъ измѣнниками изъ среды своихъ товарищей и разстрѣлянъ въ Анжерѣ. Шареттъ былъ въ январѣ разбитъ наголову и потерялъ послѣднее свое войско, численностью въ 5.000 человѣкъ. Онъ принужденъ былъ бѣжать и скитаться въ странѣ, преслѣдуемый генералъ-адъютантомъ Гоша Траво. Въ концѣ концовъ у него осталось лишь около 50 человѣкъ, и врагамъ удалось окружить его въ лѣсу. Послѣ отчаяннаго сопротивленія онъ, сильно раненый, былъ захваченъ въ плѣнъ и разстрѣлянъ въ Нантѣ въ мартѣ 1796 года. Во время казни онъ самъ скомандовалъ солдатамъ: «пли!» и до послѣдней минуты своей жизни сохранилъ то мужество, съ которымъ велъ свою упорную борьбу съ республикой.

Послѣ этого Гошъ направилъ свои силы противъ Калудаля, который принужденъ былъ отступить въ Бретань и здѣсь попалъ въ такое отчаянное положеніе, что бросилъ все и бѣжалъ съ нѣсколькими спутниками въ Англію. Такъ кончилось роялистское возстаніе, которое долгое время опустошало нѣсколько провинцій Франціи и заливало ихъ кровью. 15-го іюня 1796 года Директорія офиціально сообщила палатамъ о прекращеніи гражданской войны.

Однако въ этой мѣстности, гдѣ господствовала такая неимовѣрно фанатичная преданность династіи Бурбоновъ и такая же неимовѣрная ненависть къ республикѣ, сохранилось еще достаточно горючаго матеріала для того, чтобы здѣсь при первомъ же случаѣ вновь вспыхнула гражданская война.

Пораженіе Вандеи явилось для роялистовъ такимъ же тяжелымъ ударомъ, какъ и катастрофа на Кибронѣ, и они теперь снова вступили на путь тайныхъ заговоровъ, такъ какъ лишились возможности открыто продолжать возстаніе. Роя-

листскіе мятежи во Франціи были [illegible] организованы. Въ это время существовали три крупныхъ агентуры бурбонскаго двора, который находился тогда въ Бланкенбургѣ, въ Гарцѣ. Аббатъ Бротье, игравшій извѣстную роль уже въ Киберонской экспедиціи, бывшій членъ парламента Лавилль д'Эрнуа и морской офицеръ Дюверне де-Прель составили планъ организаціи роялистскаго возстанія въ Парижѣ. Они рѣшили внезапно начать возстаніе, и убить Директорію и ея министровъ и арестовать палаты. Они разсчитывали получить поддержку со стороны Ліона и Вандеи. За тѣмъ, въ Юрѣ долженъ былъ появиться «Людовикъ XVIII», послѣ чего, какъ они надѣялись, должна была возстать уже вся Франція. Чтобы ввести въ обманъ французовъ, новый монархъ долженъ былъ объявить амнистію. Слѣдовало ожидать, что парламентъ кассируетъ амнистію, и тогда уже начнется кровавая расправа со всѣми республиканцами и революціонерами, наступленія которой такъ страстно ждали роялисты.

Заговорщики, получавшіе всѣ инструкціи отъ министра «Людовика XVIII», старались навербовать себѣ сообщниковъ въ арміи. Они разсчитывали найти ревностныхъ роялистовъ въ лицѣ начальника директоріальной гвардіи Рамеля и ротмистра Мало, который отличался своими рѣзкими выходками противъ демократовъ и прославился бойней, учиненной имъ на Гренельской равнинѣ. Роялисты обратились къ этимъ офицерамъ и встрѣтили съ ихъ стороны довольно дружелюбный пріемъ. Заговорщики довѣрились офицерамъ и условились явиться къ Мало, взявъ съ собой свои бумаги. Они пришли на квартиру Мало и принесли съ собой полномочія, присланныя имъ «Людовикомъ XVIII». Здѣсь они вмѣстѣ съ компрометирующими ихъ бумагами были захвачены полиціей, которой Мало заранѣе донесъ обо всемъ.

Бумаги, попавшія въ руки полиціи, настолько скомпрометировали заговорщиковъ, что ихъ дѣло казалось совершенно безнадежнымъ. Тѣмъ не менѣе Директорія съ изумительной мягкостью отнеслась къ роялистамъ заговорщикамъ, которые въ случаѣ удачи отнеслись бы даже къ создателямъ конституціи 1791 г., какъ къ преступникамъ, достойнымъ смертной казни. Судъ надъ агентами «Людовика XVIII» рѣзко отличался отъ суда надъ Бабефомъ. Хотя этихъ обвиняемыхъ тоже предали военному суду, но судъ призналъ смягчающія ихъ вину

обстоятельства и приговорить его къ десятилѣтнему тюремному заключенію.

Роялизмъ вскорѣ перестал проявляться въ заговорахъ и тайной агитаціи. Онъ могъ смѣло поднять свою голову въ парламентѣ, и мы съ нимъ тамъ снова встрѣтимся.

Походъ 1796 г.

Къ концу 1795 г. военныя предпріятія французовъ стали вестись поразительно небрежно. Замѣтно было, что воодушевленіе, господствовавшее въ 1793 и 1794 гг., изсякло. Журданъ и Пишегрю двинулись на нижній и средній Рейнъ, гдѣ союзники занимали еще только Майнцъ и Люксембургъ. Люксембургъ былъ взятъ, а Майнцъ осажденъ французами. Затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ сраженій французы при Нейвидѣ перешли черезъ Рейнъ и взяли Дюссельдорфъ и Мангеймъ. Вскорѣ однако французы снова были отброшены за Рейнъ; Майнцъ былъ освобожденъ, а Мангеймъ снова взятъ штурмомъ арміей генерала Вурмзера. Между тѣмъ, талантливый генералъ Пишегрю перешелъ на сторону роялистовъ и вступилъ въ тайныя сношенія съ врагами. Такимъ образомъ, его дѣйствія парализовались имъ самимъ. Пишегрю вскорѣ былъ заподозрѣнъ въ измѣнѣ и отставленъ.

Послѣ заключенія мира съ Испаніей, въ Пьемонтъ, гдѣ Келлерманъ терпѣлъ одно пораженіе за другимъ, прибылъ Шереръ со своей освободившейся теперь арміей и блестящей побѣдой, одержанной имъ при Лоано, вновь доставилъ французамъ перевѣсъ.

31-го декабря на Рейнѣ заключено было перемиріе.

На морѣ французамъ не везло. Франція вмѣстѣ со своей союзницей, Батавской республикой, терпѣла неудачи въ борьбѣ съ властительницей морей — Англіей. Англія воспользовалась случаемъ для захвата земель, вознаграждая себя такимъ образомъ за пораженіе на Кибepонѣ, о которомъ Фоксъ, когда ему сказали, что тамъ не было пролито ни капли англійской крови, замѣтилъ, что зато англійской чести потеряно тамъ безъ мѣры. Англія отняла у Франціи всѣ оставшіяся еще въ ея владѣніи земли на малыхъ Антильскихъ островахъ, а у Батавской республики—всѣ ея владѣнія на Цейлонѣ и на мысѣ Доброй Надежды. Она протянула свои хищническія руки и къ

островъ Гаити. Но черный союзникъ республики Туссенъ л'Увертюръ побѣдоносно отразилъ нападеніе.

Въ 1796 г. французы снова и съ неожиданной энергіей возобновили военныя дѣйствія. Въ движеніяхъ военныхъ силъ Франціи сказывалась могучая рука Карно. Его смѣлый планъ наступленія на Австрію таилъ въ себѣ большую опасность для этого исконнаго и неутомимаго врага Франціи. Сформированы были три сильныя арміи, которыя должны были разными путями проникнуть въ центръ Австріи и сойтись въ Вѣнѣ. Маасская и самбрская армія должна была подъ предводительствомъ Журдана перейти черезъ Рейнъ и, ворвавшись во Франконію, съ сѣвера направиться къ Вѣнѣ. Рейнской арміи, которою командовалъ искренній республиканецъ и храбрый генералъ Моро, предстояло переправиться черезъ верхній Рейнъ и добраться до Вѣны черезъ Швабію и Баварію. Наконецъ, итальянской арміи надлежало пройти черезъ Ломбардію и пробиться къ Вѣнѣ черезъ Тироль. Благодаря ходатайству директора Барра, командованіе надъ итальянской арміей было ввѣрено генералу Бонапарту. Бонапартъ былъ женатъ на вдовѣ казненнаго генерала Богарнэ, красивой и изящной креолкѣ Жозефинѣ Таше де-ла-Пажери. Эта дама была пріятельницей Барра и частой гостьей въ салонахъ директора. Она преподнесла своему супругу постъ главнокомандующаго итальянской арміей въ видѣ свадебнаго подарка.

Тѣмъ, что Австрія на этотъ разъ не была задавлена сильнымъ натискомъ французовъ, она обязана особенному счастью и стратегическому таланту эрцгерцога Карла, которому предстояло развернуть свои дарованія въ этой гигантской борьбѣ. Но въ то же время и Бонапартъ въ этой кампаніи началъ серію своихъ блестящихъ побѣдъ, благодаря которымъ онъ на 20 лѣтъ приковалъ къ себѣ вниманіе всего міра.

31-го марта было объявлено объ окончаніи перемирія. Журданъ и Моро двинулись черезъ Рейнъ, а Бонапартъ черезъ Альпы.

Журданъ 4-го іюня отбросилъ австрійцевъ въ битвѣ при Альтенкирхенѣ и, быстро подвигаясь впередъ, заставилъ ихъ отступить. Но тутъ вдругъ появился эрцгерцогъ со своей огромной арміей. Онъ всѣми своими силами обрушился на Журдана и послѣ нѣсколькихъ сраженій отбросилъ его къ нижнему Рейну.

Успѣхъ эрцгерцога былъ однако только кажущимся. Карно предписалъ рейнской арміи Моро начать наступленіе, и Моро удалось сейчасъ же обнаружить свои блестящія военныя дарованія. Онъ отбросилъ австрійцевъ, наступавшихъ подъ предводительствомъ стараго Вурмзера, и 10 іюня въ сраженіи подъ Эттлингеномъ разбилъ подоспѣвшаго эрцгерцога Карла. Это повлекло за собою отступленіе австрійцевъ по всей линіи черезъ Швабію и Баварію. Одновременно съ этимъ и Журданъ снова перешелъ въ наступленіе и отбросилъ австрійцевъ. Онъ появился передъ Франкфуртомъ, который защищали австрійцы, и городъ этотъ сдался послѣ усиленной бомбардировки. Позже и Майнцъ снова перешелъ въ руки французовъ.

Мелкими государствами и имперскими землями южной Германіи овладѣлъ, при видѣ отступленія австрійцевъ, паническій страхъ. Они поспѣшили заключить миръ съ Французской республикой. Баденъ подписалъ миръ въ Баденъ-Баденѣ, а Вюртембергъ и Швабскій округъ въ Штуттгартѣ. Этимъ государствамъ пришлось уступить Франціи свои владѣнія на лѣвомъ берегу Рейна и уплатить значительную контрибуцію.

Журданъ вторгся во Франконію, и его побѣдоносное движеніе впередъ заставило имперскія земли верхне-саксонскаго и франконскаго округовъ поспѣшно войти въ соглашеніе съ Франціей. Когда же Моро появился въ Леха, то и мюнхенцы растерялись, и курфюрстъ баварскій заключилъ миръ съ Франціей, причемъ уплатилъ французамъ 10 милліоновъ франковъ наличными деньгами, предоставилъ имъ изъ своей галлереи 20 лучшихъ картинъ по ихъ выбору и, кромѣ всего этого, выдалъ имъ натурою большое количество припасовъ.

Французскія войска, ничего не получавшія изъ Парижа, облагали тяжелой данью тѣ земли и провинціи, которыя они захватывали и по которымъ проходили. Офицеры, позволявшіе себѣ позже въ наполеоновскихъ войнахъ различнаго рода притѣсненія, вымогательства и грабежи, въ это время начинали свою карьеру. Это уже не были вдохновенные борцы за свободу. На нѣмецкія провинціи тогда набросилась орда хищныхъ искателей приключеній. Грабежи, насилія надъ женщинами и дѣвушками и всякаго рода жестокости стали заурядными явленіями, и высшіе начальники при всемъ своемъ желаніи не были въ силахъ прекратить безчинства. Все это вызывало въ мѣстномъ населеніи сильнѣйшее озлобленіе, кото-

рое неминуемо должно было отразиться на самихъ же французахъ при ихъ отступленіи.

Съ другой стороны, и союзники были не совсѣмъ безупречны въ своемъ обращеніи съ французами. Война создаетъ свое особое право, которое въ сущности сводится къ праву сильнаго.

Бонапартъ въ это время успѣлъ одержать въ Италіи крупныя побѣды, и положеніе Австріи стало критическимъ. Всѣ надежды сосредоточились на молодомъ эрцгерцогѣ Карлѣ.

Эрцгерцогъ внезапно измѣнилъ свою позицію по отношенію къ французской арміи, стоявшей на Рейнѣ, и двинулся черезъ Дунай на сѣверъ. Онъ сумѣлъ искусно скрыть передвиженіе своей арміи отъ Моро и соединился съ Вартенслебеномъ, который былъ оттѣсненъ къ богемской границѣ Журданомъ, успѣшно наступавшимъ въ верхней Франконіи. Затѣмъ эрцгерцогъ со всей своей арміей обрушился на Журдана, не ожидавшаго такого энергичнаго нападенія, и при Амбергѣ обратилъ въ бѣгство маасскую и самбрскую армію. Моро, передъ которымъ стояла армія Латура, имѣвшая отвлечь его вниманіе, принудилъ эту армію къ отступленію и поспѣшилъ на помощь къ Журдану. Но Моро не въ силахъ былъ воспрепятствовать наступленію эрцгерцога, который энергичнымъ натискомъ разбилъ французовъ наголову въ битвѣ при Вюрцбургѣ и заставилъ ихъ бѣжать въ безпорядкѣ.

Тогда повсюду поднялись крестьяне, натравляемые духовенствомъ на «безбожныхъ» французовъ, и стали нападать на французовъ, истребляя ихъ по одиночкѣ и цѣлыми группами. Доведенные до крайняго озлобленія жестокостью французовъ, они не знали пощады. Отступленіе Журдана совершалось въ самой ужасной обстановкѣ, какую только можно себѣ представить при подобныхъ обстоятельствахъ. При Альтенкирхенѣ Журданъ снова пытался дать сраженіе, но его деморализованная армія потерпѣла полное пораженіе. Въ битвѣ при Альтенкирхенѣ палъ въ цвѣтѣ лѣтъ мужественный и благородный генералъ Марсо, прославившійся своей храбростью и гуманностью. Этотъ пылкій и красивый воинъ былъ за свое благородство любимъ и друзьями, и врагами. Его похоронили съ трогательной торжественностью, и впослѣдствіи на мѣстѣ его кончины ему воздвигли памятникъ. Журданъ передалъ начальство генералу Бернонвилю, который съ остатками маасской и самбрской арміи отступилъ къ Дюссельдорфу.

Ужасное пораженіе, нанесенное Журдану, совершенно измѣнило положеніе дѣлъ. Побѣдоносный эрцгерцогъ, не теряя ни минуты, двинулся на армію Моро, чтобы обойти ее и совершенно отрѣзать отъ Франціи.

Несмотря на всѣ свои таланты, Моро не отличался особой смѣлостью. Иначе онъ, несмотря на пораженіе Журдана, вѣроятно двинулся бы впередъ, такъ какъ ему на руку были побѣды Бонапарта въ Италіи. Но въ силу своей осторожности и предусмотрительности онъ предпочелъ отступать, чтобы не оставить французскую границу безъ прикрытія. Это отступленіе прославило Моро. Для него потребовалось много искусства, такъ какъ за французами гнались австрійцы подъ начальствомъ Латура, а эрцгерцогъ, поспѣшившій изъ Франконіи, всѣми силами старался отрѣзать рейнской арміи путь къ отступленію. Моро энергично пробился черезъ Баварію, Швабію и Шварцвальдъ, и въ 37 дней достигъ Рейна, гдѣ эрцгерцогъ осаждалъ Кельнскій мостъ. Отраженный при Эммендингенѣ Моро отступилъ черезъ Рейнъ близъ Гюнингена въ концѣ октября 1796 г. Это отступленіе причисляется къ самымъ славнымъ дѣяніямъ эпохи революціонныхъ войнъ.

Если Австрія и одержала на сѣверѣ побѣду надъ своими противниками, то на югѣ у нея оказался болѣе серьезный врагъ, надъ которымъ ей не суждено было взять верхъ. Этимъ противникомъ былъ генералъ Бонапартъ. Здѣсь суждено было разыграться событіямъ, приведшимъ весь міръ въ изумленіе и повергшимъ старую Австрію въ горе, отчаяніе и ужасъ. На этотъ разъ державѣ, которая уже въ теченіе пяти лѣтъ безпрерывно совершала нападенія на Францію, пришлось потерпѣть сильнѣйшее пораженіе.

Когда Бонапартъ прибылъ въ итальянскую армію, онъ нашелъ ее въ самомъ плачевномъ состояніи. Въ арміи царила распущенность; солдаты не получали въ достаточномъ количествѣ ни продовольствія, ни одежды; а объ уплатѣ солдатамъ жалованья не было и рѣчи. Молодой главнокомандующій немедленно же и энергично принялся за устраненіе этихъ непорядковъ. Онъ добылъ деньги и продовольствіе для войскъ и смѣстилъ многихъ никуда негодныхъ офицеровъ и вороватыхъ чиновниковъ, замѣнивъ ихъ способными людьми. Онъ сумѣлъ возбудить въ войскѣ энтузіазмъ, посуливъ солдатамъ богатую добычу и славу. Уже первая изъ его прокламацій воспламе-

нила сердца арміи, которая позже стала лучшей въ Европѣ.

«Солдаты»,—писалъ Бонапартъ,—«вы голодаете и хотите почти нагими. Правительство обязано вамъ очень многимъ, но оно въ настоящій моментъ не въ силахъ сдѣлать для васъ что-нибудь. Ваше терпѣніе и мужество дѣлаютъ вамъ честь, но не доставляютъ вамъ ни выгоды, ни славы. *Я поведу васъ въ плодороднѣйшія мѣста міра. Вы увидите большіе города и богатыя земли. И тамъ вы добудете себѣ не только славу, но и богатства.* Развѣ у васъ, солдаты итальянской арміи, не хватитъ на это мужества?».

Къ солдатамъ еще никто никогда не обращался съ подобной рѣчью, и слова Бонапарта не могли не увлечь ихъ. Энтузіазму французской арміи австрійцы могли противопоставить лишь дисциплину, рожденную изъ подъ палки. На сардинскую армію, которой командовалъ генералъ Колли, трудно было положиться; большинство сардинцевъ было охвачено проникшимъ къ нимъ изъ Франціи стремленіемъ къ новшествамъ.

Бонапартъ все это прекрасно понималъ и сумѣлъ обратить въ свою пользу. Онъ проявилъ изумительную энергію, соединенную съ дальновидностью. Онъ носился съ грандіозными планами, и въ его обращеніи къ войску проявился его эгоизмъ. Онъ обрушился на Италію не только съ цѣлью добыть себѣ славу, но и съ цѣлью обогащенія. И солдаты, которымъ онъ тоже посулилъ и славу, и богатства, пошли за нимъ полуголодные, полунагіе и плохо вооруженные, но съ лихорадочно горящими, жадными глазами. Онъ велъ ихъ къ побѣдѣ.

Австрійскій генералъ Больe, который выступилъ противъ Бонапарта, былъ старъ и отличался всѣми дурными качествами старой школы—нерѣшительностью, малоподвижностью и педантизмомъ. Онъ относился къ республиканскому генералу съ презрѣніемъ. Да и какъ могъ онъ иначе относиться къ юному полководцу, который и степеней службы не прошелъ, какъ слѣдуетъ, и на котораго австрійскіе мастера военнаго дѣла могли смотрѣть только какъ на выскочку? Но Больe пришлось очень быстро перемѣнить свое мнѣніе о Бонапартѣ. Благодаря его медлительности при передвиженіяхъ французскій генералъ имѣлъ достаточно времени, чтобы хорошо подготовиться къ нападенію. Больe отдѣлился отъ сардинцевъ, находившихся подъ начальствомъ Колли. Этого Бонапартъ только и ждалъ.

Онъ двинулся со своими колоннами и 11-го апрѣля напалъ на австрійцевъ при Монтенотѣ. Здѣсь полковникъ Рампонъ, окруженный неприятелемъ, подъ непріятельскимъ огнемъ заставилъ своихъ 1.200 солдатъ поклясться, что они живыми не сдадутъ своихъ укрѣпленій. Солдаты дали клятву и съ непреоборимымъ мужествомъ отстояли свои позиціи, отъ чего зависѣлъ исходъ битвы. Австрійцы потерпѣли полное пораженіе и отступили, энергично преслѣдуемые французами. Послѣ нѣсколькихъ стычекъ, изъ которыхъ французы вышли побѣдителями, Больe убѣдился въ томъ, что онъ совершенно отрѣзанъ отъ Колли. Тогда Бонапартъ напалъ на Колли и при Мондови нанесъ ему такое рѣшительное пораженіе, что сардинцы бѣжали въ Туринъ, а туринскій дворъ въ ужасѣ сталъ просить у Бонапарта мира. Бонапартъ согласился заключить перемиріе съ Викторомъ-Амедеемъ II, но на очень тяжелыхъ для послѣдняго условіяхъ. Виктору-Амедею II пришлось навсегда уступить Франціи Савойю и Ниццу, открыть ей свои крѣпости, изгнать французскихъ эмигрантовъ и даровать амнистію пьемонтскимъ демократамъ, которыхъ онъ раньше подвергалъ преслѣдованіямъ. Такъ Туринъ былъ наказанъ за то, что онъ въ свое время сдѣлался центромъ, въ которомъ французскіе эмигранты свободно занимались своими интригами.

Согласно условіямъ туринскаго мира, который былъ заключенъ вскорѣ послѣ перемирія и подтвердилъ всѣ вышеозначенныя условія, Викторъ-Амадей навсегда выступилъ изъ коалиціи. Иначе онъ не могъ бы сохранить свой тронъ.

Примѣръ Пьемонта былъ заразителенъ, и итальянскіе князья и государи, убѣдившіеся въ паденіи австрійскаго могущества, вскорѣ послѣдовали ему. Папа Пій VI и правительство Пармы, Модены и Неаполя стали просить мира и признанія Франціей ихъ нейтралитета; то же сдѣлала и аристократическая Генуэзская республика.

Бонапартъ вскорѣ доказалъ, что онъ не только полководецъ, но и дипломатъ, хотя его дипломатія и отличалась извѣстной грубостью. Чтобы получить свободу дѣйствій, онъ заключилъ перемиріе со всѣми тѣми государствами, которыя просили у него мира. Но послѣ этого онъ заставилъ ихъ уплатить значительную контрибуцію и выдать ему крупную дань натурой. Онъ выбралъ множество картинъ и статуй изъ музеевъ, въ которыхъ хранились сокровища итальянскаго искус-

ства, и отправилъ ихъ въ Парижъ. Бонапартъ полагалъ, что онъ такимъ путемъ способствуетъ возвеличенію Франціи. Папѣ больше всѣхъ другихъ пришлось поплатиться за свое враждебное отношеніе къ Французской республикѣ. Онъ уплатилъ Франціи 20 милліоновъ франковъ, отдалъ сто лучшихъ своихъ картинъ и статуй и пятьсотъ самыхъ цѣнныхъ рукописей изъ ватиканской библіотеки. Герцогу моденскому пришлось уплатить 10 милліоновъ контрибуціи и отдать 20 своихъ картинъ, а герцогу пармскому—4 милліона и 20 картинъ. Неаполь принужденъ былъ уплатить 5 милліоновъ контрибуціи. И Генуѣ тоже пришлось уплатить крупную сумму въ 4 милліона.

Этими суммами Бонапартъ поправилъ расстроенные финансы французскаго правительства, которое такимъ образомъ мало-по-малу избавлялось отъ пагубныхъ бумажныхъ денегъ. Слѣдуя древнему варварскому принципу, согласно которому война должна питаться войною же, Бонапартъ содержалъ свою армію на счетъ тѣхъ странъ, въ которыхъ его войско находилось. Развѣ удивительно послѣ этого, что при подобномъ способѣ веденія войны, сопровождавшейся всѣми обычными для того времени ужасами, развилась и соотвѣтствующая система грабительства?

Въ 1793 г. генералъ Кюстинъ былъ привлеченъ къ отвѣтственности на основаніи поступившихъ изъ Германіи жалобъ на наложенные имъ контрибуціи и поборы. А теперь побѣдоносные генералы не въ силахъ были награбить столько, сколько требовалось, чтобы удовлетворить алчность французскаго правительства, нуждавшагося въ деньгахъ. Бонапартъ во время итальянскаго похода не только добылъ себѣ славу, но и сдѣлалъ выгодное дѣло.

Заключивъ перемиріе съ Пьемонтомъ, Бонапартъ снова выступилъ противъ австрійцевъ. Онъ не давалъ покою отступавшему Болье и оттѣснилъ его за По. Болье отступилъ за Адду передъ врагомъ, силу котораго онъ теперь позналъ, и попытался отстоять лодійскій мостъ. Австрійцы помѣстили на этомъ мосту, который имѣлъ въ длину 300 футовъ, 14 орудій. Берегъ Адды охранялся множествомъ стрѣлковъ. Мостъ съ виду былъ неприступенъ, но Бонапартъ приказалъ взять его штурмомъ. Это опасное порученіе взялись выполнить Ожеро, Массена и Бертье. Они стали во главѣ штурмовыхъ колоннъ и

пробились сквозь убійственный пушечный и ружейный огонь. Смѣлый приступъ кончился удачно. Нѣсколько разъ отброшенные французы снова сплачивались и въ концѣ концовъ обратили австрійцевъ въ безпорядочное бѣгство. Такимъ образомъ, битва у моста закончилась полнымъ пораженіемъ Болье. Эта побѣда имѣла огромное значеніе для французовъ: къ нимъ въ руки перешла Ломбардія. Они заняли Павію, Пиццигетону и Кремону. Болье бѣжалъ со своей деморализованной и сильно уменьшившейся въ своей численности арміей за Эчь съ цѣлью найти тамъ новую оборонительную позицію. 15-го мая Бонапартъ, какъ тріумфаторъ, совершилъ въѣздъ въ столицу Ломбардіи—Миланъ.

Народъ встрѣтилъ французовъ съ восторгомъ, потому что ему крайне ненавистно было господство австрійцевъ. Миланцы смотрѣли на французовъ какъ на своихъ освободителей и были счастливы, когда Бонапартъ ввелъ въ завоеванной имъ области республиканскій образъ правленія. Созданіе циспаданской и транспаданской республикъ, т. е. республикъ, расположенныхъ по сю и по ту сторону рѣки По, представляло собою первое крупное политическое твореніе побѣдоноснаго генерала. Изъ миланскаго герцогства была образована транспаданская республика. Для образованія циспаданской республики необходимо было завладѣть моденскимъ герцогствомъ. Французы заявили герцогу, что перемиріе кончилось, и заняли его страну. Скупой и деспотичный герцогъ моденскій бѣжалъ со всѣми своими сокровищами въ Венецію, но послѣ паденія Венеціи и его богатства попали въ руки французовъ. Обѣ вышеупомянутыя республики-дочери впослѣдствіи были преобразованы въ одну цизальпинскую республику.

Ломбардцамъ однако вскорѣ пришлось убѣдиться [illegible], что генералъ Бонапартъ не во имя свободы [illegible] походъ. Ломбардцы полагали, что они благодаря французамъ освободились отъ австрійскаго ига, [illegible] были тѣмъ, что попали подъ еще болѣе тяжелое иго. Бонапартъ, очевидно, подъ давленіемъ жадной Директоріи, безъ дальнихъ околичностей обложилъ Ломбардію контрибуціей въ размѣрѣ двадцати милліоновъ франковъ. Тотъ восторгъ, съ которымъ встрѣчены были французы, смѣнился глубокимъ негодованіемъ, и въ Миланѣ и Павіи дѣло дошло даже до вооруженныхъ возстаній, которыя удалось подавить лишь съ большимъ трудомъ.

Съ этого момента увлеченіе французами навсегда прошло у ломбардцевъ.

Пока новую республику надѣляли правительствомъ и администраціей, скроенными вполнѣ по французскому образцу, Бонапартъ снова двинулся противъ австрійцевъ. Болье тѣмъ временемъ успѣлъ выйти въ отставку, и командованіе надъ австрійскими войсками, находившимися въ Италіи, было поручено старому маршалу Вурмзеру, который былъ суровъ и храбръ и не отличался особыми военными талантами. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ престарѣлыхъ австрійскихъ педантовъ, которые обыкновенно говорили о Бонапартѣ:

«Съ этимъ человѣкомъ трудно что-либо сдѣлать! Онъ не придерживается правилъ, предписываемыхъ военной наукой».

Въ рукахъ австрійцевъ еще находилась крупная и важная въ стратегическомъ отношеніи крѣпость Мантуя, безъ обладанія которою, собственно говоря, нельзя было еще считать себя владыкою Ломбардіи. Бонапартъ въ іюлѣ съ большимъ рвеніемъ повелъ осаду этой крѣпости, между тѣмъ какъ Вурмзеръ занялся организаціей новой арміи. Обѣ стороны сознавали важное значеніе крѣпости Мантуи. Французы прилагали всѣ свои усилія къ тому, чтобы овладѣть этимъ пунктомъ; австрійцы же съ своей стороны изо всѣхъ силъ старались освободить Мантую и утвердиться въ ней, чтобы воспользоваться ею, какъ опорнымъ пунктомъ для освобожденія Италіи отъ владычества французовъ.

Воспользовавшись тирольцами, всегда находившимися въ боевой готовности, Вурмзеръ довелъ численность своей арміи до 80 тысячъ человѣкъ, между тѣмъ какъ войско Бонапарта едва насчитывало 50 тысячъ солдатъ. Когда Вурмзеръ выступилъ изъ Тироля, имѣя на своей сторонѣ численный перевѣсъ, то на первый взглядъ казалось, что французамъ придется плохо. Но Бонапартъ своимъ взглядомъ полководца быстро оцѣнилъ слабыя стороны противника. Вурмзеръ слишкомъ растянулъ свои войска, и Бонапартъ использовалъ этотъ моментъ для нападенія. Онъ со свойственной ему рѣшительностью прекратилъ осаду Мантуи и даже оставилъ въ рукахъ враговъ около 200 своихъ тяжелыхъ осадныхъ орудій. Вурмзеръ думалъ, что Бонапартъ бѣжитъ отъ него, но ему вскорѣ пришлось разочароваться. Смѣлымъ передвиженіемъ арміи Бонапартъ достигъ того, что ему удалось напасть на одну изъ частей

войска Вурмзера. Съ этимъ корпусомъ справился Ожеро, а послѣ этого самъ Бонапартъ напалъ на Вурмзера и 5-го августа разбилъ его наголову въ кровопролитномъ бою при Кастильонѣ. Въ этой битвѣ Бонапартъ проявилъ весь свой стратегическій талантъ; всѣ его маневры были настолько хорошо продуманы и выполнены, что сраженіе стоило сравнительно мало жертвъ и все же доставило французамъ полную побѣду.

Вурмзеръ бѣжалъ съ остатками своей арміи обратно въ Тироль, а Бонапартъ снова осадилъ крѣпость Мантую. Австрія напрягала всѣ свои силы въ этой ужасной войнѣ. Она какъ бы изъ подъ земли добывала свѣжія войска. Уже къ концу августа Вурмзеръ выступилъ изъ Тироля съ новой арміей, чтобы выручить Мантую. Бонапартъ двинулся навстрѣчу австрійцамъ вверхъ по Эчу, оставивъ для блокады крѣпости слабый корпусъ. Вурмзеръ, какъ и раньше, растянулъ свои войска, и Бонапартъ снова сумѣлъ это использовать. Въ кровопролитной битвѣ при Роуедере 4-го сентября Вурмзеръ снова былъ разбитъ наголову. Французы врѣзались въ середину австрійской арміи и заняли Тріентъ, главную квартиру Вурмзера.

Вурмзеръ полагалъ, что Бонапартъ теперь направится въ Австрію, и рѣшился на смѣлый маневръ. Онъ двинулся къ Ментчу со своимъ разбитымъ, но все еще способнымъ къ бою войскомъ. Бонапартъ однако поспѣшно послѣдовалъ за нимъ. Вурмзеру удалось выйти побѣдителемъ изъ нѣсколькихъ незначительныхъ стычекъ, но онъ затѣмъ снова былъ разбитъ Ожеро при Солано и Бонапартомъ при Бассанѣ. Не видя передъ собою другого исхода, Вурмзеръ долженъ былъ рѣшиться на попытку пробиться въ Мантую, что ему удалось выполнить. 12-го сентября онъ пробился въ крѣпость, которую французы тотчасъ же снова окружили со всѣхъ сторонъ. Борьба за крѣпость приняла теперь для обѣихъ сторонъ тѣмъ болѣе гибельный характеръ, что болотистая и нездоровая почва вызвала и въ средѣ осажденныхъ, и въ средѣ осаждающихъ рядъ острыхъ заболѣваній. Австрійцы насчитывали въ своемъ лагерѣ 9000, а у французовъ было 15 000 больныхъ лихорадкой.

Міръ съ изумленіемъ слѣдилъ за побѣдами молодого генерала, а французы были польщены его подвигами. Въ средѣ господствующихъ классовъ Франціи снова стали развиваться чувства національной гордости, замѣнившія прежнее братское отношеніе ко всѣмъ народамъ. Особенно польщены они были

когда Мюратъ, бывшій адъютантъ Наполеона, передавая Директоріи захваченныя у австрійцевъ знамена, доложилъ:

«Въ теченіе одного только похода завоевана Италія, совершенно уничтожены три сильныхъ вражескихъ арміи и захвачено свыше 50 непріятельскихъ знаменъ. Кромѣ того, 40.000 австрійцевъ принуждены были сложить оружіе, и все это сдѣлала армія, едва насчитывающая 50.000 французовъ и находящаяся подъ предводительствомъ генерала, которому едва исполнилось 27 лѣтъ».

Если Бонапартъ думалъ, что онъ спокойно сумѣетъ довести до конца блокаду Мантуи и голодомъ принудить враговъ къ сдачѣ, то онъ ошибся, потому что Австрія въ теченіе короткаго времени собрала новое войско, намѣреваясь отправить его на выручку осажденной крѣпости. Командованіе надъ этой арміей поручено было генералу Альвинци, который былъ опытенъ, храбръ и талантливъ и доставилъ немало хлопотъ Бонапарту. Пораженія Альвинци большею частью объясняются тѣмъ, что его свѣже набранное войско не могло сравниться съ испытанными въ бояхъ французскими батальонами.

Австрійцы, ободренные успѣхомъ, выпавшимъ имъ на долю въ битвахъ съ Журданомъ и Моро, и Альвинци въ ноябрѣ энергично и быстро двинулъ свое войско по долинѣ Эча. Въ нѣсколькихъ кровопролитныхъ стычкахъ онъ отбросилъ французовъ. При Арколѣ, у рѣки Альпонъ, впадающей въ Эчъ, столкнулись между собою главныя силы враговъ, и здѣсь произошла рѣшительная трехдневная битва 15-го, 16-го и 17-го ноября. Австрійцы 15-го ноября заняли Арколь, отъ обладанія которымъ зависѣла побѣда. Черезъ Альпонъ велъ мостъ. Австрійцы загородили доступъ къ мосту и укрѣпили его пушками. Съ свойственной ему рѣшительностью Бонапартъ, какъ и въ битвѣ при Лоди, произвелъ атаку на австрійское укрѣпленіе съ фронта. Но, несмотря на то, что Ожеро, Ланнъ, Бонъ и Вердье, которые среди французскихъ генераловъ отличались особой отвагой, не разъ бросались впередъ, австрійцы отбили натискъ. Ожеро удалось водрузить на мосту французское знамя, но онъ не сумѣлъ увлечь за собою своихъ солдатъ.

Бонапартъ, наблюдавшій за ходомъ сраженія, убѣдился въ безуспѣшности нападенія взять мостъ приступомъ и тотчасъ же поручилъ генералу Гіе перейти нѣсколько выше въ бродъ черезъ Альпонъ и такимъ образомъ обойти австрійцевъ съ тылу.

Молодому и пылкому полководцу надоѣло однако ждать, пока Гюйе выполнитъ свой маневръ, и онъ самъ пошелъ на приступъ. Схвативъ въ руки знамя, онъ собралъ вокругъ себя отборныхъ храбрецовъ и, крикнувъ имъ: «слѣдуйте за своимъ генераломъ!», бросился впередъ къ мосту. Высоко держа въ рукѣ знамя, Бонапартъ подъ градомъ пуль пробивался впередъ. Въ его сплоченную колонну сыпался залпъ за залпомъ. Храбрѣйшіе изъ солдатъ Бонапарта пали мертвыми. На глазахъ полководца убитъ былъ его адъютантъ. Нападающимъ удалось пробиться уже до самыхъ австрійцевъ, какъ вдругъ враги открыли по ихъ густымъ рядамъ убійственную пальбу картечью. Тутъ нападавшіе отступили. Австрійцы бросились на нихъ со штыками и прогнали ихъ обратно, при чемъ Бонапартъ былъ оттиснутъ въ болото, въ которомъ чуть не утонулъ. Изъ трясины его освободили нѣсколько гренадеровъ. Онъ вскочилъ на лошадь, весь покрытый грязью, и снова отбросилъ австрійцевъ за Альпонъ. Но австрійцы все таки отстояли мостъ. Гюйе лишь ночью окончилъ свой маневръ и тогда увидѣлъ, что австрійцы покинули деревню Арколь, но и французы ушли къ своему лагерю. Поэтому и онъ перешелъ обратно черезъ Альпонъ, а австрійцы на слѣдующій день снова заняли деревню Арколь, за обладаніе которой происходила такая кровопролитная борьба.

Исходъ битвы на второй день не былъ рѣшителенъ. Французы были отбиты съ значительнымъ урономъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда они выступали противъ австрійскихъ позицій, но и австрійцамъ, оставлявшимъ свои позиціи съ намѣреніемъ напасть на французовъ, приходилось отступать послѣ кровопролитныхъ схватокъ. Положеніе дѣлъ не измѣнилось и къ вечеру второго дня. Но позиція австрійцевъ оказалась поколебленной. На третій день битвы Бонапарту путемъ различныхъ ловкихъ маневровъ удалось внушить австрійцамъ увѣренность, будто имъ грозитъ опасность подвергнуться нападенію съ тылу. Австрійцамъ показалось, что французы обошли ихъ съ обоихъ фланговъ, и, когда нападавшіе энергично повели противъ нихъ общую атаку по всей линіи, они отступили и оставили позиціи, которыя защищали въ теченіе такого продолжительнаго времени. Австрійцы подверглись энергичному преслѣдованію со стороны своихъ враговъ, и Альвинци отвелъ свои истощенныя войска за Бренту. Однако послѣ этой ужасной битвы въ отдыхѣ нуждались и французы. У ге-

торыхъ были ранены почти всѣ высшіе офицеры. Такимъ образомъ, перемиріе наступило само собою. Лишь блокаду Мантуи французы повели еще энергичнѣе, чѣмъ раньше, такъ какъ и третья попытка освободить крѣпость кончилась для австрійцевъ неудачей.

Слава о Бонапартѣ облетѣла весь міръ, и этотъ молодой человѣкъ, еще годъ тому назадъ обивавшій пороги пріемныхъ у высшихъ офицеровъ, прося о назначеніи, теперь сталъ объектомъ почти суевѣрнаго поклоненія со стороны своего войска и значительной части французскаго народа. Его подвиги создали ему такую славу, о которой онъ, несмотря на все свое честолюбіе, едва ли смѣлъ когда-либо мечтать. Онъ сумѣлъ, вмѣсто прежняго стремленія къ свободѣ, внушить своей арміи стремленіе къ славѣ и добычѣ. Грубость солдата сочеталась въ его характерѣ съ хитростью и коварствомъ дипломата, и онъ обладалъ всѣми чертами законченнаго государственнаго дѣятеля уже въ то время, когда на него продолжали еще смотрѣть, какъ на *«маленькаго капрала»*, какъ въ шутку называли его солдаты. Этому «маленькому капралу» суждено было стать наслѣдникомъ великой революціи, и его честолюбивыя мечты должны были исполниться.

Послѣ распаденія великой коалиціи Директорія обратила свое вниманіе на Англію и стала придумывать способы, какъ бы отмстить ей за дѣятельность Питта. Этотъ государственный дѣятель пускалъ въ ходъ всѣ доступныя могущественной Англіи средства, чтобы нанести ущербъ Франціи и погубить ее. Побуждаемый ненавистью къ демократіи, онъ закрылъ французскимъ товарамъ доступъ въ Великобританію, приказалъ захватывать французскіе корабли, поддерживалъ заговоры противъ французскаго правительства, содѣйствовалъ вооруженнымъ вторженіямъ во Францію и не остановился даже передъ такой низкой мѣрой, какъ массовое распространеніе фальшивыхъ французскихъ ассигнатовъ. Прежде всего французы снарядили множество каперныхъ судовъ, которыя стали наносить немалый ущербъ морской торговлѣ Англіи. А затѣмъ Директорія въ С-тъ Ильдефонсо заключила союзъ съ Испаніей, и послѣдняя въ октябрѣ 1796 г. объявила войну Англіи, энергично и вполнѣ основательно протестуя противъ наглой и коварной политики Англіи, какъ морской державы.

Но Директорія намѣрена была совершить нападеніе и на

англійскую территорію, и она рѣшила воспользоваться для экспедиціи недовольствомъ ирландцевъ. Гошу поручено было высадиться въ Ирландіи съ 15-ти тысячной арміей, и онъ вышелъ въ море въ декабрѣ мѣсяцѣ. Буря однако разсѣяла его флотъ. Ирландскихъ береговъ достигла лишь часть кораблей, да и они вскорѣ вернулись обратно во Францію. Экспедиція кончилась полной неудачей.

Зато къ Франціи вновь перешла Корсика, которая возстала противъ занявшихъ ее англичанъ. Корсиканцы изгнали англичанъ и, не желая быть подданными жадной къ завоеваніямъ Англіи, присоединились къ Франціи.

Партіи.

Директорія не пользовалась въ странѣ ни уваженіемъ, ни любовью. Народъ равнодушно относился къ перемѣнамъ въ средѣ правительственной власти. Послѣ того, какъ ни возстанія, ни стремленія мирнымъ путемъ облегчить участь народа не привели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, народъ сталъ съ нѣмымъ смиреніемъ сносить всѣ бѣдствія, посылаемыя ему судьбой. Онъ отдавалъ свои кровныя деньги на содержаніе войска въ республикѣ и безучастно относился къ раздорамъ партій, старавшихся захватить правительственную власть въ свои руки. Въ это время въ составъ борющихся партій входили исключительно господствующіе классы, при чемъ борьба между ними происходила на почвѣ различія ихъ интересовъ. Конституція III г., разрознившая силы партій, сильно способствовала обостренію этой борьбы.

Если уже раньше та треть состава палатъ, въ которую не входили бывшіе члены конвента, была роялистически настроена, то теперь, при ближайшихъ дополнительныхъ выборахъ, палаты пополнились исключительно роялистами. Это обстоятельство неожиданно доставило роялистамъ большинство въ палатахъ. Перемѣна въ составѣ палатъ легко объясняется тѣмъ, что правительство не пользовалось никакимъ довѣріемъ со стороны народа. Французы подавали свои голоса за роялистовъ только потому, что они не желали имѣть дѣла съ представителями развращенной Директоріи. Пораженіе, нанесенное правительству, подняло духъ роялистовъ. Они подавляющимъ большинствомъ голосовъ избрали президентомъ

«пятисотъ» генерала Пишегрю, который послѣ отставленія отъ должности присоединился къ роялистамъ и, благодаря этому, попалъ въ число «пятисотъ». Потерпѣвъ столько неудачъ въ своихъ попыткахъ произвести насильственный переворотъ, роялисты теперь надѣялись достигнуть своей цѣли и вернуть въ страну династію Бурбоновъ, оставаясь исключительно на почвѣ конституціоннаго права. Они еще болѣе укрѣпились въ своихъ надеждахъ, когда въ Директорію проникъ фанатичный роялистъ. Согласно законамъ конституціи, одинъ изъ пяти директоровъ былъ обязанъ по жеребію выйти изъ состава Директоріи, и жребій палъ на Летурнера. Роялистскія палаты прислали на его мѣсто Бартелеми, французскаго посла въ Базелѣ, который былъ извѣстенъ какъ убѣжденный роялистъ.

Это повело къ расколу въ средѣ Директоріи, потому что и Карно сталъ въ оппозицію къ остальнымъ директорамъ. «Организаторъ побѣды», который пользовался въ это время въ Европѣ такой славой, что знаменитый историкъ Нибуръ заявилъ, что онъ готовъ былъ бы съ нимъ раздѣлить послѣдній кусокъ хлѣба, не соглашался во мнѣніи со своими коллегами, стремившимися насильственнымъ путемъ свергнуть роялистовъ и такимъ образомъ утвердить свою власть. Карно былъ демократомъ и всей душой былъ преданъ демократіи. Поэтому онъ неизбѣжно долженъ былъ расходиться во взглядахъ съ развращеннымъ Барра, корыстолюбивымъ и надменнымъ Ребеллемъ и жирондистомъ Ларевельеромъ-Лепо. Карно, быть можетъ, милѣе всего была бы вполнѣ демократическая конституція, вродѣ конституціи 1793 года. Но разъ народъ принялъ уже конституцію III г., онъ не желалъ допускать ея нарушенія. Это и служило причиной того, что Карно обыкновенно выступалъ вмѣстѣ съ Бартелеми противъ большинства Директоріи, хотя онъ въ силу своихъ взглядовъ никакъ не могъ быть заодно съ роялистами.

Расколъ среди Директоріи долженъ былъ вызвать самыя серьезныя послѣдствія. Палаты и ихъ роялистское большинство старались, насколько это было возможно, использовать его. Директорія сталкивалась съ самой рѣзкой оппозиціей со стороны народнаго представительства, — оппозиціей, исключавшей всякую возможность примиренія. Палаты дали возможность преступившимъ свою клятву священникамъ и эмигрантамъ вернуться въ страну и вновь начать здѣсь агитацію за воз-

становленіе прежняго режима. Казалось, что вся общественная жизнь страны сосредоточилась теперь вокругъ роялизма и роялистовъ. Въ палатѣ пятисотъ, въ салонахъ, клубахъ и на улицахъ разсуждали только объ одномъ — о возвращеніи Бурбоновъ во Францію. Роялисты основали клубъ «Клиши», который поставилъ себѣ цѣлью парламентскимъ путемъ добиться установленія конституціонной монархіи. Въ противовѣсъ этому клубу республиканцы создали такъ называемый Сальмскій клубъ, который долженъ былъ содѣйствовать сохраненію конституціи III г. Но ни одинъ изъ этихъ клубовъ не могъ уже теперь занять положенія прежнихъ народныхъ обществъ, потому что ни за однимъ изъ нихъ не стоялъ народъ.

Реакція все больше и больше овладѣвала палатой «пятисотъ». Нѣкій Камилль Жорданъ, позже вновь выплывшій на поверхность въ Веймарскомъ литературномъ обществѣ, проектировалъ вернуть церкви всѣ привилегіи, которыми она пользовалась до 1789 г. Онъ не рѣшился сразу выступить съ этимъ проектомъ и ограничился тѣмъ, что сначала внесъ предложеніе о возвращеніи церковныхъ колоколовъ. Но онъ встрѣтилъ такое противодѣйствіе, какого не могъ ожидать. Его предложеніе было съ хохотомъ отвергнуто, и онъ съ тѣхъ поръ получилъ прозвище «Жорданъ-звонарь».

Предложеніе Жордана многихъ устрашило. Окружающіе увидѣли въ немъ стремленіе къ полному возстановленію всѣхъ привилегій католической церкви и побоялись, что роялисты захотятъ вернуть національныя имущества ихъ прежнимъ владѣльцамъ. Поэтому Директорія не встрѣтила никакого противодѣйствія со стороны общества, когда она приняла энергичныя мѣры противъ роялистовъ.

Такимъ образомъ, теперь снова столкнулись между собою двѣ партіи: партія роялистовъ, имѣвшая на своей сторонѣ палаты, клубъ «Клиши» и аристократическіе салоны, и партія республиканцевъ, на сторонѣ которой стояли Директорія, армія и Сальмскій клубъ. Роялисты стремились ниспровергнуть конституцію конституціоннымъ же путемъ, а республиканцы желали сохранить ту же конституцію насильственнымъ путемъ. Что касается народа, то онъ равнодушно слѣдилъ за этой борьбой и не проявлялъ интереса ни къ одной изъ партій.

Палаты использовали затруднительное финансовое положеніе Директоріи для того, чтобы подвергнуть правительство

рѣзкимъ нападкамъ. Финансовые агенты Директоріи своими мошенническими продѣлками истощили средства правительства, опустошили его кассы и ослабили кредитъ. Особенно отличались своими мошенничествами и растратами поставщики арміи. Генералъ Журданъ какъ-то сказалъ, что онъ ни разу не получалъ для арміи больше десяти тысячъ порцій въ день. Палаты требовали отъ Директоріи, чтобы она упорядочила финансы. Но для того, чтобы упорядочить финансы, требовались прежде всего новыя денежныя средства. Послѣднія могли быть добыты только путемъ введенія новыхъ налоговъ, а на это палата не давала согласія. Между Директоріей и палатой возникли конфликты и по поводу колоніальной политики, и по поводу свободы печати, и по поводу всякихъ вопросовъ внѣшней и внутренней политики. Всѣ государственныя дѣла были запущены, потому что Директорія при всякомъ новомъ своемъ мѣропріятіи сталкивалась съ противодѣйствіемъ роялистовъ.

При ближайшемъ обновленіи трети состава палатъ роялисты, безъ сомнѣнія, заняли бы всѣ мѣста въ палатахъ. Директоры Барра, Ревбелль и Лаверельеръ-Лепо рѣшили путемъ государственнаго переворота предупредить переполненіе палатъ роялистами и устранить насильственнымъ путемъ оппозицію, какъ въ самой Директоріи, такъ и въ палатахъ. Они постарались обезпечить себѣ поддержку арміи, и это имъ вполнѣ удалось. Они обратились къ войскамъ съ воззваніями, написанными рѣзкимъ и пламеннымъ языкомъ. Поддержки ждали главнымъ образомъ со стороны генераловъ Бонапарта, Гоша, Ожеро и другихъ офицеровъ, преданныхъ республикѣ. Хотя Бонапартъ и находился въ интимной перепискѣ съ Карно, тѣмъ не менѣе онъ изъявилъ Директоріи свою безусловную преданность, а Ланнъ на одномъ банкетѣ поднялъ тостъ за гибель роялистскаго клуба «Клиши». Армія Бонапарта послала Директоріи адресъ, въ которомъ она обращалась къ палатамъ со словами:

«Трепещите, роялисты, потому что отъ Эча до Сены для насъ одинъ шагъ. *Трепещите, потому что грѣхи ваши сочтены, и острія нашихъ штыковъ готовы воздать вамъ должное.* Мы глубоко возмущены тѣмъ, что интриги роялизма грозятъ нанести ущербъ свободѣ. Тѣнями героевъ, павшихъ за отечество, мы поклялись вести непримиримую борьбу съ роялизмомъ. Наши чувства раздѣляютъ всѣ патріоты. Итакъ пусть роя-

листы только посмѣютъ шелохнуться, и они вмигъ исчезнутъ съ лица земли!».

Роялисты были устрашены рѣзко республиканскимъ языкомъ, которымъ будущій цезарь выразилъ чувства своихъ солдатъ. Этотъ адресъ ободрилъ также и Директорію, у которой вышли разногласія съ генераломъ Гошемъ. Директорія приказала Гошу двинуть къ окрестностямъ Парижа нѣсколько полковъ маасской и самбрской арміи, находившейся подъ его начальствомъ. По законамъ же конституціи войска не имѣли права подходить къ Парижу ближе, чѣмъ на 6 миріаметровъ (около 50 верстъ). Гошъ не зналъ, какъ ему поступить, и вернулся обратно къ своей арміи въ Гиссенъ. Адресъ итальянской арміи былъ доставленъ Директоріи генераломъ Ожеро, суровымъ солдатомъ, отличавшимся большимъ мужествомъ и считавшимъ себя лучшимъ генераломъ въ мірѣ (о Бонапартѣ онъ обыкновенно отзывался какъ о человѣкѣ среднихъ «способностей»). Ожеро, дитя Сентъ-Антуанскаго предмѣстья, былъ вполнѣ подходящимъ человѣкомъ для того, чтобы желѣзною рукою задавить роялизмъ. Благодаря своему, тогда еще демократическому образу мыслей, онъ отличался особой ревностью къ службѣ, и роялистамъ стало жутко, когда они узнали о появленіи въ Парижѣ Ожеро, проявившаго безумную смѣлость при взятіи аркольскаго моста. Въ скоромъ времени завязалась отчаянная схватка между революціонно-настроенными военными и роялистами, стремившимися свергнуть конституцію конституціоннымъ путемъ.

Переворотъ 18-го фрюктидора.

Роялисты, у которыхъ въ это время роль вождей играли генералы Пишегрю и Вилло, прекрасно понимали, что Директорія намѣрена путемъ государственнаго переворота освободиться отъ роялистской оппозиціи, стѣснявшей свободу ея дѣйствій. Стягиваніе войскъ къ Парижу, которое представляло собой нарушеніе конституціи, взволновало роялистовъ, и они намѣревались внести въ палаты предложеніе о преданіи суду директоровъ Барра, Ребелля и Ларевельера-Лепо. Многіе изъ роялистскихъ депутатовъ были настолько неувѣрены въ завтрашнемъ днѣ, что даже избѣгали ночевать у себя на квартирахъ.

Роялисты намѣрены были арестовать вышеупомянутыхъ

трехъ директоровъ въ случаѣ, если палаты примутъ ихъ предложеніе о возбужденіи судебнаго преслѣдованія противъ представителей власти. Намѣревались ли были роялисты также поднять возстаніе, — неизвѣстно. У нихъ врядъ ли была возможность устроить возстаніе, и они поневолѣ должны были ограничиться законными способами борьбы.

Директорія получила свѣдѣнія объ измѣнѣ Пишегрю черезъ Моро. Послѣдній нашелъ въ захваченной имъ каретѣ какого-то австрійскаго генерала всю переписку съ врагами. Моро не сразу объявилъ объ этой важной находкѣ. Быть можетъ, онъ поступилъ такъ изъ трусости, а быть можетъ и потому, что не рѣшался предать своего прежняго товарища по оружію. Какъ бы то ни было, но въ этотъ критическій моментъ онъ представилъ Директоріи найденныя имъ бумаги.

Роялисты старались подготовиться къ тому, чтобы оказать правительству сопротивленіе въ палатахъ. Они снабдили большими полномочіями инспекторовъ зданій палаты, между которыми находились Пишегрю и Вилло, и передали послѣднимъ начальство надъ стражей, охранявшей законодательное собраніе. Кромѣ того, они позаботились и о возстановленіи національной гвардіи для того, чтобы имѣть въ своемъ распоряженіи роялистскія секціи, и составили предложеніе объ удаленіи войскъ изъ Парижа. Директорія однако не дала имъ времени предпринять какіе либо шаги. Въ ночь на 4-ое сентября (18 фрюктидора) Барра, Ревбелль и Ларевельеръ-Лепо привели въ исполненіе давно задуманный ими планъ государственнаго переворота.

Въ эту ночь Ожеро со стянутыми въ окрестности Парижа войсками двинулся въ городъ, и вскорѣ 12.000 солдатъ съ большимъ количествомъ боевыхъ орудій окружили Тюльери, гдѣ находились Пишегрю, Вилло и всѣ остальные инспекторы палатъ. Тюльери охраняла стража законодательнаго собранія, но она, повидимому, не сильно увлеклась роялизмомъ, потому что не оказала никакого сопротивленія Ожеро, когда онъ арестовалъ ея начальника Рамеля. Ожеро подошелъ со своими солдатами къ рѣшеткѣ Тюльерійскаго замка, опустилъ свою обнаженную шпагу и спросилъ: «*Вы—республиканцы?*». На это гренадеры, охранявшіе замокъ, отвѣтили криками: «*Да здравствуетъ Ожеро! Да здравствуетъ Директорія*», открыли ворота, впустили Ожеро съ его солдатами и при-

соединились съ послѣдними. [illegible] всѣхъ помѣщеніяхъ Тюильри и арестовали инспекторовъ палатъ, въ числѣ которыхъ находились Пишегрю и Вилло. Затѣмъ онъ занялъ войсками главные пункты города. Этимъ завершился переворотъ, и войскамъ [illegible] осталось лишь одно: задержать въ различныхъ частяхъ города не пользовавшихся любовью народа депутатовъ, роялистскихъ журналистовъ и возвратившихся во Францію священниковъ и эмигрантовъ. Многія изъ лицъ, внесенныхъ Директоріей въ проскрипціонный списокъ, бѣжали. Въ числѣ бѣжавшихъ находился и Карно. [illegible] Карно съ роялистами, — онъ палъ жертвой ненависти своихъ товарищей-директоровъ. Ему удалось бѣжать въ Швейцарію и тамъ онъ описалъ всѣ постыдныя дѣянія Барра и его товарищей.

Весь государственный переворотъ 18-го фрюктидора совершенъ былъ въ теченіе 2 часовъ, и парижане только на слѣдующее утро узнали изъ наклеенныхъ по городу объявленій, что Директорія избавила республику отъ большого роялистскаго заговора. Широкая публика, равнодушно относившаяся къ политической борьбѣ, не имѣла никакого понятія о той опасности, которая грозила государству. Правда, роялисты стремились низвергнуть конституцію законнымъ путемъ, а сама Директорія спасла конституцію, прибѣгнувъ къ государственному перевороту, т. е. задушивъ ее, но развѣ партіи задумываются надъ законностью примѣняемыхъ ими мѣръ, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы удержать въ своихъ рукахъ власть?

Въ этотъ день въ Парижѣ снова раздались клики: «*Да здравствуетъ республика*», — клики, которыхъ давно уже не слышно было въ столицѣ Франціи. Палаты возобновили свои засѣданія въ Одеонѣ и въ [illegible]. Трибуны для публики впервые [illegible], который привлекло сюда любопытство. [illegible] настроеніе противъ [illegible] переворота. Но вскорѣ получилось посланіе Директоріи, въ которомъ послѣдняя пыталась оправдать принятыя ею мѣры. Директорія писала, что если бы промедлили еще недѣлю, то республика попала бы въ руки враговъ, что уже палаты переполнились заговорщиками, которые [illegible] ночью добыли оружіе и организовали мятежныя собранія. «На карту

поставлена была бы,—говорилось въ концѣ посланія,—безопасность общества и преданныхъ республикѣ депутатовъ, если бы послѣднихъ оставили вмѣстѣ съ врагами отечества и не избавили отъ адскаго заговора».

На палаты подѣйствовали эти факты и онѣ одобрили чрезвычайныя мѣры, принятыя Директоріей. Онѣ оправдали даже и призваніе войскъ въ Парижъ, актъ, представляющій собою нарушеніе конституціи. Далѣе, на основаніи закона объ общественномъ благосостояніи Директорія получила какъ бы диктаторскую власть и не замедлила воспользоваться ею.

На этотъ разъ заговорщикамъ не удалось отдѣлаться такъ легко, какъ тѣмъ роялистамъ, которые участвовали въ открытомъ въ прошломъ году заговорѣ и получали инструкціи изъ Бланкенбурга. Правда, и теперь тоже никто не былъ приговоренъ къ смертной казни, но жертвы переворота были осуждены на ссылку въ знойныя, болотистыя и нездоровыя мѣста Кайенны. Къ ссылкѣ были приговорены директора Карно и Бартелеми, 41 человѣкъ изъ числа членовъ «пятисотъ» (между ними Буасси Д'Англа, Пишегрю, Бурдонъ изъ Уазы, ставшій роялистомъ, Вилло и Вилларе-Жуайезъ), одиннадцать членовъ сената (между ними Роверъ и Тронсонъ-Дюкудрэ); кромѣ этихъ лицъ, къ ссылкѣ были приговорены еще Рамель, генералъ Миранда и бывшій членъ конвента Майль. Къ этой группѣ осужденныхъ приобщили еще трехъ вождей роялистскаго заговора прошлаго года и издателей-редакторовъ 35 изданій, которыя были враждебно настроены по отношенію къ Директоріи.

Большинство осужденныхъ было отправлено въ Кайенну. Часть изъ нихъ бѣжала оттуда, а остальные погибли подъ вліяніемъ нездороваго климата.

Выборы въ 48 департаментахъ были признаны недѣйствительными, и Директоріи были предоставлены широкія полномочія въ вопросѣ объ отмѣнѣ выборовъ, представляющихъ опасность для республики. Далѣе снова были возстановлены отмѣненные совѣтомъ «пятисотъ» законы противъ эмигрантовъ и отвергшихъ присягу священниковъ. На мѣсто обоихъ приговоренныхъ къ ссылкѣ директоровъ были избраны Мерленъ изъ Дуэ и Франсуа изъ Невшато, пользовавшіеся репутаціей республиканцевъ.

Такимъ образомъ, на короткое время снова установилось

нѣчто вродѣ революціоннаго правительства, но послѣднему недоставало ни энергіи, ни умѣнія улучшить благосостояніе Франціи. Въ средѣ правительства и правительственныхъ органовъ попрежнему продолжалъ царить безпорядокъ. Нецѣлесообразность конституціи вскорѣ снова проявилась въ качествѣ источника конфликтовъ, приведшихъ въ концѣ концовъ къ паденію конституціи, которую возможно было сохранить исключительно путемъ безпрерывныхъ ея нарушеній.

Генералъ Гошъ, вступившій тѣмъ временемъ съ самбрской и маасской арміями въ предѣлы Германіи, скончался въ Вецларѣ 18-го сентября 1797 г. отъ болѣзни, оставшейся неясною врачамъ. Директорію обвиняли въ томъ, что она отравила молодого полководца, но это, вѣроятно, было клеветнической выдумкой роялистовъ. Многіе полагаютъ, что если бы генералъ Гошъ остался въ живыхъ, то онъ явился бы опаснымъ соперникомъ для Бонапарта. Разбираться въ томъ, дѣйствительно ли случилось бы это, не стоитъ. Во всякомъ случаѣ, этотъ молодой генералъ умеръ въ полномъ блескѣ своей воинской славы, въ качествѣ республиканскаго полководца. Онъ въ теченіе самаго короткаго времени достигъ высшаго положенія въ арміи, прославилъ республику своими блестящими побѣдами и, несмотря на всѣ свои успѣхи и тріумфы, сумѣлъ сохранить мягкость и чуткость души. Среди суровыхъ солдатъ того времени было мало людей, похожихъ на него.

Походъ 1797 г.

Весною 1797 г. Гошъ и Моро снова перешли черезъ Рейнъ и почти безпрепятственно проникли до Франкфурта и Шварцвальда. Бонапартъ же простоялъ всю зиму подъ Мантуей, которую упорно защищалъ старый Вурмзеръ. Австрія снова попыталась освободить осажденную крѣпость и поспѣшно собрала новое войско. Командованіе надъ нимъ было передано Альвинци, и войско получило знамя, собственноручно вышитое австрійской императрицей. Надѣялись, что такое знамя воодушевитъ солдатъ къ борьбѣ, и, если принять во вниманіе положеніе дѣлъ въ то время, то слѣдуетъ сказать, что подобныя надежды могли явиться только у очень оптимистически настроенныхъ людей. Венгерскіе государственные чины въ засѣданіи сейма въ Пресбургѣ

12-го ноября 1796 г. ассигновали кредитъ для новой войны и согласились послать войска въ Мантую послѣ того, какъ Францъ II разъяснилъ возмущеннымъ мадьярамъ, что въ данномъ случаѣ дѣло идетъ о борьбѣ за «высшія блага» (въ сущности дѣло шло только объ итальянскихъ владѣніяхъ Габсбургскаго дома), о борьбѣ съ націей, которая «своей жестокостью, некультурностью и своимъ безбожіемъ превзошла всѣ варварскіе народы»... Эти слова императора оказали большое вліяніе на мадьяръ: они развязали свои кошельки, и Альвинци, разбитый въ ноябрѣ мѣсяцѣ, могъ уже въ январѣ двинуться съ новымъ войскомъ къ Мантуѣ.

Вначалѣ Альвинци повезло: онъ прогналъ со всѣхъ позицій тѣ слабые отряды Бонапарта, которые послѣдній расположилъ на сѣверъ отъ Мантуи, въ качествѣ прикрытія для осаждающихъ, но затѣмъ Бонапартъ, находившійся въ это время въ Болоньѣ, поспѣшно вернулся къ мѣсту военныхъ дѣйствій и бросился на Альвинци со всѣмъ своимъ войскомъ. Произошла битва при Риволи, продолжавшаяся съ 14-го до 16-го января, самая ужасная и самая кровопролитная изъ всѣхъ битвъ этой войны. Австрійцы нѣсколько раздвинули свои отряды, намѣреваясь обойти французовъ и напасть на нихъ съ тылу, но Бонапарту удалось путемъ рѣшительнаго и ловкаго маневра размѣстить свои отряды между отдѣльными частями австрійскаго войска, послѣ чего онъ сначала разбилъ Альвинци у Риволи, а затѣмъ въ одиночку справился съ разъединенными корпусами непріятеля. Австрійцевъ охватилъ паническій ужасъ. Они бѣжали, какъ разсказываетъ самъ Альвинци, въ безумномъ страхѣ, бѣжали, несмотря на то, что главнокомандующій приказалъ тутъ же застрѣлить солдата за ослушаніе, и несмотря на то, что свита Альвинци ударами сабель останавливала бѣглецовъ. Послѣ этого кровопролитнаго боя у Альвинци изъ 25.000 солдатъ осталось только 10.000.

Такъ какъ у осажденныхъ исчезла всякая надежда на освобожденіе и такъ какъ Мантуя совершенно изголодалась, то пришлось сдать крѣпость. 2-го февраля 1797 г. Вурмзеръ сдалъ Мантую, изъ-за которой велась такая кровопролитная борьба. Самъ Вурмзеръ со своимъ штабомъ, съ 700 солдатъ и 6 пушками получилъ право свободнаго отступленія, а весь остальной гарнизонъ съ 500 орудій былъ взятъ въ плѣнъ. Гарнизонъ состоялъ изъ 12.000 солдатъ. Къ тому факту,

что Бонапартъ избавилъ стараго Вурмзера отъ плѣна австрійцы отнеслись, какъ къ проявленію особаго уваженія со стороны побѣдителя. По всей вѣроятности, Бонапартъ надѣялся, что Вурмзеръ снова получитъ командованіе надъ войскомъ и снова дастъ ему возможность разбить себя.

Наступило шестинедѣльное перемиріе, и вся Европа восхищалась молодымъ генераломъ, обнаружившимъ такую геніальность. А между тѣмъ, Австрія еще не признала себя побѣжденной и не желала заключать мира. Когда Директорія предложила австрійскому кабинету заключить перемиріе и приступить къ мирнымъ переговорамъ, она получила высокомѣрный отвѣтъ: «Въ Вѣнѣ ничего неизвѣстно о существованіи Французской республики». Вскорѣ однако Вѣнѣ пришлось горько раскаяться въ своемъ незнаніи. Она принуждена была униженно просить мира у той самой республики, которой раньше не желала признавать.

Если Директорія надѣялась найти въ лицѣ Бонапарта покладистаго генерала, то ей вскорѣ пришлось убѣдиться въ своей ошибкѣ. Молодой полководецъ распоряжался въ завоеванной имъ области, какъ абсолютный монархъ, и вполнѣ произвольно измѣнялъ границы государства. Онъ соединилъ республики, находившіяся по сю и по ту сторону рѣки По, въ одну предальпійскую республику и при этомъ нисколько не заботился о томъ, пріятно ли Директоріи его политическое творчество, потому что сознавалъ, какъ необходимы правительству тѣ побѣды, о которыхъ онъ извѣщалъ его, и тѣ милліоны, которые онъ ему пересылалъ. Популярность Бонапарта и пламенная привязанность солдатъ защищали его отъ всякихъ нападокъ со стороны Директоріи, а тѣ времена, когда комитетъ благоденствія позволялъ себѣ сурово наказывать честолюбивыхъ генераловъ, давно миновали.

Для «округленія» границъ предальпійской республики Бонапарту понадобилась часть Папской области, и онъ извѣстилъ св. отца Пія VI о томъ, что срокъ перемирія истекъ. Къ тому же святой отецъ не уплатилъ французамъ условленной контрибуціи и поддерживалъ сношенія съ австрійцами, что могло повлечь за собой опасность для Франціи. Далѣе, онъ никакъ не могъ рѣшиться на отмѣну всѣхъ своихъ многочисленныхъ буллъ, направленныхъ противъ республиканской Франціи. Бонапартъ не сталъ церемониться съ папой. Онъ

послалъ въ церковную область войско, которое безъ труда разбило папскую армію такъ называемыхъ «солдатъ ключа» и двинулось на Римъ. Тогда св. отецъ испугался за судьбу своихъ земныхъ владѣній и уступилъ. Онъ попросилъ мира. Миръ былъ заключенъ въ Толентино, и папа отдалъ легатства Романью, Болонью и Феррару, понадобившіяся для округленія границъ предальпійской республики, сдалъ французамъ крѣпость Анкону и уплатилъ 30 милліоновъ. Что касается отмѣны папскихъ буллъ, то этому Бонапартъ не придавалъ никакого значенія.

По пути въ Римъ французы съ удовольствіемъ разграбили бы сокровища лореттской Богоматери. Но итальянцы были настолько предусмотрительны, что припрятали отъ невѣрныхъ республиканцевъ эти сокровища.

Тѣмъ временемъ Австрія приготовилась снова начать борьбу. Главнокомандующимъ въ Италіи былъ назначенъ эрцгерцогъ Карлъ, который своими побѣдами во Франконіи и на Рейнѣ въ достаточной степени проявилъ себя талантливымъ полководцемъ. Однако и онъ не былъ въ силахъ творить чудеса при борьбѣ съ геніальнымъ французскимъ генераломъ, имя котораго внушало врагамъ ужасъ. Австрійцевъ ничѣмъ нельзя было уже наэлектризовать. Въ мартѣ мѣсяцѣ Бонапартъ двинулся въ походъ, намѣреваясь проникнуть, наконецъ, въ центръ Австріи. Онъ направился со своими новоорганизованными войсками въ Тироль и Каринтію. Эрцгерцогъ пытался помѣряться съ нимъ силами въ различныхъ сраженіяхъ, но всѣ битвы кончались для австрійцевъ плачевно. Австрійцы принуждены были отступать все дальше и дальше. Бонапартъ взялъ Бриксенъ, Ботценъ, Клагенфуртъ и Лайбахъ и остановился, наконецъ, на разстояніи 36 часовъ пути отъ Вѣны. Эрцгерцогъ, быть можетъ, и замышлялъ пустить въ ходъ такой же маневръ, какой онъ употребилъ противъ Моро и Журдана и который ему врядъ ли теперь удался бы, но какъ бы то ни было, а вѣнскій дворъ потерялъ голову, когда страшный врагъ оказался на такомъ близкомъ разстояніи отъ столицы Австріи. Дворъ бѣжалъ изъ Вѣны съ безумной поспѣшностью и попросилъ перемирія, съ цѣлью вступить въ мирные переговоры съ той самой республикой, къ которой онъ недавно относся съ такимъ презрѣніемъ.

Бонапартъ принялъ предложенія австрійцевъ, такъ какъ

Венеціанская республика готовилась въ это время напасть на него съ тылу. Состоялось Юденбургское перемиріе, а затѣмъ 18-го апрѣля 1797 г. въ Леобенѣ были выработаны предварительныя условія мира. Австрія совершенно отказалась отъ своихъ бельгійскихъ владѣній, уступила Франціи всѣ свои итальянскія владѣнія до Оліо и признала предальпійскую республику. Съ другой стороны, Австрія сохранила земли отъ Оліо до рѣки По. По договору въ Леобенѣ вопросъ о заключеніи мира съ Германской имперіей долженъ былъ быть обсужденъ на спеціальномъ конгрессѣ.

Теперь Австрія, еще нѣсколько недѣль тому назадъ заявившая о томъ, что она ничего не знаетъ о существованіи французской республики, сама предложила признать эту республику. Однако Бонапартъ гордо отвергъ это предложеніе и сказалъ: «Французская республика сама себя признала. *Не признавать ея существованія — это все равно, что не признавать существованія солнца въ яркій день».* Австрійскимъ дипломатамъ пришлось безъ возраженій проглотить это оскорбленіе.

Такимъ образомъ, обширная коалиція, составленная Питтомъ, совершенно распалась, и теперь на аренѣ борьбы остались лишь Англія съ Португаліей. Но несмотря на всѣ пораженія на сушѣ, Питтъ оставался побѣдителемъ на морѣ. Испанскій флотъ подъ начальствомъ адмирала Кордовы готовился въ началѣ 1797 г. отплыть въ Брестъ, чтобы тамъ соединиться съ французскимъ флотомъ. У Сентъ-Винцентскаго мыса на испанцевъ напалъ болѣе слабый англійскій флотъ, находившійся подъ начальствомъ адмирала Джервиса. Испанцы были разбиты и принуждены были вернуться назадъ, понеся большія потери. Далѣе, и голландскій флотъ, ушедшій изъ Текселя подъ начальствомъ Винтера, былъ разбитъ наголову у Кампердуина старымъ англійскимъ адмираломъ Дункеномъ и отброшенъ назадъ въ Тексель, причемъ англичане захватили въ плѣнъ половину голландскихъ кораблей.

Но Бонапартъ нанесъ старымъ державамъ чувствительный ударъ съ другой стороны. Онъ бросился на старинную аристократическую Венеціанскую республику, которая озлобила его своими приготовленіями къ войнѣ. Венеціанское государство, пользовавшееся когда-то славой и могуществомъ, прогнило до мозга костей. Его развращенный народъ томился подъ деспотическимъ игомъ надменныхъ патриціевъ. Если Бонапартъ не

имѣлъ право разрушить это старинное государство, то и эта патриціанская республика не имѣла больше права на существованіе. Въ этомъ случаѣ столкнулись между собой сила и коварство, и побѣдительницей изъ борьбы вышла сила.

Бонапартъ безъ труда нашелъ предлогъ для нападенія на Венецію. Венеціанцы провинились тѣмъ, что осмѣлились вооружиться противъ него, кровавымъ образомъ подавили нѣсколько демократическихъ возстаній и подвергали преслѣдованіямъ приверженцевъ Франціи. Въ Веронѣ произошло кровавое столкновеніе, при чемъ городское и сельское населеніе по какому-то незначительному поводу поднялось противъ французовъ и съ варварской жестокостью расправилось съ больными, лежавшими во французскихъ лазаретахъ, и съ женщинами и дѣтьми, слѣдовавшими за обозомъ французской арміи. Въ отвѣтъ на это французы стали бомбардировать городъ изъ занятыхъ ими замковъ. Черезъ три дня въ Верону вступили французскія войска и учинили кровавую расправу надъ населеніемъ города. Это усилило озлобленіе съ обѣихъ сторонъ. Въ Леобенскомъ договорѣ Бонапартъ обѣщалъ Венеціанской республикѣ вознагражденіе за территорію, уступленную ею Австріи, и теперь онъ въ письмѣ, адресованномъ венеціанскому дожу, осыпалъ послѣдняго самыми рѣзкими упреками за то, что тотъ отплатилъ неблагодарностью за его великодушіе. Въ сущности говоря, Бонапартъ несомнѣнно не намѣренъ былъ выполнять пунктъ Леобенскаго договора, касавшійся Венеціи. Бонапартъ послалъ въ Венецію своего адъютанта Жюно, который держалъ себя передъ трепещущимъ сенатомъ такъ же рѣзко, какъ долженъ былъ держать себя побѣдоносный завоеватель. Сенатъ отправилъ къ генералу Бонапарту депутацію; послѣдній встрѣтилъ ее громовой рѣчью, въ которой онъ перечислилъ всѣ историческіе грѣхи Венеціи. Бонапартъ заявилъ, что онъ рѣшилъ, наконецъ, открыть пресловутые инквизиціонные казематы, что онъ разрушитъ свинцовыя кровли и мостъ слезъ, и что Венеція должна получить свободу мысли и слова. Если венеціанцы не сложатъ оружія, то онъ самъ сумѣетъ обезоружить ихъ. «*Вашъ образъ правленія устарѣлъ и долженъ исчезнуть*», сказалъ Бонапартъ въ концѣ своей рѣчи.

Напуганные патриціи съ дрожью въ голосѣ заикнулись было о денежномъ вознагражденіи, но Бонапартъ закричалъ на нихъ: «Если бы вы даже могли предложить мнѣ всѣ сокро-

вища Перу, если бы вы были въ состоянiи озолотить всю Францiю, то и тогда вы золотомъ не могли бы искупить пролитой вами французской крови!».

Генералъ Бонапартъ не совсѣмъ серьезно говорилъ такiя рѣчи, но онъ прекрасно разыгралъ комедiю. Венецiи была объявлена война. Венецiанскiе патрицiи пытались спасти свое государство подкупомъ: они прислали Директорiи крупную сумму денегъ и предложили ей самыя выгодныя условiя мира. Но Бонапартъ перехватилъ ихъ переписку, и Директорiя не осмѣлилась вмѣшаться въ это дѣло. Генералъ поступалъ совсѣмъ по-диктаторски.

Начало военныхъ дѣйствiй ускорилось, благодаря столкновенiю французскаго судна съ береговыми батареями Венецiи. Французы двинулись противъ Венецiи, нанявшей для своей защиты славонскихъ солдатъ. Были сооружены батареи, и трепещущiй венецiанскiй сенатъ подъ громъ орудiй сталъ обсуждать, что ему дѣлать. Онъ рѣшилъ реформировать конституцiю въ демократическомъ смыслѣ, и тогда въ городѣ начались волненiя. Реакцiонно настроенная часть населенiя вступила въ борьбу съ демократiей, а славонскiе наемники проявили себя ненадежными защитниками Венецiи. Сенатъ рѣшилъ впустить французовъ въ городъ для возстановленiя спокойствiя. Въ городъ вступило 3000 французовъ. Имъ, дѣйствительно, удалось прекратить безпорядки, но одновременно съ этимъ прекратилось и существованiе Венецiанской республики. Французы уничтожили самостоятельность республики и присоединили часть ея территорiи къ Австрiи, а другую часть къ предальпiйской республикѣ. Iоническiе острова, принадлежавшiе Венецiи, были заняты французскимъ флотомъ.

Паденiю этой старинной республики способствовало ея внутреннее разложенiе. Одновременно съ Венецiей пало и другое старинное аристократически-республиканское государство—Генуя. Патрицiанское правительство послѣдней пыталось обезпечить себѣ нейтралитетъ крупнымъ выкупомъ. Но ея демократическимъ элементамъ удалось, при помощи французскаго посла, поднять въ маѣ 1797 г. возстанiе противъ аристократiи. Сельское населенiе пришло на помощь аристократiи, и въ городѣ разыгралась кровавая борьба, въ которой демократы потерпѣли бы пораженiе, если бы въ дѣло не вмѣшались французскiя войска. Французы заняли городъ и всю терри-

торію, принадлежавшую Генуэзской республикѣ. Они превратили Геную въ дочернюю республику Франціи, даровавъ ей конституцію, составленную самимъ Бонапартомъ. Генуя получила названіе Лигурійской республики.

Тѣмъ временемъ въ Кампо-Форміо близъ Удины снова начались мирные переговоры между Австріей и Франціей. Австрійцы, стремившіеся дипломатическимъ путемъ вернуть себѣ часть того, что они потеряли на полѣ битвы, требовали возвращенія Мантуи и пригрозили вмѣшательствомъ Россіи. Однако Бонапартъ показалъ, что онъ въ хитрости не уступаетъ австрійскому дипломату Кобентцлю, и добился своего, пустивъ въ ходъ дикую угрозу. Когда Кобентцль снова упомянулъ о возможности вмѣшательства со стороны Россіи, молодой французскій полководецъ въ порывѣ гнѣва схватилъ дорогую вазу, подаренную русской императрицей Екатериною II и служившую украшеніемъ Кампо-Форміійскаго замка, бросилъ ее на полъ такъ, что она разлетѣлась вдребезги, и воскликнулъ: «Отлично! Перемиріе кончилось, и война объявлена! Но берегитесь, я разобью вашу имперію на столько же кусковъ, сколько осколковъ осталось отъ этой вазы!» Тогда Кобентцль уступилъ, и 17-го октября 1797 г. заключенъ былъ Кампо-Форміійскій миръ. Этотъ миръ былъ очень важенъ по своимъ послѣдствіямъ: онъ преобразилъ всю верхнюю Италію и вызвалъ цѣлый рядъ измѣненій въ западныхъ границахъ Германской имперіи. Австрія признала Батавскую и Лигурійскую республику и получила Венгрію, Истрію и Далмацію, а Франція—Іоническіе острова. Зато къ Франціи перешелъ весь лѣвый берегъ Рейна, и Австрія обязалась вознаградить имперскихъ князей путемъ секуляризаціи церковныхъ имуществъ и медіатизаціи имперскихъ городовъ. Кромѣ того, Австрія обязалась вывести свои войска изъ предѣловъ Германской имперіи и изъ имперскихъ крѣпостей. Позже въ Раштадтѣ состоялся мирный конгрессъ, на которомъ разыгрались обычныя дипломатическія интриги. Весь 1794 годъ былъ посвященъ торгу и интригамъ на этомъ конгрессѣ. При этомъ французы держали себя на конгрессѣ очень грубо, а германскіе послы очень приниженно и смиренно. Раштадтскій конгрессъ, собравшійся для дальнѣйшей разработки пунктовъ Кампо-Форміійскаго мира, не привелъ ни къ какимъ результатамъ и закончился ужаснымъ и позорнымъ преступленіемъ—убійствомъ французскихъ пословъ.

Побѣды юнаго генерала привели, такимъ образомъ, къ преобразованію всей средней Европы. Имя Бонапарта облетѣло весь міръ, и эта новая яркая звѣзда успѣла затмить своимъ блескомъ всѣ другія свѣтила на политическомъ горизонтѣ. Блескъ его побѣдъ опьянилъ господствующіе классы Франціи. Многіе сознавали, что ему предстоитъ блестящая будущность, а пока всѣ партіи надѣялись на него. Демократія считала своимъ этого популярнаго генерала, который раньше былъ другомъ якобинцевъ, въ то же время французская аристократія на основаніи его самоувѣреннаго поведенія выводила заключеніе о томъ, будто онъ втайнѣ помышляетъ о возстановленіи королевской власти. Дальновидные же люди понимали, что этотъ человѣкъ не станетъ загребать жаръ для другихъ. Его властное и диктаторское поведеніе выдавало его смѣлыя мечты.

Внутреннія волненія.

Казалось, будто вся политическая жизнь Франціи сосредоточилась въ палатахъ и парижскихъ клубахъ, потому что народная масса не проявляла ровно никакого интереса ни къ перемѣнамъ въ средѣ правительства, ни къ государственнымъ дѣламъ. Многіе изъ легко увлекающихся французовъ въ своемъ восторгѣ отъ побѣдъ Бонапарта забыли обо всемъ на свѣтѣ. Народъ же, нищету котораго эти побѣды такъ же мало уменьшили, какъ и прежнія казни въ эпоху террора, безстрастно наблюдалъ за смѣною партій у кормила общественной власти.

Государственный переворотъ 18-го фрюктидора вернулъ демократамъ мужество; что же касается роялистовъ, то они находились подъ гнетомъ нанесеннаго имъ удара и были обречены на бездѣйствіе. Надѣялись, что Директорія попытается упрочить свое положеніе путемъ усиленія демократіи, такъ какъ ей еще недавно самой пришлось освобождаться отъ роялистскихъ заговоровъ. Но окружающіе обманулись въ своей надеждѣ. Оказалось, что директора попрежнему продолжали свою странную и гибельную политику «колебанія». Едва успѣвъ упрочить свое положеніе, Директорія снова повела кампанію противъ демократовъ, которыхъ она, въ цѣляхъ устрашенія трусливаго мѣщанства, назвала анархистами. Она совершенно произвольно оттягивала дополнительные выборы, основываясь

при этомъ на диктаторской власти, которая передана была ей 18-го фруктидора.

Въ противоположность республиканцамъ, сторонникамъ Директоріи, демократы вступили теперь на тотъ же путь, на которомъ недавно такъ неудачно подвизались роялисты. Они рѣшили парламентскимъ путемъ возстановить конституцію 1793 г., въ то время какъ республиканцы стояли за конституцію III года.

Никакія уловки Директоріи не могли остановить развитія демократической партіи. Въ этотъ моментъ къ Директоріи съ ненавистью относились и имущіе классы, потому что она, въ силу испытываемыхъ ею финансовыхъ затрудненій, принуждена была прибѣгнуть къ террористическимъ мѣропріятіямъ, направленнымъ противъ богачей. Тѣми милліонами, которые присылалъ Бонапартъ, едва могла быть удовлетворена лишь незначительная часть потребностей задолжавшагося государства. Бумажныя деньги вскорѣ снова упали въ цѣнѣ до самаго низкаго уровня, и кредитъ Директоріи равнялся нулю. Испытывая ужасную нужду, правительство прибѣгло къ принудительному займу въ 60 милліоновъ, которые были необходимы для вооруженія армій. Кромѣ того, оно ввело еще множество новыхъ налоговъ. Все бремя этихъ финансовыхъ мѣропріятій ложилось на плечи имущей части населенія, потому что съ обобраннаго до-гола и изголодавшагося народа нечего было уже взять. Но какъ ни обременительны были эти мѣры для тѣхъ, на кого падала вся тяжесть займа и налоговъ, результаты ихъ все же были плачевны, и Директорія попрежнему нуждалась въ деньгахъ, не пользуясь ни кредитомъ, ни уваженіемъ.

Изъ состава Директоріи вышелъ Франсуа де-Невшато, и на его мѣсто былъ избранъ республиканецъ Трельяръ, который въ конвентѣ занималъ мѣсто въ «болотѣ» и позже принесъ много пользы при выработкѣ уложенія о наказаніяхъ.

Къ этому времени демократическая партія значительно усилилась и при новыхъ выборахъ, которыхъ дольше уже нельзя было оттягивать, въ палаты попало большое число демократовъ. Директорія, которая не была способна обезоружить оппозицію разумной, осторожной и искусной политикой, испугалась того, что перемѣна въ составѣ палатъ приведетъ къ паденію конституціи III г. законнымъ и парламентскимъ путемъ. Поэтому она снова прибѣгла къ насильственной мѣрѣ, къ

которой она, впрочемъ, имѣла право прибѣгнуть на основаніи чрезвычайныхъ полномочій, врученныхъ ей послѣ государственнаго переворота 18-го фрюктидора. 11-го мая 1798 г. (22-го флореаля VI г.) Директорія отмѣнила всѣ тѣ демократическіе выборы, которые были ей непріятны, и замѣнила демократическихъ депутатовъ кандидатами республиканскаго меньшинства.

Благодаря этому насильственному перевороту, Директоріи снова удалось продлить свое существованіе, зависѣвшее отъ безпочвенной и нарушенной ею конституціи. Однако правительство, которое могло держаться на своей позиціи лишь путемъ примѣненія нечистыхъ средствъ, все болѣе и болѣе падало въ общественномъ мнѣніи, и его дни, безъ сомнѣнія, были бы сочтены, если бы изголодавшійся и измученный продолжительной революціей народъ не относился такъ равнодушно къ политическимъ дѣламъ. И Директорія, презираемая всѣми партіями, продолжала влачить свое жалкое существованіе.

Новые выборы, состоявшіеся въ 1799 г. доставили демократической партіи значительное большинство въ совѣтѣ «пятисотъ». Въ совѣтѣ же старѣйшинъ эта партія стала сильнымъ и рѣшительнымъ меньшинствомъ. На этотъ разъ Директорія уже не рѣшилась такъ безцеремонно кассировать выборы, какъ въ прошлый разъ. Не могла на это рѣшиться еще и потому, что въ ея составѣ произошла очень важная перемѣна. Перемѣна эта заключалась въ томъ, что Ревбеллю пришлось по жребію выйти изъ Директоріи, и его мѣсто въ правительствѣ занялъ аббатъ Сійесъ. Важныя услуги, оказанныя послѣднимъ Франціи въ 1789 г., были почти забыты, благодаря тѣмъ превращеніямъ, которыя онъ продѣлалъ въ политическомъ отношеніи. Этотъ бывшій дворянинъ прятался въ бурное время революціи и молчалъ, когда говорить было опасно. Во время правленія Директоріи, въ которую онъ не пожелалъ вступить, онъ занялъ дипломатическій постъ и пріобрѣлъ репутацію ловкаго интригана, занимая мѣсто посла въ Берлинѣ. Аббатъ Сійесъ посвятилъ все свое время разработкѣ новой и своеобразной конституціи, отрывки которой онъ время отъ времени присылалъ своимъ друзьямъ. Благодаря своей замкнутости и своему высокомѣрію, онъ прослылъ способнымъ государственнымъ дѣятелемъ. Теперь Сійесъ рѣшилъ, что его время пришло, такъ какъ вообразилъ, что ему суждено сыграть

крупную роль въ исторіи Франціи. Создавая свой проектъ конституціи, онъ, повидимому, заимствовалъ изъ всевозможныхъ политическихъ системъ все, что находилъ пригоднымъ для даннаго времени. Сійесъ притворился, что сочувствуетъ демократической партіи, и ему удалось пріобрѣсти вліяніе, такъ какъ къ нему примкнули и многіе республиканцы, ожидавшіе отъ него разрѣшенія конституціоннаго вопроса. Такимъ образомъ создалась партія аббата Сійеса, занимавшая позицію между республиканцами и демократами.

Одновременно съ этимъ и въ средѣ самой Директоріи начали обнаруживаться раздоры, которые должны были оказать на правительство парализующее дѣйствіе. Ларевелльеръ-Лепо, Трельяръ и Мерленъ изъ Дуэ стояли за сохраненіе конституціи III г., тщеславный Сійесъ являлся сторонникомъ своей собственной еще не вполнѣ продуманной конституціи, а распутный Барра въ это время велъ переговоры съ Бурбонами съ цѣлью низвергнуть республику.

Въ палатахъ къ этому времени тоже произошло перемѣщеніе партій. Въ совѣтѣ старѣйшинъ большинство принадлежало къ партіи Сійеса, республиканцы были здѣсь слабы, а демократы составляли сильное меньшинство. Напротивъ, въ совѣтѣ «пятисотъ» подавляющее большинство составляли демократы, республиканцы же и партія Сійеса были здѣсь слабо представлены.

Теперь демократы и сторонники Сійеса начали сообща вести кампанію противъ конституціи III г. и ея приверженцевъ. Прежде всего они свергли Трельяра, доказавъ, что при его избраніи въ Директорію было допущено нарушеніе извѣстныхъ формальностей. На мѣсто Трельяра попалъ Гойе, который былъ демократомъ и честнымъ, но мало способнымъ и слабымъ человѣкомъ. Онъ въ 1793 г. занималъ постъ министра юстиціи и въ свою бытность предсѣдателемъ палатъ въ различныхъ судебныхъ округахъ тоже не проявлялъ себя большимъ мудрецомъ. Въ это время Барра еще не подвергался нападкамъ со стороны оппозиціи, такъ какъ никому еще ничего не было извѣстно объ его измѣнѣ, и онъ умѣлъ такъ ловко льстить всѣмъ партіямъ, что каждая изъ нихъ считала его своимъ приверженцемъ. Тѣмъ рѣзче демократическая партія и партія аббата Сійеса нападали на двухъ остальныхъ директоровъ, на Мерлена изъ Дуэ и Ларевельера-Лепо. Ихъ безъ конца осыпали

оскорбленіями и открыто требовали отъ нихъ выхода изъ состава Директоріи. «Отчего,—восклицалъ демократическій депутатъ Бертранъ въ совѣтѣ «пятисотъ»,—отчего вы медлите выйти въ отставку и тѣмъ способствовать установленію въ высшихъ установленіяхъ республики единства принциповъ и стремленій? Вѣдь вы перестали пользоваться довѣріемъ даже тѣхъ низменныхъ льстецовъ, которые вырыли вамъ политическую могилу. Уступите же требованіямъ окружающихъ и кончайте свою карьеру. Тогда истинные республиканцы, благодаря своему добродушію, сумѣютъ оцѣнить вашъ поступокъ».

Мерлену и Ларевельеру-Лепо пришлось уйти изъ Директоріи, и они вышли въ отставку 18-го іюня 1799 г. (30 преріаля VII года). Демократы провели тогда въ Директорію генерала Мулена, а партія Сійеса—Роже-Дюко.

Такимъ образомъ, противники конституціи III г. всюду оказались въ большинствѣ. Сійесъ и Роже-Дюко, опиравшіеся на большинство совѣта старѣйшинъ и имѣвшіе связи въ арміи, составили въ Директоріи противовѣсъ демократамъ, Мулену и Гойе, за которыми стояло большинство въ совѣтѣ «пятисотъ». Сторонникомъ конституціи на первый взглядъ являлся одинъ только предатель Баррасъ, но и онъ такъ же мало дорожилъ ею, какъ всѣ другіе. Въ обѣихъ палатахъ большинство было противъ конституціи. Демократы основали новый клубъ, клубъ манежа, помѣщавшійся въ томъ же самомъ зданіи, гдѣ нѣкогда засѣдало учредительное національное собраніе. Въ этомъ клубѣ собирались уцѣлѣвшіе якобинцы и держали здѣсь рѣзкія рѣчи, что лишній разъ доказываетъ, насколько успѣло усилиться демократическое движеніе. Однако роялисты тоже не бездѣйствовали. Демократическая партія добилась введенія очень суроваго закона противъ роялистовъ. На основаніи закона о заложникахъ, какъ называли это террористическое мѣропріятіе, власти имѣли право арестовывать и конфисковывать имущества всѣхъ родственниковъ тѣхъ эмигрантовъ и дворянъ, которые гдѣ бы то ни было производили смуту. Въ томъ случаѣ, если гражданинъ, пріобрѣвшій національное имущество, падалъ жертвой убійцы, и если преступникъ, совершившій убійство, оставался неразысканнымъ, то изъ предѣловъ Франціи изгонялись 4 родственника какого-либо эмигранта. Арестованные и родственники эмигрантовъ не только отвѣчали своимъ имуществомъ за убытки, причиненные роялистскими

безпорядками, но были обязаны вознаграждать государство за содержаніе эмигрантовъ въ тюрьмѣ и т. д.

Такимъ образомъ, родственники отвѣчали своимъ имуществомъ за проступки, совершенные эмигрантами за границей. Эта суровая мѣра вызвала броженіе среди роялистовъ и привела къ новому возстанію Вандеи. Роялистскіе бунты начались также и на югѣ Франціи.

Среди этой общей сумятицы ясно было одно,—что паденіе конституціи III г. неизбѣжно. Демократы продолжали дѣйствовать очень энергично и надѣялись при ближайшихъ выборахъ одержать полную побѣду. Сійесъ, предвидѣвшій, что демократамъ удастся побѣдить при ближайшихъ выборахъ, испугался того, что онъ лишится своего вліянія. Онъ задумалъ совершить государственный переворотъ по образцу переворота 13-го фрюктидора и надѣялся, что ему и его партіи удастся такимъ образомъ захватить въ свои руки власть и осуществить химерическую конституцію.

Честолюбивый аббатъ уже видѣлъ себя въ роли властелина Франціи и началъ учиться верховой ѣздѣ, чтобы умѣть, въ качествѣ директора, гарцовать передъ народомъ на лошади. Однако этому тщеславному и безпринципному человѣку не суждено было сыграть роль наслѣдника революціи,—роль, къ которой онъ совершенно не былъ приспособленъ. Въ тотъ моментъ, когда ему казалось, что власть уже досталась ему, ее вырвалъ у него сильною рукою безцеремонный солдатъ, который и раньше и лучше изучилъ верховую ѣзду, чѣмъ аббатъ Сійесъ.

Дочернія республики.

Послѣ того, какъ Голландія была превращена въ Батавскую республику, въ ней было созвано учредительное національное собраніе, открывшее свои засѣданія въ началѣ 1797 года. Оно выработало конституцію, которая во всѣхъ отношеніяхъ походила на французскую конституцію III г. Но въ Голландіи существовала многочисленная демократія, которая не удовлетворилась никуда негодной директоріальной конституціей и склонялась къ конституціи 1793 г. Голландскій народъ въ массѣ былъ демократически настроенъ, и когда директоріальная конституція была предложена на голосованіе

въ первичныхъ собраніяхъ, народъ отвергъ ее. Но французская Директорія желала непремѣнно ввести въ Голландіи конституцію III г., и главнокомандующій французскими войсками въ Голландіи, генералъ Дендельсъ, получилъ приказъ ввести эту конституцію силой. Голландецъ Дендельсъ, грубый солдатъ, отличавшійся въ восстаніи 1795 г., просто арестовалъ и посадилъ въ тюрьму двадцать двухъ вліятельныхъ демократическихъ членовъ голландскаго собранія. Этотъ безцеремонный государственный переворотъ оказалъ самое угнетающее вліяніе на голландскую демократію. Народъ перестамъ интересоваться политическими событіями и равнодушно отнесся къ тому, что національное собраніе учредило новую комиссію для выработки конституціи и назначило временное правительство, въ составъ котораго вошло пять человѣкъ.

Комиссія эта приняла конституцію III г., и реакціонное національное собраніе Голландіи, подражая конвенту, избрало изъ своей среды членовъ будущихъ палатъ и директоріи. Однако, новое голландское правительство проявило себя такимъ реакціоннымъ, что у парижской Директоріи возникло опасеніе, какъ бы Англія не увидѣла въ этомъ повода къ какимъ-либо новымъ опаснымъ интригамъ. Поэтому генералу Дендельсу было снова поручено произвести государственный переворотъ и свергнуть реакціонно настроенную директорію Голландіи. Дендельсъ, который игралъ роль слѣпого орудія въ рукахъ своего начальства, выполнилъ данное ему порученіе, пустивъ въ ходъ хитрость и насиліе. Пригласивъ къ себѣ въ гости директоровъ, онъ во время обѣда объявилъ имъ, что они арестованы и смѣщены съ должностей. Двумъ изъ директоровъ удалось во время суматохи бѣжать. Дендельсъ распорядился объ избраніи новаго національнаго собранія и поручилъ послѣднему составить палаты и директорію. Такъ завершилось умиротвореніе Голландіи, и эта страна стала пользоваться такого же рода «свободой», какою наслаждалась Франція со своей директоріальной конституціей.

Въ Швейцаріи, которая граничитъ съ Франціей на юго-западѣ, революція вскорѣ пріобрѣла [illegible] Швейцарскій народъ, сумѣвшій уже нѣсколько столѣтій тому назадъ завоевать и отстоять свою свободу, находился въ самой тяжелой зависимости отъ аристократіи, которая захватила въ свои руки всю правительственную власть. Эта пестрая рес-

публика, кантоны которой были лишь слабо связаны общимъ сеймомъ, обсуждавшимъ тогда исключительно дѣла внѣшней политики, носила совершенно средневѣковой характеръ. Когда во Франціи начался великій переворотъ, швейцарцы тоже мѣстами попытались стряхнуть съ себя иго правящей аристократіи. Базельцы, напримѣръ, уже въ 1792 г. прогнали своего епископа, но аристократіи покуда удавалось справиться съ демократическимъ движеніемъ и многимъ демократамъ пришлось эмигрировать изъ своей родины.

Однако, демократическія идеи продолжали распространяться. Переворотъ въ Швейцаріи былъ главнымъ образомъ подготовленъ двумя лицами: оберцунфтмейстеромъ Петромъ Оксомъ въ Базелѣ и адвокатомъ Цезаремъ Лагарпомъ въ Ваадтландѣ. Несмотря на свой республиканскій образъ мыслей, Лагарпъ былъ приглашенъ императрицей Екатериной въ воспитатели къ ея внуку, будущему императору Александру I. Вернувшись изъ Россіи, Лагарпъ сталъ въ рѣзкую оппозицію къ аристократическому бернскому правительству, которое угнетало Ваадтландъ. Благодаря агитаціи Лагарпа, Ваатландъ, надѣясь на поддержку со стороны Франціи, возсталъ въ концѣ 1797 г., и его примѣру вскорѣ послѣдовали многіе другіе кантоны. Къ демократически или революціонно настроеннымъ кантонамъ принадлежали Ваадтъ, Базель, Шаффгаузенъ, Аппенцель и Валлисъ. Реакціонно же или лишь отчасти демократически настроены были: Бернъ, Цюрихъ, Солотурнъ, С.-Галленъ, Ури, Швицъ, Унтервальденъ, Цугъ, Гларусъ и Граубюнденъ.

Бернскіе аристократы готовы были при помощи оружія подавить розстаніе въ Ваадтландѣ. Но тутъ въ дѣло вмѣшалась парижская Директорія, которая давно уже смотрѣла жадными глазами на Швейцарію, и заявила, что сочтетъ вступленіе бернскихъ войскъ въ Ваадтъ поводомъ къ объявленію войны. Въ то же время у ваадтландской границы появился французскій отрядъ подъ начальствомъ генерала Меснара.

Бернское правительство рѣшило все-таки вступить въ борьбу съ возставшимъ Ваадтландомъ, хотя президентъ Штейгеръ и сознавалъ, что аристократическій режимъ неминуемо долженъ будетъ пасть подъ натискомъ революціи. Бернскія войска, находившіяся подъ начальствомъ генерала Вайса, вступили въ Ваадтъ, куда явились и французы, которые немедленно прокламировали здѣсь Леманскую республику.

Директорія съ радостью воспользовалась представившимся ей случаемъ для вмѣшательства во внутреннія дѣла Швейцаріи и тотчасъ же отрядила туда двѣ арміи. Шауенбургъ проникъ въ Швейцарію черезъ Базель, а Брюнъ черезъ итальянскую границу. Брюнъ долженъ былъ присоединить къ себѣ отрядъ Меснара, потомъ соединиться съ Шауенбургомъ и двинуться противъ Берна, правительство котораго собрало значительную армію, порученную начальству генерала Эрлаха изъ Гинդельбанка. Несмотря на мужественное сопротивленіе швейцарцевъ, французы все же вышли изъ борьбы побѣдителями, благодаря своей искусной боевой тактикѣ. 5-го марта 1798 г. швейцарцы потерпѣли полное пораженіе въ двойной стычкѣ у Фраенбрунна и Нейенэгга. Аристократы обвинили генерала Эрлаха и Штейгера въ измѣнѣ. Штейгеръ бѣжалъ въ Австрію, а Эрлахъ во время своего отступленія былъ убитъ нѣсколькими фанатичными швейцарцами.

Французы заняли почти всю Швейцарію, а въ наказаніе обложили реакціонныхъ аристократовъ и ихъ приверженцевъ тяжелой контрибуціей. Лагарпъ и Оксъ воспользовались этимъ случаемъ, чтобы преобразовать Швейцарію въ политическомъ отношеніи, и Оксъ составилъ конституцію, которая была одобрена французской Директоріей. Конституція эта была торжественно провозглашена въ Аарау 12-го апрѣля 1798 г. Благодаря ей, Швейцарія превратилась въ объединенное государство, состоящее изъ 18 кантоновъ, Женева же была присоединена къ Франціи. Конституція Окса была составлена по образцу французской конституціи III г. и обладала всѣми недостатками послѣдней, но въ сравненіи съ тѣмъ хаосомъ, который царилъ при прежнемъ кантональномъ устройствѣ, она все же представляла собою шагъ впередъ.

Эта конституція, освободившая населеніе отъ личной зависимости и уничтожившая привилегіи и деспотію патриціанскихъ и аристократическихъ родовъ, повидимому, удовлетворила большинство швейцарцевъ. Но духовенство начало въ цѣломъ рядѣ кантоновъ возбуждать народъ противъ французовъ, рисуя послѣднихъ «безбожниками», «святотатцами» и «сынами дьявола». Потомки героевъ Моргартена и Семпаха вправду повѣрили, что они окажутъ большую услугу человѣчеству, если послѣдуютъ призыву своихъ поповъ и съ оружіемъ въ рукахъ станутъ противиться введенію новой конституціи. И вотъ,

благодаря фанатизму духовенства, въ мирныхъ долинахъ Швейцаріи разыгралась кровавая борьба. Генералъ Шауенбургъ двинулся противъ повстанцевъ, которые дрались съ удивительнымъ мужествомъ, но, несмотря на это, всюду были разбиты. Кантонъ за кантономъ сталъ сдаваться. Самое упорное сопротивленіе Шауенбургу оказали Швицъ, Ури и Унтервальденъ, которыми руководилъ Алоизъ Редингъ, но и эти кантоны были разбиты у Моргартена, послѣ чего они заключили Айнзидельскій договоръ, коимъ признали фактъ своего присоединенія къ Гельветической республикѣ.

Казалось, что теперь Швейцарія сумѣетъ уже спокойно заняться устройствомъ своихъ внутреннихъ дѣлъ. Но духовенство и старинная аристократія еще не сдавались. Когда пришлось присягнуть на вѣрность новой конституціи, католическое духовенство снова возбудило народъ къ противодѣйствію и еще разъ ввергло старые кантоны въ кровавую войну. Во главѣ возстанія сталъ Унтервальденъ, и онъ одинъ выставилъ войско въ 1.200 человѣкъ. Шауенбургъ поспѣшно прибылъ сюда со своей арміей, и у Штанцштадта произошла яростная битва, длившаяся три дня. Швейцарцы дрались отчаянно, и битва носила самый отвратительный характеръ: ни одна изъ сторонъ не щадила раненыхъ противниковъ и съ варварской жестокостью добивала ихъ. Въ рядахъ швейцарскаго войска сражалось много женщинъ, и 80 изъ нихъ пало. На полѣ битвы осталось 4.000 труповъ; Штанцштадтъ сталъ жертвой пламени, и его окрестности были совершенно опустошены. Сопротивленіе жителей Унтервальдена было сломлено, и побѣжденнымъ пришлось присягнуть на вѣрность конституціи. Резиденція швейцарскаго правительства была перенесена въ Люцернъ, а борьба партій съ поля битвы перешла на парламентскую почву.

Безцеремонная политика Директоріи и фанатизмъ католическаго духовенства Швейцаріи успѣли сдѣлать свое дѣло, и цвѣтущія долины старыхъ кантоновъ превратились въ пустыни, покрытыя грудами дымящихся развалинъ.

Что касается Италіи, то Директорія изъ вниманія къ Австріи и Испаніи покуда не трогала Тосканы и Пармы. Зато она принялась теперь за церковную область, которой раньше удалось купить себѣ нейтралитетъ у генерала Бонапарта. Средніе классы римскаго населенія проявляли рѣзко республиканскій образъ мыслей. Въ самомъ Римѣ городское населеніе было

настроено вполнѣ республикански, между тѣмъ какъ невѣже-
ственное населеніе предмѣстій, которое находилось въ полномъ
подчиненіи у римскаго духовенства, отличалось раболѣпіемъ и
проникнуто было фанатичной ненавистью къ Французской ре-
волюціи.

Жозефъ Бонапартъ, старшій братъ генерала Бонапарта, прибылъ въ Римъ въ качествѣ французскаго посла и всѣми силами старался поддержать республиканское движеніе. 28-го декабря 17[illegible]7 г. во дворцѣ французскаго посла собралось 300 римскихъ республиканцевъ. Въ то же время бросились изъ Трастевере, которыхъ нанимали и [illegible] дворянство и духовенство, съ крикомъ и шумомъ окружили дворецъ, а папская [illegible] на [illegible]. Жозефъ Бонапартъ, генералъ Дюфо [illegible] нѣсколько римлянъ, вооруженныхъ, спустились внизъ, чтобы возстановить тишину. Но не успѣли они выйти изъ воротъ дворца, какъ раздался залпъ, и генералъ Дюфо палъ мертвымъ. Жозефъ Бонапартъ покинулъ Римъ, а Директорія воспользовалась представившимся ей, наконецъ, случаемъ, чтобы двинуть въ церковную область армію подъ начальствомъ генерала Бертье. Римъ былъ занятъ французами 15-го февраля 1798 г. и здѣсь [illegible] учреждена Римская республика, которая, какъ и другія подобнаго рода республики, надѣлена была конституціей по образцу конституціи III г. Престарѣлый папа Пій VI былъ захваченъ въ плѣнъ. Его пересылали съ мѣста на мѣсто, пока онъ не попалъ, наконецъ, въ Валансъ, гдѣ и скончался.

Послѣ Бертье начальство надъ римской арміей перенялъ генералъ Массена, который сильно возбудилъ противъ себя римское духовенство, [illegible] золотые и серебряные церковные сосуды. Массена былъ грубой солдатъ, [illegible] въ такой же мѣрѣ дурной репутаціей за свои грабежи, въ какой онъ пользовался и громкой славой, благодаря своей храбрости и талантамъ полководца. [illegible] Духовенство [illegible] съ римлянъ [illegible] громко жаловалось на совершенное святотатство и возбуждало населеніе Трастевере противъ французовъ. Во время короткой отлучки Массена изъ Рима [illegible] римской борьбы, которая [illegible] жестоко, но славяне, которыхъ французы [illegible] не повѣрили. Послѣ этого Массена [illegible] былъ смѣщенъ Директоріей.

Пьемонтъ былъ захваченъ директоріей самымъ коварнымъ образомъ. Сардинскій король Карлъ-Эммануилъ II коварнымъ образомъ подавилъ въ своей странѣ республиканское возстаніе и предалъ смертной казни вожаковъ возстанія. Въ отвѣтъ на это ему объявили войну Лигурійская и Цизальпинская республики. Тогда директорія предложила королю защитить его отъ нападенія дочернихъ республикъ, и Карлъ-Эммануилъ по глупости или изъ трусости принялъ это предложеніе. Сардинскому королю не трудно было догадаться, что директорія не могла серьезно предлагать ему свою помощь. Какъ бы тамъ ни было, помощь была ему обѣщана, но онъ долженъ былъ передать Франціи свою единственную крѣпость—цитадель въ Туринѣ. Ее занялъ французскій генералъ Жуберъ, а потомъ, когда началась коалиціонная война, этотъ князь, который далъ провести себя за носъ и въ то же время велъ противъ Франціи переговоры съ другими дворами, былъ изгнанъ изъ своей страны.

Къ числу новосозданныхъ государствъ слѣдуетъ причислить еще и Партенопейскую республику, учрежденную въ Неаполѣ. О ней мы будемъ говорить ниже.

Созданныя директоріей республики не имѣли большой цѣны и просуществовали недолго. Новыя государства образовывались не съ тѣмъ, чтобы ихъ населеніе пріобрѣло свободу, которой не обладали уже и сами французы. За свободу и братство французы заступались въ 1792 и 1793 гг. А что касается директоріи, то она преслѣдовала самую обыкновенную завоевательную политику. Она посылала свои арміи къ чужимъ народамъ только для того, чтобы ограбить завоеванныя ею страны. Внѣшняя политика директоріи носила на себѣ печать грубости, коварства и жадности.

НАПОЛЕОНЪ БОНАПАРТЪ.

[illegible] полководецъ, заставившій трепетать гордую Австрію, закончилъ свои дѣла въ Италіи и теперь долженъ былъ отправиться на Раштадтскій конгрессъ, въ качествѣ перваго посла Французской республики. Бонапарту было тогда 28 лѣтъ. Въ его характерѣ [illegible] страннымъ образомъ сочетались пламенная страстность и холодная разсчетливость. Генералъ, принимавшій участіе въ стольких битвахъ, основавшій новыя государства и ведшій самыя разносторонніе дипломатическіе переговоры, [illegible] находилъ время для того, чтобы писать своей женѣ, красавицѣ Жозефинѣ, самыя нѣжныя письма, проникнутыя [illegible] страстью юношеской любви. Повидимому, Бонапартъ тогда искренно любилъ эту красивую и [illegible] женщину [illegible] безупречнымъ прошлымъ. Мы приводимъ здѣсь нѣсколько отрывковъ изъ его писемъ, чтобы показать, какъ нѣжно этотъ замѣчательный человѣкъ писалъ о своей [illegible] среди походовъ и битвъ. Въ началѣ похода 179[illegible] г. Бонапартъ писалъ Жозефинѣ:

«Какими чарами удалось тебѣ поглотить меня всего и притянуть къ себѣ все мое духовное существо? Любовь моя, это [illegible] окончится лишь вмѣстѣ съ моей жизнью. Жить для Жозефины — вотъ исторія моей жизни. Всѣ мои [illegible] направлены къ тому, чтобы быть возлѣ тебя... Человѣчество противно мнѣ. Я почти ненавижу его — оно отрываетъ меня отъ возлюбленной сердца моего!.. Я въ настоящій моментъ [illegible] въ Порто-Маурицiо, завтра буду въ Альбенгѣ. Обѣ арміи въ движеніи. Мы стараемся обмануть другъ друга. Побѣда останется за тѣмъ, кто лучше поведетъ игру!.. Я очень доволенъ Болье; разъ онъ [illegible] хлопоты, хотя его [illegible] то онъ [illegible]. Надо думать,

что я [illegible] сильныя [illegible]. [illegible] не [illegible]сь, [illegible] душу, [illegible] слишкомъ [illegible] для [illegible] весь.

[illegible] женщину, которой теперь [illegible], что будетъ жить для нея одной.

Однако [illegible], несмотря на свою способность предаваться [illegible] конгрессѣ въ Раштатѣ [illegible] государственныхъ [illegible]. Онъ [illegible] глубокой [illegible] и [illegible] съ той же энергіей, съ какой [illegible]. Но [illegible] на этомъ [illegible] его въ Парижъ, куда онъ и прибылъ въ [illegible] 17[illegible]7 г.

[illegible] Италіи? По его [illegible] милліонахъ. [illegible] у него не [illegible]. Говорятъ, что онъ, вернувшись въ Парижъ, [illegible] 270 000 [illegible] по [illegible]. [illegible] путемъ [illegible] Италіи [illegible] если бы [illegible] Греціи, [illegible] тотчасъ [illegible] чистотой.

[illegible] не [illegible] въ [illegible]

хотя онъ въ дѣйствительности полной грудью вдыхалъ въ себя еиміамъ, который ему воскурялся. Онъ съ разсчетомъ держалъ себя такъ, чтобы по возможности разжечь интересъ къ побѣдителю при Мантуѣ. Съ виду онъ былъ холоднымъ, замкнутымъ и мрачнымъ человѣкомъ, избѣгалъ всякихъ празднествъ и офиціальныхъ торжествъ. Онъ высказывалъ явное отвращеніе къ навязчивымъ людямъ. Это пришлось лично на себѣ испытать г-жѣ фонъ-Сталь, попытавшейся приблизиться къ новому свѣтилу. Эта интриганка, считавшая себя гораздо болѣе умной, чѣмъ она была въ дѣйствительности, получила отъ честолюбиваго корсиканца рѣзкій, но вполнѣ заслуженный отпоръ.

Несомнѣнно, что у генерала уже и въ то время мелькала мысль о томъ, чтобы протянуть руку къ государственной власти, хотя онъ тщательно и скрывалъ это отъ всѣхъ. Во время торжественнаго врученія директоріи въ Люксембургскомъ дворцѣ кампо-формійскаго договора Бонапартъ въ своей рѣчи прославлялъ конституцію III г., ту самую конституцію, которую онъ самъ уничтожилъ черезъ полтора года. Но для него не могли остаться тайной недостатки жалкаго директоріальнаго правительства. Онъ долженъ былъ понять, что конституція, которая съ каждымъ днемъ порождала все больше и больше неурядицъ, не обезпечиваетъ Франціи никакой будущности. Съ другой стороны, ему нетрудно было убѣдиться въ томъ, что самъ онъ пользуется безмѣрными симпатіями со стороны окружающихъ. Если онъ уже и въ это время считалъ себя будущимъ властителемъ Франціи, то все же не рѣшился теперь же сдѣлать рѣшительный шагъ къ захвату власти. Налицо было нѣсколько республиканскихъ генераловъ, которые при подобномъ предпріятіи могли оказаться для него опасными, благодаря своему мужеству и популярности.

Рѣшающее вліяніе на судьбу Бонапарта оказала мысль о нападеніи на восточныя владѣнія Англіи. Генералъ увлекся мечтою о блестящей и всемірно-исторической роли восточнаго завоевателя. Въ его пылкой фантазіи рисовались планы о завоеваніяхъ, подобныхъ завоеваніямъ Александра Македонскаго. Онъ отложилъ свои планы насчетъ Франціи и устремился на востокъ.

Вторая коалиція.

Питтъ намѣренъ былъ продолжать борьбу съ Французской республикой. Заключеніе кампо-формійскаго мира не помѣшало ему направить всѣ усилія къ тому, чтобы образовать вторую коалицію противъ Франціи, послѣ того какъ первая коалиція разстроилась, благодаря побѣдамъ, одержаннымъ республикой. Англійскіе купцы были рады такой политикѣ Питта. Дѣло въ томъ, что покрытіе *главной* части расходовъ по подобнымъ предпріятіямъ (поскольку самой Англіи приходилось покрывать эти расходы) ложилось не на нихъ, а на массу англійскаго народа, которому, кромѣ того, приходилось выплачивать и проценты по огромному государственному долгу, безпрерывно наростравшему, благодаря войнамъ Питта. Пріобрѣтеніе же новыхъ колоній и расширеніе морского владычества Англіи оживляли торговлю страны. Поэтому англійскіе купцы, извлекавшіе изъ завоевательной политики огромные барыши, считали политику Питта самой умной и самой искусной. Такимъ образомъ постоянно доставались деньги, которыя Англіи приходилось платить своимъ союзникамъ, потому что большинство союзниковъ помогало ей только за хорошую плату. Задача же англійскихъ дипломатовъ сводилась къ тому, чтобы у всѣхъ большихъ и малыхъ европейскихъ дворовъ возбуждать и поддерживать ненависть къ Французской республикѣ.

Въ Австріи Питтъ началъ интриговать сейчасъ же послѣ заключенія кампо-формійскаго мира, и ему удалось побудить домъ Габсбурговъ ко вступленію въ новую коалицію, хотя Австрія и вела въ Раштатѣ переговоры о долгомъ мирѣ. Внѣшней политикой Австріи, начиная съ 1794 г., завѣдывалъ баронъ Тугутъ (Thugut). Это былъ выскочка, которому, собственно говоря, слѣдовало бы сохранить за собою свою первоначальную фамилію — Тунихтгутъ (Tunichtgut) [1]. Этотъ человѣкъ, на котораго рѣшающее вліяніе оказывали англійскія деньги, а не интересы Германіи или Австріи, безъ дальнихъ размышленій согласился послѣдовать совѣту Питта и найти предлогъ для разрыва съ Франціей. Такой предлогъ вскорѣ нашелся.

---

1) Непереводимая игра словъ: Тугутъ (tuh'gut) означаетъ «поступай хорошо», Тунихтгутъ (tuh'nicht gut) «не поступай хорошо». *Прим. пер.*

Вѣнцы устроили празднество въ честь какой-то побѣды, одержанной надъ французами. Французскаго посла Бернадотта, ставшаго впослѣдствіи королемъ Швеціи, не въ мѣру разобидѣло это празднество, и онъ потребовалъ отмѣны его на томъ основаніи, что Австрія и Франція заключили уже между собою миръ. Когда-же празднество все-таки состоялось, Бернадоттъ вывѣсилъ на зданіи посольства трехцвѣтный флагъ съ надписью: «*свобода и равенство*»! Въ отвѣтъ на это вѣнцы разбили ему стекла, разгромили зданіе посольства, сорвали и бросили въ грязь трехцвѣтный флагъ. Полиція бездѣйствовала, и «добродушные» вѣнцы имѣли полную возможность натѣшиться вволю. Бернадоттъ не могъ добиться удовлетворенія за нанесенное ему оскорбленіе, а австрійское правительство, помимо всего, на него же взвалило вину во всемъ этомъ инцидентѣ.

Питтъ использовалъ натянутость въ отношеніяхъ между Франціей и Австріей и вовлекъ Австрію въ коалицію, остальное же сдѣлали англійскія деньги, уплоченныя барону Тугуту. Австрія снова вступила въ союзъ съ Англіей противъ Франціи. Россія также присоединилась къ коалиціи. Императоръ Павелъ I въ духовномъ отношеніи ничего не унаслѣдовалъ отъ своей матери Екатерины II. Онъ преклонялся предъ своимъ собственнымъ абсолютизмомъ, и ему казалось, что Французская республика уже однимъ только фактомъ своего существованія грозитъ опасностью его абсолютной власти. Къ тому же французы въ это время отняли островъ Мальту у находившагося въ полномъ упадкѣ мальтійскаго ордена, великимъ магистромъ котораго состоялъ Павелъ I. Павелъ взглянулъ на этотъ поступокъ Франціи, какъ на личное оскорбленіе, и не замедлилъ послѣдовать призыву Англіи.

Дипломатическіе агенты Питта, занимавшіеся безпрерывными интригами, пытались вовлечь въ коалицію и Пруссію, но въ данномъ случаѣ имъ пришлось столкнуться съ явнымъ нежеланіемъ пруссаковъ затѣвать новую войну. Фридрихъ-Вильгельмъ II скончался, а Фридрихъ-Вильгельмъ III нисколько не былъ склоненъ предпринимать романтическіе походы вродѣ похода 1792 г. Въ эту эпоху въ Пруссіи начиналась эра расчетливой и трезвой политики. Поэтому англійскія деньги теперь не представляли для Пруссіи такого соблазна, какъ при Фридрихѣ-Вильгельмѣ II, роскошный и расточительный дворъ котораго поглощалъ огромныя суммы денегъ. Пруссаки, правда, не от-

[illegible] бы отъ [illegible] [illegible] [illegible], но [illegible] то же [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], что [illegible] разъ Пруссія не участвовала [illegible] [illegible] коалиціонной войнѣ противъ французской республики. Въ [illegible] [illegible] Берлинѣ [illegible] Сіесъ и [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Нельзя [illegible], [illegible] [illegible] прусскій [illegible] [illegible] со [illegible] [illegible] преду[illegible]. [illegible] [illegible] было [illegible] Сіеса [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible]: «La mort sans phrases» ([illegible]). Сіесъ [illegible] [illegible] болѣе удобнымъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible], что [illegible] [illegible] Берлинъ [illegible] для достиженія своихъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] не долженъ [illegible] [illegible], потому что никто [illegible] не пользовался болѣе [illegible] [illegible], чѣмъ [illegible].

Швеція и [illegible] [illegible] [illegible]; Португалія [illegible] въ [illegible] съ Англіей; [illegible] [illegible] къ Австріи. [illegible], не [illegible] [illegible] въ [illegible], потому что [illegible] [illegible] [illegible] со стороны [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible], [illegible] Марія-Терезія, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] не [illegible] [illegible] французскую республику. [illegible] [illegible] [illegible] тайно [illegible] [illegible] [illegible]. Англія [illegible] къ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Такъ что [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] французской республикѣ. [illegible] [illegible] [illegible] въ плѣну у французовъ, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] республикѣ, но онъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] австрійскій [illegible] [illegible] [illegible] большія [illegible] на [illegible] благополучіе.

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] для [illegible]. И [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] Бонапартъ, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] IV, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

бинку его сына, который былъ отравленъ. Марія-Каролина [illegible] держала своего супруга въ [illegible] подчиненіи. Англійское вліяніе было очень сильно въ Неаполѣ. Главный министръ королевства Актонъ, который [illegible] былъ [illegible] англичаниномъ [illegible], [illegible] при [illegible] дворѣ, [illegible] къ [illegible] Англіи. Кромѣ того, [illegible] дворъ [illegible] пресловутой леди Гамильтонъ, которая раньше была проституткой и много лѣтъ [illegible] изъ рукъ въ руки, пока не [illegible] Гамильтонъ, [illegible] крестьянъ. [illegible] неаполитанскаго двора, [illegible] проституціи, была [illegible] другомъ королевы Каролины. [illegible] женщина [illegible] леди Гамильтонъ [illegible] ствія къ ней [illegible] Нельсона. Актонъ и леди Гамильтонъ были [illegible] въ дѣлахъ неаполитанской политики. [illegible] Французской [illegible] и [illegible] производили самые [illegible] [illegible] галстуковъ были [illegible] ныхъ въ [illegible] правительство [illegible] жане, ученые и художники, [illegible] стали [illegible] французской [illegible]. Злое вліяніе [illegible] часть населенія [illegible] [illegible] и [illegible] проявленіе либерализма, [illegible] щения, [illegible] вертахъ, [illegible] насчитывали [illegible] 30 или 60 [illegible].

Вскорѣ [illegible] Рима [illegible] у Неаполя [illegible] французскимъ [illegible] отъ требовалъ еще отъ [illegible] предложено англійскому [illegible] Нельсона. [illegible] Римской республики [illegible] Неаполь [illegible] въ [illegible] водѣ, и послѣдняя [illegible] въ Неаполѣ [illegible]

который прославился своей неспособностью и самонадѣянностью. Каролина удержала при себѣ своего любимца Актона, несмотря на то, что и ея свекоръ, испанскій король, настаивалъ на его отставкѣ. Въ ноябрѣ 1798 г. ген. Макъ выступилъ изъ Неаполя съ сорокатысячной арміей и вторгся въ предѣлы Римской республики. Французскій генералъ Шампіонне, командовавшій римской арміей и имѣвшій въ своемъ распоряженіи не болѣе 10 тысячъ человѣкъ, отступилъ передъ многочисленной арміей своего противника, очистивъ Римъ и Анкону. Макъ вмѣстѣ съ королемъ Фердинандомъ IV съ тріумфомъ вступили въ Римъ. Духовенство и населеніе, живущее по ту сторону Тибра, шумно выражало свой восторгъ, римляне же остались безучастными. Маку казалось, что онъ совершилъ великій подвигъ, а неаполитанскій дворъ не нашелъ лучшаго способа отпраздновать свою побѣду, какъ учинить кровавую расправу надъ республикански настроенной частью римскаго населенія. Къ этому начали уже дѣлать необходимыя приготовленія.

Однако дѣло до этого не дошло. Шампіонне, который былъ молодъ и отличался пылкостью характера и талантами военачальника, успѣлъ тѣмъ временемъ получить подкрѣпленія и быстро двинулся противъ Мака. Онъ опрокинулъ неаполитанцевъ по всей линіи и сумѣлъ внушить имъ такой ужасъ, что трусливый Макъ уже въ началѣ декабря оставилъ Римъ. Нельсонъ сразу вѣрно оцѣнилъ Мака. Онъ сказалъ о немъ: «Генералу Маку нужно пять каретъ, чтобы двинуться съ мѣста. Вотъ мое мнѣніе о немъ!» О неаполитанскихъ офицерахъ, на которыхъ свистъ пуль наводилъ очень большой страхъ, тотъ же Нельсонъ замѣтилъ: «Не много чести потеряли неаполитанскіе офицеры, ибо одному Богу извѣстно, какъ мало было ея у нихъ. Но зато они теперь потеряли все, что у нихъ было».

Шампіонне вторгся въ Неаполь, и неаполитанскій дворъ настолько растерялся, что уже 21 декабря 1798 г. бѣжалъ въ Сицилію, хотя въ гавани стоялъ Нельсонъ со своимъ флотомъ.

Тѣмъ временемъ и сардинскій король успѣлъ потерять свой тронъ, такъ какъ связи его съ коалиціей были извѣстны. Войско его было разоружено, и ему пришлось уступить Франціи Пьемонтъ. Позже онъ заявилъ, что сдѣлалъ это «по принужденію», какъ будто подобныя вещи когда-либо дѣлаются добровольно.

Шампіонне неудержимо двигался впередъ. У крѣпости

Капуи Макъ попытался опять загородить ему дорогу, но тотчасъ же снова потерялъ мужество и вмѣстѣ съ не менѣе трусливымъ княземъ Пиньятелли, который, какъ бывшій начальникъ полиціи, былъ назначенъ вице-королемъ Неаполя, униженно сталъ просить мира. По договору, заключенному въ Кальпи, Шампіоннэ далъ имъ перемиріе, но подъ условіемъ немедленной сдачи Капуи вмѣстѣ со всѣми припасами и оружіемъ и уплаты городомъ Неаполемъ 10 милліоновъ контрибуціи.

На этотъ договоръ лаццарони взглянули, какъ на измѣну. Они возстали, подстрекаемые неаполитанскимъ духовенствомъ и частью дворянства, и ихъ возстаніе сопровождалось убійствами и грабежами. Лаццарони избивали всѣхъ, кого они подозрѣвали въ симпатіяхъ къ французамъ. Пиньятелли бѣжалъ, а вмѣстѣ съ нимъ бѣжалъ и Макъ, который не чувствовалъ себя теперь въ Неаполѣ въ безопасности. Переодѣвшись въ австрійскую форму, Макъ явился въ лагерь Шампіоннэ. Макъ думалъ, что австрійскій мундиръ избавитъ его отъ плѣна на томъ основаніи, что Австрія не вела вѣдь еще войны съ Франціей. Однако Шампіоннэ не обратилъ никакого вниманія на этотъ глупый маскарадъ и задержалъ Мака. Онъ былъ, въ качествѣ военноплѣннаго, отпущенъ на честное слово и поселенъ въ Парижѣ, откуда бѣжалъ, нарушивъ свое слово.

Желая избавиться отъ террористическаго господства лаццарони, жители Неаполя призвали ген. Шампіоннэ, и послѣдній вступилъ въ Неаполь. Ему были сданы крѣпости, которыя господствовали надъ городомъ. Но разъяренные лаццарони снова возстали и убили множество французовъ. Въ кровопролитной уличной схваткѣ лаццарони были разбиты и надъ ними учинена была кровавая расправа. Многіе изъ нихъ бѣжали въ горы. 23 января 1799 г. Шампіоннэ, по соглашенію съ республикански настроенною частью населенія, провозгласилъ въ Неаполѣ Партенопейскую республику (отъ древняго имени Неаполя—Партенопеи).

Такимъ образомъ, война въ Италіи ознаменовалась для французовъ крупнымъ успѣхомъ. Но именно Партенопейской республикѣ суждено было просуществовать очень недолго, хотя лучшіе люди Неаполя прилагали всѣ свои силы къ тому, чтобы укрѣпить ее. Вновь начинавшаяся великая война должна была снова кореннымъ образомъ преобразовать Италію.

Бонапартъ въ Египтѣ.

Послѣ заключенія Кампо-Формійскаго мира директорія начала придумывать способы, чтобы нанести чувствительный ударъ Англіи, которая проявила себя въ качествѣ самаго энергичнаго и самаго сильнаго изъ всѣхъ враговъ Французской республики. Въ виду неоспоримаго господства Англіи на морѣ, добраться до нея было нелегко, и помощь испанскаго и голландскаго флотовъ, какъ мы видѣли, не сдѣлала Францію еще достаточно сильной для того, чтобы помѣряться съ Англіей силами на морѣ. Ослабить Англію можно было только нанеся ущербъ ея торговымъ интересамъ. Какъ это часто бываетъ, незначительный поводъ повлекъ за собою очень важныя послѣдствія. Французскій консулъ въ Египтѣ, извѣстный Магаллонъ, предложилъ создать въ Египтѣ французскую колонію и такимъ образомъ положить начало французской торговлѣ на востокѣ. Благодаря этому предложенію возникла мысль совершенно овладѣть Египтомъ и оттуда проникнуть въ Индію, чтобы непосредственно напасть на главный источникъ англійскаго богатства.

Было очень мало шансовъ на то, чтобы успѣшно привести въ исполненіе этотъ гигантскій планъ. Взялись же за его осуществленіе, главнымъ образомъ, по двумъ причинамъ. Директорію уже въ это время пугало опасное честолюбіе Бонапарта и, отправляя генерала въ восточную экспедицію, исходъ который былъ очень сомнителенъ, она надѣялась надолго или даже навсегда избавиться отъ него. Бонапартъ же, напротивъ, страстно искалъ приключеній. Онъ надѣялся, что благодаря походу въ Египетъ, еще ярче засіяетъ тотъ романтическій ореолъ, который уже теперь окружалъ его личность.

Директорія рѣшила снарядить большую экспедицію въ Египетъ подъ начальствомъ генерала Бонапарта. Этотъ планъ пришлось хранить въ строгой тайнѣ, потому что въ Египетъ можно было добраться только моремъ, и англичане имѣли, слѣдовательно, возможность преградить экспедиціи путь и такимъ образомъ погубить дѣло въ самомъ началѣ. Поэтому правительство постаралось распространить слухъ о томъ, будто Франція намѣрена напасть на англичанъ на ихъ собственной территоріи. Во всѣхъ французскихъ гаваняхъ шла дѣятель-

Лордъ Корнваллисъ энергично, но [illegible] линией [illegible], [illegible]. [illegible] время сдѣлалъ и Гошъ въ Ирландіи. Французы появились у береговъ Англіи лишь 22 августа 1798 г. Армія, которой начальствовалъ ген. Гумберъ, высадилась въ Киллалской бухтѣ. Но въ распоряженіи Гумбера было всего 1.100 человѣкъ, а инсуррекціонной ирландской арміи давно уже не существовало. Къ нему присоединились лишь нѣсколько недисциплинированныхъ отрядовъ ирландцевъ [illegible] помочь дѣлу освобожденія общей своей [illegible]. Гумберъ двинулся вглубь страны, но противъ него выступилъ Корнваллисъ съ превосходящей по численности арміей и 8 сентября у Баллинамука [illegible]. Эта неудача оказала вліяніе и на остальные отряды экспедиціи. Генералъ Рей, высадившійся у острова Рутлэнда, тотчасъ же повернулъ обратно; генералъ Арди, отправившійся изъ Бреста съ трехтысячной арміей, былъ принужденъ обратно [illegible]; генералъ Савари, который прибылъ въ Киллалскую бухту, отплылъ обратно во Францію сейчасъ же по полученіи извѣстія о пораженіи Гумбера.

Такимъ образомъ, Англіи удалось подавить крупное возстаніе внутри своей страны и отразить нападеніе французовъ. Въ томъ же году она завоевала островъ Минорку.

Тѣмъ временемъ двинулась въ путь и фантастическая экспедиція на востокъ. 19-го мая 1798 г. Бонапартъ отплылъ съ огромнымъ флотомъ. Надъ флотомъ начальствовалъ адмиралъ Брюйсъ. Флотъ состоялъ изъ 15 линейныхъ судовъ, въ числѣ которыхъ находилось огромное военное судно «Оріентъ» съ 120 пушками, 14 фрегатовъ, 72 мелкихъ военныхъ судовъ и 400 транспортныхъ кораблей. Бонапарта сопровождало множество лучшихъ офицеровъ французской арміи. Войско его состояло изъ 36 тысячъ человѣкъ и было снабжено всѣмъ необходимымъ. Адмиралу Нельсону было поручено наблюдать за тулонской гаванью, и онъ, безъ сомнѣнія, уничтожилъ бы французскій флотъ, если бы въ это время не потерялъ мачты одинъ изъ кораблей, на которомъ онъ крейсировалъ около Тулона. Нельсонъ [illegible] къ острову Сардиніи, чтобы привести въ порядокъ этотъ корабль. Тѣмъ временемъ Бонапартъ успѣлъ поднять паруса и вынести въ открытое море, не встрѣтивъ на своемъ пути никакихъ препятствій.

Французскій флотъ сперва направился къ острову Мальтѣ, который рѣшено было захватить и сдѣлать опорнымъ пунктомъ на Средиземномъ морѣ. Мальтійскіе рыцари, владѣвшіе тогда этимъ островомъ, совсѣмъ не были похожи на тѣхъ героевъ, которые нѣкогда такъ храбро защищались отъ нападенія турокъ. Мальта сама по себѣ была почти неприступна. Но французы, входившіе въ составъ ордена, были на сторонѣ Бонапарта, и когда послѣдній 10-го іюня появился передъ Мальтой, они настояли на сдачѣ острова. Трусливый Гомпешъ, великій магистръ ордена, потребовалъ, чтобы ему обѣщали княжество въ Германіи, и на этомъ условіи согласился капитулировать и передать островъ Французской республикѣ. Ему обѣщана была ежегодная пенсія въ размѣрѣ 300 тысячъ франковъ, но директорія обманула его, и онъ получилъ всего лишь 15 тысячъ. Впослѣдствіи этотъ комичный рыцарь протестовалъ противъ капитуляціи, но, понятно, безъ всякаго успѣха.

Занявъ Мальту, Бонапартъ черезъ Кандію направился въ Египетъ. Между тѣмъ Нельсонъ, значительно увеличивъ свой флотъ, употреблялъ всѣ усилія, чтобы разыскать французскій флотъ, но ему не посчастливилось найти его, именно вслѣдствіе своего излишняго усердія. Онъ прибылъ въ Египетъ раньше Бонапарта, вернулся обратно, истощилъ такимъ образомъ весь свой провіантъ и послѣ этого принужденъ былъ нѣкоторое время простоять на якорѣ въ бездѣйствіи. А тѣмъ временемъ Бонапартъ успѣлъ прибыть въ Александрію и занялся перевозкою своей арміи на берегъ. Вмѣстѣ съ солдатами высадился и небольшой отрядъ ученыхъ,—математиковъ, естествоиспытателей, врачей, географовъ и историковъ,—которые приняли участіе въ этой интересной, но опасной экспедиціи, намѣреваясь изслѣдовать и описать неизвѣстную еще страну. Труды этихъ ученыхъ и остались единственнымъ положительнымъ результатомъ египетской экспедиціи.

Легкомысленные французы привезли съ собою въ Египетъ даже театръ и балетъ. Но дѣло приняло болѣе серьезный оборотъ, чѣмъ многіе изъ нихъ думали.

1-го іюля 1798 г. началась высадка войскъ въ Александрійской гавани, и уже черезъ два дня Александрія, старинныя укрѣпленія которой не могли послужить французамъ серьезной помѣхой, была взята штурмомъ. Въ гавани старинного города были помѣщены транспортныя суда, между тѣмъ какъ военный

Флотъ помѣстился [illegible] на Абукирскомъ рейдѣ, потому что гавань не была приспособлена для глубоко сидящихъ кораблей.

Такъ началась [illegible] въ Египетъ, причемъ [illegible] даже [illegible] объявить войну [illegible] своей страны.

Египетъ находился подъ протекторатомъ Порты. Такимъ образомъ, Бонапартъ нанесъ оскорбленіе Портѣ, и это ускорило присоединеніе [illegible] къ Англіи и Россіи. Въ Египтѣ существовали въ то время три класса населенія: бедуины, кочевавшіе въ пустынѣ и жившіе [illegible], грабежемъ и торговлей; [illegible], обрабатывавшіе землю и [illegible]; [illegible] же [illegible] были мамелюки, составлявшіе [illegible] и занимавшіеся спеціально военнымъ дѣломъ. Ряды мамелюковъ пополнялись рабами, большею частью грузинами и черкесами. 24 мамелюкскихъ бея управляли 24 [illegible], на которые раздѣленъ былъ Египетъ. Въ это время двое изъ этихъ вождей, Мурадъ и Ибрагимъ-бей, объявили себя независимыми и отложились отъ Порты. Какъ причину своей экспедиціи въ Египетъ, Бонапартъ выставилъ желаніе привести отложившихся беевъ къ повиновенію Портѣ. Само собою понятно, что Порта не повѣрила въ искренность этого желанія. Англія совмѣстно съ Россіей оказали извѣстное вліяніе на Порту, и султанъ Селимъ III объявилъ, наконецъ, въ сентябрѣ 1798 г. войну Французской республикѣ.

Мамелюки, которымъ предстояло защищать Египетъ, были прекрасными солдатами. Они отличались храбростью и съ презрѣніемъ относились къ смерти. Они всѣ были лихими наѣздниками и имѣли нѣсколькихъ лошадей. Но съ другой стороны, они далеко не могли сравниться съ французами въ отношеніи дисциплины и вооруженія.

Когда Бонапартъ двинулся вверхъ по Нилу, предводитель мамелюковъ Мурадъ-бей собралъ свои войска, намѣреваясь отбросить французовъ обратно къ морю. Онъ считалъ это не труднымъ дѣломъ, и [illegible], что они своими кривыми саблями порубятъ французовъ, какъ [illegible]. Дѣло однако оказалось далеко не такимъ легкимъ.

Въ сопровожденіи флотиліи кораблей французы быстро двигались вверхъ по рѣкѣ. Они здѣсь впервые познакомились съ палящимъ солнцемъ Африки. Многіе солдаты пали духомъ при

видѣ пустынной страны, на которой, казалось, на ихъ долю могли выпасть одни только лишенія. Между тѣмъ все время тревожили французовъ [illegible] и больные по [illegible] въ пути солдатъ. 13-го іюля французы выдержали первое сраженіе съ мамелюками и французы вынудили ихъ къ отступленію. Когда французская армія 21-го іюля приблизилась къ окрестностямъ Каира и передъ ней на западѣ развернулась могучая панорама пирамидъ, она увидала, что вся обширная равнина покрыта блестящими отрядами конницы. Здѣсь выстроились [illegible] мамелюки, одѣтые и въ полномъ вооруженіи [illegible].

У деревни Эмбабе мамелюки возвели грубыя укрѣпленія и поставили на нихъ 40 [illegible] пушекъ. Находившаяся же за этими укрѣпленіями египетская пѣхота состояла изъ всякаго неподдающагося сброда. Бонапартъ выстроилъ свои дивизіи въ крѣпкія каре и двинулъ ихъ противъ лагеря мамелюковъ. Передъ битвой Бонапартъ обратился къ войскамъ съ пламенной рѣчью. Пользовался онъ тѣмъ [illegible], что его военнымъ стилемъ, эффектъ котораго онъ такъ хорошо умѣлъ усиливать употребленіемъ красивыхъ и сильныхъ фразъ. Онъ и въ этомъ случаѣ сумѣлъ пробудить въ своихъ солдатахъ чувство гордости и честолюбія.

«Солдаты!—воскликнулъ онъ.—Помните, что сорокъ вѣковъ глядятъ на васъ съ вершинъ этихъ пирамидъ».

Конные эскадроны мамелюковъ съ силою налетѣли на французовъ и сильнымъ натискомъ пытались разорвать французскія каре. Но французы встрѣтили ихъ убійственнымъ ружейнымъ и орудійнымъ огнемъ, и атакующіе были отброшены не дрогнувшими каре французовъ. Мурадъ-бей и его солдаты съ полнымъ презрѣніемъ къ смерти не разъ бросались навстрѣчу французскимъ штыкамъ, но въ концѣ концовъ они все же принуждены были обратиться въ бѣгство, такъ какъ потерпѣли ужасный уронъ. Тѣмъ временемъ французы успѣли захватить ихъ лагерь и ударили на мамелюковъ съ тылу. Много сотъ мамелюковъ было сброшено въ Нилъ и погибло въ его волнахъ. Мурадъ-бей съ нѣсколькими спутниками спасся поспѣшнымъ бѣгствомъ. Все его войско было разсѣяно. Въ этой безпримѣрной битвѣ на сторонѣ французовъ пало 50, а на сторонѣ мамелюковъ 2000 человѣкъ.

Французы [illegible] надѣялись [illegible] много золота и драгоцѣнностей, а встрѣтили только [illegible] съ неистовствомъ [illegible] и съ тѣми лишеніями, которыя имъ пришлось перенести [illegible] Африки. На слѣдующій день французы вступили въ Каиръ. Они надѣялись видѣть въ одномъ изъ самыхъ роскошныхъ городовъ Востока и были крайне разочарованы, когда увидѣли, что за исключеніемъ домовъ, съ которыхъ [illegible], весь городъ состоитъ изъ низкихъ и грязныхъ лачугъ.

Чтобы дать странѣ новое управленіе, Бонапартъ учредилъ особую комиссію. А самъ онъ ревностно сталъ заботиться объ улучшеніи [illegible] и облегченіи путей сообщенія. Онъ [illegible] трудовъ. Кромѣ того, его угнетало и то обстоятельство, что онъ не получалъ никакихъ вѣстей изъ Европы. Онъ предполагалъ носиться съ грандіозными планами [illegible] съ мыслью объ основаніи [illegible] государства. Въ это время однако произошло событіе, которое сильно охладило его разгоряченную фантазію.

Нельсонъ [illegible] у береговъ Египта. Этотъ суровый морякъ, который сталъ однимъ изъ величайшихъ героевъ Англіи и которому предстояло пріобрѣсти большую извѣстность въ борьбѣ съ Бонапартомъ, являлся однимъ изъ самыхъ страстныхъ враговъ Франціи. Онъ обладалъ изумительнымъ мужествомъ, умомъ и хладнокровіемъ. Онъ былъ геніаленъ, какъ морской стратегъ, и его флотъ всегда сопровождала побѣда. Онъ сумѣлъ на морѣ постоянно вырывать побѣду изъ рукъ мощнаго корсиканца, который на сушѣ все сметалъ на своемъ пути. Въ остальномъ же онъ былъ грубый и безсовѣстный человѣкъ. Онъ навсегда запятналъ свое имя рабольпнымъ подчиненіемъ капризамъ такой отверженной женщины, какъ леди Гамильтонъ.

Нельсонъ появился у Абукира 1-го августа во главѣ флота, состоявшаго изъ 13 линейныхъ судовъ и двухъ фрегатовъ, и тотчасъ же смѣло напалъ на болѣе сильный французскій флотъ. Произошло ужасное сраженіе, въ которомъ вскорѣ обнаружилось превосходство англійскаго флота. Французскій флотъ былъ расположенъ вблизи берега, и англійскій адмиралъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ для смѣлаго маневра. Онъ съ частью своихъ судовъ проникъ въ неглубокій

[illegible] орудій. [illegible] Египтѣ и [illegible] бость [illegible], онъ подвергъ французскій флотъ обстрѣлу съ двухъ сторонъ, а это привело къ смятенію въ рядахъ французовъ. Загорѣлось [illegible] французское адмиральское судно („Оріентъ“), а адмиралъ Брюи былъ убитъ англійскимъ ядромъ. Судно съ страшнымъ грохотомъ взлетѣло на воздухъ. [illegible] былъ раненъ. Сраженіе приняло такой оборотъ, что [illegible] французскимъ судамъ [illegible] англичанъ. Несмотря на отчаянное сопротивленіе французовъ, ихъ корабли были одни за другими либо захвачены въ плѣнъ, либо пущены ко дну. [illegible] суда были мужественно [illegible], убѣдившись въ невозможности своей позиціи, французскій вице-адмиралъ Вилльневъ спасся съ двумя линейными судами и двумя фрегатами, а всѣ остальныя суда были либо уничтожены, либо перешли въ руки непріятеля.

Въ этомъ кровопролитномъ сраженіи погибло свыше пяти тысячъ и попало въ плѣнъ свыше трехъ тысячъ французовъ. Англичане, наоборотъ, потеряли всего лишь 900 человѣкъ.

[illegible] сраженіе [illegible] ударомъ для Бонапарта, который попалъ въ крайне критическое положеніе. Генералъ намѣревался было захватить Египетъ, а осенью вернуться обратно во Францію. А теперь онъ потерялъ свой флотъ и, отрѣзанный отъ Европы, принужденъ былъ остаться въ Египтѣ. Онъ оставался прикованнымъ къ чужой землѣ, въ которой находился уже мѣсяцъ, не получая никакихъ вѣстей изъ Франціи. Другой въ подобномъ положеніи потерялъ бы голову, но Бонапартъ не растерялся. Его поддерживалъ его фанатизмъ. Онъ вѣрилъ въ свою звѣзду, такъ какъ вообще былъ немножко суевѣренъ.

Нельсонъ [illegible] нѣсколько оправился отъ удара, нанесеннаго ему подъ Абукиромъ. Англійскій адмиралъ, въ теченіе цѣлыхъ четырнадцати дней исправлялъ свои корабли, а затѣмъ отправился въ Неаполь, чтобы принимать добычу и потомъ быть у ногъ леди Гамильтонъ. За это время Бонапартъ совершенно спокойно могъ подготовляться къ болѣе продолжительному пребыванію въ Египтѣ.

Ибрагимъ бей, который былъ врагомъ къ Мураду до сихъ поръ не принимавшій никакого участія въ борьбѣ съ французами,

стоялъ по [illegible] у границъ Сирійской пустыни. Бонапартъ [illegible] на [illegible] и [illegible] по пустынѣ, разбилъ [illegible] въ битвѣ [illegible] и разбилъ въ разныхъ сторонахъ [illegible] Мурадъ-бея, [illegible] Египтѣ, былъ [illegible]. [illegible] рѣшилъ бея при Седиманѣ и [illegible] пустыню. Дезе вступилъ въ Верхній Египетъ и дошелъ до [illegible] пороговъ. Его сопровождало въ походѣ множество ученыхъ, желавшихъ изслѣдовать Верхній Египетъ. Эти ученые [illegible] на ослахъ, и когда [illegible] солдатъ [illegible] въ каре, то [illegible] раздавалась команда: «Ослы и ученые — въ середину». [illegible] французы называли [illegible] «полу-учеными» (demi savants), но въ общемъ солдаты относились къ ученымъ съ уваженіемъ. Къ результатамъ [illegible] ученый міръ отнесся съ [illegible] интересомъ, и они доставили много полезнаго и интереснаго научнаго матеріала.

Теперь Бонапартъ обратилъ все свое вниманіе на внутреннее устройство Египта. [illegible], что не затронулъ религіозныхъ [illegible] жителей. Онъ проявлялъ величайшее уваженіе къ магометанству и даже способствовалъ переходу въ Исламъ генерала Мену. Онъ учредилъ совѣщаніе (диванъ) [illegible], совмѣстно съ ними обсуждалъ дѣла страны. Онъ уже въ этомъ случаѣ обнаружилъ ту [illegible], благодаря которой впослѣдствіи сумѣлъ расположить къ себѣ французовъ. Ему даже удалось [illegible] богослововъ объявить его наслѣдникомъ Магомета. Тѣ же богословы заявили, что египтяне обязаны платить дань французамъ.

Но европейскій [illegible] не пришелся по душѣ египтянамъ. Они не привыкли платить налоги и содержать за свой счетъ судебныя и тому подобныя учрежденія. Имѣется турецкая исторія Египта, въ которой описанъ періодъ французскаго господства въ этой странѣ. Вотъ какъ турецкій историкъ описываетъ [illegible] при французахъ: «Когда кто-нибудь умиралъ, то прежде всего требовалось [illegible] у [illegible], [illegible] ли онъ [illegible], и въ теченіе 24 часовъ необходимо было составить опись всего имущества, оставшагося послѣ покойнаго. Въ случаѣ, если бы семья

покойнаго воспротивилась составленію описи, диванъ овладѣлъ бы всѣмъ имуществомъ и ничего не оставили бы наслѣдникамъ. Когда же опись составлялась, то надо было платить. Когда на сцену появлялся наслѣдникъ, то съ него требовали денегъ. Если какой-нибудь кредиторъ покойнаго предъявлялъ искъ, то ему приходилось платить за то, что его искъ былъ признанъ правильнымъ, а когда онъ получалъ слѣдуемыя ему деньги, то ему опять-таки приходилось платить. Даже лица, которымъ необходимо было поѣхать куда-нибудь, не имѣли возможности двинуться съ мѣста безъ бумаги, за которую надо было платить. Платить приходилось и за внесеніе въ книги случаевъ рожденія или смерти. Мало того, всякую сдѣлку между частными лицами нужно было оплачивать!»

Изъ вышесказаннаго явствуетъ, насколько чужда и обременительна была для жителей Египта бюрократическая система. Они до той поры никогда не знали ничего подобнаго. Если вельможи страны и льстили завоевателю и высказывали ему всяческое уваженіе, то въ народныхъ массахъ все же продолжала господствовать фанатическая ненависть къ христіанамъ или «гяурамъ». Ненависть эту старались поддерживать константинопольскія власти и такимъ образомъ въ Каирѣ, гдѣ царило сильнѣйшее недовольство образомъ правленія французовъ, совершенно незамѣтно для послѣднихъ подготовлялось возстаніе. Оно началось въ октябрѣ. По заранѣе условленному сигналу населеніе Египта возстало и съ яростью напало на ничего не подозрѣвавшихъ французовъ. Пока Бонапартъ успѣлъ собрать свои войска, было [illegible] много французскихъ чиновниковъ и солдатъ. Бонапартъ вывелъ изъ мятежнаго города своихъ солдатъ и приказалъ подвергнуть Каиръ жестокой бомбардировкѣ. При этомъ сгорѣло множество общественныхъ зданій. Затѣмъ французы, [illegible], бросились брать городъ приступомъ. Улицы были очищены отъ народа картечью, и послѣ ужасной рѣзни повстанцы были разсѣяны. Многіе изъ нихъ бѣжали въ пустыню. Каиръ былъ разрушенъ и [illegible]. Съ этого момента французскій генералъ отказался отъ примирительной политики. Онъ утверждалъ, что Востокъ можно покорить только путемъ террора, и [illegible].

[illegible] Іоническіе острова [illegible] у Франціи и [illegible]

[illegible] республиканск[illegible] [illegible] оторванный отъ Европы генералъ [illegible] жилъ въ Египтѣ [illegible] о своихъ фантастическихъ планахъ относительно завоеванія Сиріи и о созданія новаго мірового восточнаго государства. [illegible] самъ разсказывалъ о томъ, что въ это время былъ занятъ обдумываніемъ обширныхъ плановъ. Онъ намѣревался было двинуться противъ Константинополя черезъ Сирію и Малую Азію, населеніе которыхъ, по его мнѣнію, было склонно присоединиться къ Франціи, и въ столицѣ Турціи продиктовать трепещущей Портѣ свои условія мира. О томъ, что въ это время происходило въ Европѣ, онъ получалъ лишь скудныя извѣстія.

Чтобы пока утвердиться въ Египтѣ, Бонапартъ рѣшилъ прежде всего овладѣть сирійскимъ побережьемъ, потому что ему достовѣрно извѣстно было о намѣреніи турокъ напасть на Египетъ изъ Сиріи. У сирійскихъ береговъ даже появилась англійская эскадра, намѣревавшаяся оказать поддержку туркамъ.

Въ Акрѣ сидѣлъ извѣстный своей жестокостью Джеззаръ-паша (джеззаръ значитъ мясникъ). Онъ владѣлъ почти всей Сиріей и былъ въ очень натянутыхъ отношеніяхъ съ султаномъ. Бонапартъ пытался привлечь его на свою сторону, но англичане опередили французскаго генерала. Посуливъ Джеззару назначеніе египетскимъ пашой, они склонили его къ мысли о необходимости изгнать французовъ. Джеззаръ при помощи Англіи приготовился къ войнѣ и превратился въ опаснаго врага для генерала Бонапарта.

Въ февралѣ мѣсяцѣ Бонапартъ двинулся въ Сирію съ арміей, состоявшей приблизительно изъ 12 тысячъ человѣкъ. Бразды же правленія въ Египтѣ онъ передалъ нѣкоторымъ изъ своихъ генераловъ. Пограничный фортъ Эль-Аришъ, который занятъ былъ сирійцами по приказанію Джеззара, сдался Бонапарту, и [illegible] на всѣ четыре стороны гарнизонъ форта, состоявшій изъ 2 тысячъ арнаутовъ, взявъ съ нихъ слово, что они больше не будутъ воевать съ французами. Эль-Аришъ прикрывалъ переходъ черезъ Суэцкій перешеекъ, и послѣ его паденія Бонапартъ могъ безпрепятственно проникнуть въ Сирію. Французская армія возликовала, когда она послѣ тяжелаго пути черезъ пустыню увидѣла передъ собою богатую Палестину, съ которою для нея связано было столько великихъ

ге[illegible]ній о старин[illegible] [illegible] французы, и их гарнизонъ [illegible] въ Яффу [illegible] французамъ упорное сопротивленіе, несмотря на слабость укрѣпленій этого города. 7 марта была взята приступомъ Яффа. Половина ея гарнизона была перебита, а другая половина захвачена въ плѣнъ. Французамъ показалось, что среди плѣнныхъ находятся и тѣ 2 тысячи арнаутовъ, которые были отпущены въ Эль-Аришѣ на родину подъ условіемъ не воевать больше съ Франціей. Бонапартъ пришелъ въ ярость и приказалъ разстрѣлять эти до 4 тысячъ арнаутовъ. Это кровопролитіе послѣ одержанной французами побѣды было столь же позорнымъ, какъ и варварскимъ.

Изъ Яффы Бонапартъ двинулся противъ крѣпости Акра, въ которой находился Джеззаръ съ главными своими силами. Очутившись передъ старинными башнями и стѣнами этого города, прославившагося со временъ крестовыхъ походовъ, французскій генералъ и не подозрѣвалъ о томъ, что здѣсь наступитъ конецъ его великимъ удачамъ на востокѣ. Ему казалось, что завоеваніе этого главнаго сирійскаго города не представитъ для него никакихъ особыхъ трудностей. Но генералъ, вышедшій побѣдителемъ изъ столькихъ битвъ, въ этомъ случаѣ ошибся. Онъ не оцѣнилъ по достоинству ни энергіи Джеззара, ни предусмотрительности англійскаго адмирала Сиднея Смита, который бросилъ якорь въ гавани Акры. Оборону города, который Сидней Смитъ снабдилъ всѣмъ необходимымъ для войны, вели европейскіе офицеры во главѣ съ французскимъ эмигрантомъ, инженеромъ Филиппо.

Хотя Сидней Смитъ и отличался тщеславіемъ и высокомѣріемъ, но онъ обладалъ въ то же время предусмотрительностью и энергіей и очень искусно подготовился къ оборонѣ. Онъ поставилъ французовъ въ затруднительное положеніе, захвативъ у холма Кармель плывшую изъ Египта флотилію судовъ, нагруженныхъ тяжелыми осадными орудіями. Орудія, предназначенныя для бомбардировки стѣнъ Акры, были поставлены на валахъ и осажденные метали свои снаряды во французскія колонны, шедшія на приступъ.

Штурмы французовъ были отбиты съ большимъ урономъ. Турки, которымъ Джеззаръ за голову каждаго убитаго француза выдавалъ крупную награду, сражались съ большимъ упорствомъ, и осада Акры стала затягиваться. Бонапартъ, который никакъ не могъ повѣрить, чтобы такая незначитель-

ная крѣпость устояла противъ силы его войскъ, тогда осаду со всей [illegible] ему армiей. [illegible] въ Сирiи было собрано войско, которое должно было [illegible] на выручку крѣпости. Это войско было больше [illegible], но плохо вооружено и не дисциплинировано. Противъ него двинулись Клеберъ, Мюратъ и Жюно. У горы Фаворъ произошла битва, исходъ которой рѣшило [illegible] Бонапарта съ своей главной армiей. Сирiйцы были разбиты и обращены въ бѣгство.

Положенiе дѣлъ у Акры однако все ухудшалось, и Бонапартъ рѣшилъ энергично штурмовать городъ, чтобы снести это стойкое укрѣпленiе, которое, казалось, мѣшало исполненiю всѣхъ его фантастическихъ плановъ. Этотъ ужасный по своимъ потерямъ штурмъ начался 7-го мая. Въ укрѣпленiяхъ города удалось пробить брешь, и французы прорвались въ крѣпость, но были снова отброшены послѣ кровопролитной рѣзни. На слѣдующiй день удалось пробить три бреши, и французы снова отважно прорвались въ городъ. Но и на этотъ разъ одолѣли англичане и турки, и французамъ снова пришлось отступить. Съ тѣмъ же результатомъ штурмы и ихъ отраженiе продолжались до 12-го мая. Осажденные оборонялись съ такимъ же упорствомъ, съ какимъ французы нападали, а когда турецкiй флотъ получилъ еще подкрѣпленiе, Бонапартъ убѣдился, наконецъ, въ томъ, что онъ не въ силахъ будетъ взять крѣпость, пока входъ въ гавань Акры остается открытымъ для враговъ. Многочисленныя штурмовыя нападенiя были сопряжены съ тяжелыми потерями для французовъ, и Бонапартъ рѣшилъ отступить. Поплатившись за Акру [illegible] одной ужасной бомбардировкѣ, французскiй полководецъ отступилъ 20-го мая.

У этой небольшой крѣпости, о стѣны которой разбились штурмовыя колонны Бонапарта, рушились и планы французскаго полководца [illegible] основанiя новаго мiрового государства на востокѣ. Ему впервые пришлось убѣдиться въ томъ, что и его силы не безграничны.

Благодаря упорной оборонѣ крѣпости Акры, вся эта война получила иной оборотъ. Бонапартъ понялъ, что ему придется ограничиться завоеванiемъ Египта. Его войско вернулось въ Египетъ въ полномъ порядкѣ. Разсказъ о томъ, будто бы больныхъ чумою французовъ въ Яффѣ отравили опiумомъ, чтобы они не попали въ руки къ туркамъ, оказывается выдумкой. 14-го iюля 1799 г. Бонапартъ вступилъ въ Каиръ.

Въ Египтѣ Бонапарту представился случай вновь усилить свою военную славу. [illegible] въ безу-[illegible] силы Англіи. У турокъ было за это время успѣло высадиться турецкое войско, которое заняло крѣпость Абукиръ. Турецкой арміи, доставленной на англійскихъ корабляхъ, командовалъ [illegible]-Мустафа-паша. Бонапартъ тотчасъ же выступилъ изъ Каира съ цѣлью отбросить турокъ. Это ему вполнѣ удалось 25-го іюля въ ожесточенной битвѣ при Абукирѣ. Блестящая побѣда, одержанная надъ турками, вполнѣ [illegible] вѣру въ звѣзду Бонапарта, какъ полководца.

Турки окопались при Абукирѣ. Бонапартъ путемъ искусныхъ маневровъ принудилъ ихъ оставить окопы. Имъ удалось [illegible] случайно окружить [illegible] французами, но [illegible] всей своей массой и [illegible] съ позицій. Турки были оттѣснены къ морю. Преслѣдуемые французами, они не успѣли спастись на лодкахъ и погибли въ большомъ количествѣ. Говорятъ, что на поверхность рѣки выплыло до 10 тысячъ труповъ. Около 4 тысячъ турокъ бросилось въ крѣпость Абукиръ, гдѣ имъ и пришлось вскорѣ сдаться.

Несмотря однако на этотъ рѣшительный ударъ, нанесенный врагамъ, Бонапартъ сталъ ощущать неудобство своего положенія въ Египтѣ. Онъ понималъ, что не сумѣетъ здѣсь долго продержаться. Сила мамелюковъ нигдѣ не была вполнѣ уничтожена. [illegible] вооруженной силы здѣсь каждую минуту могло вспыхнуть возстаніе. Что касается французской арміи, то она численно сокращалась, такъ какъ совершенно лишена была возможности получать подкрѣпленія. Къ тому же черезъ Сирію въ это время двигалась сильная турецкая армія подъ предводительствомъ Юсуфа-паши. Да и изъ Франціи прибыли вѣсти, подсказавшія молодому генералу, что теперь наступило для него время сыграть роль, о которой онъ въ силу своего честолюбія уже давно мечталъ. Директорія успѣла навлечь на себя ненависть всѣхъ партій и понесла крупныя пораженія. Теперь наступилъ моментъ, удобный для того, чтобы сильный и [illegible] человѣкъ могъ схватить въ руки [illegible] французамъ сильное и [illegible]. Таковы были расчеты генерала, и онъ занялся изысканіемъ средствъ, которыя могли бы предупредить катастрофу, грозившую [illegible]

шаться надеждою на Египетъ. Его рѣшеніе было скоро готово: онъ задумалъ оставить свою храбрую армію и отплыть обратно во Францію.

Это рѣшеніе не дѣлаетъ чести Бонапарту, такъ какъ оно было продиктовано исключительно эгоизмомъ и честолюбіемъ. Бонапартъ оставилъ свою армію какъ дезертиръ, такъ какъ правительство не освободило его отъ обязанностей главнокомандующаго. Поступи такимъ же образомъ другой генералъ, онъ попалъ бы подъ судъ. Но Бонапартъ хорошо зналъ французовъ. Онъ въ данномъ случаѣ полагался на свою огромную популярность и на непопулярность директоріи. Онъ зналъ, что египетскій походъ окружалъ его личность какимъ-то фантастическимъ и сказочнымъ ореоломъ. Бонапартъ оставилъ запечатанный пакетъ, адресованный на имя ген. Клебера, и тайкомъ, въ сопровожденіи своихъ лучшихъ генераловъ и преданныхъ друзей, сѣлъ 22 августа 1799 г. на корабль въ Александріи, бросивъ свою армію на произволъ судьбы.

Онъ благополучно избѣгъ англійскихъ крейсеровъ, неоднократно подвергаясь опасности быть ими захваченнымъ, и 9-го октября высадился на французскомъ берегу у Фрежюса.

При вѣсти о его возвращеніи Франція возликовала. На Бонапарта смотрѣли, какъ на спасителя, который сумѣетъ избавить родину отъ тяжелаго кризиса. Франція бросилась на шею тридцатилѣтнему генералу, не справляясь о его намѣреніяхъ. Его подвиги вскружили всѣмъ головы. Склоннымъ къ увлеченіямъ французамъ восхищалъ таинственный и сказочный ореолъ, окружавшій личность этого молодого завоевателя. Они уже не знали, чѣмъ ему угодить, и когда пожертвовали ради него республикой, то имъ казалось, что и эта жертва слишкомъ ничтожна по сравненію съ его величіемъ.

Такъ ослѣпляютъ и опьяняютъ людей военные успѣхи. Бонапартъ привыкъ относиться къ людямъ съ презрѣніемъ. Да это и не могло быть иначе въ его положеніи.

Ноябрь 1799 г.

Великая коалиція, созданная благодаря англійскому золоту и интригамъ Питта, открыла не объявленныя войны Франціи; однако, всѣ ея дѣйствія заставили и директорію заблаговременно начать приготовленія къ неизбѣжной войнѣ. Но Фран-

было 200 тысячъ рекрутовъ, которые должны были возмѣстить потери прежнихъ походовъ. Мѣру эту старались оправдать тѣмъ, что уже къ концу 1798 г. около 60 тысячъ русскихъ, подъ предводительствомъ грознаго полководца Суворова, побѣдившаго несчастныхъ поляковъ, появились въ Австріи съ тѣмъ, чтобы двинуться въ Италію. Кромѣ того, и австрійскій генералъ Готцъ съ 6.000 солдатъ явился на помощь граубюнденцамъ, не пожелавшимъ принять конституціи новой Гельвеціи. Это произошло еще въ то время, когда на Раштатскомъ конгрессѣ обсуждался вопросъ объ окончательномъ заключеніи мира съ Германской имперіей.

Директорія собрала пять армій. Главная изъ нихъ подъ начальствомъ Журдана стояла на верхнемъ Рейнѣ; названа она была дунайской арміей, потому что ей надлежало двинуться противъ Австріи вдоль по Дунаю. Въ Швейцаріи арміей командовалъ генералъ Массена, которому предстояло сыграть въ этой войнѣ крупную роль. Въ сѣверной Италіи главнокомандующимъ назначенъ былъ Шереръ, а въ Неаполѣ директорія вмѣсто Шампіонэ, который, по ея мнѣнію, держалъ себя слишкомъ независимо, назначила главнокомандующимъ Макдональда. На сѣверѣ собрали армію подъ начальствомъ Брюна и, соединивъ ее съ войсками Батавской республики, которыми командовалъ Дэндельсъ, образовали одну голландскую армію.

Директорія приказала сообщить въ Раштатѣ, что ей приходится отнестись ко вступленію русскихъ войскъ въ Германію какъ къ объявленію войны. Въ отвѣтъ на это Австрія предложила Франціи вывести войска изъ Италіи и Швейцаріи. Такимъ образомъ, безъ дальнихъ околичностей загорѣлась война.

Массена двинулся противъ Готца, стоявшаго у Граубюндена, и послѣ нѣсколькихъ сраженій заставилъ его отступить. Журданъ перешелъ черезъ Рейнъ. Ему навстрѣчу во главѣ стотысячной арміи двинулся его давнишній (съ 1796 г.) соперникъ эрцгерцогъ Карлъ. Въ концѣ марта произошли битвы у Остраха и Стокаха, вблизи Боденскаго озера. Ни одна изъ нихъ, впрочемъ, не имѣла рѣшающаго значенія, такъ какъ ихъ пришлось прекратить съ наступленіемъ ночи. Эти сраженія однако дезорганизовали войска Журдана, и онъ отступилъ обратно черезъ Рейнъ. Его лишили командованія, и дунайская армія была присоединена къ арміи Массены, стоявшей въ Швейцаріи. Эрцгерцогъ Карлъ не воспользовался этою [illegible] для него

[illegible]мента и бездѣятельно провелъ время въ Баденѣ и Виртембергѣ. У него шли и раздоры съ вѣнскимъ придворнымъ военнымъ совѣтомъ, и это парализовало его дѣятельность.

Тѣмъ временемъ мирный конгрессъ въ Раштатѣ продолжалъ свои засѣданія, и Австрія прилагала всѣ усилія къ тому, чтобы разстроить его. Хотя конгрессъ имперскихъ князей, состоявшійся въ Регенсбургѣ, и принялъ предложенія французскихъ пословъ, но Питту и Тугуту удалось добиться того, что Германія прервала переговоры, и германскіе послы 23-го апрѣля заявили, что конгрессъ долженъ закрыться, такъ какъ война началась, и Франція слишкомъ далеко зашла въ своихъ требованіяхъ. Германія уже дала свое согласіе на требованія Франціи, но Тугутъ не обратилъ на это никакого вниманія. Ему хотѣлось сдѣлать и Германію участницей въ общей сумятицѣ, хотя Германія и противилась войнѣ съ Франціей.

Конгрессъ закрылся, и закрытіе его ознаменовалось кровавымъ преступленіемъ, навсегда запятнавшимъ имя Тугута, а именно: позорнымъ *избіеніемъ пословъ въ Раштатѣ*. Французскіе послы получили отъ Австріи черезъ полковника Барбачи, командовавшаго въ Раштатѣ полкомъ гусаръ, приказъ немедленно оставить Раштатъ. Тремя послами Франціи были — Боннье д'Арко, Робержо и Жанъ де-Бри. Послѣдніе двое раньше были членами конвента и пылкими якобинцами. Получивъ приказъ объ отъѣздѣ, они обратились къ полковнику Барбачи съ просьбой дать имъ охрану. На это они получили въ отвѣтъ одно только предложеніе — въ теченіе 24 часовъ покинуть Раштатъ. Они выѣхали еще въ тотъ же день, 28-го апрѣля вечеромъ, вмѣстѣ со своими женами и слугами. Приблизительно на разстояніи четверти часа ѣзды отъ Раштата они встрѣтились съ отрядомъ австрійскихъ гусаръ, которые остановили кареты пословъ. Гусары открыли дверцы каретъ, самымъ грубымъ образомъ вытащили всѣхъ трехъ пословъ и набросились на нихъ съ саблями наголо. Боннье и Робержо тутъ же были убиты на глазахъ своихъ плачущихъ женъ, а Жанъ де-Бри, тяжело раненый, скатился въ ровъ и, благодаря темной ночи, не былъ разысканъ. На слѣдующій день его привезли обратно въ Раштатъ, гдѣ онъ [illegible] послѣ продолжительной болѣзни. Убійцы при свѣтѣ факеловъ обшарили кареты пословъ и похитили всѣ ихъ бумаги.

Въ другое время Австрія, безъ сомнѣнія, лишилась бы

всѣхъ силъ [illegible] за [illegible] поступки, которымъ Тугутъ [illegible] приказавшему отрубить головы французскимъ [illegible]. Кровавое убійство беззащитныхъ [illegible] [illegible] всего [illegible] [illegible] человѣка. Но Австрія [illegible] [illegible] [illegible]. Правда, общее [illegible] очень [illegible], и эрцгерцогъ Карлъ, [illegible] характера, добился назначенія [illegible], но [illegible] не дало [illegible]. [illegible], то онъ даже [illegible]. Дѣло такъ и осталось [illegible], [illegible] это преступленіе [illegible]. [illegible] [illegible] у французскихъ [illegible] бумаги, [illegible] Австріи, [illegible] къ Германіи. [illegible] Тугута [illegible] [illegible] офицерами, которые въ этомъ случаѣ [illegible] на французскихъ [illegible].

[illegible], [illegible] Австріи [illegible] преступленіе, [illegible] государственныхъ [illegible], [illegible] ж[illegible], [illegible] было самое [illegible]. Австрія [illegible] изъ обычныхъ [illegible]. Но, [illegible], съ [illegible]...

[illegible] и французскимъ, [illegible], [illegible]. [illegible] Австріи [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] въ [illegible] [illegible].

[illegible] III [illegible] [illegible] Тугутъ [illegible] Фердинанда III [illegible]. [illegible] [illegible], что у него [illegible], и не

желала имѣть у себя во главѣ арміи. Въ [illegible] неспособнаго Шерера на этомъ назначеніи. Послѣдній встрѣтился съ превосходящими силами подъ начальствомъ генерала Края. Хотя Край и не былъ особенно талантливымъ генераломъ, но онъ обладалъ энергіей и мужествомъ. Онъ разбилъ неспособнаго Шерера въ битвѣ при Пастренго и заставилъ его отступить. Вслѣдъ затѣмъ 6-го апрѣля произошла битва при Маньяно, въ которой Шереръ потерпѣлъ такое сильное пораженіе, что съ большимъ урономъ принужденъ былъ отступить черезъ Минчіо со своими деморализованными войсками. Въ концѣ концовъ Шереръ былъ отставленъ, и командованіе надъ арміей перешло къ Моро, который, несмотря на всю свою даровитость, съ числомъ республиканскихъ [illegible] ничѣмъ не выдающагося Шерера.

Однако, тѣ военныя силы, которыми располагалъ Моро, были явно не достаточны для того, чтобы сопротивляться новому опасному врагу республики, который теперь появился на аренѣ борьбы — русскому фельдмаршалу Суворову, прибывшему со своимъ войскомъ въ Италію. Край былъ смѣненъ, и австрійцы, командованіе надъ которыми поручено было [illegible] генералу Меласу, соединились съ русскими. Главнокомандующимъ надъ обѣими арміями былъ Суворовъ.

Этотъ странный человѣкъ подъ причудливой и почти смѣшной внѣшностью таилъ въ себѣ выдающійся военный геній. Въ обществѣ онъ держался дурачливо, но на полѣ битвы развивалъ такую энергію, что сметалъ все на своемъ пути. При своей дикой манерѣ нападенія онъ не считался ни съ какими потерями въ людяхъ. Онъ все время [illegible] впередъ, не давая вздохнуть врагу. Съ [illegible] онъ [illegible] велся. Опустошивъ огнемъ и мечемъ какую-нибудь страну, онъ потомъ обыкновенно оплакивалъ ее. Во время турецкой войны онъ при взятіи Измаила учредилъ ужасную рѣзню. Польшу онъ смялъ желѣзной рукой, а о битвѣ при Прагѣ сообщилъ въ Петербургъ слѣдующими словами: *Прага [illegible] Варшава дрожитъ*. Причудливый, грубый и консерваторъ, онъ [illegible] французскую революцію. Несмотря на свой 70-лѣтній возрастъ, онъ своимъ участіемъ въ войнѣ произвелъ полный переворотъ въ положеніи Европы. Такъ какъ Тугутъ имѣлъ [illegible] [illegible]

у него и возникали такія частыя ссоры съ эрцгерцогомъ Карломъ), то Суворовъ выговорилъ себѣ право получать приказы только непосредственно отъ императора Франца. Но это условіе ничуть не измѣнило положенія вещей, такъ какъ императоръ приказывалъ только то, что совѣтовалъ ему Тугутъ. Суворовъ немедленно же началъ наступленіе. Краю поручено было осадить Мантую. Суворовъ же вмѣстѣ съ Меласомъ напалъ на Моро, который со своими слабыми боевыми силами далеко не могъ равняться съ гораздо болѣе сильнымъ врагомъ. 27-го апрѣля Моро при Кассано подвергся нападенію со стороны неистоваго Суворова, на сторонѣ котораго былъ численный перевѣсъ арміи, и послѣ упорнаго сопротивленія былъ разбитъ на голову. Ему пришлось отойти до самой Александріи подъ натискомъ неустанно наступавшаго противника. Въ этой битвѣ Моро потерялъ 8 тысячъ солдатъ и 100 пушекъ.

Пока Моро былъ занятъ тѣмъ, что старался собрать подъ Александріей остатки своего войска, Суворовъ подошелъ къ Милану и торжественно вступилъ въ этотъ городъ съ привязаннымъ къ своему сѣдлу кнутомъ. Ломбардцы, большая часть которыхъ подъ владычествомъ французовъ были добрыми республиканцами, наперерывъ другъ передъ другомъ старались показать, что у нихъ вовсе нѣтъ никакихъ политическихъ убѣжденій. Они привѣтствовали фельдмаршала, какъ освободителя, который явился къ нимъ съ [illegible] понятнымъ символомъ, прикрѣпленнымъ къ сѣдлу. Миланскій архіепископъ первый далъ сигналъ къ этому чествованію, встрѣтивъ во главѣ духовенства и большинства католической знати человѣка съ кнутомъ, какъ спасителя Италіи. Было объявлено объ уничтоженіи Цизальпинской республики. Послѣ этого Суворовъ поспѣшилъ въ Туринъ, гдѣ заперъ французовъ въ крѣпости. Онъ намѣренъ былъ отбросить теперь Моро черезъ Альпы, но указанія императора удержали его на мѣстѣ. Ему велѣно было раньше завоевать крѣпости.

Слѣдствіемъ побѣдоноснаго наступленія Суворова было то, что Макдональду, находившемуся съ французской арміей въ Неаполѣ, стала грозить опасность [illegible]. Онъ отступилъ, оставивъ Партенопейскую республику на произволъ судьбы и снабдивъ лишь [illegible] крѣпость сильнымъ гарнизономъ. [illegible] отступленіе [illegible]
[illegible]

Италіи. Теперь [illegible]у слѣдовало бы во что бы то ни стало соединиться съ Моро [illegible] до Генуи. Но онъ былъ очень честолюбивъ и надѣялся, что сумѣетъ одинъ нанести рѣшительный ударъ [illegible] и [illegible] возстановить перевѣсъ французскаго оружія. [illegible], въ случаѣ уда[illegible] своего предпріятія, раздѣлить славу съ Моро. Поэтому онъ и попытался напасть на отдѣльные отряды русско-австрійской арміи и уничтожить ихъ поодиночкѣ. Но Суворовъ не допустилъ до этого. Собравъ значительныя войска, онъ съ необыкновенной быстротой поспѣшилъ навстрѣчу французскому генералу. У береговъ Треббіи, гдѣ Ганнибалъ нѣкогда побѣдилъ римлянъ, произошелъ ожесточенный бой, длившійся отъ 17-го до 19-го [illegible]. Въ этой битвѣ геній Суворова, [illegible] побѣдилъ французскаго полководца. Потери въ этой битвѣ были необычайно велики. У Макдональда изъ 35 тысячной арміи больше половины [illegible]. [illegible] Суворовъ [illegible], такъ [illegible] не [illegible] жизнь своихъ солдатъ.

Теперь Макдональдъ уже соединился съ Моро, и обѣ [illegible]. Ассамблея [illegible] рѣшеній, которыя [illegible] были [illegible] Франціи, между тѣмъ какъ Италія снова была занята союзниками, и даже крѣпость Мантуя перешла въ руки австрійцевъ. Политическія теоріи [illegible], будто бы [illegible] республиканцы.

Между тѣмъ [illegible] непобѣдимый Суворовъ носился съ мыслью о [illegible] Франціи, [illegible] этого шага его [illegible] Журданъ переправился черезъ Рейнъ; [illegible] армія [illegible] на Массену, который собралъ [illegible] арміи Журдана и занялъ [illegible] позицію близъ Цюриха, [illegible] къ Цюриху черезъ Шафгаузенъ. [illegible] долженъ былъ соединиться съ нимъ, пройдя черезъ Граубюнденъ. [illegible] армій [illegible], что [illegible] Карлъ [illegible] первая [illegible] 6-го іюня. [illegible] бой [illegible] не приведя

ни къ какому результату. Оба полководца оказались стоящими другъ друга противниками. Хотя они и пускали въ ходъ всѣ средства военнаго искусства, но ни одинъ изъ нихъ не могъ осилить другого. Массена все-таки отступилъ, очистилъ Цюрихъ и засѣлъ на Ютлибергѣ, занявъ необычайно сильную и хорошо защищенную позицію. Здѣсь онъ сталъ ждать нападенія враговъ.

Нападенія этого, однако, не послѣдовало, потому что военныя дѣйствія союзниковъ внезапно прекратились и въ Италіи, и въ Швейцаріи. Благодаря интригамъ Тугута, полководцы снова поссорились съ австрійскимъ кабинетомъ. Эрцгерцогъ Карлъ былъ возмущенъ той опекой, которую разрѣшалъ себѣ надъ нимъ придворный военный совѣтъ. Суворова же выводило изъ себя поведеніе австрійскихъ генераловъ, не желавшихъ подчиняться его приказаніямъ. Къ тому же, Суворову было извѣстно, что Австрія намѣрена захватить для себя Сардинію, вмѣсто того, чтобы вернуть ее, согласно желанію императора Павла, королю Виктору-Амедею. Это раздражило упрямаго императора Павла, и онъ, вѣроятно, уже теперь отозвалъ бы свои войска, если бы австрійскій посланникъ въ Петербургѣ графъ Кобенцль не нашелъ средства отвлечь его гнѣвъ. Онъ путемъ подкупа одного изъ приближенныхъ любимцевъ Павла, и тѣмъ старался отвлечь вниманіе Павла отъ жалобъ Суворова и поддержать въ немъ доброе расположеніе духа. Такимъ образомъ удалось удержать Павла въ коалиціи. Все-таки рѣшено было, что отнынѣ русскіе и австрійцы будутъ отдѣльно вести войну съ Франціей, а именно: русскіе будутъ воевать въ Швейцаріи, а австрійцы—въ Италіи.

Но прежде чѣмъ арміи разъединились, Суворовъ еще разъ напалъ на французовъ. Французская армія въ Италіи получила подкрѣпленія, и главнокомандующимъ надъ нею былъ назначенъ молодой и даровитый генералъ Жуберъ. Жуберъ со всей своей арміей двинулся изъ Ривьеры, гдѣ собрались французы. При Нови онъ неожиданно для себя столкнулся съ [illegible] Суворовымъ и растерялся, увидѣвъ, что ему придется имѣть дѣло съ главными силами русско-австрійской арміи.

15-го августа 1799 г. при Нови произошла самая кровопролитная изъ [illegible] этого похода.

Суворовъ напалъ на французовъ съ такой яростью, которая

была свойственна его способу веденія войны. Онъ двигалъ на штурмъ все новыя и новыя колонны, не обращая вниманія на огромныя потери въ людяхъ, вызванныя упорнымъ сопротивленіемъ непріятеля. Жуберъ, отличавшійся большимъ мужествомъ, все время разъѣзжалъ по полю битвы и, чтобы поднять духъ своихъ солдатъ, появлялся на самыхъ передовыхъ позиціяхъ. Онъ приготовился было стать во главѣ полка, чтобы ударить въ штыки, какъ вдругъ какой-то тирольскій стрѣлокъ прицѣлился и поразилъ его прямо въ грудь. Жуберъ упалъ мертвымъ. Потеря полководца привела французовъ въ замѣшательство. Моро пришлось немедленно принять командованіе арміей. Но смятеніе, охватившее ряды французовъ, было слишкомъ велико. Они ужъ не могли устоять передъ яростнымъ натискомъ Суворова, и битва была проиграна. Потери и съ той, и съ другой стороны были огромны. Французы потеряли убитыми и ранеными 16 тысячъ, а русскіе и австрійцы около 25 тысячъ человѣкъ, что объясняется суворовской тактикой, которая такъ расточительно обращалась съ человѣческими жизнями.

Французамъ пришлось отступить къ Альпамъ. Теперь Суворовъ двинулся въ Швейцарію, а Меласъ остался, чтобы здѣсь продолжать борьбу съ французами.

Но военное счастье вновь измѣнило союзникамъ. Директорія поставила генерала Моллера во главѣ новообразованной рейнской арміи и приказала ему вторгнуться въ южную Германію. Узнавъ объ этомъ, эрцгерцогъ Карлъ рѣшилъ уйти изъ Швейцаріи, предоставивъ борьбу съ Массеной новой вспомогательной русской арміи, прибывшей въ Швейцарію подъ предводительствомъ князя Корсакова. Эрцгерцогу не удалось выработать соглашеніе съ Корсаковымъ, и обѣ арміи имѣли мало связи между собою. Массена напалъ на отступающихъ австрійцевъ и 14-го августа отбросилъ ихъ по всей линіи. Многіе австрійскіе отряды въ безпорядочномъ бѣгствѣ перешли черезъ Рейнъ.

Корсаковъ надѣялся совмѣстно съ Суворовымъ, который съ юга черезъ Сенъ-Готардъ проникъ въ Швейцарію, раздавить французскую армію у Цюриха, окруживъ ее со всѣхъ сторонъ обоими корпусами. Но высокоталантливый Массена, отличавшійся рѣшительностью и смѣлостью, не сталъ дожидаться прибытія Суворова и напалъ на Корсакова 21-го сентября. Раз-

горѣлось второе кровопролитное сраженіе у Цюриха, которое послѣ двухдневной ожесточенной борьбы закончилось полнымъ пораженіемъ русскихъ. На улицахъ Цюриха, который явился центромъ сраженія, произошла ужасная рѣзня. Улицы были буквально затоплены кровью, и кромѣ нѣсколькихъ тысячъ французовъ и русскихъ погибло множество цюрихскихъ жителей, не принимавшихъ никакого участія въ борьбѣ. Оставленный вмѣстѣ съ русскими отрядъ австрійцевъ подъ предводительствомъ Готце тоже былъ совершенно уничтоженъ, а самъ Готце палъ въ битвѣ.

Эта неожиданная и блестящая побѣда подняла духъ французовъ, и на Массену стали смотрѣть, какъ на спасителя республики, которому ради его выдающихся военныхъ способностей охотно прощали корыстолюбіе и жестокость.

Корсаковъ, съ остатками своего разбитаго войска отступилъ у Шафгаузена черезъ Рейнъ. Массена не сталъ его преслѣдовать и обратился противъ Суворова, который послѣ отважнаго перехода черезъ Сенъ-Готардъ достигъ Цюриха. Русскіе перенесли ужасныя лишенія въ [illegible] мѣстахъ, черезъ которыя имъ пришлось проходить. Они не имѣли возможности въ достаточной мѣрѣ запастись ни провіантомъ, ни аммуниціей, и имъ пришлось прокладывать себѣ дорогу черезъ совершенно непроходимыя мѣстности. Сильно уменьшенная въ своей численности и деморализованная армія подверглась нападенію со стороны Массены и принуждена была вступать въ кровопролитныя стычки съ врагомъ. Въ этомъ ужасномъ положеніи Суворовъ напрягъ всѣ свои силы и съ поразительнымъ мужествомъ отражалъ неоднократныя нападенія Массены. Но онъ принужденъ былъ отступить, и это отступленіе повлекло за собою гибель большей части его войска. Русскіе тысячами погибали отъ истощенія; они замерзали или [illegible] въ альпійскія пропасти. Когда Суворовъ съ остатками арміи прибылъ въ Шуръ, то оказалось, что онъ потерялъ [illegible] орудія. Его войско представляло собою безпорядочную кучу оборванцевъ. Слабымъ утѣшеніемъ для него могла послужить лишь слава, пріобрѣтенная имъ благодаря отступленію, которому мало можно найти примѣровъ въ исторіи. Вскорѣ послѣ этого русскіе были отозваны на родину своимъ раздраженнымъ императоромъ Павломъ.

Такимъ образомъ, [illegible] Франціи не [illegible], и

ный генералъ Шампіонне, который замѣнилъ Моро и перенялъ командованіе надъ французами въ Италіи, въ октябрѣ 1799 г. снова открылъ кампанію. Ему хотѣлось сильнымъ наступленіемъ на Кунео вернуть всѣ несчастія этого года. Но Меласъ сразился съ нимъ 4-го ноября при Савильяно и отбросилъ его назадъ. Къ концу этого горестнаго и богатаго катастрофами года въ рукахъ французовъ остались въ Италіи только Генуя да Ницца. И на Рейнѣ военное счастье тоже отвернулось отъ французовъ. Эрцгерцогъ Карлъ заставилъ отступить республиканскую гельветскую армію и взялъ приступомъ Мангеймъ, между тѣмъ какъ отступленіе и одиночныя сраженія стали вести съ французами ожесточенную партизанскую войну.

Питтъ въ этомъ году не имѣлъ случая совершить одинъ изъ тѣхъ головокружительныхъ подвиговъ, при которыхъ Англія необыкновенно обогащается военною добычею. Нельзя было нанести сильный ущербъ торговому флоту и торговлѣ, подвергавшимся нападенію на морѣ, а это было на руку англійскимъ купцамъ. Питтъ добился, которому хотѣлось окупить англійскія деньги, затраченныя на коалицію, Питтъ обратилъ свои жадные взоры на голландскій флотъ, находившійся въ Текселѣ. Питту удалось привлечь къ участію въ голландской экспедиціи русскаго императора Павла, которому онъ выставилъ на видъ, будто хочетъ водворить въ Голландіи наслѣдственнаго штатгальтера Вильгельма V Оранскаго, котораго изгнали французы. Въ сущности говоря, Питта нисколько не интересовало возвращеніе штатгальтера въ Голландію, но императоръ Павелъ, побуждаемый стремленіемъ возвращать къ прежнему состоянію все то, что подверглось измѣненію благодаря французской революціи, далъ свое согласіе на эту экспедицію. Между Англіей и Россіей былъ заключенъ договоръ, согласно которому 25 тысячъ русскихъ и столько же англичанъ должны были вторгнуться въ Голландію.

Союзныя войска, предводительствуемыя герцогомъ Іоркскимъ и русскимъ генераломъ Германомъ, были доставлены въ Голландію, гдѣ къ нимъ однако пристали очень немногіе приверженцы Оранскаго дома. Для защиты Голландіи директорія выставила батавскую армію подъ предводительствомъ Брюна и Данделься, но французы не ожидали уже нападенія, такъ какъ союзныя войска высадились лишь въ августѣ. Поэтому французы теперь

ныи этого присоединенія къ нашей странѣ. Союзники отда-
дали [illegible] получили возможность
захватить голландскій [illegible] флотъ, состоявшій изъ 30 су-
довъ. Сдача [illegible] въ пользу штат-
гальтера, а [illegible]
адмиралу [illegible]. [illegible] съ [illegible] англи-
чанамъ.

Штатгальтеръ Вильгельмъ V Оранскій издалъ прокламацію, обращенную къ голландцамъ, но призывъ [illegible] равнодушіемъ [illegible]. Герцогъ Іоркскій былъ [illegible]. Къ [illegible] Брюнъ [illegible]. Англи[illegible]. [illegible] они были разбиты [illegible] при [illegible] и [illegible]. [illegible] Къ этому присоединились [illegible] трудностями русскихъ. Герцогъ Іоркскій, который [illegible] въ Англію [illegible]. Отъ 2-го до 6-го октября происходила битва при Алькмарѣ, и результатомъ [illegible] русскихъ и англичанъ [illegible]. Тутъ [illegible] потеряли [illegible] и стали вести переговоры съ Брюномъ. Они согласились на [illegible], но [illegible] выдать 8 тысячъ французскихъ и голландскихъ плѣнныхъ и [illegible] разрушенныя ими плотины и укрѣпленія.

Удача французскаго оружія въ Голландіи не могъ [illegible] въ Италіи, но она [illegible] конца этого столь памятнаго для нихъ года. Англія же [illegible] свою добычу, и эта добыча была, очевидно, англійскимъ купцамъ [illegible] всѣхъ самыхъ блестящихъ побѣдъ Суворова.

Паденіе Партенопейской республики.

Молодой генералъ Шампіонэ [illegible] старался вдохнуть жизнь въ Партенопейскую республику, которая была его политическимъ дѣтищемъ. Неаполь былъ раздѣленъ на одиннадцать департаментовъ, [illegible] законодательная власть

передана была совѣту, состоявшему изъ 25 членовъ. Но гражданскіе комиссары своими поборами, конфискаціями и вымогательствами озлобили народъ, между тѣмъ какъ Шампіонню нѣсколько успокоилъ лаццарони, заставивъ духовенство путемъ подкупа совершить извѣстное чудо съ кровью св. Януарія. Шампіонню сурово отнесся къ гражданскимъ комиссарамъ за ихъ алчность и удалилъ ихъ. Директорія смѣстила генерала Шампіонню, имѣвшаго намѣреніе способствовать раскопкамъ Помпеи и постановкѣ памятника римскому поэту Виргилію, и его мѣсто занялъ генералъ Макдональдъ, ирландецъ по происхожденію, который, какъ полководецъ, быть можетъ, былъ талантливѣе Шампіонню, но въ дѣлахъ организаціи новаго образа правленія, безъ сомнѣнія, понималъ меньше своего предшественника.

Неаполь далеко не былъ вполнѣ умиротворенъ, и здѣсь не прекращались интриги духовенства и агентовъ неаполитанскаго двора. Вскорѣ противъ французовъ и неаполитанской демократіи, особенно въ Апуліи и Калабріи, возстало фанатичное и невѣжественное сельское населеніе. Демократы и роялисты вели между собою яростную борьбу со всей той жестокостью, на которую способны были неаполитанцы, въ крупныхъ дѣлахъ мало отличавшіеся своимъ мужествомъ. Стали совершаться отвратительныя убійства. Цѣлыя деревни подвергались сожженію, а населеніе ихъ избивалось. Для организаціи возстанія появился, въ качествѣ посланца отъ двора, находившагося въ Сициліи, фанатичный кардиналъ Руффо. И онъ сумѣлъ выполнить свою задачу, побуждая крестьянъ къ возстанію во имя религіи. Подъ его знамена стекались всякіе подонки общества. Къ нему присылали помилованныхъ каторжниковъ, и многіе бандиты служили подъ его предводительствомъ для того, чтобы возстановить свою «честь». Извѣстный атаманъ разбойниковъ Михаэль Пецца служилъ у Руффо въ чинѣ полковника. Онъ совершалъ отвратительныя убійства, и дивившаяся ему чернь надѣлила его прозвищемъ Фра-Діаволо (братъ-діаволъ). Впослѣдствіи французы схватили и повѣсили его.

Руффо обѣщалъ всѣмъ своимъ соратникамъ полное отпущеніе грѣховъ (что было особенно пріятно бандитамъ) и, кромѣ того, на 10 лѣтъ освободилъ ихъ отъ всякихъ податей. Крестьяне стекались къ нему массами, и онъ вскорѣ собралъ свыше 100 тысячъ человѣкъ. Руффо и архіепископъ неаполи-

танскій разыграли также комедію, отлучивъ другъ друга отъ церкви.

Хотя этимъ разбойничьимъ шайкамъ, не обладавшимъ военной подготовкой, и оказывали поддержку англійскія, русскія и даже турецкія суда, но Макдональдъ все-таки безъ труда справился бы съ ними, если бы въ это время не потерпѣла пораженій французская армія въ сѣверной Италіи, и если бы директорія не приказала ему уйти изъ Неаполя. Чтобы не быть отрѣзаннымъ, Макдональдъ собралъ свои войска, которыя были заняты подавленіемъ роялистскаго возстанія, причемъ они вступали въ частыя кровопролитныя схватки съ повстанцами и затѣмъ казнили попадавшихся къ нимъ въ руки,—и 5 мая выступилъ изъ Неаполя, оставивъ гарнизоны въ крѣпостяхъ города.

Неаполитанская демократія попала въ отчаянное положеніе: съ одной стороны, въ столицѣ полно было лаццароновъ, отъ которыхъ ежеминутно можно было ожидать возстанія, а съ другой стороны,—къ неаполитанскому берегу присталъ Нельсонъ, который былъ рабски преданъ недостойной леди Гамильтонъ и имѣлъ намѣреніе оказать поддержку контръ-революціи. Даже отрядъ турокъ соединился съ борцами за религію, шедшими подъ знаменами Руффо. Кардиналъ приближался къ столицѣ, производя на своемъ пути ужасныя опустошенія.

Республиканцы стали готовиться къ борьбѣ, и военный министръ Мантонэ, обладавшій желѣзной силой воли, проявилъ необычайную дѣятельность. Роялистскіе заговоры въ Неаполѣ были подавлены съ ужасающей строгостью: многіе заговорщики и сообщники подверглись казни. Но недостатокъ въ хорошихъ офицерахъ и надежныхъ войскахъ сильно давалъ себя чувствовать. Ненадежные неаполитанцы, правда, массами записывали себя въ ряды республиканскихъ батальоновъ, но они думали только о томъ, чтобы при первомъ же столкновеніи съ врагомъ бѣжать или перейти на его сторону. Неаполитанская демократія лишь теперь убѣдилась въ томъ, что у нея на родинѣ еще не подготовлена почва для демократическаго строя. Лучшіе и благороднѣйшіе люди страны сплотились подъ знамена демократіи; они понимали, что не уйдутъ отъ дикихъ и безпутныхъ шаекъ Руффо, и жизнь и положеніе отстаивали съ такимъ величіемъ души, которое даже въ это время было

правленія. Когда знаменитый естествоиспытатель Чирилло, присоединившійся къ республиканцамъ, вступилъ въ законодательный корпусъ, онъ сказалъ: *«Я знаю, что принимаю на себя опасныя обязанности, но я охотно отдаю свою жизнь въ распоряженіе отечества».*

Руффо и король Фердинандъ объявили, за немногими исключеніями, амнистію всякому, кто покорится имъ, между тѣмъ какъ Нельсонъ со свойственной ему жестокостью и тупостью не преминулъ потребовать казни для повстанцевъ. Само собой понятно, что какъ Руффо, такъ и неаполитанскій дворъ нисколько не думали послѣ подчиненія республиканцевъ не приводить въ исполненіе обѣщанной ими амнистіи. Республиканцы не покорились, такъ какъ хорошо знали своихъ враговъ.

Жалкія раздробленныя войска бѣдной республики на три колонны двинулись противъ гораздо болѣе сильнаго врага. Но всѣ перешли же въ неудачѣ, республиканскія войска разбились. Половина перешла на сторону враговъ, а національная гвардія бѣжала обратно въ Неаполь. Тогда огромная армія Руффо двинулась противъ города, который 14-го іюня и перешелъ въ его руки, за исключеніемъ крѣпостей, занятыхъ французами. Вмѣшательство республиканскаго адмирала Караччіоли безуспѣшно направляли свой огонь на подступавшія войска Руффо. Неаполь попалъ въ руки контръ-революціонеровъ, и теперь для нихъ, наконецъ, наступилъ страстно желанный моментъ мести республиканцамъ.

Всегда готовые къ разбою лаццарони возстали, чтобы отомстить безоружнымъ теперь демократамъ за тѣ кровавыя мѣры, которыя устроилъ надъ ними Шампіонэ въ январѣ мѣсяцѣ. Начались убійства и грабежи, какихъ можно было ждать только отъ лаццарони. Они не щадили ни возраста, ни пола. Всякаго, кто носилъ короткіе волосы, убивали, квартиру его разграбляли, а домъ сравнивали съ землею. Пользовавшіяся общимъ почетомъ дамы, проникнувшіяся свободнымъ демократическимъ образомъ мыслей, совершенно нагими подвергались публичному сѣченію и потомъ привязывались къ позорному столбу. Руффо остановился за городомъ, и чернь Неаполя имѣла полную возможность насытиться убійствами и грабежомъ. 15-го іюня Руффо вступилъ въ городъ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ города республиканцы еще продолжали борьбу съ мужествомъ, которое неизмѣнно было имъ отличительнымъ явленіемъ; имъ оказы-

вали поддержку французскимъ солдатамъ въ крѣпостяхъ. 19-го іюня враги одержали верхъ надъ республиканцами, и только тутъ Руффо прекратилъ бомбардировку [illegible]. Французскіе коменданты крѣпостей стали вести съ нимъ переговоры. Были выработаны условія сдачи, согласно которымъ французы и спасшіеся въ крѣпостяхъ сторонники демократіи получили право свободно выѣхать изъ Неаполя въ тотъ моментъ, когда тамъ окажутся наличныя транспортныя суда.

Очевидно, Руффо намѣренъ былъ выполнить это условіе, но это не соотвѣтствовало желаніямъ королевы, порочной леди Гамильтонъ и ея поклонника Нельсона. Слабохарактерный король не зналъ, что дѣлать, а Нельсонъ, прибывшій теперь изъ Сициліи въ Неаполь, далъ кардиналу слово выполнить договоръ. Но Гамильтонъ путемъ интригъ добилась отъ королевы того, что та написала въ Неаполь: «*Пр[illegible] Нельсону, чтобы онъ такъ поступилъ съ Неаполемъ, какъ будто это взбунтовавшійся ирландскій городъ*».

Жестокій морякъ, исполненный желаніемъ удовлетворить свою ненависть къ демократіи и снискать любезность куртизанкѣ Гамильтонъ, не [illegible] дважды [illegible] себѣ это. Онъ попросту нарушилъ заключенный Руффо договоръ и приказалъ своему флоту напасть на тѣ транспортныя суда, которыя должны были увезти засѣвшихъ въ крѣпостяхъ демократовъ, а самихъ демократовъ арестовать. Арестованы были также, несмотря на условія капитуляціи, и всѣ тѣ лица, которыя находились еще на сушѣ. Они были заперты въ тюрьмахъ неаполитанскихъ линейныхъ судовъ.

Позорнѣе Нельсона едва ли когда-либо поступалъ храбрый солдатъ, попавшій въ рабство къ низкой женщинѣ.

Адмиралъ Караччіоли, пристававшій къ республиканцамъ скорѣе изъ слабохарактерности, чѣмъ въ силу своихъ убѣжденій, раньше былъ другомъ двора и Нельсона, и поэтому эта честная компанія возненавидѣла его съ особой силой. Въ особенности Гамильтонъ желала смерти адмирала, и Нельсонъ въ этомъ отношеніи выказалъ себя болѣе, чѣмъ услужливымъ. Онъ приказалъ привести на свое судно несчастнаго адмирала и назначить надъ нимъ военный судъ. Военный судъ имѣлъ намѣреніе дать адмиралу время добыть документы для своей защиты. Но Нельсонъ на это грубо воскликнулъ: «*Всѣ проволочки тутъ излишни!*» Когда послѣ этого военный судъ все же осу-

дилъ адмирала лишь къ пожизненному тюремному заключенію, Нельсонъ отмѣнилъ приговоръ, подписалъ подъ нимъ: «*Къ смертной казни!*» и приказалъ повѣсить Каррачіоли на реѣ.

Гамильтонъ, умершей въ безпутствѣ, пришлось все-таки дожить до позора: Англія съ презрѣніемъ отвергла желаніе Нельсона, выраженное имъ въ завѣщаніи,—желаніе, чтобы народъ позаботился о Гамильтонъ и ея дочери, родившейся отъ него.

Еще Руффо назначилъ судъ надъ арестованными демократами. Теперь этотъ судъ возобновился, и начались процессы противъ арестованныхъ, число которыхъ доходило до 8 тысячъ. Послѣдовали многочисленныя казни и приговоры къ самымъ суровымъ тюремнымъ заключеніямъ. Невозможно установить, сколько жертвъ пало отъ руки безнаказанныхъ лаццарони и сколько ихъ погибло въ отвратительныхъ тюрьмахъ. Изъ извѣстныхъ жертвъ этого реакціоннаго террора, кромѣ Каррачіоли, называютъ еще князя С[illegible], [illegible] Гримальди и Колонна, естествоиспытателя Чирилло и богато одаренную республиканку Элеонору Фонсека-Пиментель, редактировавшую республиканскій «Monitore» и навлекшую на себя ненависть двора. Знаменитый композиторъ Чимароза лишь съ трудомъ спасся отъ эшафота благодаря заступничеству иностранныхъ дворовъ.

Демократовъ продолжали преслѣдовать въ Неаполѣ до 1801 г., когда Бонапартъ при заключеніи флорентійскаго мира категорически потребовалъ прекращенія этихъ преслѣдованій.

Вмѣстѣ съ Партенопейской республикой погибла и Римская. Папа умеръ французскимъ плѣнникомъ, но Римъ былъ занятъ неаполитанцами, и здѣсь начались жестокія и кровавыя преслѣдованія демократовъ. Къ концу 1799 г. въ Италіи исчезли всѣ дочернія республики Франціи и положеніе самой Франціи стало бы весьма критическимъ, если бы великая коалиція сама не развалилась, благодаря разногласіямъ, возникшимъ между ея членами.

Наканунѣ государственнаго переворота.

Неудачи Франціи на полѣ брани немало способствовали тому, что правительство директоріи лишилось даже того уваженія, которымъ пользовалось раньше. Правительство это

было ненавистно богачамъ, потому что оно надоѣдало имъ принудительными займами. Оно ненавистно было бѣднякамъ, потому что ничего для нихъ не дѣлало. Ненавистно оно было и среднему сословію, потому что дѣла шли отвратительно, и въ этомъ обвиняли неудачную внѣшнюю и внутреннюю политику правительства. Наконецъ, правительство ненавидѣли и крестьяне, которыхъ оно отягощало налогами. Къ тому же и внутри самой директоріи произошелъ расколъ. Оно продолжало страдать хронической нуждою въ деньгахъ. Обложеніе налогами велось въ высшей степени безпорядочно, такъ что налоги часто оказывались непосильными для тѣхъ, для кого они вовсе не должны были быть непосильными. Такъ, собственники недвижимостей были до крайности озлоблены неправильными и произвольными обложеніями. Случалось, что мелкіе собственники предоставляли свою землю сборщику податей, предлагая ему самому обрабатывать ее и получать себѣ изъ доходовъ слѣдуемые налоги. Затѣмъ, значительная часть налоговъ прилипала еще къ пальцамъ плутоватыхъ чиновниковъ, а на тѣ суммы, которыя поступали въ кассы государства, тогдашній министръ финансовъ Роберъ-Ленде заранѣе подписывалъ векселя. Векселя эти часто учитывались лишь за половину ихъ стоимости. Министръ финансовъ съ трудомъ убѣдилъ нѣкоторыхъ парижскихъ банкировъ подписаться подъ этими обязательствами, которыя получили названіе синдикатныхъ свидѣтельствъ; ихъ выпущено было на сумму до 30 милліоновъ. Сначала курсъ ихъ былъ устойчивъ, но когда на биржѣ узнали, что это за векселя, то ихъ курсъ сталъ падать съ головокружительной быстротой.

Торговля и промышленность были въ полномъ упадкѣ. Упорныя старанія Питта отрѣзать Францію отъ міровой торговли достигли своей цѣли. Торговыя сношенія крупныхъ портовъ, благодаря англійскимъ крейсерамъ, замерли, и легко себѣ представить, какія послѣдствія могло повлечь за собою то, что такіе города, какъ Марсель, оказались совершенно отрѣзанными отъ колоній. Промышленность повсюду пала. Этому обстоятельству значительно содѣйствовало отсутствіе покупательныхъ силъ, вызванное нищетою народныхъ массъ. Въ Ліонѣ стояло безъ работы 5000 ткацкихъ станковъ. Рабочимъ нечего было дѣлать, и если они не служили въ арміи, то имъ приходилось прозябать въ нуждѣ и вынужденномъ бездѣліи. Въ

съ ней могло не быть бѣдствіемъ. Тысячи людей снискивали себѣ пропитаніе грабежами. Дѣло народнаго просвѣщенія совершенно было запущено какъ въ начальныхъ, такъ и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и гдѣ было директоріи, вѣчно боровшейся съ безденежьемъ, найти средства, необходимыя для поддержки учебныхъ заведеній? Общественное призрѣніе находилось и въ полнѣйшемъ запущеніи. Госпитальное дѣло и дѣло призрѣнія [illegible], въ воспитательныхъ домахъ дѣти умирали въ угрожающемъ количествѣ. Общинныя дороги не улучшались. Казалось, что правительство совершенно безсильно прекратить всѣ эти бѣды, и оно и въ дѣйствительности было безсильно. Честолюбивый и самоувѣренный Сіэсъ, который считалъ себя [illegible] смыслѣ [illegible], время отъ времени сочинялъ какую-нибудь изъ своихъ многочисленныхъ конституціонныхъ статей, но въ общемъ онъ былъ совершенно неспособенъ придумать какой-нибудь выходъ изъ этого положенія.

А между тѣмъ демократы проявляли энергичную дѣятельность, и въ клубѣ Манежа не разъ слышались грозныя нападки по адресу правительства. Оба демократа, засѣдавшіе въ директоріи, Гойе и Муленъ, оказывали своимъ единомышленникамъ всяческую поддержку. Бернадоттъ, который позже сталъ шведскимъ королемъ, рѣшительно склонялся на сторону якобинцевъ; то же можно сказать и о генералахъ Шампіонне, Ожеро и, въ особенности, о Журданѣ, который былъ раздраженъ своими пораженіями и въ средѣ демократовъ не скрывалъ своей антипатіи къ правительству директоріи. На одной изъ демократической пирушкѣ Журданъ поднялъ тостъ за возстановленіе 1792 г. Клубъ Манежа требовалъ суда надъ нѣкоторыми бывшими директорами, надъ министрами-предателями, надъ [illegible] поставщиками и агентами правительства.

Теперь Сіэсъ энергично порвалъ съ демократами. Демократическій военный министръ Бернадоттъ былъ отставленъ, министромъ полиціи былъ назначенъ Фуше, прежній террористъ, [illegible] интригановъ Франціи.

Тѣмъ временемъ снова успѣло разгорѣться вандейское возстаніе. Кадудаль, Фроттэ и Бурмонъ предводительствовали роялистами, которые [illegible] сражались подъ начальствомъ Шарета и д'Эльбе. При вѣсти о побѣдахъ Суворова и эрцгер-

цога Іорка снова возникли надежды на возстановленіе монархіи.

Когда въ сентябрѣ 1799 г. съ поля брани въ Парижъ все еще продолжали приходить гнетущія вѣсти, когда стало извѣстно о потерѣ батавскаго флота, возбужденіе усилилось. Оно достигло своего апогея въ тотъ моментъ, когда генералъ Журданъ внесъ въ совѣтъ пятисотъ предложеніе — объявить, по примѣру 1792 г., *отечество въ опасности*. Онъ не желалъ новаго возвращенія эпохи террора, а требовалъ лишь въ сильной рѣчи наказанія для измѣнниковъ, для враговъ свободы и мошенниковъ. Онъ требовалъ свободы печати и слова, такъ какъ Фуше наканунѣ закрылъ клубъ манежа. Наконецъ, онъ требовалъ, чтобы общественныя должности замѣщались лишь истыми и честными республиканцами.

Предложеніе Журдана вызвало движеніе во всей Франціи; его клеветнически извратили въ томъ смыслѣ, будто оно направлено лишь къ тому, чтобы снова возродить постоянный эшафотъ. Народъ, желавшій покоя, работы и заработковъ, былъ поэтому противъ предложенія Журдана; ему не хотѣлось снова переживать волненія эпохи террора. Совѣтъ пятисотъ значительнымъ большинствомъ отклонилъ предложенія Журдана.

Государственный переворотъ Бонапарте.

Какъ мы уже упоминали, Сійесъ давно былъ занятъ организаціей заговора для ниспроверженія конституціи III г., на мѣстѣ которой онъ намѣренъ былъ воплотить въ дѣйствительность свои мистическія конституціонныя идеи. Но тутъ произошло событіе, которое должно было разрушить честолюбивыя мечты аббата: въ Парижѣ появился Наполеонъ Бонапартъ, увѣренный въ томъ, что теперь наступилъ моментъ, удобный для захвата государственной власти.

Бонапартъ въ это время былъ самымъ популярнымъ человѣкомъ во Франціи. Это доказало его тріумфальное шествіе отъ Фрежюса до Парижа. Восторгъ, съ которымъ населеніе встрѣтило побѣдителя при пирамидахъ и при Абукирѣ, былъ безграниченъ. Можно было подумать, что французскій народъ, доказавшій свою великую преданность свободѣ, теперь исполненъ лишь однимъ желаніемъ: какъ можно скорѣе снова добыть себѣ

[illegible]пола, который [illegible] бы его руками. Но онъ скорѣе и легче [illegible]

Когда Бонапартъ прибылъ въ Парижъ, то правительство, которое собственно должно было привлечь его къ отвѣтственности за дезертирство, начало торжественно чествовать его. Всѣ партіи возлагали свои надежды на генерала, который позже обманулъ ихъ всѣхъ. Онъ холодно и сдержанно отнесился ко всѣмъ партіямъ, жилъ очень просто и уединенно въ своемъ домѣ по улицѣ Шантрень, ничего не говорилъ о политикѣ и почти никого у себя не принималъ. Онъ отлично зналъ, что такимъ поведеніемъ раздражаетъ воображеніе французовъ и возвышаетъ въ ихъ глазахъ свое значеніе. Главы всѣхъ партій искали съ нимъ сближенія, но онъ сначала оттолкнулъ ихъ отъ себя. Онъ, очевидно, хотѣлъ прежде всего познакомиться съ отношеніями, господствовавшими въ обществѣ, и осторожно выбрать себѣ союзниковъ.

Въ это время Люсіенъ Бонапартъ, младшій братъ генерала, былъ президентомъ совѣта пятисотъ. Несмотря на свой юный возрастъ, Люсіенъ проявлялъ способности государственнаго дѣятеля. Онъ обладалъ большимъ хладнокровіемъ и энергіей и не отличался особенной разборчивостью въ средствахъ для достиженія своихъ цѣлей. Люсіенъ принималъ видное участіе въ заговорѣ, предшествовавшемъ государственному перевороту.

Познакомившись съ отношеніемъ силъ всѣхъ партій, генералъ Бонапартъ рѣшилъ соединиться съ партіей аббата Сіейеса для пересмотра конституціи. Талейранъ, очень ловкій дипломатъ, и Редереръ, сыгравшій 10-го августа 1792 г. такую замѣчательную роль, сблизили генерала съ аббатомъ, что было очень нелегко, такъ какъ оба они отличались одинаковымъ высокомѣріемъ, недовѣрчивостью и тщеславіемъ. Но соглашеніе между ними все же произошло. Было рѣшено силою оружія принудить оба совѣта принять новую, сочиненную Сіейесомъ конституцію. Бонапартъ долженъ былъ для совершенія этого государственнаго переворота использовать свою огромную популярность въ арміи. Онъ притворился, будто согласенъ съ планами Сіейеса, надѣясь послѣ захвата государственной власти по своему выработать новую конституцію.

Сіейесъ твердо вѣрилъ въ великую роль, которая ему предопредѣлена, и изо всѣхъ силъ старался расширить заговоръ.

Незадолго до выполненія насильственнаго переворота со-

вѣты устроили торжественный обѣдъ въ честь генерала Бонапарта и Моро. Грядущій государственный переворотъ уже здѣсь наложилъ на всѣхъ свой отпечатокъ. Всѣ присутствующіе были серьезны и молчаливы. Хотя Бонапартъ и явился на обѣдъ, но онъ не прикоснулся къ ѣдѣ изъ боязни быть отравленнымъ и вскорѣ ушелъ. Это произошло 6-го ноября 1799 г., а 8-го ноября былъ приведенъ въ исполненіе государственный переворотъ.

Палаты, сами того не сознавая, фактически помогали выполненію государственнаго переворота. Въ бюджетѣ директоріи за 1799 г. былъ дефицитъ въ 250 милліоновъ франковъ. Новый принудительный заемъ лишь мало помогъ. Поэтому рѣшено было отказаться отъ принудительныхъ займовъ и увеличить непрямые налоги. Но при существовавшихъ въ то время неурядицахъ при взиманіи налоговъ подобное рѣшеніе не могло послужить выходомъ изъ бѣды. Нужда въ деньгахъ продолжала грозно витать надъ государствомъ.

Бонапартъ не могъ прійдти къ соглашенію съ Барра, хотя онъ и сдѣлалъ попытку въ этомъ отношеніи. Поэтому онъ рѣшилъ устранить «партію гнилыхъ», какъ онъ называлъ Барра и его товарищей. Напротивъ, самые выдающіеся офицеры, за исключеніемъ Бернадотта и Журдана, присоединились къ заговору. Даже Ожеро, котораго, какъ яраго республиканца, казалось, трудно будетъ привлечь къ дѣлу, сказалъ Бонапарту: «Вѣдь вы будете довѣрять своему маленькому Ожеро». Моро, Макдональдъ, Лефевръ и многіе офицеры арміи и національной гвардіи были готовы слѣдовать за Бонапартомъ во всѣхъ его начинаніяхъ. Они еще не догадывались о его конечныхъ цѣляхъ.

Въ сенатѣ на сторонѣ заговорщиковъ было огромное большинство членовъ, въ совѣтѣ же пятисотъ—меньшинство, руководимое Люсьеномъ Бонапартомъ. Люсьена избрали президентомъ совѣта пятисотъ въ надеждѣ, что братъ его, генералъ, вѣрный якобинецъ. За эту ошибку пришлось тяжело поплатиться.

Этотъ заговоръ совершенно расшаталъ всю общественную власть и вызвалъ борьбу отдѣльныхъ частей ея между собою. Побѣдить должна была та часть, въ распоряженіи которой находилась вооруженная сила. А въ томъ, какая именно это была часть, не могло быть сомнѣній.

8-го ноября (18-го брюмера) 1799 г. государственный переворотъ былъ приведенъ въ исполненіе. Бонапартъ зашелъ въ

своей хитрости и настойчивости такъ ловко, что обѣщалъ быть въ этотъ день на обѣдѣ у директора Гойе.

Бонапартъ самовольно приказалъ въ Парижъ нѣсколько полковъ, чтобы устроить имъ смотръ 9-го ноября. Въ этотъ день рано утромъ въ его домѣ собралось блестящее общество офицеровъ. Ихъ было такъ много, что домъ генерала едва могъ вмѣстить всѣхъ. Совѣтъ старѣйшинъ устроилъ засѣданіе въ 7 часовъ и по ошибкѣ не пригласилъ на это засѣданіе никого изъ демократическихъ членовъ. Съ большой поспѣшностью постановлено было перенести засѣданія обоихъ совѣтовъ въ Сенъ-Клу, такъ какъ въ Парижѣ члены совѣта, повидимому, не чувствовали себя въ полной безопасности отъ якобинцевъ. Нѣкоторые изъ заговорщиковъ нарисовали ужасную и ложную картину опаснаго положенія, въ какое попала республика, благодаря якобинцамъ, которые, по ихъ словамъ, въ этотъ моментъ толпами стекались въ Парижъ, чтобы снова возстановить систему террора. Тѣ изъ членовъ совѣта, которые не были знакомы съ заговорщиками, въ ужасѣ согласились на все, чего отъ нихъ потребовали. Такимъ образомъ, засѣданія совѣтовъ перенесены были въ Сенъ-Клу для того, чтобы они въ рѣшительный моментъ были вдали отъ Парижа. Наполеонъ Бонапартъ былъ назначенъ главнокомандующимъ всей вооруженной силой внутри страны, и ему вмѣстѣ была поручена охрана народнаго представительства. Такъ какъ было извѣстно о движеніи въ средѣ якобинцевъ, то общинный совѣтъ былъ распущенъ, и Фуше съ согласія заговорщиковъ приказалъ закрыть городскія заставы.

Въ 8 часовъ Бонапартъ получилъ уже декретъ, которымъ ему, какъ бы въ насмѣшку, поручалась охрана народнаго представительства. Онъ заставилъ собравшихся въ его домѣ офицеровъ поклясться ему и сопровождать затѣмъ въ совѣтъ старѣйшинъ присягнуть конституціи, которую намѣренъ былъ сейчасъ же низвергнуть. Дѣйствительно, въ этомъ случаѣ безразлично было, будетъ ли совершено однимъ клятвопреступленіемъ больше или меньше. Онъ поклялся, что всегда будетъ *защищать свободу и республику* и это также было ложной клятвой. Затѣмъ событія развернулись быстро. Совѣту пятисотъ былъ доложенъ декретъ о перенесеніи засѣданій какъ разъ въ тотъ моментъ, когда обсуждался вопросъ о финансахъ. Члены совѣта выразили крайнее изумленіе. Они хотѣли обсудить декретъ, но президентъ Люсьенъ Бонапартъ прекратилъ

всѣ пренія по этому вопросу, утверждая, что засѣданія и дебаты можно продолжать только въ Сенъ-Клу. Въ это время въ совѣтѣ старѣйшинъ появились участвовавшіе въ заговорѣ директора Сіейесъ и Роже-Дюко и торжественно заявили, что имъ приходится сложить съ себя обязанности директоровъ въ виду уже неоднократно повторявшихся нарушеній конституціи. Безнравственный Баррасъ позволилъ принудить себя къ отставкѣ путемъ угрозъ и подъ охраной выѣхалъ въ свое имѣніе. Такимъ образомъ, съ политической арены навсегда исчезъ этотъ низкій человѣкъ, въ послѣднее время конспирировавшій съ роялистами. О его заговорѣ невозможно добыть никакихъ подробныхъ свѣдѣній, такъ какъ послѣ его смерти, въ 1829 г., правительство Бурбоновъ конфисковало всѣ его бумаги.

Теперь директорія была почти уничтожена. Оба демократа, Гойе и Муленъ, не имѣли права предпринять что-либо, такъ какъ, согласно конституціи, для всякаго постановленія директоріи требовалось присутствіе трехъ членовъ. Гойе и Муленъ были настолько наивны, что поспѣшили къ Бонапарту и Сіейесу съ увѣщаніями, но заговорщики, чувствовавшіе себя побѣдителями, приняли ихъ съ холодной насмѣшкой. Гойе и Мулена поручили охранѣ отряда солдатъ въ Люксембургскомъ дворцѣ, и нѣсколько трусливый Гойе въ концѣ концовъ подалъ въ отставку.

Бонапартъ занялъ квартиру въ Тюильри. Бродя по анфиладѣ дворцовыхъ комнатъ, онъ, казалось, уже вполнѣ вошелъ въ роль будущаго повелителя Франціи. «Это должно прекратиться!»—воскликнулъ онъ.—Я не желаю больше никакихъ заговоровъ, вовсе не желаю никакихъ!»

Въ теченіе этого дня отличавшееся довольно равнодушнымъ отношеніемъ населеніе Парижа узнало, что въ правительствѣ вновь произошли перемѣны. О рѣшеніи, принятомъ совѣтомъ старѣйшинъ, и объ отставкѣ директоровъ оповѣщено было объявленіями, расклеенными на стѣнахъ. Но одновременно съ этимъ появились и прокламаціи генерала Наполеона Бонапарта. Тонъ этой прокламаціи свидѣтельствовалъ о томъ, что Франція нашла себѣ господина. О директоріи генералъ писалъ:

«Что сдѣлали вы, директора, съ Франціей, которую я оставилъ вамъ въ блестящемъ состояніи? Я оставилъ миръ и засталъ войну, оставилъ вамъ побѣды и засталъ пораженія.

и оставилъ вамъ итальянскіе милліоны и всюду встрѣчаю нищету и грабительскіе налоги. Что сдѣлали вы съ тѣми сотнями тысячъ воиновъ, которыхъ я знаю, какъ спутниковъ своей славы? Они погибли!.. *Такое положеніе дольше продолжаться не можетъ, оно еще черезъ два—три года можетъ привести насъ къ абсолютизму*.

Демократовъ напугалъ тонъ этой прокламаціи. Такимъ тономъ уже давно никто не говорилъ во Франціи. Ночью партіи стали обсуждать положеніе дѣлъ. Сіессъ совѣтовалъ Бонапарту арестовать около сорока демократическихъ депутатовъ. Бонапартъ однако не послѣдовалъ совѣту зазнавшагося аббата. Генералъ не разсчитывалъ встрѣтить съ чьей-либо стороны серьезное сопротивленіе.

Демократы не знали, какъ имъ защищаться отъ насилій популярнаго генерала. Они поступили такъ, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ поступаетъ слабѣйшая сторона. Они рѣшили въ борьбѣ съ военной силой опереться на законъ.

Совѣты собрались 9-го ноября (19-го брюмэра) 1799 г. въ Сенъ-Клу, гдѣ долженъ былъ разыграться заключительный актъ государственнаго переворота. Они собрались въ замкѣ. Въ Марсовой галлерев засѣдалъ совѣтъ старѣйшинъ, въ оранжереѣ—совѣтъ пятисотъ. Бонапартъ приказалъ окружить замокъ войсками, надъ которыми командовалъ участникъ заговора—генералъ Серрюрье.

Засѣданіе совѣта пятисотъ, за которымъ въ Сенъ-Клу послѣдовала и частная публика, протекло необыкновенно бурно. Члены совѣта полагали, что ихъ дѣло уже выиграно, разъ они собрались вмѣстѣ и имѣютъ возможность постановлять рѣшенія. Участникъ заговора, депутатъ Годенъ, внесъ предложеніе о томъ, чтобы совѣту старѣйшинъ выразили благодарность и рекомендовали принять дальнѣйшія мѣры къ спасенію республики. Это іудино предложеніе, слишкомъ рано раскрывшее карты заговорщиковъ, вызвало бурю. Поднялся шумъ и крикъ. Хотя демократическое большинство совѣта пятисотъ и стояло за конституцію 1793 г., но оно все же думало, что обязано всѣми силами поддерживать конституцію 1795 г. въ противовѣсъ грозившему государственному перевороту. При крикахъ и шумѣ рѣшено было, не взирая на протестъ Люсіена Бонапарта, что каждый изъ членовъ совѣта принесетъ присягу на вѣрность существующей конституціи.

Это сейчасъ же и было съ большимъ рвеніемъ исполнено при многократныхъ восторженныхъ крикахъ: «Да здравствуетъ республика!»

Бонапартъ, прибывшій въ Сенъ-Клу вмѣстѣ съ Сіейесомъ и Роже-Дюко, не безъ изумленія узналъ о сопротивленіи совѣта пятисотъ. Моральная сила демократическаго принципа народовластія, установленнаго революціей, все-таки заставила содрогнуться этого человѣка сабли и пушекъ, рѣшившагося съ оружіемъ въ рукахъ напасть на народное представительство. Поэтому Бонапартъ отправился искать себѣ поддержки въ совѣтѣ старѣйшинъ. Онъ взошелъ на трибуну и, какъ непривычный говорить передъ подобнымъ собраніемъ, началъ, заикаясь, дрожащимъ голосомъ:

«Господа представители, вы теперь находитесь уже въ необычайныхъ условіяхъ, вы скорѣе стоите на вулканѣ. Позвольте мнѣ нѣсколько пояснить свою мысль. Вы рѣшили, что отечество въ опасности, вы постановили перевести законодательный корпусъ въ Сенъ-Клу и поручили мнѣ привести въ исполненіе декретъ. Я жилъ спокойно въ кругу своей семьи, когда приказъ совѣта старѣйшинъ призвалъ меня къ оружію. Слѣдуя вашему призыву, я предложилъ къ услугамъ отечества своихъ товарищей по оружію. И въ награду за это мы оклеветаны. *Говорили о новомъ Кромвелѣ, о новомъ Цезарѣ.* Граждане, если бы я стремился къ подобной роли, то мнѣ нетрудно было бы сыграть ее тогда, когда я въ моментъ высшаго своего тріумфа вернулся изъ Италіи, когда и партіи, и армія предлагали мнѣ захватить верховную власть. Я тогда этого не сдѣлалъ и сегодня этого тоже не дѣлаю. Клянусь вамъ, что въ отечествѣ нѣтъ болѣе безкорыстнаго гражданина, чѣмъ я. Насъ со всѣхъ сторонъ окружаетъ опасность, намъ грозятъ междоусобной войной. *Не будемъ же ставить на карту свободу и равенство — блага, ради которыхъ мы принесли столько жертвъ.*

Здѣсь демократическій депутатъ Ленгле прервалъ генерала, который, очевидно, преднамѣренно выражался неясно.

«Отчего же вы ничего не говорите о конституціи»?—воскликнулъ Ленгле.

«Конституція?» —отвѣтилъ Бонапартъ въ смущеніи и на минуту умолкъ.—*У васъ больше нѣтъ конституціи. Вы сами ее уничтожили.* Вы уничтожили ее 18-го фрюктидора, когда лишили народныхъ представителей, уничтожили ее 22-го флореаля,

когда отмѣнили демократическіе выборы, уничтожили ее 30-го прэріаля, когда свергли двухъ директоровъ. Конституція, о которой говорятъ всѣ партіи, всѣми нарушалась; и всѣ партіи намѣрены и впредь ее нарушать. Каждая изъ партій довѣрила мнѣ тайну о своихъ будущихъ покушеніяхъ и каждая изъ нихъ просила меня о поддержкѣ. Я не желалъ этого, намѣреваясь послѣдовать вашему призыву. Окруженный своими собратьями по оружію, я сумѣю защитить васъ. Увѣряю васъ отъ имени тѣхъ бравыхъ гренадеровъ, штыки которыхъ я здѣсь вижу и которыхъ я неоднократно велъ противъ врага,—увѣряю васъ, что мы поможемъ вамъ спасти отечество. Если же какой-нибудь подкупленный нашими внѣшними врагами ораторъ осмѣлится заикнуться о томъ, чтобы меня объявили внѣ закона, тогда я буду апеллировать къ своимъ товарищамъ по оружію. Помните о томъ, что меня нигдѣ не оставлялъ богъ войны и богъ удачи!»

У дверей зала, въ которомъ происходило засѣданіе, сверкали штыки бонапартовскихъ гренадеровъ, что, понятно, производило еще большее впечатлѣніе, чѣмъ угрозы самого Бонапарта. Да и безъ того большинство совѣта старѣйшинъ было посвящено въ заговоръ. Никто ему ничего не возразилъ. Когда Бонапартъ вышелъ изъ зала и шумными кликами былъ встрѣченъ своими солдатами, ему показалось, что здѣсь онъ побѣдилъ.

Не такъ легко далась ему побѣда въ совѣтѣ пятисотъ.

Дойдя до оранжереи, гдѣ члены совѣта пятисотъ какъ разъ въ это время приносили присягу конституціи, Бонапартъ вошелъ въ залъ со шляпой въ рукахъ. Своихъ гренадеровъ онъ оставилъ у дверей. При появленіи узурпатора здѣсь раздались дикіе крики и поднялся ужасный шумъ. Члены совѣта кричали:

«Долой диктатора! Объявите его внѣ закона! Долой штыки!» Въ своихъ форменныхъ одеждахъ, въ тогахъ и беретахъ, народные представители толпами повскакали со своихъ мѣстъ, бросились навстрѣчу генералу и съ угрозами окружили его. Демократическій депутатъ Бигонне схватилъ Бонапарта за руку и закричалъ: «Ступайте прочь, дерзновенный, вы оскорбляете святилище законовъ!»

Бонапартъ былъ пораженъ и поблѣднѣлъ. Онъ растерялся. Его гренадеры окружили его и вывели изъ толпы. Въ самомъ

залѣ суматоха не прекращалась, и кто-то предложилъ объявить генерала Бонапарта внѣ закона. Люсіенъ энергично возсталъ противъ этого предложенія и напомнилъ собранію о заслугахъ генерала. Ему возразили, что эти заслуги еще не даютъ права совершить государственный переворотъ. Люсіенъ въ концѣ концовъ въ гнѣвѣ сложилъ съ себя полномочія предсѣдателя, и отрядъ гренадеровъ проводилъ его къ брату.

Не прими Бонапартъ никакого рѣшенія, онъ погибъ бы. Тотъ самый Бонапартъ, который среди огня на полѣ брани умѣлъ быстро принимать свои рѣшенія, теперь колебался — настолько растерялся онъ, встрѣтивъ шумное противодѣйствіе со стороны совѣта пятисотъ. Люсіенъ въ этотъ день проявилъ большую твердость и рѣшимость, чѣмъ его братъ. Комедія, которую долго разыгрывали братья, не была ни красива, ни честна, и одна уже эта комедія легла несмываемымъ пятномъ на память Бонапарта.

Хотя Люсіенъ сложилъ съ себя обязанности президента совѣта, но къ солдатамъ онъ все же обратился, какъ президентъ. Онъ вскочилъ на коня, объѣхалъ фронтъ неподвижно стоявшихъ гренадеровъ и обратился къ нимъ со слѣдующей рѣчью:

«Граждане-солдаты! Президентъ совѣта пятисотъ объявляетъ вамъ, что большинство совѣта терроризовано *нѣсколькими представителями, которые вооружились кинжалами*, окружили трибуну, грозятъ убить своихъ коллегъ и такимъ путемъ провести въ совѣтѣ самыя преступныя рѣшенія. Генералъ и вы, солдаты! Вы должны признавать законодателями лишь тѣхъ, кто мнѣ повинуется. *Засѣдающіе въ оранжереѣ должны быть силой прогнаны оттуда, потому что они уже не представители народа, а представители кинжала!*» Въ концѣ рѣчи Люсіенъ поклялся, что онъ самъ заколетъ брата, если тотъ когда-либо посягнетъ на свободу.

Комедія эта произвела впечатлѣніе на солдатъ. Наконецъ Бонапартъ воскликнулъ: «Президентъ, ваше желаніе будетъ тотчасъ же приведено въ исполненіе!» Затѣмъ генералъ обратился къ солдатамъ и сказалъ: «Солдаты, я постоянно велъ васъ къ побѣдѣ! Могу ли разсчитывать на васъ?»

— «Да, да!» отвѣтили солдаты.—«Да здравствуетъ генералъ!»

— «Солдаты!» продолжалъ Бонапартъ,—«я надѣялся, что совѣтъ пятисотъ спасетъ отечество, а онъ терзаетъ страну

въ жестокую борьбу партій. Бунтовщики стараются натравить совѣтъ на меня. *Солдаты, могу я на васъ положиться?»*

— «Да, да!»—закричали солдаты.—«Да здравствуетъ Бонапартъ!»

Бонапартъ отдалъ приказъ штыками разогнать совѣтъ пятисотъ, а Мюратъ немедленно поручилъ генералу Леклерку привести приказъ въ исполненіе.

Члены совѣта пятисотъ, которые послѣ ухода Люсіена въ возбужденномъ состояніи занялись дебатами, не могли прійти къ опредѣленному рѣшенію. Къ тому же у нихъ не хватило энергіи сдѣлать то, что единственно имъ оставалось, а именно—немедленно же отправиться въ Парижъ и призвать народъ къ борьбѣ съ генераломъ-бунтовщикомъ. Они противопоставили государственному перевороту «пассивное сопротивленіе», которое проистекало лишь изъ отсутствія мужества и энергіи.

Молодой Леклеркъ, который отличался своей дерзостью и былъ шуриномъ Бонапарта, появился со своими гренадерами въ залѣ засѣданій. Солдаты вошли съ ружьями на перевѣсъ. Леклеркъ закричалъ громкимъ голосомъ: «Именемъ генерала Бонапарта! Совѣтъ пятисотъ распускается! Предлагаю добрымъ гражданамъ удалиться».

Изъ среды депутатовъ раздался вопль негодованія. Они не покинули своихъ мѣстъ. Нѣкоторые изъ нихъ съ достоинствомъ задрапировались въ свои тоги, показывая видъ, что они намѣрены умереть на своемъ посту, подобно древнимъ римскимъ сенаторамъ, погибшимъ при вторженіи дикихъ галловъ.

Но Леклеркъ скомандовалъ: «Гренадеры, впередъ!» и приказалъ солдатамъ двинуться во всю ширину зала. Сверкнули штыки, затрещали барабаны, и депутаты вскочили со своихъ мѣстъ съ крикомъ: «Да здравствуетъ республика!» Гренадеры продолжали двигаться впередъ и, чтобы не быть заколотыми, депутатамъ пришлось спасаться бѣгствомъ черезъ окна оранжереи. Въ 6 часовъ вечера Франція лишилась конституціоннаго народнаго представительства и попала въ руки военной власти.

Ясно, что подобное собраніе не было способно обороняться съ кинжалами въ рукахъ. Впрочемъ и исторически доказано, что Люсіенъ солгалъ.

Вечеромъ того же дня этотъ государственный переворотъ, какъ всегда водится въ подобныхъ случаяхъ, былъ узаконенъ. Люсіенъ собралъ меньшинство совѣта пятисотъ, которое при-

нимало участіе въ заговорѣ Бонапарта и Сіэса, и оно постановило слѣдующее: *Директорія упраздняется и исполнительная власть временно передается тремъ консуламъ. Консулами же назначаются Наполеонъ Бонапартъ, Сіэсъ и Роже-Дюко.* Исключается изъ состава народнаго представительства 260 членовъ. Засѣданія народнаго представительства откладываются до 1-го вантоза (20-го февраля 1800 г.), а тѣмъ временемъ комиссія изъ 23 членовъ вмѣстѣ съ двумя консулами составитъ новую конституцію.

Это постановленіе въ ту же ночь было утверждено совѣтомъ старѣйшинъ, послѣ чего консулы принесли присягу единой и нераздѣльной республикѣ, свободѣ, равенству и представительной системѣ. Затѣмъ Бонапартъ поблагодарилъ офицеровъ за поддержку, и государственный переворотъ сталъ совершившимся фактомъ.

Народъ и къ этой перемѣнѣ отнесся безучастно. Якобинцы были усмирены войсками и тѣми мѣрами предосторожности, которыя принялъ Фуше. Большинство французовъ даже мечтало о сильномъ человѣкѣ, который позаботился бы объ установленіи спокойствія и порядка и о работѣ для нуждающихся, такъ какъ демократія во всѣхъ своихъ разнообразныхъ оттѣнкахъ не сумѣла или весьма мало сумѣла облегчить нужду народныхъ массъ, а народъ уже успѣлъ устать отъ революцій. Конечно, нападенія внѣшнихъ враговъ больше всего способствовали созданію запутанныхъ отношеній во Франціи.

Теперь смѣлый солдатъ, которому улыбнулось счастье, захватилъ въ свои руки бразды правленія. Буржуазія была въ восторгѣ. Ей казалось, что диктатура сабли обезпечитъ ей и время, и покой, необходимые для накопленія капиталовъ. Дѣйствительно, сейчасъ же послѣ государственнаго переворота рента поднялась съ 7 на 12 процентовъ.

Нашлось, впрочемъ, и множество легковѣрныхъ людей, которые приняли въ серьезъ клятвы Бонапарта и вѣрили, что онъ употребитъ свою власть для упроченія свободы. Они упускали изъ виду, что имѣютъ дѣло не съ идеалистомъ, а съ человѣкомъ необычайнаго честолюбія.

Этотъ человѣкъ все же могъ бы, благодаря своему генію, стать благодѣтелемъ для своей страны, если бы старался способствовать ея мирному развитію. Но онъ растратилъ свой геній на безцѣльныя завоеванія и истощалъ государство, осуж-

[illegible]ное на гибель, потому что оно покоилось почти исключительно на насиліи.

Наполеонъ Бонапартъ позже, на островѣ св. Елены, утверждалъ, что онъ былъ убѣжденнымъ республиканцемъ, но что французы не годились для республики. Съ этимъ однако трудно примирить государственный переворотъ 18-го брюмера. Быть можетъ, къ нему можно было бы отнестись иначе, если бы Бонапартъ употребилъ добытую имъ власть на благо страны. Но онъ втянулъ Европу въ войну, почти не прекращавшуюся въ теченіе пятнадцати лѣтъ, и цѣлую часть свѣта превратилъ въ военный лагерь.

Военная сила безгранично царила во Франціи. Слышались одни лишь приказанія генераловъ, замѣтны были передвиженія полковъ, да доносился ревъ пушекъ. Народъ же, кровью и потомъ оплачивавшій налоги, мало-по-малу умолкъ, точно въ азіатскомъ деспотическомъ государствѣ.

КОНСУЛЬСТВО.

Сильный своей военной властью, Бонапартъ рѣшилъ опереться на классовые интересы буржуазіи и такимъ образомъ создать себѣ опору, которая была бы крѣпче какой угодно партіи. Буржуазіи казалось, что шпага молодого генерала, его опьяняющая слава и сильное вліяніе въ войскѣ служатъ лучшей защитой отъ демократическихъ безпорядковъ и волненій. Она еще пылала ненавистью къ директоріи, которая не давала ей покоя своими принудительными займами, и ее удовлетворяла всякая новая форма правленія, дававшая возможность спокойно эксплоатировать рабочую силу народныхъ массъ. Военная диктатура Бонапарта была способна осуществить надежды буржуазіи, потому что генералъ признавалъ значеніе новаго класса. Вѣдь онъ самъ поднялся вверхъ на плечахъ третьяго сословія. Пока у него въ рукахъ была сила, буржуазіи нечего было опасаться, по крайней мѣрѣ, тѣхъ мелкихъ хлопотъ и непріятностей, которыя старый режимъ доставлялъ почтеннымъ буржуа.

Средняя и мелкая буржуазія, которая была робка, труслива и безъ труда поддавалась запугиваніямъ, еще легче подчинилась новому порядку вещей. Этотъ классъ, лишенный всякихъ политическихъ идеаловъ, въ періодъ революціонной борьбы и ея кризисовъ потерялъ самыхъ лучшихъ и самыхъ энергичныхъ своихъ представителей. Теперь онъ представлялъ собою апатичную массу, которую нелегко было воодушевить. Возможно, что ему больше всего импонировали военная слава и военный блескъ, а тѣмъ и другимъ Бонапартъ обладалъ въ достаточной мѣрѣ. Бонапартъ могъ быть увѣренъ, что симпатіи этого класса будутъ на его

сторонѣ, если онъ создастъ условія, при которыхъ буржуа получитъ возможность спокойно заниматься своимъ дѣломъ.

Рабочіе стали ко всему относиться безразлично. Они принимали участіе въ цѣломъ рядѣ возстаній и долгое время держали въ своихъ рукахъ общественную власть въ Парижѣ, но несмотря на все это, за время продолжительной и полной перемѣнъ революціи, въ великія событія которой рабочіе внесли такую значительную долю участія, для нихъ почти ничего не измѣнилось къ лучшему. Имъ приходилось терпѣть отъ всего. Дороговизна жизненныхъ припасовъ, дешевизна бумажныхъ денегъ, ростовщичество и вообще нужда,—все это тяжелымъ бременемъ постоянно ложилось на спину рабочаго класса. На плечи этого многочисленнаго разряда потребителей, перебивавшихся со дня на день, ложилась почти цѣликомъ вся тяжесть экономической нищеты, потому что господствующіе и средніе классы сумѣли охранить свои интересы на промежуточныхъ стадіяхъ товарнаго и денежнаго обращенія. Безработица въ связи съ пріостановкой производства и прекращеніемъ торговыхъ сношеній, превратилась для рабочихъ въ постоянный бичъ. Казалось, что въ странѣ производится недостаточно для удовлетворенія потребностей Франціи —да оно такъ и было. Но покупательная сила народа была истощена, и безпорядочное частное производство, постоянно возникавшее на почвѣ спекуляціи, развивалось не сообразно потребностямъ и интересамъ народныхъ массъ, а сообразно стремленію предпринимателей къ спекуляціи. Рабочіе, которымъ приходилось платиться за всю эту анархію, разочаровались во всѣхъ завоеваніяхъ революціи. Первоначальная идея свободы и уравненія всѣхъ въ правахъ осталась для нихъ лишь пустымъ звукомъ. Поэтому они совершенно спокойно отнеслись къ тому, что въ совѣтѣ пятисотъ демократія была разогнана бонапартовскими штыками. Такъ же спокойно отнеслись они и къ упроченію новой военной силы. Они отдавали ей своихъ сыновей, которые служили «пушечнымъ мясомъ», и позже съ удовольствіемъ услышали, что «каждый солдатъ носитъ въ своемъ ранцѣ маршальскій жезлъ». Вѣдь, такимъ образомъ, сыновья ихъ все же могли выйти въ люди! При всемъ томъ, рабочіе обладали еще въ достаточной степени плебеизмомъ и здравымъ смысломъ, чтобы предпо-

честь господство Наполеона прежнему господству Бурбоновъ. Это они ясно обнаружили послѣ паденія Наполеона и при его возвращеніи съ Эльбы.

Существовалъ, однако, еще одинъ многочисленный классъ, видѣвшій въ сильной правительственной власти опору для своего экономическаго существованія. Мы говоримъ о крестьянахъ, о мелкихъ землевладѣльцахъ, о лицахъ, пріобрѣвшихъ національныя имущества. Добывъ себѣ собственность, они всѣ стали консерваторами. Для нихъ революція достигла своей цѣли введеніемъ конституціи 1791 г. Они далеко не симпатизировали демократіи, подъ властью которой имъ приходилось переносить одни только безпокойства. Они ненавидѣли бумажныя деньги и упрямо не доставляли своихъ продуктовъ на рынокъ, пока расплата производилась ассигнатами. Когда отъ нихъ затѣмъ потребовали доставки продуктовъ, они пришли въ ярость, такъ какъ имъ казалось, что за ихъ счетъ желаютъ кормить столичное населеніе. Землевладѣльцевъ и крестьянъ нарочно увѣряли въ томъ, что это вообще является цѣлью демократическаго государственнаго устройства. Этотъ классъ не обладалъ ни великодушіемъ, ни способностью къ самопожертвованію, ни умомъ парижскихъ рабочихъ. Рабочіе, поскольку у нихъ хватало силъ, переносили свою нищету, потому что не желали мѣшать преобразованію государства и общества и понимали, что это преобразованіе не можетъ совершиться безъ замѣшательствъ. Крестьяне же, усѣвшись на своемъ клочкѣ земли, преслѣдовали только свои собственные интересы. Они окаменѣли въ своемъ эгоизмѣ и, не обладая никакими общественными инстинктами, не были въ состояніи принесть какія-либо жертвы на благо общества. Теперь мстило за себя раздробленіе земельной собственности, потому что нѣтъ человѣка, который былъ бы фанатичнѣе преданъ своимъ частнымъ интересамъ, чѣмъ крестьянинъ, прикрѣпленный къ своему клочку земли. У него нечего искать идеаловъ. Слово «свобода» ничего не говорило сердцу крестьянина. Они ненавидѣли комитеты благоденствія и директорію за предпринятыя ими насильственныя мѣропріятія и за то, что они обременили земельную собственность налогами. Но противнѣе всего были имъ безпорядки, потому что они постоянно опасались, какъ бы безпорядки же вы-

вались переворота, послѣ котораго эмигранты вернутся на родину и потребуютъ возвращенія имуществъ, конфискованныхъ во время революціи. Демократическое правительство не представляло для нихъ достаточныхъ гарантій того, что такая перемѣна не совершится. Крестьяне желали имѣть правительство съ желѣзнымъ кулакомъ, правительство, которое было бы въ состояніи сохранить данный порядокъ вещей. Поэтому Наполеонъ Бонапартъ казался имъ какъ-разъ подходящимъ человѣкомъ. Его военные успѣхи, доставившіе Франціи въ военномъ отношеніи первенство среди европейскихъ державъ, ручались имъ за то, что всякое нападеніе извнѣ будетъ отражено, а его энергія служила порукой въ томъ, что всякія [illegible] партіи [illegible] будутъ подавлены. Крестьяне охотно мирились съ деспотизмомъ Бонапарта, лишь бы земли остались у нихъ въ рукахъ. Они сотнями тысячъ доставляли ему своихъ сыновей на поля битвы. Они инстинктивно чувствовали, что военный походъ приноситъ пользу ихъ [illegible]. Они сдѣлались главной опорой имперіи.

Вотъ до чего довели ошибки демократіи. Раздробленіе земельной собственности, отклоненіе требованій рабочихъ, уродливыя проявленія эпохи террора, передача управленія страною выскочкамъ и развращеннымъ людямъ, и неудачная конституція 1795 г. создали для диктатора почву, на которой онъ могъ упрочить свое господство. Не сумѣли основать чистой демократіи — и [illegible] привела къ чистому абсолютизму.

Новое правительство

При реорганизаціи государственнаго управленія Бонапартъ доказалъ, что онъ отлично знаетъ французовъ. Въ качествѣ государственнаго дѣятеля, онъ употребилъ весь свой талантъ на то, чтобы придать новымъ учрежденіямъ возможно болѣе яркую демократическую окраску съ внѣшней стороны и вложить въ нихъ возможно меньше демократическаго содержанія. Онъ старался ослѣпить народъ блескомъ своего правленія и умѣлъ импонировать своей смѣлостью. Сохранивъ за государствомъ съ внѣшней стороны республиканскую форму правленія, онъ сумѣлъ вершить и

роду увѣренности, будто онъ спасъ и сохранилъ завоеванія революціи. На него возлагали надежды всѣ партіи. Партія Сіейеса ждала отъ него осуществленія своихъ конституціонныхъ фантазій. Республиканцы вѣрили, что онъ обезпечитъ республикѣ долгое существованіе, и даже часть демократовъ наивно вѣрила, что, побѣдивъ всѣхъ своихъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ, Бонапартъ поставитъ себѣ конечной задачей установленіе чистой демократіи. Они, очевидно, не понимали, что Бонапартъ долженъ былъ и ихъ самихъ причислить къ внутреннимъ врагамъ. Вѣдь это имъ съ достаточной ясностью дало понять 18 брюмэра.

Однако всѣ партіи обманулись въ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ, который сильной рукой и своевольно сталъ управлять страной.

Благодаря выдающимся качествамъ своей личности, онъ сразу и всюду сталъ играть господствующую роль. Его товарищи по консульству сначала пользовались одинаковыми съ нимъ правами, но они въ первый же день почувствовали его превосходство. Роже-Дюко былъ очень незначительнымъ человѣкомъ и сразу сталъ безпрекословно подчиняться желаніямъ Бонапарта, предъ которымъ онъ преклонялся. Сіейесъ только теперь обнаружилъ всю свою неопытность въ практическихъ дѣлахъ государственнаго управленія. Этотъ тщеславный человѣкъ понялъ, что ему приходится ограничиться своими фантазіями въ области конституціи. Впрочемъ, онъ, разглядѣвъ сущность положенія, сейчасъ же послѣ перваго засѣданія трехъ консуловъ онъ замѣтилъ: «Среди насъ есть человѣкъ, который все можетъ, все сумѣетъ и захочетъ сдѣлать!».

Оно такъ и было. Благодаря своей способности быстро проникать въ сущность предстоявшихъ разрѣшенію вопросовъ, Бонапартъ, который и раньше имѣлъ случай достаточно ознакомиться съ практическими сторонами управленія, вскорѣ отстранилъ на задній планъ вмѣшивавшагося и носившагося со своими иллюзіями аббата. Предъ народомъ Бонапартъ одинъ являлся представителемъ консульства; на его товарищей едва обращали вниманіе. Во время совѣщаній самихъ консуловъ постоянно наблюдалось одно и то же явленіе. Сіейесъ часто вносилъ предложенія, и Бонапартъ постановлялъ рѣшенія. Роже-Дюко не дожидался до соб-

ственныхъ идей. У него, по крайней мѣрѣ, было одно достоинство: онъ не старался казаться выше того, чѣмъ былъ въ дѣйствительности.

Реакціонный характеръ новаго правительства вскорѣ и вполнѣ откровенно проявилъ себя: многіе изъ демократовъ за свое поведеніе 18 и 19 брюмера были осуждены на изгнаніе. Эта мѣра была столь же деспотична, сколь и низка, потому что демократы 18 и 19 брюмера провинились лишь въ томъ, что показали себя сторонниками законно существующей конституціи, въ противовѣсъ грозившему со стороны узурпатора государственному перевороту. Да они и не пытались обороняться силою; напротивъ, ихъ самихъ преслѣдовали штыками. 37 демократовъ изъ совѣта пятисотъ были увезены въ Гвіану, которая отличается жаркимъ, болотистымъ климатомъ и въ которой свирѣпствуютъ лихорадки. 21 демократъ, въ числѣ которыхъ находился и генералъ Журданъ, были высланы въ департаментъ нижней Шаранты и отданы подъ надзоръ полиціи; изъ нихъ многіе [illegible] своей участи.

Если бы Бонапартъ, произведя государственный переворотъ, оказался побѣжденнымъ, онъ несомнѣнно былъ бы обвиненъ въ государственной измѣнѣ тѣми, кого онъ теперь изгналъ. Такъ [illegible] сразу измѣняетъ положеніе вещей.

Съ буржуазіей Бонапартъ постарался стать въ возможно болѣе дружественныя отношенія. Это ему и удалось безъ труда, такъ какъ буржуазія смотрѣла на военную мощь Бонапарта, какъ на оплотъ своихъ экономическихъ интересовъ. Бонапартъ постарался успокоить буржуазію путемъ окончательной отмѣны принудительныхъ займовъ. Одновременно съ этимъ онъ отмѣнилъ и суровый законъ о заложникахъ, и такимъ путемъ привлекъ на свою сторону значительную часть роялистовъ, потому что не всѣ роялисты были сторонниками Бурбоновъ. Далѣе, былъ изданъ актъ объ амнистіи для тѣхъ роялистовъ, которые были сосланы или изгнаны 18 фрюктидора, а также были отпущены на свободу многіе эмигранты, которые пытались принять участіе въ бретонскихъ возстаніяхъ и были арестованы по этому поводу.

Такимъ образомъ направленіе политики новаго правительства опредѣлилось съ самаго начала. Времена демокра-

тическихъ правительствъ прошли; правительство только по имени осталось республиканскимъ.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ были избраны и министры, которые должны были завѣдывать дѣлами управленія. Назначая министровъ, Бонапартъ замѣтилъ: «Мы открываемъ новую эпоху. Изъ прошлаго мы должны помнить только хорошее и забыть дурное».

«Это «хорошее» вылилось въ нѣсколько своеобразную форму. Изъ области прошлаго, прежде всего, вынырнула фигура гнуснаго Фуше, котораго Бонапартъ назначилъ министромъ полиціи. При деспотическомъ режимѣ Бонапарта функціи полиціи пріобрѣли особое значеніе, и Фуше, который раньше былъ ярымъ якобинцемъ, удалось, благодаря своему дьявольскому таланту, поставить полицейскій аппаратъ на изумительную высоту. Онъ покрылъ Францію сѣтью полицейскихъ агентуръ, черезъ петли которыхъ трудно было проскользнуть кому-либо, и не останавливался передъ самыми низкими средствами, разъ дѣло шло о преслѣдованіи враговъ Бонапарта. Но онъ позже предалъ своего владыку-императора точно такъ же, какъ и знаменитый дипломатъ, теперь игравшій главную роль въ дѣлахъ иностранной политики. Мы говоримъ о господинѣ Таллейранѣ Перигоръ, который былъ раньше епископомъ отенскимъ и въ учредительномъ національномъ собраніи настоялъ на передачѣ имѣній духовенства въ собственность націи. Таллейранъ былъ однимъ изъ величайшихъ дипломатическихъ геніевъ. Ему принадлежитъ знаменитое изреченіе: языкъ намъ данъ исключительно для того, чтобы скрывать свои мысли. Онъ во время революціи эмигрировалъ, а затѣмъ, вернувшись во времена директоріи, занялъ постъ министра иностранныхъ дѣлъ. Принужденный снова выйти въ отставку, онъ понялъ, что въ Бонапартѣ скрывается будущій диктаторъ и присоединился къ нему. Своими интригами онъ способствовалъ перевороту 18-го брюмэра. Онъ надѣялся, что послѣ этого переворота возстановится монархія, и былъ готовъ служить ей. При Таллейранѣ внѣшняя политика Франціи пріобрѣла тотъ вѣроломный характеръ, въ которомъ соединились насиліе, коварство и лицемѣріе. Было мало людей, которые могли бы сравниться съ Таллейраномъ въ хитрости, но съ другой стороны, было и мало людей, которые при ближайшемъ зна-

кометѣ производили бы такое отвратительное впечатлѣніе, какъ онъ.

Фуше и Таллейранъ наложили свой отпечатокъ на новое правительство, и всякій, кто зналъ этихъ людей, долженъ былъ понять, что теперь наступитъ конецъ всякимъ либеральнымъ преобразованіямъ государственныхъ учрежденій Франціи.

Камбасересъ, игравшій извѣстную роль въ качествѣ термидорійца, былъ теперь назначенъ министромъ юстиціи и отдалъ этому дѣлу свои огромныя познанія и выдающуюся работоспособность. Бертье, котораго Бонапартъ очень цѣнилъ, былъ порученъ портфель военнаго министра. Бертье былъ весьма талантливымъ генераломъ и неутомимымъ начальникомъ генеральнаго штаба во время войнъ имперіи. Однако, на его мѣсто вскорѣ назначенъ былъ Карно, котораго Бонапартъ вернулъ изъ изгнанія вмѣстѣ съ другими эмигрантами. Но и Карно недолго оставался на этомъ посту, потому что онъ, будучи строгимъ республиканцемъ, не могъ ужиться съ Бонапартомъ.

Чтобы сдѣлать уступку образованной части населенія, Бонапартъ, который при каждомъ случаѣ называлъ себя членомъ французской академіи, назначилъ министромъ внутреннихъ дѣлъ знаменитаго астронома Лапласа. Вскорѣ, однако, обнаружилось, что Лапласъ не подходитъ къ этой должности, и его мѣсто занялъ Люсіенъ Бонапартъ, оказавшій своему брату 18-го брюмера такія важныя услуги и теперь прекрасно помогавшій дальше разыгрывать мнимо-республиканскую комедію. Между прочимъ, Люсіенъ былъ о себѣ очень высокаго мнѣнія и позже при каждомъ удобномъ случаѣ повторялъ, что, не прими онъ энергичныхъ мѣръ 18-го брюмера, его братъ не захватилъ бы въ свои руки общественной власти. Возможно, что Люсіенъ и не совсѣмъ былъ неправъ.

Завѣдываніе министерствомъ финансовъ поручено было Годену, который уже при Людовикѣ XVI работалъ въ этомъ министерствѣ. Годену изъ всѣхъ министровъ предстояла, понятно, самая трудная задача. Вѣдь если и Бертье нашелъ дѣла военнаго министерства запущенными, если и Камбасересу пришлось заново организовать юстицію, то жалкое состояніе финансовъ не поддается описанію. Директорія при-

было къ самымъ жалкимъ мѣрамъ, и при печальномъ способѣ веденія хозяйства этимъ неспособнымъ правительствомъ полное банкротство было неизбѣжно. Годенъ нашелъ въ казначействѣ республики 167 тысячъ франковъ, представлявшіе собою остатокъ займа, заключеннаго директоріей у частнаго лица. Вся остальная наличность государственной казны заключалась въ бумагахъ, не имѣвшихъ почти никакой цѣнности.

Необходимо было найти деньги. Для этого имѣлось очень простое средство: рѣшено было повысить всѣ налоги на 25%. Чтобы додуматься до этого, не требовалось особеннаго ума, но главная задача заключалась въ томъ, чтобы взиманіе налоговъ было упорядочено. Увеличеніе прямыхъ налоговъ, налоговъ на недвижимыя имущества и на движимость, а также и личныхъ податей на 25% и требованіе, чтобы, по меньшей мѣрѣ, половина налоговъ вносилась наличными деньгами, вызвало недовольство среди плательщиковъ налоговъ, но недовольство это удалось ослабить путемъ отмѣны принудительныхъ займовъ. Внутренняя политика Бонапарта и въ этомъ случаѣ проявилась во всей своей грубости. Добиваясь дружелюбнаго отношенія со стороны состоятельныхъ классовъ, онъ въ то же время готовъ былъ, въ случаѣ необходимости, силою оружія подавить всякое недовольство со стороны народныхъ массъ. Нищета народа была такъ же велика, какъ и раньше, но народъ переносилъ ее съ нѣмой покорностью, потому что самая энергичная и самая сильная часть его, молодежь, находилась на службѣ въ арміи. Въ тѣ времена войска содержались просто на счетъ тѣхъ странъ, которыя они занимали. Такъ было на Рейнѣ, въ Голландіи и Италіи. При этомъ въ арміяхъ, особенно въ итальянской, въ сильной степени проявилась распущенность.

Отмѣна принудительныхъ займовъ вызвала и симпатіи банкировъ къ Бонапарту. Онъ пригласилъ къ себѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ и, благодаря своей энергіи, добился того, что они предоставили государству 12 милліоновъ франковъ. Это имѣло уже кое-какое значеніе и въ общемъ укрѣпило кредитъ правительства. Нѣкоторыя изъ финансовыхъ мѣропріятій Годена не имѣли успѣха: въ правительственныя кассы все еще не притекали деньги. Но Годенъ примѣнилъ

и одну довольно удачную мѣру, облегчивъ покупщикамъ національныхъ имуществъ условія платежа. При всемъ томъ упорядоченіе финансовъ подвигалось лишь весьма медленно. Слишкомъ уже велики были неурядицы, оставленныя въ наслѣдство директоріей.

Возстановить спокойствіе внутри страны удалось поразительно быстро. Шуаны въ Бретани еще массами стояли въ поляхъ, и Вандея снова возстала. Повстанцами руководили: измѣнникъ и перебѣжчикъ при всѣхъ роялистическихъ возстаніяхъ Фроттэ, затѣмъ Кадудаль и Отишанъ. Всѣ они наивно вѣрили, что Бонапартъ намѣренъ снова возстановить во Франціи тронъ Бурбоновъ. Эти закоренѣлые роялисты считали свою легитимистскую идею настолько обаятельной, что вѣрили, будто и честолюбивый генералъ преклонится предъ нею и ради нея откажется отъ власти надъ страной, которая лежала у его ногъ. Поэтому они проявили и бóльшую сговорчивость, чѣмъ раньше. Бонапартъ приказалъ примѣнить къ повстанцамъ самыя суровыя мѣры: за вооруженное сопротивленіе наказывать смертью, сжигать возставшія деревни и покарать по законамъ военнаго времени тѣ общины, которыя пріютили у себя повстанцевъ. Снова предстояло примѣненіе программы адскихъ колоннъ. Дѣло, однако, такъ далеко не зашло. Если генералъ Брюнъ, командовавшій войсками въ Вандеѣ, и былъ достаточно суровъ и энергиченъ, зато Бонапартъ не пренебрегъ мирными переговорами и такимъ путемъ достигъ умиротворенія возставшей области. Нѣкій аббатъ Бернье, пользовавшійся большой популярностью въ западныхъ провинціяхъ, облегчилъ веденіе мирныхъ переговоровъ, уговоривъ главарей возстанія сложить оружіе. Бурмонъ, Шатильонъ и Отишанъ заключили съ Бонапартомъ миръ, выговоривъ себѣ благопріятныя условія сдачи. Послѣ этого масса инсургентовъ сложила оружіе. Кадудаль временно отказался отъ борьбы. Продолжалъ борьбу одинъ Фроттэ. Это разозлило Бонапарта, и онъ назначилъ награду за голову Фроттэ. Фроттэ явился къ противникамъ, очевидно, для переговоровъ о мирѣ, но былъ схваченъ, приговоренъ къ смерти вмѣстѣ со многими своими офицерами и разстрѣлянъ. Это случилось въ февралѣ, а къ концу этого мѣсяца въ западныхъ провинціяхъ было окончательно возстановлено спокойствіе.

Такимъ образомъ, Бонапарту удалось, благодаря своей энергіи и рѣшительности, надолго упрочить власть, захваченную имъ путемъ государственнаго переворота 18-го брюмэра. Онъ былъ ловокъ и ему къ тому же везло. Вскорѣ создалась огромная партія его приверженцевъ, не обладавшихъ никакими опредѣленными политическими убѣжденіями и желавшихъ только одного—порядка и спокойствія. Бонапартъ далъ и порядокъ, и спокойствіе, но страна купила ихъ цѣною своей свободы. Спокойствіе, которое этотъ насильникъ-солдатъ далъ Франціи, было не спокойствіемъ счастья, а кладбищенскимъ покоемъ, и порядокъ, внесенный имъ въ общество, не былъ порядкомъ пчелинаго улья, а порядкомъ казармы. Цѣна, которою куплены были этотъ покой и порядокъ, была слишкомъ высока для Франціи. Она пріобрѣла себѣ самодержца.

Консульская конституція.

Государственная мудрость вынуждала Бонапарта сохранить до времени формы республиканскаго государственнаго устройства и влить въ нихъ монархическое содержаніе. Поэтому онъ обратилъ вниманіе на конституціонныя идеи аббата Сійеса, которыя онъ при другихъ обстоятельствахъ, безъ сомнѣнія, отвергъ бы съ презрѣніемъ. Въ этотъ моментъ, когда уничтоженная конституція должна была быть замѣнена новой, Бонапартъ былъ вынужденъ считаться съ Сійесомъ, который одинъ только и могъ оспаривать у него первенство въ качествѣ законодателя. Но честолюбивому аббату вскорѣ пришлось убѣдиться, что его мистическія конституціонныя идеи не были въ состояніи сравниться съ военной силой и съ ея геніемъ, являющимся представителемъ.

Великій творецъ конституцій частями изложилъ законодательнымъ комиссіямъ свои мысли объ образцовомъ и всѣхъ удовлетворяющемъ государственномъ устройствѣ. Всѣ были поражены, услышавъ объ этомъ терпѣливо придуманномъ, частью остроумномъ, а частью безсмысленномъ государственномъ аппаратѣ, который, по искреннему убѣжденію аббата, долженъ былъ охранить Францію отъ насильственныхъ переворотовъ, отъ диктатуры, конфликтовъ

и партійныхъ неурядицъ и обезпечить ей вполнѣ спокойное развитіе. Сіесъ, который все еще старался сохранить за собою репутацію поднявшагося надъ своей эпохой, мудраго и оригинальнаго систематика, положилъ въ основу своей конституціи своеобразную утопію, а именно: мнимыя преимущества діаметрально противоположныхъ политическихъ системъ. Онъ позаимствовалъ у демократіи то, что ему показалось въ ней выгоднымъ, и связалъ это съ аристократически-монархическими учрежденіями, поскольку послѣднія казались ему пригодными. Свои взгляды онъ выразилъ одной фразой:

«Снизу должно царить довѣріе, сверху—сила!»

Это могло бы смутить людей, которые сами пережили всѣ перипетіи революціи, но Сіесъ выразилъ свои основные принципы въ совершенно опредѣленныхъ формулахъ.

Ему казалось, что довѣріе снизу можетъ вылиться въ слѣдующую остроумную форму.

Каждый французъ, достигшій 21 года, долженъ былъ быть внесенъ въ списокъ гражданъ. Сіесъ произвольно предполагалъ, что во Франціи имѣется 5 милліоновъ гражданъ. Эти 5 милліоновъ должны были изъ своей среды выбрать десятую часть, т.-е. 500 тысячъ гражданъ, и эти 500 тысячъ образовывали такъ наз. разрядъ нотаблей. Этотъ низшій разрядъ назывался коммунальнымъ разрядомъ нотаблей, и изъ его среды должны были назначаться коммунальныя и областныя власти, низшіе судьи и т. д. Но 500 тысячъ нотаблей коммунальнаго разряда должны были въ свою очередь избрать изъ своей среды десятую часть. Эта десятая часть, состоящая изъ 50 тысячъ человѣкъ, должна была составить разрядъ департаментскихъ нотаблей, изъ среды которыхъ должны были избираться власти департаментовъ, высшіе судьи и т. д. Изъ 50 тысячъ членовъ департаментскаго разряда нотаблей, опять-таки путемъ выборовъ, должна была выдѣлиться десятая часть, и эти 5 тысячъ человѣкъ должны были составить разрядъ національныхъ нотаблей, изъ среды которыхъ избирались народные представители, государственныя власти и т. д.

Это оригинальное просѣиваніе сквозь рѣшето и должно было, по смыслу конституціи Сіеса, представлять собою

довѣріемъ. Въ сущности говоря, эта система представляла собою не что иное, какъ рафинированные косвенные выборы. Оригинальна была лишь форма просѣиванія общественныхъ дѣятелей.

Сверху Сіесъ нагромоздилъ еще больше. Законодательная власть должна была быть представлена государственнымъ совѣтомъ, трибунатомъ, законодательнымъ корпусомъ и охранительнымъ сенатомъ. Государственному совѣту предстояло лишь предлагать законы, трибунату — лишь обсуждать ихъ, а законодательному корпусу лишь утверждать ихъ. Раздробляя такимъ образомъ законодательную власть, Сіесъ парализовалъ ее и лишилъ всякаго дѣйствія. Одно учрежденіе постоянно служило преградой для [illegible] другого. Но самое прекрасное назначеніе должно было получить охранительный сенатъ, которому предстояло поглощать въ свою среду и растворять въ [illegible] тѣхъ, которые могли бы сдѣлаться опасными для государства, и доставлять самому честолюбію [illegible]. Сенаторы должны были быть избираемы изъ государственныхъ чиновниковъ. Было похоже на то, что это учрежденіе предназначалось спеціально для самого Бонапарта.

Во главѣ исполнительной власти долженъ былъ стоять великій избиратель (Grand électeur), которому предстояло избрать обоихъ консуловъ, правителей исполнительныхъ чиновниковъ — консула войны и консула мира. Эти консулы должны были назначать министровъ и другихъ чиновниковъ.

Этотъ великій избиратель, который долженъ былъ представлять собою [illegible] въ конституціонномъ государствѣ и которому на долю выпала прекрасная роль представителя націи, вызвалъ гнѣвъ Наполеона, которому показалось, что его [illegible] въ великіе избиратели и что его [illegible] такимъ путемъ должна быть сведена къ нулю. Очевидно, онъ не былъ неправъ въ своей недовѣрчивости къ Сіейсу. Бонапартъ гнѣвно замѣтилъ аббату:

«Великій избиратель — государственный тунеядецъ. А времена государственныхъ тунеядцевъ прошли. *Какъ это пришло вамъ въ голову, что человѣкъ, обладающій извѣстной долей таланта и чувства чести, согласится на эту роль*

роль откармливаемой на убой свиньи, съ содержаніемъ въ нѣсколько милліоновъ?»

Сійесъ увидѣлъ, что Бонапартъ догадался о его планахъ, и что отъ знаменитаго «великаго избирателя» придется отказаться.

Законодательныя комиссіи, которыя вполнѣ подчинились вліянію Бонапарта, доказали, что онѣ лишь одному научились у Сійеса, что, впрочемъ, самому аббату менѣе всего могло понравиться. Подобно тому, какъ онъ заимствовалъ изъ демократической и аристократически-монархической государственныхъ системъ лишь то, что понравилось лично ему, такъ Бонапартъ и законодательныя комиссіи воспользовались лишь той частью предложеній Сійеса, которая показалась имъ подходящей. Такъ возникла конституція VIII года, или такъ наз. консульская конституція, самая худшая и самая нелѣпая изъ всѣхъ когда-либо существовавшихъ во Франціи конституцій. Она только потому никѣмъ не была нарушена, что подъ гнетомъ все охватывавшей военной силы не имѣла ровно никакого значенія.

Разряды нотаблей, изобрѣтенные Сійесомъ, были съ удовольствіемъ положены въ основу новой конституціи, потому что они искажали выборное право народа. Члены разрядовъ нотаблей общинныхъ, департаментскихъ и государственныхъ являлись, такимъ образомъ, тѣми кандидатами, изъ среды которыхъ назначались чиновники, при чемъ назначалъ ихъ не народъ, а правительство.

Государственная власть была подѣлена между представителями власти административной и законодательной.

Идея Сійеса о великомъ избирателѣ, объ «откармливаемой на убой свиньѣ», была совершенно отвергнута, и правительство было надѣлено самодержавнымъ главой, что вполнѣ соотвѣтствовало характеру Бонапарта и его честолюбивымъ планамъ. Первый консулъ избирался на десять лѣтъ. Онъ занималъ въ государствѣ такое же первенствующее положеніе, какое раньше занималъ неотвѣтственный конституціонный король. На немъ лежала обязанность назначать изъ разрядовъ нотаблей всѣхъ чиновниковъ государства и всѣхъ офицеровъ арміи и флота, руководить политикой. Къ нему присоединили двухъ консуловъ, но избиралъ онъ ихъ самъ и имѣли они только совѣщательный голосъ, такъ что от-

собственно говоря, не имѣли ровно никакого значенія и были лишними. Они представляли собою лишь мнимое демократическое украшеніе псевдореспубликанскаго режима. Первый консулъ получалъ ежегодно по милліона франковъ жалованья, между тѣмъ, какъ каждый изъ двухъ остальныхъ консуловъ за свой совѣщательный голосъ вознаграждался 150 тысячами франковъ и квартирою за счетъ государства. Всѣ три консула жили въ Тюльери, гдѣ когда-то жили короли, а послѣ нихъ засѣдалъ конвентъ.

Законодательная власть была урегулирована согласно идеямъ Сійеса. Это значитъ, что сила ея была разбита на отдѣльныя части и раздроблена. Государственный совѣтъ изъ 30 членовъ избирался консулами и долженъ былъ предлагать законодательному корпусу законы, посылая къ послѣднему депутацію изъ трехъ лицъ, указывающую ему на полезность законовъ, о которыхъ шла рѣчь. На трибунатъ изъ 100 членовъ смотрѣли, какъ на настоящее народное представительство, хотя онъ и представлялъ собою лишь карикатуру на послѣднее, потому что избирался сенатомъ. Трибунатъ рѣшалъ, слѣдуетъ ли рекомендовать законодательному корпусу принять данный законъ, или его слѣдуетъ отвергнуть. Никакихъ другихъ полномочій онъ не имѣлъ. Трибуны получали ежегодно по 15 тысячъ франковъ. Законодательный корпусъ состоялъ изъ 300 членовъ и избирался сенатомъ. Онъ имѣлъ лишь право рѣшать голосованіемъ, слѣдуетъ ли принять или отклонить данный законопроектъ. Его члены получали за это ежегодно по 10 тысячъ франковъ. Сенатъ состоялъ изъ 80 членовъ и самъ пополнялъ число своихъ членовъ. Онъ имѣлъ право налагать запрещеніе, если находилъ, что изданные законодательнымъ корпусомъ законы противорѣчатъ конституціи. Сенатъ избиралъ перваго консула, членовъ трибуната и законодательнаго корпуса, а кромѣ того, и высшихъ представителей судебнаго и административнаго вѣдомства. Члены сената получали по 25 тысячъ франковъ содержанія и лишены были права, даже и по выходѣ изъ состава сената, занимать какую-либо другую общественную должность. Имѣя такой высокій окладъ, сенаторы должны были быть людьми независимыми, но, какъ это легко себѣ представить, они явились исключительно ставленниками того [illegible] котораго

имъ приходилось избирать первымъ консуломъ. Они отличались холопствомъ.

Эта конституція вполнѣ соотвѣтствовала своему назначенію. Она являлась, если и не очень искусной прикрасой къ военной диктатурѣ Бонапарта, то зато такой прикрасой, которая могла ввести народъ въ обманъ.

Для завершенія комедіи устроено было голосованіе конституціи народомъ. Французы, опьяненные успѣхами Бонапарта, почти единодушно подали свои голоса за конституцію. 3.011.007 голосовъ было подано за нее и лишь 1.562 голоса противъ.

Уже при введеніи конституціи Бонапартъ проявилъ своеволіе. Относительно выборовъ въ сенатъ, который еще не составился, было лишь установлено, что сенатъ самъ пополняетъ число своихъ членовъ. Бонапартъ воспользовался этой преднамѣренной неясностью закона и составилъ весь сенатъ изъ своихъ приверженцевъ. Далѣе, онъ самъ назначилъ себя первымъ консуломъ, тогда какъ сената еще не было. Такимъ образомъ, снова нарушена была конституція, которая не успѣла еще начать функціонировать. Послѣ этого Бонапартъ избралъ консулами Камбасереса и Лебрена, и оба они, вмѣстѣ съ Сіейесомъ и Роже-Дюко, составили сенатъ изъ вполнѣ подходящихъ, по ихъ мнѣнію, людей, которые затѣмъ уже пополнили составъ сената. Такъ создалось учрежденіе, которое только и знало, что слѣпо подчиняться Бонапарту. Сіейесъ назначенъ былъ президентомъ сената и такимъ образомъ навсегда лишился надежды занять мѣсто главы государства. Бонапартъ щедро наградилъ его и преподнесъ ему прекрасное имѣніе въ видѣ «подарка отъ націи». Къ этому присоединена была еще и значительная сумма денегъ, и аббатъ, постоянно стремившійся быть остроумнымъ, назвалъ ее апельсиномъ для утоленія жажды. Сенатъ «растворилъ въ себѣ» честолюбца по его же собственному плану. Онъ вскорѣ отказался отъ своей должности и навсегда сошелъ со сцены.

Самъ назначивъ себя представителемъ высшей власти, Бонапартъ не преминулъ использовать эту власть возможно болѣе широкимъ образомъ. Теперь онъ уже не стѣснялся проявлять высокомѣріе и другія черты, присущія абсолютному монарху. Послѣ его переселенія въ Тюльери оказалось

что у Франціи есть монархъ, которому не хватаетъ только титула. Бонапартъ окружилъ себя кучею придворныхъ, льстецовъ и лакеевъ и нисколько не скрывалъ своего презрѣнія къ людямъ. Легко понять, что онъ долженъ былъ презирать людей, которые въ продолженіе десяти лѣтъ болтали о свободѣ и равенствѣ, а теперь наперерывъ другъ передъ другомъ старались проявить свое раболѣпіе передъ новымъ повелителемъ.

Послѣдовалъ цѣлый рядъ мѣропріятій, не оставлявшихъ сомнѣнія въ томъ, что Бонапартъ намѣренъ создать монархію по своему вкусу. Онъ стремился примирить съ собою всѣхъ тѣхъ представителей власти, съ которыми раньше вела борьбу демократія. Онъ снова разрѣшилъ церквамъ отправлять богослуженіе и открылъ ихъ для общаго пользованія, и это вытѣснило республиканское празднованіе декадъ. Французы снова начали праздновать воскресеніе. Вопросъ о томъ, какъ поступать со священниками, отказавшимися принести присягу, онъ разрѣшилъ весьма просто. Онъ освободилъ ихъ отъ присяги на вѣрность гражданской конституціи и заставилъ давать только обѣщаніе подчиняться конституціи.

Кромѣ того, онъ ввелъ желѣзную централизацію, благодаря которой ему удалось такъ хорошо укрѣпить свою власть. Онъ воспользовался раздѣленіемъ страны на департаменты и достигъ того, что Франція покрылась густой сѣтью правительственныхъ и административныхъ органовъ, при чемъ онъ въ своихъ рукахъ держалъ конечныя нити сѣти. Департаменты, округи и коммуны представляли собою въ административномъ отношеніи политическія единицы. Коммуной управлялъ мэръ, округомъ — су-префектъ, а департаментомъ — префектъ. Опредѣливъ на всѣ эти должности своихъ людей, Бонапартъ закончилъ централизацію; правительственный и административный аппаратъ функціонировали совершенно гармонично.

Затѣмъ подверглось реорганизаціи вѣдомство юстиціи. Въ коммунахъ были учреждены должности мировыхъ судей, въ округахъ — гражданскіе суды, въ департаментахъ введены апелляціонные трибуналы, а въ каждомъ департаментѣ по одному уголовному суду. Кассаціонный трибуналъ былъ высшей судебной инстанціей, и онъ имѣлъ право отмѣ-

нять приговоры только при наличности нарушенія судеб-
ныхъ формальностей. Бонапартъ вскорѣ распорядился о
составленіи гражданскаго, уголовнаго и торговаго свода
законовъ, и въ этомъ отношеніи заслуги его неоспоримы.
Эти проекты законовъ позже вступили въ силу подъ име-
немъ кодекса Наполеона. Кодексъ этотъ представляетъ
собою лучшее твореніе наполеоновской эпохи. Не слѣдуетъ
однако забывать, что Бонапартъ выполнилъ то, что начато
было конвентомъ, и что ученые, вырабатывавшіе эти сво-
ды законовъ, сохранили въ кодексѣ Наполеона часть поли-
тическихъ идей революціи.

Бонапартъ работалъ безъ устали, и этимъ доказалъ,
какимъ благодѣтелемъ онъ могъ бы стать для Франціи, если
бы обратилъ свое вниманіе на ея внутреннее устройство, а
не на военную славу и завоеванія. Онъ въ это время началъ
объѣзжать французскія провинціи, чтобы самому убѣдить-
ся въ ихъ состояніи. Онъ заботился объ улучшеніи путей
сообщенія, приказывалъ прорывать каналы, устраивалъ
гавани, а главнымъ образомъ прокладывать дороги, и этимъ
достигъ того, что на долю рабочихъ выпали большіе за-
работки. Такимъ путемъ ему удалось въ общемъ прими-
рить французовъ со своимъ господствомъ, послѣ того, какъ
значительное число восстаній не привело къ свободѣ. Мно-
гіе демократы пошли къ нему на службу и вполнѣ ему
подчинились. А онъ былъ настолько уменъ, что не отказы-
вался отъ этихъ услугъ.

Въ то же время финансовая нужда не прекратилась, не-
смотря на всѣ усилія Годена. На первыхъ порахъ Бона-
партъ облегчилъ финансовую нужду Франціи тѣмъ, что,
прикрывшись маскою охранителя международнаго права,
угрозами принудилъ Гамбургъ заплатить ему нѣсколько
милліоновъ за то, что городъ выдалъ англичанамъ ирланд-
скаго бѣглеца. Испанія пришлось поплатиться также
[illegible] Генуѣ и Голландіи. Но при [illegible] разстройствѣ фи-
нансовъ даже Бонапартъ со всей своей энергіей не въ си-
лахъ былъ упорядочить ихъ.

Но, возведя рядъ огромныхъ сооруженій, покрывъ Сену
тремя мостами, прорывъ С.-Кантенскій каналъ и проложивъ
дорогу черезъ Симплонъ, Бонапартъ въ то же время совер-
шенно уничтожилъ свободу печати. Оппозиціонныя газеты

были попросту закрыты, а существованіе газетъ, которымъ позволили выходить въ свѣтъ, всецѣло зависѣло отъ ихъ отношенія къ правительству. Имъ было заявлено, что онѣ не должны критиковать конституцію, армію и даже дружественныя Франціи правительства, если желаютъ продолжать выходить. Одновременно съ этими отвратительными стѣсненіями печати, начало проявляться снисходительное отношеніе къ роялистамъ и эмигрантамъ. Большинство эмигрантовъ были вычеркнуты изъ списковъ, а оставлены были лишь тѣ лица, которыя съ оружіемъ въ рукахъ боролись противъ Франціи или открыто состояли на службѣ у эмигрировавшихъ принцевъ и у дворовъ, заключившихъ союзъ противъ Франціи.

Хозяйничанье министра полиціи Фуше приняло неслыханные размѣры. Этотъ развращенный до мозга костей субъектъ руководствовался тѣмъ циничнымъ принципомъ, что въ его положеніи слѣдуетъ дѣлать какъ можно меньше зла. Ему были даны самыя широкія полномочія, и онъ имѣлъ право арестовать или отдать подъ надзоръ полиціи всякаго, кого онъ заподозрѣваетъ въ томъ, что онъ революціонеръ, эмигрантъ или заговорщикъ. Онъ наводнилъ шпіонами всю страну. При всемъ томъ Бонапартъ былъ настолько недовѣрчивъ, что вскорѣ же, какъ позже обнаружилось, не безъ основанія, началъ слѣдить и за самимъ Фуше.

Вотъ каковы были конституція и правительство консула Бонапарта послѣ государственнаго переворота 18-го брюмера. Отъ деспотическихъ правительствъ другихъ странъ французское правительство отличалось только своимъ именемъ. Благодаря революціи, новые классы стали господствующими, но политическое рабство, существовавшее при старомъ режимѣ, по-прежнему, было вновь возстановлено.

Походъ 1800 г.

Въ прокламаціяхъ, которыми Бонапартъ возвѣстилъ начало своего правленія, онъ называлъ себя миролюбивымъ государственнымъ дѣятелемъ. Трудно сказать, насколько онъ былъ при этомъ искрененъ. Во всякомъ случаѣ, онъ сдѣлалъ попытку мирнымъ путемъ разстроить коалицію

Питта. Онъ обратился съ письмами непосредственно къ англійскому королю и къ австрійскому императору и предложилъ обоимъ монархамъ заключить миръ съ Франціей. При этомъ онъ ссылался на требованія гуманности и цивилизаціи. Такимъ путемъ ему удалось привлечь на свою сторону общественное мнѣніе, чего онъ, быть можетъ, единственно и добивался, обращаясь со своими письмами къ монархамъ. Отвѣтили Бонапарту не прямо, а путемъ дипломатическихъ нотъ, при чемъ первому консулу дано было понять, что ни одинъ изъ государей не можетъ съ нимъ считаться, какъ съ личностью и силой равнаго происхожденія. То обстоятельство, что Бонапартъ осмѣлился обратиться непосредственно къ великобританскому королю, повидимому, больше раздосадовало англичанъ, чѣмъ европейская война. Англійская нота въ самой грубой формѣ отвергла предложеніе Бонапарта о мирѣ, при чемъ въ ней вновь повторялись обычныя обвиненія противъ французской республики. Австрія тоже отклонила предложеніе о заключеніи мира, но въ нѣсколько болѣе вѣжливой формѣ. Австріи угрожала бо́льшая опасность, чѣмъ Англіи; потому-то она и была вѣжливѣе.

Но тутъ Талейрану удалось, благодаря своей дипломатической ловкости, выдѣлить изъ коалиціи русскаго императора. Павелъ I слегка повздорилъ съ Австріей и Англіей, и Талейранъ очень хитро использовалъ этотъ случай для того, чтобы побудить русскаго самодержца совершенно порвать съ ними. Какъ извѣстно, Павелъ I желалъ, чтобы Австрія, послѣ побѣдъ Суворова, вернула престолъ изгнаннымъ французами итальянскимъ князьямъ. Но когда представитель Австріи въ Петербургѣ Кобенцль заявилъ, что Австрія сохранитъ за собою не только Сардинію и Тоскану, но и церковную область, Павелъ I, считавшій себя защитникомъ слабыхъ, разгнѣвался на Австрію. Гнѣвъ его еще усилился, когда англичане, которыхъ онъ не [illegible] неудачнаго нападенія на Голландію, объявили о своемъ намѣреніи удержать за собою осажденный ими островъ Мальту. Вѣдь Павелъ I былъ гроссмейстеромъ Мальтійскаго ордена!

Бонапартъ выразилъ согласіе передать Мальту русскому императору. Онъ зналъ, что осажденная англичанами крѣпость все равно вскорѣ падетъ. [illegible] онъ вызвался вернуть

престолъ сардинскому королю и папѣ. Онъ даже не ограничился только этимъ. Въ плѣну у французовъ находилось шесть тысячъ русскихъ, захваченныхъ во время голландскаго похода, и Англія отказалась выкупить ихъ у Франціи. Заново вооруживъ всѣхъ плѣнныхъ, Бонапартъ безъ выкупа отослалъ ихъ на родину, при чемъ самъ написалъ русскому министру Панину, что не можетъ примириться съ тѣмъ, чтобы такіе храбрецы, какъ русскіе, по винѣ англичанъ дольше оставались на чужбинѣ.

Благодаря этому поступку, первый консулъ пріобрѣлъ расположеніе императора Павла, который сильно разгнѣванъ былъ на англичанъ изъ-за 6 тысячъ плѣнниковъ. Павелъ I и безъ того уже давно милостиво относился къ Бонапарту. Онъ видѣлъ, что Бонапартъ стремится снова ввести во Франціи монархію, и это для него служило достаточнымъ основаніемъ, чтобы симпатизировать первому консулу. Павелъ I не преминулъ также и на дѣлѣ доказать свою симпатію къ Бонапарту. Онъ отозвалъ съ поля битвы всѣ русскія войска и такимъ образомъ отказался отъ участія въ коалиціи.

Теперь Англіи и Австріи пришлось самимъ продолжать борьбу, потому что имъ въ это время не помогали ни Неаполь, ни римскій папа. Но Англія ограничилась почти исключительно войною на морѣ и сосредоточила свои силы главнымъ образомъ въ Египтѣ. Такимъ образомъ, Австріи пришлось одной продолжать войну на сушѣ, и императоръ Францъ провелъ поэтому на регенсбургскомъ имперскомъ сеймѣ рѣшеніе, что Германія должна придти ему на помощь съ 300 тысячной арміей. Но когда прибыло разношерстное имперское войско, то оказалось, что оно самое большее насчитываетъ три тысячи человѣкъ.

Тѣмъ сильнѣе вооружилась сама Австрія. Въ Италіи Меласъ, побѣдитель при Савильяно, командовалъ великолѣпной арміей въ 120 тысячъ человѣкъ, между тѣмъ какъ Франція въ этой странѣ владѣла уже одной только Генуей. При томъ французская армія терпѣла крайнюю нужду во всемъ необходимомъ. Французскіе солдаты одичали при жалкомъ продовольствіи, которое имъ приходилось добывать собственными силами, а отъ дисциплины у нихъ и слѣда не осталось. Массенѣ, которому поручили командованіе надъ

этой арміей, при всей своей энергіи лишь съ трудомъ могъ внести порядокъ въ ея непокорные ряды.

Въ Германіи Австрія выставила армію въ 110 тысячъ человѣкъ. Ею командовалъ ничѣмъ не выдававшійся Край, потому что эрцгерцогъ Карлъ не пожелалъ больше служить подъ руководствомъ Тугута и придворнаго военнаго совѣта.

Бонапартъ началъ готовиться къ войнѣ съ огромной энергіею, при чемъ ему оказалъ превосходную поддержку геній Карно, который въ это время занималъ должность военнаго министра. Первый консулъ обратился къ французской молодежи съ воззваніемъ, приглашая ее добровольно вступать въ ряды арміи, и молодые люди толпами стали стекаться подъ его знамена. Тотъ фактъ, что предложенія Бонапарта о заключеніи мира были такъ грубо отклонены, вызвалъ возмущеніе во Франціи, и всѣ съ восторгомъ стали на сторону перваго консула. Такимъ образомъ, Бонапарту удалось собрать армію въ 300 тысячъ человѣкъ, съ помощью которой онъ могъ всюду выступить противъ враговъ. Стотысячной арміи подъ начальствомъ Моро предстояло начать военныя операціи въ Германіи, и армія такой же численности была отправлена въ Геную къ Массена, котораго Бонапартъ надѣлилъ пышнымъ именемъ «сына побѣды». 40 тысячъ человѣкъ подъ начальствомъ Ожеро служили прикрытіемъ для сѣверной границы, и, наконецъ, при Дижонѣ помѣстили резервную армію въ 60 тысячъ человѣкъ, назначеніе которой еще держалось въ тайнѣ. Въ этой арміи находилось множество свѣже набранныхъ солдатъ, и надъ ней поэтому еще смѣялись въ Англіи. Но насмѣшки Англіи вскорѣ [illegible] прекратились. Между прочимъ, ядро резервной арміи составляла консульская гвардія, которая состояла исключительно изъ испытанныхъ и преданныхъ Бонапарту солдатъ.

Въ началѣ военныхъ операцій въ Италіи на долю австрійцевъ выпалъ значительный успѣхъ. Меласъ двинулся противъ позиціи Массена, которому приходилось со своими деморализованными войсками придерживаться оборонительной тактики. Лѣвый флангъ арміи Массена, находившійся подъ начальствомъ генерала Сюше, былъ отрѣзанъ и оттѣсненъ за Варъ. Самъ Массена 18-го апрѣля подвергся при Вольтри нападенію со стороны Меласа и былъ разбитъ, такъ что

сю, пришлось съ остатками войска спастись въ Геную. Онъ прорвался въ крѣпость съ 25-тысячной арміей и былъ осажденъ съ суши австрійскимъ корпусомъ, которымъ командовалъ генералъ Оттъ, а съ моря — англійскимъ флотомъ, которымъ управлялъ адмиралъ Кэйтъ.

Австрійцы стояли теперь у самой границы Франціи, и среди провансальскихъ роялистовъ начались волненія. Они отправили къ англійскому адмиралу Кэйту пословъ, которые заявили, что роялисты готовы возстать въ тотъ моментъ, когда союзники перешагнутъ черезъ границу Франціи. Тогда вѣнскій придворный военный совѣтъ приказалъ колебавшемуся генералу Меласу вторгнуться во Францію.

Меласъ приготовился послѣдовать за отступавшимъ черезъ Варъ Сюше. Но тутъ Бонапартъ своей сильной рукой вмѣшался въ военныя операціи, и Меласу вскорѣ пришлось убѣдиться, съ какимъ страшнымъ врагомъ онъ имѣетъ дѣло.

Бонапартъ не спѣшилъ, какъ могли бы полагать австрійцы, помочь находившемуся въ опасности Сюше, а придумалъ такой планъ, который долженъ былъ застать враговъ совершенно врасплохъ и поставить ихъ, въ случаѣ удачи, въ самое критическое положеніе. Онъ быстрымъ маршемъ повелъ резервную армію изъ Дижона черезъ Швейцарію, чтобы перейти съ нею черезъ Альпы, спуститься въ Ломбардію и тамъ очутиться у австрійцевъ въ тылу. Этотъ смѣлый планъ былъ выполненъ съ точностью и съ искусствомъ, изумившими весь міръ.

Французскіе корпусы соединились въ Лозаннѣ, куда пріѣхалъ и военный министръ Карно, и тогда немедленно же начался переходъ черезъ Альпы, который былъ тщательно и втайнѣ подготовленъ. Было добыто множество лошадей и муловъ; въ арміи находилось значительное число итальянцевъ и швейцарцевъ, служившихъ проводниками. О провіантѣ позаботились заранѣе. Стояла прекрасная погода, и армія увѣренно стала подыматься по крутымъ утесамъ Альпъ. Орудія приходилось тащить за собою въ выдолбленныхъ стволахъ деревьевъ. Особенно трудныя мѣста брали штурмомъ. Армія перешла Альпы у горы Сени, черезъ малый С.-Бернардъ, Симплонъ и Готардъ. Черезъ большой С.-Бернардъ, который покрытъ вѣчными снѣгами и изоби-

путь безднами, пещерами и крутыми скалами, перешелъ самъ Бонапартъ съ ядромъ своей арміи.

Этотъ переходъ сравнивали съ знаменитымъ переходомъ Ганнибала черезъ Альпы. Слѣдуетъ, однако, принять во вниманіе, что Бонапартъ при своемъ походѣ не встрѣтился съ вражеской арміей или съ враждебно настроеннымъ населеніемъ и что онъ имѣлъ возможность заранѣе и тщательно подготовиться къ походу.

Проходя мимо уединеннаго монастыря на большомъ С.-Бернардѣ, французы подкрѣпились у монаховъ хлѣбомъ, виномъ и сыромъ. Затѣмъ они спустились въ Аостскую долину, гдѣ имъ преградилъ дорогу сильный фортъ Баръ. Французы ночью отважно пробрались мимо этого форта, а затѣмъ ихъ авангардъ подъ начальствомъ Ланна взялъ приступомъ Иврею и обратилъ въ бѣгство отрядъ австрійцевъ. Тѣмъ временемъ раздѣлившіеся французскіе корпуса успѣли снова соединиться, и тѣ подкрѣпленія, которыя Моро, по приказанію Карно, послалъ въ армію перваго консула, перевалили черезъ Готардъ.

Меласа, какъ громомъ, поразило извѣстіе, что самъ Бонапартъ съ сильной французской арміей появился у него въ тылу. Онъ отказался отъ намѣренія вторгнуться во Францію и немедленно началъ отступать. Генералу Отту онъ приказалъ прекратить осаду Генуи, которую Массена до этого времени упорно и умѣло защищалъ. Но въ Генуѣ какъ разъ въ этотъ моментъ нужда достигла такой остроты, что сдача крѣпости была неизбѣжна. Жизненные припасы почти совершенно истощились. Не было уже ни мяса, ни хлѣба, потому что то, что здѣсь ѣли подъ именемъ хлѣба, не заслуживало этого названія. Говорятъ, что много тысячъ человѣкъ погибло во время этой ужасной осады отъ голода. Массена энергично переносилъ все и раздѣлялъ со своими солдатами всѣ ужасы осады, такъ что они говорили о немъ: «Прежде, чѣмъ онъ сдастся, онъ заставитъ насъ съѣсть свои сапоги!» Но 4-го іюня Массена изъ состраданія къ населенію города сдался, выговоривъ себѣ свободное отступленіе съ оружіемъ и имуществомъ. И это случилось какъ разъ въ тотъ моментъ, когда Оттъ получилъ приказъ объ отступленіи.

Такимъ образомъ, Генуя еще разъ попала въ руки ав-

стрійцевъ, которые поспѣшно заняли ее. Но это нисколько не измѣнило положенія австрійцевъ къ лучшему, потому что Бонапартъ быстро овладѣлъ Ломбардіей и такимъ образомъ отрѣзалъ Меласа отъ Австріи. 2-го іюня Бонапартъ съ тріумфомъ вступилъ въ Миланъ и объявилъ тамъ о возстановленіи Цизальпинской республики.

Меласъ стянулъ къ себѣ всѣ находившіяся въ его распоряженіи войска. Послѣ того, какъ генералъ Оттъ у Монте-Белло потерпѣлъ тяжелое пораженіе въ битвѣ съ знаменитымъ Ланномъ, главныя силы враговъ встрѣтились на обширной александрійской равнинѣ. Центральнымъ мѣстомъ битвы служила деревня Маренго.

Меласъ понялъ, что избавиться отъ своего отчаяннаго положенія онъ можетъ только путемъ отважнаго натиска, и 14-го іюня утромъ напалъ на французовъ у Маренго, имѣя на своей сторонѣ численный перевѣсъ. Ему удалось отбросить французовъ назадъ. Какъ Бонапартъ ни старался бороться съ замѣшательствомъ, обнаружившимся въ рядахъ его войска, на сторонѣ Меласа все же въ теченіе цѣлаго дня оставалась побѣда, и къ вечеру французскія войска дрогнули. Цѣлые отряды французовъ обратились въ бѣгство, и австрійцы энергично начали ихъ преслѣдовать. Блестящими кавалерійскими атаками австрійцамъ удалось разстроить ряды французскихъ колоннъ. Меласъ счелъ себя побѣдителемъ и извѣстилъ Вѣну о своей побѣдѣ, между тѣмъ какъ Бонапартъ отправилъ въ Парижъ курьера съ вѣстью о своемъ пораженіи. Австрійскій генералъ, уставшій отъ битвы, передалъ команду генералу Цаху, а самъ уѣхалъ въ Александрію.

Цахъ съ увлеченіемъ продолжалъ преслѣдовать французовъ, на помощь которымъ въ этотъ моментъ поспѣшилъ со своей дивизіей генералъ Десэ, лишь недавно вернувшійся изъ Египта. Французы съ отчаяннымъ мужествомъ приготовились къ новой атакѣ. Приближавшіяся массы австрійцевъ были встрѣчены сильнымъ орудійнымъ огнемъ. Затѣмъ Десэ перешелъ въ наступленіе, и это подняло духъ всей арміи. Австрійцы, ряды которыхъ во время преслѣдованія врага пришли въ разстройство, отступили. Генералъ Десэ палъ, и смерть пламенно любимаго вождя, котораго называли «баярдомъ республики», привела солдатъ въ бѣшенство. Они яростно бросились на австрійцевъ въ штыки и заставили ихъ

отступить еще дальше. Въ то же время генералъ Келлерманъ бросился со своей кавалеріей въ тылу у австрійцевъ и совершенно смялъ ихъ. Генералъ Цахъ попалъ въ плѣнъ, и его еще недавно наступавшія войска бѣжали въ паническомъ страхѣ. Первоначальная побѣда австрійцевъ превратилась въ ужасное пораженіе. Французы яростно преслѣдовали вражескую армію и нанесли ей страшный уронъ. Австрійцы потеряли убитыми и ранеными 500 чел. и лишились 20 орудій; 6.000 австрійцевъ попало въ плѣнъ. Потери французовъ выразились въ цифрахъ 6,000 убитыхъ и раненыхъ. Бонапартъ былъ сильно огорченъ смертью Десэ, котораго высоко цѣнилъ. Когда его поздравили съ побѣдой словами: «Какой прекрасный это былъ день», побѣдитель отвѣтилъ: «Да, этотъ день былъ бы прекраснѣйшимъ, если бы я вечеромъ могъ обнять Десэ на полѣ битвы!»

Эта побѣда имѣла огромное значеніе. Австрійцы сразу потеряли все, что они пріобрѣли благодаря походу 1799 г. Меласу пришлось добиваться перемирія. Оно было заключено въ Александріи 16-го іюня, при чемъ было выговорено, что австрійская армія отступитъ за Минчіо и что французамъ будутъ выданы всѣ орудія и вся амуниція, находящіяся въ мѣстахъ, которыя очистятъ австрійцы.

Въ Германіи во время этого похода военное счастье также оказалось на сторонѣ французовъ. 25-го апрѣля Моро перешелъ черезъ Рейнъ. Малоспособный Край, командовавшій австрійцами, могъ лишь противопоставить храбрость рубаки этому искусному и осторожному тактику, операціи котораго были заранѣе разсчитаны. Моро разбилъ австрійцевъ при Энгенѣ, Мескирхѣ и Пфуллендорфѣ и заставилъ ихъ искать убѣжища въ укрѣпленномъ лагерѣ, подъ прикрытіемъ пушекъ Ульма. Войско Края было совершенно деморализовано цѣлымъ рядомъ пораженій, и въ немъ насчитывалось также огромное количество больныхъ, что возникла даже мысль о возможности эпидемической симуляціи. Однако, австрійскій полководецъ все же надѣялся, что благодаря позиціи при Ульмѣ сумѣетъ воспрепятствовать дальнѣйшему наступленію Моро. Но Моро обошелъ позицію австрійцевъ. Онъ занялъ Аугсбургъ и затѣмъ началъ переходить черезъ Дунай въ тылу у Края. Край, опасавшійся, что онъ будетъ отрѣзанъ отъ Австріи, выступилъ изъ своего

лагеря и попытался помѣшать Моро перейти черезъ Дунай. Но онъ снова былъ разбитъ наголову при Гехштедтѣ, — на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ около ста лѣтъ тому назадъ французы были побѣждены принцемъ Евгеніемъ и Мальборо, — и съ остатками своего войска бѣжалъ къ австрійской границѣ. Моро занялъ Мюнхенъ, а австрійцы отступили до самаго Инна. 15-го іюля заключено было парсдорфское перемиріе. Въ руки французовъ перешла почти вся Баварія, за исключеніемъ нѣкоторыхъ осажденныхъ ими крѣпостей. Рѣшено было, что эти крѣпости попрежнему будутъ подвергаться блокадѣ со стороны французовъ, но каждыя 2 недѣли будутъ снабжаться необходимымъ на это время провіантомъ.

Бонапартъ согласился на перемиріе лишь подъ условіемъ, что вскорѣ начнутся переговоры о мирѣ. Однако Австрія стремилась заключить перемиріе исключительно для того, чтобы получить возможность оправиться отъ своихъ пораженій. Поэтому переговоры о мирѣ вскорѣ разстроились.

Такимъ образомъ, Бонапартъ своей сильной рукой, какъ бы по волшебству, измѣнилъ общее политическое положеніе въ благопріятномъ для Франціи смыслѣ, хотя еще недавно казалось, что республика стоитъ на краю гибели. Неудивительно поэтому, что недальновидныя народныя массы съ суевѣрнымъ преклоненіемъ относились къ человѣку, который, казалось, былъ столько же счастливъ, сколько и геніаленъ.

Побѣдитель при Маренго поспѣшилъ использовать выгоду своего похода въ финансовомъ отношеніи. Заново организовавъ Цизальпинскую республику, онъ конфисковалъ монастырскія и казенныя имѣнія въ Ломбардіи. Цизальпинской республикѣ пришлось ежемѣсячно выплачивать Франціи по 2 милліона, и Пьемонту — по полтора милліона. Массена былъ назначенъ главнокомандующимъ военными силами въ Италіи. Этотъ генералъ въ битвахъ держалъ себя героемъ, но въ мирное время проявилъ себя грабителемъ. Онъ позволялъ себѣ такія чудовищныя вымогательства, а офицеры его и комиссары такъ преданно подражали его примѣру, что къ Бонапарту посыпались жалобы на него, и Массена пришлось замѣнить Брюномъ. Моро, насколько это зависѣло отъ него.

избѣгалъ грабежей, но ему приказано было получить контрибуцію, и онъ набралъ контрибуцій до 40 милліоновъ. Войска его содержались за счетъ тѣхъ странъ, которыя они занимали. Такою дорогою цѣною приходилось платиться народамъ за ненависть дома Габсбурговъ и господина Питта къ Французской республикѣ.

Но, несмотря на все это, французскіе финансы все еще не могли оправиться. Даже и энергія Бонапарта не могла тутъ ничѣмъ помочь. Въ бюджетѣ и на этотъ разъ обнаружился дефицитъ въ 200 милліоновъ.

Окончаніе египетскаго похода.

Когда Бонапартъ тайкомъ покинулъ свою храбрую египетскую армію, онъ оставилъ запечатанный приказъ на имя генерала Клебера. Приказъ былъ вскрытъ лишь тогда, когда главнокомандующій находился уже въ открытомъ морѣ. Въ немъ Бонапартъ передавалъ командованіе генералу Клеберу. Бонапартъ не долюбливалъ Клебера, который былъ искреннимъ республиканцемъ и отличался своею прямотой. Родомъ изъ Страсбурга, Клеберъ, о которомъ разсказывали, будто онъ сынъ какого-то весьма высокопоставленнаго лица, сначала поступилъ на службу къ Австріи. Но такъ какъ онъ, въ виду своего мѣщанскаго званія, не могъ ожидать повышенія въ странѣ придворныхъ косъ, то онъ перешелъ на службу къ Французской республикѣ и здѣсь вскорѣ выдвинулся, благодаря своимъ способностямъ. Онъ отличился въ бояхъ на Майнцѣ, при усмиреніи Вандеи и на службѣ въ маасской и самбрской арміи. Битва при Альтенкирхенѣ была выиграна, главнымъ образомъ, благодаря его осмотрительности и отвагѣ. Солдаты безгранично вѣрили этому мужественному генералу, сильный голосъ котораго былъ слышенъ даже при громѣ пушекъ въ сраженіяхъ.

Тайное исчезновеніе Бонапарта сильно обезкуражило французскую армію въ Египтѣ. Но, несмотря на это, энергичный Клеберъ, который былъ сильно возмущенъ поступкомъ Бонапарта, все же сумѣлъ снова поднять духъ солдатъ. «Онъ отлично сознавалъ всю серьезность своего положенія. Военныя силы, надъ которыми онъ, оставшись вѣрнымъ своему долгу, перенялъ начальство, состояли приблиз-

стояла изъ 20 тысячъ человѣкъ, и Клеберъ понималъ, что безъ помощи изъ Франціи онъ не будетъ въ силахъ продолжительное время удерживать въ своихъ рукахъ Египетъ. Въ то время, какъ неутомимый Сидней Смитъ высаживалъ на берегъ турецкія войска, великій турецкій визирь Юсуфъ приближался черезъ Сирію и Палестину съ 80-тысячной арміей. Клеберъ полагалъ, что долгъ приказываетъ ему попытаться спасти для республики свою армію, и вступилъ въ переговоры съ Сиднеемъ Смитомъ, въ то время, какъ великій визирь Юсуфъ захватилъ фортъ Эль-Аришъ, расположенный на границѣ между Египтомъ и Палестиной. Заключенъ былъ договоръ, скрѣпленный 24-го января 1880 г. Клеберу пришлось очистить правый берегъ Нила вмѣстѣ съ Каиромъ, и ему черезъ извѣстный промежутокъ времени предстояло быть вмѣстѣ съ арміей переправленнымъ во Францію на англійскихъ судахъ.

Кромѣ устнаго обѣщанія Сиднея Смита, Клеберъ не имѣлъ никакихъ гарантій въ томъ, что договоръ будетъ выполненъ. Честный и совѣстливый Клеберъ охотно допускалъ, что другіе люди обладаютъ такими же качествами, какъ онъ. Но ему пришлось познакомиться съ коварствомъ Альбіона.

Французы немедленно же уступили туркамъ правый берегъ Нила и Каиръ. Но вслѣдъ затѣмъ Сидней Смитъ сообщилъ французскому главнокомандующему, что англійское правительство приказало начальнику англійскаго флота лорду Кейту признать эль-аришскій договоръ лишь при томъ условіи, если Клеберъ вмѣстѣ со своею арміею отдается въ плѣнъ англичанамъ.

Клеберъ, который при заключеніи договора велъ себя слишкомъ добродушно и нѣсколько опрометчиво повѣрилъ джентльменскому обѣщанію англичанъ, пришелъ въ ярость, но скоро къ нему вернулась и вся его энергія. Чтобы заклеймить низость англійскаго правительства, онъ приказалъ напечатать письмо, полученное имъ отъ лорда Кейта. Письмо гласило:

«Отъ его величества короля британскаго полученъ мною точный приказъ: согласиться на капитуляцію ввѣренной вашему командованію арміи лишь въ томъ случаѣ, если армія

сложить оружіе, отдаться въ плѣнъ и выдать всѣ суда, находящіяся въ Александрійской гавани.

Въ своемъ приказѣ по арміи Клеберъ добавилъ:

«Солдаты! На такое безстыдство остается отвѣтить только побѣдой. Готовьтесь къ бою!»

20-го марта 1800 г. Клеберъ у развалинъ древняго Геліополиса встрѣтился съ турецкимъ войскомъ, имѣвшимъ на своей сторонѣ значительный численный перевѣсъ. Въ распоряженіи у Клебера было всего 12 тысячъ человѣкъ, въ то время какъ турокъ было 80 тысячъ. Но Клеберъ и его товарищи по оружію были исполнены отвагою людей, отчаявшихся въ спасеніи. Тогда какъ огромныя по своей численности колонны великаго визиря стали приближаться, Клеберъ началъ объѣзжать фронтъ своихъ батальоновъ.

«Друзья!—говорилъ онъ.—У насъ въ Египтѣ ничего не осталось, кромѣ того клочка земли, на которомъ вы теперь стоите. Если вы сдѣлаете хоть шагъ назадъ, вы погибли!»

Боевой духъ французовъ былъ приподнятъ, и они стремительно бросились навстрѣчу туркамъ. Натискъ французовъ, смѣлые маневры Клебера и ужасъ, внушенный туркамъ французскимъ оружіемъ, — все это сдѣлало атаку французовъ непреодолимой. Благодаря стремительной и общей штыковой атакѣ, имъ удалось разстроить турецкіе ряды и обратить въ бѣгство отряды великаго визиря. Турки въ ужасѣ бѣжали до самой Сиріи.

Эта блестящая побѣда обошлась французамъ всего въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Но имъ еще предстояла тяжелая и кровавая борьба: имъ пришлось вторично завоевать Каиръ.

Населеніе этого крупнаго города, какъ мы уже знаемъ, еще при Бонапартѣ возстало противъ французовъ. Кровавое подавленіе этого возстанія надолго запомнили египтяне. Въ то время, какъ Клеберъ сражался съ турками у Геліополиса, населеніе Каира возстало, такъ какъ оно съ увѣренностью ждало пораженія и гибели французовъ. Въ Каирѣ осталось лишь немного французовъ. Они подверглись теперь нападенію и избіенію со стороны разъяренныхъ египтянъ. Ибрагимъ-бей, сражавшійся со своими мамелюками у Геліополиса, бѣжалъ въ Каиръ и обманулъ египтянъ, сказавъ имъ, что французы разбиты. Въ скоромъ времени вооружилось 50 тыс. египтянъ. Но 27-го марта у воротъ города появился

Клеберъ и доказалъ имъ, что онъ не побѣжденъ. Въ самомъ Каирѣ были ограблены и убиты всѣ французы и даже вообще всѣ христіане, и Ибрагимъ попытался теперь отразить внѣшнее нападеніе на городъ. Произошелъ цѣлый рядъ кровопролитныхъ стычекъ, не приведшихъ ни къ какому результату, несмотря на то, что Каиръ подвергся бомбардировкѣ. Клеберъ въ концѣ концовъ рѣшилъ штурмовать предмѣстье Булакъ. 15-го апрѣля французы проникли въ Булакъ, но имъ пришлось выдержать жестокую борьбу съ египтянами и мамелюками, прежде чѣмъ они захватили предмѣстье. Отчаянно защищавшіеся жители предмѣстья были массами убиты картечью и заколоты штыками. Цѣлые ряды домовъ были взорваны. Было сожжено и разрушено 400 домовъ и убито много тысячъ человѣкъ, прежде чѣмъ французы могли, наконецъ, назвать себя владѣльцами Булака.

Послѣ этой ужасной борьбы Ибрагимъ-бей началъ вести переговоры съ Клеберомъ. Каиръ перешелъ въ руки Клебера, а Ибрагимъ вмѣстѣ со своими мамелюками ушелъ въ Сирію. 27-го апрѣля 1800 г. французы снова вступили въ Каиръ. Такимъ образомъ, потребовался цѣлый мѣсяцъ для того, чтобы вновь завоевать этотъ городъ.

Клеберъ заново и очень искусно реорганизовалъ управленіе Каиромъ. Онъ считался при этомъ съ національными привычками и потребностями египтянъ и обложилъ ихъ умѣренными налогами и податями. Онъ выказывалъ большую снисходительность и не мучилъ такъ сильно египтянъ поборами, какъ дѣлалъ это Бонапартъ. Онъ вскорѣ пріобрѣлъ любовь туземцевъ и уже началъ питать нѣкоторую надежду на то, что ему удастся удержаться въ Египтѣ до того момента, когда въ Европѣ буетъ заключенъ миръ.

Но надеждамъ Клебера не суждено было сбыться.

14-го іюня 1800 г. Клеберъ вмѣстѣ съ конвойнымъ прогуливался по саду своего каирскаго дворца, — въ тотъ самый часъ, когда его другъ Десэ палъ въ битвѣ при Маренго, сраженный австрійской пулей. Вдругъ изъ заброшеннаго колодца выскочилъ какой-то мусульманинъ и съ ужасающей быстротой и ловкостью вонзилъ длинный кинжалъ въ сердце французскаго генерала, не ожидавшаго съ чьей-либо стороны нападенія. Клеберъ упалъ мертвымъ. Его спутникъ попытался задержать убѣгавшаго убійцу, но былъ раненъ

ударомъ кинжала. Убійца былъ арестованъ подоспѣвшими солдатами.

Убилъ Клебера нѣкій Сулейманъ изъ Алеппо, мистикъ и фанатикъ, странствовавшій по Востоку. Онъ видѣлъ остатки разбитой при Геліополисѣ турецкой арміи и ту панику, которую вызвала среди мусульманъ побѣда Клебера. Онъ рѣшилъ убить «французскаго султана» и исполнилъ свое рѣшеніе.

Составлена была военная комиссія, которая раскрыла, что о намѣреніи Сулеймана убить генерала знали четыре шейха. Ихъ обезглавили, а Сулеймана рѣшено было посадить на колъ. И этотъ восточный приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе съ чисто восточной жестокостью. Сулейманъ переносилъ предсмертныя муки въ теченіе четырехъ часовъ со спокойствіемъ, которое онъ могъ почерпнуть исключительно въ своемъ фанатизмѣ.

Постъ Клебера занялъ генералъ Мену, который принялъ мусульманство и женился на турчанкѣ. Онъ называлъ себя Абдалла-Мену. Но онъ не сумѣлъ выполнить той задачи, которую ему пришлось взять на себя. Онъ не обладалъ достаточнымъ умомъ, чтобы справиться съ положеніемъ, а внѣшность его вызывала одни насмѣшки. Мену былъ такъ толстъ, что съ трудомъ влѣзалъ на лошадь. Англійскіе крейсеры задерживали подкрѣпленія, которыя присылались изъ Франціи, и положеніе французовъ съ каждымъ днемъ становилось все болѣе критическимъ.

А между тѣмъ европейскія событія складывались, повидимому, благопріятно для французовъ, находившихся въ Египтѣ. 5-го сентября 1800 г. англичанамъ сдалась Мальта, которую французскій генералъ Вобуа въ теченіе двухъ лѣтъ защищалъ отъ натиска англійскихъ, русскихъ, неаполитанскихъ и португальскихъ военныхъ судовъ. Благодаря захвату Мальты, англичане навлекли на себя гнѣвъ русскаго императора Павла. Опасаясь съ его стороны мести, они попытались во что бы то ни стало избавиться отъ французовъ, находившихся въ Египтѣ. Англичане предложили Мену признать эль-аришскій договоръ. Это предложеніе передано было Мену Сиднеемъ Смитомъ, но Мену отвергъ его подъ тѣмъ предлогомъ, что ему необходимо заручиться на этотъ счетъ согласіемъ перваго консула.

Тогда англійскіе министры рѣшили сами сдѣлать то, съ чѣмъ не сумѣли справиться турки. Они рѣшили завоевать Египетъ силою. Генералу Ральфу Аберкромби было передано командованіе надъ 17-тысячной арміей, набранной почти во всѣхъ европейскихъ странахъ, и лордъ Кэйтъ переправить эту армію въ Египетъ.

Талантливый и энергичный полководецъ, Аберкромби немедленно же занялъ фортъ Абукиръ и 21-го марта 1801 г. при Роланіи вступилъ въ бой съ подступившимъ Мену. Послѣ отчаянной и неудачной кавалерійской атаки французы были разбиты на голову. Аберкромби палъ въ этой битвѣ, но смѣнившій его Гетчинсонъ преслѣдовалъ французовъ до александрійскихъ валовъ. Мену съ частью своего войска бросился въ этотъ городъ, между тѣмъ какъ генералъ Бельяръ съ остатками арміи занялъ Каиръ. Гетчинсонъ приказалъ осадить Александрію, а самъ двинулся къ Каиру. Бельяръ рѣшилъ сдаться, въ виду того, что турки снова пришли на помощь англичанамъ съ сильной арміей, и въ Красномъ морѣ появился англійскій флотъ, который долженъ былъ высадить 7 тысячъ индійскихъ солдатъ. Согласно выработаннымъ въ Каирѣ 27-го іюня 1801 г. условіямъ сдачи, французамъ предоставленъ былъ свободный отъѣздъ изъ Египта вмѣстѣ съ оружіемъ и имуществомъ. Англійскимъ судамъ предстояло перевезти ихъ во Францію. Точно такъ же и ученые, сопровождавшіе французскую армію, должны были быть возвращены на родину вмѣстѣ съ рукописями и коллекціями. 27-го августа на тѣхъ же условіяхъ сдался въ Александріи и Мену. 2-го сентября уже закончилась посадка французовъ на суда. Англичане воспользовались случаемъ выказать свое великодушіе и обставили посадку французовъ на суда съ нѣкоторой пышностью. Французовъ при переѣздѣ очень хорошо кормили. Сопровождать французовъ получили право тѣ изъ египтянъ, которые скомпрометировали себя во время французскаго владычества.

Такъ закончилась эта авантюра, ни въ коемъ случаѣ не достигшая своей цѣли — нанести ущербъ Англіи на почвѣ ея восточной политики. Но въ то же время французскіе республиканцы не избавились и отъ честолюбиваго генерала, котораго они боялись. Напротивъ, египетскій походъ лишь способствовалъ усиленію его популярности и удачному вы-

по случаю государственнаго переворота 18-го брюмера. Единственный положительный результатъ экспедиціи представляли собою изслѣдованія, чертежи и коллекціи ученыхъ. Но они обошлись черезчуръ дорого. Они добыты были цѣною огромнаго числа человѣческихъ жизней.

Окончательное пораженіе Австріи.

Послѣ битвы при Маренго Бонапартъ снова предложилъ Австріи заключить миръ и поставилъ болѣе мягкія условія, чѣмъ этого можно было ожидать отъ побѣдителя. Но Австрія не приняла предложенія Бонапарта, потому что интриганъ Тугутъ успѣлъ заключить новый договоръ о субсидіи, по которому Австрія имѣла право вступить въ мирные переговоры съ Франціей лишь съ согласія Англіи. Англія дала Австріи два милліона фунтовъ стерлинговъ, и Тугутъ остался въ выигрышѣ въ своей нечестной игрѣ. Война продолжалась.

Бонапартъ предоставилъ продолжать войну своимъ генераламъ, а самъ уже въ началѣ іюля вернулся въ Парижъ. Этотъ человѣкъ, которому опять удалось своею сильной рукой повернуть судьбы Франціи, былъ встрѣченъ народомъ, какъ полубогъ. Его успѣхи опьяняли французовъ.

Въ сентябрѣ снова начались военныя операціи въ Италіи. Генералъ Макдональдъ вторгся въ Тироль, смѣлымъ переходомъ перевалилъ черезъ Сплюгенъ и занялъ Тріентъ. Брюнъ двинулся черезъ Минчіо и отбросилъ назадъ Белльгарда, который командовалъ теперь вмѣсто стараго Меласа. Брюнъ успѣлъ уже достигнуть долины Эча, когда изъ Германіи прибыла вѣсть о заключеніи новаго перемирія и это заставило пріостановить военныя операціи и въ Италіи.

Время парсдорфскаго перемирія Австрія посвятила обширнымъ приготовленіямъ къ войнѣ и выставила противъ Моро новую большую армію. Эрцгерцогъ Карлъ ни за что не соглашался перенять на себя командованіе арміей при жалкомъ тугутовскомъ режимѣ. Но въ Австріи, очевидно, утвердилось мнѣніе, что войско вообще не можетъ вести успѣшно борьбу, разъ имъ не командуетъ какой-нибудь принцъ, а такъ какъ эрцгерцогъ Карлъ попрежнему продолжалъ отказываться отъ командованія, то оно было передано

брату его Іоанну. Итакъ, спасти Австрію надлежало юношѣ, которому тогда было 18 лѣтъ и которому полвѣка спустя пришлось, уже старикомъ, играть въ Германіи трагикомическую роль правителя государства.—И Іоанну показалось, будто онъ дѣйствительно призванъ совершить дѣло спасенія Австріи. Если его братъ Карлъ умѣлъ выиграть сраженія, то почему ему не умѣть этого? Такъ, очевидно, разсуждалъ онъ, вѣря тому, что слышалъ отъ льстецовъ. Въ качествѣ военнаго совѣтника ему дали не какого-нибудь испытаннаго въ борьбѣ съ французами генерала, а фельдцейгмейстера Лауэра, всѣ заслуги котораго состояли въ томъ, что онъ въ походѣ 1799 г. обнаружилъ полную свою неспособность въ военномъ дѣлѣ. И эрцгерцогъ Іоаннъ вмѣстѣ съ такимъ генераломъ долженъ былъ побѣдить военныя силы Французской республики, которыми руководили лучшіе генералы! Если бы не было извѣстно, что Тугутъ по своей злости дѣлалъ все шиворотъ навыворотъ, то можно было бы подумать, что въ это время въ Вѣнѣ правили безумцы.

Послѣ того, какъ австрійское войско получило значительныя подкрѣпленія (для чего пришлось прибѣгнуть къ принудительнымъ мѣрамъ, такъ какъ и терпѣливые австрійцы, наконецъ, пресытились безконечной войной), 28 ноября начались военныя дѣйствія. И армія Моро, съ своей стороны, получила подкрѣпленія, присоединивъ къ себѣ сѣверную армію, которою командовалъ Ожеро. Судьбѣ угодно было, чтобы юный Іоаннъ потѣшился небольшой удачей. 1 декабря онъ, имѣя на своей сторонѣ численный перевѣсъ, столкнулся при Ампфингѣ съ двумя французскими дивизіями и заставилъ ихъ отступить. Нашлись льстецы, которые до безконечности раздули это дѣло, и Іоаннъ самъ уже убѣдился теперь въ своемъ стратегическомъ геніи. Ему казалось, что онъ выигралъ уже всю кампанію. Моро, однако, сумѣлъ разубѣдить его въ этомъ.

3 декабря враждебныя арміи сошлись у деревни Гогенлинденъ. Французскіе генералы сразу поняли, съ какимъ противникомъ имъ приходится имѣть дѣло, и одинъ изъ нихъ предложилъ наканунѣ битвы:

«Давайте сейчасъ же составимъ отчетъ о боѣ: захвачено 50 орудій и десять тысячъ плѣнныхъ!»

И онъ оказался правъ.

Бой разгорѣлся раннимъ утромъ, въ холодный зимній день, на лѣсистой, покрытой снѣгомъ равнинѣ, въ центрѣ которой находилась деревня Гогенлинденъ. Въ противоположность неудачнымъ маневрамъ эрцгерцога, Моро развернулъ весь свой стратегическій талантъ. Линіи австрійцевъ были прорваны, укрѣпленныя позиціи эрцгерцога были захвачены или обойдены съ тылу, и вскорѣ остатки австрійской арміи обратились въ поспѣшное и безпорядочное бѣгство. Іоаннъ потерялъ убитыми и ранеными 7 тысячъ человѣкъ, плѣнными 11 тысячъ и, кромѣ того, 100 орудій. Французы насчитывали убитыхъ и раненыхъ 2500 человѣкъ.

Этотъ ударъ совершенно уничтожилъ Австрію и вызвалъ паденіе Тугута. Такъ какъ все погибло, то теперь снова пригласили эрцгерцога Карла стать во главѣ разбитой арміи, а онъ согласился занять постъ главнокомандующаго лишь при томъ условіи, если Тугутъ будетъ устраненъ. Возможно, что Тугуту пришлось бы уйти въ отставку еще до битвы при Гогенлинденѣ, такъ какъ Францу II очень хотѣлось, чтобы во главѣ арміи стоялъ его талантливый братъ Карлъ. Но какъ разъ въ это время въ Вѣну прибыла неаполитанская королева Каролина вмѣстѣ со своей порочной подругой Гамильтонъ, и такъ какъ благородныя души постоянно сходятся, то и обѣ лицемѣрныя женщины нѣжно подружились съ Тугутомъ. Онѣ добились того, что Тугутъ остался на своемъ посту. А теперь ему все же пришлось уйти, и эрцгерцогъ Карлъ перенялъ командованіе надъ разбитой арміей, съ которой онъ ничего путнаго не могъ уже сдѣлать. Онъ отступилъ къ Штейеру, и Моро послѣдовалъ за нимъ туда. Французская армія находилась всего только на разстояніи 11 миль отъ Вѣны. Вступленіе во вражескую столицу было бы для нея великимъ тріумфомъ. Но эрцгерцогъ Карлъ откровенно далъ знать императору, что спасти Австрію можно исключительно путемъ поспѣшнаго заключенія мира, и когда эрцгерцогъ предложилъ французскому генералу заключить перемиріе, послѣдній согласился на это. 25 декабря 1800 г. заключено было при Штейерѣ перемиріе, согласно которому французы заняли Баварію и верхнюю Австрію. Австрійцамъ пришлось открыть для нихъ и сообщеніе съ Италіей.

Такое пораженіе понадобилось вмѣсти Австріи, чтобы склонить ее къ миру. Вскорѣ начались и переговоры о мирѣ, въ основу которыхъ Бонапартъ, чтобы показать свое великодушіе, положилъ условія Кампо-Формійскаго мира. Миръ, согласно условіямъ котораго Франціи возвращалось все то, что обѣщано было ей въ Кампо-Форміо, заключенъ былъ въ Люневилѣ 9 февраля. Онъ ограничивалъ австрійскія владѣнія въ Италіи, а Тоскана перешла во владѣніе Франціи, причемъ Германія должна была установить размѣры вознагражденія для великаго герцога тосканскаго Фердинанда III. Условія этого мира подтвердилъ регенсбургскій конгрессъ имперскихъ князей 7 марта 1801 г.

Заговоры на жизнь Бонапарта.

Мѣщане, крупные буржуазія, крупные и мелкіе собственники чувствовали себя отлично подъ властью Бонапарта, который доставилъ имъ спокойствіе, способствовалъ повышенію ихъ доходовъ, а рабочимъ [illegible] занятіе на долгое время сооруженіемъ общественныхъ построекъ, а [illegible] демократію, казалось, что всякіе политическіе принципы исчезли, и всѣ единодушно расточали похвалы великому человѣку, который заново организовалъ Францію и укротилъ, наконецъ, революціоннаго льва.

Отъ прежнихъ партій сохранились одни лишь жалкіе остатки, и всѣ вліятельные люди, за немногими исключеніями, подчинились властному режиму Бонапарта. Нашлись, однако, роялисты и демократы, обладавшіе извѣстной силой воли и не примирившіеся окончательно съ господствомъ героя 18 брюмера. Ихъ не очаровали его успѣхи. Большинство изъ нихъ скрылось съ общественной арены, затаивъ въ себѣ злобу. Другіе, какъ люди въ родѣ Барера, опустились до того, что оказывали правительству услуги шпіона; Карно же напрасно хотѣлъ совмѣщать со своимъ непреклоннымъ республиканизмомъ службу у Бонапарта, въ качествѣ военнаго министра.

Но среди оппозиціонно настроенныхъ представителей роялистическаго и демократическаго направленій нашлись также горячіе, не останавливающіеся передъ насиліемъ люди, которые не могли спокойно отступить на задній

плинъ и поглощены были мыслью о насильственномъ устраненіи перваго консула. Это радовало Фуше. Ему на руку были покушенія, такъ какъ они способствовали укрѣпленію его позиціи въ качествѣ охранителя общественной безопасности. Очень даже похоже на то, что министръ полиціи самъ искусственно «создавалъ» заговоры и затѣмъ «раскрывалъ» ихъ, доказывая такимъ путемъ свою проницательность и бдительность. Подобные случаи уже бывали въ исторіи и теперь бываютъ и не отличаются ни новизной, ни оригинальностью.

Въ Парижѣ жилъ въ это время ревностный демократъ, корсиканецъ, по имени Арена, о братѣ котораго разсказывали, что онъ, будучи членомъ совѣта пятисотъ, 19 брюмера обнажилъ кинжалъ противъ Бонапарта. Арена часто встрѣчался съ талантливымъ скульпторомъ и тоже ревностнымъ демократомъ, итальянцемъ Церачи, и съ художникомъ Топино-Лебрюномъ, который когда-то былъ присяжнымъ революціоннаго трибунала. Эти фанатики часто вели между собою бесѣды о Брутѣ, которому слѣдовало бы появиться, чтобы избавить Францію отъ Бонапарта. У нихъ не было никакого желанія сыграть эту опасную роль, но они познакомились съ отставнымъ офицеромъ, по имени Гаррелемъ, который, какъ имъ казалось, былъ для такой роли вполнѣ подходящимъ человѣкомъ. Въ эту тайну посвящены были нѣкій Демервиль вмѣстѣ съ нѣкіимъ Діаной, и Гаррелю вполнѣ серьезно предложили заколоть кинжаломъ перваго консула. Гаррель, повидимому, согласился на это предложеніе, но тутъ обо всемъ узналъ министръ полиціи Фуше, который началъ слѣдить за заговорщиками. Заговорщики рѣшили убить перваго консула въ оперѣ. Фуше отъ своихъ агентовъ, участвовавшихъ въ заговорѣ, узналъ точно о мѣстѣ и времени предполагавшагося покушенія, и когда заговорщики явились въ театръ, они были схвачены полиціей. При нихъ, впрочемъ, не нашли кинжаловъ; вооружены были одни только агенты Фуше. Противъ нихъ также не имѣлось никакихъ иныхъ уликъ, кромѣ показаній полицейскихъ агентовъ. Общество было того мнѣнія, что Фуше самъ затѣялъ этотъ заговоръ, чтобы использовать его въ интересахъ перваго консула. Даже президентъ трибунала въ одной изъ своихъ рѣчей совершенно

...мо даже понять о возможности такого несоотвѣтствія фактовъ. А пока дѣйствительные или мнимые заговорщики посажены были въ тюрьму.

Но къ этой полицейской интригѣ Фуше присоединилось вскорѣ и серьезное покушеніе. Роялисты мало-помалу пришли къ тому убѣжденію, что отъ Бонапарта нечего ждать возстановленія легитимной монархіи. Претендентъ на престолъ, именовавшій себя Людовикомъ XVIII, самъ обратился съ письмомъ къ Бонапарту.

«Не возстановивъ меня въ правахъ, — писалъ онъ, — вы не можете дать счастья Франціи, точно такъ же, какъ и я не могу безъ вашей помощи вступить на престолъ, на который имѣю право. Спѣшите же закончить прекрасное дѣло, которое вы начали и которое только вы одинъ и въ состояніи довести до конца, и укажите, какого рода награды требуете вы для своихъ друзей».

Этотъ Бурбонъ былъ дѣйствительно настолько ограниченъ и такого высокаго о себѣ мнѣнія, что вообразилъ, будто столь могучій завоеватель, какъ Бонапартъ, откажется отъ власти въ пользу ничтожнаго во всѣхъ отношеніяхъ претендента. Бонапартъ отвѣтилъ ему, что онъ сочувствуетъ его несчастію, но для того, чтобы возвратить ему Францію, потребовалось бы пожертвовать 100 тысячами человѣкъ, а въ такомъ дѣлѣ онъ, первый консулъ, не можетъ оказать поддержки.

Впослѣдствіи, чтобы возстановить тронъ Бурбоновъ, пришлось принести въ жертву гораздо болѣе 100 тысячъ человѣкъ.

Роялистамъ не повезло у Бонапарта и съ политическими агентами въ лицѣ красивыхъ, остроумныхъ и занимательныхъ дамъ. Такъ какъ они, въ концѣ концовъ, отчаялись привлечь на свою сторону новаго самодержца, то они рѣшили убить его.

За выполненіе заговора взялся дикій и богатырски сложенный предводитель шуановъ въ Бретани Жоржъ Кадудаль, обладавшій необходимой для этого дѣла смѣлостью. Тайно прибывъ во Францію, онъ поселился въ Бретани, откуда отправилъ въ Парижъ двухъ агентовъ съ порученіемъ — избавить міръ отъ перваго консула. Агентамъ предстояло взорвать Бонапарта при помощи пороховой бочки, начинен-

ной картечью. Заговорщиковъ, которые должны были выполнить этотъ злодѣйскій планъ, были Карбонъ, Сенъ-Режанъ и Лимоэланъ.

Вечеромъ 23 декабря 1800 г. Бонапартъ предполагалъ посѣтить оперу. Потомъ онъ рѣшилъ остаться дома, но его уговорили поѣхать, и онъ, наконецъ, отправился въ театръ. Въ концѣ Сенъ-Никезской улицы заговорщики помѣстили телѣгу съ бочкой пороху. Когда Бонапартъ въ своей каретѣ проѣзжалъ мимо адской машины, какъ называли эту телѣгу съ пороховой бочкой, Сенъ-Режанъ зажегъ фитиль. Но онъ сдѣлалъ это чересчуръ поздно, а подвыпившій кучеръ Бонапарта ѣхалъ нѣсколько быстрѣе обыкновеннаго. Такимъ образомъ, въ моментъ взрыва адской машины первый консулъ выѣхалъ уже за уголъ улицы. Послѣдовалъ необычайно сильный взрывъ, выбившій стекла въ каретѣ Бонапарта, и первый консулъ крикнулъ сидѣвшему рядомъ съ нимъ генералу Бессьеру: «Насъ хотѣли взорвать». Взрывъ былъ слышенъ на разстояніи нѣсколькихъ миль въ окрестности. Онъ разрушилъ нѣсколько домовъ. Около двадцати человѣкъ было убито и около шестидесяти ранено. Бонапартъ продолжалъ свой путь и пріѣхалъ въ театръ совершенно спокойный.

Это дерзновенное покушеніе, совершенное въ [illegible] многого семейства, наполнило негодованіемъ Францію. Для раскрытія злоумышленниковъ покушенія Фуше пустилъ въ ходъ всю свою огромную полицейскую машину. Самымъ естественнымъ образомъ заподозрили въ этомъ дѣлѣ демократовъ; многіе изъ нихъ были арестованы, и Бонапартъ рѣшилъ прибѣгнуть къ насилію по отношенію къ этой партіи. Онъ представилъ предписаніе по полиціи составить 130 сторонниковъ демократической партіи, въ числѣ которыхъ были многіе лица, пріобрѣвшія извѣстность во время революціи. Часть изъ нихъ была сослана на пустынные Сейшельскіе острова.

Государственный совѣтъ согласился на это насиліе, а рабскій сенатъ открыто объявилъ, что оно не нарушаетъ конституціи. Такое китайское подобострастіе должно было вполнѣ удовлетворить Бонапарта. Теперь казнены были и участники заговора Арена, за исключеніемъ предателей и шпіоновъ, хотя никто серьезно не вѣрилъ въ вину казненныхъ.

Полиція Фуше вскорѣ установила, со стороны какой партіи совершено было покушеніе съ адской машиной, но онъ съ прежнимъ рвеніемъ продолжалъ арестовывать и ссылать демократовъ. Ему даже удалось найти двухъ изъ соучастниковъ. Кадудаль сейчасъ же послѣ покушенія снова уѣхалъ въ Англію. Лимоэлану удалось бѣжать изъ Парижа за границу, но Сенъ-Режанъ остался, потому что онъ раненъ былъ въ руку во время взрыва, и Карбонъ, котораго Фуше лично зналъ, тоже скрывался въ Парижѣ. Фуше прослѣдилъ обоихъ заговорщиковъ, и ему, наконецъ, удалось арестовать и изобличить ихъ. Они были осуждены на смерть и казнены. Послѣ процесса должны были убѣдиться всѣ, что надъ демократами, сосланными изъ-за адской машины, учинили вопіющую несправедливость, но Бонапартъ цинично замѣтилъ:

«Я освободился только отъ генеральнаго штаба якобинцевъ, а адская машина доказываетъ лишь то, что за роялистами необходимо такъ же зорко слѣдить, какъ и за демократами».

Дѣло съ адской машиной вообще дало поводъ для проявленія восторженной преданности народа первому консулу, и Бонапартъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы еще больше сузить гражданскія свободы. Ему приходилось осторожно подвигаться по пути къ абсолютной монархіи. Покушеніе помогло ему выполнить свои планы.

Бой въ Сѣверномъ морѣ

Тиранія англичанъ на морѣ, причинявшая неисчислимый вредъ Франціи, Испаніи и Голландіи, основывалась на такъ называемомъ правѣ [illegible] обысковъ, которое присвоила себѣ Англія и въ противовѣсъ которому когда-то, благодаря стараніямъ Екатерины II, была заключена сѣверная конвенція о нейтралитетѣ. Англія не обращала больше никакого вниманія на эту конвенцію. Она всюду примѣняла право обысковъ, пользуясь для этого вооруженною силою, и нападала на всѣ суда, которыя она заподозрѣвала въ провозѣ военной контрабанды. Если суда противились обыску, то ихъ обстрѣливали или конфисковывали. Такъ англичане поступили съ нѣкоторыми шведскими кораблями и съ датскимъ фрегатомъ «Фрейя».

Такъ какъ жестокость англичанъ вызвала во всей Европѣ сильное негодованіе, то Бонапартъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы вооружить Россію противъ Англіи. Россія, Пруссія, Данія и Швеція уже давно вели переговоры о возстановленіи морского нейтралитета, и Данія теперь заявила, что конфискація фрегата «Фрейя» представляетъ собою нарушеніе международнаго права. Съ обычной своей грубостью Англія на это отвѣтила тѣмъ, что выслала въ море флотъ противъ Даніи.

Бонапартъ прилагалъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы Россія вмѣшалась въ этотъ споръ, и императоръ Павелъ предложилъ Англіи свои услуги въ качествѣ третейскаго судьи. Но Англія отклонила его предложеніе, и Даніи, которой угрожалъ сильный англійскій флотъ, пришлось сдаться и объявить, что она признаетъ право обысковъ. Заключенъ былъ договоръ, согласно которому Данія перестала охранять свои транспортные корабли военными судами.

Императоръ Павелъ объявилъ этотъ договоръ недѣйствительнымъ и совершенно порвалъ съ Англіей, которая озлобила его тѣмъ, что захватила Мальту. Онъ приказалъ конфисковать всѣ англійскіе корабли, находившіеся въ русскихъ гаваняхъ, и заключилъ съ Даніей, Швеціей и Пруссіей договоръ, вновь возстановившій морской нейтралитетъ сѣверныхъ державъ. Морскія державы начали вооружаться. Бонапартъ добился того, чего хотѣлъ. Предстояла война между Англіей и Россіей.

Узнавъ о заключеніи договора о нейтралитетѣ, Англія конфисковала въ своихъ гаваняхъ всѣ русскіе, датскіе и шведскіе корабли, а ея каперы захватили всѣ суда сѣверныхъ державъ. Англійскій же флотъ подъ начальствомъ Паркера и Нельсона отплылъ къ Копенгагену, между тѣмъ какъ Данія заперла для англичанъ входъ во всѣ нѣмецкія гавани Сѣвернаго моря.

Сѣверныя державы не успѣли въ достаточной мѣрѣ подготовиться къ внезапному нападенію Англіи, и, такимъ образомъ, маленькой Даніи пришлось пока одной выдерживать борьбу съ сильнымъ морскимъ противникомъ.

Тѣмъ временемъ Бонапартъ постарался повліять и на Пруссію въ томъ смыслѣ, чтобы она заняла курфюршество Ганноверъ, которое находилось въ союзѣ съ Англіей. Сна-

чала Пруссія отказывалась сдѣлать это. Но когда Павелъ I пригрозилъ, что онъ захватитъ Ганноверъ, пославъ туда 25-тысячную армію, то Пруссія захватила курфюршество. Передъ Англіей Пруссія старалась оправдаться тѣмъ, что она будто желала охранить Ганноверъ отъ посягательствъ со стороны русскихъ и французовъ. Двусмысленность прусской политики увѣнчалась тѣмъ, что прусскій посолъ Луккезини въ то же время сдѣлалъ въ Парижѣ необходимые шаги, чтобы добиться согласія Бонапарта на постоянное присоединеніе Ганновера къ Пруссіи.

А между тѣмъ, англійскій флотъ появился передъ Копенгагеномъ, гдѣ датчане приготовились оказать врагу отчаянное сопротивленіе. Весь датскій народъ поднялся для борьбы съ разбойничьимъ нападеніемъ англичанъ. Но грубый морякъ Нельсонъ имѣлъ на своей сторонѣ перевѣсъ силы. Онъ подвергъ Копенгагенъ ужасной бомбардировкѣ. Въ кровопролитной морской битвѣ при Зундѣ и Копенгагенѣ датскій флотъ былъ разбитъ, и Данія просила пощады, такъ какъ ни русскій, ни шведскій флоты не успѣли явиться [illegible] прийти къ ней на помощь. Пришлось вступить въ переговоры со счастливымъ разбойникомъ [illegible]. И Нельсонъ самъ явился въ разрушенный бомбардировкой городъ, при чемъ [illegible] негодованіе [illegible] побѣждено. Заключено было перемиріе, и англійскій флотъ отплылъ въ Швецію. Въ это время императоръ Павелъ былъ убитъ, а вступившій послѣ него на престолъ Александръ I сталъ въ другія отношенія съ Англіей, вслѣдствіе чего державы отказались отъ нейтралитета сѣверныхъ морскихъ державъ.

Такимъ образомъ, грубое право обысковъ, которое присвоили себѣ англичане, осталось въ силѣ, и попытка Бонапарта сломить всемогущество Англіи на морѣ не удалась.

Конкордатъ и почетный легіонъ.

Бонапартъ прекрасно использовалъ для усиленія своей власти общественное возбужденіе, которое вызвано было покушеніемъ съ адской машиной. Прежде всего, значительно усилена была консульская гвардія, которая служила для охраны личности перваго консула. Далѣе, учреждено было

особое судилище, вѣдѣнію котораго подлежали дѣла о вооруженныхъ возстаніяхъ и всякаго рода исключительныхъ преступленіяхъ. Рѣшенія этого суда, состоявшаго изъ восьми членовъ, изъ которыхъ пять назначались правительствомъ, не подлежали апелляціи и выполнялись безъ участія присяжныхъ. Такимъ образомъ, во Франціи снова возродился революціонный трибуналъ, но только другого типа. Впрочемъ, введеніе этого судилища все же встрѣтило сопротивленіе въ трибунатѣ и законодательномъ корпусѣ, несмотря на тщательный подборъ лицъ въ этихъ учрежденіяхъ. Бонапарту пришлось убѣдиться въ томъ, что демократическія традиціи еще не вполнѣ исчезли у французовъ, а это тѣмъ болѣе взволновало его, что ему [illegible] казалось, будто слава его имени затмила всѣ теоріи.

Полиція была усилена, и много денегъ поглощалъ огромный полицейскій аппаратъ. На службѣ содержалась несмѣтная свора шпіоновъ и провокаторовъ, которые проникали въ самые тѣсные кружки и доносили обо всемъ, что слышали. Фуше не останавливался передъ самыми низкими средствами. Онъ даже далъ большую свободу домамъ терпимости, изъ которыхъ ему представлялись доклады. Такой же политики онъ придерживался и относительно игорныхъ притоновъ. Полицейская власть Фуше теперь усилилась настолько, что и самъ [illegible] сталъ относиться къ нему недовѣрчиво и раздробить полицію, при чемъ отдѣльные ея департаменты начали слѣдить другъ за другомъ. Свободомыслящіе мужчины и женщины, писатели, депутаты и политики всякаго рода подвергались при этомъ неслыханномъ полицейскомъ режимѣ самому тщательному надзору и всевозможнымъ преслѣдованіямъ. Карно, который, будучи непреклоннымъ республиканцемъ, недолго продержался на посту военнаго министра, Шенье, авторъ «Chant du départ», не пожелавшій разыграть роли придворнаго поэта перваго консула, и даже г-жа де Сталь подвергались полицейскому надзору и даже отчасти преслѣдованіямъ.

Въ своемъ стремленіи вернуться къ монархическимъ формамъ Бонапартъ вспомнилъ и о религіи, послѣ того, какъ онъ въ Тюльери уже устроилъ свой дворъ съ особымъ этикетомъ. Во Франціи католицизмъ еще [illegible]

тельное число священниковъ, отказавшихся отъ присяги и провозгласившихъ себя противниками республиканской конституціи; вмѣстѣ съ тѣмъ, конституціонное духовенство было недурно организовано. Съ папою Піемъ VII Бонапартъ уже давно велъ переговоры о томъ, чтобы снова объявить католическую религію государственной религіей. Философски мыслящая часть Франціи была не особенно рада этому возвращенію къ государственной религіи, т. е. пункту, который, казалось, уже давно былъ отмѣненъ, но Бонапартъ смотрѣлъ на католическую религію, какъ на необходимую опору для своего самодержавія. Поэтому заключенъ былъ знаменитый конкордатъ, который существовалъ во Франціи до послѣдняго времени.

Конкордатъ былъ заключенъ 14-го іюля 1801 г. Введеніе къ этому замѣчательному договору, гласило:

«Правительство, которое признаетъ, что католическая религія является религіей большинства французовъ, папа, который, съ своей стороны, отвѣчаетъ, что въ дурное время нанесенъ былъ этой религіи значительный ущербъ, и который еще ожидаетъ величайшаго блага, именно восстановленія католическаго культа во Франціи, отъ исповѣдыванія этой религіи консулами республики, — заключаютъ между собою нижеслѣдующій договоръ:

1. Католическая религія можетъ свободно исповѣдываться во Франціи; она признается государственной религіей, и ея богослуженіе совершается офиціально; при этомъ она подчиняется полицейскимъ мѣрамъ, которыя правительство признаетъ необходимыми для поддержанія спокойствія.

2. Папа обязуется, по соглашенію съ французскимъ правительствомъ, выработать новое дѣленіе на епархіи и получаетъ право потребовать отъ нынѣ занимающихъ мѣста епископовъ выхода ихъ въ отставку, если признаетъ это необходимымъ для проведенія новаго порядка.

3. Освободившіяся путемъ подобной отставки (или, въ случаѣ уклоненія отъ нея, путемъ отстраненія отъ должностей) мѣста епископовъ и всѣ тѣ мѣста, которыя могутъ освободиться въ будущемъ, папа замѣщаетъ лишь послѣ предварительныхъ указаній со стороны французскаго правительства.

Вновь назначенные епископы обязаны принести пра-
вительству клятву вѣрности и внѣшнимъ образомъ, заклю-
чающій въ себѣ особыя формулы молитвъ за консуловъ.

5. Церковныя мѣста подлежатъ новому распредѣленію,
для чего назначаются епископы, но исключительно изъ
числа лицъ, одобренныхъ правительствомъ.

6. Правительство установитъ опредѣленныя правила
для духовенства, и папа навсегда отрекается за себя и за
своихъ преемниковъ отъ всякаго права касаться подъ
видомъ увѣщанія или протеста — вопроса о состоявшихся
со времени революціи продажахъ церковныхъ имуществъ.

Лишивъ папу высшей власти въ духовныхъ дѣлахъ,
конкордатъ передавалъ эту власть французскому государ-
ству. Было еще рѣшено, что въ случаѣ, если католическая
церковь пожелаетъ учредить семинаріи, она обязана дѣ-
лать это за свой счетъ, а въ тайномъ пунктѣ договора папа
даровалъ священникамъ, вступившимъ въ бракъ во время
революціи, прощеніе за этотъ грѣхъ.

Пій VII, отличавшійся государственной мудростью, сдѣ-
лалъ эти уступки; предпочитая пожертвовать извѣстной
долей своего вліянія на церковныя дѣла, чѣмъ навлечь на
себя гнѣвъ всесильнаго перваго консула.

Если шестой параграфъ конкордата хитро былъ раз-
считанъ на то, чтобы привязать мелкихъ земельныхъ со-
ственниковъ к правительству Бонапарта, такъ какъ пара-
графъ этотъ упрочивалъ за ними владѣніе имуществами,
прежде принадлежавшими церкви, то, напротивъ, въ образо-
ванныхъ кругахъ Франціи проявилась сильнѣйшая оппози-
ція по отношенію къ конкордату. Повидимому, оппозиціон-
ное настроеніе охватило трибунатъ и законодательный кор-
пусъ, и слѣдовало ожидать, что они не согласятся санкціо-
нировать конкордатъ. Бонапартъ былъ очень озабоченъ
этимъ и опасался, что даже сильно ослабленное имъ народ-
ное представительство воспротивится его дальнѣйшимъ
планамъ. Самодержецъ, уже опиравшійся на солдатъ и
крестьянъ противъ сохранившей свою независимость части
образованныхъ классовъ, долженъ былъ поразить тотъ
фактъ, что въ трибунатѣ, который въ общемъ былъ поко-
ренъ, сталъ проявляться духъ противорѣчія.

Самодержецъ рѣшилъ «почистить» учрежденія, оказы-

вавшія ему сопротивленіе. Сенатъ, который Бонапартъ, нарушивъ конституцію, составилъ изъ самыхъ вѣрныхъ своихъ клевретовъ, безъ труда можно было заставить противоконституціонно расправиться съ оппозиціей. Поэтому отъ сената потребовали, и сенатъ весьма услужливо постановилъ, чтобы изъ трибуната исключено было 20, а изъ законодательнаго корпуса 60 членовъ. Путемъ такой простой мѣры устранены были почти всѣ непокорные народные представители, при чемъ постановленія конституціи, запрещавшія подобныя дѣйствія, истолкованы были самымъ коварнымъ образомъ. Понятно, что мѣста изгнанныхъ представителей заняли сторонники Бонапарта.

Теперь конкордатъ безъ труда былъ санкціонированъ законодательными властями. Республиканскій календарь былъ сохраненъ лишь отчасти, а празднованіе воскресенія снова введено было попрежнему.

Во время Пасхи 1802 г. возстановленіе прежняго культа было отпраздновано съ большой торжественностью, и можно было подумать, что въ Тюльери снова поселились Бурбоны. Отъ дореволюціонныхъ торжествъ этотъ праздникъ отличался лишь своимъ военнымъ блескомъ. Бонапартъ въ придворной каретѣ, запряженной шестеркою лошадей, поѣхалъ въ церковь, гдѣ собрались всѣ представители высшей власти. Войска въ полномъ вооруженіи выстроились на общественныхъ площадяхъ столицы, и громъ пушекъ на этотъ разъ возвѣстилъ, что государственная католическая религія вновь возстановлена.

Но даже и среди офицеровъ, связавшихъ свою судьбу съ звѣздой Бонапарта, нашлось много такихъ, не сочувствовавшихъ этой перемѣнѣ. Возвращаясь изъ собора Богоматери, гдѣ состоялось великое торжество, Бонапартъ спросилъ генерала Дельма, какъ ему все это понравилось. На это генералъ съ откровенностью грубаго солдата отвѣтилъ:

«Была прекрасная капуцинская проповѣдь и отсутствовала только милліонная толпа людей, пожертвовавшихъ жизнью, чтобы отмѣнить то, что вы теперь возстанавливаете».

Но Бонапартъ продолжалъ держаться намѣченной имъ программы. Примирившись съ церковью, онъ [illegible] во-

становленіемъ дворянства. Онъ уже подготовилъ этотъ
шагъ путемъ декрета, давшаго большинству эмигрантовъ
возможность вернуться во Францію. Но онъ желалъ имѣть
при себѣ уже не потомственное, а заслуженное дворянство
и для этого создалъ почетный легіонъ. По первоначальному
проекту Бонапарта, почетный легіонъ состоялъ изъ 15 ко-
горть, причемъ въ составъ каждой изъ нихъ входило 7 выс-
шихъ офицеровъ, 20 командировъ, 30 офицеровъ и 350 ле-
іонеровъ. Члены почетнаго легіона клялись охранять
цѣлость республики и неприкосновенность національнаго
имущества. Но основатель почетнаго легіона вскорѣ самъ
далъ прекрасный примѣръ нарушенія этой клятвы. Каждое
лицо могло быть принято первымъ консуломъ въ ряды
почетнаго легіона за гражданскія или военныя заслуги. Чле-
ны его получали ежегодно слѣдующаго размѣра жалованье:
высшіе офицеры до 5.000 франковъ, командоры по 2.000,
офицеры по 1.000, а легіонеры по 250. На лентѣ со звѣз-
дою, служившей знакомъ ордена почетнаго легіона, имѣ-
лась надпись: «Honneur et patrie!» («Честь и родина!»).

Въ государственномъ совѣтѣ Бонапартъ со своимъ про-
ектомъ почетнаго легіона встрѣтилъ оппозицію, и Берлье
назвалъ эту затѣю игрушкой. Возражая Берлье, Бонапартъ
изложилъ свои мысли о способахъ господства надъ фран-
цузскимъ народомъ.

«Назовите мнѣ, — сказалъ онъ, — какую-либо древ-
нюю или новую республику, въ которой не существуетъ
знаковъ отличія. Говорятъ, что это игрушка. *Ну, да, — при
помощи игрушекъ руководятъ людьми.* Я не заявилъ бы
этого съ ораторской трибуны, но въ совѣтѣ мудрыхъ госу-
дарственныхъ мужей слѣдуетъ говорить откровенно. *Я не
думаю, чтобы французскій народъ любилъ свободу и равен-
ство.* [illegible] *французовъ.* Десять лѣтъ революціи еще не перемѣнили францу-
зовъ. *Они знаютъ лишь одно чувство,* это — чувство чести.
Чувство чести слѣдуетъ поддерживать, а для этого необхо-
димы отличія».

Приходится признать, что эти слова содержатъ пра-
вильное сужденіе о людяхъ. Кромѣ того, они совершенно
ясно показываютъ намъ, какъ сильно презиралъ людей
человѣкъ, который сумѣлъ въ одно и то же время обма-
нуть и поработить французовъ.

Проектъ почетнаго легіона былъ принятъ въ государственномъ совѣтѣ лишь очень незначительнымъ большинствомъ голосовъ; трибунатъ отклонилъ его; законодательный корпусъ принялъ его тоже незначительнымъ большинствомъ голосовъ, и, наконецъ, преемничествовавшій сенатъ приложилъ къ нему свою печать. Почетный легіонъ былъ созданъ, были назначены и [illegible] но въ Парижѣ и въ арміи [illegible], и Бонапартъ пришелъ въ неописуемую ярость, когда узналъ о случаѣ, имѣвшемъ мѣсто въ домѣ Моро. Этотъ знаменитый генералъ, который, въ [illegible] побѣдитель при Гогенлинденѣ, пользовался почти такою же популярностью, какъ и Бонапартъ, угостилъ прекраснымъ обѣдомъ собравшихся у него офицеровъ, [illegible] былъ почетной [illegible] Бонапартъ никогда не могъ простить Моро [illegible].

Такимъ образомъ честолюбивый солдатъ, который сдѣлался дѣйствительнымъ наслѣдникомъ революціи, осторожно [illegible] опоры для трона, на который онъ собирался вступить.

Всеобщій миръ.

Послѣ заключенія люневильскаго мира, согласно которому Австрія выступила изъ великой коалиціи, борьба продолжалась еще только между Англіей, Неаполемъ и Португаліей, съ одной стороны, и Франціей, Испаніей и Голландіей, съ другой стороны. Россія не заключила еще формальнаго мира съ Франціей. Ощущалась общая потребность въ мирѣ, такъ какъ [illegible] войною страны хотѣли отдохнуть и [illegible], въ концѣ концовъ [illegible] поняли, что Францію побѣдить невозможно.

Вскорѣ Неаполь заключилъ миръ, потому что Бонапартъ приказалъ генералу Мюрату двинуться къ этому городу и возстановить Партенопейскую республику. Неаполитанскій дворъ, еще недавно учинившій кровавую расправу надъ республиканцами и теперь еще преслѣдовавшій ихъ при-

слѣдовать, пришелъ въ ужасъ, и королева Каролина поспѣшила въ Петербургъ, чтобы вымолить заступничество императора Павла. Она добилась этого заступничества, и, благодаря ему, неаполитанскіе демократы были лишены возможности отомстить за нарушеніе условій сдачи 1799 г. 21-го марта 1801 г. заключенъ былъ миръ во Флоренціи. Преслѣдованія республиканцевъ должны были быть прекращены, а для англичанъ заперты были неаполитанскія гавани до заключенія всеобщаго мира. 12 тысячъ французовъ заняли Неаполь; послѣдній обязался содержать ихъ, и, кромѣ того, ежемѣсячно выплачивать по 500 тысячъ франковъ. Партенопейская республика не была уже возстановлена, такъ какъ Бонапарта больше не интересовало основаніе республикъ. Это онъ доказалъ созданіемъ такъ называемаго королевства этрусскаго, преобразовавъ его изъ великаго герцогства тосканскаго. Теперь Бонапартъ снова овладѣлъ Италіей; всѣ итальянскія государства находились въ полной зависимости отъ Франціи.

Португалію принудили заключить миръ. Ея правительство устрашили новымъ объявленіемъ войны, хотя съ нею воевали давно. Испанцы вмѣстѣ съ французами напали на Португалію и разсѣяли португальское войско. 6 іюня 1807 года Португалія заключила съ Испаніей миръ при Бадаіосѣ, согласно которому пограничная область Оливенцъ перешла къ Испаніи. Миръ между Португаліей и Франціей заключенъ былъ въ Мадридѣ въ сентябрѣ 1801 г. Португальскія гавани лишены были права впускать къ себѣ англійскія суда до заключенія всеобщаго мира.

Изумительно то, что между республиканской Франціей и деспотической Россіей долгое время сохранялись добрыя отношенія. Павелъ I палъ жертвой дворцовой революціи, которою руководилъ генералъ Беннигсенъ. Вступившій послѣ него на престолъ Александръ I поддерживалъ дружественныя отношенія съ первымъ консуломъ. Оба самодержца понимали другъ друга. Каждый изъ нихъ, очевидно, уже тогда носился съ мыслью, которую они позже попытались воплотить въ жизнь, а именно: съ мыслью поработить всю Европу. Они тайно заключили между собою миръ въ Парижѣ 6 октября 1801 г. Франція вознаградила сардинскаго короля и вывела свои войска изъ Неаполя,

Она признала своеобразное, находившееся подъ русско-турецкимъ протекторатомъ, свободное государство Іоническихъ острововъ, и, наконецъ, Франція и Россія объединились, чтобы вмѣстѣ выработать форму вознагражденія для германскихъ и итальянскихъ князей. Послѣдній пунктъ ясно показываетъ, въ какомъ плачевномъ состояніи находилась тогда Германія.

Теперь и Англія заключила миръ, послѣ того какъ Питтъ въ теченіе девяти лѣтъ велъ войну, съ цѣлью подавить французскую революцію, разграбить и опустошить многія города и страны, захватить чужіе флоты, пріобрѣсти новыя колоніи и имѣть возможность разбойничать на морѣ. Благодаря издержкамъ, поглощеннымъ этой войной, государственный долгъ Англіи возросъ съ 246 до 597 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Крупные купцы получили, понятно, при этомъ свои выгоды, но на народъ, которому приходилось выплачивать проценты по этому колоссальному государственному долгу, война ложилась тяжелымъ бременемъ, и онъ съ радостью привѣтствовалъ заключеніе мира. Война между Англіей и Франціей стоила, сверхъ того, огромныхъ потерь въ людяхъ и корабляхъ. Итакъ, предварительный миръ былъ заключенъ въ Лондонѣ, окончательный же — въ Амьенѣ 27 марта 1802 г. Англія отказалась отъ части своихъ завоеваній и даже Мальту вернула мальтійскому ордену и сохранила за собою лишь острова Тринидадъ и Цейлонъ. Турція заключила съ Франціей миръ въ Парижѣ въ іюнѣ 1802 г.

Этимъ заключеніемъ всеобщаго мира закончились собственно революціонныя войны. Заключеніе мира измѣнило на политической картѣ Европы немногое: оно большей частью подтверждало лишь тѣ измѣненія въ границахъ государствъ, которыя совершились во время самыхъ войнъ.

Оставалось еще разрѣшить лишь такъ называемый германскій вопросъ о вознагражденіи. Германскому государству, которое было раздроблено и расщеплено на множество частей, пришлось сыграть печальную роль поставщика вознагражденій для князей и господъ, растерявшихъ въ періодъ революціонныхъ войнъ свои страны и своихъ людей. Даже и не германскіе князья должны были получить въ видѣ вознагражденія нѣмецкія земли, какъ будто населеніе Герма-

ліи, въ которой и [illegible] ихъ князи, [illegible] по [illegible]. А [illegible] другой [illegible] Германская имперія [illegible] по [illegible] [illegible] духовныхъ [illegible] чиновъ [illegible] и присоединеніе [illegible] крупнымъ государствамъ [illegible] представлявшимъ собою [illegible] и раздѣлившимъ [illegible] Германію [illegible] вольнымъ городамъ.

[illegible] думать, [illegible] въ Регенсбургъ [illegible] дипломатическаго дѣйствія, [illegible] были [illegible]. Рейхстагъ [illegible] Баварія, Богемія, Бранденбургъ, [illegible] Гессенъ-Кассель, [illegible] и [illegible] имперскаго [illegible].

Но [illegible] преобразованіе Германіи [illegible] было Франціей и Россіей. Два представителя [illegible] государствъ [illegible] и [illegible] Германіи [illegible] Германіи [illegible] обращали [illegible] вниманія.

Въ Парижѣ, при тюльерійскомъ дворѣ, [illegible] послы изъ Германіи, [illegible] земли и [illegible] отношеніе съ стороны Бонапарта и его министра Талейрана. Эти представители [illegible] Германіи [illegible] чести своему отечеству. [illegible] Германія была повинна въ томъ, что [illegible] могла быть [illegible] чужеземнаго вліянія. А что [illegible], то [illegible] не могъ справиться съ этой задачей.

О томъ, какъ царь и первый [illegible] обращались съ

[illegible] кабинетами въ Петербургѣ, лучше всего можно судить по французской нотѣ отъ [illegible] августа 1802 г., въ которой откровенно заявлено, что—такъ какъ имперскіе чины не сумѣли выполнить условій люневильскаго мира (что, между прочимъ, вовсе не входило въ кругъ ихъ обязанностей), то Россія и Франція выработали планъ для приведенія въ порядокъ внутреннихъ дѣлъ Германіи. Имперскимъ чинамъ поручалось упорядочить эти дѣла въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. Это представлялось тѣмъ болѣе возможнымъ, что его величество императоръ россійскій и первый консулъ выражали желаніе, чтобы выработанныя ими предположенія по вопросу о вознагражденіи не подвергались измѣненіямъ.

Такъ рѣшались чуждыми самодержцами нѣмецкія дѣла, а имперская депутація смиренно выполнила волю обоихъ представителей силы. Впрочемъ, князья, гдѣ это только было возможно, силою брали обѣщанныя имъ вознагражденія, и главной комиссіи имперской депутаціи, которая собралась 24 февраля 1803 г. и съ рѣшеніемъ которой обыкновенно связываются происшедшія въ устройствѣ Германіи перемѣны, приходилось лишь подтверждать уже совершившіеся факты. Такимъ образомъ, главная комиссія имперской депутаціи, въ сущности говоря, представляла собою запоздалую комедію.

На лѣвомъ берегу Рейна, перешедшемъ къ Франціи, исчезли духовныя курфюршества и архіепископства Майнцъ, Кельнъ и Триръ, которыя подверглись секуляризаціи (т. е. перешли въ свѣтское владѣніе). Нѣкоторые свободные имперскіе города тоже потеряли здѣсь свою самостоятельность. Въ области [illegible] берега Рейна осталось лишь шесть свободныхъ имперскихъ городовъ: Гамбургъ, Бременъ, Любекъ, Франкфуртъ-на-Майнѣ, Нюрнбергъ и Аугсбургъ. Всѣ же остальные имперскіе города подверглись медіатизаціи, и ихъ земли вмѣстѣ съ владѣніями духовенства были использованы для вознагражденія князей. Итакъ, мы наблюдаемъ здѣсь конфискацію духовныхъ имуществъ, какъ во время французской революціи, но съ тою лишь разницей, что во Франціи духовныя имѣнія конфискованы были въ пользу народа, а въ Германіи въ пользу отдѣльныхъ князей и господъ, тѣхъ самыхъ господъ, которые по поводу

конфискаціи духовныхъ имуществъ во Франціи подняла такой шумъ и сочли эту конфискацію достаточнымъ основаніемъ для войны съ Франціей.

Лучше всѣхъ вознаграждена была Пруссія, чему немало способствовало ея миролюбивое въ послѣдніе годы отношеніе къ Франціи. Пруссія получила области: Падерборнъ, Гильдесгеймъ, Мюнстеръ, Эссенъ, Верденъ, Эрфуртъ, Кведлинбургъ, Мюльгаузенъ, Госларъ и Нордгаузенъ,—въ общей сложности около 240 квадратныхъ миль, хотя она уступила лишь 46 квадратныхъ миль на лѣвомъ берегу Рейна. Баденъ получилъ Пфальцъ, Констанцъ и нѣкоторыя части разныхъ епископствъ. Вюртембергъ получилъ нѣсколько имперскихъ городовъ и имѣній, а Баварія—области: Вюрцбургъ, Бамбергъ и Фрейзингъ, майнцскій курфюрстъ получилъ Регенсбургскую область, Ашаффенбургъ и Ветцларъ. Вюртембергъ, Баденъ и Гессенъ-Кассель надѣлены были саномъ свѣтскихъ курфюршествъ. Новыхъ духовныхъ курфюршествъ учреждено не было. Затѣмъ, архіепископство Зальцбургъ было отдано прежнему великому герцогу тосканскому, а герцогъ моденскій получилъ Брейсгау. И, наконецъ, бывшій генералъ-штатгальтеръ голландскій получилъ секуляризованное епископство Фульда.

Такъ Германія была подѣлена обоими правителями въ Парижѣ и Петербургѣ. Они уменьшили историческую разрозненность, превратившую Германію въ посмѣшище для Европы, но сохранили въ ней еще достаточно разрозненности, дѣлавшей Германію хилой и слабой.

На этой слабости Германіи консулъ, какъ и царь, основывали свои завоевательные планы. То, что царь могъ по своему желанію переустраивать Германію, являлось однимъ изъ первыхъ плодовъ раздѣла Польши, при которомъ тогда сильно согрѣшили Пруссія и Австрія.

Конституція X года.

Честолюбіе все сильнѣе и сильнѣе увлекало Бонапарта. Его уже не удовлетворяло фактическое положеніе самодержца. Ему недоставало еще и внѣшняго блеска. Онъ въ нѣкоторой степени успокоилъ взволновавшееся по поводу конкордата и почетнаго легіона общественное мнѣніе тѣмъ, что

приказалъ ученымъ юристамъ выработать гражданскій сводъ законовъ. Бонапартъ однажды заявилъ, что «хорошій сводъ гражданскихъ законовъ представляетъ собою единственно полезную и необходимую свободную конституцію». Онъ заинтересовался и дѣломъ просвѣщенія и основалъ политехническій институтъ. Устройство каналовъ, мостовъ и дорогъ и учрежденіе музеевъ естествознанія и искусства нравились французамъ.

Хотя у Бонапарта и не было никакихъ прямыхъ наслѣдниковъ, но, овладѣвъ общественной властью, онъ сталъ подумывать о томъ, чтобы закрѣпить ее за собою. Камбасересъ уже давно старался ознакомиться съ мнѣніемъ видныхъ политиковъ по этому поводу, и теперь сенату предложено было снова выразить первому консулу признательность народа. Сенатъ продлилъ до десяти лѣтъ срокъ службы перваго консула, потому что онъ никоимъ образомъ не могъ, какъ этого хотѣлось Бонапарту, признать срокъ этой службы пожизненнымъ безъ нарушенія конституціи.

Но Бонапартъ не удовлетворился этимъ проявленіемъ народной благодарности. Ему нисколько не хотѣлось подвергаться случайностямъ при будущихъ выборахъ высшаго главы государства. Онъ уже намѣренъ былъ обидѣться и отвергнуть рѣшеніе сената, когда Камбасересъ сообщилъ ему свой планъ, показавшійся Бонапарту подходящимъ. Бонапартъ согласился съ назначеніемъ перваго консула на 10 лѣтъ, но съ условіемъ, чтобы этотъ вопросъ рѣшенъ былъ народомъ. Государственный совѣтъ устроилъ народное голосованіе, но повернулъ вопросъ такъ, что народу пришлось рѣшить, быть ли Бонапарту консуломъ пожизненно. Этотъ фокусъ, въ которомъ насиліе откровенно сочеталось съ коварствомъ, былъ выполненъ при помощи якобы демократическаго плебисцита. Народъ, чувствовавшій себя во время консулата лучше, чѣмъ раньше, рѣшилъ дѣло въ пользу Бонапарта. Изъ 3.577.259 поданныхъ голосовъ 3.568,885 было подано за пожизненный консулатъ. Сенатъ, пожалѣвшій о томъ, что сразу не догадался о желаніи Бонапарта, постарался исправить свою ошибку слѣдующаго рода постановленіемъ:

«Французскій народъ назначаетъ, а сенатъ объявляетъ Наполеона Бонапарта пожизненнымъ первымъ консуломъ.

Статуя мира, державшая въ одной рукѣ [illegible], а въ другой—декретъ сената, помѣщена для [illegible] до-казательствомъ признательности народа. Сенатъ передалъ первому консулу выраженія довѣрія, любви и привязанности со стороны французскаго народа.

Полагали, что узурпаторъ, усиливъ такимъ образомъ, свою власть, удовлетворится этимъ на нѣкоторое время, но въ этомъ ошиблись. Онъ не успокоился, и теперь переработалъ конституцію VIII г. въ конституцію X г. Въ новой конституціи отмѣнены были почти всѣ пункты, ограничивавшіе его власть. Положеніе Бонапарта, въ сущности, уже давно приближавшееся къ положенію абсолютнаго монарха, теперь стало таковымъ и съ формальной стороны.

Бонапартъ отмѣнилъ списки нотаблей, которые представляли собою изобрѣтеніе Сіеса и должны были привлечь довѣріе списку. Ихъ замѣстили коллегіями пожизненно избираемыхъ лицъ, и это названо возстановленіемъ избирательнаго права, тогда какъ выборы въ коллегіи производились на основаніи списка гражданъ. Вопросъ о томъ, существуетъ ли избирательное право или нѣтъ, казался народу совершенно безразличнымъ. Составъ пресмыкающагося сената былъ увеличенъ сорока членами, и онъ получилъ право измѣнять конституцію путемъ такъ называемыхъ органическихъ сенатскихъ постановленій; кромѣ того, онъ получилъ и право распускать законодательный корпусъ и трибунатъ. Составъ же трибуната, который иногда рѣшался оказывать нѣкоторое сопротивленіе деспотизму Бонапарта, былъ ограниченъ пятьюдесятью членами, и публичность его засѣданій была отмѣнена.

Всѣ консулы получали пожизненное назначеніе. Первому консулу, сверхъ того, принадлежало право помилованія, а сенатъ имѣлъ право отмѣнять судебные приговоры, если онъ находилъ ихъ вредными для государства.

Первый консулъ имѣлъ право по своему желанію объявлять войну и заключать миръ. Кромѣ того, онъ получилъ право назначить себѣ преемника, что [illegible] наслѣдственность высшей государственной должности. Съ этихъ поръ Бонапартъ началъ уже вести себя, какъ абсолютный монархъ, и даже приказалъ отчеканить монеты со

[illegible] и съ [illegible] Бонапартъ, первый консулъ.

Слѣдовало бы думать, что человѣкъ, обладающій извѣстной долей таланта и чувства чести (какъ самъ себя раньше охарактеризовалъ Бонапартъ), сможетъ удовлетвориться достиженіемъ такого необыкновенно вліятельнаго положенія. Онъ добился высшаго поста въ государствѣ, совершивъ преступленіе противъ конституціи и государственную измѣну. Но онъ все же могъ бы сыграть еще прекрасную и оригинальную роль, если бы началъ употреблять свою неограниченную власть, чтобы осчастливить Францію. Заслуги его не только передъ Франціей, но и передъ Европой и всѣмъ человѣчествомъ были бы необычайны, если бы онъ употребилъ свой геній на то, чтобы создать во Франціи учрежденія, которыя служили бы основой для свободнаго и демократическаго государственнаго устройства. Но, несмотря на весь свой блестящій геній, Бонапартъ [illegible]. Онъ находилъ удовлетвореніе только въ безпрерывныхъ усиленіяхъ внѣшняго блеска своего положенія и довелъ свою власть почти до азіатскаго деспотизма. Мыслителей и философовъ онъ съ насмѣшкою называлъ идеологами. Подъ его властью положеніе народа осталось почти такимъ же тяжкимъ, какъ и раньше, но онъ сумѣлъ занять народныя массы войнами. Тѣмъ, кто не былъ занятъ на войнѣ, онъ далъ занятія при предпринятыхъ имъ общественныхъ сооруженіяхъ. По [illegible] едва ли [illegible] что-либо или рядомъ съ [illegible] Бонапарта, и его правительство вскорѣ пріобрѣло такой же абсолютистскій характеръ, какъ и правительство Людовика XIV.

Борьба на островѣ Гаити.

На плодородномъ островѣ Гаити или Санъ-Доминго, послѣ долгой и ожесточенной борьбы между черными, [illegible] и бѣлыми при содѣйствіи французовъ и англичанъ, мало-по-малу образовалась республика, во главѣ которой сталъ негръ Туссенъ л'Увертюръ, энергично исполнявшій обязанности диктатора. Туссенъ, отличавшійся умомъ и энергіей, сумѣлъ отъ положенія чернаго раба под-

нуться до поста диктатора и во многихъ отношеніяхъ подражалъ кочеуду Бонапарту, что не особенно нравилось последнему. Негры боготворили Туссена, какъ освободителя своей расы.

Бонапартъ съ самаго начала неблагожелательно относился къ Туссену, но ничего противъ него не предпринималъ до наступленія мирныхъ переговоровъ съ Англіей. Но затѣмъ, когда моря снова стали свободными, онъ обратилъ свои жадные взоры на островъ. Самостоятельность Гаити формально не была признана Франціей, и Бонапартъ на этомъ основывался въ своихъ дѣйствіяхъ. Сенату пришлось заявить, что природа установила различіе между людьми по цвѣту кожи и что поэтому черные не могутъ имѣть такихъ же правъ, какъ бѣлые. Такой безсмыслицей Бонапартъ думалъ оправдать свою политику насилія.

Туссенъ, прилагавшій всѣ усилія къ тому, чтобы сохранить дружбу съ Франціей, и оказавшій ей огромныя услуги во время своей борьбы съ Англіей, не пожелалъ подчиниться Бонапарту, когда тотъ потребовалъ, чтобы Гаити перестала быть самостоятельной и превратилась въ французскую колонію. Черный государственный дѣятель, безъ сомнѣнія, охотно призналъ бы суверенитетъ Франціи, но онъ стремился къ сохраненію внутренней самостоятельности Гаити. Это, однако, было не по душѣ Бонапарту, и онъ рѣшилъ силою овладѣть островомъ.

Въ гаваняхъ на западномъ берегу Франціи адмиралъ Вилларе-Жуайезъ собралъ сильную эскадру, которая приняла на бортъ французскую 25-тысячную армію и отплыла къ Гаити. Этой арміей командовалъ молодой генералъ Леклеръ, который выдвинулся въ нѣмецкихъ походахъ и въ день 18 брюмера и былъ женатъ на легкомысленной сестрѣ Бонапарта Паулинѣ.

А, между тѣмъ, покореніе острова вовсе не было такимъ легкимъ дѣломъ, какъ думали въ Парижѣ. Туссенъ л'Увертюръ и предводители негровъ Яковъ Дессалинъ и Генрихъ Христофъ упорно и мужественно защищали свою родину отъ нападенія французовъ. Въ открытомъ бою имъ неоднократно приходилось отступать передъ французами, имѣвшими на своей сторонѣ численный перевѣсъ, но побѣдить ихъ все же было невозможно, и они продолжали

вести мелкую, но кровопролитную борьбу со своими врагами. Французы сильно страдали отъ нездороваго климата, и Леклеръ понялъ, что онъ въ открытомъ бою не достигнетъ своей цѣли. Поэтому онъ пустилъ въ ходъ коварство, подкупъ и обольщеніе, и ему, дѣйствительно, удалось добиться того, что Туссена покинули всѣ предводители негровъ. Когда Туссенъ увидѣлъ, что дальнѣйшее сопротивленіе силѣ французовъ немыслимо, онъ въ маѣ 1802 г. сдался Леклеру. Туссенъ подчинился и призналъ суверенитетъ Франціи, и за это за нимъ сохранили его генеральскій чинъ и помѣстья. Туссенъ мирно зажилъ въ своемъ имѣніи Эннери, не теряя связей съ неграми. Но французамъ казалось слишкомъ опаснымъ оставлять его на свободѣ, и они рѣшили погубить его. Они захватили въ свои руки знаменитаго вождя негровъ измѣнническимъ путемъ. Леклеръ пригласилъ его на свиданіе, какъ будто съ цѣлью разспросить его, какія мѣстности на островѣ Гаити отличаются здоровымъ климатомъ. Туссенъ, не подозрѣвавшій ничего дурного, принялъ это приглашеніе съ явнымъ удовольствіемъ, потому что оно ему польстило.

— Бѣлые не могутъ обойтись безъ чернаго старика Туссена!—замѣтилъ онъ.

Онъ съ нѣсколькими неграми явился на свиданіе. Леклеръ тутъ же приказалъ сильному отряду французовъ напасть на Туссена, обезоружить его и посадить на заранѣе приготовленный корабль, который вмѣстѣ съ плѣнниками отплылъ во Францію.

Туссенъ зналъ, что онъ погибъ, и мужественно переносилъ свою горькую участь, съ презрѣніемъ относясь къ подлому поступку французовъ. Когда его перевели на корабль, онъ сказалъ:

«Низвергнувъ меня, вы повалили лишь стволъ дерева свободы черныхъ. Но корни остались, и они дадутъ новые ростки, потому что сидятъ они глубоко и ихъ много».

Бонапартъ безъ всякаго суда приказалъ бросить плѣннаго негритянскаго генерала въ подземелье отвратительной темницы форта Жу при Безансонѣ, гдѣ когда-то сидѣлъ и Мирабо. Такимъ образомъ, Бонапартъ подражалъ въ своемъ деспотизмѣ прежнему режиму. Туссена подвергли крайне суровому обращенію. Его буквально замучили на

смерть. Смерть [illegible] мученій 7 апрѣля 1803 года.

Французы попытались оправдать свой позорный поступокъ и сфабриковали письмо Туссена, въ которомъ объявлялось о скоромъ возстаніи негровъ. Но предательство, жертвой котораго палъ Туссенъ, вызвало въ средѣ негровъ дикое озлобленіе. Составился обширный заговоръ, и когда стало извѣстно, что французы снова ввели рабство въ нѣкоторыхъ изъ Антильскихъ острововъ, въ 1803 г. вспыхнуло предсказанное Туссеномъ возстаніе негровъ. Все цвѣтное населеніе острова съ оружіемъ въ рукахъ возстало противъ французовъ, сильно страдавшихъ отъ желтой лихорадки, и французы не въ силахъ были осилить негровъ въ начавшейся теперь кровопролитной партизанской войнѣ. Семь [illegible] погибло отъ желтой лихорадки, и остаткамъ французскаго войска пришлось оставить Гаити, послѣ чего дикій вождь негровъ Дессалинъ, позже провозгласившій себя императоромъ Гаити, организовалъ всеобщее избіеніе бѣлыхъ.

Такимъ образомъ, Франція послѣ новыхъ кровавыхъ ужасовъ навсегда потеряла этотъ прекрасный островъ, а французы жестоко поплатились за предательство и насилія, учиненныя ими надъ Туссеномъ л'Увертюромъ.

Борьба за конституцію въ Швейцаріи.

Директорія, которая послѣ изгнанія русскихъ и австрійцевъ должна была управлять Швейцаріей по конституціи 1798 года, по выходѣ изъ ея состава базельскаго демократа Петра Окса, состояла изъ Лагарпа, Оберлина, Секретана, Дольдера и Савари. Первые три были убѣжденными республиканцами, а Дольдеръ и Савари являлись приверженцами Бонапарта. Они намѣревались было преобразовать государственное устройство Швейцаріи по образцу консульскаго правительства во Франціи. 7 января 1800 года они устроили собственное 18 брюмера. Три республикански настроенныхъ директора насильственнымъ путемъ были устранены отъ должности, и мѣсто директоріи, съ одобренія Бонапарта, занялъ исполнительный совѣтъ, состоявшій изъ семи членовъ. Бонапартъ ничего не имѣлъ и противъ того, чтобы обѣ палаты, изъ которыхъ, по конституціи

1798 года, составлявшіе швейцарское [illegible] правительство, были уничтожены. Сенатъ и Директоръ въ своихъ дѣйствіяхъ опирались на силу французскаго оружія и были убѣждены въ томъ, что имъ удастся устранить всѣ препятствія къ введенію въ Швейцаріи [illegible] конституціи. Однако, въ законодательныхъ совѣтахъ возникли крупныя несогласія; трое изъ членовъ совѣта, будучи противниками конституціи 1798 года, въ то же время стояли за возстановленіе прежней кантональной конституціи. Было предложено [illegible] проектовъ новой конституціи для Швейцаріи, но всѣ они были отвергнуты, при чемъ тутъ сильнѣйшимъ образомъ сказалось вліяніе генерала Бонапарта. Въ Швейцаріи господствовала крайняя неурядица; въ ней и [illegible] [illegible] правительственныя власти, и другъ друга было обычно [illegible] Францію.

Такое состояніе дѣлъ, понятно, было желательно для Бонапарта. [illegible] вмѣшался въ швейцарскія дѣла. Онъ рѣшилъ дать Швейцаріи федеративное устройство, чтобы легче сломить ея сопротивленіе. Сторонники Франціи снова произвели государственный переворотъ въ Бернѣ и назначили временный сенатъ изъ 28 членовъ, который и передалъ управленіе [illegible].

Въ 1802 году Бонапартъ прислалъ изъ Парижа свой новый федералистическій проектъ конституціи для Швейцаріи. По проекту Бонапарта, кантонамъ возвращалась ихъ верховная власть, и въ Швейцаріи снова вводился старый сеймъ. Президентъ послѣдняго получалъ званіе ландаммана и являлся представителемъ центральной власти. Сенатъ согласился съ этимъ проектомъ и провозгласилъ конституцію [illegible]. Однако, швейцарцы и слышать не хотѣли о ней, и когда французскія войска, въ виду заключенія Люневильскаго мира, покинули Швейцарію, древніе кантоны [illegible] оружіе въ руки. Бернскому правительству пришлось бѣжать въ Лозанну. Смута охватила всѣ [illegible], потому что сторонники идеи единства созвали въ Бернѣ собраніе нотаблей и провозгласили отмѣну конституціи 1802 года, намѣреваясь замѣнить ее другою, по образцу конституціи 1798 года. Другіе, съ своей стороны, [illegible] сторонники конституціи 1802 года, и во время этой общей сумятицы Бонапартъ, котораго, впро-

чемъ, каждая изъ сторонъ просила о вторичномъ вмѣша-
тельствѣ, объявилъ себя посредникомъ въ швейцарскихъ
дѣлахъ. Онъ въ одной изъ своихъ прокламацій упрекалъ
швейцарцевъ въ томъ, что они не умѣютъ упорядочить
управленіе страной, и въ то же время самъ дѣлалъ все
отъ чего зависитъ, чтобы усилить господствовавшую въ
странѣ анархію. Онъ заявилъ, что ему придется пустить
въ ходъ энергичныя мѣры, и въ то же время назначилъ
въ Парижѣ собраніе нотаблей, которое должно было вы-
работать конституцію. Но такъ какъ швейцарцы все еще
продолжали оказывать сильное противодѣйствіе всѣмъ по-
пыткамъ Бонапарта осчастливить страну, то въ Швейцарію
подъ начальствомъ генерала Нея двинулась сорокатысяч-
ная армія, которая преодолѣла это противодѣйствіе. Швей-
царецъ Алоизъ Редингъ, вождь борцовъ за старую канто-
нальную конституцію, былъ схваченъ и заключенъ въ
тюрьму въ Ааргау.

Въ Парижѣ была выработана новая конституція, кото-
рую назвали актомъ посредничества. Она была провоз-
глашена 11 февраля 1803 года и введена назначенной Бона-
партомъ комиссіей изъ семи членовъ. Согласно этой консти-
туціи, генералъ Бонапартъ являлся посредникомъ Швей-
царіи; онъ по своему выбору назначилъ новыхъ предста-
вителей власти, при чемъ оказалъ явное предпочтеніе пат-
риціямъ.

Согласно новой конституціи, которою Бонапартъ осча-
стливилъ Швейцарію при помощи военной силы, швейцарскій
союзъ распадался на 19 кантоновъ: Ааргау, Аппенцель,
Базель, Бернъ, Фрейбургъ, Гларусъ, Леманъ (Ваадтъ), Лю-
цернъ, Реціенъ (Граубюнденъ), Шаффгаузенъ, Швицъ,
Золотурнъ, Сентъ-Галленъ, Тессинъ, Тургау, Унтервальденъ,
Ури, Цюрихъ и Цугъ. Связью между кантонами служилъ
общій сеймъ, въ которомъ каждый изъ кантоновъ былъ
представленъ однимъ депутатомъ. Сеймъ, являвшійся пра-
вительственнымъ органомъ Швейцаріи, ежегодно засѣдалъ
попеременно въ Базелѣ, Бернѣ, Фрейбургѣ, Люцернѣ и
Цюрихѣ, и бургомистръ города, въ которомъ происходило
засѣданіе, исполнялъ функціи ландаммана и въ то же время
являлся главою центральнаго правительства.

Швейцаріи пришлось заключить съ Бонапартомъ дру-

жественный договоръ, согласно которому она доставила Бонапарту 16.000 солдатъ и обязалась ежегодно покупать во Франціи 20.000 центнеровъ соли.

Такимъ образомъ, въ Швейцарской республикѣ сохранилось федеративное устройство только потому, что ея могущественный парижскій покровитель полагалъ, что федеративная Швейцарія будетъ слабѣе централизованной. Повидимому, онъ въ этомъ не ошибся.

Въ остальныхъ отношеніяхъ конституція 1803 года не заключала въ себѣ ничего особенно прогрессивнаго. А о томъ, чтобы она и на будущее время не была нарушена, позаботились штыки Бонапарта

Нарушеніе амьенскаго договора.

Въ Англіи существовала партія, которая весьма неохотно отказалась отъ войны съ Франціей, несмотря на то, что, благодаря этой войнѣ, задолженность Англіи достигла крайнихъ размѣровъ. Партію эту составляли Питтъ и его приверженцы, надѣявшіеся съ помощью англійскаго золота создать новую коалицію. Вѣроломная и алчная политика англичанъ нанесла гораздо большій ущербъ мирнымъ интересамъ Европы, чѣмъ честолюбіе Наполеона. Въ виду того, что Англія является виновницей нарушенія амьенскаго мира, на нее главнымъ образомъ и падаетъ отвѣтственность за послѣдовавшій затѣмъ долгій рядъ ужасныхъ войнъ, до 1815 г. опустошавшихъ Европу.

Первый консулъ не заставилъ англичанъ долго ждать повода для нарушенія амьенскаго мира. Онъ велъ себя теперь, какъ настоящій самодержецъ, и преисполнился соотвѣтственнымъ высокомѣріемъ и обидчивостью. Какъ разъ въ это время онъ добился цивильнаго листа въ шесть милліоновъ. Чѣмъ болѣе онъ приближался къ монархической власти, тѣмъ сильнѣе оскорбляло его какое бы то ни было противорѣчіе. Онъ не переносилъ болѣе критическаго отношенія къ своей особѣ. Направленныя противъ перваго консула язвительныя нападки и насмѣшки, появлявшіяся ежедневно въ англійской печати, вызывали гнѣвъ этого могущественнаго властелина, и это производило впечатлѣніе крайне мелочной обидчивости. Онъ сдѣлалъ представленія

англійскому правительству по поводу нападокъ прессы и заговора эмигрантовъ и, хотя ему казалось, не получилъ должнаго удовлетворенія. Благодаря этому, между обѣими державами снова установились весьма натянутыя и недружелюбныя отношенія.

Чтобы вызвать новую войну, Англія совершила позорный и ничѣмъ не оправдываемый поступокъ: она нарушила данное ею слово. При заключеніи Амьенскаго мира она дала торжественное обѣщаніе вернуть островъ Мальту. Но она не исполнила этого обѣщанія и удержала за собой Мальту, а на всѣ жалобы Бонапарта [illegible] отвѣчала [illegible]. Она ссылалась на политику Бонапарта въ Швейцаріи, [illegible] происходившія чтобы во Франціи [illegible] приготовленія къ войнѣ, [illegible] Мальту [illegible] было [illegible] нарушеніемъ мирнаго договора. Бонапартъ потребовалъ соблюденія Амьенскаго договора [illegible].

Въ то время онъ [illegible] искренно желалъ мира, такъ какъ ему хотѣлось еще болѣе упрочить свою власть внутри государства. Поэтому онъ всѣми силами старался уладить конфликтъ по поводу Мальты мирнымъ путемъ. Онъ готовъ былъ очистить Голландію и Швейцарію отъ своихъ войскъ, соглашался уступить Англіи взамѣнъ Мальты другой островъ, но все было напрасно. Хищническіе инстинкты Англіи требовали войны, и потому ее невозможно было предотвратить.

Неудивительно, что Бонапартъ былъ выведенъ изъ себя. Узнавъ, что въ Англіи снова начались военныя приготовленія, онъ по своему обыкновенію рѣзко и безъ обиняковъ обратился къ англійскому посланнику лорду Уитворту на придворномъ балу въ Тюильри 13-го марта 1803 г.:

— Итакъ, вы хотите войны?

— Нѣтъ! — отвѣтилъ англійскій дипломатъ.

— Нѣтъ, — произнесъ Бонапартъ, — мы пятнадцать лѣтъ воевали другъ съ другомъ. Вы хотите вести войну еще пятнадцать лѣтъ и желаете принудить меня къ этому. Англичане, — обратился Бонапартъ къ посланникамъ другихъ державъ, — желаютъ войны. Но если они первые вынутъ мечъ изъ ноженъ, то я вложу мечъ въ ножны послѣднимъ. Англи-

чане не соблюдають договоровъ отнынѣ и мы должны забыть о нихъ.

Затѣмъ онъ снова обратился къ англійскому посланнику:

— Къ чему эти приготовленія къ войнѣ? Противъ кого принимаются всѣ эти мѣры предосторожности? Въ французскихъ гаваняхъ нѣтъ ни одного линейнаго корабля, но если вы вооружаетесь, то и я послѣдую вашему примѣру; если вы готовитесь къ борьбѣ, то и я поступлю такъ же. Вы можете разгромить Францію, но вы не устрашите ея.

Въ отвѣтъ на это англійскій посланникъ лицемѣрно возразилъ:

— Мы не хотимъ ни того, ни другого. Мы желаемъ дружественныхъ отношеній съ Франціей.

— Въ такомъ случаѣ, — замѣтилъ Бонапартъ, — вы должны соблюдать договоры. Горе тому, кто позволитъ себѣ нарушить ихъ; на того падетъ отвѣтственность передъ всей Европой.

Въ данномъ случаѣ первый консулъ былъ совершенно правъ, но англичане, по свойственному имъ коварству, никогда не заботятся о томъ, на чьей сторонѣ право. Было ясно, что они нарушили амьенскій договоръ, и никого не могли обмануть тѣ жалкія увертки, которыми англійскіе дипломаты желали прикрыть свое криводушіе и свою алчность.

Послѣ нѣкоторыхъ притворныхъ попытокъ полюбовно уладить дѣло англійскій посланникъ покинулъ Парижъ, и 13 мая 1803 г. Англія объявила Франціи войну.

Англія тотчасъ же дала волю своимъ хищническимъ инстинктамъ и, такимъ образомъ, сразу обнаружился истинный характеръ англійской политики. Еще до того, какъ стало извѣстнымъ, что война объявлена, англійскіе крейсера начали охотиться за французскими торговыми и транспортными судами. Въ отвѣтъ на это Бонапартъ приказалъ арестовать, въ качествѣ военноплѣнныхъ, всѣхъ жившихъ или путешествовавшихъ по Франціи англичанъ. Англія и дружественныя ей страны подняли по этому поводу такой шумъ, что даже Камбасересъ совѣтовалъ отмѣнить это распоряженіе. Были арестованы лишь тѣ англичане, которые принадлежали къ англійской милиціи или путешествовали по поруч-

ченію правительства. Ихъ даже не посадили въ тюрьмы, а размѣстили на честное слово по французскимъ крѣпостямъ.

Изъ этого мы можемъ заключить, какъ безразсудно часто бываетъ общественное мнѣніе. Въ этомъ случаѣ оно стало на сторону Англіи, несмотря на то, что коварство послѣдней должно было бы вызвать всеобщее негодованіе, если бы общество не было введено въ заблужденіе.

У Бонапарта, глубоко возмущеннаго поведеніемъ Англіи, возникла мысль о серьезномъ нападеніи на Великобританію. Послѣ сраженій при С. Винцентѣ и Абукирѣ онъ по собственному опыту зналъ, что о побѣдѣ надъ англійскимъ флотомъ въ открытомъ морѣ нечего и думать. Не въ его власти было также закрыть материкъ для англійской торговли. Поэтому онъ остановился на планѣ высадки войскъ въ Англію, съ тѣмъ чтобы уничтожить заклятаго врага Франціи въ его собственномъ гнѣздѣ.

Осуществленіе этого проекта было сопряжено съ большими трудностями. Слѣдовало ожидать отчаяннаго сопротивленія со стороны англичанъ, и не подлежало сомнѣнію, что при переправѣ французской арміи черезъ каналъ ей придется преодолѣть значительныя и опасныя препятствія, благодаря превосходству непріятельскаго флота. Но даже и въ случаѣ побѣды надъ Англіей что можно было сдѣлать съ этой страной, которая, несомнѣнно, никогда не покорилась бы вполнѣ французамъ и осталась бы навсегда источникомъ новыхъ безпорядковъ, заговоровъ и возстаній?

Бонапартъ питалъ, однако, надежду, что его энергія преодолѣетъ всѣ препятствія, и выработалъ грандіозный планъ высадки въ Англію. Проектъ этотъ обсуждался открыто и пользовался во Франціи большой популярностью, такъ какъ французамъ очень хотѣлось проучить англичанъ за ихъ враждебное отношеніе къ Французской республикѣ. Путемъ добровольныхъ пожертвованій была собрана огромная сумма денегъ на покрытіе издержекъ по экспедиціи, а итальянскія республики по собственному почину пожертвовали четыре милліона для снаряженія флота.

У Булони, откуда войска должны были переправляться въ Англію, былъ устроенъ лагерь, растянувшійся на много верстъ вдоль берега. Сюда должны были быть доставлены 150.000 солдатъ, 10.000 лошадей и 400 пушекъ; для пере-

правы этой арміи въ Англію были предназначены 2 000 транспортныхъ судовъ. Работы велись съ необычайнымъ жаромъ. Были сооружены особыя укрѣпленія, защищавшія лагерь отъ безпрестанныхъ нападеній англійской эскадры; чтобы создать необходимые для флота сборные пункты, были возведены портовыя сооруженія. Были изобрѣтены особыя суда, предназначавшіяся для переправы войскъ, лошадей и артиллеріи.

Эти приготовленія къ высадкѣ въ Англію, которыя велись подъ руководствомъ адмираловъ Декрэ и Брюи, приняли вскорѣ такіе размѣры, что казалось, будто булонскій берегъ покрытъ настоящими военными поселеніями. Самъ Бонапартъ часто являлся туда, чтобы подгонять работавшихъ. Въ то же время онъ приказалъ оккупировать Ганноверское курфюршество, отъ котораго Пруссія снова отказалась и которое состояло въ личной уніи съ британскимъ королевствомъ. Въ маѣ 1803 г. генералъ Мортье вступилъ въ Ганноверъ. Ганноверская армія, во главѣ которой стоялъ генералъ Вальмоденъ, капитулировала, не доведя дѣла до сраженія, такъ какъ у ганноверцевъ не было охоты проливать свою кровь за принадлежность къ британскому королевству. 3 іюля 1803 г. былъ подписанъ Зулингенскій договоръ, согласно которому ганноверская армія должна была отступить за Эльбу и обязывалась честнымъ словомъ не принимать участія въ настоящей войнѣ; Ганноверъ же былъ отданъ французамъ. Получивъ извѣстіе объ этомъ событіи, англійскій король Георгъ III пришелъ въ такое бѣшенство, что швырнулъ договоръ докладывавшему ему объ этомъ министру въ лицо. Онъ отказался подтвердить договоръ. Но ганноверцы, которымъ было совершенно безразлично, принадлежитъ ли ихъ курфюршество Англіи или Франціи, разъ нельзя было ничего измѣнить въ самомъ фактѣ ихъ подчиненности чужой державѣ, сложили оружіе и вернулись на родину. 30.000 французовъ оккупировали Ганноверъ, который вдобавокъ долженъ былъ еще уплатить военную контрибуцію. Ганноверскія гавани на Нѣмецкомъ морѣ были закрыты, что нанесло англійской торговлѣ значительный ущербъ.

Хотя англичане и заявили хвастливо, что ни одинъ французъ не вступитъ на англійскую территорію, имъ все же

становилось не по себѣ при мысли о работахъ, ведшихся въ лагерѣ подъ Булонью. Ихъ сухопутная армія не могла сравниться съ французской. Но Питтъ, въ этотъ критическій моментъ снова ставшій у власти, вспомнилъ, что въ періодъ долгихъ революціонныхъ войнъ иностранныя державы не разъ уже за деньги предоставляли въ распоряженіе англичанъ кровь своихъ подданныхъ. Рѣшено было снова прибѣгнуть къ этому испытанному средству, и Питтъ организовалъ большую третью коалицію, благодаря чему ему удалось предотвратить грозившій Англіи ударъ и ограничить поле военныхъ дѣйствій континентомъ.

Заговоръ Пишегрю и Кадудаля.

Чѣмъ больше монархическихъ учрежденій создавалъ Бонапартъ, тѣмъ все болѣе усиливалась оппозиція противъ его реставраціонныхъ плановъ. Въ арміи было еще немало республиканскихъ элементовъ, во главѣ которыхъ стоялъ генералъ Моро. Побѣдитель при Гогенлинденѣ осмѣливался, какъ мы видѣли, подшучивать надъ абсолютистскими и монархическими вожделѣніями Бонапарта. Это очень злило Бонапарта, а будущій самодержецъ не легко прощалъ наносимыя ему обиды. Какъ и всѣхъ честолюбивыхъ людей, его сильнѣе всего задѣвали насмѣшки. Сперва онъ сдѣлалъ попытку снова расположить Моро въ свою пользу. Но Моро не измѣнялъ своего холоднаго и сухого отношенія къ человѣку, который стремился утвердить свою самодержавную власть на развалинахъ республики. Однажды, когда Моро былъ у Бонапарта и Карно принесъ первому консулу пару роскошныхъ пистолетовъ, послѣдній замѣтилъ: «Эти пистолеты какъ разъ годятся для Моро». Моро принялъ подарокъ, но съ такимъ выраженіемъ лица, какъ будто съ нимъ случилось что-либо крайне непріятное. Нѣсколько времени спустя Моро не пожелалъ почтить своимъ присутствіемъ одинъ изъ баловъ перваго консула, что очень оскорбило Бонапарта, который въ отместку не послалъ ему приглашенія на офиціальный балъ. Благодаря насмѣшливому отношенію Моро къ почетному легіону, натянутость между обоими великими полководцами превратилась во вражду. Вокругъ Моро, котораго считали главой республи-

калевъ въ арміи, группировались всѣ элементы, недовольные тѣмъ, что Бонапартъ уничтожилъ демократическія учрежденія, и такимъ образомъ Моро, хотя, можетъ быть, и противъ своей воли, сдѣлался главой партіи. Онъ былъ честенъ и мужественъ, но у него не хватало рѣшимости, и потому едва ли его можно было считать серьезнымъ соперникомъ Бонапарта. Къ тому же на него имѣла сильное вліяніе его жена, тщеславная женщина съ аристократическими замашками.

Въ то время, какъ республиканская оппозиція противъ Бонапарта разросталась, главнымъ образомъ, среди войска, роялисты тоже не дремали. Эмигрировавшіе французскіе принцы организовали крупный заговоръ съ цѣлью умерщвленія Бонапарта. Британское правительство поощряло заговорщиковъ и, какъ это было неопровержимо доказано впослѣдствіи, само принимало въ немъ дѣятельное участіе при посредствѣ баварскаго и вюртембергскаго посланниковъ. Предполагалось организовать роялистское возстаніе, и герцогъ Энгіенскій, внукъ принца Конде, поселился въ Эттенгеймѣ, расположенномъ въ Баденѣ, близъ французской границы, чтобы при первомъ удобномъ случаѣ стать во главѣ возстанія роялистовъ.

Но главныя нити этого крупнаго заговора сходились въ Лондонѣ. Туда явился тѣмъ временемъ знаменитый завоеватель Голландіи, генералъ Пишегрю, который во время государственнаго переворота 18 фрюктидора 1797 г. былъ сосланъ, какъ роялистъ, въ Кайенну, откуда ему удалось бѣжать. Онъ заключилъ союзъ съ другимъ жившимъ въ Лондонѣ эмигрантомъ Жоржемъ Кадудалемъ, необузданнымъ предводителемъ бретонскихъ шуановъ и организаторомъ покушенія съ помощью адской машины. Англійское правительство дало необходимыя для предпріятія средства. Питтъ былъ еще менѣе разборчивъ въ выборѣ средствъ для устраненія ненавистнаго ему Бонапарта, чѣмъ послѣдній при выборѣ путей для достиженія власти. Заговорщики внимательно слѣдили за настроеніемъ Парижа, и Пишегрю надѣялся привлечь къ заговору генерала Моро. Но въ этомъ отношеніи его ожидало разочарованіе.

Въ сопровожденіи тридцати рѣшительныхъ заговорщиковъ-роялистовъ Пишегрю и Кадудаль вернулись во Фран-

ціи. Среди этихъ заговорщиковъ находились также братья Полиньякъ, одинъ изъ которыхъ сыгралъ впослѣдствіи нѣкоторую роль въ качествѣ министра Карла X. Англійскій капитанъ Райтъ высадилъ заговорщиковъ въ Морбіанѣ. У нихъ имѣлись хорошія связи, и они устроили цѣлый рядъ передаточныхъ пунктовъ между берегомъ и Парижемъ.

Кадудаль, желая избѣжать обвиненія въ убійствѣ изъ-за угла, рѣшилъ придать покушенію рыцарскую окраску. Онъ хотѣлъ во главѣ сотни удалыхъ шуановъ открыто напасть на перваго консула, когда тотъ въ сопровожденіи своей почетной стражи отправится изъ Парижа въ Мальмезонъ. Онъ предполагалъ собственноручно убить Бонапарта въ рукопашной схваткѣ въ то время, когда его товарищи набросятся на почетную стражу. Такимъ образомъ онъ надѣялся придать покушенію характеръ поединка. Этотъ замыселъ вполнѣ соотвѣтствовалъ пылкой и отважной натурѣ Кадудаля.

Пишегрю и Кадудаль такъ искусно скрывались въ Парижѣ, что ихъ пріѣздъ остался въ тайнѣ. Вскорѣ Пишегрю изъ своего убѣжища удалось завязать сношенія съ Моро, и послѣдній былъ настолько неостороженъ, что вступилъ въ переговоры съ своимъ старымъ товарищемъ по оружію. Пишегрю привелъ на свиданіе Кадудаля, но его дикій фанатизмъ не могъ не оттолкнуть Моро, питавшаго отвращеніе ко всякаго рода покушеніямъ. Моро не хотѣлъ и слышать о Кадудалѣ, а послѣдній, въ свою очередь, отзывался въ высшей степени презрительно о спокойномъ и мягкомъ по натурѣ Моро и называлъ его гусакомъ. Дѣло въ томъ, что Моро, несмотря на глубокую ненависть къ Бонапарту, не имѣлъ никакой охоты примыкать къ роялистамъ. Однако, сношенія съ Пишегрю настолько его скомпрометировали, что онъ былъ привлеченъ къ отвѣтственности.

Выполненіе покушенія замедлилось, потому что сумасбродному Кадудалю захотѣлось, чтобы какой-нибудь французскій принцъ присутствовалъ при томъ, какъ онъ ударомъ сабли сразитъ перваго консула на пути въ Мальмезонъ. Но принцы всегда умѣли оберегать свою драгоцѣнную жизнь, въ то время, какъ ихъ приверженцы умирали за нихъ; поэтому, разумѣется, у нихъ не было охоты принимать участіе въ такомъ рискованномъ предпріятіи.

Между тѣмъ полиція открыла заговоръ. Ея возбудили подозрѣнія три роялистскихъ агента, разъѣзжавшихъ между берегомъ и столицей. До ушей ея давно уже доходили смутные слухи о новомъ замыслѣ Кадудаля. Въ виду этого вышеупомянутыя подозрительныя лица были подвергнуты пытательному допросу, обнаружившему, что они являются агентами Кадудаля. Военный судъ приговорилъ ихъ къ смертной казни. Но имъ обѣщано было помилованіе, если они выдадутъ своихъ сообщниковъ. Двое осужденныхъ, отказавшіяся отъ предательства, были разстрѣляны. Третій не устоялъ подъ дулами направленныхъ на него ружей и сознался. Такимъ образомъ, полиція узнала, что Кадудаль и Пишегрю давно уже скрываются въ Парижѣ, замышляя покушеніе на жизнь перваго консула.

Съ подобными свѣдѣніями въ рукахъ полиціи уже нетрудно было выяснить дальнѣйшія подробности. Но поймать заговорщиковъ было нелегко, а Кадудаль былъ такъ хитеръ и смѣлъ, что носились слухи, будто онъ, переодѣвшись лакеемъ, пробрался въ Тюльери, чтобы убить Бонапарта, и лишь случайно не засталъ его. Всѣ розыски полиціи оставались безплодными, пока, наконецъ, Бонапартъ не прибѣгъ къ самымъ строгимъ мѣрамъ. Онъ приказалъ закрыть парижскія заставы и разставить караулы такъ, чтобы никто не могъ покинуть столицу. Особый законъ угрожалъ смертью тому, кто будетъ укрывать у себя заговорщиковъ, всякому, кто знаетъ ихъ убѣжище и не донесетъ объ этомъ властямъ, грозило шесть лѣтъ каторги. Днемъ и ночью производились обыски. Пишегрю былъ выданъ и арестованъ. Кадудаль не могъ болѣе найти пристанища. Онъ днемъ и ночью разъѣзжалъ въ извозчичьей каретѣ, пока, наконецъ, на его слѣдъ не напало двое полицейскихъ. Когда они остановили дрожки, онъ застрѣлилъ одного изъ нихъ. Но его все же арестовали и посадили въ тюрьму.

Въ то же время арестовали и Моро, спокойно проживавшаго въ своемъ помѣстьѣ. Его арестъ произвелъ въ Парижѣ сильную сенсацію и вызвалъ далеко не лестные толки о первомъ консулѣ. Большинство не вѣрило, чтобы Моро могъ принимать участіе въ подобномъ заговорѣ, а иные утверждали, что все это подстроено Бонапартомъ, который желаетъ погубить своего соперника по военной славѣ. Въ

тріумфатъ [illegible] души, которые, [illegible] что [illegible] Моро доказанной. [illegible] Моро, [illegible] свой процессъ, [illegible] семьянъ. Рабскія души [illegible] свою [illegible] и низость.

Первый консулъ [illegible] по поводу [illegible] столь опаснаго заговора. [illegible] Бонапарта [illegible] его враговъ, [illegible] Моро.

— Моро [illegible] какъ и [illegible] другій, [illegible] устраивать заговоры, которые [illegible] и нуждаются въ столь [illegible]

[illegible] только о [illegible] и [illegible].

Слѣдствіемъ было установлено, что [illegible] сила [illegible], имя которыхъ не было [illegible] во главѣ заговора и — хотя [illegible] согласіе прибыть во Францію, чтобы [illegible] томъ, какъ Кадудаль убьетъ Бонапарта. [illegible] только графъ д'Артуа. Бонапартъ, [illegible] до того [illegible] цѣлое [illegible] отъ ихъ [illegible], [illegible] отомстить династіи. Онъ [illegible] со свойственной ему [illegible].

— Бурбоны [illegible], — [illegible] — [illegible] кровь можно пролить, какъ кровь какого-нибудь [illegible] животнаго. Моя кровь не менѣе драгоцѣнна, чѣмъ ихъ. Я [illegible] въ нихъ такой же ужасъ, какой [illegible] мнѣ. Первого же принца, который [illegible] въ руки, я [illegible] разстрѣлять [illegible]. Я покажу имъ, съ кѣмъ они [illegible] считаться со всѣми Бурбонами не [illegible] меньше, чѣмъ съ Моро или Пишегрю. [illegible], что ихъ особа неприкосновенна, и [illegible] лости жертвуютъ массой [illegible] ту сторону канала. Но [illegible]. Я [illegible] же безпощадно [illegible] Бурбона, какъ [illegible]

Этотъ взрывъ безудержной ярости проливаетъ яркій свѣтъ на судьбу, постигшую затѣмъ герцога Энгіенскаго.

Этотъ молодой принцъ сражался въ корпусѣ эмигрантовъ въ періодъ революціонныхъ войнъ и состоялъ затѣмъ на службѣ у англичанъ. Въ описываемый періодъ онъ получалъ отъ англичанъ субсидію и проживалъ въ Эттенгеймѣ, въ герцогствѣ Баденскомъ. Онъ находился въ любовной связи съ графиней Роганъ Рошфоръ. Въ общемъ онъ представлялъ собой довольно незначительную личность. Трудно предположить, чтобы онъ принималъ непосредственное участіе въ заговорѣ. Вѣрилъ ли Бонапартъ, что герцогъ Энгіенскій и есть тотъ самый принцъ, участіе котораго въ заговорѣ было обнаружено слѣдствіемъ, или нѣтъ — неизвѣстно; но, во всякомъ случаѣ, онъ рѣшилъ примѣрно наказать герцога Энгіенскаго и тѣмъ отбить у Бурбоновъ всякую охоту къ дальнѣйшимъ заговорамъ.

Герцогъ жилъ на нейтральной почвѣ. Для того, чтобы схватить его, приходилось нарушить международное право. Но что значилъ для Бонапарта нейтралитетъ крохотнаго государства, съ которымъ Франція находилось въ дружественныхъ отношеніяхъ! Коленкуръ, бывшій всегда покорнымъ орудіемъ въ рукахъ Бонапарта, получилъ приказаніе безъ всякихъ околичностей схватить герцога Энгіенскаго и привезти его в Парижъ. Въ ночь на 15 марта 1804 г. Коленкуръ съ 300 драгунами подъ начальствомъ полковника Ордене переправился черезъ Рейнъ при Рейнау. Французы окружили городокъ Эттенгеймъ и проникли въ жилище герцога. Сперва онъ хотѣлъ было защищаться, но вскорѣ сдался, убѣдившись, что сопротивленіе ни къ чему не поведетъ. Его привезли сначала въ Страсбургскую цитадель, затѣмъ въ Парижъ, а оттуда въ Венсенъ. Тутъ онъ былъ преданъ суду военной комиссіи, въ которой предсѣдательствовалъ генералъ Гюлленъ, извѣстный, какъ одинъ изъ участниковъ штурма Бастиліи. Невозможно было доказать, что герцогъ принималъ участіе въ заговорѣ, но можно было подвести его подъ законъ объ эмигрантахъ, согласно которому всякій эмигрантъ, поднявшій оружіе противъ Франціи, могъ быть приговоренъ къ смерти. Принцъ призналъ предъ военной комиссіей, что онъ, состоя на жалованіи у англичанъ, сражался противъ Франціи. Военная комиссія при[illegible] къ

смерти черезъ разстрѣляніе, и этотъ жестокій приговоръ былъ тотчасъ же приведенъ въ исполненіе подъ руководствомъ генерала Савари, при свѣтѣ факеловъ, ночью 22 марта 1804 г. Могила, въ которую былъ опущенъ трупъ, была вырыта еще до совѣщанія военной комиссіи.

Этотъ фактъ вызвалъ сильнѣйшее возбужденіе въ обществѣ, и враги Бонапарта искусно использовали его въ своихъ цѣляхъ. Правда, международное право было въ данномъ случаѣ нарушено далеко не такъ нагло, какъ при убіеніи пословъ въ Раштатѣ, но реакціонныя державы всегда отличались неподражаемой ловкостью при использованіи подобныхъ событій. Притомъ, здѣсь жертвой палъ Бурбонъ, въ Раштатѣ же погибли простые смертные.

Самъ Бонапартъ велъ себя въ этой исторіи со свойственной ему двуличностью. Впослѣдствіи онъ увѣрялъ, что герцогъ былъ казненъ, собственно, противъ его воли. Его подчиненные слишкомъ поторопились привести въ исполненіе приговоръ, такъ что онъ не успѣлъ даже воспрепятствовать этому. Но подобному утвержденію противорѣчатъ всѣ обстоятельства дѣла. Если Бонапартъ не желалъ, чтобы судьба одного Бурбона послужила назиданіемъ для остальныхъ, къ чему ему было тогда насильственнымъ вторженіемъ въ предѣлы герцогства Баденскаго нарушить международное право? Впрочемъ, начиная съ этого времени, бурбонскіе принцы, кажется, не устраивали больше заговоровъ на жизнь Бонапарта.

22 марта былъ разстрѣлянъ герцогъ Энгіенскій, а 7 апрѣля генералъ Пишегрю былъ найденъ мертвымъ въ своей темницѣ. Очевидно, онъ былъ удавленъ. Вокругъ его шеи былъ обмотанъ черный шелковый платокъ съ прикрѣпленнымъ къ нему клиномъ. Утверждаютъ, будто Пишегрю до тѣхъ поръ скручивалъ этотъ платокъ вокругъ шеи, пока не потерялъ сознанія и не задохся. Но эти розсказни о его смерти не встрѣтили довѣрія въ публикѣ, и носились слухи, что Бонапартъ избавился отъ своего прежняго учителя въ Бріеннской военной школѣ при помощи слѣпо преданныхъ ему людей. На загадочную смерть завоевателя Голландіи такъ и не былъ пролитъ свѣтъ, и до сихъ поръ существуетъ мнѣніе, что онъ былъ умерщвленъ, хотя, съ другой стороны, необходимо замѣтить, что Бонапартъ и безъ того могъ съ

увѣренностью ожидать отъ рабскихъ душъ, засѣдавшихъ въ его судахъ, осужденія Пишегрю. Вскорѣ затѣмъ найденъ былъ мертвымъ въ тюрьмѣ англійскій капитанъ Райтъ, перевезшій заговорщиковъ во Францію и взятый въ плѣнъ французами въ морскомъ сраженіи. Это еще болѣе способствовало усиленію слуховъ о тайныхъ казняхъ въ тюрьмахъ.

Кадудаль не палъ духомъ и гордо предсталъ передъ судьями Бонапарта вмѣстѣ со своими товарищами. Этотъ отчаянный шуанъ до послѣдней минуты не потерялъ присутствія духа и осыпалъ своихъ судей язвительными насмѣшками. Предсѣдателя судебной палаты, извѣстнаго Тюрио (Thuriot) когда-то принадлежавшаго къ партіи якобинцевъ и предсѣдательствовавшаго 9 термидора въ конвентѣ, онъ упорно называлъ «Monsieur Tue-roi» (господинъ цареубійца). Двѣнадцать заговорщиковъ были приговорены къ смерти, но четыре изъ нихъ, въ томъ числѣ Арманъ де-Полиньякъ, были помилованы. Кадудаль и его шуаны смѣло смотрѣли въ глаза смерти. Ярый заговорщикъ повелъ своихъ товарищей на эшафотъ, какъ на бой. Лишь теперь Бонапартъ могъ свободно вздохнуть, навсегда освободившись отъ своего заклятаго врага.

Съ Моро не такъ легко было справиться. Народъ и войско были на сторонѣ знаменитаго генерала, который съ такимъ самоотверженіемъ и преданностью служилъ своему отечеству въ годы тяжелыхъ бѣдствій. Въ виду того, что единственной уликой противъ него были двѣ его встрѣчи съ Пишегрю, судьи намѣрены были вынести ему оправдательный приговоръ. Но изъ опасенія, какъ бы оправданный Моро не подвергся мести со стороны Бонапарта, судъ присудилъ его къ двухлѣтнему тюремному заключенію. Благодаря ревностнымъ хлопотамъ, въ которыхъ принималъ очень живое участіе и Фуше, этотъ приговоръ былъ замѣненъ изгнаніемъ, и Моро уѣхалъ въ Сѣверную Америку. Его политическая и военная карьера была временно закончена. За нимъ сохранилась слава храбраго солдата и честнаго, благороднаго человѣка. Впослѣдствіи Моро запятналъ свою славу у французовъ тѣмъ, что изъ ненависти къ своему заклятому врагу Бонапарту въ 1813 г. перешелъ на сторону русскаго императора; трагическая смерть въ битвѣ при

Дрезденѣ доставило ему лишь извѣстный почетъ со стороны Бурбоновъ.

Послѣ подавленія этого послѣдняго изъ опасныхъ роялистскихъ заговоровъ Бонапартъ уже не встрѣчалъ болѣе препятствій на своемъ пути къ верховной власти въ той формѣ, которой онъ жаждалъ. Онъ хотѣлъ окружить свое высокое положеніе ореоломъ, блескъ котораго не померкъ бы на протяженіи столѣтій, и протянулъ руку къ коронѣ, чтобъ возложить ее на свою голову. Но блескъ короны ослѣплялъ его самого, можетъ быть, гораздо больше, чѣмъ его современниковъ.

Третья коалиція.

Занятіе Ганновера повело къ сближенію Пруссіи съ Россіей, такъ какъ императоръ Александръ I, отличавшійся тщеславіемъ, приверженностью къ самодержавной власти и склонностью къ фантастическимъ затѣямъ, далеко не прочь былъ разыграть роль третейскаго судьи. Однако. Англіи такой третейскій судья былъ совсѣмъ не по вкусу, и поэтому Александръ I сблизился съ королемъ прусскимъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III, при чемъ ему лишь съ большимъ трудомъ удалось замаскировать своекорыстіе русской политики. Александръ стремился одновременно создать противовѣсъ и противъ Англіи и противъ Франціи. Но онъ не могъ склонить Пруссію къ рѣшительнымъ мѣрамъ; послѣдняя требовала отъ Бонапарта лишь освобожденія ганноверскихъ гаваней, находившихся на берегу Сѣвернаго моря. Бонапартъ отказалъ въ этомъ, но предложилъ Пруссіи союзъ противъ Англіи и Ганноверское курфюршество. Несмотря на совѣты лучшаго прусскаго министра [illegible] согласиться на союзъ, который, вѣроятно, избавилъ бы Пруссію отъ пораженія 1806 года, вліяніе Россіи все же помѣшало осуществленію этого соглашенія. Бонапартъ, готовившійся къ нападенію на Англію, хотѣлъ путемъ союза съ Пруссіей избѣжать нападенія съ тыла, но онъ не могъ найти опоры у послѣдней, благодаря ея нерѣшительной политикѣ. Поэтому онъ обратился къ Испаніи и принудилъ ее заключить съ нимъ союзный договоръ, согласно которо-

му Испанія должна была платить ему ежемѣсячно шесть милліоновъ франковъ субсидіи.

Между тѣмъ военныя приготовленія Наполеона при Булони заставляли тревожно биться сердца англійскихъ торгашей, несмотря на ихъ хвастливыя рѣчи. Англійская сухопутная армія въ 130.000 человѣкъ была составлена изъ наемныхъ солдатъ; здѣсь были гессенцы, швейцарцы, ганноверцы, ирландцы, шотландцы и мальтійцы. Она была разбросана по Англіи, Ирландіи, Британской Америкѣ, Индіи, Египту. Въ Англіи была собрана резервная армія въ 50.000 человѣкъ, для пополненія которой сыновья зажиточныхъ и богатыхъ людей могли, однако, купить себѣ замѣстителя, такъ какъ англійскіе купцы охотно прикарманивали барыши, которые приносили имъ хищническіе набѣги англійскаго флота, но очень неохотно отдавали своихъ сыновей въ военную службу. Для этого вѣдь существовали сыновья бѣдняковъ. Было также выпущено воззваніе, которымъ всѣ мужчины отъ 17 до 65-лѣтняго возраста призывались къ вступленію въ армію добровольцевъ. Эти добровольцы имѣли особую форму и занимались по нѣсколько часовъ въ недѣлю военными упражненіями; остальное же время они посвящали своимъ частнымъ дѣламъ.

Несмотря на это, страхъ англійскихъ торгашей росъ съ минуты на минуту при мысли, что имъ, пожалуй, придется на англійской почвѣ выдержать борьбу съ привыкшими къ побѣдамъ войсками Бонапарта. Этотъ страхъ былъ также причиной того, что англійское правительство не постѣснялось оказывать покровительство заговору Пишегрю и Кадудаля, покушавшихся на жизнь Бонапарта. Но когда этотъ заговоръ окончился неудачей, у англичанъ снова возникла мысль, что было бы куда лучше заставить другія державы за полновѣсное англійское золото вести на материкѣ войну съ Франціей. Удаленный отъ дѣлъ передъ амьенскимъ миромъ Питтъ снова очутился у власти и получилъ порученіе составить новую коалицію противъ Франціи.

Третью коалицію удалось образовать сравнительно легко, такъ какъ, благодаря казни герцога Энгіенскаго, нетрудно было поднять европейскіе дворы. На этотъ поступокъ Бонапарта при [illegible] лишь какъ на одно изъ проявленій [illegible] французской рево-

[illegible]іи. Этой же казнью старались воспользоваться для того, чтобы повліять извѣстнымъ образомъ на настроеніе народовъ. Въ противовѣсъ этой агитаціи Бонапартъ сдѣлалъ ловкій шахматный ходъ; онъ [illegible] къ нему въ руки документы, доказывающіе, что англійскіе посл.— [illegible] же въ Мюнхенѣ и Спенсеръ Смитъ въ Штутгартѣ,—кос[illegible] [illegible]нно участвовали въ заговорѣ Кадудаля и что англійское правительство поддерживало заговорщиковъ деньгами. Благодаря этому, общественное мнѣніе стало на сторону Бонапарта. Но какое дѣло было автократамъ тѣхъ дней до общественнаго мнѣнія? Въ то время, какъ Бонапартъ провозгласилъ себя въ Парижѣ французскимъ императоромъ, путемъ уговоровъ и дипломатическихъ уловокъ, а, главное, путемъ подкуповъ со стороны англичанъ, была осуществлена могущественная третья коалиція, которой суждено было повлечь за собою столь ужасныя послѣдствія.

Шведскій король Густавъ IV, который относился особенно враждебно къ Бонапарту и впослѣдствіи за свои дикія выходки былъ свергнутъ дворцовой революціей съ престола, заключилъ съ Англіей за звонкую монету союзный договоръ. Пруссія заняла болѣе умную позицію; правда, она прервала переговоры съ Бонапартомъ относительно Ганновера, но въ остальномъ съ внѣшней стороны сохраняла строго нейтральное положеніе, несмотря на то, что вступила съ Россіей въ тайное соглашеніе. Да и не самомъ дѣлѣ, для Пруссіи не имѣло никакого смысла затѣвать съ Франціей новую опустошительную войну только [illegible] что Питтъ опасался высадки французовъ въ Англіи.

Австрія пока оставалась спокойной. Она выжидала благопріятнаго момента. Александръ I послѣ разстрѣла [illegible] [illegible]нгіенскаго наложилъ на себя трауръ. Это [illegible] тельство раздосадовало французскаго самодержца, и [illegible] послалъ Александру нѣчто вродѣ объясненія по поводу произведеннаго надъ герцогомъ Энгіенскимъ насилія. Въ [illegible] объясненіи Бонапартъ [illegible], что [illegible] [illegible] такъ поступить [illegible] [illegible] Россія, несомнѣнно, точно такъ же поступила бы въ подобномъ случаѣ. «[illegible],—[illegible] замѣчалъ Бонапартъ въ своемъ письмѣ,—если бы Россія узнала, что [illegible] [illegible] на разстояніи одного дня пути отъ ея границы,

неужели она не попыталась бы захватить ихъ въ свои руки». Этотъ уколъ долженъ былъ быть тѣмъ чувствительнѣе, что убійцы Павла I при своихъ чинахъ и орденахъ благополучно жили при петербургскомъ дворѣ. Пришлось спокойно проглотить эту ядовитую насмѣшку.

Но Россіи въ то время нравилось разыгрывать изъ себя роль охранительницы свободы и самостоятельности Европы. Александръ I носился съ великими планами. Вмѣсто того, чтобы, пользуясь своей властью, хоть сколько-нибудь упорядочить внутреннія дѣла полуварварской, сильно отсталой въ культурномъ отношеніи Россіи и дать возможность прозябающему въ безпросвѣтной нищетѣ русскому народу вкусить хоть сколько-нибудь отъ плодовъ цивилизаціи, онъ любилъ разыгрывать изъ себя великаго идеалиста и выставлять на показъ свои заботы о свободѣ другихъ народовъ, между тѣмъ, какъ его собственный народъ влачилъ цѣпи самаго ужаснаго рабства. Молодой самодержецъ хотѣлъ преобразовать всю Европу; у него даже былъ выработанъ для этой цѣли такъ называемый планъ регенераціи Европы. По этому плану Европа должна была быть раздѣлена на отдѣльныя государства, главнымъ образомъ, сообразно населяющимъ ее національностямъ, при чемъ все это должно было быть осуществлено на такомъ принципѣ равновѣсія, чтобы сталъ невозможнымъ политическій перевѣсъ одного государства надъ другимъ и чтобы тѣмъ самымъ былъ обезпеченъ продолжительный миръ. Кромѣ того, должно было быть установлено общее международное право. Все это само по себѣ не было, пожалуй, такъ дурно, но за этимъ планомъ скрывалась задняя мысль — желаніе поставить отдѣльныя государства или національности въ такія условія, чтобы они взаимно парализовали другъ друга; благодаря этому, политическій перевѣсъ долженъ былъ перейти на сторону Россіи. Въ этомъ отношеніи Россія все еще прекрасно умѣла вводить въ заблужденіе и оставлять въ дуракахъ своихъ друзей и враговъ.

Питтъ, съ которымъ велъ онъ переговоры относительно своего плана регенераціи, притворился, что онъ согласенъ съ этой идеей, заключилъ съ Россіей такъ называемый [illegible] договоръ и объявилъ войну [illegible] Франціи [illegible]. Согласно этому договору, Россія долж-

ка была выставить 300.000 солдатъ, чтобы вытѣснить фран-
цузовъ изъ Ганновера, Голландіи и Италіи; Англія, съ своей
стороны, обязывалась платить ежегодно за каждые сто ты-
сячъ солдатъ по четыре милліона фунтовъ стерлинговъ. Къ
коалиціи примкнулъ Неаполь, а вскорѣ и Австрія, которой
была обѣщана Ломбардія.

Такимъ образомъ, хитроумная Англія снова добилась
того, что половина Европы заключила союзъ противъ Фран-
ціи. Она раздавала свое золото [illegible] пригоршнями.
Кабинеты прикарманивали эти деньги; народы же думали,
что въ этой войнѣ дѣло дѣйствительно идетъ лишь о прове-
деніи въ жизнь прекрасной идеи продолжительнаго мира и
[illegible] придать Европѣ такую форму, которая могла бы
служить залогомъ болѣе прекраснаго будущаго. Они и не
подозрѣвали, что совмѣстное выступленіе Англіи и Россіи
уже тогда таило въ себѣ [illegible] соперничество за міро-
вое [illegible], и [illegible] себѣ [illegible], что [illegible]
ская Англія и [illegible] Россія должны взять на себя роль
[illegible] свободы [illegible] революціонной
Франціи. Въ дѣйствительности же Питтъ достигъ того, что
[illegible] французской
арміи въ Англію была предотвращена, и война, которая
должна была [illegible] на англійской почвѣ, опустошала
[illegible]. Англійское золото вновь одер-
жало побѣду.

[illegible] вопроса, по чьей винѣ
[illegible] опустошалась войнами, то при-
[illegible] отвѣтить, что значительную часть вины безусловно
[illegible] Наполеона Бонапарте. Но
[illegible] на Питта и его союз-
[illegible] стремленіямъ
[illegible] безъ конца
[illegible] и не задумываясь
[illegible] народовъ, чтобы
[illegible] который совершенно
снова [illegible] старый порядокъ, который совершенно
[illegible] себя во Франціи.

И Наполеонъ [illegible] великимъ, что онъ столь долгое время выходилъ побѣдителемъ
изъ этой титанической борьбы, опустошившей цѣлую часть
свѣта.

Французскій императоръ.

Послѣ ссылки Моро и смерти Пишегрю и Кадудаля во Франціи не было болѣе партій, которыя могли бы быть опасными первому консулу. Теперь онъ сдѣлалъ послѣдній шагъ для полнаго утвержденія своей власти и совершенно порвалъ съ республиканскими формами, которыя были переданы Франціи революціей.

На долю Фуше, этого безпринципнаго, никогда не терявшагося и поэтому незамѣнимаго главы полиціи, выпала задача тщательно подготовить общество къ появленію новаго императора, хотя это ужъ никого болѣе не могло изумить. Нетрудно было понять, что дѣло клонится лишь къ тому, чтобы формально сдѣлать императоромъ Наполеона Бонапарта, который фактически давно ужъ былъ императоромъ.

Въ различныхъ коллегіяхъ, по которымъ была тогда расколота законодательная власть, также шла оживленная агитація. Всѣ желали предложенія объявить Наполеона Бонапарта императоромъ французовъ. Титулъ «король» не пользовался въ то время любовью большинства французовъ. Съ понятіемъ «императоръ» соединилось представленіе о властителѣ могущественнаго государства, и этотъ титулъ долженъ былъ льстить національному честолюбію французовъ. Онъ напоминалъ античный міръ цезарей.

Комедія, имѣвшая своей задачей служить введеніемъ къ облаченію перваго консула въ императорское одѣяніе, была настолько же прозрачна, насколько и пошла. Но она удалась.

Эта комедія началась съ поздравительныхъ адресовъ. Власти и сановныя лица, вокругъ которыхъ группировалась масса гражданъ, выражали первому консулу свое убѣжденіе, что его власть необходимо сдѣлать наслѣдственной, дабы оградить Францію отъ притязаній и внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Какъ будто наслѣдственная власть можетъ оградить отъ этого! Впослѣдствіи Бонапартъ, будучи уже императоромъ, самъ мѣтко опровергъ этотъ взглядъ, заявивъ, что его тронъ самъ по себѣ еще ничего не означаетъ; тронъ представляетъ собой лишь кусокъ де-

рева, обитый бархатомъ: вся суть въ томъ, кто на немъ сидитъ.

Адреса эти привели въ движенie старый аппаратъ холопствующаго сената. 27 марта 1804 г., т. е. спустя пять дней послѣ разстрѣла герцога Энгiенскаго, сенатъ вручилъ первому консулу посланie, въ которомъ излагалъ, что его наслѣдственное единодержавie необходимо для счастья Францiи.

«Гражданинъ первый консулъ,—значилось въ этомъ холопскомъ посланiи,—вы являетесь основателемъ новой эры. Но вы должны также увѣковѣчить ее. Преходящее величie—ничтожно. Мы не сомнѣваемся, что вы уже останавливались на этой великой идеѣ, ибо вашъ творческiй генiй все охватываетъ, ничего не упуская изъ виду. Но не откладывайте этого дѣла. Васъ тѣснитъ время и событiя; заговорщики и честолюбцы вызываютъ въ странѣ безпорядки, которые сильно тревожатъ французовъ. Вы можете сковать время, овладѣть событiями, обезоружить честолюбцевъ и успокоить всю Францiю, если вы даруете ей учрежденiя, которыя укрѣпятъ то, что вы создали, и упрочатъ за дѣтьми то, что вы сдѣлали для отцовъ. Гражданинъ первый консулъ, будьте увѣрены, что сенатъ обращается къ вамъ отъ имени всѣхъ гражданъ».

Разумѣется, первый консулъ отнесся къ этому раболѣпiю съ достодолжной серьезностью, онъ не уступалъ сенату въ притворствѣ. Онъ также притворился увѣреннымъ, будто все благополучie Францiи зависитъ отъ того, будетъ ли у него наслѣдственный преемникъ. Въ такомъ смыслѣ онъ и далъ отвѣтъ сенату. Онъ писалъ:

«Вашъ адресъ не выходитъ у меня изъ головы. Онъ сталъ для меня предметомъ неустанныхъ размышленiй. Вы пришли къ убѣжденiю, что высшая государственная должность должна быть наслѣдственной, дабы народъ былъ обезпеченъ отъ комплотовъ нашихъ враговъ и отъ безпорядковъ, которые происходятъ изъ-за честолюбiя соперниковъ. Въ то же время вы полагаете, что нѣкоторыя изъ нашихъ учрежденiй нуждаются въ реформированiи, дабы навсегда было обезпечено торжество равенства и общественной свободы и тѣмъ самымъ была дана нацiи и правительству необходимая имъ двойная гарантiя. Чѣмъ боль

ше вниманія я удѣлялъ этимъ [illegible] вопросамъ, тѣмъ болѣе я чувствовалъ, насколько мнѣ для полнаго развитія моихъ идей необходимы при новыхъ и столь важныхъ обстоятельствахъ вашъ мудрый совѣтъ и ваша опытность. Поэтому я прошу васъ откровенно подѣлиться со мною вашими мыслями».

Его лицемѣріе заходило такъ далеко, что онъ позволялъ себѣ говорить о «свободѣ и равенствѣ» въ тотъ моментъ, когда собирался установить въ окончательной формѣ нѣчто въ родѣ наслѣдственной военной монархіи. Но смѣтливый сенатъ зналъ, какъ обосновать «счастье Франціи», и порѣшилъ слѣдующее: «Сенатъ пришелъ къ убѣжденію, что для французскаго народа крайне важно довѣрить правленіе республикой Наполеону Бонапарту, въ качествѣ наслѣдственнаго императора».

3-го мая это рѣшеніе сената попало къ трибуналу. Кюрэ, обладавшій хорошо выдрессированной рабской натурой, началъ съ обычныхъ хвалебныхъ изліяній, къ которымъ французскій властелинъ былъ пріученъ со стороны поклонниковъ его успѣховъ. «Пора, —говорилъ Кюрэ,— отказаться отъ политическихъ заблужденій. Внутреннее спокойствіе Франціи снова возстановлено, а миръ съ иностранными державами обезпеченъ блестящими побѣдами. Наши финансы снова приведены въ порядокъ, наше законодательство реформировано и вновь функціонируетъ. Пора и на будущее время обезпечить націи пользованіе этими благами».

Послѣдовавшій за этимъ потокъ лести, самоуниженій и увѣреній въ преданности показалъ первому консулу всю рабскую покорность этого великолѣпнаго учрежденія. Было ясно, что всякая оппозиція должна раствориться въ потокѣ лояльности. Но все же нашелся человѣкъ, который возвысилъ свой голосъ противъ новаго цезаризма. Непреклонный республиканецъ Карно былъ еще здѣсь и произнесъ свою знаменитую рѣчь, которую прозвали послѣднимъ вздохомъ [illegible] великой революціи.

«Я далекъ отъ желанія, говорилъ Карно, умалять хвалу, расточавшуюся здѣсь первому консулу. Но какія бы услуги ни оказалъ гражданинъ своему отечеству, есть границы національной признательности, переступить которыя

не допускаютъ ни того, ни другого. И если этотъ гражданинъ вернулъ странѣ общественную свободу, если онъ содѣйствовалъ благоденствію своего отечества, то развѣ возможно предложить ему въ награду добровольное отреченіе отъ этой свободы? Развѣ превращеніе отечества въ его наслѣдственную собственность не было бы равносильно уничтоженію его собственнаго дѣтища? Съ того момента, какъ французскому народу было предложено голосовать за пожизненное консульство, всякому легко было замѣтить, что за этимъ кроется еще нѣчто и другое. Мы видѣли, что постепенно былъ основанъ цѣлый рядъ явно монархическихъ учрежденій. Сегодня, наконецъ, обнаружилась истинная цѣль такого множества временныхъ мѣропріятій. Мы созваны для того, чтобы высказаться по поводу формальнаго предложенія относительно возстановленія монархіи и облеченія перваго консула въ санъ наслѣдственнаго императора. Неужели свобода была показана человѣку лишь для того, чтобы онъ никогда не могъ вкусить ея? Нѣтъ, я не могу согласиться съ этимъ, не могу въ этомъ благѣ, которое всѣми предпочитается всему иному, видѣть лишь одно заблужденіе. Мое сердце говоритъ мнѣ, что свобода возможна и что царство ея легче и прочнѣе, чѣмъ какое бы то ни было царство произвола. Я голосовалъ противъ пожизненнаго консульства; точно такъ же я голосую противъ возстановленія монархіи».

Эта рѣчь не могла не произвести сильнаго впечатлѣнія. Но разбушевавшійся потокъ сервилизма смелъ всѣ препоны; каждый изъ этихъ коколѣнопреклоненныхъ трибуновъ хотѣлъ первымъ опровергнуть Карно. Три дня продолжались отвратительные дебаты; затѣмъ трибунатъ почти единогласно высказался за императорскій санъ.

Карно сошелъ съ политической арены и жилъ въ гордой и достойной удивленія бѣдности; онъ выступилъ снова и предложилъ свои услуги лишь тогда, когда его отечество было наводнено полками союзныхъ монарховъ Европы.

18 мая 1804 г. (30 флореаля XII г.) сенатъ постановилъ провозгласить перваго консула Наполеона Бонапарта императоромъ французовъ подъ именемъ Наполеона I. Полный императорскій титулъ Наполеона, сотканный изъ противо-

ствій. [illegible] и установ-вленіями республи[illegible] французовъ.

Провозглашеніе новаго императора было встрѣчено французскимъ народомъ безъ особаго волненія, ибо для массы было совершенно безразлично, называется ли неограниченный властелинъ, поработившій Францію, первымъ консуломъ или императоромъ французовъ. Тѣмъ съ большимъ возбужденіемъ [illegible] войско и господствующіе классы. Всѣ наперерывъ спѣшили выразить новому императору свою [illegible] преданность, и выскочки [illegible]. Иностранныя державы, [illegible] Англіи, Россіи и Швеціи, также не преминули поздравить могущественнаго корсиканца. Старымъ монархическимъ державамъ было удобнѣе сноситься съ монархомъ, чѣмъ съ главою республики. Мелкіе нѣмецкіе властители, которые, несомнѣнно, боялись предстоящей войны, поспѣшили заявить новому императору свои вѣрноподданническія чувства и такимъ образомъ заручиться его благосклонностью. Новый плебисцитъ утвердилъ имперію; за нее высказалось 3½ милліона голосовъ. Видя, что все и вся лежитъ у его ногъ, Наполеонъ сталъ съ презрѣніемъ относиться къ людямъ. И если вспомнить, кто только ни пресмыкался у его ногъ, то [illegible], что онъ вообще могъ еще обуздывать себя, что его успѣхи и власть еще болѣе не опьянили его и что онъ не относился къ людямъ еще съ большимъ презрѣніемъ.

Онъ устроилъ свой [illegible] совершенно въ стилѣ старой монархіи; по его приказанію произведены были самыя тщательныя изслѣдованія придворнаго этикета, чтобы во всемъ этомъ маскарадѣ [illegible] ни одной мельчайшей детали. [illegible] Бонапарта [illegible] императорскихъ принцевъ и принцессъ, генералы — въ маршаловъ имперіи, а высшіе чиновники переименованы были въ верховныхъ сановниковъ. И вокругъ этой [illegible] аристократіи группировался весь [illegible] средневѣковаго двора. Внезапно, словно по мановенію волшебнаго жезла, появился цѣлый сонмъ камергеровъ, придворныхъ дамъ всякаго рода, пажей и лакеевъ, какъ все это полагается при пышныхъ дворахъ. И [illegible] и [illegible], разинувъ ротъ, народъ [illegible] въ облакахъ китайской

недосягаемости его [illegible] ручикъ Наполеонъ Бонапартъ, [illegible] революціи и императоръ французовъ. [illegible] имъ абсолютная императорская власть [illegible] со- бою конституцію 1791 года и по [illegible] характеру превосходила даже [illegible] до 1789 г. Казалось, что революція описала кругъ и снова вер- нулась къ своей исходной точкѣ.

Чтобъ окружить себя [illegible], Наполеонъ на- значилъ на 2 декабря 1804 г. свое [illegible] ніе. Собору Парижской Богоматери, [illegible] службу старой монархіи и поклоненіе [illegible] Парижской коммуны, пришлось также увидѣть [illegible] императорской четы, — сына [illegible] и его жены, дочери вестъ-индскаго портоваго капитана.

Папа Пій VII не могъ уклониться отъ требованія Напо- леона и долженъ былъ [illegible] при [illegible] воля сильнаго—приказаніе для слабаго. Онъ [illegible] и вмѣ- стѣ съ нимъ все духовенство, [illegible] аристокра- тія и всѣ высшіе сановники, а также [illegible] странныхъ державъ. Наполеонъ вмѣстѣ съ [illegible] ѣхалъ въ соборъ въ запряженной шестью бѣлыми ло- шадьми императорской каретѣ. Они были облечены въ ко- ронаціонныя мантіи, расшитыя пчелами. Послѣ того, какъ папа помазалъ его у алтаря и благословилъ [illegible] его импе- раторскаго сана, онъ хотѣлъ возложить на его голову ко- рону, но Наполеонъ поспѣшно взялъ корону изъ его рукъ и самъ надѣлъ ее на себя. Точно такъ же онъ самъ возложилъ корону на голову стоявшей на колѣняхъ у алтаря Жозе- фины. Затѣмъ императорская чета [illegible] обычаю сѣла на тронъ. Наполеонъ произнесъ надъ Евангеліемъ установленную клятву, и [illegible]:

«Славнѣйшій и [illegible] императоръ францу- зовъ коронованъ и возведенъ на тронъ. Да здравствуетъ императоръ!»

Всѣ присутствовавшіе воскликнули [illegible] возгласъ, которому суждено было [illegible] носиться по Европѣ. А въ это время на [illegible] громъ пу- шекъ возвѣстилъ французамъ, что ихъ цезарь коронованъ теперь по всей формѣ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

2 [illegible] 1804 г. [illegible] свой [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] надъ огромной имперіей вмѣстѣ со своими родственниками и приближенными, которымъ онъ раздавалъ короны и титулы какъ другіе короли — золотые [illegible]. [illegible] прилась Европа подъ гладычествомъ всѣхъ этихъ выскочекъ. Эти маршалы, выходившіе побѣдителями изъ сотенъ сраженій, какъ Мюратъ, Ней, Сультъ, Массена, Ожеро, Даву, Бернадотъ, Ланнъ, Бертье и Мармонъ, были всѣ, подобно своему императору, незнатнаго происхожденія, и ихъ такъ же вознесъ на высоту вихрь революціи. Нѣкоторые изъ нихъ были раньше простыми ремесленниками или рабочими. Они управляли не лучше, но и не хуже, чѣмъ старыя династіи. Они наполнили міръ военнымъ громомъ, которому равнаго почти не встрѣчается въ исторіи. Они превратили свою эпоху въ безпрерывную цѣпь битвъ, опустошеній, бѣдствій и хищничества. Міръ содрогался подъ ихъ желѣзною поступью. Но какими могучими ни казались каждый изъ нихъ въ отдѣльности, всѣ они стушевывались въ сравненіи съ фигурой [illegible] [illegible] образъ въ памяти народовъ. И эта историческая фигура словно ураганъ, пронесшаяся надъ Европою, еще надолго [illegible] въ памяти [illegible].

[illegible] самодержавнымъ [illegible] казался, пришлось лишь выполнить историческую миссію, которой онъ самъ не бралъ на себя, но которая была ему навязана обстоятельствами.

Въ медовые мѣсяцы революціи казалось, что францу-зовъ обуреваетъ только одна страсть — любовь къ свободѣ. Все дышало воодушевленіемъ, энтузіазмомъ, стремленіемъ къ самопожертвованію и [illegible]. Въ какомъ-то безграничномъ, чарующемъ ослѣпленіи этотъ народъ ради свободы съ радостью жертвовалъ своимъ покоемъ, имуществомъ и кровью.

Воодушевленіе исчезло, когда народъ увидѣлъ, что хотя его жизнедѣятельность и была повышена подъ напоромъ революціонной энергіи, онъ все же не вышелъ изъ заколдованнаго круга нищеты. Энтузіазмъ буржуазіи исчезъ, когда борьба за идеи начала уступать мѣсто борьбѣ за интересы. Споръ за конституцію 1791 г. велся еще во имя идей. Но паденіе феодализма очистило во Франціи мѣсто для буржуазнаго общества, и новая эпоха была всецѣло поглощена буржуазными интересами. Мы видѣли, что попытка создать чистую демократію потерпѣла крушеніе, благодаря доктринерскому духу вождей народной демократіи. Почтенная буржуазія сдѣлалась во Франціи господствующимъ классомъ, и массѣ пришлось склониться предъ ея господствомъ, какъ нѣкогда третьему сословію приходилось склониться передъ господствомъ феодализма.

Ставшая господствующимъ классомъ новая буржуазія — независимо отъ того, было ли ея благосостояніе основано на движимомъ или недвижимомъ имуществѣ, — вскорѣ отбросила отъ себя, какъ ненужное тряпье, всѣ идеалы. Для этой буржуазіи основанный Наполеономъ французскій банкъ и его кредитъ были важнѣе, чѣмъ всѣ теоріи стараго и новаго міра. Для нея революція имѣла значеніе лишь постольку, поскольку она способствовала измѣненію имущественныхъ отношеній. Такъ же обстояло дѣло и съ многочисленнымъ классомъ крестьянъ и земледѣльцевъ. Они захватили во время революціонныхъ бурь имѣнія духовенства и эмигрантовъ и теперь спокойно сидѣли на своихъ угодьяхъ и участкахъ. Они опасались лишь одного — что эмигранты и старая династія вернутся и потребуютъ у нихъ обратно свою собственность. Военное могущество Наполеона давало имъ [illegible] невозможности возстановленія старой [illegible], и потому [illegible] особенно преданы Наполеону. Наполеонъ былъ солдатскимъ и крестьян-

скимъ [illegible]. [illegible] императоръ прекрасно зналъ, что при надобности онъ можетъ положиться на крестьянъ.

Землевладѣльцы и буржуа получали спокойствіе, которое было необходимо имъ для накопленія капиталовъ, а крестьяне желали спокойно обрабатывать свои земли. Поэтому эти классы равнодушно относились къ тому, что Наполеонъ возвелъ надъ буржуазнымъ обществомъ надстройку деспотически-іерархическаго военнаго государства; имъ хотѣлось только, чтобы онъ охранялъ спокойствіе внутри страны, благодаря чему были бы обезпечены новыя имущественныя отношенія, и чтобы онъ отражалъ нападенія враждебныхъ державъ, цѣлью которыхъ было возстановленіе во Франціи стараго порядка. Въ этомъ и заключалась миссія Наполеона: его войны служили оградой для новаго буржуазнаго соціальнаго строя во Франціи.

Только при поверхностномъ анализѣ можетъ показаться, что наполеоновскія войны объясняются исключительно тщеславіемъ этого могучаго генія. Причина же ихъ кроется въ томъ, что старыя феодальныя державы продолжали вести борьбу противъ новаго буржуазнаго строя во Франціи. Но грубое насиліе войны не позволяетъ побѣдителю оставить побѣжденному его прежнюю мощь. Онъ долженъ ослабить побѣжденнаго и самъ укрѣпиться за его счетъ. Отсюда, какъ необходимое слѣдствіе, вытекаютъ завоеванія. Завоеванія Наполеона являлись для него источникомъ все новыхъ войнъ, ибо побѣдитель не можетъ отказаться безъ борьбы отъ плодовъ своей побѣды изъ опасенія ослабить свой престижъ. Наполеонъ долженъ былъ завоевывать, чтобы сохранить за собой свои завоеванія. Такимъ образомъ, этотъ великій человѣкъ велъ одну войну за другой и растрачивалъ свои силы на основаніе и закрѣпленіе за собой непрочныхъ государствъ,—онъ, чей геній и чья энергія могли бы превратить Францію въ счастливѣйшую страну въ Европѣ.

Все же его мирная дѣятельность довольно значительна, если принять во вниманіе, что за всю его бытность императоромъ не стихалъ звонъ оружія. Его строительная дѣятельность была очень [illegible]. Имъ было проложено болѣе 7000 [illegible] шоссейныхъ и [illegible] дорогъ, и судоходныя рѣки были соединены между собою десятью большими ка-

машинъ. Въ [illegible] было [illegible]
путей сообщенія и проложилъ широкія дороги черезъ Сим-
плонъ, Монъ-Сени и Монъ-Женевръ. При немъ было также
построено много гаваней, молловъ, шлюзовъ и т. д. Въ осо-
бенности Парижъ обязанъ ему [illegible] улучшеній
и украшеній: онъ сооружалъ мосты, общественныя площа-
ди, магазины, бойни, крытыя галлереи для рынковъ и воз-
велъ много другихъ великолѣпныхъ общественныхъ зданій.
Одну часть [illegible] онъ занималъ сооруженіями,
а другая находилась на [illegible] сраженій. Такимъ образомъ,
при немъ почти совершенно не ощущалось недовольства
массъ.

При немъ былъ [illegible] своимъ [illegible],
состоявшій изъ пяти томовъ и получившій названіе Кодекса
Наполеона. Онъ еще и до сихъ поръ во многихъ отноше-
ніяхъ считается образцовымъ. Кодексъ распадается на гра-
жданское уложеніе, гражданское судопроизводство, торговое
уложеніе, уголовное судопроизводство и уголовное уло-
женіе.

Не успѣлъ Наполеонъ возложить на свою голову импе-
раторскую корону, какъ ему пришлось снова отправиться
въ походъ. Онъ двинулся противъ Австріи и Россіи, при
Ульмѣ онъ взялъ въ плѣнъ австрійскую армію, которой
командовалъ Макъ, а 2 декабря 1805 г. надъ нимъ взошло
солнце Аустерлица. Хотя Англія на морѣ и осталась побѣ-
дительницей, но Нельсонъ заплатилъ за побѣду при Тра-
фальгарѣ своей жизнью.

Послѣ пораженія Австріи Пруссія примкнула къ коали-
ціи, но Наполеонъ [illegible] коалиціи. Сраженіе
битва при Іенѣ сломила Пруссію; чтобъ оправиться, ей по-
надобилось много времени.

Наполеонъ дошелъ до русской границы и продикто-
валъ въ Тильзитѣ миръ, [illegible] ослабившій Пруссію. Конти-
нентальная борьба съ Англіей приняла тогда новую форму:
Наполеонъ велъ ее посредствомъ такъ называемой конти-
нентальной системы. Онъ закрылъ для англійской торговли
всѣ страны, которыя были подчинены ему или находились
подъ его вліяніемъ. Несомнѣнно, что онъ причинилъ бри-
танскимъ торговцамъ неисчислимые убытки, но едва ли
убытки европейскаго континента были меньше.

Он[illegible] [illegible], [illegible] [illegible] и [illegible]-
[illegible] [illegible] и [illegible]. [illegible] из
природы [illegible] [illegible] [illegible] для него самымъ со-
бытіемъ, [illegible] котораго [illegible] [illegible] [illegible] соотвѣт-
ствующую [illegible]. [illegible] [illegible] Неаполитан-
ское [illegible] [illegible] [illegible] своимъ
шуриномъ Мюратомъ, а [illegible] сдѣлался испанскимъ ко-
ролемъ. Братъ его Людовикъ получилъ Голландское коро-
левство.

Государственныя [illegible] Наполеона были огром-
ны, но [illegible] [illegible] его [illegible]. Онъ
[illegible] [illegible] [illegible] вопросомъ о воз-
[illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] что
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible], стали на
сторону Наполеона съ [illegible], напоминавшимъ
времена [illegible].

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] случай со-
здать [illegible] [illegible] Польшу [illegible] въ [illegible]
оплотъ противъ Россіи. Но Наполеонъ обманулъ поляковъ.
[illegible] [illegible] послѣ [illegible] Пруссіи въ дружбу съ Але-
ксандромъ I [illegible] [illegible], въ
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] завоева-
ній и презрѣніе къ [illegible], онъ [illegible] и слѣдовало ожидать.
[illegible] о старой Польшѣ, [illegible] [illegible] лишь
[illegible] [illegible]. [illegible] съ [illegible] вѣ-
рились въ надежду, что Наполеонъ вернетъ ихъ отечеству
свободу и самостоятельность; [illegible] служили они подъ
его [illegible] [illegible] [illegible] къ нему почти
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
равнодушіемъ [illegible]. [illegible] съ презрѣніемъ къ
человѣческому роду. Ему [illegible] [illegible] дорого запла-
тить за свое [illegible] [illegible] къ Польшѣ. [illegible]
[illegible] [illegible] ему пришлось раскаяться, что
онъ не отнесся къ полякамъ съ большимъ доброжелатель-
ствомъ. Когда же въ 1812 году противъ него выступила со-
[illegible] большая коалиція, [illegible] [illegible] съ [illegible] [illegible]-
[illegible] о томъ, что [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
Россію, [illegible] ей сильную Польшу.

Пятъ [illegible] [illegible] Наполеона [illegible] Германская
имперія. [illegible] Наполеона относительно Германіи [illegible]-

лась [illegible] ... [illegible] въ [illegible]
степени [illegible] ... [illegible]. Онъ [illegible] Рейнскій
союзъ, [illegible] ... [illegible] рстовъ
въ [illegible] ... [illegible] до вели-
каго герцогства [illegible] ... [illegible] Вестфалію
онъ отдалъ своему брату [illegible] ... [illegible]
головушкѣ. [illegible] ... [illegible] и раз-
дробить Германію, понимая что слабость Германіи является
условіемъ могущества Франціи.

При французскомъ владычествѣ въ Германіи были про-
[illegible] ... [illegible]
народъ [illegible] ... [illegible]
назадъ можно было еще [illegible] у нѣкоторыхъ стари-
ковъ. Народъ [illegible] сильно страдалъ [illegible] неустройства, вы-
званнаго [illegible] Германіи, [illegible]
зался ему избавителемъ. Онъ до [illegible] степени облег-
чилъ положеніе народа въ той части Германіи, которая на-
ходилась въ его власти и во власти его [illegible]. Онъ ввелъ
здѣсь французское судопроизводство, [illegible]
[illegible] и проч. Но бремя его [illegible] скоро [illegible]
сило данныя имъ странѣ льготы. Постоянныя передвиженія
его войскъ по странѣ, грубыя выходки солдатъ, [illegible]
ство его [illegible] и агентовъ, контрибуціи и наборы для
его арміи, полиція и система шпіонства — все это вызвало
ненависть къ насильственному владычеству французовъ, по-
[illegible] къ [illegible] Наполеона. [illegible]
численный народъ, какъ нѣмецкій, [illegible] не-
ціональной независимости, сдѣлать для него навсегда невоз-
можнымъ естественный возвратъ къ прежнему единству —
было столь же безумнымъ, [illegible]
номъ, и такой [illegible] еще [illegible] въ
головѣ какого-нибудь азіатскаго деспота. Акты насилія,
въ родѣ разстрѣла книгопродавца Пальма, еще болѣе разду-
вали [illegible] въ народѣ пламя гнѣва.

[illegible] отношенія Гер-
манія къ Франціи въ періодъ различныхъ фазисовъ револю-
ціи и во времена имперіи въ книгѣ знаменитаго Карно, опу-
бликованной уже его внукомъ, [illegible] третьей Фран-
цузской республики.

«Со времени нашихъ первыхъ [illegible] движеній, — говоритъ

Карно, — нѣмецкій народъ инстинктивно чувствовалъ, что совершается явленіе, въ которомъ заинтересовано все человѣчество. Лучшимъ доказательствомъ этому служитъ всеобщее ликованіе по поводу разрушенія Бастиліи. Уничтоженіе государственной тюрьмы возставшимъ народомъ—событіе, которое при другихъ обстоятельствахъ носило бы случайный, мѣстный характеръ, получило значеніе символа — символа уничтоженія тиранніи. Здѣсь разрушались не стѣны, а идея. Поэтому взятіе Бастиліи отпраздновано было всѣми народами, поэтому его изображали на сценѣ и увѣковѣчили карандашомъ и кистью. Знаменитый нѣмецкій граверъ по мѣди Ходовецкій остроумно истолковалъ это событіе, изобразивъ солнце, подымающееся надъ развалинами знаменитой крѣпости». Затѣмъ Карно говоритъ о томъ, что наиболѣе выдающіеся умы Германіи, какъ Клопштокъ, Виландтъ, Фоссъ, Гете, Шиллеръ, Кантъ, Генрихъ Кампе, Вильгельмъ Гумбольдтъ, Фихте, Варнгагенъ, Форстеръ, Бюргеръ и Бетховенъ, открыто выражали свои симпатіи освободительному движенію, и продолжаетъ: «Лучшіе люди Германіи были увлечены французскимъ движеніемъ. Нѣмецкій народъ, нападая на насъ, отнюдь не руководился чувствомъ національной антипатіи или желаніемъ задушить революцію. Такое желаніе было только у союзныхъ монарховъ. Даже война не вызвала той ненависти, которая впослѣдствіи проявилась съ такой силой. Когда возникли надежды на миръ, онѣ были встрѣчены съ одинаковой радостью на обоихъ берегахъ Рейна. Вѣрно, что многіе иностранцы, объявившіе себя сторонниками нашей революціи, впослѣдствіи отвернулись отъ насъ при видѣ нашихъ заблужденій, но они сдѣлали это не вслѣдствіе провозглашенія новыхъ принциповъ. Исторія доказываетъ, что необузданныя проявленія національнаго гнѣва — я не говорю о преступленіяхъ, которыя осуждаются всѣми безъ исключенія,—почти всегда бывали отвѣтомъ на угрожающія провокаціи: на заговоры внутри страны, сношенія съ непріятелемъ, интриги, угрожавшія нашему существованію, не только какъ республики, но и какъ націи, а извнѣ — на оскорбленія, нападенія, подстрекательство къ междоусобной войнѣ и примѣненіе нечистоплотныхъ и позорныхъ средствъ, противныхъ обыкновенному чувству порядочности (напр., поддѣлка кредитныхъ билетовъ). И все

это направлялось противъ гордаго народа, который нигдѣ не проявлялъ желанія закрѣпостить свободу другихъ и хотѣлъ лишь постоять за свою свободу. Учрежденіе консульства возбудило какъ во Франціи, такъ и въ Германіи надежду на то, что новый образъ правленія окажется благопріятнымъ для новыхъ идей; но страшное разочарованіе, смѣнившее надежды, повлекло за собой въ обѣихъ странахъ недовольство друзей свободы. Далѣе, политическое расчлененіе Германіи путемъ образованія Рейнскаго союза, вторженіе Наполеона въ Пруссію, а главное, тѣ униженія, которымъ побѣдитель подвергалъ побѣжденныхъ, отвратили отъ насъ сердца нѣмцевъ, питавшихъ къ намъ чувство симпатіи. Патріоты сочли своимъ долгомъ во что бы то ни стало смыть позоръ съ своего отечества. А народъ страстно откликнулся на страстное же обращеніе къ національному чувству. Въ народѣ, который до сихъ поръ не относился къ намъ враждебно, даже во время борьбы съ нами, систематически воспитывали чувство ненависти къ намъ, довели это чувство до пароксизма, и народъ сдѣлался нашимъ непримиримымъ врагомъ. Въ этомъ, можетъ быть, заключается величайшій упрекъ, который философія, исторія и политика могутъ бросить Наполеону».

Въ то время, какъ Наполеонъ, такимъ образомъ, создавалъ себѣ изъ нѣмцевъ непримиримыхъ враговъ, въ то время, какъ онъ ослаблялъ Пруссію и раздроблялъ Германію, между нимъ и императоромъ Александромъ продолжалась та странная дружба, о которой трудно сказать, насколько она была искренней. Вѣроятно, ни одинъ изъ обоихъ автократовъ не довѣрялъ другому, и царь втайнѣ ненавидѣлъ наслѣдника революціи. Но каждый изъ нихъ разсчитывалъ воспользоваться могуществомъ другого. Казалось, что они хотятъ подѣлить между собой весь міръ. Оба великолѣпно играли свои роли, а особенно мастерски проводилъ свою роль императоръ Александръ.

Когда Тальма, играя въ Эрфуртѣ передъ знаменитымъ «партеромъ королей», произнесъ слова: «Дружба великаго человѣка есть милость Божья», Александръ пожалъ руку Наполеону, наклонился къ нему и сказалъ: «Я никогда не чувствовалъ этого такъ сильно, какъ теперь».

Дружба прекратилась потому, что, въ концѣ концовъ,

[illegible], что Наполеонъ намѣренъ возстановить Польшу.

Въ Испаніи, которую Наполеонъ всю занялъ своими войсками, ему оказывали упорное и непреодолимое сопротивленіе. Эта страна постоянно играла для его имперіи роль открытой раны. А когда Англія пришла на помощь испанцамъ, Наполеонъ навсегда потерялъ возможность сломить ихъ, и Англія пріобрѣла то, чего ей такъ недоставало — за[illegible] сухопутное войско.

Вліяніе Англіи на Австрію привело, наконецъ, къ тому, что въ 1809 г. послѣдняя снова взялась за оружіе. Она полагала, что Германія уже созрѣла для возстанія и выпустила воззваніе, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: «Свобода Европы спаслась подъ знамена Австріи». Но Германія не поднялась, и Австрія была побѣждена: великая битва при Ваграмѣ рѣшила ея участь.

Наполеонъ достигъ апогея своего могущества и изъ тщеславія рѣшилъ взять себѣ въ жены принцессу изъ стариннаго царствующаго дома. Онъ развелся по государственнымъ соображеніямъ съ Жозефиной, которая не родила ему наслѣдника, и женился на Маріи-Луизѣ, дочери австрійскаго императора, женщинѣ незначительной во всѣхъ отношеніяхъ. Въ 1811 году она родила ему сына, котораго онъ надѣлилъ титуломъ короля римскаго. Въ громкихъ титулахъ у него никогда не было недостатка.

Въ то время, какъ Германія съ помощью военныхъ реформъ Шарнгорста готовилась къ неизбѣжной борьбѣ съ завоевателемъ, и «Союзъ добродѣтели» сѣялъ въ народѣ ненависть къ французамъ, между Александромъ и Наполеономъ произошелъ конфликтъ, заставившій всю Европу взяться за оружіе. Ненасытная военная машина Наполеона не могла стоять безъ дѣла, а Александръ вызвалъ неудовольствіе Наполеона тѣмъ, что не соблюдалъ по отношенію къ Англіи континентальной системы. Обоимъ соперникамъ за господство надъ Европой пришлось помѣриться силами. И Наполеонъ двинулся на Россію.

Судьба Карла XII должна была послужить ему предостереженіемъ. Чтобы завоевать Россію, нужно быть монголомъ или русскимъ. Но самомнѣніе Наполеона достигло въ это время своего апогея, и это только ускорило его гибель. Жизн

сь во главѣ древней Римской имперіи, онъ, несомнѣнно, провозгласилъ бы себя богомъ. Недаромъ онъ на островѣ св. Елены утверждалъ, что большая комета 1811 года появилась исключительно ради него!

Съ огромной арміей — болѣе чѣмъ въ 500,000 человѣкъ,—для которой всѣ вассалы и союзники Французской имперіи должны были поставить солдатъ, Наполеонъ вторгся въ 1812 году въ Россію. Его правое крыло направилось на югъ, а лѣвое противъ Петербурга. Центръ одержалъ побѣду надъ русскими въ кровавыхъ битвахъ при Смоленскѣ и Бородинѣ, близъ Москвы, и Наполеонъ вступилъ въ Москву, которую русскіе подожгли со всѣхъ сторонъ. Наполеону пришлось идти назадъ, и во время отступленія, благодаря суровости русской зимы, погибла вся его армія.

Это пораженіе произвело потрясающее впечатлѣніе. Большинство невольныхъ и добровольныхъ союзниковъ Наполеона отпало отъ него. Пруссія соединилась съ Россіей и Англіей, къ нимъ примкнула Австрія. Рейнскій союзъ и Италія остались на сторонѣ Наполеона. Великая борьба 1813 года началась въ Саксоніи; послѣ перемѣннаго военнаго счастья, Наполеонъ, благодаря огромному численному перевѣсу союзныхъ войскъ, былъ разбитъ на-голову въ трехдневной гигантской битвѣ при Лейпцигѣ и бѣжалъ за Рейнъ, послѣ чего и рейнскіе князья отпали отъ него. Въ 1814 г. союзники перешли черезъ Рейнъ и послѣ кровавыхъ битвъ, во время которыхъ Наполеонъ снова обнаружилъ весь свой блестящій военный талантъ, взяли Парижъ. Въ Фонтенебло Наполеонъ отрекся отъ трона и получилъ во владѣніе островъ Эльбу съ титуломъ императора.

На французскій тронъ союзниками былъ посаженъ подъ именемъ Людовика XVIII графъ Провансскій, братъ Людовика XVI. Онъ вернулся съ эмблемами стараго режима обратно во Францію «на девятнадцатомъ году своего правленія», какъ онъ говорилъ. Этому Бурбону ничего не стоило вычеркнуть изъ исторіи времена республики и имперіи.

Хотя онъ и далъ «конституціонную хартію», которая была болѣе конституціонна, чѣмъ далай-ламская конституція періода имперіи, однако недовольство при этой реставраціи было очень велико. Бремя налоговъ вызывало всеобщее озлобленіе, офицерамъ Наполеона пришлось терпѣть

разныя униженія, — и вотъ, пока союзники, собравшись на конгрессъ въ Вѣну, обсуждали вопросъ о новой политической физіономіи Европы, во Франціи образовался извѣстный бонапартистскій заговоръ. Наполеонъ въ мартѣ 1815 года бѣжалъ съ Эльбы, высадился во Франціи и съ тріумфомъ вступилъ въ Парижъ, такъ какъ всѣ войска перешли на его сторону. Людовикъ XVIII бѣжалъ въ Гентъ. Введя всѣ прежніе порядки, Наполеонъ обнародовалъ дополнительный актъ къ своей конституціи. Но онъ не сдержалъ данныхъ имъ при возвращеніи либеральныхъ обѣщаній и вскорѣ вызвалъ недовольство, такъ какъ снова началъ править въ прежнемъ абсолютистскомъ духѣ.

Союзники объявили Наполеона внѣ закона. Въ ихъ прокламаціи говорилось:

«Наполеонъ Бонапартъ, врагъ и нарушитель спокойствія всего міра, объявляется внѣ всякихъ гражданскихъ и общественныхъ законовъ и предается общественному преслѣдованію».

Едва ли какая-либо изъ великихъ державъ, объявившихъ Бонапарта внѣ закона, не нарушала мира въ такой же степени, какъ и Наполеонъ.

Арміи союзниковъ направились къ Рейну, но судьба Наполеона рѣшилась уже въ Бельгіи. Сперва онъ разбилъ пруссаковъ при Линьи, но затѣмъ 18 іюня 1815 года при Ватерлоо сдѣлалъ неудачное нападеніе на англичанъ, которые съ помощью подоспѣвшихъ пруссаковъ разбили его на голову. Его армія была уничтожена. Вскорѣ Парижъ вторично увидалъ въ своихъ стѣнахъ войска союзниковъ. Наполеонъ снова отказался отъ престола и сдался англичанамъ, которые обошлись съ нимъ, какъ съ военноплѣннымъ, и заточили его на одиноко лежащій среди океана скалистый островъ Св. Елены. Тамъ Наполеонъ послѣ своей героической карьеры прожилъ еще шесть лѣтъ, снѣдаемый гнѣвомъ и злобой вслѣдствіе мелочныхъ придирокъ своихъ тюремщиковъ. Умеръ онъ 5-го мая 1821 года.

Вторая реставрація [illegible] Франціи, какъ опустошительный ураганъ. Съ королемъ Людовикомъ XVIII вернулись обратно всѣ представители стараго режима и, обуреваемые жаждой мести, набросились на всѣхъ, кто сколько-нибудь скомпрометировалъ себя за время 100 дней, [illegible]

женіе которыхъ перетерпѣлъ Наполеонъ по своемъ возвращеніи съ Эльбы. Множество [illegible] людей подверглось кровавой расправѣ, въ которой воспроизводился рядъ дикихъ оргій мести со стороны роялистской черни; власти не пытались даже противодѣйствовать этому и не преслѣдовали зачинщиковъ. Цѣлый рядъ выдающихся бонапартистовъ былъ изгнанъ изъ страны; точно такъ же были изгнаны изъ Франціи какъ «убійцы короля» всѣ тѣ члены конвента, которые были еще въ живыхъ и не проявили приверженности къ роялизму. «Бѣлый терроръ» свирѣпствовалъ во Франціи [illegible] едва ли съ меньшей силой, чѣмъ красный терроръ 1793 года въ пылу гражданской войны.

Такимъ образомъ, оказалось, что съ внѣшней стороны во Франціи былъ возстановленъ дореволюціонный политическій строй. Была конституція, но она имѣла очень мало значенія. Правилъ этой конституціи уже больше не осмѣливались; это было немыслимо послѣ того, какъ Франція подверглась такой коренной ломкѣ. Но и [illegible] результатомъ революціи экономическихъ отношеній нельзя уже было втиснуть въ старыя рамки. Это должно было бы неизбѣжно повлечь за собой полную запутанность отношеній. Владѣльцевъ національныхъ земель, отчужденныхъ во время революціи, нельзя было просто экспропріировать. Во-первыхъ, за протекшій со времени революціи срокъ земля часто переходила изъ рукъ въ руки; многіе изъ первоначальныхъ владѣльцевъ умерли за [illegible], а нѣкоторые не предъявляли больше своихъ претензій на землю. Старое феодальное зданіе не могло уже быть снова возведено. Реставраціи приходилось считаться съ этимъ и не вызывать конфликта съ многочисленнымъ крестьянствомъ, [illegible] стей или пріобрѣтенную во время революціи землю, хотя съ самой революціей они уже давно порвали.

Легко понять, что [illegible] этп [illegible] 1814 года [illegible]

возмѣщеніи убытковъ эмигрантамъ, который и былъ принятъ съ нѣкоторыми измѣненіями. Согласно этому закону, эмигранты получили возмѣщеніе въ одинъ милліардъ въ видѣ трехпроцентной ренты, дававшей 30 милліоновъ въ годъ. Но послѣ іюльской революціи 1830 года было принято другое рѣшеніе, и рента была изъята изъ обращенія.

Такимъ образомъ феодализмъ, понеся огромныя потери, утратилъ свою историческую роль и не могъ уже больше подняться во Франціи, потому что его могущество покоилось на его собственности и привилегіяхъ. Революція лишила его того и другого, и реставрація не могла ихъ ему вернуть.

Прочнымъ наслѣдіемъ французской революціи явился «свободный крестьянинъ». Но былъ ли онъ свободенъ въ дѣйствительности? Нѣтъ. Онъ остался все тѣмъ же «glebae adscriptus», прикованнымъ къ землѣ человѣкомъ, хотя ему уже и не приходилось отдавать большую часть своихъ доходовъ помѣщику. Мы уже указывали, что революція сдѣлала роковую ошибку, раздробивъ землю на мелкіе участки. Временно это мѣропріятіе достигло цѣли, ибо оно заставило примкнуть къ революціи массу мелкихъ землевладѣльцевъ. Мы видѣли поведеніе мелкихъ землевладѣльцевъ въ разные періоды революціи. Они были могущественнѣйшимъ оплотомъ имперіи и являлись сторонниками всякой реакціи, лишь бы она обезпечивала неприкосновенность ихъ собственности и служила залогомъ того, что земля не будетъ у нихъ отнята. Поэтому-то реставрація относилась къ нимъ съ особенной осторожностью и устроила такъ, чтобы вознагражденіе эмигрантамъ выплачивалось не одними только владѣльцами прежнихъ національныхъ земель, а всѣмъ французскимъ народомъ.

И [illegible] не [illegible] начертанной ей исторіей судьбы. Земельная собственность все болѣе дробилась, и положеніе французскаго крестьянина все болѣе [illegible]

[illegible]

участка, окончилось неудачей французское возстаніе 1848 года; наполеоновская легенда довершила дѣло, и на престолъ былъ вторично возведенъ въ лицѣ Наполеона III крестьянскій король. Все шло по образцу 1799 г., и 2-го декабря 1851 года было лишь вторымъ изданіемъ 18 брюмера 1799 г., правда, по своимъ причинамъ и слѣдствіямъ весьма ухудшеннымъ.

Тѣмъ грандіознѣе были и являются еще нынѣ моральныя слѣдствія великой французской революціи. Она внесла въ общество демократическій духъ, который невозможно уничтожить. Отмѣнивъ сословія, она провозгласила равенство, вылившееся практически въ равноправіе или равенство всѣхъ передъ закономъ, что для того времени было огромнымъ шагомъ впередъ. Она образовала фундаментъ для новаго буржуазнаго общества. Буржуазное общество замѣнило старое сословное господство классовымъ господствомъ и подчеркнуло привилегированность положенія имущихъ классовъ сравнительно съ неимущими. Это преимущество хотя и не утверждено законодательнымъ путемъ, но существуетъ фактически, а потому проявляется и въ современномъ буржуазномъ законодательствѣ. Главная задача нашего времени состоитъ въ томъ, чтобы сгладить тѣ противорѣчія, на которыхъ покоится классовое господство. Задача эта занимаетъ насъ въ формѣ такъ называемыхъ соціальныхъ вопросовъ.

Французская революція представляетъ собой, можетъ быть, самую интересную изъ всѣхъ историческихъ эпохъ, и изученіе ея весьма поучительно. Сколько въ ней блестящихъ и интересныхъ фигуръ, сколько преступленій и подвиговъ, сколько благородства и подлости, сколько героизма и холопства, сколько крови и благодѣтельныхъ результатовъ. Мы, нѣмцы, съ ужасомъ отворачиваемся отъ кровавыхъ катастрофъ, отъ убійства беззащитныхъ, ибо это не въ нашей натурѣ. Романскимъ народамъ болѣе свойственна черта жестокости и неумолимости по отношенію къ побѣжденнымъ. Наша исторія доказываетъ это; въ ней встрѣчается очень мало случаевъ массоваго избіенія беззащитныхъ, а въ нашей новѣйшей исторіи ихъ совсѣмъ нѣтъ. Со времени великой рѣзни на Верденскомъ полѣ, когда Карлъ Великій приказалъ убить 4500 безоружныхъ плѣнныхъ саксовъ, про-

гию уже болѣе тысячи лѣтъ; такія жестокости могли имѣть мѣсто, пожалуй, еще только во время тридцатилѣтней войны, когда почти всѣ націи Европы избрали ареной своихъ раздоровъ нѣмецкую почву. Кровавыя расправы гражданскихъ войнъ Франціи, Италіи, Испаніи и Южной Америки не соотвѣтствуютъ [illegible] германскаго [illegible] и добродушнѣе и не поддается такъ порывамъ дикихъ страстей, какъ выросшіе подъ южнымъ солнцемъ романскіе народы со своей кипучей кровью.

Однако, многія интересныя и притягательныя явленія французской революціи породили извѣстный родъ революціоннаго романтизма, который уже неоднократно оказывалъ гибельное вліяніе. Есть мечтатели и фанатики, считающіе свою жизнь неинтересной, потому что имъ не было суждено жить въ столь же бурную эпоху. Они живутъ въ убѣжденіи, что въ міровой исторіи все до мелочей вѣчно повторяется, и съ ребяческой [illegible] ждутъ того часа, когда наступитъ и [illegible] революція.

Если долго прожить на одномъ мѣстѣ и затѣмъ уѣхать, то воспоминанія объ этомъ мѣстѣ принимаютъ обыкновенно своеобразный характеръ. Все или почти все непріятное, противное и неудобное, связанное съ этимъ мѣстомъ, исчезаетъ обыкновенно изъ нашей памяти или кажется намъ болѣе сноснымъ. Напротивъ, все прекрасное, пріятное и возвышенное воскресаетъ въ нашей памяти съ удвоенной силой. При возвращеніи на прежнее мѣсто мы преисполнены пріятныхъ воспоминаній и столкновеніе съ неприкрашенной дѣйствительностью обыкновенно вызываетъ разочарованіе.

То же самое происходитъ при изслѣдованіи историческихъ эпохъ. Если мы разсматриваемъ ихъ поверхностно и издалека, мы видимъ въ нихъ лишь интересное и пріятное. Но стоитъ намъ углубиться въ причины и слѣдствія, какъ наряду съ интересными и блестящими явленіями обнаруживаются и тѣневыя стороны даннаго періода. Ихъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, ибо, въ противномъ случаѣ, можно составить себѣ превратное понятіе обо всемъ. Романтики же имѣютъ обыкновеніе [illegible] не замѣчать тѣневыхъ сторонъ.

Одинъ уважаемый нами историкъ какъ-то замѣтилъ, что ужасать народы [illegible] такъ же

преступникамъ и давать поразительно невѣрныя геогра-
фическія карты. Онъ правъ, и мы стараемся слѣдовать его
указаніямъ. Поэтому мы много останавливались на [illegible]
[illegible]
сколько страданій [illegible] выходу при по-
добномъ переворотѣ, какія потоки кровью и имуществомъ
ему приходится [illegible] въ то
время, какъ плоды [illegible]
ются почти всегда [illegible].

Мы видимъ, что истинныя пріобрѣтенія для всего обще-
ства достигаются всемірной [illegible] и съ
[illegible] трудомъ. [illegible]
ная постепенность [illegible] исторія
французской революціи из сотни примѣровъ [illegible]
[illegible]
[illegible]
отдѣляетъ насъ отъ эпохи французской революціи, и за
этотъ періодъ произошло много перемѣнъ. Мы подняли уро-
вень общего образованія [illegible]
[illegible]
[illegible] гу-
лась и торжествуетъ побѣду [illegible] кулака. [illegible]
манности продолжила себѣ путь. Это даетъ намъ право на-
дѣяться, что перевороты [illegible],
примутъ болѣе [illegible] формы.

Если вѣрно, что будущность принадлежитъ демократіи,
то иначе и быть не можетъ. «Наука — вотъ храмъ демокра-
тіи»,—говоритъ [illegible]. Съ ея помощью
демократія, [illegible] которой
является теперь рабочій классъ, должна приблизиться къ
разрѣшенію жгучихъ современныхъ вопросовъ. Тамъ, гдѣ
царитъ наука, немыслимо [illegible].

Міровая исторія [illegible].
Только тщательное и честное изученіе прошлаго дастъ намъ
возможность [illegible] о томъ, [illegible] наше бу-
дущее.

